ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 3. Мартъ. 1913.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1913.

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

Памяти Т. Н. Грановскаго. *А. К. Дживелегова* 5

Греческіе, римскіе и новые гуманисты о женщинѣ и ея образованіи. *М. М. Покровскаго* 7

Светозаръ Марковичъ (страница изъ исторіи общественныхъ движеній въ Сербіи) *В. Викторова - Топорова* 30

Источники разсказа Л. Н. Толстого: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ». *А. Е. Грузинскаго* 52

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (гл. III «Главная черта характера Петрашевскаго»). *В. И. Семевскаго* 64

II. Воспоминанія:

Дневникъ Этьена Дюмона объ его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г. Сообщ. *С. М. Горяиновымъ* 80

Записки А. В. Поджіо. Сообщ. *А. И. Яковлевымъ* 109

Замѣтки Л. В. Дубельта. Сообщено *Л. Ѳ. Пантелѣевымъ*. Съ предисловіемъ *С. П. Мельгунова* 127

За полвѣка. *П. Д. Боборыкина* 172

III. Матеріалы:

Изъ неизданной переписки Н. В. Гоголя съ предисловіемъ *В. В. Каллаша и П. Н. Сакулина* 206

Грановскій и Шевыревъ. *Ю. М. Соколова* 212

Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщено *В. И. Семевскимъ* 217

Забота о «довѣріи» общества къ суду. Сообщено *В. Я. Богучарскимъ* 230

IV. Обзоръ журналовъ:

1. Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова. *А. А. Кизеветтера*: 2. Воспоминанія г. Вырубова о П. Л. Лавровѣ. *Н. С. Русанова*. 3. Изъ исторіи русской литературы. *Н. Л. Бродскаго*. 4. Тайная полиція во Франціи и Австріи въ эпоху реставраціи. *А. М. Васютинскаго*. Статьи въ февральскихъ журналахъ. По личному вопросу (по поводу замѣтки М. Н. Покровскаго въ № 1). *А. А. Корнилова* 231

V. Критика и библіографія:

Рецензіи: *Ю. М. Стеклова, П. С. Попова, И. С. Рябинина, А. М. Гнѣвушева, Н. П. Сидорова, А. А. Кожевникова, Л. С. Козловскаго, Б. М. Соколова, Н. М. Мендельсона, П. Н. Сакулина, А. А. Гизетти, Н. И. Романова, В. Я. Адарюкова, В. П. Пичета* и др. *Новыя книги* 251

Стр.

VI. Хроника:

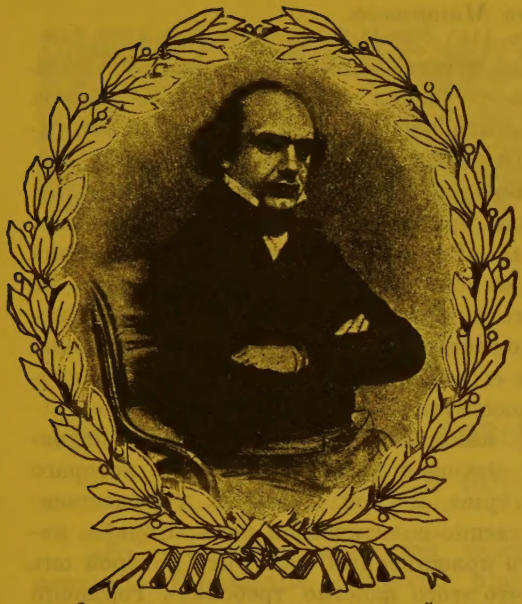
Т. И. Полнеръ, В. В. Самойловъ (къ столѣтію со дня рожденія). *Л. И. Гальберштадтъ.* «Къ юбилею Румянцевскаго музея». *М. С. Сергѣевъ.* Выставка древняго искусства. *В. Н. Щепкинъ.* Миніатюра Сійскаго евангелія 1339 г. *Н. И. Романовъ.* Гравюра Manet «Барикада» и др. 278

VII. Романъ:

Лили Браунъ. «Письма маркизы». Пер. *Э. К. Пименовой.* 33 64

VIII. Рисунки:

1. Л. В. Дубельтъ (акварель 30 гг.) 132
2. В. В. Самойловъ 278
3. Миніатюра изъ Сійскаго евангелія (въ краскахъ) 294
4. Барикада. Лит. *Manet.* 297
5. } 6. } Троицкій соборъ (къ пожару 7 февраля) . . . . . 290 и 300
Въ текстѣ: Первая церковь св. Троицы (съ рукописи XVIII в.) . . . . . 299 и 301
Заставки и концовки заимствованы изъ изданія Codicis Thlodosiani. Libri XVI. 17 в.



Памяти Т. Н. Грановскаго.

9 марта исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Т. Н. Грановскаго,—дата, дорогая вдвойнѣ: и потому, что она напоминаетъ о героическихъ временахъ русской исторической науки, и потому, что она относится къ одной изъ самыхъ крупныхъ *московскихъ* фигуръ.

Нѣтъ нужды повторять то, что давно и хорошо выяснено: чѣмъ былъ Грановскій, какъ русскій ученый, какъ московскій профессоръ, какъ общественный дѣятель 40-хъ годовъ. Научное наслѣдіе Грановскаго и его біографія изучены достаточно хорошо. Пока не будутъ открыты новые матеріалы, трудно сказать о немъ что-нибудь оригинальное, такое, что не было бы уже сказано раньше.

Мы напомнимъ только основные контуры обаятельнаго образа Грановскаго.

Грановскій былъ типичный дѣятель сороковыхъ годовъ, того унылаго времени, когда царила сѣрая крылатая полицейская шинель, когда была задушена самостоятельная мысль и подвергалось жесточайшимъ преслѣдованіямъ свободное слово. Путей для неприкрытой политической оппозиціи не существовало. Декабристы одинъ за другимъ гибли въ тайгѣ и въ рудникахъ, петрашевцамъ готовилась та же участь.

Оппозицію дѣлали единичные люди, — люди, въ которыхъ трудно было сломить нравственную независимость, затушить внутренній пламень убѣжденія. Сознательно или безсознательно орудіе ихъ профессіи становилось политическимъ орудіемъ: у Бѣлинскаго—критика, у Гоголя—романъ и драма, у Щепкина—сцена, у Ѳедотова — живопись.

У Грановскаго оппозиціоннымъ идеямъ служила историческая наука.

Онъ протестовалъ противъ «безстрастія» историка, требовалъ отъ него «приговоровъ», но не «съ цѣлью тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобы укрѣпить подверженное безчислен-

нымъ искушеніямъ нравственное чувство живыхъ». Грановскій умѣлъ громить николаевскій режимъ съ башни феодальнаго замка, куда онъ переносился, чтобы воскресить образъ Людовика IX, изъ готическихъ залъ Вестминстерскаго аббатства, на фонѣ которыхъ онъ набрасывалъ портретъ лорда Бэкона. У него это выходило просто и естественно, ему не было нужды прибѣгать къ страшнымъ словамъ. Онъ заставлялъ говорить факты. «Его сила,—писалъ Герценъ,—была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительномъ нравственномъ вліяніи, безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи».

Со стороны Грановскаго, несомнѣнно, было великимъ подвигомъ, что онъ отдалъ и свой научный талантъ, образецъ котораго онъ показалъ въ «Аббатѣ Сугеріи», и свой огромный художественный даръ—на служенье общественно-политической идеѣ. Борьба, которая отнимала у него всѣ его нравственныя силы, отъ которой онъ не могъ отказаться, потому что этого властно требовалъ горѣвшій въ немъ идеалистическій огонь, помѣшала ему выявить во весь ростъ себя, какъ историка.

А въ немъ были всѣ данныя, которыя создаютъ великихъ историковъ: методъ, изощренный въ школѣ Нибура и Ранке, острая интуиція, художественное чутье, искусство изображать событія послѣ того, какъ ихъ удалось установить путемъ анализа. Все это было принесено въ жертву политической необходимости,—необходимости поддерживать борьбу.

Грановскій могъ стяжать лавры великаго историка. Онъ стяжалъ мученическій вѣнецъ великаго гражданина. Въ порабощенной странѣ онъ захотѣлъ быть глашатаемъ протеста. Въ университетѣ, выдержавшемъ свое военное положеніе, онъ пытался—и успѣшно—спасти достоинство науки. Онъ былъ совѣстью Московскаго университета въ такое время, когда сохранить чистую совѣсть было для университета атлантовымъ подвигомъ. И кровью своего сердца расплатился за этотъ подвигъ.

Безнадежность борьбы, которой нельзя было не чувствовать, накладывала на чистое высокое чело Грановскаго какую-то трагическую тѣнь. Безысходной грустью вѣетъ отъ всей его фигуры и не вѣрится, чтобы когда-нибудь появлялась улыбка въ его темныхъ глазахъ. Николаевское время было проклятіемъ для Россіи, а люди, какъ Грановскій, были обречены носить въ груди всю тяжесть этого проклятія.

Она и сломила его. Ему было 42 года, когда онъ умеръ. Среди борцовъ противъ деспотизма въ первую половину XIX вѣка немного было людей съ такой красивой душой, съ такимъ твердымъ духомъ, какъ Грановскій.

А. Дживелеговъ.

Греческіе, римскіе и новые гуманисты о женщинѣ и ея образованіи [1]).

«Въ составъ человѣчества входитъ больше мертвыхъ, чѣмъ живыхъ» (l'humanité comprend plus de morts que de vivants).

Смыслъ этого изреченія, принадлежащаго одному изъ видныхъ французскихъ мыслителей, довольно ясенъ. Духъ человѣческій ищетъ простора; человѣку часто становится тѣсно въ узкихъ предѣлахъ окружающей его дѣйствительности, и онъ страстно стремится къ сліянію со всѣмъ человѣчествомъ въ его настоящемъ и прошломъ. Изъ исторіи намъ извѣстно, что человѣчество неоднократно искало и, къ своей радости, находило себѣ вѣрныхъ друзей и защитниковъ въ поколѣніяхъ, давнымъ-давно сошедшихъ со сцены и давнымъ-давно покоящихся въ могилѣ.

И это понятно: вѣдь историческій процессъ идетъ неравномѣрно,—не всѣ области жизни развиваются въ одинаковой степени, и многіе культурные народы, прогрессируя въ одномъ отношеніи, отстаютъ въ другомъ. Кромѣ того, въ трагической жизни человѣчества неоднократно наступаютъ неожиданныя, даже и прямо стихійныя катастрофы, которыя на долгое время сметаютъ, или—въ лучшемъ случаѣ—искажаютъ цѣнныя культурныя пріобрѣтенія пострадавшаго народа. Но вотъ человѣчество мало-по-малу оправляется отъ этихъ ударовъ, и жизнь снова выдвигаетъ передъ нимъ тѣ проблемы, которыя занимали предшественниковъ. Приходится начинать работу сызнова, и въ этой работѣ опытъ мудрыхъ предшественниковъ приноситъ большую пользу и утѣшеніе. Напр., всѣ мы въ той или иной мѣрѣ имѣемъ представленіе о такъ называемомъ Ренессансѣ. Однимъ изъ главныхъ лозунговъ этого движенія было *достоинство человѣка*, кто бы онъ ни былъ по своему происхожденію, положенію, національности,

---

[1]) Докладъ, читанный на 1-омъ Всероссійскомъ Съѣздѣ по женскому образованію въ С.-Петербургѣ 27 декабря 1912 г.

полу и возрасту; и надо знать, какой энтузіазмъ вызывала въ гуманистахъ этого времени древне-классическая литература, которая давала имъ пластически формулированный отвѣтъ на ихъ запросы отчасти и запросы безсознательные. Благодаря этому исторія возрожденія есть не только исторія страстныхъ поисковъ затерявшихся памятниковъ античной культуры и страстнаго изученія ихъ, но до извѣстной степени также исторія подражанія жизни древнихъ, особенно римлянъ и римлянокъ. Правда, подражаніе это по временамъ было преувеличеннымъ и, пожалуй, даже карикатурнымъ, но все-таки оно интересно, какъ рядъ практическихъ опытовъ по проведенію античныхъ гуманитарныхъ идей, подходящихъ къ потребностямъ новаго времени, въ личную и общественную жизнь.

Съ тѣхъ поръ идеи эти не заглохли въ европейскомъ обществѣ, но и еще разъ снова съ силой возродились во 2-ой половинѣ XVIII вѣка, при чемъ возрожденіе это сопровождалось болѣе углубленнымъ, чѣмъ до сихъ поръ, изученіемъ *греческой* культуры.

Этотъ усилившійся интересъ къ древней Греціи привелъ, между прочимъ, къ тому, что передовые люди Европы 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія выступили съ горячей пропагандой освобожденія новыхъ грековъ отъ турецкаго ига, въ благодарность за великія заслуги ихъ геніальныхъ древнихъ предковъ передъ европейской цивилизаціей. Такъ, Байронъ окончилъ свою бурную жизнь активнымъ борцомъ въ рядахъ возставшихъ грековъ.

Вообще слѣды античной культуры въ культурѣ современной гораздо глубже, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, и многія, съ виду оригинальныя, мысли современнаго прогрессивнаго человѣчества, при внимательномъ анализѣ, оказываются лишь репродукціей,—иногда безсознательной,—старыхъ идей, тѣмъ или инымъ путемъ сохранившихся до нашего времени.

А если это такъ, то естественно, или, по крайней мѣрѣ, не безынтересно освѣтить историческими справками вопросъ о *достоинствѣ женщины* и, въ частности, о *ея правѣ на одинаковое образованіе съ мужчиной*. Это—вопросъ очень современный и въ то же время очень старый. Вѣдь въ Европѣ уже древніе греки, съ свойственной имъ мудростью и знаніемъ человѣческой природы, пытались рѣшать его не какъ вопросъ только пола, но какъ вопросъ, тѣсно связанный съ другими родственными проблемами культурнаго, соціальнаго и государственнаго характера.

I.

Обращаясь теперь непосредственно къ нашей темѣ, мы начнемъ съ той эпохи въ развитіи греческой жизни, въ которой и зародились элементы будущей европейской цивилизаціи, именно,

со 2-ой половины V вѣка до Р. Х., съ эпохи аѳинскаго просвѣщенія.

Передъ нами развертывается картина блестящаго умственнаго развитія аѳинскаго демоса; даже самые низшіе его слои обращаютъ на себя вниманіе большой интеллигентностью. Но прогрессъ демократіи далеко не сразу распространяется на аѳинскую женщину, существо почти совершенно безправное и обреченное законами и обычаями на замкнутое, чуть не на гаремное существованіе. Мужчина развивается, и между нимъ и его отставшей женой образуется пропасть. «Жена, женщинъ украшаетъ молчаніе», гласитъ ходячій демократическій взглядъ на женщинъ въ блестящій вѣкъ Перикла. Но и самъ Периклъ воспроизводитъ, повидимому, этотъ общераспространенный взглядъ; по крайней мѣрѣ, онъ совѣтуетъ вдовамъ павшихъ воиновъ «быть не ниже собственной природы» и заботиться о томъ, чтобы о нихъ возможно меньше говорили среди мужчинъ въ похвалу или порицаніе.

Это было въ такомъ государствѣ и обществѣ, которое призывало всѣхъ гражданъ безъ различія къ служенію на общественную пользу, въ которомъ гражданинъ (по крайней мѣрѣ, въ идеѣ) оцѣнивался не по преимуществамъ, связаннымъ съ богатствомъ или родовитостью, но по своимъ природнымъ дарованіямъ и способности оказывать тѣ или иныя услуги государству и обществу.

Въ общемъ, однако, просвѣщенные представители аѳинской демократіи были далеки отъ взгляда на женщину, какъ на существо низшаго порядка. Если они и полагали, что женщина въ томъ или другомъ отношеніи слабѣе мужчины, то, съ другой стороны, они хорошо понимали и любили объ этомъ говорить, что быть болѣе слабымъ еще не значитъ быть слабымъ вообще; житейскій опытъ училъ ихъ и тому, что въ работѣ на благо общества болѣе слабые элементы крѣпнутъ въ союзѣ съ элементами болѣе сильными и приносятъ свою долю общественной пользы.

Какъ бы то ни было, личность женщины играетъ крупную роль уже въ старой до-эврипидовской драматической литературѣ. Особенно характерна въ этомъ отношеніи трагедія Софокла «Антигона». Героиня этой трагедіи, молодая, прекрасная дѣвушка надѣлена мужественнымъ, стойкимъ, боевымъ характеромъ и даже политической мудростью,—что особенно любопытно со стороны поэта, который самъ былъ виднымъ государственнымъ дѣятелемъ и притомъ отнюдь не радикальнымъ. Антигона сильнѣе и умнѣе всѣхъ: своей твердостью она заражаетъ свою болѣе робкую сестру Исмену и, очевидно, своего молодого жениха — царевича Гемона. Эта твердость передается мало-по-малу и гражданамъ, которыхъ запугалъ царь Креонтъ. Сначала они косо смотрятъ на непокорность молодыхъ протестантовъ царю, но, въ концѣ-концовъ, переходятъ на ихъ сторону.

Царь отдалъ приказъ народу предать торжественному погребенію тѣло одного изъ братьевъ Антигоны Этеокла и оставить, подъ страхомъ смертной казни, непогребеннымъ тѣло другого брата — Полиника. По греческимъ религіознымъ воззрѣніямъ, неуваженіе къ тѣлу умершаго, кто бы онъ ни былъ, есть актъ тираническій; умершій долженъ быть погребенъ, и это — долгъ прежде всего его ближайшихъ родныхъ.

И вотъ Антигона сознательно борется противъ тираніи во имя этого неписанаго божественнаго закона. «Братъ принадлежитъ мнѣ,— говоритъ она сестрѣ,—и царь не можетъ отнимать у меня моей собственности». Еще энергичнѣе ея отвѣтъ царю Креонту, только что произнесшему длинную программную рѣчь о необходимости *безпрекословнаго* повиновенія въ семьѣ и въ государствѣ. Антигона отказывается повиноваться тираническому приказу: его нельзя назвать даже писанымъ, конституціоннымъ, человѣческимъ закономъ, не говоря уже о томъ, что онъ является прямымъ нарушеніемъ божественнаго неписанаго неизмѣннаго закона, который выше человѣческихъ измѣнчивыхъ законовъ и указовъ. Исполняя божественный законъ, она не боится никого изъ людей.

Подобная классификація законовъ и закономѣрныхъ актовъ весьма характерна въ устахъ Антигоны: это была какъ разъ проблема, глубоко интересовавшая мудрѣйшихъ политиковъ и философовъ какъ того времени, такъ и слѣдующихъ эпохъ.

Въ концѣ-концовъ, женскій вопросъ, какъ таковой, въ «Антигонѣ» Софокла не поставленъ, но все-таки важно то, что судьба выдающейся дѣвушки изложена въ связи съ капитальными проблемами о томъ, что такое власть, что такое законъ, въ чемъ состоятъ обязанности гражданъ по отношенію къ власти и закону, въ чемъ состоятъ отношенія дѣтей и младшихъ къ отцамъ и старшимъ, совмѣстимо ли безпрекословное повиновеніе съ достоинствомъ людей, надѣленныхъ разумомъ, и т. д.

«Антигона» была поставлена на сцену еще до начала Пелопоннесской войны. Эта трагическая и продолжительная война между Аѳинами и Спартой всколыхнула весь греческій востокъ и западъ, она подняла на ноги и могущественную Персію, которая теперь начинаетъ властно вмѣшиваться въ греческія дѣла; повсюду закипаетъ внутренняя партійная борьба, обостряющаяся подъ давленіемъ событій внѣшней политики; тяжесть войны даетъ себя чувствовать всѣмъ, и естественно, что въ этой напряженной атмосферѣ поднимаютъ голову, начинаютъ говорить о себѣ и заставляютъ другихъ говорить всѣ до сихъ поръ обдѣленные и приниженные судьбою разряды людей, т.-е. иностранцы, рабы, женщины; раздаются также протесты противъ формализма отцовской власти, выражается недовольство всѣмъ домашнимъ строемъ жизни и т. д.

Всѣ эти протесты противъ аномалій современнаго общественнаго порядка были выдвинуты силой вещей. Но они находили себѣ поддержку и въ тогдашней наукѣ, которая, между прочимъ, стремилась къ познанію психологіи и человѣческой личности и человѣческихъ обществъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ изученію законовъ и быта различныхъ народовъ на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія. Вырастала наука такъ называемаго естественнаго права, и она приходила къ выводу, что лишь нѣкоторая часть человѣческихъ установленій согласна съ природой, другая же часть основана на исторической случайности; а то, что случайно, какимъ бы древнимъ оно ни было, способно измѣняться, да и должно быть измѣнено по требованію соціальной или государственной необходимости.

Демократическіе представители этой науки учили, кромѣ того, что отъ природы всѣ люди равны, а существующія между ними въ реальной дѣйствительности различія порождены временемъ и обычаемъ, т.-е. несправедливой случайностью.

Къ сожалѣнію, эта философско-публицистическая литература не дошла до насъ непосредственно, и мы можемъ судить о ней, главнымъ образомъ, по ея отраженіямъ у драматурговъ временъ Пелопоннесской войны, т.-е. у трагика Эврипида и у его противника комика Аристофана, а также—подъ особымъ угломъ зрѣнія—у Платона. Эврипидъ по своимъ воззрѣніямъ въ общемъ примыкаетъ къ передовымъ философамъ, софистамъ и политикамъ своего времени. Женскій вопросъ для него также только часть общаго вопроса о притѣснителяхъ и притѣсненныхъ, возгорѣвшаяся борьба между которыми впослѣдствіи была названа Платономъ «войной всѣхъ противъ всѣхъ».

Вотъ краткій очеркъ основъ соціальной философіи, которую можно извлечь изъ драмъ этого столько же стараго, сколько новаго трагика.

Всякаго рода приниженіе однихъ людей другими тяжело отзывается на человѣческомъ общежитіи, такъ какъ однихъ изъ приниженныхъ оно притупляетъ, а другихъ озлобляетъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ ихъ безполезными, а частью даже вредными членами общества. А между тѣмъ, дѣйствительно ли люди выше поставленные лучше людей, обиженныхъ или приниженныхъ судьбою? Нѣтъ, потому что отъ природы душа у всѣхъ одна, и душа эта сама по себѣ стремится скорѣе къ доблести, чѣмъ къ пороку. Да и въ дѣйствительной жизни, со всѣми ея несправедливостями, люди ниже стоящіе въ общемъ не хуже людей выше стоящихъ. Сколько умныхъ, доблестныхъ и полезныхъ людей встрѣчается среди бѣдняковъ! Правда, говорятъ, что бѣдность толкаетъ людей на путь порока, но то же можно сказать и о богатствѣ. А, напр., дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, лишенныя по аѳинскому законодатель-

ству гражданскихъ правъ и признанныя незаконнорожденными,— развѣ они по своимъ достоинствамъ ниже законнорожденныхъ? Развѣ не встрѣчаются въ жизни такія изъ нихъ, которыя по своимъ природнымъ качествамъ и достоинствамъ даже выше многихъ законнорожденныхъ?

Что можетъ быть ужаснѣе участи рабовъ, которые приравнены въ сущности къ рабочему скоту? Однако и среди этихъ приниженныхъ людей—и мужчинъ и женщинъ—часто встрѣчаются истинные герои, которые проявляютъ много ума и сердца въ обхожденіи со своими господами, умѣютъ помочь имъ въ несчастьи и, въ случаѣ крайности, жертвуютъ за нихъ жизнью. Да и по своей интеллигентности многіе изъ рабовъ и рабынь не ниже, а подчасъ и выше своихъ господъ и госпожъ.

И вотъ Эврипидъ, вслѣдъ за однимъ передовымъ софистомъ, выдвинулъ типъ «благороднаго раба» (т.-е. раба по положенію, но благороднаго по своимъ достоинствамъ), и этотъ типъ разрабатывается въ слѣдующіе вѣка и въ трагедіи, и въ бытовой комедіи, и въ философіи, примыкающей къ Эврипиду и его учителямъ. Этому «благородному рабу» противопоставляются «рабы добровольные», т.-е. свободорожденные рабы своихъ страстей, люди, не умѣющіе при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ развивать свои природныя дарованія. Конечно, добровольное рабство хуже подневольнаго.

Вообще человѣка, кто бы онъ ни былъ, надо судить не по его положенію, но по его природнымъ достоинствамъ и по способности къ самоусовершенствованію на пользу общества.

Съ такимъ же масштабомъ подходитъ Эврипидъ и къ женскому вопросу. Даже и свободорожденныя женщины въ сущности рабыни по положенію. И, однако, этимъ рабынямъ свойственны самыя высокія доблести, которыми справедливо гордятся ихъ господа— мужчины, и прежде всего самопожертвованіе какъ на пользу этихъ господъ, такъ и на благо родины.

Любопытна уже трагедія «Алкестида», поставленная на сцену еще до начала Пелопоннесской войны. Ея героиня, мужественная ѳессалійская царица, привѣтливая со своими рабами и рабынями, отличная мать семейства, вызываетъ въ нашей памяти чудесные абразы преданныхъ, любящихъ женъ древне-индійскаго эпоса (Савитри и Дамаянти).

Ея мужа Адмета богъ смерти осуждаетъ на гибель. Ни друзья ни старики—отецъ и мать—не согласны пожертвовать своей жизнью за Адмета; эту жертву приноситъ молодая жена, вызывая своей рѣшимостью умереть вмѣсто мужа всеобщее восхищеніе. Эта «величайшая, благороднѣйшая изъ женщинъ прославила свой полъ,— говорятъ о ней: — она доблестнѣе мужчинъ и прежде всего своего мужа».

«Намъ Алкеста
Здѣсь была всѣхъ женъ милѣе.
Мы ее и въ царствѣ мертвыхъ
Чтимъ любовно. Благороднѣй
Женъ не знало ложе брака...
А могила ея
Какъ божественный будетъ алтарь...
Точно храмъ скитальцу будетъ.
Для нея съ пути склоняясь,
Такъ иной промолвитъ путникъ:
«Умерла она за мужа,
А теперь среди блаженныхъ
И сама богиней стала» [1]).

Наступаетъ Пелопоннесская война съ ея ужасами, и многія изъ Эврипидовскихъ героинь этой эпохи проявляютъ и сильный характеръ и большой патріотизмъ и много политическаго смысла.

Молодая дѣвушка, дочь Геркулеса, Макарія вмѣстѣ съ другими Гераклидами находитъ послѣ смерти отца пріютъ въ Аѳинахъ. Но за это Аѳинамъ грозитъ войной старый врагъ Геркулеса царь Эврисѳей; опасность можетъ быть предотвращена только принесеніемъ въ жертву какой-либо благородной дѣвицы. Макарія не желаетъ ставить гостепріимный городъ въ затруднительное положеніе и смѣло предлагаетъ себя въ жертву:

«Я добровольно,
Не силою дарю вамъ жизнь свою,
И объявляю я, что ради братьевъ
И за себя принять готова смерть.
Не робко жизнь любя, нашла я средство
Прекрасное — со славой умереть».

Тогда предлагаютъ, во имя справедливости, бросить жребій между всѣми дочерьми Геркулеса, но на это слѣдуетъ отвѣтъ Макаріи:

«По жребію я смерти не желаю.
Но если добровольно
Могу своей пожертвовать душой,
То жизнь свою охотно отдаю я,
А силою отдать не соглашусь» [2]).

Юная дочь царя Агамемнона Ифигенія, нѣжное существо, почти подростокъ, въ концѣ-концовъ, безтрепетно идетъ на закланіе за спасеніе Эллады отъ варваровъ. Ни слезы матери ни уговариванія жениха Ахилла не могутъ ея остановить:

«(Въ моей смерти) кара для фригійцевъ, и урокъ для ихъ потомства,
Чтобъ не смѣлъ надменный варваръ красть замужнюю гречанку...
Прилично ль смертной быть такой жизнелюбивой?
Развѣ мать меня носила для себя, а не для грековъ?

---

[1]) Пер. И. Ѳ. Анненскаго.
[2]) «Гераклиды», перев. В. Г. Аппельрота.

Иль, когда Эллада терпитъ, и безъ счета миріады
Ихъ, мужей, встаютъ готовыхъ весла взять, щитомъ закрыться
И врага схватить за горло, а не дастся, пасть убитымъ,
Мнѣ одной, за жизнь цѣпляясь, имъ мѣшать? «О, нѣтъ, родная,
А куда жъ я правду дѣну?
Это тѣло — даръ отчизнѣ!
Вы жъ, аргосцы, послѣ жертвы, сройте Трою и сожгите,
Чтобы прахъ ея могильный сталъ надолго мнѣ курганомъ.
Все мое тамъ въ этомъ прахѣ: бракъ и дѣти, честь и имя.
Грекъ, цари, а варваръ, гнися! Неприлично гнуться грекамъ
Передъ варваромъ на тронѣ» [1]).

А вотъ еще пламенная патріотка—царица Праксиѳея, отдающая свою младшую дочь на жертву за спасеніе отечества. Ея монологъ уже черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Эврипида извѣстный ораторъ IV вѣка Ликургъ счелъ нужнымъ процитировать цѣликомъ въ судебной рѣчи — на патріотическую тему—противъ Леократа. Противопоставляя обвиняемому героиню Эврипида, онъ подчеркнулъ, что, если чадолюбивая по природѣ женщина способна пожертвовать отечеству дѣтьми, то несравненно большаго патріотизма слѣдуетъ требовать отъ мужчинъ. Вотъ кое-что изъ этого монолога:

«Я отдамъ свою дочь на смерть. Многое при этомъ я принимаю во вниманіе: во-первыхъ, лучше нашего государства врядъ ли можно найти другое... далѣе, мы рождаемъ дѣтей, чтобы защищать храмы боговъ и отечество. У всего государства имя одно, но живутъ въ немъ многіе. Какъ могу я погубить этихъ многихъ, когда есть возможность отдать на смерть одну за всѣхъ?.. Если бы въ моемъ домѣ вмѣсто дѣвицъ были мужчины, развѣ я не послала бы теперь ихъ на войну, опасаясь за ихъ жизнь?.. Берите, граждане, мое чадо, спасайтесь, побѣждайте! Безъ колебанія готова я спасти вмѣсто одной жизни цѣлое государство».

Наконецъ высокая (особенно съ демократической точки зрѣнія) политическая мудрость — апологія равенства, какъ силы, регулирующей всю міровую жизнь—вложена Эврипидомъ въ уста Іокасты, отговаривающей своего властолюбиваго сына Этеокла отъ тиранническихъ попытокъ:

«Зачѣмъ ты стремишься къ самому дурному изъ божествъ — честолюбію? Это—божество несправедливое. Входя во многіе благополучные дома и города, оно выходитъ изъ нихъ на погибель тѣмъ, кто къ нему прибѣгаетъ... Но прекраснѣе уважать равенство, которое всегда связываетъ друзей съ друзьями, государства съ государствами, союзниковъ съ союзниками. Равенство это законъ природы для людей. Противъ большаго всегда вооружается меньше и начинаетъ вражду. Равенство устроило людямъ вѣсы и мѣры и отдѣлило числа отъ чиселъ. И ночь и солнце идутъ въ годовомъ кругѣ ровной стопой и не завидуютъ побѣдѣ другъ надъ другомъ. Если и солнце и ночь служатъ смертнымъ, то неужели ты не помиришься съ равной долей въ царствѣ и не предоставишь твоему брату той доли, которая ему принадлежитъ? Гдѣ же тогда правда? Зачѣмъ ты чрезмѣрно чтишь тиранію, эту благополучную несправедливость, и

---

[1]) «Ифигенія въ Авлидѣ», пер. И. О. Анненскаго.

считаешь ее чѣмъ-то очень великимъ? Чтобы всѣ взирали на твой почетъ? Пустое тщеславіе! Ты хочешь, имѣя много благъ въ домѣ, много изъ-за нихъ страдать. Но что такое избытокъ? Только одно названіе. Умѣренному довольно того, что достаточно. Да вѣдь и имущества у людей нѣтъ такого, которое было бы ихъ полной собственностью, но въ сущности мы лишь завѣдуемъ тѣмъ, что намъ дали боги; а когда они захотятъ, то отнимаютъ у насъ назадъ. Если я предложу тебѣ выбрать—быть ли тираномъ или спасителемъ города, неужели ты предпочтешь тиранію? А если братъ побѣдитъ тебя, то ты увидишь порабощеніе Ѳивъ, увидишь, какъ непріятели насильно повлекутъ въ рабство много дѣвушекъ. Да, много бѣдъ принесетъ богатство, къ которому ты стремишься».

Мудрой, широко просвѣщенной, свободной отъ предразсудковъ женщинѣ Эврипидъ посвятилъ спеціальную трагедію «Меланиппа мудрая». Женщина, эмансипируясь, стремится къ просвѣщенію. Женскій хоръ въ «Медеѣ» поетъ:

«Уже не разъ прибѣгала я къ болѣе тонкимъ философскимъ разсужденіямъ и приступала къ болѣе сложнымъ вопросамъ, чѣмъ слѣдуетъ допытываться женщинамъ. Но и вѣдь и у насъ есть муза (т.-е. философское образованіе), которая имѣетъ общеніе съ нами ради мудрости».

Но этого мало: женщины стараются доказать, что онѣ способны на все, на что способны мужчины. Въ комедіи Аристофана «Лисистрата» женщины рѣшаютъ сплотиться, чтобы спасти мужчинъ и избавить всю Грецію отъ ужасовъ Пелопоннесской войны. Онѣ захватываютъ акрополь и казначейство, мужественно сопротивляются старикамъ, тщетно выгоняющимъ ихъ оттуда, и бойкотируютъ мужчинъ. Онѣ признаютъ за собой и умъ, и доблесть, и патріотизмъ; подобно мужчинамъ онѣ также считаютъ себя обязанными подавать полезные совѣты государству: вѣдь онѣ даютъ государству гражданъ и уже поэтому онѣ въ правѣ предлагать лучшее будущее взамѣнъ жалкаго настоящаго.

Въ другой комедіи Аристофана «Женщины въ народномъ собраніи» женщины до разсвѣта занимаютъ народное собраніе и постановляютъ передать управленіе государствомъ и законодательную иниціативу женщинамъ, такъ какъ законодатели-мужчины заботятся объ интересахъ только своего пола; между тѣмъ женщинамъ удалось бы устроить государство на началахъ дѣйствительнаго и полнаго равенства и свободы.

Аристофанъ насмѣшливо относится къ женскому движенію, но все-таки его комедіи подмѣтили любопытный протестъ женщинъ, который потомъ неоднократно слышится и въ греческой и въ римской исторіи, именно, что законы о женщинахъ, проводимые мужчинами, обыкновенно—или часто—имѣютъ въ виду пользу мужчинъ во вредъ женщинамъ. Съ подобными законами идутъ рука объ руку и обычаи, введенные тѣми же мужчинами. И законы и обычаи, принижая женщину, способны, между прочимъ, толкнуть ее на путь порока и преступленія. Вотъ что говоритъ Медея у Эврипида:

«Изъ всѣхъ одушевленныхъ и разумныхъ существъ мы, женщины, самыя несчастныя созданія. Во-первыхъ, мы должны за большія деньги покупать себѣ мужа и получать владыку тѣла. Тяжеле этой бѣды другая, въ которой и заключается величайшая трудность — именно, какого владыку удастся получить — хорошаго или дурного. Вѣдь разводъ не приноситъ славы женщинамъ, да и сами онѣ не могутъ давать мужьямъ разводъ. А передъ переходомъ въ новую обстановку и новые порядки женщинѣ приходится быть пророчицей, такъ какъ дома она не знаетъ, кто ей достанется въ мужья. А если мы и это преодолѣемъ, и супругъ живетъ съ нами, не жалуясь на бремя брака, то это — завидная участь; въ противномъ случаѣ — лучше умереть. Когда мужъ бываетъ недоволенъ своими домашними, то онъ можетъ выйти изъ дому и облегчить себѣ душу отъ непріятностей въ обществѣ какого-нибудь друга или сверстника; а намъ необходимо глядѣть въ душу одного человѣка. Говорятъ, будто мы проводимъ жизнь въ безопасности дома, тогда какъ они сажаются съ оружіемъ въ рукахъ. Но напрасно такъ думаютъ: я предпочла бы трижды стать подъ оружіе, чѣмъ однажды родить...

Но какъ бы то ни было, вотъ о чемъ я прошу тебя: если я найду какое-либо средство, какую-либо возможность отомстить мужу за причиненное имъ зло, то храни объ этомъ молчаніе. Вѣдь женщина вообще полна страха и труслива при видѣ оружія. Но когда она оскорблена въ супружескихъ правахъ, то нѣтъ существа болѣе свирѣпаго».

Этотъ замѣчательный монологъ имѣлъ долгую культурную исторію. Въ немъ довольно рельефно изображены отрицательныя стороны брака въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ Аѳинахъ. Съ тѣхъ поръ и въ Греціи и впослѣдствіи въ Римѣ часто ставится вопросъ о возможномъ уравненіи членовъ брачнаго союза, между прочимъ, въ такой формѣ: «что не дозволено женщинамъ, то въ одинаковой степени не дозволено мужчинамъ». Одной изъ причинъ этого неравенства является погоня мужчинъ за большимъ приданымъ. Богатая невѣста, какъ показываетъ данная трагедія, поступаетъ въ рабство. Изъ другихъ трагедій Эврипида и изъ бытовой комедіи IV и III вѣковъ видно, что и господинъ своей жены не всегда свободенъ: либо его порабощаетъ хлопотливая расточительная жизнь богатой жены, либо онъ прямо обращается въ жалкаго приказчика жены, состоящаго у нея на учетѣ и ищущаго себѣ, подъ шумокъ, даже на старости лѣтъ, развлеченій на сторонѣ. Для комедіи IV и III вѣковъ характерно сочувствіе къ молодымъ людямъ, которые женятся по сердечной склонности, не справляясь о приданомъ и о происхожденіи своихъ избранницъ.

Монологъ Медеи съ силой подчеркиваетъ также внѣшній формализмъ въ отношеніяхъ супруговъ, отсутствіе общности интересовъ и истинной дружбы, этого чисто республиканскаго чувства, основаннаго на полномъ равенствѣ друзей. А между тѣмъ просвѣщенному аѳинянину V вѣка, несомнѣнно, импонировалъ прекрасный союзъ Перикла съ блестящей, богато одаренной и широко просвѣщенной Аспазіей, какъ союзъ равноправныхъ людей, способныхъ понимать и нравственно поддерживать другъ друга.

Идея такого дружескаго союза съ тѣхъ поръ становится популярной въ Греціи и впослѣдствіи въ Римѣ; ее раздѣляютъ и такіе философы, какъ Аристотель, въ общемъ смотрѣвшій на положеніе женщинъ съ аристократической точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія естественности подчиненія болѣе слабыхъ болѣе сильнымъ.

Да и вообще идеи, которымъ слѣдовалъ Эврипидъ, если и были недостаточно оцѣнены его современниками, сдѣлались весьма популярными въ послѣдующіе вѣка и въ Греціи и въ Римѣ.

По отношенію спеціально къ женщинѣ характерно то, что даже противникъ Эврипида Платонъ настаивалъ на тожествѣ мужской и женской природы и въ своемъ идеальномъ государствѣ возлагалъ на женщину такія же функціи, какъ и на мужчину, между прочимъ, даже военную и сторожевую службу. Правда, передъ Платономъ носился образъ не аѳинянки, но мужественной спартанки съ ея мужскимъ физическимъ воспитаніемъ. Но вѣдь, въ концѣ-концовъ, и Платонъ раздѣляетъ мысль объ одинаковости образованія и воспитанія для мужчины и женщины,—эту мысль, которая является однимъ изъ крупныхъ пріобрѣтеній конца V вѣка и которая уже въ IV вѣкѣ становится достояніемъ почти всѣхъ философскихъ школъ, особенно вліятельной въ исторіи европейской культуры стоической школы. Школа эта довольно твердо усвоила себѣ принципъ о равенствѣ людей отъ природы, о благородствѣ человѣческой природы, о талантахъ и заслугахъ человѣка, какъ о единственномъ критеріи при его оцѣнкѣ, и, наконецъ, о *равенствѣ науки для всѣхъ и о равенствѣ всѣхъ передъ наукой.*

Во всякомъ случаѣ IV вѣкъ до Р. Х., вѣкъ очень широкаго распространенія греческаго просвѣщенія, выдвинулъ, между прочимъ, рядъ блестящихъ женщинъ, прославившихся въ различныхъ областяхъ науки и искусства. Напр., дочь философа Аристиппа Арета такъ основательно познакомилась съ его философской системой, что впослѣдствіи сумѣла обучить ей своего сына, Аристиппа Младшаго. Въ ученомъ кружкѣ Эпикура участвовали и женщины, какъ Ѳемисто и ея дочь Леонтіонъ, которая впослѣдствіи вышла замужъ за любимаго ученика Эпикура—Метродора. На богатую и знатную дѣвушку Гиппархію произвелъ сильное впечатлѣніе киникъ Кратетъ; она отвергла всѣхъ другихъ искателей ея руки и не задумалась пойти за своимъ избранникомъ, чтобы въ качествѣ жены дѣлить его нищенскую жизнь. Въ эту эпоху начинаютъ появляться и женщины-поэты: таковы Эринна, Носсида, Анита и т. д. и т. д.

II.

Основная, наиболѣе сложная, часть бесѣды теперь позади насъ. Исторія женскаго образованія въ древнемъ Римѣ и много столѣтій спустя въ Западной Европѣ во времена Возрожденія въ связи съ

частичной, правда, эмансипаціей женщины, — эта исторія является въ сущности приложеніемъ къ жизни идей, выработанныхъ древне-греческими гуманистами.

Женщина древняго Рима была, какъ вездѣ, ограничена и законами и обычаями, но все-таки ея положеніе было несравненно лучше положенія аѳинянки. Въ домашней жизни, какъ хозяйка, она играла болѣе видную роль, чѣмъ аѳинянка: она пользовалась значительной самостоятельностью въ управленіи хозяйствомъ, не была лишена общества мужчинъ, была окружена и дома и внѣ дома извѣстнымъ почетомъ, имѣла большой авторитетъ, какъ воспитательница дѣтей; обычай уже давно допускалъ произнесеніе публичныхъ похвальныхъ рѣчей надъ тѣломъ выдающихся женщинъ. Но все-таки римлянка долгое время не получаетъ серьезнаго образованія. Старые римляне и, впослѣдствіи, въ просвѣщенныя времена, римляне старомодные гордились своимъ природнымъ практическимъ умомъ и не долюбливали сложнаго теоретическаго образованія, опасаясь, что оно притупитъ ихъ умъ. Конечно, такіе люди еще болѣе косо смотрѣли на образованіе женщинъ. Любопытно, что около начала нашей эры ученый риторъ Сенека, отецъ философа Сенеки человѣкъ во многихъ отношеніяхъ передовой, удержалъ жену свою Гельвію отъ занятій философіей изъ опасенія, что такія занятія не разовьютъ ея, а только сдѣлаютъ ее тщеславной. Сынъ жалѣетъ объ этомъ, и своей уже немолодой матери, удрученной семейными несчастіями, настойчиво совѣтуетъ углубиться въ философію: какъ-никакъ, а Гельвія имѣетъ нѣкоторую, хотя бы и поверхностную, подготовку къ этому трудному дѣлу.

Но и суровые римляне не устояли передъ напоромъ греческаго просвѣщенія. Начало широкаго распространенія греческихъ идей и учености сами они относили ко временамъ 2-ой Пунической войны.

Страстнымъ цѣнителемъ наукъ и искусствъ былъ ни болѣе ни менѣе какъ будущій побѣдитель Ганнибала Сципіонъ Африканскій Старшій, который, къ великому неудовольствію римскихъ консерваторовъ, проводилъ все свободное время, даже на походахъ, въ кругу философовъ и поэтовъ. Въ такомъ обществѣ воспиталась и прожила всю свою долгую жизнь и его знаменитая дочь Корнелія, мать Тиверія и Кая Гракховъ. Ея имя навсегда осталось въ памяти римлянъ. Помимо глубокаго образованія, очень мужественнаго характера и выдающихся добродѣтелей, древне-римскіе историки отмѣчаютъ у нея большой литературный талантъ: она не только воспитала и образовала своихъ геніальныхъ дѣтей, но и научила ихъ выражаться на чистомъ и изящномъ латинскомъ языкѣ. А это не малое дѣло: во второмъ вѣкѣ до Р. Х. римская художественная проза только что начала развиваться, и образованному римлянину того времени гораздо легче было выражать свои мысли фи-

лософскаго или политическаго содержанія на обработанномъ греческомъ языкѣ, чѣмъ на необработанномъ родномъ, — подобно тому какъ французскій языкъ былъ легче русскаго для нашихъ соотечественниковъ въ 20 годы прошлаго столѣтія.

Съ тѣхъ поръ греческое просвѣщеніе распространяется въ Римѣ все шире и шире, притокъ въ Римъ греческихъ ученыхъ, философовъ и художниковъ не прекращается; съ середины того же II вѣка въ Римѣ свиваетъ себѣ прочное гнѣздо греческій стоицизмъ съ его проповѣдью одинаковаго образованія для людей обоего пола, всѣхъ сословій и возрастовъ. И уже для этой эпохи характерна тѣсная дружба гуманистовъ аристократовъ Сципіона Африканскаго Младшаго и Лелія съ вольноотпущенникомъ, тоже гуманистомъ, комическимъ поэтомъ Теренціемъ. Позднѣе мы знаемъ, напр., какой любовью и уваженіемъ пользовался въ домѣ Цицерона его ученѣйшій вольноотпущенникъ Тиронъ. Какъ ни безправенъ актеръ, но тотъ же Цицеронъ не затрудняется публично заявить, что смерть актера Росція тяжелая потеря для государства: вѣдь этотъ замѣчательный человѣкъ умѣлъ постоянно работать надъ своимъ несравненнымъ дарованіемъ, умѣлъ и другихъ учить.

Вообще росло и укрѣплялось убѣжденіе, что широкое распространеніе просвѣщенія способно хоть нѣсколько сгладить аномаліи въ положеніи людей, сблизить людей другъ съ другомъ, смягчить нравы и утвердить поболѣе гуманности во взаимныхъ людскихъ отношеніяхъ.

Естественно, что въ такой атмосферѣ просвѣщенные римляне сумѣли оцѣнить порывъ женщинъ къ мужскому образованію. Въ связи съ этимъ въ просвѣщенныхъ кругахъ римскаго общества выработался (и впослѣдствіи былъ формулированъ въ правѣ) возвышенный взглядъ на бракъ, какъ на истинно дружескій союзъ двухъ сходно развитыхъ, равноцѣнныхъ и, по крайней мѣрѣ, морально равноправныхъ людей, способныхъ понимать другъ друга и дѣлить, вплоть до полнаго самопожертвованія, горе всей жизни, не говоря уже о ея радостяхъ. И какъ картинно умѣли говорить на эту тему образованные римляне и римлянки! Какъ трогательно было ихъ поведеніе въ трудные моменты жизни!

Вотъ что, напримѣръ, мы слышимъ о знаменитой Порціи, дочери Катона Младшаго и женѣ Брута. Эта образованная, умная и мужественная женщина была очень озабочена безсонницей и тревогами мужа, только что примкнувшаго къ заговорщикамъ противъ Цезаря. Прежде чѣмъ распросить мужа о причинѣ его затаенныхъ душевныхъ страданій, она рѣшилась на тяжкій опытъ надъ своимъ характеромъ: она сдѣлала себѣ глубокій надрѣзъ на бедрѣ и, разболѣвшись, заявила встревоженному Бруту, что вѣдь она вступила въ его домъ не какъ наложница, но какъ его вѣрная подруга въ горѣ и радости; она чувствуетъ потребность поблагода-

рить своего вѣрнаго мужа и облегчить его тайныя муки. Хотя женщинъ и не считаютъ способными хранить тайну, но она, Порція,—дочь отца-героя и жена героическаго мужа; что-нибудь да значитъ въ дѣлѣ выработки характера воспитаніе и общеніе съ доблестными людьми. Теперешній опытъ убѣждаетъ ее въ томъ, что ее не можетъ сломить даже острая физическая боль.

Растроганный Брутъ посвятилъ ее въ свою тайну и торжественно призналъ для себя счастьемъ оказаться достойнымъ такой жены.

Понятно, что подобныя женщины не просто уважались, но и были помощницами и совѣтницами своихъ мужей и друзей. Такъ, когда Брутъ и Кассій вынуждены были покинуть Италію и готовиться къ войнѣ съ Антоніемъ и наслѣдникомъ Цезаря Октавіаномъ, въ политическомъ совѣщаніи ихъ съ Цицерономъ принимали участіе, кромѣ Порціи, мать Брута—Сервилія и жена Кассія—Тертулла.

Эти и многіе другіе примѣры показываютъ намъ, что къ началу римской имперіи женщины достигли значительной фактической эмансипаціи; ихъ характеръ, самостоятельность и таланты высоко цѣнятся просвѣщенными людьми. Такъ, намъ сообщаютъ, что послѣдняя жена Помпея Великаго молодая Корнелія была извѣстна, кромѣ своей красоты и цѣломудрія, очень хорошими познаніями въ литературѣ, музыкѣ и геометріи; съ пользой для себя она слушала также лекціи философовъ и была притомъ свободна отъ педантизма и сухости.

Съ еще большей похвалой отзываются историки и ораторы и о Гортензіи, дочери знаменитаго оратора Гортензія, современника Цицерона. Его блестящій талантъ перешелъ не къ сыну, но къ дочери, и она проявила его въ тяжкое время проскрипцій второго тріумвирата: тріумвиры обложили женщинъ чрезмѣрнымъ налогомъ; никто изъ мужчинъ не рѣшился взять на себя защиту женщинъ; выступившая передъ тріумвирами Гортензія съ большой энергіей и блескомъ защитила и выиграла дѣло, воскресивъ при этомъ въ памяти слушателей образъ своего отца. Эта рѣчь ея была издана и признавалась однимъ изъ очень видныхъ памятниковъ ораторскаго искусства: ее читали и изучали и въ слѣдующіе вѣка «не изъ одного только почтенія къ полу» автора, какъ замѣчаетъ строгій теоретикъ-историкъ краснорѣчія временъ имперіи Квинтиліанъ.

Новый порядокъ—принципатъ старается сломить эти созрѣвшіе къ концу римской республики начатки женской эмансипаціи.

Уже августовскіе законы о бракѣ и семьѣ стремятся принизить эмансипировавшуюся женщину и возродить патріархальную власть надъ ней отца, мужа и старшихъ; въ частности, въ дѣлахъ о нарушеніи супружеской вѣрности мужъ имѣетъ право (котораго не имѣетъ жена) преслѣдовать жену судомъ; фактически онъ нерѣдко

пользуется этимъ правомъ съ цѣлью шантажа, въ иныхъ случаяхъ его обязываютъ сверху начать дѣло противъ жены, хотя и любимой, и разъ онъ его началъ, онъ долженъ остаться, противъ своей воли, обвинителемъ жены до конца, не имѣя права простить ее.

Вообще новый римскій режимъ съ его различными крайностями и прямымъ терроромъ, то временнымъ, а то и затяжнымъ, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ невыносимъ и для мужчинъ и для женщинъ.

И все-таки ему не удалось сломить сильныхъ людей того и другого пола, не удалось ему и заглушить у подобныхъ личностей сильно развитого чувства человѣческаго достоинства.

Исторія римской имперіи какъ разъ выдвигаетъ передъ нами цѣлую галлерею величавыхъ и блестящихъ женскихъ образовъ.

Такова, напр., Агриппина Старшая, жена Германика. Она не боится вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми раздѣлять тягости лагерной и походной жизни своего мужа. Зато эта героиня — своего рода божество для солдатъ германской арміи. Разыгравшійся въ этой арміи бунтъ заставилъ Агриппину вмѣстѣ съ другими женами офицеровъ покинуть лагерь. Это вызвало среди солдатъ сильнѣйшее раскаяніе, и бунтъ прекратился. Проходитъ слухъ, что римская армія окружена Германцами, и что ихъ огромныя силы направляются въ Галлію. Нѣкоторые въ страхѣ думали было развести мостъ на Рейнѣ, но такому постыдному дѣлу воспротивилась Агриппина. «Эта сильная духомъ женщина,—говоритъ Тацитъ,—взяла на себя въ эти трудные дни обязанности полководца и надѣлила бѣдныхъ и раненыхъ солдатъ платьемъ и перевязками. Она стояла у начала моста, воздавая хвалу и благодарность возвратившимся легіонамъ».

Вотъ еще просвѣщенная чета—философъ Сенека и молодая его жена Паулина. Они живутъ какъ дѣйствительно заботящіеся другъ о другѣ товарищи, взаимно другъ друга уважающіе и легко идущіе на взаимныя уступки. Сенека тонко отзывается о своихъ отношеніяхъ къ женѣ: «Я знаю, что душа ея,—пишетъ онъ Люцилію,—активно живетъ въ моей душѣ». Но и Паулина сумѣла дать героическій отвѣтъ на такія чувства мужа. Когда Сенека получилъ отъ Нерона приказъ о самоубійствѣ, то она изъявила желаніе покончить съ собой и этимъ не только тронула мужа, но и смутила самого Нерона. Неронъ приказалъ постараться спасти ее, и ей успѣли перевязать порѣзанныя руки и остановить кровь. «Она прожила послѣ того еще нѣсколько лѣтъ,—прибавляетъ Тацитъ,—сохраняя похвальную память о мужѣ и бѣлизну лица и тѣла, переходящую въ ту блѣдность, которая могла свидѣтельствовать о томъ, какъ много у ней унесено жизненной силы».

Въ ту же мрачную эпоху ярко выдѣляются изъ большого числа сравнительно менѣе извѣстныхъ, но все-таки упомянутыхъ въ исторіи, героинь три знаменитыя женщины Аррія Старшая, ея

дочь Аррія Младшая и ея внучка Фаннія, оставшіяся до конца жизни вѣрными правиламъ стоической философіи, въ которой онѣ были воспитаны. Онѣ входили въ философскій кружокъ, группировавшійся около знаменитаго стоика сенатора Тразеи Пета, извѣстной жертвы Нерона, и примѣромъ своей жизни дѣйствовали облагораживающимъ образомъ на молодежь этого кружка: въ ихъ средѣ былъ воспитанъ, между прочимъ, извѣстный молодой сатирикъ Персій. У Тацита очень трогательно описана сцена прощанія умирающаго Тразеи со своими многочисленными поклонниками и поклонницами, пришедшими услышать послѣднія наставленія своего учителя.

Объ Арріи Старшей, между прочимъ, извѣстно, что она подала примѣръ достойной смерти своему мужу Пету, осужденному Клавдіемъ. Она пронзила свою грудь кинжаломъ и, умирая, передала его мужу съ классическими словами: «Петъ, не больно».

Дочь ея Аррія Младшая также хотѣла раздѣлить судьбу своего мужа, только что упомянутаго Тразеи Пета, но Тразея убѣдилъ ее остаться въ живыхъ, чтобы не лишать поддержки ихъ дочь Фаннію.

Въ свою очередь, и Фаннія показала себя достойной и матери и бабки. Она два раза сопровождала своего мужа Гельвидія Приска въ изгнаніе, а послѣ его казни подверглась за него этому наказанію въ третій разъ. Другъ Гельвидія Геренній Сенеціонъ написалъ его біографію и за это былъ обвиненъ. На судѣ Фаннія всячески старалась выгородить Гереннія передъ грознымъ обвинителемъ. Она настаивала на томъ, что это она просила Гереннія составить біографію ея мужа, что она сама передала ему нужныя бумаги мужа. Геренній былъ казненъ, Фаннія была присуждена къ изгнанію и къ конфискаціи имущества, а книга Гереннія постановленіемъ сената была запрещена и уничтожена. Фаннія сохранила ея экземпляръ, т.-е. взяла его съ собой въ изгнаніе. Знавшій ее лично Плиній Младшій сообщаетъ, что эта величавая, цѣломудренная женщина была очень пріятна, обходительна и не менѣе любезна, чѣмъ почтенна.

Въ этой галлереѣ ученыхъ и просвѣщенныхъ героинь можно упомянуть и о Марціи, дочери знаменитаго историка Кремуція Корда, который поплатился при Тиберіи жизнью за похвалы Бруту и Кассію въ своей исторіи. Исторія эта была офиціально по постановленію сената сожжена рукой палача. Но дочь сохранила экземпляръ ея, и при Калигулѣ, когда было снято съ нея запрещеніе, издала ее.

Въ утѣшительномъ посланіи къ Марціи по поводу ея семейныхъ несчастій философъ Сенека съ восторгомъ отзывается объ этой великой заслугѣ женщины, достойной своего знаменитаго отца, передъ римской наукой и литературой. Характерно слѣдующее центральное мѣсто этого посланія:

«Я знаю, что ты мнѣ скажешь,—пишетъ онъ,—ты забылъ, что утѣшаешь женщину, ты приводишь ей въ примѣръ мужчинъ. Но кто же говорилъ, что природа скупо и завистливо поступила съ женскими дарованіями и сузила просторъ для ихъ доблестей? Повѣрь мнѣ, одинаковая у нихъ съ нами жизненная сила, одинаковая способность къ идеальному, только бы онѣ этого хотѣли. Страданіе и трудъ онѣ одинаково съ нами выносятъ, если привычны. Но, благіе боги, въ какомъ городѣ мы это говоримъ? Въ томъ, гдѣ тираннію съ римскихъ головъ свергли Лукреція и Брутъ; Бруту мы обязаны свободой, а Лукреціи—Брутомъ; въ городѣ, гдѣ мы за явную храбрость только что не перечислили въ разрядъ мужчинъ Клелію, презрѣвшую врага и рѣку? Сидя на конной статуѣ на Священной улицѣ, въ самомъ многолюдномъ ея мѣстѣ, Клелія — живой укоръ для нашихъ выходящихъ изъ носилокъ молодыхъ франтовъ — въ томъ, что они такъ парадно выступаютъ въ томъ городѣ, гдѣ мы даже женщинъ наградили конемъ... Изъ одного семейства я приведу тебѣ двухъ Корнелій. Первая изъ нихъ дочь Сципіона и мать Гракховъ... Когда ее утѣшали и называли несчастной, «никогда,—сказала она,—не буду я считать себя несчастной, я, которая родила Гракховъ».

III.

Въ общемъ ни Греція ни Римъ не дошли до полнаго рѣшенія женскаго вопроса, и, тѣмъ не менѣе, важно, что онъ былъ въ Греціи и въ Римѣ довольно отчетливо поставленъ; важно и то, что античная исторія оставила въ назиданіе потомству длинный рядъ живыхъ, пластическихъ примѣровъ человѣческаго таланта и доблести. И этими уроками со всей страстностью воспользовались гуманисты временъ Ренессанса и настойчиво изъ поколѣнія въ поколѣніе проповѣдывали гуманитарныя идеи древнихъ.

Систематическая исторія гуманизма не входитъ, однако, и по своей сложности не можетъ входить въ задачи этой лекціи. Для насъ достаточно нѣсколькихъ наиболѣе характерныхъ справокъ въ исторію вполнѣ созрѣвшаго гуманизма XVI в.

Къ этому времени гуманистами твердо усвоена идея равенства людей отъ природы, идея возвышенности и достоинства человѣка, идея равенства науки для всѣхъ и всѣхъ передъ наукой. Эти идеи проповѣдуются вездѣ и въ спеціальныхъ трактатахъ и, между прочимъ, въ драматической литературѣ, напр., у Шекспира.

Къ доблести, а не къ пороку стремится отъ природы человѣческій духъ, а людскіе пороки и преступленія часто зависятъ отъ соціальной несправедливости, общественныхъ предразсудковъ и вообще отъ трагическаго сцѣпленія внѣшнихъ условій, передъ которыми не всегда можетъ устоять даже и сильная натура. Напр., какъ трудно Макбету рѣшиться на убійство короля: для этого понадобилась цѣлая цѣпь роковыхъ обстоятельствъ, сломившихъ его волю. А вотъ жертва безжалостнаго общественнаго предразсудка—побочный сынъ Эдмондъ въ «Королѣ Лирѣ»: этотъ талантливый человѣкъ могъ бы быть полезнымъ членомъ общества, но, какъ

парія общества, онъ, въ концѣ-концовъ, мститъ всѣмъ безъ разбора и врагамъ и друзьямъ, и роднымъ и чужимъ.

Не происхожденіемъ, но талантами, доблестью и заслугами—вотъ чѣмъ слѣдуетъ мѣрить людей—и мужчинъ и женщинъ. Общее уваженіе вызываетъ къ себѣ (въ комедіи «Мѣра за мѣру») юная Изабелла съ ея сильнымъ характеромъ и съ кристальной чистотой души, къ которой не можетъ пристать окружающая ее грязь жизни.

Интересна и Елена (въ комедіи «Все хорошо, что хорошо кончится»). Эта молодая, образованная дѣвушка унаслѣдовала отъ своего отца, знаменитаго врача, нѣкоторыя медицинскія познанія, и, главное, его важные врачебные секреты. Съ ихъ помощью ей удается исцѣлить отъ неизлѣчимой болѣзни короля Франціи. Въ награду за это она проситъ руки своего патрона—графа Бертрама Руссильонскаго. Молодой аристократъ взбѣшенъ этимъ мезальянсомъ.

На это слѣдуетъ строгая, характерная для вѣка гуманизма, отповѣдь короля:

«Въ ней званіе ты только презираешь—
Его могу поднять я. Странно мнѣ,
Что кровь людей различныхъ — если вмѣстѣ
Ее смѣшать — одна передъ другой
Не разнится ни теплотой, ни вѣсомъ,
Ни краскою, а между тѣмъ она
Огромнѣйшихъ исполнена отличій.
Коль дѣвушкѣ, стоящей здѣсь, даны
Всѣ лучшія достоинства, и ею
Ты брезгаешь затѣмъ лишь, что она
Дочь бѣднаго врача — то ради званья
Ты брезгаешь прекраснѣйшей душой.
Но этого, Бертрамъ, не надо дѣлать.
Когда изъ темнаго источника идутъ
Прекрасныя дѣла, то и ему даютъ
Они собою блескъ; когда жъ величьемъ рода
Раздуты мы, но въ насъ черства и зла природа—
Водянкой одержимъ нашъ внѣшній блескъ тогда.
Что истинно добро, — безъ имени всегда
Останется добромъ; что зло — то остается
Зломъ и безъ имени; цѣна вещамъ дается
Не ихъ названіемъ, а сущностью.
(Указывая на Елену.) Она
Годами молода, прекрасна и умна;
Природа ей дала всѣ эти превосходства
Въ наслѣдство — и они источникъ благородства...
....Та знатность, что исходитъ
Изъ нашихъ подвиговъ, далеко превосходитъ
Преуспѣяньемъ ту, что намъ передаетъ
Нашъ предокъ. Слово — рабъ: оно позорно лжетъ
На камняхъ гробовыхъ; надъ каждымъ мавзолеемъ
Оно является обманщикомъ — трофеемъ,
И тамъ безмолвно, гдѣ на доблестныхъ костяхъ

Лежитъ проклятое забвеніе и прахъ.
Что мнѣ сказать еще? Когда ее душою
Ты можешь полюбить, какъ дѣвушку, — устрою
Я остальное все; приданое у ней —
Она сама съ душой прекрасной своей;
Та собственность ея» [1]).

Но обратимся къ самимъ вождямъ гуманизма.

Въ эти времена широкаго просвѣщенія, когда въ разныхъ странахъ Европы выдвинулся, между прочимъ, рядъ блестящихъ ученыхъ женщинъ, интересно письмо Ульриха фонъ-Гуттена къ Биллибальду Пиркхеймеру на тему, что люди низшихъ сословій, зарекомендовавшіе себя своими дарованіями и умственнымъ трудомъ, должны быть поставлены выше аристократовъ по рожденію [2]).

Замѣчательно также письмо престарѣлаго короля Гаргантюа къ его сыну Пантагрюэлю у Раблэ. Въ юмористической формѣ здѣсь выражена глубокая радость по поводу роста книгопечатанія и связаннаго съ нимъ широкаго распространенія науки среди людей обоего пола и всѣхъ сословій и возрастовъ:

«Хотя блаженной памяти отецъ мой Грангузье прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы я какъ можно лучше усвоилъ себѣ политическую мудрость, и хотя труды мои и занятія не только шли въ уровень съ его желаніемъ, но даже превосходили его, однако, какъ ты легко поймешь, времена были не столь благопріятныя, какъ настоящія, и у меня не было такого большого выбора хорошихъ преподавателей, какъ у тебя. Времена были еще темныя и отзывались бѣдственной и злосчастной эпохой Готовъ, которые истребили всю хорошую литературу.

Однако Божьей милостью уже и въ мое время свѣтъ и достоинство стали возвращаться наукѣ, и съ тѣхъ поръ она такъ усовершенствовалась, что въ настоящее время меня съ трудомъ допустили бы въ приготовительный классъ, тогда какъ въ эпоху моей зрѣлости я не безъ основанія считался ученѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка...

...Въ настоящее время образованіе возстановлено, языки вновь ожили: греческій, безъ котораго стыдно человѣку называться ученымъ, еврейскій, халдейскій, латинскій. Прекрасное и правильное тисненіе книгъ повсемѣстно въ употребленіи. Въ мое время это искусство только что было изобрѣтено по Божьему вдохновенію, подобно тому, какъ, наоборотъ, артиллерія измышлена по дьявольскому наущенію.

Весь міръ полонъ учеными людьми, весьма свѣдущими преподавателями, богато снабженными библіотеками, и, по моему мнѣнію, ни во времена Платона, ни во времена Цицерона и Папиньяна не было такъ удобно учиться, какъ въ настоящее время. Скоро никому не будетъ мѣста въ обществѣ, если

---

[1]) Пер. П. И. Вейнберга.

[2]) Прибавимъ, что письмо это имѣло почетную исторію. Въ 17-ой книгѣ «Wahrheit und Dichtung» Гете прекрасно разсказана исторія культурнаго роста и общественныхъ заслугъ средняго сословія въ Германіи въ XVIII в., сумѣвшаго завоевать себѣ авторитетное общественное положеніе и образовать противовѣсъ высшему привилегированному классу. Гете случайно попались въ руки сочиненія фонъ-Гуттена, и онъ былъ глубоко пораженъ тѣмъ, что соціально-гуманитарныя убѣжденія современной ему интеллигенціи изложены уже въ указанномъ письмѣ фонъ-Гуттена не только ярко, но и систематически.

онъ не былъ образованъ въ мастерской Минервы. Я нахожу, что теперешніе разбойники, палачи, авантюристы и конюхи ученѣе докторовъ и проповѣдниковъ моего времени. Что еще сказать? Женщины и дѣвушки стремятся къ славѣ и той маннѣ небесной, которую зовутъ ученостью. До того дошло, что я, въ мои годы, вынужденъ былъ заняться греческимъ языкомъ, который я до сихъ поръ не то, чтобы презиралъ, какъ Катонъ, но смолоду не успѣлъ изучить. И отъ души наслаждаюсь чтеніемъ «Моралей» Плутарха, прекрасныхъ діалоговъ Платона, «Памятниковъ» Павсанія и «Древностей» Атенея, въ ожиданіи того часа, когда Господу моему Создателю угодно будетъ отозвать меня изъ здѣшняго міра и призвать къ Себѣ.

Поэтому, сынъ мой, заклинаю тебя какъ слѣдуетъ воспользоваться твоей молодостью для преуспѣянія въ наукахъ и добродѣтели»[1]).

Но, можетъ-быть, самымъ любопытнымъ для нашей цѣли памятникомъ является «Разговоръ аббата и образованной дамы» Эразма Роттердамскаго. Этотъ небольшой, тоже юмористическій документъ (съ замѣтными отголосками реформаціонной борьбы) такъ картиненъ и такъ говоритъ самъ за себя, что мы ограничимся приведеніемъ его въ собственномъ переводѣ и этимъ, кстати, закончимъ настоящую бесѣду.

Аббатъ. Что это за обстановку я здѣсь вижу?

Дама. Развѣ не изящную?

Аббатъ. Не знаю, насколько изящную, но, во всякомъ случаѣ, мало приличную какъ для дѣвушки, такъ и для женщины.

Дама. Почему?

Аббатъ. Потому, что все полно книгами.

Дама. Ты, такой пожилой, да еще аббатъ и придворный, никогда не видалъ книгъ въ домахъ небесныхъ созданій?

Аббатъ. Видалъ, но только французскія, а здѣсь я вижу греческія и латинскія.

Дама. А развѣ только французскія книги учатъ мудрости?

Аббатъ. Но небеснымъ созданіямъ прилично держать у себя лишь то, что можетъ услаждать ихъ досугъ.

Дама. Или однимъ только небеснымъ созданіямъ позволительно быть мудрыми и жить пріятно?

Аббатъ. Дурно соединяешь—быть мудрымъ и жить пріятно. Не женское дѣло мудрость: небеснымъ созданіямъ свойственно жить пріятно.

Дама. А развѣ не всѣмъ свойственно жить хорошо?

Аббатъ. Полагаю.

Дама. Но какъ можетъ пріятно жить тотъ, кто не живетъ хорошо?

Аббатъ. Наоборотъ, какъ можетъ пріятно жить тотъ, кто живетъ хорошо?

Дама. Значитъ, ты одобряешь тѣхъ, которые живутъ дурно, лишь бы имъ жилось пріятно?

Аббатъ. Я полагаю, что хорошо живутъ тѣ, которые живутъ пріятно.

Дама. Но эта самая пріятность откуда проистекаетъ — изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или изъ духовной жизни?

Аббатъ. Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Дама. О, тощій аббатъ, но тучный философъ! Скажи мнѣ, чѣмъ ты измѣряешь понятіе «пріятное»?

Аббатъ. Сномъ, пирами, свободой дѣлать, что захочется, деньгами, почестями.

---

[1]) Пер. Н. А. Энгельгардта.

Дама. Хорошо. А если ко всему этому Богъ прибавитъ мудрость, будешь ли ты жить пріятно?

Аббатъ. Что ты называешь мудростью?

Дама. Это значило бы понимать, что человѣкъ можетъ быть счастливъ только благодаря духовнымъ благамъ, и что богатство, почести, происхожденіе не дѣлаютъ никого ни счастливѣе, ни лучше.

Аббатъ. Ну ее, такую мудрость!

Дама. Ну, а если мнѣ пріятнѣе читать хорошаго автора, чѣмъ тебѣ охотиться, пьянствовать, или играть въ азартныя игры, неужели ты не найдешь, что я живу пріятно?

Аббатъ. Я такъ не сталъ бы жить.

Дама. Я не спрашиваю, что тебѣ пріятнѣе всего, но что должно считаться пріятнымъ.

Аббатъ. Я, по крайней мѣрѣ, не желалъ бы, чтобы мои монахи были охотниками до книгъ.

Дама. А мой мужъ именно это и одобряетъ больше всего. Но почему же ты, въ концѣ-концовъ, не одобряешь этого въ своихъ монахахъ?

Аббатъ. Потому, что я по опыту знаю, что отъ чтенія они становятся менѣе послушными, они любятъ отвѣчать изъ Декретовъ, изъ Декреталій, изъ посланій ап. Петра, ап. Павла.

Дама. Стало-быть, ты приказываешь имъ то, что противорѣчитъ Петру и Павлу?

Аббатъ. Чему они учатъ, я не знаю; но во всякомъ случаѣ я не люблю монаха, который любитъ отвѣчать, и вообще я не желалъ бы, чтобы кто-либо изъ моихъ подчиненныхъ былъ болѣе мудръ, чѣмъ я.

Дама. Но именно этого можно было бы избѣгнуть, если бы ты самъ постарался сдѣлаться какъ можно болѣе мудрымъ.

Аббатъ. Мнѣ некогда.

Дама. Какъ такъ?

Аббатъ. Потому что нѣтъ свободнаго времени.

Дама. Нѣтъ свободнаго времени быть мудрымъ?

Аббатъ. Нѣтъ.

Дама. Что же мѣшаетъ?

Аббатъ. Продолжительныя молитвы, хозяйственныя заботы, охота, лошади, придворная жизнь.

Дама. Такъ это для тебя важнѣе мудрости?

Аббатъ. Такая ужъ наша жизнь.

Дама. Теперь скажи мнѣ вотъ что: если бы какой-нибудь Юпитеръ далъ тебѣ власть превратить и своихъ монаховъ и себя самого въ какое угодно животное, ты, конечно, обратилъ бы ихъ въ свиней, а себя въ коня?

Аббатъ. Никоимъ образомъ.

Дама. Но вѣдь только такъ ты могъ бы избѣгнуть того, чтобы кто-либо не оказался мудрѣе тебя одного.

Аббатъ. Для меня было бы не важно, къ какой породѣ животныхъ принадлежатъ мои монахи, лишь бы я самъ былъ человѣкомъ.

Дама. Ты, м.-б., считаешь человѣкомъ того, кто не имѣетъ мудрости и не желаетъ ея имѣть?

Аббатъ. Для себя я мудръ.

Дама. Но и свиньи для себя мудры.

Аббатъ. Ты мнѣ кажешься какой-то софисткой: ужъ очень ты рѣчиста!

Дама. Я не буду говорить, чѣмъ ты мнѣ кажешься. Но почему тебѣ не нравится моя обстановка?

Аббатъ. Потому что женское орудіе—прялка и веретено.

Дама. А развѣ замужняя женщина не должна вести домашнее хозяйство и образовывать дѣтей?

Аббатъ. Должна.

Дама. А можно, по твоему мнѣнію, управлять такими важными дѣлами безъ мудрости?

Аббатъ. Не думаю.

Дама. Но именно этой мудрости и учатъ меня мои книги.

Аббатъ. У меня дома 62 монаха, но ты не найдешь ни одной книги въ моей спальнѣ.

Дама. Хорошо, стало-быть, заботятся объ этихъ монахахъ.

Аббатъ. Я готовъ выносить книги, но не выношу латинскихъ.

Дама. Почему?

Аббатъ. Потому, что этотъ языкъ не подходящъ для женщинъ.

Дама. Жду объясненія.

Аббатъ. Потому, что онъ мало содѣйствуетъ сохраненію ихъ цѣломудрія.

Дама. Слѣдовательно, содѣйствуютъ цѣломудрію французскія книги, переполненныя пустыми анекдотами?

Аббатъ. Это другое дѣло.

Дама. Скажи мнѣ откровенно все, что ты думаешь.

Аббатъ. Меньше женщинамъ, если онѣ не знаютъ по-латыни, опасности со стороны священниковъ.

Дама. Но именно съ этой стороны меньше всего опасности благодаря вамъ самимъ, такъ какъ вы всячески стараетесь не знать по-латыни.

Аббатъ. Простой народъ такъ думаетъ, потому что рѣдкое и необычное дѣло, чтобы женщина знала по-латыни.

Дама. Что ты ссылаешься на простой народъ? Вѣдь это очень плохой учитель въ хорошемъ дѣлѣ. Что ты ссылаешься и на привычку, наставницу всѣхъ золъ? Надо привыкать къ лучшему, и тогда сдѣлается обычнымъ то, что было необычно, сдѣлается пріятнымъ то, что было непріятно, сдѣлается приличнымъ то, что казалось неприличнымъ.

Аббатъ. Я слушаю.

Дама. Развѣ неприлично женщинѣ, родившейся въ Германіи, учиться по-французски?

Аббатъ. Вполнѣ прилично.

Дама. Зачѣмъ?

Аббатъ. Чтобы говорить съ тѣми, кто знаетъ по-французски.

Дама. А для меня ты считаешь неприличнымъ учиться по-латыни, чтобы ежедневно бесѣдовать со столькими авторами, столь краснорѣчивыми, столь образованными, столь мудрыми, столь вѣрными совѣтниками?

Аббатъ. Книги отнимаютъ у женщинъ много мозгу, а его у нихъ и такъ не хватаетъ.

Дама. Насколько у васъ хватаетъ, я не знаю; но, по крайней мѣрѣ, я, какъ бы мало его у меня ни было, предпочла бы тратить его на полезныя занятія, чѣмъ на произнесеніе безъ смысла молитвъ, на ночныя попойки, на осушеніе объемистыхъ кубковъ.

Аббатъ. Дружба съ книгами порождаетъ безуміе.

Дама. А разговоры съ собутыльниками, лизоблюдами и шутами не порождаютъ у тебя безумія?

Аббатъ. Наоборотъ, они разгоняютъ скуку.

Дама. Какимъ же образомъ можетъ случиться, чтобы столь увлекательные собесѣдники породили во мнѣ безуміе?

Аббатъ. Такъ говорятъ.

Дама. Но само дѣло говоритъ иное. Насколько больше мы видимъ такихъ людей, у которыхъ неумѣренное пьянство, кутежи не во-время, пьяныя ночи, необузданное возбужденіе порождали безуміе!

Аббатъ. Я, по крайней мѣрѣ, не желалъ бы имѣть ученой жены.

Дама. А я поздравляю себя съ тѣмъ, что мнѣ достался мужъ не похожій на тебя. И его мнѣ и меня ему дѣлаетъ дороже образованіе.

Аббатъ. Съ огромнымъ трудомъ пріобрѣтается образованіе, а послѣ все-таки придется умереть.

Дама. Скажи мнѣ, умнѣйшій человѣкъ, если бы тебѣ пришлось умереть завтра, предпочелъ бы ты умереть болѣе глупымъ или болѣе мудрымъ?

Аббатъ. Да, если бы мудрость доставалась безъ труда.

Дама. Но ничего человѣку не достается безъ труда въ этой жизни; и, однако, все, имъ пріобрѣтенное, съ какимъ бы трудомъ оно ни пріобрѣталось, приходится оставить здѣсь; почему же намъ тяготиться затратой на дѣло самое драгоцѣнное небольшого труда, плоды котораго сопровождаютъ насъ и въ другую жизнь?

Аббатъ. Часто слыхалъ я поговорку, что мудрыя женщины вдвойнѣ глупы.

Дама. Да, такъ обыкновенно говорятъ, но только дураки. Женщина истинно мудрая не считаетъ себя мудрой; наоборотъ, та, которая, не имѣя нисколько мудрости, считаетъ себя мудрой,—вотъ эта-то и вдвойнѣ глупа.

Аббатъ. Не знаю почему, но какъ коровѣ не пристало сѣдло, такъ и женщинѣ наука.

Дама. Но вѣдь не можешь же ты отрицать того, что сѣдло пристало коровѣ больше, чѣмъ митра ослу или свиньѣ? Какого ты мнѣнія о Матери Дѣвѣ?

Аббатъ. Самаго лучшаго.

Дама. Не любила ли она читать книги?

Аббатъ. Любила, но не ваши.

Дама. Что же она читала?

Аббатъ. Церковные часы.

Дама. Для чего?

Аббатъ. Для пользы Бенедиктинскаго ордена.

Дама. Пусть будетъ такъ. Ну, а Павла и Евстахія не любили читать священныхъ книгъ?

Аббатъ. Но это теперь рѣдко.

Дама. Въ такой же степени нѣкогда рѣдкой птицей былъ неученый аббатъ, а теперь нѣтъ ничего чаще; нѣкогда государи и императоры превосходили другихъ не менѣе образованіемъ, чѣмъ властью. И все-таки это не такъ рѣдко, какъ ты думаешь: есть въ Испаніи, есть и въ Италіи немало знатныхъ женщинъ, которыя могутъ состязаться съ любымъ мужчиной; въ Англіи есть ученицы Мора, въ Германіи—Биллибальда и Блаурера. И если вы не примете мѣръ, то дѣло кончится тѣмъ, что мы будемъ управлять богословскими школами, мы будемъ проповѣдывать въ храмахъ, мы заберемъ себѣ ваши митры.

Аббатъ. Боже, отъ этого избави!

Дама. Нѣтъ, вы сами должны отъ этого избавиться. Если же вы будете продолжать, какъ начали, то скорѣе гусаки примутся проповѣдывать, чѣмъ будутъ терпѣть такихъ нѣмыхъ пастырей, какъ вы. Вы видите, что уже измѣняется міровая сцена: надо или снять съ себя маску, или каждому играть свою роль.

Аббатъ. Какъ я попалъ на такую женщину? Если ты когда-нибудь посѣтишь насъ, я тебя хорошо приму.

Дама. Какъ?

Аббатъ. Мы попляшемъ, выпьемъ вдоволь, поохотимся, пошутимъ, посмѣемся.

Дам... Мнѣ уже и теперь хочется смѣяться.

М. М. Покровскій.

Светозаръ Марковичъ.

(Страница изъ исторіи общественныхъ движеній въ Сербіи).

Именно теперь, когда съ каждымъ годомъ все больше и больше увеличивается пропасть, раздѣляющая русскую общественную мысль отъ общественной мысли южно-славянскихъ народовъ, мнѣ хочется познакомить русскаго читателя съ одной изъ интереснѣйшихъ страницъ исторіи общественныхъ движеній въ Сербіи.

Думаю, что бѣгло и схематически набросанный силуэтъ Светозара Марковича [1]) наведетъ русскаго читателя на цѣлый рядъ размышленій и сравненій, не безынтересныхъ въ переживаемую нами эпоху.

I.

Султанскимъ указомъ (Гаттишерифомъ) 1830 года сербское крестьянство было освобождено отъ турецкихъ спахіевъ и отъ спахійской системы вообще. Крестьяне стали собственниками обрабатываемой ими земли. Этотъ моментъ можно считать моментомъ фактическаго освобожденія Сербіи, которая тогда, какъ, впрочемъ, и въ настоящее время, была исключительно земледѣльческой страной. Укрѣпленье земли въ частную собственность крестьянъ, по сравненію съ произволомъ турецкаго режима, казалось дѣломъ настолько блестящимъ, что дальнѣйшія судьбы крестьянства считались совершенно обезпеченными, и уже много лѣтъ спустя послѣ 1830 года сербы были глубоко убѣждены, что они лучше, чѣмъ кто-либо другой, разрѣшили соціальную проблему, и что Сербія— рай мелкихъ собственниковъ.

---

[1]) Светозару Марковичу, изслѣдованію его жизни и дѣятельности, посвящено въ Сербіи нѣсколько серьезныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ наиболѣе полными, интересными являются: *Слоб. Товаковичъ* — «Светозаръ Марковичъ». Београд, 1903 г., и *Тов. Скерличъ* — «Светозаръ Марковичъ». Београд, 1910 г. Литературные труды самого Светозара Марковича изданы въ Бѣлградѣ его учениками и послѣдователями съ 1893 г., подъ общимъ заглавіемъ: *Светозаръ Марковичъ*. — «Целокупна Дела». Београд, 1893 г.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что сербское правительство съ 1830 года совершенно вычеркиваетъ изъ программы своей дѣятельности крестьянскій вопросъ. Его интересуетъ другая задача, кажущаяся ему и болѣе сложной, и болѣе настойчивой. Страну, въ которой еще нѣтъ абсолютно никакихъ государственно-правовыхъ формъ, никакой сколько-нибудь прочной правительственной, административной и общественной организаціи, оно стремится организовать въ полицейское государство. Милошъ Обреновичъ и его преемники — Карагеоргіевичи, хотя и колеблются между директивами, исходящими изъ Вѣны и изъ Петербурга, но не сомнѣваются въ томъ, что въ Сербіи немедленно нужно ввести сложный бюрократическій аппаратъ власти, который де одинъ можетъ обезпечить странѣ правильное развитіе въ будущемъ.

Конечно, задача эта была не изъ легкихъ. Въ странѣ, которая еще недавно была турецкой областью, въ которой еще въ 1866 году на 1000 человѣкъ населенія приходилось всего 42 грамотныхъ, введеніе бюрократической системы управленія встрѣчало почти непреодолимое препятствіе. Организовывались министерства и суды, издавались писаные законы, а въ государствѣ не было не только образованныхъ и подготовленныхъ, а просто грамотныхъ людей. Поэтому весь періодъ приблизительно отъ 1842 до 1858 г. является періодомъ искусственнаго созданія кадра чиновниковъ изъ «отечественныхъ сыновъ». На это направлены всѣ усилія правительства. Школа, на всѣхъ своихъ ступеняхъ, служитъ исключительно этой цѣли.

А между тѣмъ въ глубинѣ народныхъ массъ зарождается и назрѣваетъ процессъ, чреватый важными послѣдствіями.

Въ эпоху турецкаго владычества сельское населеніе Сербіи жило задругами, экономическое значеніе которыхъ выражалось въ томъ, что члены задруги занимались производствомъ почти исключительно для собственнаго потребленія, а не для рынка. Задруга была совершенно самодовлѣющей экономической единицей. Ея члены не входили въ соприкосновеніе съ городомъ и въ деньгахъ нуждались только для уплаты нѣкоторыхъ податей; большая часть податей уплачивалась натурой.

Процессъ организаціи бюрократическаго механизма и связанная съ нимъ замѣна натуральныхъ повинностей денежными податями и налогами, все больше и больше лишали задругу возможности быть «самодовлѣющей«, т.-е. подкапывались подъ самый фундаментъ этого оригинальнаго института. Крестьянство вступаетъ въ соприкосновеніе съ рынкомъ, съ городомъ, испытываетъ все большую и большую нужду въ деньгахъ. Земледѣліе оказывается не въ состояніи удовлетворить эту быстро растущую потребность, и крестьянство вынуждено прибѣгнуть къ побочнымъ промысламъ, въ частности — къ торговлѣ. Недостатокъ опытности, и, въ еще

большей степени, недостатокъ капиталовъ вызываютъ цѣлый рядъ банкротствъ. Изъ года въ годъ увеличивается задолженность крестьянскихъ земель, и приблизительно въ началѣ 60-хъ годовъ, т.-е. тогда, когда правительству уже почти удалось сформировать требуемые кадры бюрократовъ, встаетъ тяжелый вопросъ о томъ, какъ бороться съ задолженностью и обезземеленіемъ крестьянства. Можно съ уѣренностью сказать, что онъ является главнѣйшимъ вопросомъ для Сербіи въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Протекавшая подъ знакомъ заимствованія и подражанія, организація бюрократическаго государства не допускала даже мысли о томъ, что прежде всего слѣдовало бы отказаться отъ избраннаго ею антинароднаго пути и привлечь къ дѣлу государственнаго строительства и государственнаго управленія широкія народныя массы. Конституція 1842 года закрѣпила положеніе Государственнаго Совѣта, который состоялъ исключительно изъ чиновниковъ, и, такимъ образомъ, способствовала полному торжеству бюрократизма. Понятно, что при такихъ условіяхъ зрѣло недовольство въ народныхъ массахъ, и подготовлялась почва для дѣятельности либеральной оппозиціи.

Либеральныя идеи просачивались въ Сербію съ начала XIX в. черезъ учащуюся молодежь, получавшую образованіе въ Австріи и Венгріи: въ Вѣнѣ, Грацѣ и Сегединѣ. Какого сорта былъ либерализмъ, уносившійся сербской молодежью изъ этихъ центровъ къ себѣ на родину, можно судить по тому, что ея духовными вождями въ 20-хъ и 30-хъ годахъ были Людевитъ Штуръ и Янъ Коларъ—эти типичные представители панславизма. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ мы застаемъ уже сербскую молодежь въ нѣмецкихъ, швейцарскихъ и французскихъ университетахъ, либеральныя доктрины Запада приносятся молодыми профессорами въ Сербскую высшую школу въ Бѣлградѣ, гдѣ находятъ горячій отзвукъ въ умахъ молодежи.

Но вотъ разражается буря 48-го года. Лозунги свободы и равенства, либерально-демократическій націонализмъ и революціонная фразеологія чрезвычайно легко и быстро усваиваются сербской учащейся молодежью. Дѣти сербскаго крестьянства, угнетаемаго во имя насажденія въ странѣ государственно-бюрократическаго принципа, познавшіе всѣ отрицательныя стороны режима 42-го года, воспитанники Высшей школы въ Бѣлградѣ обращаются къ Государственному Совѣту съ требованіемъ, чтобы въ это высшее правительственное учрежденіе государства былъ допущенъ представитель учащейся молодежи. Напоръ общественнаго мнѣнія былъ такъ силенъ, что бюрократы въ Гос. Совѣтѣ должны были уступить, и молодой профессоръ Исидоръ Стояновичъ былъ избранъ учащимися В. школы депутатомъ въ Гос. Совѣтъ, а духовный вождь поколѣнія Іевремъ Груичъ — такъ формулировалъ взгляды сво-

ихъ сверстниковъ на необходимость реформъ въ государственномъ устройствѣ страны:

«Народу необходимо обезпечить счастье и благосостояніе, а этого не можетъ быть тамъ, гдѣ народъ угнетенъ произволомъ владѣтелей и чиновниковъ. Монахи и попы, эти представители христіанства, учатъ, будто всякая власть отъ Бога, и поэтому будто бы нужно рабски склонять голову передъ сильными міра и безропотно терпѣть неправду и насиліе. Но просвѣщеніе разбиваетъ оковы вѣковыхъ рабовъ, подымаетъ ихъ на степень свободнаго человѣка, этого самаго великаго созданія на землѣ, одареннаго разумомъ и свободной волей».

Изъ кадровъ учащейся молодежи вышла и сорганизовалась сербская либеральная партія. Она поставила во главу угла своей программы требованіе замѣны Гос. Совѣта Народной Скупщиной, которая была бы органомъ настоящаго народнаго представительства.

Но разразившаяся послѣ 1848 года реакція, затянувшаяся до 60-го года, была такъ сильна, что дѣятельность либераловъ не смогла ни въ чемъ проявиться. Даже династическій переворотъ 1858 года, въ которомъ они играли главную роль, не принесъ ей никакихъ выгодъ.

Начало 60-хъ годовъ представляетъ собой новую волну революціоннаго движенія. Пораженія Австріи въ 1859 и 60 годахъ, герцеговинское возстаніе Луки Вукаловича въ 62 году, польское возстаніе 63 года и возстаніе на о-вѣ Критѣ встрѣчаютъ на Сербіи отзвукъ еще болѣе подготовленный и сильный, чѣмъ тотъ, который встрѣтило здѣсь движеніе 48 года. На сценѣ политической и культурной жизни Сербіи появляется «Объединенная Сербская Омладина». Это идеологическое, почти исключительно литературное, движеніе не могло проникнуть въ народныя массы, еще темныя и неподготовленныя къ политической жизни. Поэтому движеніе Омладины неизбѣжно должно было принять характеръ политической, либеральной, оппозиціонной просвѣтительной дѣятельности.

Основной задачей Омладины было: «будить народную жизнь на всѣхъ ея граняхъ, указывать пути улучшенія матеріальнаго положенія народа». Достичь этого Омладина собиралась, «изучая народъ и популяризируя науку и искусство во всѣхъ народныхъ слояхъ путемъ устройства воскресныхъ школъ, лекцій и т. п.». Въ связи съ изученіемъ народа Омладина признавала исключительно все свое, національное, до національнаго сербскаго костюма и національныхъ сербскихъ танцевъ включительно, объявляя рѣшительный походъ противъ всего чужеземнаго.

Въ своей внѣшней политикѣ Омладина стремилась къ тому, чтобы заинтересовать общественное мнѣніе на Западѣ сербскими дѣлами и войти въ сношеніе съ національными революціонерами

того времени. Она разсчитывала такимъ образомъ подготовить общее революціонное движеніе на всемъ европейскомъ Ю.-Востокѣ, направленное противъ Австріи и Турціи.

Въ своемъ стремленіи къ внѣшней политикѣ Омладина разсылала настоящія дипломатическія миссіи по Европѣ. Одинъ изъ ея дипломатовъ, Влад. Іовановичъ поѣхалъ въ Лондонъ и вошелъ въ сношенія съ Гладстономъ и Кобденомъ. Впрочемъ, не только съ ними. Здѣсь же, въ Англіи, этотъ посланникъ Омладины установилъ связи съ Герценомъ, Бакунинымъ и Маццини.

Составъ Омладины былъ чрезвычайно пестрый. Были здѣсь люди, воспитанные въ туманной славянской идеѣ, которые не шли дальше неясныхъ панславистскихъ мечтаній; были либералы, желавшіе только законности и возможности работать на пользу сербской культурѣ; были идеологи демократіи, которымъ снилась уже Балканская Республика — составная часть великой демократической Республики Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Было, наконецъ, нѣсколько соціалистовъ.

Князь Михайло, правившій въ ту эпоху Сербіей,—типичнѣйшій воспитанникъ Меттерниховской школы, — вначалѣ относился доброжелательно къ «патріотическому обществу, поставившему своей задачей просвѣтительную дѣятельность». Но патріотизмъ и просвѣтительная дѣятельность Омладины довольно скоро обнаружили свою подоплеку, которая, конечно, пришлась не по вкусу князю. Между Омладиной и княземъ начинается конфликтъ, который въ 1867 г. доходитъ до того, что Омладина становится полуконспиративной организаціей.

Въ 1868 г. князь Михайло былъ убитъ въ Топчидерскомъ паркѣ возлѣ Бѣлграда. Страна стояла на распутьи; ей предстояло регентство или реакціонеровъ во главѣ съ Гарашанинымъ, или близкихъ либераламъ Ристича и Блазноваца. Послѣдніе побѣдили, и казалось, что наступило время проведенія въ жизнь самыхъ широкихъ реформъ. Но либералы обманули возлагавшіяся на нихъ надежды. Введенная ими конституція 1869 года, хотя и отмѣнила Гос. Совѣтъ и поставила на его мѣсто Народную Скупщину, но эта послѣдняя далеко не обладала всѣми тѣми правами, которыя принадлежали прежде Гос. Совѣту. Она не имѣла права законодательной иниціативы, была значительно ограничена въ бюджетномъ вопросѣ, и слишкомъ расширяла права правительства и князя. Совершенно не были введены административныя реформы, и полицейскій произволъ въ странѣ не только не уменьшился, а, напротивъ, усилился.

Понятно, что Омладина не могла примириться съ такими реформами. Она громко протестовала и за это была подвергнута остракизму. При князѣ Михайлѣ она, полу-конспиративно, могла существовать по сю сторону Савы и Дуная. При регентствѣ и

правительствѣ либераловъ она должна была перекочевывать за Саву и Дунай — въ венгерскія провинціи.

Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, положеніе вещей въ Сербіи въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ.

II.

Врядъ ли нужно въ этомъ короткомъ очеркѣ приводить подробныя біографическія данныя о дѣтствѣ Светозара Марковича. Сынъ мелкаго чиновника, онъ родился 9 сентября 1846 г. въ городѣ Зайчарѣ или Ягодинѣ, въ 1853 или 4 г. кончилъ основное училище въ гор. Рековцѣ, съ 1856 до 1860 г. учился въ прогимназіи въ гор. Крагуевацѣ и въ 1860 поступилъ въ гимназію въ Бѣлградѣ, которую кончилъ въ 1863 году. 1863 — 1866 гг. онъ провелъ въ Высшей школѣ въ Бѣлградѣ, которую кончилъ по техническому отдѣленію.

Воспоминанія самого Марковича о годахъ ученія сводятся— по отношенію къ низшей и средней школѣ — къ воспоминаніямъ о побояхъ, объ обязательномъ цѣлованіи руки учителя, о совершенно формальномъ отношеніи къ дѣлу со стороны преподавателей, и цѣлой системѣ лжи и обмановъ со стороны учениковъ. Что касается Высшей школы, то здѣсь, по воспоминаніямъ Марковича, царила такая ужасная атмосфера кутежей и разгула, что только громадная сила воли могла удержать человѣка отъ полнаго паденія.

Какъ видно изъ приведенныхъ мною датъ, гимназическіе и студенческіе годы Марковича относятся къ тому періоду, когда вторично въ Сербіи назрѣвало сильное революціонное движеніе, и когда организовывалась Объединенная Сербская Омладина.

Высшая школа уже не была тогда центромъ культурной и политической жизни страны. Она застыла въ неподвижныхъ формахъ либеральныхъ идей 48 года, и потому Марковичу приходилось прибѣгать къ духовнымъ источникамъ, находившимся внѣ школьныхъ стѣнъ. Этими источниками для него были, конечно, прежде всего различные кружки Омладины, гдѣ онъ впервые сталъ знакомиться съ различными сторонами жизни своей страны. Но не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ націоналистическая Омладина, источникомъ духовнаго развитія Марковича явилась русская литература. Въ этомъ отношеніи воспоминанія самого Марковича и свѣдѣнія, собранныя его добросовѣстнѣйшимъ біографомъ І. Скерличемъ, даютъ намъ любопытныя указанія. Оказывается, что поколѣніе Марковича, т.-е. поколѣніе Омладины, еще на гимназической скамьѣ читало Чернышевскаго и Герцена, которые сыграли громадную роль въ выработкѣ міросозерцанія сербской молодежи той эпохи.

Одинъ изъ современниковъ Марковича такъ характеризуетъ вліяніе русскихъ авторовъ на ихъ поколѣніе:

«Пустота нашего незнанія раскрывалась передъ нами во всей своей глубинѣ, и наше убожество выступало во всей своей наготѣ; идолопоклонничество передъ авторитетами пропадало безслѣдно, и открывались передъ нами идеальныя перспективы реальной работы».

По всей вѣроятности, именно эти идеальныя перспективы реальной работы и связанная съ ними неутомимая жажда знанія влекли Марковича, сейчасъ же послѣ окончанія высшей школы, въ Петербургъ. Онъ воспользовался стипендіей сербскаго правительства и поступилъ, лѣтомъ 1866 года, въ Институтъ путей сообщенія, въ которомъ провелъ два съ половиной года, и въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему 23 марта 1869 г., значится, что онъ кончилъ два курса, перешелъ на третій курсъ, гдѣ занимался успѣшно, и вышелъ изъ института по болѣзни.

Эти два съ половиной года жизни Марковича въ Петербургѣ онъ самъ считаетъ періодомъ, когда окончательно опредѣлилось его міросозерцаніе и выяснилось направленіе его мыслей.

Къ сожалѣнію, этотъ періодъ его жизни, имѣвшій рѣшающее значеніе для всей его дальнѣйшей дѣятельности, недостаточно подробно разработанъ біографами Марковича. Но и по тѣмъ нѣсколькимъ штрихамъ, которые приводитъ въ своей книгѣ проф. I. Скерличъ, русскій читатель можетъ быстро оріентироваться въ этомъ фазисѣ развитія міросозерцанія Марковича.

Стоитъ только вспомнить, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ августѣ 1866 года. Что представляла собой Россія того времени, читатель хорошо знаетъ. Это была Россія, съ 1862 года переживавшая интеллектуальный кризисъ и вступившая, изъ эпохи Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова, въ глухое и безжизненное затишье; Россія, подавившая польское возстаніе; Россія, въ которой нарождалась и развивалась проповѣдь Каткова; это былъ Петербургъ между 4 апрѣля 1866 и 25 мая 1867 годовъ, когда ожесточеннѣйшая реакція проявлялась въ безконечныхъ арестахъ и въ жесточайшемъ цензурномъ гнетѣ,—словомъ, тотъ Петербургъ, о которомъ Кропоткинъ, поступившій въ 1867 году на физико-математическій факультетъ Петербургскаго университета, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Это былъ уже не Петербургъ Чернышевскаго, а Петербургъ Трепова». Студенческая среда была въ приниженномъ состояніи. Лучшая часть русской интеллигенціи спряталась въ глубочайшее подполье.

Светозаръ Марковичъ съ первыхъ же дней своего здѣсь пребыванія попадаетъ въ среду подпольной Россіи. Мы почти не знаемъ именъ тѣхъ русскихъ, съ которыми онъ находился въ особенно

близкомъ общеніи. Но его петербургская работа среди своихъ соотечественниковъ - сербовъ открываетъ намъ довольно интересные горизонты.

Такъ, очевидно, не безъ вліянія своихъ новыхъ русскихъ друзей, Марковичъ принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ организаціи въ Петербургѣ, въ 1867 году, сербскаго студенческаго общества «Община». Среди организаторовъ ея было два офицера, позже—генералы сербской арміи, Дмитрій Джуричъ и Сава Груичъ, которые въ 1863 году сражались въ рядахъ польскихъ повстанцевъ. Марковичъ былъ избранъ секретаремъ «Общины». Эта организація ставила своей цѣлью «совмѣстную работу русскаго и сербскаго студенчества на пользу прогресса». Второй ея цѣлью было установленіе прочной связи между сербскими студентами, жившими въ Петербургѣ, съ прогрессивной сербской молодежью, жившей и работавшей у себя на родинѣ. Для того, чтобы сдѣлать эту связь возможно болѣе прочной, «Община» записалась членомъ «Объединенной Сербской Омладины».

Дѣятельность «Общины» по совмѣстной работѣ русскаго и сербскаго студенчества началась довольно оживленно. Такъ, русскій революціонеръ Бочкаревъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сербскими студентами въ Петербургѣ, въ 1867 году ѣздилъ въ Бѣлградъ на конгрессъ сербской прогрессивной молодежи и произнесъ на этомъ конгрессѣ рѣчь о равноправіи женщинъ [1]).

Развивая все болѣе и болѣе интенсивную дѣятельность, выражавшуюся въ установленіи связей, въ совмѣстныхъ чтеніяхъ и горячихъ дебатахъ, «Община» стала привлекать къ себѣ студентовъ и другихъ славянскихъ національностей, и число ихъ было настолько значительно, что уже съ 1 января 1868 года сербская «Община» стала называться «Юго-славянской Общиной».

Свѣдѣнія о дѣятельности петербургской «Общины», черезъ славянскихъ студентовъ и русскихъ революціонеровъ, разносились и по другимъ городамъ Россіи. Молодая Сербія, благодаря этой совмѣстной дѣятельности съ наиболѣе прогрессивными элементами Россіи, пріобрѣла серьезный авторитетъ въ глазахъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ южнаго славянства. Когда жившій до 1867 года въ Москвѣ молодой болгарскій писатель - революціонеръ, Любенъ Каравеловъ, рѣшилъ покинуть Россію, атмосфера которой стала для него слишкомъ душной, то, несмотря на всю свою революціонность, онъ уѣхалъ не въ Бухарестъ, гдѣ группировалась тогда наиболѣе боевая часть болгарской эмиграціи,

---

[1]) Потомъ, въ 1868 году, Бочкаревъ былъ арестованъ въ Петербургѣ за сношеніе съ заграничными революціонерами.

а въ Бѣлградъ, и прожилъ тамъ, пропагандируя идеи Чернышевскаго, до 1868 года [1]).

Продолженіе самообразованія, лекціи въ институтѣ, безконечные споры и дебаты съ русскими друзьями, наконецъ работы по организаціи «Общины» заполняли все время Светозара Марковича въ Петербургѣ. Но это не удовлетворяло его. Съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе вырисовывались передъ нимъ контуры реальной работы, и пробуждался въ немъ духъ народнаго трибуна. И занятый самыми разнообразными дѣлами, онъ находитъ еще время заняться публицистической дѣятельностью. Приблизительно въ концѣ 1867 и началѣ 1868 годовъ онъ принимаетъ участіе, въ качествѣ петербургскаго корреспондента и сотрудника, въ одной изъ бѣлградскихъ или ново-садскихъ [2]) сербскихъ газетъ.

Чрезвычайно характерна та нота, или, вѣрнѣе, тотъ лозунгъ, который громко и опредѣленно прозвучалъ въ первомъ же литературномъ выступленіи Марковича: «Тотъ, кто не готовъ къ жертвѣ за всякій атомъ своихъ убѣжденій, пусть не называетъ себя представителемъ народныхъ мыслей!»

Жертва за всякій атомъ своихъ убѣжденій—вотъ тотъ идеологическій результатъ, которымъ резюмируется первый годъ пребыванія Марковича среди подпольной Россіи. Если смутная и неясная жертвенность зародилась въ немъ еще въ Бѣлградѣ, когда отъ разгула своихъ сверстниковъ онъ бѣжалъ, чтобы въ уединеніи читать Чернышевскаго, то все же эта жертвенность была только настроеніемъ неопредѣленнымъ и неуловимымъ. Только среди русской интеллигенціи могла она развиться въ то сознательное «самопожертвованіе», которое такъ характерно для всей исторіи россійской интеллигентской мысли.

Террористическій актъ въ Топчи-Дере привелъ въ Сербіи къ власти, какъ я писалъ уже выше, регентство Блазноваца и Ристича, близкихъ по духу сербскимъ либераламъ.

Зная, что въ «Объединенной Омладинѣ», среди другихъ элементовъ, есть значительное число либерально настроенной молодежи. Марковичъ и на собраніяхъ «Общины», и въ сербской прессѣ подымаетъ крестовый походъ противъ либерализма. Вѣря въ

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ болгарской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь подробной біографіи Любена Каравелова. Что касается разсматриваемаго нами періода, то въ 1868 году, послѣ убійства князя Михайло, подозрѣніе сербскихъ властей пало на Л. Каравелова и Вл. Іовановича, они вынуждены были бѣжать въ Будапештъ, но тамъ, по требованію сербскаго правительства, были арестованы, посажены въ тюрьму, и, просидѣвши въ ней 6 мѣсяцевъ, были выпущены «по недостатку уликъ». Оттуда Л. Каравеловъ уѣхалъ къ своимъ соотечественникамъ въ Бухарестъ, гдѣ и жилъ до освобожденія Болгаріи.

[2]) Новый садъ — сербскій городъ въ Венгріи, долго служившій центромъ сербской культуры въ венгерскихъ провинціяхъ.

возможность «духовнаго перевоспитанія» сербской молодежи, онъ неустрашимо идетъ противъ сербскаго общественнаго мнѣнія и заявляетъ, что «всѣми силами нужно стараться дать ей (сербской молодежи) реальное направленіе... познакомить ее съ современной наукой и съ реальными взглядами на общественныя отношенія, на литературу, на политику,—словомъ, на всѣ стороны народной жизни...»

Это стремленіе Марковича дать мысли сербской молодежи реалистическое направленіе встрѣчаетъ горячій откликъ въ рядахъ «Сербской Омладины», которой идеи Марковича не кажутся уже новыми. Вѣдь до самаго момента убійства князя Михайла въ рядахъ этой Омладины, больше того, во главѣ ея, находился Любенъ Каравеловъ, который принесъ изъ Москвы и пропагандировалъ въ ея средѣ тѣ же самыя идеи.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ жилъ онъ въ Бѣлградѣ, но эти нѣсколько мѣсяцевъ были той ожесточенной борьбой на бастіонахъ «новой науки», когда день по справедливости считается за годъ. Всего двѣ критическихъ статьи и пять повѣстей [1]) написалъ онъ за это время, но, благодаря силѣ своего убѣжденія, благодаря обаянію своей личности, онъ достигъ такого вліянія на умы сербской молодежи, какое оказывалъ на нее потомъ, кажется, одинъ только Светозаръ Марковичъ.

Для Любена Каравелова, одного изъ крупнѣйшихъ и выдающихся болгарскихъ писателей и поэтовъ, литературная дѣятельность была прежде всего борьбой, удобнымъ случаемъ высказать свои убѣжденія, поводомъ для ихъ пропаганды. Являясь предтечей Светозара Марковича въ рядахъ сербской молодежи, онъ прежде всего боролся противъ всякаго романтизма, потому что «...у народа, у котораго чувство властвуетъ надъ разумомъ, не можетъ быть прогресса...», и потому, что «...все, что противно разуму, нужно осудить и бросить...» Отъ писателя онъ, какъ Добролюбовъ, прежде всего требовалъ «...того, безъ чего произведеніе не имѣетъ никакого значенія—истины...», и убѣжденно говорилъ о себѣ: «Я говорю только то, что вполнѣ знаю».

Онъ не только внесъ въ Сербію, въ конкретныхъ образахъ и формахъ литературы, духъ и идеи русскаго освободительнаго движенія той эпохи, но даже фразеологію и всѣ характерныя черты русской обличительной литературы. Близкій сербской интеллигенціи уже потому, что онъ создалъ новую сербскую повѣсть, онъ неустанно пропагандировалъ культъ разума и своей беллетристикой

---

[1]) Изъ пяти повѣстей его наибольшей популярностью въ свое время пользовалась одна — «Виновата ли судьба», представляющая чрезвычайно талантливое и художественное переложеніе романа Чернышевскаго «Что дѣлать» на нравы Сербіи той эпохи.

и своими критическими статьями подготовлялъ въ Сербіи почву для воспріятія идей Марковича.

Но именно въ тотъ моментъ, когда голосъ Марковича, хотя и издалека, долженъ былъ замѣнить страстную агитацію посаженнаго въ Будапештскую тюрьму Любена Каравелова, Марковичу пришлось оставить Петербургъ. Наступилъ 1869 годъ, начались безпорядки въ Медицинской Академіи и Технологическомъ Институтѣ, разразилась Нечаевская исторія, атмосфера сгустилась до такой степени, что дальнѣйшее пребываніе Марковича въ Россіи неминуемо должно было повлечь за собой его арестъ. Марковичъ уѣхалъ изъ Петербурга.

III.

Желая закончить свое техническое образованіе, Марковичъ переѣхалъ въ Цюрихъ и поступилъ въ Политехникумъ. Здѣсь, въ Цюрихѣ, онъ продолжаетъ тотъ же дѣятельный образъ жизни, который велъ въ Петербургѣ. Окруженный русской и сербской революціонной братіей, онъ находитъ время заниматься самообразованіемъ и сотрудничать въ сербскихъ изданіяхъ.

Въ сентябрѣ 1869 г. онъ ѣздилъ въ Лозанну на конгрессъ «Лиги Мира и Свободы». Но, уже совершенно погруженный въ идеи соціализма, онъ, такъ же, какъ Герценъ, Огаревъ и Бакунинъ, отрицательно отнесся къ Лигѣ—идеологу демократіи. Людей Лиги, послѣ перваго же засѣданія конгресса, онъ обозвалъ «людьми золотой середины» (juste-milieu), и единственное, что удовлетворило его въ работѣ Лиги—это ея резолюція по Восточному вопросу: «Единственный способъ рѣшенія Восточнаго вопроса,—гласила эта резолюція,—освобожденіе восточныхъ народовъ и созданіе федеративной республики славянскихъ народовъ». Марковичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣчаетъ по этому поводу: «Вотъ самое реальное изъ всѣхъ рѣшеній, принятыхъ конгрессомъ этого года».

Связи Марковича съ русской эмиграціей въ Швейцаріи настолько окрѣпли, и его духовная близость съ русскими соціалистами настолько выяснилась, что, когда въ Женевѣ основалась русская секція «Интернаціонала», то Марковичъ былъ выбранъ ея агентомъ-корреспондентомъ для всѣхъ сербскихъ земель. Одновременно съ этимъ онъ становится сотрудникомъ «Народнаго Дѣла», и въ №№ 2 и 3 этого органа (отъ 7 и 31 мая 1870 г.) появляется (безъ подписи) его статья-отчетъ подъ заглавіемъ: «Политическое и экономическое положеніе рабочаго класса въ Сербіи».

Въ Цюрихѣ Марковичъ группируетъ вокругъ себя кружокъ соотечественниковъ (во главѣ которыхъ стоялъ нынѣшній министръ-президентъ Сербіи, Никола Пашичъ) и приступаетъ, со-

вмѣстно съ ними, къ обсужденію плана практической работы на родинѣ, главнымъ образомъ, плана борьбы съ либералами и основанія новой радикальной партіи. Ея задачей намѣчалось «...разрушить все, что есть въ Сербіи стараго, и расчистить почву для новой постройки».

Обсуждая эти вопросы не только въ кружкахъ цюрихскихъ эмигрантовъ, но и на столбцахъ сербской прессы, Марковичъ такъ горячо и такъ основательно критиковалъ политическое устройство Сербіи, такъ удачно выбиралъ точки прицѣла для своихъ нападеній, что статьи его подъ заглавіемъ «Наши Обманы» [1]) обратили на себя вниманіе сербскаго общества и правительства. Сначала никому не приходило въ голову, что они написаны цюрихскимъ студентомъ, да еще стипендіантомъ правительства. Но когда въ обществѣ стало циркулировать имя автора статей, то министръ народнаго просвѣщенія обратился къ нему съ полу-офиціальнымъ письмомъ, въ которомъ просилъ «господина Марковича, какъ честнаго человѣка, отвѣтить, правда ли, что онъ—авторъ статей, помѣщенныхъ въ Заставѣ?»

Отвѣтъ Марковича министру былъ написанъ въ томъ характерномъ тонѣ, который былъ совершенно неизвѣстенъ сербскому министерству: «...На какомъ основаніи думаете вы,—писалъ Марковичъ министру,—что студентъ не имѣетъ права интересоваться политикой и судьбами своей родины?... Или вы думаете, что политическія убѣжденія государственнаго стипендіата не смѣютъ отличаться отъ политическихъ убѣжденій министра?..» и т. д. Постановленіемъ министерскаго совѣта отъ 31 января 1870 г. у Марковича была отнята стипендія на основаніи статьи закона, по которой государственнымъ стипендіатамъ запрещается заниматься чѣмъ бы то ни было другимъ, кромѣ науки. Въ іюлѣ того же года, лишенный средствъ къ существованію, Марковичъ былъ вынужденъ вернуться въ Бѣлградъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ описанію дѣятельности Марковича въ Сербіи,—дѣятельности, которая сама дастъ возможность русскому читателю оріентироваться, что и откуда почерпнулъ Марковичъ во время своего пятилѣтняго общенія съ русскими соціалистами и революціонерами,—я хочу забѣжать нѣсколько впередъ и разсказать о вторичномъ пріѣздѣ Марковича въ Цюрихъ въ 1872 году, на конгрессъ сербскихъ соціалистовъ. Именно тогда Светозару Марковичу пришлось столкнуться съ тѣмъ фактомъ, что громадное большинство славянской молодежи въ Швейцаріи подпало подъ полное вліяніе Бакунина. Этотъ великій бунтарь былъ, пожалуй, единственнымъ до Толстого русскимъ, обладавшимъ громаднымъ европейскимъ авторитетомъ. Столкнувшись въ «Интер-

---

[1]) Въ сербск. журналѣ «Застава» (Знамя) за 1869 годъ, №№ 116 — 119.

націоналѣ» съ Марксомъ и образовавши Юрскую федерацію, лѣтомъ 1872 года Бакунинъ проводилъ въ Цюрихѣ, организовывая своихъ славянскихъ друзей для конгресса въ Гаагѣ, гдѣ предстоялъ рѣшительный бой между нимъ и Марксомъ. Здѣсь онъ организовалъ, преимущественно изъ сербовъ, «секцію Славянскихъ Братьевъ», которая преслѣдовала идею «Великой и Свободной Всеславянской федераціи».

Во второй свой пріѣздъ въ Цюрихъ, Марковичъ выступаетъ противъ идей Бакунина и, въ кругу своихъ соотечественниковъ, подчеркиваетъ свою идейную солидарность съ Лавровымъ. Еще до открытія конгресса сербскихъ соціалистовъ выяснилось, что громадное число делегатовъ, если и не принадлежитъ къ секціи Славянскихъ Братьевъ, то симпатизируетъ ея широкому революціонному размаху. Въ виду этого Светозаръ Марковичъ старался употребить все свое вліяніе на то, чтобы не допустить на конгрессѣ до окончательной выработки программы сербской соціалистической партіи. По его мнѣнію, болѣе подходящимъ мѣстомъ для обсужденія этого вопроса была бы Сербія.

Впрочемъ, независимо отъ стараній Марковича, конгрессъ не далъ положительныхъ результатовъ. Раздоры, которые были вызваны этимъ конгрессомъ, или, вѣрнѣе, столкновеніемъ Бакунинскаго міросозерцанія съ ортодоксальнымъ соціализмомъ, сдѣлали невыносимой и безъ того тяжелую жизнь сербской эмиграціи, и въ мартѣ 1873 года Марковичъ вернулся въ Сербію.

IV.

Въ 1870 году Светозаръ Марковичъ возвратился къ себѣ на родину, послѣ пятилѣтняго отсутствія, окруженный ореоломъ. Другъ русскихъ революціонеровъ, человѣкъ, изучавшій въ Швейцаріи соціализмъ, наконецъ, студентъ, швырнувшій правительству въ лицо стипендію, когда оно посмѣло вмѣшаться въ его убѣжденія, — все это, въ связи съ предшествовавшей короткой, но энергичной дѣятельностью Любена Каравелова, заранѣе обезпечивало Марковичу роль духовнаго вождя поколѣнія.

Онъ уѣзжалъ изъ Бѣлграда подъ сильнымъ вліяніемъ идей Омладины. И хотя въ его фразеолгіи и тогда уже фигурировали и «современныя потребности», и «научныя истины», и «уничтоженіе условій», и «историческіе законы», и «освобожденіе женщины и ея человѣческія права и обязанности», все же долго еще въ его міросозерцаніи были слѣды націонализма и либерализма Омладины. Возвратился же онъ въ Бѣлградъ уже вполнѣ освобожденнымъ отъ пережитковъ либерализма и націонализма, преисполненнымъ «страстной и неумолимой критикой всѣхъ элементовъ европейскаго

либерализма», соціалистомъ, обладавшимъ, какъ мы это видѣли въ его столкновеніи съ «Секціей Славянскихъ Братьевъ», вполнѣ опредѣленной физіономіей.

Поэтому, когда передъ нимъ сталъ уже на дѣлѣ вопросъ о практической работѣ, и притомъ такой работѣ, въ процессѣ которой человѣкъ долженъ быть готовъ къ жертвѣ «за всякій атомъ своихъ убѣжденій», то, естественно, онъ не могъ уже такъ легко, безъ разбора относиться къ людямъ, какъ дѣлала это Омладина. Для него важны были уже не смутныя настроенія сотрудниковъ и товарищей, а ихъ цѣлостность и выдержка.

И потому вернувшись въ Бѣлградъ, онъ прежде всего постарался рѣзко отграничить себя отъ либераловъ. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, онъ, обращаясь къ либеральнымъ членамъ Омладины, писалъ: «...Вамъ нужна партія, чтобы составить министерскій кабинетъ; наше дѣло — фабрика и сельская изба. Что же общаго между тѣмъ и другимъ?»

Было въ этихъ словахъ не только желаніе на первыхъ же порахъ размежеваться. Было здѣсь желаніе кратко и выразительно опредѣлить сущность своей программы, идеальныя перспективы реальной работы.

Итакъ, фабрика и сельская изба. Притомъ прежде всего фабрика. Первой стояла она не только въ краткомъ манифестѣ-программѣ, но и въ хронологическомъ порядкѣ дѣятельности Марковича у себя на родинѣ.

Но здѣсь Марковичу пришлось столкнуться съ фактомъ, нѣсколько вышибавшимъ его изъ позиціи: во всей Сербіи оказалась тогда всего одна, единственная фабрика.

Былъ моментъ, когда Марковичъ рѣшился пойти на компромиссъ. Такъ какъ рабочихъ въ Сербіи не оказалось, то онъ пытался сорганизовать городскихъ ремесленниковъ и съ этой цѣлью работалъ въ 1871 году надъ созданіемъ коопераціи сапожниковъ и портныхъ. Но это предпріятіе окончилось полной неудачей. Не оставалось ничего больше, какъ перейти ко второму пункту программы — къ сельской избѣ.

Выше, въ первой главѣ этого очерка, я въ самыхъ общихъ чертахъ познакомилъ читателя съ тѣмъ процессомъ, который происходилъ тогда въ средѣ сербскаго крестьянства и который довелъ его почти до разоренія. Теперь же, прежде чѣмъ приступить къ описанію дальнѣйшей дѣятельности Светозара Марковича, необходимо отмѣтить, что процессъ этотъ, къ началу 70-хъ годовъ, пошелъ на убыль. Правительство приняло цѣлый рядъ мѣръ, настолько быстрыхъ и рѣшительныхъ (запрещеніе отчужденія и обремененія ипотечными долгами пяти мѣръ земли въ каждомъ сельскомъ хозяйствѣ, устройство окружныхъ земледѣльческихъ банковъ и учрежденій мелкаго и дешеваго кредита и т. д.), что

поколебавшаяся было репутація рая мелкихъ собственниковъ, хотя и медленно, но начала опять возстанавливаться, тѣмъ болѣе, что вымираніе и разложеніе задруги не сопровождалось уже той болѣзненностью, какъ это было въ 60-хъ годахъ.

Марковичъ, оставившій Сербію еще тогда, когда аграрный вопросъ былъ въ ней дѣйствительно больнымъ вопросомъ, вернулся къ себѣ на родину съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ его рѣшеніемъ. Я приведу здѣсь, можетъ-быть, немного длинную цитату, но она сразу введетъ читателя въ кругъ соціологическихъ идей Марковича вообще, и его взглядовъ на аграрный вопросъ въ частности.

«Во всей марксовой теоріи экономической эволюціи есть только одна, но чрезвычайно важная ошибка. Развитіе капиталистическаго общества есть фактическая исторія западно-европейскаго общества; и законы, которые въ ней приведены въ качествѣ законовъ развитія этого общества, дѣйствительно вполнѣ точны. Но они не являются законами человѣческаго общества вообще. Не должно всякое общество пройти черезъ всѣ тѣ же ступени экономическаго развитія, черезъ которыя прошло промышленное общество, напр., Англіи, имѣвшееся преимущественно въ виду Карломъ Марксомъ. Если бы англійскіе рабочіе были въ другомъ положеніи и на другой ступени развитія въ то время, когда у нихъ была изобрѣтена и введена машина, они, конечно, ни за что не допустили бы, чтобы развитіе капиталистическаго хозяйства дошло до конца, и раньше задумались бы надъ вопросомъ о преобразованіи общества. Этимъ мы хотимъ сказать, что то или другое общество можетъ преобразовать свою систему хозяйства, основанную на мелкой собственности, и ввести самое усовершенствованное машинное производство, и совершенно не должно проходить черезъ чистилище капиталистическаго производства» [1]).

Задача же сербскихъ соціалистовъ, работающихъ въ земледѣльческой par excelence странѣ, выражается, по мнѣнію Марковича, въ томъ, чтобы «... склонить мелкихъ собственниковъ, изъ которыхъ состоитъ народная масса, добровольно отказаться отъ мелкой собственности и организовать производство на началахъ собственности коллективной...» [2]) А это, по мнѣнію Марковича, будетъ достигнуто тогда, когда путемъ неустанной пропаганды и агитаціи массѣ мелкихъ собственниковъ будетъ доказана та истина, что подобная коллективная организація производства является для нихъ самой выгодной.

По этимъ выпискамъ читатель, по всей вѣроятности, догадывается, каково было отношеніе Марковича къ сербской задругѣ. Вслѣдствіе недостаточно критическаго отношенія къ разницѣ между сербской задругой и русской общиной,—къ разницѣ, которая должна бы была броситься въ глаза уже хотя бы по тому, что русская община пережила и стойко вынесла самыя разнообразныя испытанія, а сербская задруга стала распадаться сейчасъ же, какъ только измѣнился политическій строй страны — Светозаръ Марковичъ

---

[1]) *Светозаръ Марковичъ:* «Начала политической экономіи», стр. 20 — 21.
[2]) *Св. Марковичъ:* «Полн. собр. сочин.», т. VII, стр. 63 — 64.

перенесъ на задругу всѣ надежды русскаго народничества и считалъ ее идеальной экономической организаціей. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ произведеній онъ упоминаетъ, что задруга, въ отличіе отъ фабрики, даетъ возможность каждому своему члену вполнѣ развивать свою личность. Исходя изъ этого, онъ думалъ, что въ задругѣ можно организовать коллективное производство, но болѣе опредѣленныхъ плановъ по этому поводу онъ нигдѣ не высказывалъ.

Конечно, подобная аграрная программа въ Сербіи того времени не могла открыть никакой почвы для работы. Такъ какъ все сводилось къ тому, чтобы убѣдить мелкихъ собственниковъ отказаться отъ пользованія своей собственностью, то, слѣдовательно, прежде всего нужно было подготовить кадры пропагандистовъ и агитаторовъ, т.-е. заняться пропагандой своихъ идей въ средѣ сербской интеллигенціи.

Ознакомившійся съ фабрикой и сельской избой, С. Марковичъ переноситъ свою дѣятельность въ стѣны Высшей Школы въ Бѣлградѣ и становится организаторомъ, руководителемъ и духовнымъ вождемъ студенческаго общества «Побратимство».

Здѣсь вліяніе Марковича въ теченіе короткаго времени достигаетъ громаднаго напряженія; подъ его вліяніемъ проходитъ здѣсь окончательная ликвидація романтизма, и члены общества становятся реалистами и поборниками «новой науки». Подъ его вліяніемъ «Побратимство» требуетъ у скупщины основанія земледѣльческихъ школъ, необходимыхъ для матеріальнаго благосостоянія народа. А одинъ изъ членовъ предлагаетъ даже закрыть Высшую Школу — этотъ разсадникъ бюрократовъ — и на ея мѣсто основать въ Бѣлградѣ свободную Высшую Школу въ духѣ соціалистическихъ принциповъ. И когда правительство, напуганное столь энергичной дѣятельностью «Побратимства», пріостанавливаетъ чтеніе лекцій въ Высшей Школѣ и, «по соображеніямъ гигіеническаго характера», закрываетъ ея аудиторіи для собраній общества, движеніе становится конспиративнымъ и захватываетъ уже не только студентовъ Высшей Школы, но и семинаристовъ и военныхъ.

Одновременно съ этимъ Марковичъ начинаетъ изданіе первой соціалистической газеты, на Балканскомъ полуостровѣ — «Раденикъ» (Работникъ).

Чувствуется, что Светозаръ Марковичъ нашелъ, наконецъ, почву для пропаганды своихъ идей.

V.

Въ іюлѣ 1870 года Марковичъ вернулся изъ Цюриха въ Бѣлградъ, а въ февралѣ 1875 г. умеръ въ Тріестѣ. Слѣдовательно, та реальная работа на родинѣ, идеальныя перспективы которой

грезились ему еще на школьной скамьѣ, продолжалась неполныхъ пять лѣтъ. Если изъ нихъ вычесть годъ, проведенный Марковичемъ въ эмиграціи, и девять мѣсяцевъ, которые онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, то остается свободной жизни у родного очага всего три года.

Характерно для Светозара Марковича, какъ и для Любена Каравелова, что къ нимъ, какъ будто бы, не можетъ быть приложено наше лѣтосчисленіе. Дни и мѣсяцы ихъ жизни кажутся десятилѣтіями работы, и это еще одна черта, роднящая ихъ съ дѣятелями новаго крыла русскаго освободительнаго движенія.

Пропаганда Марковича у себя на родинѣ ярче всего вылилась въ послѣдовательномъ редактированіи трехъ газетъ: «Раденикъ» (Работникъ), въ 1871—72 гг., «Гласъ Явности» (Голосъ Общества) въ 73—74 гг. и «Освобожденіе» въ 1875 году. Это три фазы его столкновенія съ родной дѣйствительностью, три этапа короткой, героической борьбы. Въ «Раденикѣ» онъ только подходитъ къ соціальному вопросу, къ извѣстной ему только по русской книгѣ, да по воспоминаніямъ дѣтства трудящейся массѣ. Въ «Голосѣ Общества» онъ уже выступаетъ трибуномъ и апостоломъ сербской интеллигенціи, призывая ее къ новой наукѣ и новой политикѣ. А въ «Освобожденіи» онъ уже выходитъ далеко за предѣлы своей родины, стремится связать зарождавшуюся тогда на Балканахъ національную революцію съ революціей соціальной и предвидитъ свободную и сильную Балканскую федерацію — идеалъ, который одушевлялъ его, который согрѣвалъ Любена Каравелова, который неутолимо толкалъ къ активной борьбѣ Христо Ботева. Отъ экономическихъ, доктринерскихъ статей въ «Раденикѣ» онъ переходитъ къ ожесточенной полемикѣ на два фронта — съ правительствомъ и съ Омладиной — въ «Голосѣ Общества» и заканчиваетъ развитіемъ своихъ взглядовъ на роль истиннаго народнаго представительства въ «Освобожденіи».

Такимъ образомъ, дѣятельность Светозара Марковича на родинѣ развивалась въ направленіи отъ экономики, въ которой онъ переоцѣнивалъ сходство между русскими и сербскими экономическими условіями, къ культурной и политической дѣятельности, въ которой передъ нимъ раскрылся широкій просторъ для пропаганды реалистическаго направленія русской мысли.

Въ области культурной дѣятельности важнѣйшей заслугой Светозара Марковича, какъ я уже отмѣтилъ это въ нѣсколькихъ мѣстахъ выше, была его ожесточенная борьба съ либералами вообще, и съ либеральной частью Омладины въ особенности. Результаты, достигнутые имъ въ этомъ направленіи, были громадны. Своимъ литературнымъ трудомъ, объектомъ котораго была вся культурная жизнь сербскаго народа, на всѣхъ ея граняхъ, онъ блестяще завершилъ дѣло, начатое Любеномъ Каравеловымъ. Можно смѣло сказать, что они положили конецъ старой, бюрокра-

тической Сербіи и либеральной политической идеологіи, литературному романтизму, спиритуалистической и метафизической философіи. Они зачинатели реализма въ сербской литературѣ, они — пропагандисты естествознанія, какъ основы философіи. Они, наконецъ, апостолы идеи жертвы, дѣйствительно сгорающіе въ жертвенномъ огнѣ своихъ идеаловъ.

Но если изъ нихъ двоихъ Любенъ Каравеловъ — революціонеръ, поэтъ и писатель — болѣе пылокъ, стремителенъ и страстенъ, то Светозаръ Марковичъ болѣе планомѣренъ и послѣдователенъ. Подготовленная Любеномъ Каравеловымъ, сербская молодежь изъ рукъ Светозара Марковича приняла знамя «реалистическаго направленія въ наукѣ и общественной жизни», и въ теченіе двадцати лѣтъ вся интеллектуальная жизнь Сербіи проходила подъ его несомнѣннымъ и сильнымъ вліяніемъ.

Но наибольшихъ результатовъ достигъ Светозаръ Марковичъ въ области пропаганды своихъ политическихъ идей. У него была довольно разработанная программа внутренней и внѣшней политики, какъ программа - минимумъ, такъ и программа - максимумъ. Ближайшей его задачей въ области внутренней политики была организація партіи, которая противопоставляла бы интересы трудовыхъ народныхъ массъ интересамъ правящихъ классовъ и которая демократически преобразовала бы Сербію на основаніи народнаго суверенитета и широкаго народнаго самоуправленія: на такой почвѣ, по его мнѣнію, уже могла начаться работа въ смыслѣ осуществленія соціалистическихъ идеаловъ. Насколько быстро эта программа пріобрѣла себѣ адептовъ, видно изъ того, что уже въ Народной Скупщинѣ 1874—75 годовъ появляется значительная, сплоченная группа депутатовъ, которые, въ духѣ идей Марковича, начинаютъ борьбу противъ бюрократической системы, при чемъ подъ бюрократизмомъ понимается уже, въ отличіе отъ либеральной точки зрѣнія, не исключительное господство и власть чиновниковъ въ странѣ, а самый фактъ ихъ существованія.

Въ теченіе сессіи 74—75 гг. группа послѣдователей Марковича, лидеромъ ея былъ Адамъ Богославльевичъ, въ парламентѣ не добилась никакихъ положительныхъ результатовъ. Но во время законодательныхъ выборовъ 75 года извѣстія о болѣзни и смерти Светозара Марковича произвели такое сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе въ Сербіи, что число послѣдователей Марковича въ скупщинѣ вырастаетъ вдвое, и въ теченіе сессіи 75—76 годовъ эта группа дѣйствуетъ съ значительнымъ успѣхомъ. Такъ, напр., по вопросу объ окружныхъ начальникахъ, послѣдователи Марковича увлекаютъ за собой всю палату, и административный институтъ, служившій самымъ реальнымъ оплотомъ бюрократизма и полицейскаго произвола въ Сербіи, отмѣняется подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, и это чрезвычайно важно и характерно, что и у самаго Марковича, а потомъ, послѣ его смерти, уже въ значительно большей мѣрѣ у его послѣдователей, все яснѣе и яснѣе выражается нѣкоторый дуализмъ. «Самоуправа»— офиціальный органъ образовавшейся въ 1881 году радикальной партіи, безъ стѣсненія приглашаетъ своихъ приверженцевъ «въ теоріи оставаться пуританами, а на практикѣ быть оппортунистами, въ наукѣ быть соціалистами, а въ политикѣ — радикалами». И именно тому факту, что этотъ дуализмъ съ теченіемъ времени упрочивался среди сербскихъ радикаловъ, слѣдуетъ приписать ихъ постепенное поправѣніе, приведшее ихъ, въ наши дни, къ самому обыкновенному міросозерцанію министеріабельной партіи. Они выбросили за бортъ пуританизмъ въ теоріи и соціализмъ въ наукѣ, и, увлекшись властью, вотъ уже четвертый годъ весьма радикально и прогрессивно, но, конечно, вполнѣ буржуазно, правятъ страной подъ руководствомъ друга и товарища Светозара Марковича по цюрихской эмиграціи, наперсника его эмигрантскихъ думъ, Николы Пашича.

Только полнѣйшей неосвѣдомленности можно приписать мысль, высказанную Бенуа Малономъ о томъ, что «Самоуправа» — офиціальный органъ сербской соціалистической партіи, и основанную на этомъ надежду его, что Сербія первая въ Европѣ провозгласитъ соціалистическую республику. Партія радикаловъ и ихъ органъ «Самоуправа», такъ же какъ и отколовшіеся отъ этой партіи младо-радикалы съ органомъ «Одъекъ», выступивши на широкую политическую арену, неизбѣжно должны были порвать съ соціалистическимъ міросозерцаніемъ своего духовнаго вождя. И, порвавши съ соціализмомъ, они въ то же время всѣ свои духовные взоры обернули въ сторону Запада, такъ что русское вліяніе, къ началу 90-хъ годовъ, въ этой средѣ сербской интеллигенціи свелось на-нѣтъ.

Но по мѣрѣ того, какъ радикалы бѣгутъ отъ соціализма къ реальной политикѣ, меньшая часть учениковъ и друзей Светозара Марковича вернулась къ изученію литературныхъ произведеній своего учителя, и отчасти подъ вліяніемъ этого сильнаго и глубокаго движенія сербской молодежи была основана, въ 1892 году, сербская соціалистическая партія. На ея долю выпала трудная задача пропаганды соціализма въ странѣ, которая теперь, даже больше, чѣмъ при Светозарѣ Марковичѣ, является «раемъ мелкихъ собственниковъ». И, тѣмъ не менѣе, духовно и численно, соціалистическая партія растетъ, и ея единственный представитель въ радикальномъ парламентѣ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не подчеркнуть передъ лицомъ народнаго представительства всей страны разницу міросозерцанія двухъ теченій сербской общественной мысли, исходящихъ изъ одного и того же источника. И въ

этой средѣ, въ средѣ соціалистической ослабѣло, почти свелось на-нѣтъ, наше русское вліяніе.

Я очертилъ схематически дѣятельность Светозара Марковича въ Сербіи въ 1870—75 гг. и ея практическіе результаты въ наши дни. Къ этой части моего очерка мнѣ остается добавить еще одинъ чрезвычайно важный моментъ—взгляды Марковича на національный вопросъ. Они интересны, между прочимъ, и потому, что, раздѣляемые и пропагандируемые въ свое время Любеномъ Каравеловымъ, Христо Ботевымъ и Светозаромъ Марковичемъ, они и по сегодняшній день являются руководящими взглядами трудовыхъ элементовъ всѣхъ балканскихъ народовъ.

Теоретически Светозаръ Марковичъ не придавалъ большого значенія національному вопросу, и въ этомъ чрезвычайно ярко сказывалось и то вліяніе, которое оказывала на него русская соціалистическая мысль, и та борьба, которую онъ велъ съ націоналистическимъ либерализмомъ Омладины. Націонализмъ, по мнѣнію Марковича,—факторъ, который бываетъ то прогрессивнымъ (поскольку противится завоеванію силой), то регрессивнымъ (поскольку способствуетъ возстановленію національнаго ради національнаго, охраненію традицій, ревнивому обособленію отъ чуждаго). Теоретическимъ лозунгомъ его является часто повторяемая имъ формула: «освобожденіе одного народа отъ тираній другого есть только звено въ цѣпи другихъ свободъ».

Въ области же практической политики Марковичъ различалъ въ національномъ вопросѣ двѣ стороны; проповѣдуя, съ одной стороны, освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и освобожденіе Сербіи отъ турецкаго и австрійскаго давленія, онъ неустанно повторялъ, и это было большой смѣлостью въ разгаръ торжества идей либеральнаго сербскаго имперіализма, что только союзъ болгаръ, сербовъ и хорватовъ, что только «Юго - Славянская федерація» можетъ быть залогомъ нормальнаго развитія культурной и политической жизни южныхъ славянъ. Онъ громко протестовалъ противъ современныхъ ему политикановъ, совершенно серьезно мечтавшихъ о «завоеваніи» Босніи съ Герцеговиной и Черногоріи и о созданіи «Великой Сербіи». По его мнѣнію, только побѣдоносная революція въ этихъ странахъ могла бы привести къ тому здоровому «Сербскому Союзу», который былъ бы сильнымъ и дѣятельнымъ членомъ «федераціи Балканскихъ Славянъ».

Это было то же, что проповѣдывалъ Любенъ Каравеловъ болгарскимъ эмигрантамъ въ Бухарестѣ въ своей газетѣ «Свобода», и къ чему призывалъ болгарскихъ революціонеровъ Христо Ботевъ въ издававшейся имъ «Думѣ Болгарскихъ эмигрантовъ». Наконецъ въ наши дни, лозунгъ Балканской федераціи, то въ болѣе широкихъ, то въ болѣе узкихъ границахъ, является единственнымъ народнымъ коррективомъ къ слишкомъ государственнымъ соображеніямъ современной дипломатіи.

* * *

Передо мной лежитъ, рядомъ съ «Думой Болгарскаго Эмигранта» и съ сербскими газетами той эпохи, коллекція Лондонскаго «Впереда» за 1875 и 1876 года. Перелистывая ея пожелтѣвшіе листы, черезъ номеръ-два постоянно встрѣчаешь въ отдѣлѣ «Хроника Борьбы» корреспонденціи изъ Сербіи, часто снабженныя иногда — длинными, иногда—короткими замѣчаніями редакціи. И вчитываясь въ эти корреспонденціи и примѣчанія, чувствуешь, до какой степени сильно было духовное единеніе между тѣмъ теченіемъ сербскаго общества, представителемъ котораго былъ Св. Марковичъ, и редакціей «Впереда».

Вотъ, во 2-омъ № газеты, короткая замѣтка о томъ, что только что выпущенный изъ тюрьмы Светозаръ Марковичъ, этотъ «неутомимый и страстный революціонеръ, котораго не могли да и не могутъ сломать никакія преслѣдованія», приступилъ къ изданію новой—третьей по счету соціалистической газеты «Освобожденье», и редакція «Впереда» «отъ глубины души шлетъ сербскимъ братьямъ по дѣлу пожеланіе всякихъ успѣховъ въ борьбѣ за соціальную свободу сербскаго народа». Вотъ, дальше, въ № 4, длинная замѣтка объ арестѣ сербскаго соціалиста Васы Палагича, съ примѣчаніемъ, что редакція не ручается за вѣрность изложеннаго и ждетъ, что ее познакомятъ съ этой исторіей сербскіе товарищи. А вотъ и траурная страница № 5-го, отъ 15 марта 75 года, въ которой напечатанъ короткій некрологъ:

«Смерть Светозара Марковича».

«Передъ самымъ окончаніемъ номера мы получили отъ 12 марта слѣдующую печальную телеграмму отъ одного изъ нашихъ сербскихъ товарищей:

«Другъ нашъ Марковичъ умеръ вчера въ Тріестѣ. Народное дѣло потеряло въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ борцовъ, но не пропало.

«Нѣтъ, оно не пропало, когда разъ проснулось въ Сербіи сознаніе безобразія нынѣшняго положенія. Светозаръ Марковичъ, о которомъ мы такъ недавно сообщали читателямъ, не вынесъ мученій, которыми осыпало его раздраженное правительство эксплуататоровъ. Но по пути, имъ проложенному, пойдутъ другіе. Его дѣло сдѣлаютъ и за него отомстятъ».

И послѣ смерти Св. Марковича, вѣруя въ его дѣло, редакція «Впереда» ни на минуту не перестаетъ слѣдить за жизнью Сербіи. Все, что предпринимаетъ упоминавшійся уже нами Адамъ Богуславлевичъ, все, къ чему стремятся и о чемъ думаютъ друзья и послѣдо-

ватели Марковича,—все находитъ на страницахъ «Впереда» освѣщеніе, все встрѣчаетъ здѣсь теплыя напутствія и добрыя пожеланія [1]).

Сербская печать въ своемъ стремленіи угодить Милану не уставала перепечатывать и цитировать всѣ эти корреспонденціи «Впереда» и, со своей стороны, сопровождала ихъ комментаріями: «Русскіе нигилисты помогаютъ нашимъ анархистамъ и соціалистамъ». «Берегитесь—нашу страну ждутъ великія смуты». «Будьте готовы». Но сербское общество, даже буржуазія и, можетъ-быть, бюрократія, въ глубинѣ души скорѣе готовы были примириться съ проблематичной помощью русскихъ нигилистовъ, чѣмъ съ тѣми конкретными условіями и предложеніями, которыя исходили изъ Петербурга. Сильно еще было въ сербскомъ обществѣ вліяніе идей Чернышевскаго, сильно было обаяніе Тургеневскихъ образовъ, ярки и свѣжи еще были воспоминанія о русскихъ бюрократахъ въ родѣ статскаго совѣтника Родофиникина, такъ безцеремонно хозяйничавшихъ нѣкогда въ только что освобожденной Сербіи.

Почти всѣ біографы-критики Светозара Марковича приходятъ къ тому убѣжденію, что соціализмъ для него былъ скорѣе интеллектуально-этической идеей, чѣмъ политико-экономической доктриной или соціальнымъ движеніемъ. Съ точки зрѣнія марксизма, его обвиняютъ въ томъ, что онъ, путемъ пропаганды, стремился къ созданію «лучшихъ людей», и еще въ томъ, что онъ работалъ почти исключительно среди интеллигенціи. Его ученіе связываютъ съ ученіемъ Блэчфорда и сотрудниковъ «The Clairon», съ одной стороны, и съ французскими интегральными соціалистами (Бенуа Малонъ и Жоржъ Ренаръ)—съ другой стороны. Но я думаю, что русскому читателю даже этотъ бѣглый очеркъ дастъ ясное представленіе о происхожденіи и родствѣ соціалистическаго міросозерцанія Светозара Марковича, который, уже послѣ того, какъ основательно познакомился съ западно-европейскимъ соціалистическимъ движеніемъ, писалъ: «Интернаціоналъ имѣетъ въ виду только государственныя и экономическія отношенія, русское же движеніе стремится преобразовать всю нашу жизнь, измѣняя самыя идеи наши о семьѣ и религіи».

Влад. Викторовъ-Топоровъ.

---

[1]) См. «Впередъ» за 1875 г., стр. 64, 126, 211, 255, 316 и 508 и за 1876 г., стр. 25, 226, 237, 345 и 382.

Источники разсказа Л. Н. Толстого: „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.

I.

Годъ тому назадъ, редактируя новый сборникъ писемъ Толстого, мы помѣстили автографъ чернового французскаго письма къ неизвѣстному адресату [1]). Собранныя справки позволили намъ тогда дать лишь слѣдующій комментарій къ тексту: «Въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго вѣка въ журналѣ «Русскій Рабочій» появился переводный разсказъ «Отецъ Мартынъ» (безъ указанія источника). Л. Н. воспользовался этимъ разсказомъ и передѣлалъ его въ 1885 г. для народнаго и дѣтскаго чтенія: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ». Прошли года. «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» былъ переведенъ на французскій языкъ. Авторъ «Отца Мартына» узналъ въ Мартынѣ Авдеичѣ своего героя и обратился съ недоумѣніемъ къ Л. Н—чу, который отвѣтилъ настоящимъ письмомъ. Къ сожалѣнію, всѣ розыски и справки у близкихъ Л. Н. лицъ пока не помогли открыть имя французскаго писателя и установить точную дату письма».

Знакомясь прошедшей осенью съ библіотекой Л. Н—ча, мы напали на матеріалъ для рѣшенія того и другого вопроса. Въ одномъ изъ яснополянскихъ книжныхъ шкаповъ нашлась книжка нѣкоего R. Saillens: «Récits et allégories. 3-me édition. Toulouse. Société des publications morales» (1907 г.). Въ числѣ разсказовъ этого сборника оказался и Père Martin. Предисловіе автора къ 1-му изданію (вышедшему, по справкамъ, въ 1889 г.) и приведенное въ немъ письмо Толстого разъясняютъ подробно всю исторію толстовскаго «плагіата», какъ онъ самъ его называетъ; поэтому сообщаемъ здѣсь то и другое.

Авторъ говоритъ: «Среди разсказовъ этого сборника есть одинъ, который въ англійскомъ переводѣ, сдѣланномъ безъ нашего вѣдома и безъ имени автора, имѣлъ счастіе попасться на глаза знаменитому русскому писателю. Онъ передалъ его на своемъ языкѣ съ нѣ-

---

[1]) «Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого», изд. Окто, стр. 369. Короткое письмо это въ переводѣ гласитъ: «Cher monsieur! Не помню, почему я не указалъ источника, откуда мною былъ взятъ разсказъ о Père Martin, который я рядъ лѣтъ тому назадъ перевелъ съ французскаго и приспособилъ для дѣтскаго чтенія. Спѣшу сдѣлать это въ отвѣтъ на Ваше письмо. *Левъ Толстой*»

которыми измѣненіями, и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы были сильно удивлены, встрѣтивъ нашъ разсказъ въ переводѣ съ русскаго на французскій языкъ въ одномъ изъ томовъ сочиненій Льва Толстого. Мы написали ему объ этомъ. Вотъ его отвѣтъ.

«М. Г. Я въ отчаяніи по поводу причиненнаго вамъ безпокойства и прошу простить меня за ошибку, какъ вы увидите, совершенно непроизвольную.

Въ Россіи выходитъ ежемѣсячное, мало кому извѣстное, изданіе «Рабочій». Одинъ изъ моихъ друзей далъ мнѣ номеръ этого журнала, гдѣ находился переводъ съ приспособленіемъ къ русской жизни вашего разсказа «Отецъ Мартинъ», безъ указанія автора, предлагая воспользоваться имъ для народнаго разсказа. Разсказъ очень мнѣ понравился; я лишь немного измѣнилъ стиль, прибавилъ нѣсколько сценъ и отдалъ пріятелю для изданія безъ моего имени, какъ то было условлено между нами не только относительно «Отца Мартина», но и разсказовъ, написанныхъ мною. При второмъ изданіи издатель просилъ позволенія выставить мое имя на полученныхъ отъ меня разсказахъ. Я далъ согласіе, упустивъ изъ виду, что среди разсказовъ, восемь изъ которыхъ были мои, находится и не принадлежащій мнѣ «Отецъ Мартинъ»; но такъ какъ онъ былъ передѣланъ мною, издатель не усумнился поставить и на немъ мое имя. Редактируя одно изъ изданій, я прибавилъ къ заглавію: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» въ скобкахъ: «заимствовано съ англійскаго», такъ какъ другъ, давшій мнѣ журналъ, сказалъ, что разсказъ написанъ англійскимъ авторомъ. Но въ полномъ собраніи сочиненій эта прибавка была опущена, ту же ошибку допустилъ и переводчикъ.

Вотъ какимъ образомъ, М. Г., я, къ великому сожалѣнію, оказался виновенъ передъ вами въ неумышленномъ плагіатѣ, и настоящимъ письмомъ я съ величайшимъ удовольствіемъ свидѣтельствую, что разсказъ «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» есть не что иное, какъ переводъ и приспособленіе къ русскимъ нравамъ вашего чуднаго разсказа «Отецъ Мартинъ».

Прошу васъ простить мою невнимательность и принять увѣреніе въ братскихъ чувствахъ.

Левъ Толстой [1]).

---

[1]) Приводимъ подлинникъ письма Толстого: «Monsieur. Je suis vraiment désolé de vous avoir causé de la peine et je vous prie de me pardonner ma faute, qui est bien involontaire, comme vous allez voir. Il parait en Russie une feuille mensuelle très peu répandue: le Rabochie, c'est à dire: L'Ouvrier. Un de mes amis me donna le numéro de ce journal dans lequel se trouvait une traduction et une adaptation à la vie russe de votre récit *le père Martin,* sans nom d'auteur, en me proposant de profiter de ce récit pour en faire un conte populaire. Le récit me plut beaucoup; je ne fis que changer un peu le style et ajouter quelques scènes et le rémis à mon ami pour le publier sans mon nom, comme cela était convenu non seulement pour *le père Martin* mais même pour es récits, qui étaient de moi. Pour la séconde édition l'éditeur me pria de

Итакъ, весь ходъ дѣла былъ, повидимому, таковъ. Въ началѣ 80-хъ гг. R. Saillens помѣстилъ разсказъ «Le père Martin» въ какомъ-нибудь журналѣ, откуда онъ былъ переведенъ (съ передѣлками) въ періодическомъ листкѣ «Русскій Рабочій» [1]); здѣсь его увидѣлъ Толстой и воспользовался имъ для своего разсказа.

Когда Saillens, готовя въ концѣ 80-хъ гг. свой сборникъ, узналъ свое произведеніе во французскомъ изданіи сочиненій Толстого и написалъ ему, Толстой, очевидно, не припомнивъ сразу исторіи своего разсказа, немедленно набросалъ тотъ краткій и общій черновикъ отвѣта, который былъ напечатанъ нами въ автографѣ, а затѣмъ, наведя справки и возстановивъ ходъ дѣла, отвѣтилъ вышеприведеннымъ обстоятельнымъ письмомъ. Но одна неточность вкралась какъ будто и въ это письмо. Толстой упоминаетъ, что въ одномъ изъ изданій онъ прибавилъ къ заглавію разсказа: «заимствовано съ англійскаго». Всѣ наши поиски за такимъ изданіемъ остались тщетны, хотя мы пересмотрѣли едва ли не всѣ изданія 80-хъ годовъ; но изданіе «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» СПБ. Комитета Грамотности 1886 г. носитъ на обложкѣ послѣ заглавія слова: «передѣлка съ французскаго». Это заставляетъ насъ видѣть въ упоминаніи Толстого объ англійскомъ текстѣ ошибку памяти его или того знакомаго, который впервые указалъ ему на «Русскаго Рабочаго», и у котораго онъ, вѣроятно, навелъ справку, готовя свой отвѣтъ Сайяну. Возможно, конечно, допустить существованіе посредствующаго англійскаго перевода съ указаніемъ на французскій оригиналъ и признать, что Толстой ограничился ссылкой на непосредственный источникъ русскаго журнала, а изданіе СПБ. Комитета Грамотности отмѣтило первоисточникъ. Но это не мѣняетъ существа дѣла.

---

lui accorder le droit de mettre mon nom aux récits qu'il avait reçus de moi. J'y consentis sans penser que parmi ces récits dont huit étaient de moi le récit *Martin* ne l'était pas. Mais comme il avait été réfait par moi, l'éditeur y mit mon nom comme aux autres. — Dans l'une des éditions redigées par moi je fis ajouter au titre: *Là où est l' amour, là est Dieu* la parenthèse: *emprunté de l'anglais,* l'ami qui m'avait donné le journal m'ayant dit que le récit était d'un auteur anglais. Mais dans mes oeuvres complètes on a omis la parenthèse et le traducteur a fait la même faute. — C'est ainsi, monsieur, qu'à mon grand regret je me suis rendu coupable envers vous d'un plagiat involontaire, et c'est avec le plus grand plaisir que je constate içi par cette lettre que le récit: *Là où est l'amour, là est Dieu* n'est qu'une traduction et une adaptation aux moeurs russes de votre admirable récit *Martin.*

Je vous prie, Monsieur, d'excuser ma négligence et de recevoir l'assurance de mes sentiments fraternels. Léon Tolstoi.

[1]) 1884 г., № 1. Заглавіе здѣсь: «Дядя Мартынъ». Этотъ ежемѣсячный листокъ (8 страницъ большого формата въ три столбца) былъ основанъ въ Петербургѣ въ 1875 г. г-жей М. Г. Пейкеръ, близко стоявшей къ родоначальнику «пашковцевъ», В. А. Пашкову, и къ основанному имъ «Обществу поощренія духовно-нравственнаго чтенія». Журналъ издавался до 1880 г. и за смертью издательницы продолжался (послѣ перерыва въ два года) ея дочерью, А. И. Пейкеръ; закрылся въ 1886 г.

II.

Послѣ внѣшней исторіи интересующаго насъ разсказа перейдемъ къ французскому его оригиналу.

Нѣсколько десятковъ короткихъ разсказовъ и притчъ, собранныхъ въ изящно изданной книжкѣ Сайяна, излагались авторомъ сперва устно передъ Тулузской общиной евангелическихъ христіанъ на «Réunions populaires évangéliques». Выходъ книжки третьимъ изданіемъ (правда, на протяженіи 18 лѣтъ) и нерѣдкое появленіе разсказовъ отдѣльными брошюрами, а также переводъ на нѣсколько языковъ (о чемъ говоритъ авторъ въ предисловіи къ 3-му изд.),— все это указываетъ на то, что Сайянъ пользовался извѣстнымъ успѣхомъ. И дѣйствительно, его разсказы не лишены и жизненной наблюдательности и образности; писанные, по его словамъ, безъ всякой заботы о литературности, они, несомнѣнно, принадлежатъ литературѣ; въ ихъ большой простотѣ, въ ясности и сжатости слога, какъ и въ чистотѣ гуманной, религіозной мысли много дарованія и умѣлости. Опредѣленно глядитъ изъ каждаго разсказа религія Христа, религія любви, нравственности и человѣколюбія, «безъ лжи, лицемѣрія и формализма»,—религія, признающая, что «лучшимъ, единственнымъ Божіимъ храмомъ на землѣ служитъ человѣческая жизнь, самая скромная и смиренная, но вся проникнутая Богомъ» (Le Temple). Не разъ видно спокойное, но твердое отрицательное отношеніе къ всякой обрядности и церковности (La Source, La Sainte ampoule). Le père Martin принадлежитъ къ недурнымъ разсказамъ книжки, но мы бы не назвали его лучшимъ.

Переходя къ самому разсказу, мы не считаемъ нужнымъ подробно и близко передавать его содержаніе во французскомъ оригиналѣ, такъ какъ Толстой не былъ съ нимъ знакомъ въ 1885 г. и положилъ въ основу своего пересказа неизвѣстно кому принадлежащую русскую обработку. Вмѣсто этого мы отмѣтимъ всѣ характерныя особенности этой послѣдней въ отличіе отъ подлинника и попутно выяснимъ оригинальныя черты, внесенныя Толстымъ. Разсказъ у всѣхъ авторовъ слѣдуетъ одному и тому же плану: старый, одинокій сапожникъ, религіозно настроенный, разъ, подъ вліяніемъ чтенія Евангелія, какъ будто услышалъ голосъ Бога, обѣщавшаго посѣтить его; весь слѣдующій день онъ ожидаетъ чудеснаго посѣщенія, принимаетъ въ своей комнатѣ рядъ гостей, оказываетъ имъ добро и ласку, не подозрѣвая, что въ этомъ именно и состоитъ выполненіе обѣщанія; наконецъ, уже вечеромъ, разочарованный, онъ утѣшенъ видѣніемъ, открывшимъ ему истину. Прослѣдимъ теперь, какъ передана бытовая обстановка героя, его характеристика и обстоятельства эпизода, важныя въ томъ или иномъ отношеніи.

Мартынъ (русскій анонимъ назвалъ его Авдеичемъ, что удержано и Толстымъ) у Сайяна живетъ въ Марсели, въ деревянной

лавочкѣ на углу площади и чинитъ обувь рыбакамъ, торговкамъ, школьникамъ; говоря о томъ, что онъ знаетъ состояніе обуви у всѣхъ въ околоткѣ, французъ не обошелся безъ каламбура: il sait où le soulier les blesse. Русскій авторъ перемѣстилъ героя въ подвалъ каменнаго дома въ глухомъ переулкѣ большого города; это побудило его сказать дальше, что изъ своего окна, выходившаго на улицу, Авдеичъ могъ наблюдать за прохожими, «главное изучать ихъ обувь, что особенно занимало старика». Но, обронивъ эту живую черту, онъ далѣе забылъ ее и ничего съ нею не сдѣлалъ. Изъ этого «подвала», подвернувшагося подъ его перо, лишь Толстой извлекъ рядъ художественныхъ подробностей, прямо переносящихъ насъ въ каморку сапожника: «Хоть видны были только ноги, но Мартынъ Авдеичъ по сапогамъ узнавалъ людей»... «И часто въ окно онъ видалъ свою работу». И когда сапожникъ весь слѣдующій день пристально смотритъ въ окно, Толстой никогда не забываетъ прежде всего отмѣтить, въ чемъ былъ обутъ прохожій, при чемъ Авдеичъ нерѣдко, едва взглянувъ на обувь, уже знаетъ, кто прошелъ: «а какъ пройдетъ кто въ незнакомыхъ сапогахъ, изогнется, выглядываетъ изъ окна, чтобы не однѣ ноги, а и лицо увидать». Такъ онъ «по старымъ, обшитымъ валенкамъ» узналъ Степаныча, «по чищенымъ калошамъ» — сосѣдняго домохозяина, у проходившихъ солдатъ успѣлъ замѣтить, что одинъ былъ въ казенныхъ, а другой въ своихъ сапогахъ, и любопытно выглянулъ изъ-подъ окна при видѣ «шерстяныхъ чулокъ и деревенскихъ башмаковъ» женщины съ ребенкомъ. Наконецъ однажды «подвальная» точка зрѣнія дана въ новомъ поворотѣ: «Работаетъ, а самъ окно помнитъ. И какъ потемнѣетъ въ окнѣ,—сейчасъ взглядываетъ, кто прошелъ».

Вообще вся бытовая обстановка Мартына и его ремесла представлена у предшественниковъ Толстого далеко недостаточно и безъ всякой художественной цѣльности. Сказавъ вначалѣ два-три общихъ слова о его работѣ, Сайянъ въ дальнѣйшемъ словно забываетъ, что рисуетъ сапожника, и только разъ возвращается къ его профессіи, чтобы ввести чувствительный эпизодъ невысокой пробы: у него Мартинъ, размышляя о томъ, чѣмъ бы онъ могъ одарить родившагося Спасителя, если бы жилъ въ то время (дѣло происходитъ наканунѣ Рождества), беретъ съ этажерки пару миніатюрныхъ дѣтскихъ башмачковъ, сбереженныхъ на память, какъ лучшая его когда-то работа, и говоритъ: «вотъ что я предложилъ бы ему. Мать была бы довольна!» Эта сцена повторена и по-русски (кромѣ, впрочемъ, упоминанія о Богородицѣ). Вотъ и все. Русская передѣлка прибавила къ профессіональнымъ чертамъ отъ себя еще отзывъ кухарокъ и торговокъ о работѣ Авдеича: «Ужъ нечего говорить, мастеръ на свое дѣло; его подошвы не скоро изобьешь, и по шву ни за что не распорется, какъ у другихъ, безсовѣстныхъ, и гвоздь въ ногу не вопьется». Но, повторяемъ, здѣсь нѣтъ живой картины.

Толстой ни на минуту не забылъ, что рисуетъ сапожника: отвергнувъ вообще внѣшнюю исключительность момента (Сочельникъ—съ аппетитнымъ запахомъ жареной индѣйки по улицамъ у француза и веселыми огнями елки въ окнахъ—у русскаго), онъ посадилъ передъ нами Авдеича на цѣлый день работать, при чемъ говорилъ о его работѣ, какъ человѣкъ, близко знакомый съ сапожнымъ дѣломъ; упомянемъ лишь объ одной характерной подробности: Авдеичъ закладывалъ Евангеліе «обрѣзкомъ сафьяна». Затѣмъ рядъ деталей домашней жизни сапожника: его стряпня, угощенье женщины, приготовленіе и питье чая и т. д.,—все это живо переноситъ насъ въ хозяйство русскаго одинокаго ремесленника съ его привычками и повадками пожилого, степеннаго человѣка; въ этомъ отношеніи мы не находимъ почти ничего у нашихъ обоихъ авторовъ, занятыхъ всего болѣе религіозно-моральной цѣлью (Сайянъ, впрочемъ, даетъ здѣсь два-три мелкихъ штриха).

Болѣе широкія бытовыя черты разсказа, нашедшія себѣ мѣсто въ типахъ посѣтителей сапожника и въ ихъ разговорахъ, разумѣется, всего болѣе подлежали измѣненіямъ при русской обработкѣ. Надо сказать, что анонимъ внесъ здѣсь много своего, и кое-чѣмъ у него воспользовался Толстой, внося иногда однимъ-двумя взмахами пера крупныя улучшенія. Изъ двухъ гостей—метельщика и женщины съ ребенкомъ, удачнѣе вышелъ у анонима первый; онъ и больше въ русскихъ нравахъ, и значительно содержательнѣе противъ подлинника. У Сайяна онъ данъ, можетъ-быть, и вѣрно, но чисто внѣшне: это—уличный рабочій,здоровый и сильный малый, съ грубоватой рѣчью, невѣжественный настолько, что разговоръ съ нимъ о Богѣ представлялъ чуть не сплошное недоразумѣніе. «Кого вы ждете?» спрашиваетъ онъ, видя, что сапожникъ все глядитъ на улицу. «Своего Хозяина» [1]).—«Такъ вы работаете на магазинъ?» Мартинъ объясняетъ, что рѣчь идетъ объ иномъ «хозяинѣ», объ Іисусѣ Христѣ. «Я слыхалъ о немъ, но не знаю, кто это такое. Гдѣ онъ живетъ?» Эта единственная черта духовнаго облика, пусть даже она типична для марсельскаго чернорабочаго, дальше испорчена его молніеноснымъ «обращеніемъ»; едва Мартинъ передалъ ему евангельскій разсказъ о рожденіи Спасителя «съ прибавкой нѣкоторыхъ подробностей», какъ онъ проситъ у него Евангеліе, увѣренно заявляетъ: «я думаю, вы не увидите Христа, какъ надѣетесь, но зато вы открыли Его мнѣ», и уходитъ съ глубокомысленными словами: «во всякомъ случаѣ, вы не потеряли нынче даромъ вашего времени». Въ русской передѣлкѣ выведенъ Степанычъ, увѣчный и хилый старикъ, тихаго нрава, не желающій жить подаяніемъ; ему изъ состраданія даютъ уголъ и грошевое жалованье, чтобы помогалъ двор-

---

[1]) Такъ пришлось перевести Maître, такъ какъ *Господинъ* или *Господь* не даютъ недоразумѣнія.

нику сгребать снѣгъ. Каламбуры съ Maître, конечно, отсутствуютъ, на вопросъ о Христѣ онъ говоритъ: «какъ не знать; грамотѣ хоть не знаю, а слышалъ про Него, что Онъ Спаситель нашъ, и сердцемъ Его часто поминаю». Послѣ разсказовъ Авдеича о Спасителѣ (не представленныхъ авторомъ) онъ говоритъ: «Ну, ужъ дождешься ли ты Его,—не знаю. А зато ты мнѣ Его точно живого показалъ. Будто и стоитъ Онъ тутъ близко и говоритъ со мной. Спасибо тебѣ, угостилъ ты меня для праздника Господня: и душу и тѣло надѣлилъ. Будетъ времечко, не взыщи, если опять приду послушать. Господь тебѣ отдастъ (sic!) за это». Здѣсь почти все вѣрно и довольно живо. Толстой, какъ легко видѣть, очень многое отсюда перенесъ въ свой разсказъ, но онъ нарисовалъ живую картинку появленія Степаныча въ подвалѣ, ихъ чаепитія, а главное—первую роль въ бесѣдѣ онъ справедливо представилъ Авдеичу. При глубокомъ одушевленіи Авдеича, вообще стоящаго выше убогаго Степаныча, послѣдній, естественно, не могъ остаться такимъ «рѣчистымъ»; Толстой далъ ему сильно почувствовать горячую рѣчь Авдеича, но отвѣчаетъ онъ на нее лишь безмолвнымъ вниманьемъ и катящимися по лицу слезами да краткой благодарностью (кстати, почти дословно взятою изъ русскаго оригинала). Очень характерно и хорошо, что, прослушавъ разсказъ Авдеича о голосѣ, Степанычъ лишь молча покачалъ головой.

Женщина съ ребенкомъ удалась анониму значительно хуже; здѣсь онъ почти вездѣ близко слѣдовалъ французскому тексту, а гдѣ отступалъ, тамъ не согласовалъ своихъ передѣлокъ другъ съ другомъ. Фигура вышла блѣдна и малоправдоподобна въ русскихъ условіяхъ. Авторъ сдѣлалъ ее солдаткой, въ лохмотьяхъ, но грамотной, необыкновенно привязанной къ Евангелію, которое она получила въ школѣ: «Ни до какой другой книжки, бывало, охоты нѣтъ». И многое про Христа она помнитъ наизусть. Евангеліе это взялъ съ собой мужъ, когда шелъ въ службу: «я и рада, что онъ взялъ,—думаю, отъ зла сбережетъ его, да и жаль было разстаться съ Божіей книгой». На заявленіе Авдеича, что Господь самъ обѣщалъ ему прійти, эта экзальтированная поклонница Евангелія говоритъ, что хотѣлось бы ей дождаться его здѣсь, да пора на квартиру, «хозяйка велѣла приходить квартиру караулить, сама въ гости идетъ». Понятно, что Толстой зачеркнулъ эту ложную фигуру и нарисовалъ вмѣсто нея свою съ типичнымъ и яркимъ бытовымъ фономъ (сдѣлавъ, впрочемъ, тоже ее солдаткой). Интересно, что онъ далъ ей почувствовать присутствіе Бога въ ея нелегкой долѣ: «спасибо, хозяйка жалѣетъ насъ за ради Христа на квартирѣ, а то бы не знала, какъ прожить»; помощь Авдеича она тоже разсматриваетъ, какъ прямое Божіе попеченіе. Это согрѣло, очеловѣчило ея обликъ и мы воспринимаемъ, какъ вполнѣ естественный, ея серьезно-простодушный откликъ на слово Авдеича, что онъ ждетъ Господа.

«Все можетъ быть», просто сказала она. Толстому же, какъ увидимъ, эта черта была, кромѣ того, важна и для главной цѣли разсказа.

III.

Характеристика самого Мартына, разумѣется, обогатилась подъ перомъ Толстого рядомъ новыхъ чертъ и выиграла въ ясности и значительности. Наиболѣе общія черты личности и ея положенія онъ, впрочемъ, оставилъ такими же, какъ ихъ нашелъ у анонима: добрый, скромный и кроткій человѣкъ, иногда немного выпивавшій, послѣ потери семьи сильно тосковалъ и нашелъ утѣшеніе въ религіи. У Сайяна онъ, кромѣ того, наивно простоватъ, что даетъ себя знать особенно ясно въ двухъ случаяхъ: въ извѣстныхъ уже намъ мечтахъ о поднесеніи башмачковъ и въ размышленіяхъ о томъ, какъ ему узнать на улицѣ проходящаго Спасителя, такъ какъ голосъ сказалъ: «Старайся узнать меня, ибо я самъ тебѣ не откроюсь». Тутъ онъ надѣется на то, что «во всѣхъ церквахъ видѣлъ Его портреты», и затѣмъ, увидавъ на другой день изъ окна молодого бѣлокураго кюрэ съ голубыми глазами, «точь въ точь, какъ Христосъ на иконахъ», чуть было не впалъ въ ошибку, но кюрэ, проходя, шепталъ: «грѣхи, грѣхи!» (Mea culpa!), и сапожникъ рѣшилъ, что это не онъ: «*Онъ*, конечно, не сталъ бы каяться». Русскій пересказъ опустилъ и священника и «портреты»; Мартынъ здѣсь говоритъ, что хотя онъ никогда не видалъ Господа, но все-таки, можетъ-быть, узнаетъ Его: чѣмъ бы ни руководился авторъ— болѣе вѣрнымъ вкусомъ или цензурными опасеніями, но это мѣсто у него смягчено. Но и онъ, какъ мы видѣли, не воздержался отъ умилительныхъ башмачковъ. Нечего и говорить, что въ простомъ и серьезномъ замыслѣ Толстого нѣтъ мѣста подобнымъ внѣшнимъ и мелкимъ пріемамъ изображенія: его Авдеичъ, какъ человѣкъ съ подлиннымъ, внутреннимъ религіознымъ чувствомъ, даже не задается вопросомъ, узнаетъ ли онъ удивительнаго посѣтителя, точно такъ же, какъ и тотъ не предупреждаетъ его о скрытости своего вида, точно какъ бы не довѣряя его внимательности. Дальше мы будемъ имѣть еще случай наблюдать подобныя наивно фальшивыя краски французскаго автора, отчасти исправленныя въ русской обработкѣ, а теперь перейдемъ къ прошлому Авдеича.

Склонный къ эффектамъ, Сайянъ сообщаетъ, что давно овдовѣвшій герой его лишился взрослыхъ сына и дочери, при чемъ они не просто умерли: сынъ, матросъ десять лѣтъ какъ пропалъ въ морѣ съ своимъ бригомъ, а про дочь онъ никогда не говоритъ и при разспросахъ только мрачно качаетъ головой. Русскій авторъ значительно упростилъ положеніе, оставивъ сапожнику лишь одного ребенка, умершаго черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ матери, при чемъ далъ нѣсколько почувствовать привязанность къ нему отца и

тепло, которое ребенокъ вносилъ въ его жизнь; здѣсь только одна черта портитъ дѣло: мы даже не знаемъ толкомъ, былъ это сынъ или дочь, такъ какъ авторъ упорно зоветъ ребенка «малюткой». Но, несомнѣнно, толстовскій Капитошка обязанъ этому «малюткѣ» своимъ происхожденіемъ. Обращеніе Мартына къ религіи у Толстого поставлено въ прямую связь съ тоской его по ребенкѣ, вслѣдъ за анонимомъ, который ввелъ эту черту отъ себя. Но самое обращеніе разыгрывается у всѣхъ трехъ авторовъ по-своему. Французскій сапожникъ просто какъ-то началъ бывать на собраніяхъ (очевидно, евангелическихъ христіанъ), «гдѣ пѣли гимны и говорили о bon Dieu», и съ тѣхъ поръ сталъ по вечерамъ вмѣсто партіи пикета въ кафэ сидѣть дома и читать le gros livre. Русскій дядя Мартынъ сильно горюетъ о малюткѣ. «Все пропало, жить больше не для кого», твердилъ онъ, и то же повторялъ зашедшему навѣстить его батюшкѣ о. Ивану. Тотъ возразилъ: «Не пропало то, что Господь на небо перенесъ—оно тамъ цѣлѣе будетъ, чѣмъ на землѣ. Есть тамъ для тебя и другое сокровище—это самъ Господь; и для Него тебѣ теперь жить надо». Въ отвѣтъ на это Авдеичъ сказалъ: «Надо бы божественную книгу достать; авось, вразумитъ она меня»; о. Иванъ предложилъ ему «Новый Завѣтъ крупной печати», и Авдеичъ нашелъ въ немъ утѣшеніе. Тутъ есть неумѣлости и слабыя мѣста: священникъ говоритъ блѣдно, о Евангеліи заговорилъ самъ сапожникъ, — но это значительно лучше французскаго оригинала, и Толстой кое въ чемъ примкнулъ къ своему подлиннику. Но своеобразныя измѣненія его интересны. Его Авдеичъ, затосковавъ, «пересталъ ходить въ церковь», и обращеніе произошло подъ вліяніемъ земляка-старика, зашедшаго къ нему отъ Троицы. Тотъ разъяснилъ ему эгоистическую подкладку его отчаянія («ты для своей радости жить хочешь») и указалъ на жизнь для Бога, путь къ которой данъ въ Евангеліи. И Авдеичъ досталъ себѣ «Новый Завѣтъ крупной печати» (ср. выше). Все его обращеніе произошло помимо церкви, и его новая «жизнь для Бога» ни въ чемъ церковномъ не проявилась—какъ дальше и у анонима, но послѣдній не выдержалъ идеи отъ начала до конца, вставивъ о. Ивана.

Слѣдя далѣе за развитіемъ характеристики, мы выносимъ то же впечатлѣніе большей душевной глубины и серьезной простоты толстовскаго героя. Онъ гораздо болѣе внутренно полонъ Христомъ, глубже чувствуетъ Его и къ ожидаемому посѣщенію относится сдержаннѣе и достойнѣе. Père Martin, напр., много волнуется внѣшними соображеніями: какъ ему узнать необыкновеннаго гостя, что предложить ему въ даръ, вспоминаетъ по этому поводу, что̀ поднесли Младенцу волхвы, дали ли что-нибудь пастухи, и почему объ этомъ молчитъ Писаніе. Вечеромъ онъ разочарованъ и грустенъ, не въ силахъ принять и за обычное чтеніе Евангелія и все повторяетъ: «Онъ не пришелъ! Такъ то былъ сонъ! А я такъ надѣялся!»

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы ничего не узнаемъ относительно того, какъ онъ чувствуетъ своего Бога, какъ понимаетъ себя и свою роль въ этомъ знаменательномъ событіи, чѣмъ именно дорогъ ему Спаситель. Онъ просто повторяетъ своимъ посѣтителямъ голую фразу: il m'a promis de venir, и когда ему пришлось объяснить метельщику, что такое этотъ ожидаемый «Господинъ» (Maître), авторъ не вложилъ въ его уста никакихъ личныхъ религіозныхъ переживаній и сказалъ лишь, что «онъ передалъ въ краткихъ словахъ прочитанный наканунѣ разсказъ (о Рождествѣ), прибавивъ отъ себя нѣсколько подробностей». Характерно уже то, что дѣло происходитъ въ сочельникъ и père Martin читаетъ главу о Рождествѣ Спасителя; онъ думаетъ о новорожденномъ Христѣ, и его жажда «принять Бога» есть прежде всего желаніе почтить и пріютить Мать и Младенца, «которымъ не нашлось мѣста въ гостиницѣ». Русскій авторъ во всемъ этомъ идетъ за своимъ оригиналомъ: та же внѣшняя, нервная суетливость ожиданія и печальная обманутость въ концѣ, то же отсутствіе живого образа Христа и Его ученія въ растерянной душѣ; мы не знаемъ, чего ждетъ отъ этого посѣщенія герой, занятый, кажется, болѣе всего боязнью «не прозѣвать» и вопросомъ, будетъ ли сдержано обѣщаніе. Метельщикъ и Степанычъ собственно довольно опредѣленно направляли его къ истинному пониманію, но онъ очень нечутко пропустилъ мимо вниманія слова о томъ, что онъ имъ показалъ Бога, какъ бы присутствующимъ здѣсь: ему всего важнѣе былъ именно матеріальный внѣшній фактъ.

Совершенно иначе обработано это у Толстого. Нѣтъ ни Рождества, ни безпріютнаго «Младенца»; читается другая глава отъ Луки: «Ударившему тебя по щекѣ подставь и другую... И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними»... и дальше о томъ, что слушающій слова Христовы и исполняющій утвердилъ домъ свой на камнѣ, а не исполняющій—на пескѣ. Тутъ Авдеичъ «сталъ примѣрять свою жизнь къ словамъ этимъ»: «что̀ мой домъ — на камнѣ или на пескѣ? Хорошо, какъ на камнѣ... Помоги мнѣ, Господи». Затѣмъ онъ читаетъ слѣдующую главу и останавливается на разсказѣ о посѣщеніи Господомъ Симона фарисея и объ оправданіи женщины-грѣшницы; мысль его опять направляется на себя и свою грѣховность: «Такой же, видно, какъ я, фарисей-то былъ. Тоже, я чай, только о себѣ помнилъ. Какъ бы чайку напиться, да въ теплѣ, да въ холѣ, и нѣтъ того, чтобы о гостѣ подумать... Кабы ко мнѣ пришелъ, развѣ я такъ бы сдѣлалъ?» Тутъ, задремавъ, слышитъ онъ голосъ. Очнувшись и недоумѣвая, во снѣ или наяву было это, онъ тушитъ огонь и ложится спать.

Внутренняя работа, поднявшаяся въ немъ съ этихъ поръ, не прекращается. Утромъ, послѣ хозяйственныхъ заботъ, сѣвъ за работу, онъ продолжаетъ колебаться, померещилось ему, или и вправду слышалъ онъ голосъ. «Что жъ, думаетъ, бывало и это».

Посматривая въ окно и увидавъ Степаныча, онъ посмѣялся надъ своимъ легковѣріемъ и ругнулъ за него себя. Въ разговорѣ съ Степанычемъ, застигнутый врасплохъ вопросомъ: «Али ждешь кого?» онъ разсказываетъ подробно про вчерашній случай, сперва совѣстясь и словно удивляясь самъ на себя, а затѣмъ, перейдя къ личности Христа, воодушевляется: «Вѣдь то же, думаю, когда Онъ Батюшка по землѣ ходилъ, не брезговалъ никѣмъ, а съ простымъ народомъ больше водился. Все по простымъ ходилъ, учениковъ-то набиралъ все больше изъ нашего брата, такихъ же, какъ мы, грѣшные, изъ рабочихъ». И онъ съ жаромъ передаетъ цѣлый рядъ изреченій Христа, очевидно, поразившихъ его своимъ демократизмомъ, близостью къ міру «нищихъ и смиренныхъ...» На всемъ остальномъ протяженіи разсказа, Авдеичъ также полонъ Христомъ, и тогда, когда «строчитъ, а самъ все въ окно поглядываетъ — Христа ждетъ, все о Немъ и о Его дѣлахъ думаетъ. И въ головѣ у него все «Христовы рѣчи разныя» и тогда, когда даетъ торговкѣ яблоками практическій урокъ приложенія къ жизни евангельскаго ученія. Все это прекрасно раскрываетъ намъ внутреннюю религіозность Авдеича, а самый характеръ этой религіозности такъ показателенъ для Толстого.

Обогащеніе личности Авдеича сказалось не только въ живомъ и своеобразномъ воспріятіи имъ Христа и Его ученія. Онъ вообще у Толстого, какъ мы сказали, глубже и серьезнѣе, и, не переставая быть мягкимъ и скромнымъ, онъ, наконецъ, обнаруживаетъ черты живой, активной натуры (чего нѣтъ ни у Сайяна, ни въ русскомъ пересказѣ). Послѣднее видно, напр., въ игрѣ съ ребенкомъ солдатки, въ этомъ чмоканьи, въ шутливомъ замахиваніи чернымъ отъ сапожнаго вара пальцемъ, въ радости, когда онъ вызвалъ у ребенка смѣхъ. Но особенно чувствуется горячій темпераментъ старика въ эпизодѣ съ торговкой яблоками, цѣликомъ принадлежащемъ Толстому, очень живомъ и важномъ. Увидавъ, какъ старуха треплетъ за волосы воришку, Авдеичъ бросилъ на полъ шило и въ одинъ мигъ былъ на улицѣ, потерявъ на лѣстницѣ очки. Какъ онъ кинулся ихъ разнимать, какъ въ одно и то же время упрашивалъ старуху, усовѣщивалъ мальчика, совалъ ему въ руку яблоко, добившись раскаянія, разсказалъ торговкѣ притчу, размягчилъ обоихъ и долго потомъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, когда они, примиренные, дружно пошли вмѣстѣ,— во всемъ этомъ ярко видна хорошая, быстро загорающаяся душа. Но эпизодъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Задумавъ своего старика болѣе глубоко и серьезно, Толстой, очевидно, не хотѣлъ сосредоточивать его психологіи на все болѣе и болѣе нетерпѣливомъ ожиданіи физическаго появленія Христа и закончить это нервное состояніе жалкимъ упадкомъ и разочарованностью; онъ чуялъ въ этомъ ахиллесову пяту своего оригинала. У него разсказъ развивается въ обратномъ направленіи: Авдеичъ, начавши день со стыдливыхъ,

но довольно живыхъ надеждъ, перевидалъ затѣмъ рядъ людей съ ихъ заботами, нуждами и ошибками; активно отозвавшись на все, ко всему примѣнивъ дорогіе завѣты своего Христа, увидавъ, что есть Богъ въ жизни людей (слезы Степаныча, вѣра солдатки), онъ какъ-то внутренно успокоился, и чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ менѣе настойчиво ждалъ онъ во плоти своего Гостя: Богъ невидимо приближался къ нему и постепенно наполнялъ его душу. И здѣсь очень важенъ именно послѣдній, созданный Толстымъ эпизодъ. Онъ, вызвавъ Авдеича на энергичное вмѣшательство, не только внѣшне отвлекъ его, но возбудилъ въ немъ большой подъемъ христіанскихъ чувствъ, показалъ ему, что въ каждомъ человѣкѣ и среди дурныхъ влеченій есть совѣсть, есть Богъ, и искреннее, горячее взываніе къ этому Богу чудесно оживляетъ Его въ душѣ человѣка. Примиривъ старуху и мальчика, Авдеечъ долженъ былъ почуять, что въ этотъ мигъ его Богъ пришелъ и сталъ здѣсь, среди нихъ; полный этого смутнаго ощущенія, онъ стоялъ и смотрѣлъ имъ вслѣдъ; онъ тутъ, собственно, получилъ то, чего ждалъ весь день, хотя это еще не было ему ясно.

Только такъ можемъ мы объяснить то, что, чѣмъ ближе къ концу разсказа, къ вечеру, тѣмъ рѣже и короче становятся у Толстого упоминанія о томъ, что Авдеичъ ждетъ, а послѣ эпизода съ торговкой до заключительнаго видѣнья нѣтъ ни одного слова, посвященнаго этому вопросу. Вернувшись съ улицы, въ каморку, Мартынъ засвѣтилъ огонь и продолжалъ работу, очевидно, полный того же настроенія, которое все бродило и разрасталось въ немъ, какъ то всегда бываетъ съ сильными, неясными ощущеніями. Онъ докончилъ сапогъ, осмотрѣлъ его, убралъ инструменты и сѣлъ читать Евангеліе; едва онъ раскрылъ книгу, какъ «вспомнился ему вчерашній сонъ». Въ этотъ мигъ и происходитъ видѣніе.

И характерно, что у Толстого оно совершается не въ дремотѣ, какъ у анонима. Сайянъ здѣсь тоже обходится безъ дремоты, но онъ даетъ типичную (и шаблонную) картину форменнаго визіонизма: необычайный свѣтъ осіялъ хижину, она наполнилась посѣтителями, сапожникъ обращаетъ къ нимъ вопросы, ребенокъ на рукахъ у женщины наклоняется надъ раскрытымъ Евангеліемъ и de son doigt rose указываетъ на текстъ, заключающій разгадку. У Толстого послѣдняя сцена — не сонъ и не мистика: это — живая работа воображенія, подводящая итоги дневныхъ впечатлѣній, которыя вдругъ связались и объединились вокругъ основной идеи, царившей въ душѣ; это—процессъ мгновенной кристаллизаціи того, что накоплялось до сихъ поръ безсознательно. Авдеичъ крестится, читаетъ текстъ, и ему все ясно. Толстой заключаетъ: «И понялъ Авдеичъ, что не обманулъ его сонъ».

А. Е. Грузинскій.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Біографическій очеркъ преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ.

(Продолженіе).

III.

Главныя черты характера Петрашевскаго.

Отказавшись на время отъ литературной дѣятельности, Петрашевскій рѣшилъ посвятить себя въ часы, свободные отъ служебныхъ обязанностей, пропагандѣ радикальныхъ и соціалистическихъ идей. Это побуждаетъ насъ ближе познакомиться съ его личностью.

Д. Д. Ахшарумовъ, начавшій посѣщать Петрашевскаго въ 1848 г., такъ описываетъ его: Онъ былъ «средняго роста, полный, весьма крѣпкаго сложенія, брюнетъ, на одежду свою онъ обращалъ мало вниманія, волосы его были часто въ безпорядкѣ; небольшая бородка, соединявшаяся съ бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, нѣсколько прищуренные, какъ бы проникали вдаль. Лобъ у него былъ большого размѣра, нахмуренный, онъ говорилъ голосомъ низкимъ и негромкимъ, разговоръ его былъ всегда серьезный, часто съ насмѣшливымъ тономъ; во взорѣ болѣе всего выражалась глубокая вдумчивость, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка» [1]). Герценъ также весьма живо изображаетъ наружность Петрашевскаго, и потому нужно думать, что онъ гдѣ-нибудь встрѣчалъ его [2]): «Ростомъ ниже средняго, онъ былъ широкоплечъ, съ нервными руками, круглой головой, немного наклоненной въ сторону, съ небольшимъ, но правильнымъ носомъ; его темно-сѣрые глаза всегда сверкали умомъ; его походка и всѣ его движенія были порывисты; мечтательность, dolce far niente были ему невыносимы». Что наружность Петрашевскаго производила благопріятное впеча-

---

[1]) *Д. Д. Ахшарумовъ.* «Изъ моихъ воспоминаній». стр. 15. Портретъ Петрашевскаго напечатанъ въ журналѣ «Былое», 1906 г., № 2, стр. 240—241.

[2]) Только протестъ жены удержалъ Н. П. Огарева и другого пріятеля Герцена, К. Д. Кавелина, отъ посѣщенія пятницы Петрашевскаго предъ самымъ его арестомъ. *Н. А. Огарева-Тучкова.* «Воспоминанія». М. 1903 г., стр. 66—67, 69—70.

тлѣніе, видно изъ свидѣтельствъ даже агента Антонелли. По его словамъ, когда Петрашевскій «начинаетъ съ жаромъ что-нибудь говорить, то не можетъ ни усидѣть, ни установить взгляда на одномъ мѣстѣ. Когда же онъ разсердится, то лицо его становится дѣйствительно прекраснымъ, и во всѣхъ чертахъ проглядываетъ умъ въ полномъ развитіи». Въ другомъ донесеніи Антонелли также сообщаетъ, что Петрашевскій «говоритъ съ жаромъ, съ убѣжденіемъ, скоро, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень правильно; во время рѣчи выраженіе его лица было, дѣйствительно, прекрасно и, признаюсь, я невольно имъ любовался».

Чиновники не могли тогда носить бороды и длинныхъ волосъ на головѣ; вѣроятно поэтому, ради протеста, Петрашевскій отрастилъ себѣ длинную шевелюру и съ кудрями по плечамъ являлся на службу въ министерство. Директоръ департамента велѣлъ передать ему совѣтъ остричься; когда на другой день Петрашевскій вновь явился съ длинными волосами, то, какъ разсказываетъ К. Веселовскій, въ отвѣтъ на замѣчаніе директора, онъ будто бы приподнялъ парикъ и сказалъ, что не только подстригся, но и сбрилъ волосы на головѣ [1]). Послѣднее оказывается просто анекдотомъ, а авторъ воспоминаній едва ли бы ему повѣрилъ, если бы не старался представить въ смѣшномъ видѣ своего товарища, къ которому чувствовалъ антипатію, свойственную ученымъ педантамъ по отношенію къ людямъ, стоящимъ неизмѣримо выше ихъ во многихъ отношеніяхъ. Анекдотъ сложился, вѣроятно, вслѣдствіе какихъ-нибудь выходокъ Петрашевскаго, которому послѣ замѣчанія директора пришлось-таки постричься: это видно изъ слѣдующаго инцидента. Петрашевскій протестовалъ въ 1848 г. противъ грубаго и насильственнаго поведенія слѣдственнаго пристава относительно одного иностранца. Въ объясненіи, поданномъ этимъ приставомъ по требованію сената, онъ говоритъ, что Петрашевскій, «при первомъ прибытіи его въ контору, явился съ косматою, всклокоченною головою и съ длинною, широкою и окладистою бородою, скрывшею болѣе половины лица его», и ему было сдѣлано замѣчаніе, что «въ такомъ странномъ видѣ неприлично присутствовать при слѣдствіи». Въ слѣдующій разъ онъ пришелъ въ камеру слѣдственнаго пристава съ подрѣзанными бакенбардами и выбритою до подбородка бородою [2]) и, между прочимъ, сообщилъ, что ему сдѣлалъ замѣчаніе насчетъ наружности директоръ департамента, гдѣ онъ служитъ, а затѣмъ Петрашевскій будто бы заявилъ, что «государь императоръ разрѣшилъ ему носить длинную

---

[1]) *К. Веселовскій*. «Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій». «Русская Старина», 1900 г., № 9, стр. 450—451.

[2]) Въ полицейскомъ донесеніи 1848 г. сказано, что Петрашевскій носилъ «усы и эспаньолетъ».

бороду, при чемъ плевалъ на полъ, говоря, что они его сглазили» [1]). Это, конечно, такая же выдумка раздраженнаго Петрашевскимъ слѣдственнаго пристава, какъ и разсказъ К. Веселовскаго о бритьѣ волосъ на головѣ, опровергаемый заявленіемъ этого пристава.

Бросалась въ глаза и одежда Петрашевскаго: «Несмотря на свое искреннее желаніе быть хорошо одѣтымъ,—говоритъ о немъ Герценъ,—его галстухъ всегда сидѣлъ криво; но что особенно тѣшило молодыхъ насмѣшниковъ, его посѣщавшихъ, такъ это его халатъ, который съ выхода изъ лицея и до самаго ареста ему не удалось имѣть въ полномъ порядкѣ: одинъ изъ рукавовъ былъ всегда оторванъ въ плечѣ, такъ что одѣваясь онъ постоянно долженъ былъ надѣть сначала халатъ, а потомъ рукавъ отдѣльно. Это одѣяніе было хорошо извѣстно всѣмъ его друзьямъ» [2]). Оброшенность Петрашевскаго, конечно, объясняется тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ холостой и поселился отдѣльно отъ матери и сестеръ, которыя жили въ другомъ, тоже собственномъ, домѣ рядомъ. Не ведя домашняго хозяйства, питаясь по клубамъ и отелямъ, онъ не имѣлъ женской прислуги и довольствовался услугами крѣпостныхъ дворника и двухъ мальчиковъ. Одежда Петрашевскаго, какъ и его куафюра, возбуждала немало разговоровъ: «Будучи чиновникомъ такого министерства,—говоритъ К. Веселовскій,—въ которомъ корректность въ костюмѣ считается строго обязательной, онъ ходилъ по улицамъ въ какомъ-то широкомъ плащѣ и въ шляпѣ съ самыми широкими полями — въ настоящемъ сомбреро, скандализируя тѣмъ своихъ сослуживцевъ... Однажды какой-то тароватый французъ привезъ изъ Парижа модную новинку, которую надѣялся пустить въ ходъ въ Петербургѣ, — мужскія шляпы, у которыхъ верхъ тулья состоялъ не изъ круга, какъ у теперешнихъ цилиндровъ, а изъ квадратнаго четвероугольника, какъ у уланскихъ шапокъ, — и первымъ, явившимся въ такой обновкѣ на Невскомъ, въ часы наибольшаго тамъ оживленія, былъ... не кто иной, какъ Петрашевскій». Къ насмѣшкамъ пріятелей онъ относился весьма добродушно [3]). Веселовскій объясняетъ это тѣмъ, что Петрашевскій «вездѣ, гдѣ только могъ, старался «не быть какъ всѣ», но это была не простая «страсть оригинальничать», какъ думаетъ его лицейскій корректный товарищъ, при не особенно большихъ та-

---

[1]) *А. Безродный.* «Къ біографіи М. В. Буташевича-Петрашевскаго». «Историч. Вѣстникъ», 1901 г., № 1, стр. 226, 228.

[2]) Вѣроятно, поэтому въ донесеніи въ III отдѣленіе Е. В. Канцеляріи было сказано, что Петрашевскій «довольно скупъ, хотя имѣетъ большое состояніе».

[3]) Кропотовъ, сообщивъ въ своемъ показаніи о «фламандской» шляпѣ и испанскомъ плащѣ Петрашевскаго, прибавляетъ, хотя и не ручаясь за его правдивость, вздорный слухъ, «будто бы онъ щеголялъ въ Коломнѣ», т.-е. въ Коломенской части, гдѣ были дома Петрашевскихъ, «въ женскомъ платьѣ».

лантахъ достигшій степеней извѣстныхъ, — Петрашевскимъ руководило и глубокое убѣжденіе. «Свойство природы человѣческой, многообразіе ея требованій,—читаемъ мы въ статейкѣ Мода въ «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ», вѣроятно, написанной Петрашевскимъ,—постоянное ихъ развитіе, неподавимое никакими формами общежитія, хотя бы оно было основано на безусловныхъ началахъ квіетизма, побуждая человѣка къ вѣчному прогрессу и движенію, дѣлаетъ для него опостылыми издавна установленныя формы быта общественнаго. Заставляетъ его не довольствоваться однажды придуманными способами удовлетворенія его потребностей, но заботиться непрестанно объ отысканіи новыхъ, болѣе соотвѣтственныхъ съ его природою. Заставляетъ его смотрѣть съ улыбкою презрѣнія на все, освящаемое болѣе стародавнимъ преданіемъ, чѣмъ живой измѣнчивой потребностью минуты, глядѣть на пережитое, какъ на несвоевременное, негодное, какъ на стѣснительное для свободнаго развитія его дѣятельности, — побуждаетъ его искать всего прекраснаго въ будущемъ и ждать всего хорошаго въ новомъ. Это стремленіе къ новизнѣ, многообразное выраженіе жизненнаго принципа природы человѣческой, — обнаруживаетъ свое преобразовательное вліяніе также и въ такъ называемыхъ мелочахъ общественной жизни... и создаетъ моду». Признавъ необходимымъ на основаніи этихъ соображеній не считаться въ своемъ костюмѣ съ общепринятыми требованіями, онъ съ презрѣніемъ относился ко всякимъ посягательствамъ въ этой области на свою личную свободу [1]).

По словамъ Антонелли, въ кабинетѣ Петрашевскаго все было «въ большомъ безпорядкѣ, множество книгъ и бумагъ, но шкапы и ящики всѣ открыты. Даже уходя со двора, онъ не запираетъ ни одного ящика, ни своего кабинета». По свидѣтельству К. Веселовскаго, «Петрашевскій принималъ своихъ гостей въ комнатѣ средней величины, въ которой всю мебель составляли старый диванъ, покрытый грязнымъ ситцемъ, очень жесткій..., повидимому, набитый мочалами, нѣсколько грошовыхъ, рыночныхъ стульевъ, старый столъ, на которомъ стояла одна сальная свѣчка, составлявшая все освѣщеніе комнаты». А. А. Краевскій, редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», разсказалъ въ III отдѣленіи Попову, что у Петрашевскаго въ одной изъ комнатъ висѣли на стѣнѣ, одинъ противъ другого, два портрета — римскаго папы и оберъ-прокурора синода ген.-ад. гр. Протасова «въ ознаменованіе борьбы церквей западной и восточной». Петрашевскій показывалъ Антонелли

---

[1]) Какой-то изъ агентовъ тайной полиціи сообщилъ III отдѣленію въ мартѣ 1848 г., что, по свѣдѣніямъ, собраннымъ о Петрашевскомъ, «въ одномъ домѣ, гдѣ онъ прежде очень часто бывалъ, его называютъ человѣкомъ очень страннымъ, дерзкимъ и способнымъ дѣлать всякія глупости».

много пистолетовъ и особенно хвалилъ одну пару карманныхъ, къ которымъ у него было заготовлено 12 пуль. Онъ гордился мѣткостью своей стрѣльбы, говорилъ: «если бы что случилось, то первая пуля никогда не пропадетъ даромъ», и часто упражнялся дома въ стрѣльбѣ въ цѣль, гася свѣчу на разныхъ разстояніяхъ.

По выходѣ изъ лицея, Петрашевскій бросилъ курить. Онъ не былъ игрокомъ и даже не любилъ играть, но изрѣдка игралъ въ домино или въ карты по маленькой и притомъ относился къ игрѣ, какъ и ко всему съ сильнымъ увлеченіемъ. Такъ онъ игралъ съ Антонелли въ домино до перваго часа ночи, пока не остался въ выигрышѣ; въ другой разъ всю ночь проигралъ съ нимъ въ карты и при этомъ сказалъ: «У меня уже такой, если хотите, несчастный характеръ: если я вдамся во что-нибудь, то вдамся всей душой, и до тѣхъ поръ не отстану, пока не достигну своей цѣли, хотя бы пришлось идти наперекоръ судьбѣ». Если онъ игралъ въ карты въ клубѣ, то всегда съ новыми лицами, — очевидно, карты служили для него средствомъ сближенія съ людьми. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ записокъ, Петрашевскій говоритъ: «Не у себя и я несъ повинность изрѣдка картежной игры».

Антонелли удивлялся дѣятельной натурѣ Петрашевскаго: его никогда нельзя было застать безъ дѣла, онъ былъ вѣчно въ хлопотахъ. Онъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ, что отмѣчаетъ и Герценъ, и значительною физическою силою. Такъ, проигравъ съ Антонелли въ карты всю ночь до 9-ти часовъ утра, онъ, не ложась спать, поѣхалъ по обязанностямъ службы къ слѣдственному приставу, потомъ цѣлый день хлопоталъ по разнымъ дѣламъ, а вечеръ и часть ночи опять провелъ съ Антонелли. Если онъ тратилъ на него такъ много времени, если и обѣдалъ съ нимъ, и ходилъ въ концертъ и клубъ, то, разумѣется, потому, что надѣялся распропагандировать этого молодого человѣка, сумѣвшаго вкрасться въ его довѣріе. Вина Петрашевскій не пилъ, но однажды, чтобы удержать Толя, котораго очень любилъ (см. ниже) и помѣшать ему ѣхать кутить, выпилъ цѣлую бутылку шампанскаго. Онъ состоялъ членомъ мѣщанскаго танцовальнаго собранія (клуба), ходилъ и въ танцклассъ, очевидно, ища сближенія съ людьми различныхъ классовъ общества. По словамъ Дѣева, въ 1847 г. поселившагося у Петрашевскаго, онъ рѣдко бывалъ дома послѣ полудня, а по другимъ свѣдѣніямъ, послѣ двухъ часовъ, и затѣмъ до двухъ часовъ ночи его нельзя было застать; это понятно: онъ шелъ на службу [1]), обѣдалъ у знакомыхъ или въ какомъ-нибудь отелѣ, а затѣмъ, по словамъ Антонелли, много работалъ въ публичной

---

[1]) Впрочемъ, въ одномъ документѣ III отдѣленія 1848 г. сказано о Петрашевскомъ, что онъ «въ департаментѣ бываетъ очень рѣдко, а занимается дѣломъ дома, какъ богатый человѣкъ».

библіотекѣ. Согласно поставленной себѣ цѣли — вести пропаганду, Петрашевскій посѣщалъ очень многихъ знакомыхъ и даже мало знакомыхъ людей, стараясь повліять на нихъ проповѣдью атеизма и соціализма.

Въ сферахъ тайной полиціи считали Петрашевскаго человѣкомъ чрезвычайно умнымъ и хитрымъ. Въ одномъ документѣ 1848 г. сказано, что онъ «ловокъ и уменъ, языкъ весьма дерзкій, приверженецъ коммунизма и другимъ новымъ идеямъ»; по другому свидѣтельству, онъ «ловокъ», но «ума большого въ немъ непримѣтно». Что Петрашевскій былъ уменъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но о его «хитрости» не можетъ быть и рѣчи, хотя самъ себя онъ считалъ человѣкомъ весьма осторожнымъ и проницательнымъ [1]): всѣ отношенія его къ Антонелли показываютъ, что онъ отличался удивительною, можно сказать, слѣпою, дѣтскою довѣрчивостью.

Петрашевскій былъ «страстный спорщикъ» [2]), но замѣчательно, что онъ не любилъ при этомъ рѣзкостей. Ѳ. М. Достоевскій «замѣчалъ неоднократно, что Петрашевскому очень не нравилось», когда кто-либо «говорилъ у него на вечерахъ слишкомъ рѣзко...; онъ всегда старался какъ-нибудь замять подобный промахъ». «Въ глубинѣ души, — по свидѣтельству Герцена, — Петрашевскій отличался великою кротостью и испытаннымъ терпѣніемъ. Всякое противорѣчіе со стороны людей искреннихъ, всякую критику, какъ бы она ни была язвительна, онъ выносилъ безъ малѣйшаго злопамятства. Никогда мысль о превосходствѣ надъ окружающими не только не сквозила въ его словахъ, но даже не приходила ему въ голову; онъ былъ слишкомъ погруженъ въ свои замыслы, чтобы заниматься своею личностью». Когда однажды Спѣшневъ, послѣ долгаго молчанія наединѣ съ Петрашевскимъ, спросилъ, не имѣетъ ли онъ чего-либо противъ него, тотъ отвѣчалъ, что «никогда ни противъ кого ничего не имѣетъ» [3]). Доброта Петрашевскаго сказывалась, между прочимъ, въ томъ, что съ жильцовъ, приглашенныхъ имъ поселиться въ его квартирѣ, онъ бралъ весьма небольшую плату. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту его характера: имѣя множество знакомыхъ, онъ ни съ кѣмъ близко не сходился. Въ запискѣ, представленной въ слѣдственную комиссію, онъ самъ говоритъ о себѣ: «Въ характерѣ животныхъ слабыхъ ходить стадами, сильныхъ—одиноко. Ни съ кѣмъ не былъ коротокъ, даже не говорилъ никому «ты», исключая товарищей по лицею. Что такой

---

[1]) Въ одной запискѣ въ слѣдственную комиссію онъ говоритъ даже о своей «привычной подозрительности».

[2]) Какъ мы видѣли, въ лицеѣ онъ изводилъ спорами одного гувернера.

[3]) Однажды, впрочемъ, въ первой половинѣ 1840-хъ годовъ Петрашевскій поссорился съ какимъ-то лицейскимъ товарищемъ, и дѣло едва не дошло до дуэли. Но его жилецъ, Серебряковъ, который долженъ былъ быть секундантомъ, помирилъ ихъ.

нравъ мой,... этому могутъ служить (доказательствомъ) слѣдующіе стихи, имѣющіеся въ бумагахъ у меня, писанныхъ лѣтъ за шесть: «И никто обо мнѣ, какъ сѣдой старинѣ, не разскажетъ потомкамъ далекимъ. Умру я, какъ жилъ, средь людей одинокимъ». Еще можетъ служить этому подтвержденіемъ, что почти никто изъ знакомыхъ не знаетъ, что я пишу эти стихи. «Позднѣе онъ еще разъ повторилъ въ одномъ изъ показаній: «ни съ кѣмъ не находился въ особой близости и дружбѣ».

Въ цитированной уже выше запискѣ, представленной имъ слѣственной комиссіи, Петрашевскій, разсказавъ о печальныхъ условіяхъ своего дѣтства, о нелюбви къ нему матери, продолжаетъ: «Въ двадцать лѣтъ судьба заставила меня имѣть равнодушіе къ жизни, свойственное старости. Не находя ничего достойнымъ своей привязанности—ни изъ женщинъ ни изъ мужчинъ,—я обрекъ себя на служеніе человѣчеству, и стремленіе къ общему благу замѣнило во мнѣ эгоизмъ и чувство самосохраненія. Уваженіе къ истинѣ подавило во мнѣ всякую вспышку самолюбія. Вы найдете за семь лѣтъ или болѣе предъ симъ писанные стихи (они есть въ моихъ бумагахъ), быть-можетъ, не слишкомъ складные, выражающіе чувства заключеннаго, подобно мнѣ: они почти то же выражаютъ, что и теперь я вамъ... въ себѣ обнаружилъ».

Главною обязанностью Петрашевскаго по службѣ, какъ мы видѣли, была помощь иностранцамъ въ качествѣ переводчика въ ихъ сношеніяхъ съ петербургскою полиціею. Но онъ принималъ къ сердцу интересы другихъ людей не только по обязанностямъ службы, какъ это видно изъ двухъ излагаемыхъ ниже случаевъ.

29 апрѣля 1847 г. начальство откомандировало его для переводовъ въ комиссію, учрежденную по высочайшему повелѣнію для изслѣдованія растраты денегъ (до 45.000 рублей) кригсъ-комиссаромъ Костылевымъ. 27 мая Петрашевскій донесъ департаменту внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, что былъ свидѣтелемъ «неправильнаго вмѣшательства» полковника Синельникова, штабъ-офицера генеральнаго штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, который, не будучи членомъ этой комиссіи, устрашалъ «разнаго рода наказаніями Іоганна Лури (замѣшаннаго въ это дѣло по оговорамъ Костылева), какъ бы эти наказанія находились въ его распоряженіи. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, какъ узналъ я,—продолжаетъ Петрашевскій,—Іоганнъ Лури, на воображеніе котораго подѣйствовали эти устрашенія, бросился въ воду и потонулъ». Считая угрозы Синельникова причиной самоубійства Лури и полагая, что онѣ могутъ навести на обстоятельства, способствующія открытію причинъ растраты, Петрашевскій спрашивалъ департаментъ, въ которомъ служилъ, какъ слѣдуетъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Рапортъ его былъ препровожденъ къ начальнику штаба гвардейскаго и гренадер-

скаго корпусовъ г.-л. Витовтову, на запросъ котораго Синельниковъ далъ такое объясненіе:

«Получивъ приказаніе Ваше заготовить бумагу г. министру внутреннихъ дѣлъ о присылкѣ слѣдственной комиссіи къ тому времени, когда она найдетъ нужнымъ распечатать квартиру и контору Лури, двухъ опытныхъ въ досмотрѣ чиновниковъ, я пошелъ въ комиссію...; но засѣданіе уже кончилось, а находились тамъ только нѣкоторые члены и аудиторъ, почему я и просилъ доложить предсѣдателю комиссіи о приказаніи, мною полученномъ. Но лишь только я объявилъ оное, какъ г. переводчикъ Буташевичъ-Петрашевскій, обратясь ко мнѣ, сказалъ, что это противозаконно, что черезъ это Лури теряетъ свою собственность, что квартиру и контору его нельзя оставить запечатанными. На это я отвѣчалъ ему, что «они» запечатаны съ высочайшаго соизволенія, и что чиновники для обыска при распечатываніи конторы и квартиры... будутъ истребованы по распоряженію начальства, слѣдовательно, это не противозаконно и не подлежитъ нашему разсужденію. Но г. Буташевичъ-Петрашевскій и засимъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи, а когда я напомнилъ ему, что онъ присланъ въ комиссію не какъ депутатъ, а какъ переводчикъ, то онъ, сѣвши передо мною, сказалъ, что теперь присутствіе комиссіи кончилось, и онъ имѣетъ такой же голосъ, какъ и я, и что не знаетъ, что я за человѣкъ, а видитъ только по эполетамъ, что я, кажется, полковникъ. Послѣ сего Лури, бывшій также въ то время въ той комнатѣ и ободренный видимымъ участіемъ г. Буташевича-Петрашевскаго, которому, однакожъ, до того я не говорилъ ни одного слова, обратился ко мнѣ съ объясненіемъ: «Вы хотите, полковникъ, чтобы я заплатилъ за вашего казначея промотанныя имъ деньги; нѣтъ, я ихъ не заплачу, ибо это было бы несправедливо». Только послѣ этихъ словъ узнавъ, что ко мнѣ обращался Лури, котораго я никогда не видалъ и не зналъ, я отвѣчалъ ему, что тутъ дѣло идетъ объ исполненіи приказанія начальства, кому же придется платить растраченныя казначеемъ деньги, это рѣшитъ судъ, а не мы, — я полагаю, однакожъ, что ближе всего слѣдуетъ заплатить тому, кто ихъ бралъ; впрочемъ, я пришелъ сюда не съ тѣмъ, чтобы объясняться съ вами и не считаю нужнымъ продолжать разговоръ нашъ». Назвавъ свидѣтелей, Синельниковъ продолжалъ: «Изъ этого в. пр-во изволите усмотрѣть, что человѣку, который чувствуетъ себя правымъ, не было поводу прійти въ отчаяніе и покушаться на что-либо, а всего менѣе на свою жизнь, и если я въ то же время не донесъ о неумѣстныхъ выраженіяхъ г. Буташевича-Петрашевскаго, то это единственно потому, что полагалъ, что онъ убѣдился моими возраженіями и будетъ впредь осторожнѣе».

По всей вѣроятности, Іоганнъ Лури былъ родственникомъ книгопродавца Лури, который выписывалъ для Петрашевскаго всевозможныя запрещенныя книги и съ которымъ, быть-можетъ, это горячее заступничество и сблизило Петрашевскаго. Объясненіе Синельникова дали прочесть Петрашевскому, на чемъ дѣло и кончилось (Государств. Архивъ). Напротивъ, другое его заступничество не было поддержано сенатомъ.

Находясь 14 октября 1848 г. въ камерѣ слѣдственнаго пристава Зануцци вмѣстѣ съ однимъ иностранцемъ, Петрашевскій былъ свидѣтелемъ такой сцены. Въ контору пристава явился офицеръ Кондратьевъ, служащій при департаментѣ военныхъ поселеній, для врученія отвѣта по касавшемуся его уголовному дѣлу.

«Я очень хорошо видѣлъ,—заявлялъ потомъ Петрашевскій,—что г. Кондратьевъ сперва отдалъ приставу одну бумагу, а ту, которая ей служила оберткой, удержалъ у себя. Едва только вручена была г. Зануцци первая бумага, какъ онъ сказалъ: «копіи съ отвѣтовъ вашихъ вы не можете оставлять у себя», стремительно привставъ со стула, схватился за бумагу, которую держалъ Кондратьевъ, разорвалъ ее, смявъ въ комокъ, положилъ въ лѣвый карманъ брюкъ и требовалъ отъ Кондратьева возвращенія остального». Тотъ сказалъ Зануцци: «Побойтесь вы Бога, г. слѣдственный приставъ; что вы это со мной дѣлаете! Мало вамъ, безъ всякой нужды, меня запутывать и тревожить! Что же вы дѣлаете съ людьми бѣдными и мужиками, когда въ присутствіи другихъ противъ офицера позволяете себѣ дѣлать такое насиліе. Господа, будьте, пожалуйста, этому свидѣтелями. Такъ какъ въ комнатѣ, кромѣ Петрашевскаго, находились только иностранецъ и пять письмоводителей пристава, которые не посмѣли, конечно, свидѣтельствовать противъ своего начальника, то свидѣтелемъ вызвался быть Петрашевскій. «Въ то же время,—разсказываетъ онъ,—по свойственному мнѣ миролюбію, старался я привести г. слѣдственнаго пристава къ сознанію его долга и убѣждалъ его возвратить Кондратьеву вырванную имъ бумагу, но... совѣтъ мой не былъ исполненъ. Г. приставъ, какъ всякій человѣкъ, доведенный до крайности и видя незаконность и несправедливость своихъ дѣйствій, ложно разсчитывая еще большею дерзостью скрыть и безъ того уже весьма явную преступность его дѣйствій, желая... застращать и меня, позволилъ себѣ съ этою цѣлью и мнѣ нанести оскорбленіе и именовать неоднократно за такое мое стараніе внушить ему должное уваженіе къ законамъ справедливости... *помѣшаннымъ* и *сумасшедшимъ*».

Петрашевскій на этомъ не успокоился, какъ сдѣлали бы это, вѣроятно, корректные люди, съ насмѣшкою и порицаніемъ относящіеся къ нему въ своихъ воспоминаніяхъ, а подалъ подробный рапортъ о случившемся своему начальству. Кромѣ того, чтобы дѣло это не было замято, онъ представилъ и петербургскому оберъ-полицмейстеру мотивированное прошеніе о назначеніи формальнаго слѣдствія, а тотъ препроводилъ его въ управу благочинія. По полученіи объясненія отъ пристава Зануцци, она отклонила домогательство Петрашевскаго о назначеніи слѣдствія, а онъ обжаловалъ это постановленіе въ первый департаментъ сената, то съ горячностію, то съ ироніею разобравъ дѣйствія управы благочинія, и заявилъ, что представитъ подтвержденіе справедливости своихъ показаній лишь по производствѣ формальнаго слѣдствія, такъ какъ въ лицѣ Зануцци имѣетъ дѣло «съ отвѣтчикомъ, виновнымъ въ нарушеніи законовъ, вооруженнымъ практическимъ знаніемъ» ихъ, «и тѣхъ изворотовъ, къ коимъ прибѣгаютъ преступники для умаленія силы доказательствъ и уликъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ виновности» [1]).

Зануцци въ своемъ объясненіи, вытребованномъ сенатомъ отъ управы благочинія, старался обвинить во всемъ самого Кондратьева

---

[1]) Въ январѣ 1849 г. Петрашевскій сказалъ Антонелли, что, «держась своего правила, гдѣ только возможно поражать власть и выставлять всѣ ея неправильныя дѣйствія, онъ 16-го числа подалъ въ сенатъ жалобу на слѣдственнаго пристава 4-й Адмиралтейской части».

и Петрашевскаго (который, по словамъ Зануцца, «принялся съ неописаннымъ жаромъ и вдохновеніемъ» защищать Кондратьева) и такъ характеризовалъ Петрашевскаго: «Вообще неодолимое страстное влеченіе его къ занятіямъ судебными, тяжебными и стряпческими дѣлами, при его богатомъ состояніи и при служебныхъ обязанностяхъ, самые усиленные поиски и вызовы тяжущихся посредствомъ газетныхъ публикацій и даже завлеченіе ихъ силою, какъ поступилъ онъ въ отношеніи г. Кондратьева [1]), и ночи, проводимыя имъ безъ сна, какъ онъ разсказывалъ..., въ бдѣніи надъ изученіемъ законовъ и ихъ глубокаго смысла,—все это ведетъ къ заключенію, не принадлежитъ ли эта загадочная страсть его къ области болѣзни, хотя бы и односторонняго качества, въ родѣ мономаніи, и тогда этимъ только можно объяснить себѣ поступокъ г. Петрашевскаго». Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ эпоху гоголевскаго «Ревизора» безкорыстное заступничество за совершенно посторонняго человѣка казалось объяснимымъ только помѣшательствомъ или близкою къ нему болѣзнію. Въ дѣйствительности горячее желаніе Петрашевскаго наказать Зануцци вызывалось убѣжденіемъ, что нужно «поражать власть и выставлять всѣ ея неправильныя дѣйствія». Это, конечно, должно было казаться еще болѣе ненормальнымъ.

Петербургскій военный губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, запрошенные сенатомъ, согласились съ постановленіемъ управы благочинія; правильнымъ призналъ его и сенатъ въ виду того, что отъ поручика Кондратьева никакой жалобы не поступало. Жалоба Петрашевскаго была оставлена безъ послѣдствій и велѣно было взыскать съ него гербовыя пошлины, но исполнить это послѣднее было невозможно, такъ какъ Петрашевскій въ это время (въ февралѣ 1850 г.) былъ уже сосланъ на каторгу [2]).

На одной изъ пятницъ Петрашевскаго (см. ниже), 1 апрѣля 1849 г., при обсужденіи вопроса объ улучшеніи судопроизводства, одинъ изъ гостей, Головинскій, окончившій курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, указавъ на равнодушіе нашего общества къ этой назрѣвшей потребности, въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на то, что въ русскихъ законахъ находятся двѣ статьи «дѣйствительно прекрасныя», по которымъ: 1) тяжущійся можетъ присутствовать при рѣшеніи дѣла и 2) всякій имѣетъ право подавать словесныя просьбы. А между тѣмъ, кто этимъ правомъ пользовался, спрашивалъ Головинскій. Только двое: Петрашевскій и еще какой-то ябедникъ; они оба требовали дозволенія присутствовать при рѣшеніи дѣла, но имъ было отказано со ссылкою на безпри-

---

[1]) Петрашевскій настаивалъ, чтобы Кондратьевъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ немедленно жаловаться оберъ-полицмейстеру.

[2]) «Историческій Вѣстникъ», 1901 г., № 1, стр. 225—229.

мѣрность подобнаго требованія. Воспользоваться вторымъ правомъ захотѣли только двое и получили отказъ по той же причинѣ.

Петрашевскій, по показанію жившаго у него Барановскаго, въ 1846 г. рѣшилъ заниматься «хожденіемъ по дѣламъ», и пригласилъ Барановскаго, окончившаго курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, помогать ему своими совѣтами, а учителя Ларинской гимназіи Егорова—писаніемъ просьбъ. Барановскій работалъ у Петрашевскаго до іюля 1848 г., но выгодъ эта дѣятельность не приносила, да Петрашевскій и не стремился къ нимъ: его интересовала сторона идейная, почему Барановскій рѣшилъ, что онъ «неспособенъ серьезно заняться дѣломъ», и прекратилъ свое сотрудничество. Краевскій заявилъ въ III отдѣленіи: въ «Вѣдомостяхъ» три раза было напечатано, что Буташевичъ - Петрашевскій вызывается ходатайствовать безъ всякой платы по тяжебнымъ дѣламъ всѣхъ бѣдныхъ и не имѣющихъ средствъ имѣть адвокатовъ, а съ богатыхъ людей... будетъ брать самую незначительную плату».

По словамъ Герцена, хорошо оцѣнившаго побужденія Петрашевскаго, онъ полагалъ, что «русское правительство изъ государственныхъ видовъ желаетъ выказывать уваженіе къ законности. Онъ ясно видѣлъ, что если бы правительство строго исполняло законы, даже такіе, какіе само издало, то оно подорвало бы самое основаніе своего существованія, принципъ произвола, который, вслѣдствіе солидарности всѣхъ чиновниковъ, дѣлаетъ изо всей администраціи ни болѣе, ни менѣе, какъ торговую компанію, цѣль которой состоитъ въ эксплуатаціи страны. Но Петрашевскій полагалъ, что если отъ правительства будутъ требовать соблюденія закона, то оно не будетъ настолько безстыдно, чтобы, по крайней мѣрѣ, офиціально сбросить маску законности [1]). Онъ сожалѣлъ, что въ Россіи нѣтъ людей, которые захотѣли бы поймать правительство на словѣ въ его намѣреніи уважать законность, и онъ первый попытался сдѣлать этотъ опытъ. Съ этою цѣлью онъ задумалъ открыть у себя адвокатскую контору и помѣстилъ объявленіе о томъ въ петербургскихъ газетахъ; но такъ какъ лица, приходившія къ нему съ предложеніемъ вести ихъ дѣла, начинали лишь денежные иски противъ частныхъ лицъ, то онъ отказался отъ веденія чужихъ частныхъ дѣлъ и только въ интересахъ семьи заводилъ процессы съ полиціею и въ судахъ. Много поводовъ для этого ему давало владѣніе двумя домами въ столицѣ и имѣніемъ въ Петербургской губерніи» (это было нераздѣленное еще семейное имущество). «Такъ какъ въ Россіи можно жаловаться на чиновника только его непосредственному начальнику, который обыкновенно, хотя это

---

[1]) Антонелли онъ сказалъ: должно выставлять всю неправильность дѣйствій правительства, «показывая несообразность его установленій, дѣлая его такимъ образомъ смѣшнымъ въ глазахъ общества».

противозаконно, не даетъ хода жалобамъ, не указывая даже причинъ отказа, то Петрашевскій, переходя отъ одной инстанціи къ другой, осаждалъ сенатъ своими жалобами на оберъ-полицмейстера и петербургскаго генералъ-губернатора и требовалъ преданія ихъ суду. Несмотря на то, что его жалобы принимались съ насмѣшкою, какъ вещь необычная, Петрашевскій настаивалъ, чтобы имъ данъ былъ ходъ, и требовалъ дозволенія устно защищать свое дѣло предъ сенатомъ, такъ какъ законъ это допускаетъ. Секретарь возражалъ ему, что законъ, на которомъ онъ основываетъ свое требованіе, пришелъ въ забвеніе, хотя и не отмѣненъ, и что по установившемуся въ сенатѣ обычаю истцы должны давать свои объясненія только письменно. Но такъ какъ Петрашевскій не хотѣлъ отказаться отъ права, даннаго ему закономъ, въ пользу произвольно введеннаго обычая, то его жалобы, какъ полагалъ Герценъ, никогда не разсматривались» [1]).

Петрашевскій умѣлъ отразить посягательства разныхъ высокопоставленныхъ чиновниковъ на свое человѣческое достоинство. Ѳ. Н. Устряловъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о такой сценѣ, которую онъ видѣлъ при случайномъ посѣщеніи имъ цензурнаго комитета: «Вслѣдъ за мною вошелъ въ комнату человѣкъ высокаго роста, черноволосый, съ большими блестящими глазами, съ оригинальнымъ и выразительнымъ лицомъ. Изъ сосѣдней комнаты доносился ревъ Михаила Николаевича (Мусина-Пушкина), который въ тотъ день былъ, вѣроятно, не въ духѣ и кого-то распекалъ. Быстро распахнулась дверь въ секретарскую, и Михаилъ Николаевичъ явился во всемъ грозномъ величіи. «Вы что за птица?—гнѣвно обратился онъ къ неизвѣстному господину.—Что вамъ нужно?» — «Я, ваше превосходительство, не птица, а человѣкъ», отвѣтилъ черноволосый господинъ (это былъ Петрашевскій) и своимъ отвѣтомъ «такъ сразилъ» Мусина-Пушкина, «что тотъ безъ дальнихъ словъ поспѣшилъ убраться въ предсѣдательскую комнату» [2]).

Краевскій разсказалъ въ апрѣлѣ 1849 г. въ III отдѣленіи, что Петрашевскій хотѣлъ быть секретаремъ петербургскаго дворянскаго депутатскаго собранія и въ послѣдніе выборы разослалъ «ко многимъ дворянамъ записки», въ которыхъ разсуждалъ «о выборахъ вообще, о безпристрастіи при выборахъ и о прочемъ». Записки эти, по словамъ Краевскаго, успѣха не имѣли. Онъ сообщаетъ еще, что вскорѣ послѣ того при городскихъ выборахъ Буташевичъ-Петрашевскій, желая быть секретаремъ въ думѣ, разослалъ такія же записки купцамъ, но тѣ еще менѣе поняли его по-

---

[1]) Послѣднее, какъ мы видѣли, не точно: жалоба на дѣйствія Зануцци была разсмотрѣна сенатомъ.

[2]) «Историч. Вѣстникъ», 1884 г., № 6, стр. 599—600.

сланія, и желаніе его не исполнилось. Беклемишевъ слышалъ, что Петрашевскій хотѣлъ быть выбраннымъ въ какую-то городскую должность и для этого будто бы «давалъ избирательные обѣды и вечера». Есть указанія, будто бы, потерпѣвъ неудачу въ городскихъ выборахъ, онъ подавалъ жалобу въ сенатъ. По словамъ Герцена, участвуя въ собраніяхъ петербургскаго дворянства, Петрашевскій требовалъ занесенія въ протоколъ своихъ протестовъ противъ нарушеній закона.

По дѣламъ, касающимся семейнаго нераздѣльнаго имущества, онъ приходилъ въ столкновеніе съ различными правительственными учрежденіями. По смерти отца, скончавшагося 29 мая 1845 г., Михаилъ Васильевичъ подалъ прошеніе въ петербургскую дворянскую опеку объ утвержденіи его, какъ главнаго наслѣдника, опекуномъ надъ оставшимся имѣніемъ. Несмотря на неоднократное хожденіе въ опеку, онъ не могъ добиться удовлетворенія своей просьбы; 16 ноября того же года онъ подалъ новое прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что рѣшеніе опеки не было ему объявлено и «формально неизвѣстно», какое распоряженіе сдѣлано съ этимъ имуществомъ. Прошеніе Петрашевскаго было возвращено ему съ надписью, что оно написано не по формѣ. Въ формулярномъ спискѣ его (20 октября 1849 г.) и въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ инспекторскимъ департаментомъ (24 декабря 1849 г.) послѣ его осужденія, сказано, что «за нимъ въ Петербургской губерніи, Ладожскаго уѣзда, 250 душъ (и болѣе 3.000 десятинъ земли), въ Петербургѣ два дома — каменный и деревянный и пустопорожнее мѣсто». Мать его имѣла въ Вологодской и другихъ губерніяхъ до 150 душъ и въ Петербургѣ два каменныхъ дома [1]). Отцовское имѣніе оставалось въ нераздѣльномъ владѣніи съ матерью и сестрами и, какъ заявилъ Петрашевскій во время слѣдствія, доходъ съ него вмѣстѣ съ жалованьемъ служилъ ему «средствами къ пропитанію». Незадолго до ареста Михаила Васильевича рѣшено было произвести раздѣлъ, по которому ему приходилось получить на свою долю около 40 или 50 душъ, верстахъ въ полутораста отъ Петербурга. Очевидно, раздѣлъ долженъ былъ совершиться не по закону, иначе доля Петрашевскаго была бы гораздо больше, а поровну между нимъ и сестрами (быть-можетъ, и матерью, хотя у нея было самостоятельное имущество). Свою долю Михаилъ Васильевичъ соглашался взять отдѣльно отъ главнаго имѣнія, безъ всякихъ хозяйственныхъ строеній, скота и проч., и раз-

---

[1]) По полицейскимъ свѣдѣніямъ, у семьи Петрашевскихъ было три дома,— одинъ большой каменный и одинъ деревянный на Покровской площади и одинъ большой каменный въ Канонерской улицѣ. «Сверхъ того, говорятъ, главное состояніе ихъ заключается въ большихъ деньгахъ и во множествѣ дорогихъ вещей». Если это и такъ, то деньги, очевидно, принадлежали матери, такъ какъ Петрашевскій въ нихъ нуждался.

дѣлъ онъ предполагалъ произвести въ теченіе лѣта 1849 г. На хозяйственное обзаведеніе своей доли имѣнія онъ предполагалъ истратить не менѣе 5000 рублей, которые думалъ добыть подъ залогъ земли или одного изъ домовъ въ Петербургѣ. Есть извѣстіе, что послѣ раздѣла Петрашевскій собирался уѣхать за границу и будто бы даже совершенно тамъ поселиться. Послѣднее мало вѣроятно.

Д. Д. Ахшарумовъ говоритъ о Петрашевскомъ, что «это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ самообразованіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный».

Кромѣ юриспруденціи, исторіи и соціалистическихъ ученій, Петрашевскій, какъ сынъ врача, интересовался естествознаніемъ и медициной. По словамъ Кропотова, онъ носилъ съ собою въ карманѣ какую-то «теорію лѣченія» и тетрадь съ рецептами. Онъ былъ большой охотникъ лѣчить камфарой, которую въ разныхъ видахъ можно было найти у него въ кабинетѣ, и ему нельзя было доставить бо̀льшаго удовольствія, какъ спросить совѣта въ какой-нибудь болѣзни и обратиться съ просьбою дать чего-нибудь камфарнаго. У него было немало медицинскихъ книгъ, а также и книги по естествознанію, какъ, напримѣръ, анатомія и «Новая система органической химіи» Распайля (на французскомъ языкѣ). Вѣроятно, отчасти изученіемъ естествознанія объясняются и антирелигіозные взгляды Петрашевскаго, относительно которыхъ Краевскій сплетничалъ въ III отдѣленіи, что въ Великую пятницу его гости разгавливались сыромъ, куличемъ, ветчиною, «какъ бы въ первый день Пасхи». Краевскій имѣлъ безстыдство прибавить, что Петрашевскій «съ давняго времени извѣстенъ за человѣка безнравственнаго, безрелигіознаго и самаго безразсуднаго». По полицейскимъ свѣдѣніямъ, онъ въ своемъ околоткѣ «прослылъ басурманомъ». Вообще о немъ ходило много вздорныхъ слуховъ. Такъ, Львовъ слышалъ, что Петрашевскій человѣкъ дурной, развратный, но не вѣрилъ имъ, «потому что не видалъ его никогда кутящимъ или дѣлающимъ какія-либо безчинства», и полагалъ, что такая репутація его создалась вслѣдствіе «странности его фигуры, одежды и манеръ».

По свѣдѣніямъ тайной полиціи, нѣкоторые университетскіе товарищи прекратили съ нимъ сношенія, опасаясь его свободныхъ мнѣній относительно религіи и правительства. Съ другой стороны, нѣкоторые заподозрили въ немъ «агента-вывѣдывателя (agent-provocateur) III отдѣленія» и боялись, что его «увлекательное краснорѣчіе» можетъ завлечь ихъ въ западню. Когда въ январѣ 1849 г. стали ходить слухи, что онъ агентъ III отдѣленія, Петрашевскій сказалъ Антонелли: «Я очень этимъ доволенъ, потому что эти слухи даютъ мнѣ возможность смѣлѣе выражать свои мысли, а люди, которые меня знаютъ 4 или 5 лѣтъ, нисколько этому не повѣрятъ, такъ какъ совершенно во мнѣ увѣрены». Однако неблагопріятныя

вѣсти о Петрашевскомъ все же вредили ему: такъ, когда онъ пожелалъ сдѣлаться членомъ общества посѣщенія бѣдныхъ и заявилъ объ этомъ чрезъ своего товарища по лицею В. Р. Зотова, то его не приняли въ общество по неизвѣстнымъ причинамъ [1]).

Личная жизнь была для Петрашевскаго на второмъ планѣ. Однажды онъ сказалъ Антонелли, что его любили многія женщины, но самъ онъ никогда не позволялъ себѣ увлекаться, «и если заводилъ интригу, то съ чисто политическою цѣлью, чтобы увлечь... женщину своими идеями», надѣясь, что она потомъ будетъ распространять ихъ среди мужчинъ. По его словамъ, онъ зналъ «болѣе 20 человѣкъ мужчинъ, которые вышли изъ школы увлеченныхъ имъ женщинъ съ совершенно человѣческими идеями». Ему представлялся случай жениться на женщинѣ съ приданымъ въ 5.000 душъ. Разсказывая объ этомъ, онъ прибавилъ, что если бы рѣшился жениться, то только съ тою цѣлью, чтобы, имѣя тогда большія средства, «сильнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать для общаго блага».

Хотя обстоятельства и заставляли Петрашевскаго оставаться чиновникомъ, но у него не было ни малѣйшаго стремленія къ блестящей карьерѣ. Въ этомъ отношеніи онъ руководился не только личными вкусами, но и глубокими соображеніями общественнаго характера. Вотъ что говоритъ онъ въ одной изъ своихъ записокъ, представленныхъ слѣдственной комиссіи:

«Чтобы найти приличное мѣсто для употребленія моихъ способностей, мнѣ не зачѣмъ было ходить вдаль, — мнѣ стоило только обратить вниманіе на мое отечество. Петръ В., преобразуя Россію, сдѣлалъ двѣ ошибки, которыя помѣшали благимъ его начинаніямъ принести всю предполагаемую имъ отъ нихъ пользу. Такъ, онъ завелъ академію, когда не было школъ народныхъ. Круто принявшись за дѣло, онъ сдвинулъ, такъ сказать, съ мѣста организмъ русскаго быта общественнаго, уничтожилъ многое, что у насъ органически развилось, замѣнилъ это искусственной организаціей. Все лучшее изъ народа ввелъ въ администрацію (для его времени это было хорошо), — оттого наша общественная жизненная сила ослабѣла. Вся кровь прилила къ головѣ, желудокъ разстроился, и организмъ сталъ чахнуть. Послѣ него интересы администраціи, т.-е. міра чиновниковъ, разошлись еще болѣе съ интересами прочаго общества. Въ обществѣ (изъ него было изъято все полное силы нравственной) осталось все неподвижное, апатическое, по ограниченности своей враждебное безъ различія всякому усовершенствованію, новизнѣ. Это остается и теперь еще такъ. Вотъ отчего мѣры поистинѣ благодѣтельныя правительства (Петрашевскій разумѣетъ тутъ нѣкоторые указы по крестьянскому вопросу) въ

---

[1]) Несмотря на то, что общество посѣщенія бѣдныхъ, предсѣдателемъ котораго былъ кн. Вл. Ѳ. Одоевскій, вовсе не отличалось соціалистическимъ характеромъ, несмотря на то, что почетнымъ членомъ его былъ герцогъ Лейхтенбергскій, до своей смерти въ 1852 г., а затѣмъ попечителемъ его сдѣлался вел. кн. Константинъ Николаевичъ, общество это сначала присоединили къ человѣколюбивому обществу, а потомъ и вовсе закрыли. *В. Зотовъ*. «Петербургъ въ сороковыхъ годахъ». «Истор. Вѣстн.», 1890 г., т. 40, стр. 554—555, *Пятковскій*. «Кн. В. Ѳ. Одоевскій», СПБ., 1880 г., стр. 31—33.

обществѣ, именно въ томъ слоѣ общества, въ которомъ ему слѣдовало находить наибольшее сочувствіе, находятъ его весьма мало. Въ администраціи въ теченіе времени вліяніе генія Петра исчезло, — установилась своя рутина, возникла та же вражда къ усовершенствованіямъ, какъ изгоняющимъ рутину, рутина же, по выраженію гр. Канкрина, превратилась въ *«какъ-нибудьизмъ»*. Екатерина II пыталась было это исправить. Но вотъ 60 лѣтъ, какъ благія сѣмена, ею брошенныя, не всходили до сихъ поръ на почвѣ русской общественности по тѣмъ же причинамъ. — Знаніе этого заставило меня предпочесть скромную дѣятельность гражданина, въ сферѣ мнѣ правами моего сословія предоставленными, блистательнымъ успѣхамъ на поприщѣ административномъ».

Вотъ тѣ черты характера Петрашевскаго, которыя намъ удалось собрать на основаніи его собственныхъ показаній и показаній его друзей и враговъ. Но нужно помнить, что знакомые не смѣли хвалить его предъ слѣдственною комиссіею, и иногда, даже попытавшись защитить отъ клеветъ его личность, дѣлали оговорку, что не защищаютъ его взглядовъ. Нужно было великое благородство одного изъ его пріятелей, Баласогло, чтобы смѣло дать и во время слѣдствія одобрительный отзывъ о Петрашевскомъ [1]). Враги же или люди совершенно другого образа мыслей, не понимавшіе идеальныхъ стремленій Петрашевскаго и потому не оцѣнившіе его, какъ онъ того заслуживалъ, или прямо клеветали на него, или разсказывали о немъ плоскіе анекдоты съ тупоумною усмѣшкою. Но такой человѣкъ, какъ Герценъ, соціалистъ, какъ и Петрашевскій, такъ оцѣниваетъ его: «Если Барбье, говоря о *святой черни* (sainte canaille), разумѣлъ при этомъ величественную простоту, чистоту побужденій въ дѣйствіяхъ, смѣлую послѣдовательность, отсутствіе всякой хитрости, всякой задней мысли личнаго тщеславія,— качества, которыя, къ несчастію, встрѣчаешь въ наше время только среди людей изъ народа и, лишь какъ рѣдкія исключенія, въ другихъ классахъ общества, то Петрашевскаго можно безъ всякаго преувеличенія считать святымъ». Какъ мы видѣли, и самъ Петрашевскій заявилъ слѣдственной комиссіи, что, вслѣдствіе незадавшейся личной жизни, онъ «обрекъ себя на служеніе человѣчеству, и стремленіе къ общему благу замѣнило «въ немъ» эгоизмъ и чувство самосохраненія».

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Не поддавшись вліянію дурныхъ слуховъ о Петрашевскомъ, Баласогло «убѣдился въ его умѣ, благородствѣ правилъ и высокости души, которая, только по избытку чувствъ предаваясь порывамъ негодованія на все окружающее, переступала границы обыкновенныхъ свѣтскихъ, не скажу приличій, потому что Петрашевскій слишкомъ хорошо воспитанъ, а однѣхъ церемоній».

Дневникъ Этьена Дюмона объ его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г.

(Продолженіе).

V.

Розенкампфъ обѣщалъ сообщить мнѣ подробности объ организаціи судебныхъ мѣстъ. Законовѣды находятся здѣсь въ крайнемъ презрѣніи. Прокуроры дѣлаютъ все. Судебныхъ преній совсѣмъ не полагается, дѣла рѣшаются по письменнымъ доказательствамъ; тяжущіеся на судъ не являются; гласности нѣтъ, все совершается втайнѣ. Это несовершенство организаціи окончательно уронило достоинство суда. Есть суды, состоящіе изъ купцовъ; ихъ члены избираются изъ всего сословія, а такъ какъ люди состоятельные и пользующіеся кредитомъ отказываются отъ такой должности, мало почетной и обременительной для дѣлового человѣка, то выборъ падаетъ на людей незначительныхъ, для которыхъ выгодно получить нѣсколько сотъ рублей, не считая незаконныхъ поборовъ. Мой племянникъ Дюваль разсказалъ мнѣ въ видѣ примѣра случай, съ нимъ происшедшій. Одинъ русскій принесъ ему перстень и просилъ за него несообразную цѣну. Дюваль отказался. Продавецъ проситъ и настаиваетъ на совершеніи сдѣлки. Чтобъ отдѣлаться отъ него, Дюваль оставляетъ за собой перстень, уплативъ 250 руб. Нѣсколько дней спустя, является полиція и наводитъ справку объ этомъ перстнѣ; оказывается, что онъ былъ украденъ; приводятъ и вора, котораго уличаютъ, уносятъ перстень и сажаютъ вора въ тюрьму. Мѣсяца черезъ два или три Дюваль былъ вызванъ въ уголовный судъ для выслушанія приговора, постановленнаго противъ него. Этотъ приговоръ состоялся безъ всякихъ формальностей, Дюваль не подвергался никакому допросу. Приговоръ гласилъ, что Дюваль въ силу

такого-то указа присуждался, какъ пріобрѣвшій завѣдомо краденое, къ уплатѣ тройной стоимости перстня. Онъ проситъ, чтобъ ему прочли указъ, и замѣчаетъ, что онъ присуждалъ покупщика къ наказанію только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствовалъ неосмотрительно, а неосмотрительность въ данномъ дѣлѣ могла бы усматриваться лишь въ цѣнѣ купленныхъ предметовъ; что, если бы онъ уплатилъ за перстень ниже его стоимости, это свидѣтельствовало бы противъ него, но онъ уплатилъ за него выше его стоимости. Онъ замѣчаетъ еще судьямъ, что они должны возвратить ему перстень или вычесть его стоимость, такъ какъ, если она не будетъ вычтена, онъ уплатитъ стоимость перстня вчетверо, между тѣмъ, какъ указъ присуждаетъ лишь къ тройному штрафу. Но его не слушаютъ, и онъ принужденъ былъ уплатить всю сумму сполна. Дюваль разсказалъ объ этомъ при дворѣ. Тамъ нашли всю исторію очень забавной, въ особенности посмѣялась императрица, которая видѣла во всемъ этомъ одну шутку.

Это единственное дѣло, въ которомъ моему племяннику пришлось ближе познакомиться съ судопроизводствомъ. Однако честность встрѣчается во всѣхъ странахъ. Мой племянникъ сообщилъ мнѣ очень интересныя подробности объ артеляхъ изъ уроженцевъ Архангельской губер., служащихъ въ таможняхъ или по торговой части. На нихъ можно положиться, они производятъ платежи и получаютъ деньги; ихъ нечего провѣрять, — до такой степени ихъ репутація хорошо установлена. Не боятся поручать имъ суммы въ 50.000 и въ 100.000 рублей для перевозки изъ одного города въ другой. У племянника есть артельщикъ, которому онъ довѣряетъ вполнѣ. Для того, чтобъ его держать при себѣ, требуется уплатить, кромѣ жалованья ему самому, извѣстную сумму артели.

Середа 29 мая (10 іюня). Утро провелъ у Розенкампфа, умѣющаго отлично льстить. Онъ желалъ бы воспользоваться, при распредѣленіи русскихъ законовъ, планомъ Бентама, да не смѣетъ и дѣлаетъ довольно слабыя возраженія для того, чтобы скрыть свое опасеніе прослыть подражателемъ. Онъ хочетъ распредѣлить преступленія на десять или двѣнадцать разрядовъ. Я ему доказалъ, что всѣ эти распредѣленія переплетаются одно съ другимъ. Онъ мнѣ показалъ нѣсколько синоптическихъ таблицъ, составленныхъ для императора. Это служитъ доказательствомъ, что у государя методическій умъ и что онъ судитъ по совокупности всего сдѣланнаго. Розенкампфъ мнѣ говорилъ о Завадовскомъ [1]), приказномъ стараго порядка, относившемся съ презрѣніемъ къ книгамъ и теоріямъ; онъ номинально министръ юстиціи [2]); работа Розенкампфа

---

[1]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1739 — 1812), предсѣдатель комиссіи по составленію законовъ, съ 1802 г. министръ народнаго просвѣщенія.

[2]) На Завадовскаго временно возлагалось управленіе министерствомъ юстиціи. См. *Листовскій.* «Біографія гр. П. В. Завадовскаго». «Русск. Арх.» 1883 г., № 3.

не проходитъ черезъ его руки, а представляется непосредственно императору. Розенкампфъ, выразивъ свое глубокое почтеніе относительно самого императора и тѣхъ, которые пользуются его непосредственнымъ довѣріемъ, распространился о своихъ благородныхъ чувствахъ, о своемъ безкорыстіи, своемъ презрѣніи къ почестямъ, своемъ желаніи закончить свою работу и затѣмъ удалиться въ родной край, гдѣ онъ бы могъ найти болѣе просвѣщенное общество. Все дурное, что говорилъ онъ мнѣ о Россіи, одна хитрость, наподобіе Лагарпа: онъ боится, чтобы мнѣ не сдѣлали предложенія остаться въ Россіи. Онъ даже мнѣ сказалъ, что думали объ этомъ, и онъ хотѣлъ меня предупредить, чтобъ я не поддавался; я ему не мѣшалъ болтать всякій вздоръ и хитрить, сколько ему было угодно.

Вечеромъ я посѣтилъ въ кадетскомъ корпусѣ генерала Клингера; это нѣмецъ, человѣкъ умный, извѣстный въ Германіи нѣкоторыми сочиненіями по литературѣ, изслѣдованіями по философіи, романомъ Фауста (Faustsleben) [1]). Въ философіи онъ близокъ къ Дидро, направленія нѣсколько антирелигіознаго. Онъ славится какъ человѣкъ честный и пользуется милостью императора. Онъ стоитъ во главѣ нѣсколькихъ воспитательныхъ заведеній: корпусовъ кадетскаго и пажескаго. Онъ ввелъ строгость, преобразованія и большія сбереженія; таково было требованіе времени. При этихъ условіяхъ можно было разсчитывать на успѣхъ въ царствованіе Павла I, хотя убѣжденія Клингера, клонившіяся въ пользу французской революціи, были очень извѣстны. Онъ благополучно пережилъ это бурное царствованіе, благодаря воинственной наружности и военной выправкѣ; онъ хватилъ черезъ край въ этомъ направленіи, зная, что такимъ способомъ можно было попасть въ милость. Въ кадетскомъ корпусѣ 750 учениковъ, изъ нихъ нѣкоторые въ женскихъ рукахъ; по словамъ Клингера, они успѣваютъ лучше другихъ. Русское дворянство самое бѣдное во всемъ свѣтѣ; дѣти, воспитываясь въ деревняхъ, пріучаются къ грубымъ нравамъ и воспитываются крѣпостными; ихъ то бьютъ, то балуютъ, не имѣя къ тому и другому ни повода, ни основанія. Клингеръ вообще находитъ въ нихъ большія способности къ наукамъ, особенно къ математикѣ; по его словамъ, у него, по крайней мѣрѣ, 250 учениковъ, очень свѣдущихъ въ геометріи. Съ этими счастливыми способностями они не идутъ далѣе того, что требуется вслѣдствіе врожденной безпечности и недостатка соревнованія. Кадеты, женщины, преподаватели, солдаты, ремесленники, какъ, напр., портные, плотники, сапожники, представляютъ собою одно цѣлое въ 2500 человѣкъ, сосредоточенное въ одной оградѣ; управленіе въ рукахъ Клингера, подъ вѣдѣніемъ великаго князя Константина.

---

[1]) Переводъ его только что изданъ книгоиздательствомъ Некрасова въ Москвѣ. *Ред.*

Съ Клингеромъ совѣтовались насчетъ плана народнаго просвѣщенія, и онъ потребовалъ, чтобъ издавались отъ времени до времени въ видѣ журнала отчеты, въ которыхъ излагалось бы все, что происходило въ заведеніяхъ и приводились бы имена учениковъ, принятыхъ по ихъ успѣхамъ въ Академію.

Наказанія, введенныя въ корпусахъ,—лишеніе стола, двойные уроки, отказъ въ отпускахъ. Клингеръ возстановилъ въ нихъ розги для крупныхъ проступковъ, и наказаніе производится на парадѣ, публично, т.-е. на гауптвахтѣ. Этого я не могу одобрить. Наказаніе такого рода должно ослаблять чувство чести или казаться слишкомъ тяжкимъ для грѣховъ молодости; впрочемъ, нельзя о томъ судить иначе, какъ при тщательномъ изслѣдованіи. Молодые ученики очень чувствительны насчетъ чести. Клингеръ отправилъ ихъ 45 человѣкъ въ итальянскій походъ; изъ нихъ возвратилось только десять; остальные погибли на полѣ сраженія, гдѣ они бросались въ самыя опасныя мѣста. При ихъ выступленіи многіе рыдали, сожалѣя о томъ, что они не шли въ походъ. Мнѣ кажется, можно достигнуть всего при такихъ свойствахъ юношей. Женщины, живущія въ этомъ корпусѣ, жены ремесленниковъ, солдатъ и пр. подвергаются также тѣлесному наказанію по старому русскому обычаю, когда онѣ въ чемъ-либо сильно провинятся, подерутся, напьются, вообще ведутъ себя неприлично. Зовутъ мужа и велятъ ему высѣчь жену розгами, какъ сѣкутъ дѣтей, при полицейскихъ приставахъ. Содержаніе этого заведенія стоитъ теперь 235.000 руб., Института благородныхъ дѣвицъ—200.000 руб., Пажескаго корпуса—150.000 руб. въ годъ. Императоръ расходуетъ въ Петербургѣ около 2.000.000 р. на разныя учебныя заведенія. Результаты еще впереди.

По мнѣнію Клингера, отличительной чертой русской исторіи является то, что въ ней нѣтъ ни религіозныхъ войнъ, ни борьбы изъ-за политическихъ идей. Религія лишена созерцательныхъ догматовъ, русскіе не имѣютъ о томъ никакого понятія. Все ограничивается почитаніемъ иконы святого и крестнымъ знаменіемъ. Священники не имѣютъ никакого имущества, не пользуются вліяніемъ. Народъ ихъ чтитъ. Общество ихъ презираетъ. Имъ цѣлуютъ руку, но сажаютъ за столъ въ людскихъ. Нужно исключить тѣхъ, которые занимаютъ первыя мѣста. Есть, однако, секта, о которой слѣдуетъ собрать болѣе подробныя свѣдѣнія; Павелъ ихъ преслѣдовалъ; это—раскольники.

1 (13) іюня суббота. Свадьба моей племянницы Елизаветы съ г. Лепэнъ (Le Pin) [1]). Мы вмѣстѣ были у генеральнаго комиссара Лессепса [2]), у котораго бракъ былъ совершонъ гражданскимъ поряд-

---

[1]) Племянница Дюмонъ, дочь сестры его Жакелины Сегэнъ, Елисавета.

[2]) Jean Baptiste Barthélemy baron de Lesseps (1766—1834), французскій вице-консулъ въ Кронштадтѣ въ 1783 г., въ 1784 г. участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Лаперуза, въ 1787 г. изъ Петропавловска въ Камчаткѣ

комъ. Брачный договоръ былъ прочитанъ и подписанъ; Лессепсъ прочелъ статью закона и провозгласилъ, что супруги соединены бракомъ. Оттуда мы отправились въ католическую церковь, гдѣ аббатъ Пенгилье (Pinguillier) благословилъ бракъ съ большимъ достоинствомъ и простотой, избѣгая въ своемъ наставленіи всего того, что могло бы оскорбить ученіе протестантской церкви, а нашъ пасторъ Делазонэ (Delazaunais) отправился къ г. Лепэнъ и у него прочелъ литургію нашей церкви.

Г. Лессепсъ, генеральный комиссаръ торговли, выѣхалъ съ де Лаперузомъ и, къ счастью, былъ оставленъ въ Камчаткѣ, такъ какъ онъ умѣлъ говорить по-русски. Онъ написалъ реляцію о своемъ путешествіи.

3 (15) іюня. Обѣдалъ у доктора Грива (Grieve). Здѣсь были сенаторъ Козодавлевъ [1]), князь Голицынъ [2]), одинъ изъ лицъ, принадлежавщихъ къ обществу императора; голландскій посланникъ Бюисъ (W. Buys), который, какъ мнѣ кажется, не расположенъ къ англичанамъ; управляющій кабинетомъ Гурьевъ [3]). Управляющимъ кабинетомъ здѣсь называютъ, собственно говоря, завѣдывающаго особыми расходами императора, его особыми приходами, источникомъ которыхъ служатъ рудники и сборъ мѣхами. Онъ не имѣетъ сношеній съ Государственнымъ Совѣтомъ и не занимается внѣшней политикой.

4 (16) іюня. Обѣдалъ на дачѣ по дорогѣ въ Петергофъ у сенатора Козодавлева съ Розенкампфомъ. Сенаторъ говорилъ со мною о комиссіи, въ которой онъ былъ членомъ. Она состоитъ изъ четырехъ сенаторовъ и имѣетъ своимъ предметомъ пересмотръ старыхъ производствъ о сосланныхъ въ Сибирь. Они пересмотрѣли ихъ болѣе трехсотъ, представляютъ свои замѣчанія императору, который, на основаніи ихъ мнѣнія, смягчаетъ приговоры, показавшіеся слишкомъ строгими, отмѣняетъ недостаточно обоснованные и, въ иныхъ случаяхъ, назначаетъ вознагражденія, пенсіи нѣкоторымъ несчастнымъ, невинность которыхъ была признана. Эти до-

---

возвратился черезъ Сибирь въ С.-Петербургъ, куда пріѣхалъ черезъ 11 мѣсяцевъ въ 1788 г. Въ 1802 г. онъ состоялъ въ Россіи генеральнымъ комиссаромъ по торговымъ дѣламъ.

[1]) Осипъ Петр. Козодавлевъ (1750—1819), 8 лѣтъ опредѣленъ въ пажи, 15-ти лѣтъ отправленъ Екатериной II въ Лейпцигскій университетъ, по окончаніи котораго поступилъ въ 1774 г. въ Сенатъ, занимался литературой; въ 1784 г. назначенъ директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи. При Павлѣ I былъ оберъ-прокуроромъ сената, затѣмъ сенаторомъ, при Александрѣ I членомъ комиссіи по пересмотру уголовныхъ дѣлъ и въ 1810 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. *С. Г.* Біографія Козодавлева—въ «Ист. Росс. Академіи», М. И. Сухомлинова, т. VI, 1882 г. *Ред.*

[2]) Князь Александръ Ник. Голицынъ (1773—1844), оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, канцлеръ всѣхъ орденовъ.

[3]) Дмитрій Александ. Гурьевъ, впослѣдствіи графъ (1751—1825).

казательства милости и милосердія очень нужны; но не слѣдуетъ оглашать эти разсказы, способные испугать, хотя это оглашеніе могло бы впослѣдствіи служить средствомъ для ограниченія произвола и для объясненія всѣхъ бѣдствій, происходящихъ отъ него.

Есть люди, неодобрительно и съ безпокойствомъ относящіеся къ тому, какъ правительство мѣняетъ прежніе взгляды и правила. Счастье, что существуетъ письменное производство по этимъ дѣламъ, т.-е. счастье для отправленныхъ въ ссылку губернаторами; тѣ, которыхъ ссылалъ императоръ (Павелъ), отправлялись въ ссылку на основаніи простого приказа; комиссія требуетъ представленія приказовъ отъ различныхъ судовъ, ихъ находятъ въ общихъ реестрахъ. Такимъ образомъ все сохраняется; здѣшнее правительство требуетъ всего болѣе письменнаго производства. Въ области финансовъ, благодаря многосложности счетовъ, явилась возможность болѣе затемнить дѣло, чѣмъ разъяснить его. Недостаетъ ясности и простоты, установленіемъ которыхъ и слѣдовало начать реформы въ управленіи.

Еще дозволяется порознь продавать крѣпостныхън, о публичный рынокъ, существовавшій для такого торга въ Москвѣ, упраздненъ и въ газеты не принимаютъ болѣе объявленій съ предложеніями этого рода. Мой племянникъ Дюваль отпустилъ на волю двухъ крѣпостныхъ, которыхъ онъ отдалъ въ обученіе ювелирному ремеслу г-ну Лубье. Весь обрядъ состоитъ въ запискѣ ихъ именъ въ общій реестръ, но надо уплатить налогъ въ пять процентовъ съ нарицательной стоимости въ 500 руб. съ души. Это безсмысленный налогъ.

Графъ Румянцевъ, сынъ знаменитаго генерала, отпустилъ на волю 600 крестьянъ [1]) или далъ согласіе цѣлому селу на выкупъ. Императоръ обратился къ нему съ открытымъ письмомъ, напечатаннымъ въ газетахъ, чтобъ засвидѣтельствовать ему свое удовольствіе по поводу такого благороднаго и патріотическаго поступка [2]). Онъ указомъ предоставилъ право всѣмъ свободнымъ русскимъ пріобрѣтать земли, но одни дворяне удерживаютъ право покупать крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, помѣщикъ можетъ продать свою землю русскому купцу не иначе, какъ отпустивъ на волю своихъ крѣпостныхъ. До сей поры мало примѣровъ покупки земли купцами. Капиталисты находятъ болѣе выгоднымъ помѣщать свои деньги или въ торговыя

---

[1]) *В. Семевскій.* «Крестьянскій вопросъ», т. I. СПБ., 1888, стр. 261: «Въ ноябрѣ 1804 г. С. П. Румянцевъ обратился съ письмомъ къ государю, въ которомъ выразилъ желаніе освободить своихъ крестьянъ Ярославской губ. 39 душъ, въ Вологодской губ. 126 и въ Рязанской губ. 34 души, всего 199 душъ» (въ такъ называемые свободные хлѣбопашцы).

[2]) Ср. объ опасеніяхъ освобожденія крестьянъ въ письмѣ Дюмона къ Ромильи. *Пыпинъ.* «Русскія отношенія Бентама», «В. Е.». 1869, № 2, стр. 807. *Ред.*

предпріятія, или подъ залогъ имѣній. Хотя законный ростъ[1]) опредѣленъ въ 5%, рѣдко случается, чтобъ удовлетворялись такимъ процентомъ. Есть заемный банкъ, пользующійся хорошимъ кредитомъ, который самъ уплачиваетъ пять процентовъ, а даетъ въ ссуду подъ вѣрный залогъ изъ шести. Этотъ банкъ принесъ бы болѣе пользы, если бы не требовалъ слишкомъ большого обезпеченія подъ занятую сумму; но онъ не даетъ помѣщику въ ссуду болѣе третьей части стоимости его имѣнія, такъ что большинство помѣщиковъ вынуждено искать денегъ взаймы у ростовщиковъ. Я нехорошо знакомъ съ уставомъ этого банка [2]).

6 (18) іюня. Я обѣдалъ у моихъ племянниковъ съ авторомъ «Эдуарда» Дювалемъ. Онъ намъ прочелъ элегію, сочиненную имъ на смерть графини Шереметевой, которая равнымъ образомъ вдохновила лирическую музу Г. Бертэна. Самый богатый изъ русскихъ вельможъ [3]), оплакивающій свое горе,—находка для поэтовъ. Онъ основалъ очень помѣстительную больницу въ память своей супруги и почти совершенно удалился изъ общества.

Понедѣльникъ 9 (21) іюня. Обѣдалъ у молодого графа Строганова. Отецъ и сынъ [4]) занимаютъ два отдѣльныхъ павильона на привлекательной дачѣ, расположенной противъ Каменноостровскаго дворца. Ихъ садъ всегда открытъ для публики и является мѣстомъ общей встрѣчи, въ особенности по воскресеньямъ. Ихъ владѣнія въ Сибири огромны, но графъ Строгановъ терпитъ денежныя затрудненія: его всегда обманываютъ управляющіе; онъ забираетъ свои доходы впередъ и получаетъ отъ нихъ свои деньги, платя имъ значительные проценты. Говорятъ, что вообще всѣ состоянія разстроены. Графъ разрѣшаетъ кредиторамъ свободный доступъ къ нему, но онъ всегда окруженъ такой толпой, что, пробывъ у него въ комнатѣ цѣлые часы и перебравъ всѣ предметы разговора, кредиторъ бываетъ вынужденъ уйти, не улучивъ момента для бесѣды съ графомъ. Его всѣ любятъ, такъ какъ, будучи въ милости во всѣ царствованія, онъ никому не сдѣлалъ вреда и часто бывалъ щедръ; но онъ никогда не расточалъ своихъ милостей и, говорятъ, никогда ни за кого словечка не замолвилъ. Такъ какъ онъ былъ на хорошемъ счету у Екатерины, то его холодно принялъ императоръ Павелъ; потребовалось много труда съ его стороны, чтобъ изгладить это впечатлѣніе,

---

[1]) Т.-е. процентъ по вкладамъ въ государственныя кредитныя учрежденія. «Министерство Финансовъ 1802—1902». Ч. I, Спб. 1902, стр. 55. *Ред.*

[2]) См. 1-е Полн. соб. зак., т. XXII, №№ 16407, 16408, 16409, 16481.

[3]) Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (1751—1809) женился на своей крѣпостной Прасковьѣ Ивановнѣ, по графской сценѣ Жемчуговой. Біографич. свѣдѣнія о ней см. въ IX вып. «Пѣсенъ собр. П. В. Кирѣевскимъ». М. 1872, ст. Безсонова въ прилож. стр. 75.

[4]) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ (1734—1811), членъ госуд. совѣта; отъ второго брака его сынъ гр. Павелъ Александровичъ (1774—1817), ген.-лейтенантъ, ген.-адъютантъ.

и онъ не успокоился, пока не успѣлъ въ этомъ. Наконецъ онъ, казалось, достигъ, чего желалъ. Онъ былъ принятъ въ общество близкихъ къ императору. Одно время онъ попалъ въ немилость. Замкнувшись у себя, онъ отказывалъ всѣмъ посѣтителямъ, сказался больнымъ, умирающимъ, желалъ показаться какъ бы покинутымъ всѣми для того, чтобы возбудить жалость и дать почувствовать государю, что всякій существуетъ только черезъ него, что только отъ него всякій получаетъ какое-либо значеніе и что тотъ, кто въ немилости у государя, подпадаетъ общему пренебреженію. Этотъ способъ имѣлъ успѣхъ. Государь былъ тронутъ и сжалился надъ графомъ, покинутымъ всѣми, и первый лучъ, проникшій отъ имп. двора, возстановилъ его здоровье и возвратилъ его свѣту.

Старый графъ отнесся ко мнѣ со всею вѣжливостью русскаго вельможи; онъ даже упомянулъ о моей матери и объ ея преклонныхъ годахъ. Онъ спросилъ меня о нѣкоторыхъ подробностяхъ въ сочиненіи Сулави и о роли, которую авторъ заставляетъ меня играть въ смѣшномъ романѣ, который онъ озаглавилъ: «Исторія французской революціи»[1]). Я отвѣтилъ графу, что могъ бы упрекнуть этого автора въ томъ, что онъ опустилъ одно обстоятельство, которое должно было сдѣлать мнѣ большую честь, а именно, говоря о провозглашеніи Дюмономъ французской республики, онъ умолчалъ о томъ, что я не былъ въ это время во Франціи и что я давно уже ее покинулъ, такъ что я долженъ былъ дѣйствовать издалека. Я объяснилъ поведеніе Сулави въ Женевѣ и замѣтилъ, что это сочиненіе наиболѣе презирали тамъ, гдѣ всего лучше знали революцію,—въ Парижѣ. На этомъ обѣдѣ были Новосильцевъ, кн. Чарторыскій, Кочубей[2]), министръ иностранныхъ дѣлъ, котораго я также видѣлъ въ Женевѣ, и нѣсколько дамъ, молодая графиня Строганова[3]), которая пользуется отличною репутаціей, а также ея мать, княгиня Голицына. Она путешествовала съ дочерью и разсказывала съ удовольствіемъ о Швейцаріи и объ Англіи. Онѣ говорятъ по-французски такъ хорошо, что, кажется, будто бы находишься въ парижскомъ салонѣ. Мужчины имѣютъ такія же достоинства. Старый графъ Строгановъ большой весельчакъ; онъ умѣетъ украшать свой разговоръ разными забавными мелочами. Говорили о патентахъ, которые выдаются въ Англіи на новыя изобрѣтенія. Строга-

---

[1]) Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI par Jean Louis Soulavie, t. V, p. p. 298 et 300.

[2]) Князь Викторъ Павловичъ Кочубей (1768—1834). *С. Г.* Біографическій очеркъ его, сост. Н. Д. Чечулинымъ, см. въ «Русск. біограф. словарѣ», изд. Имп. Историч. общества. *Ред.*

[3]) Графиня Софія Влад. Строганова, урожденная княжна Голицына (1774—1845). Ея отецъ князь Владиміръ Борисовичъ Голицынъ, мать Наталія Петровна, рожденная графиня Чернышева (1741—1837).

новъ разсмѣшилъ компанію, пройдясь насчетъ Чернышева, очень любившаго новыя и необыкновенныя вещи. Онъ одолжилъ какому-то послу свою карету для поѣздки ко двору; эта карета была съ патентованнымъ секретомъ, какъ открывать дверцы; лакей посла не зналъ этого секрета, и посолъ, къ великой потѣхѣ двора и императрицы, долженъ былъ все время аудіенціи просидѣть въ каретѣ, пока не нашелся человѣкъ, который, зная этотъ секретъ, открылъ дверцы кареты. Въ другой разъ Чернышевъ принималъ англійскаго посла лорда Санъ-Эленсъ. Послѣдній случайно сѣлъ въ кресло Мерлена (механическое), которое пришло въ движеніе, и англійскій посолъ запрыгалъ къ великому удовольствію всей компаніи. Разговоръ былъ очень разнообразенъ и очень пріятенъ. Затронули нѣсколько вопросовъ политической экономіи; осмѣяли разныя запрещенія ввоза отдѣльныхъ предметовъ, въ частности куколъ, какъ будто русское правительство очень озабочено было развитіемъ этого рода промышленности въ ущербъ другимъ народамъ. Я разсказалъ въ видѣ шутки о заключеніи англичанъ въ тюрьму въ Парижѣ по объявленіи войны и добавилъ, что Бонапартъ до завоеванія Турціи уже усвоилъ турецкіе нравы. Это дало поводъ показать, что удивленіе къ великому человѣку не было исключительнымъ чувствомъ относительно него. Послѣ обѣда кто-то мнѣ сказалъ, что я видѣлъ здѣсь лучшее, что только есть въ Петербургѣ; можетъ-быть, я встрѣчу такое же общество, но не найду такого тона въ разговорѣ; къ тому же въ этотъ день было не много народа. Дамы играли свою роль, какъ во Франціи. По-моему, недоставало разговора между мужчинами въ теченіе одного или двухъ часовъ послѣ обѣда, когда въ свободной обстановкѣ происходитъ настоящее испытаніе силъ. Но здѣсь это не практикуется и было бы опасно. Подобный обычай приличенъ только въ Англіи [1]). Розенкампфъ мнѣ сказалъ, что Строгановы прежде были очень могущественны въ Россіи, что онъ нашелъ древніе указы, нынѣ забытые, въ которыхъ, по тарифу денежныхъ пеней, обида, нанесенная Строганову, наказывалась вдвое выше обиды, нанесенной другому. По счету имѣется 72.800 съ чѣмъ-то указовъ [2]), но большинство повторяется при новыхъ царствованіяхъ; такъ какъ все исходитъ отъ государей, нужно возобновлять самые главные законы. Въ настоящее время въ рижскомъ судѣ производится дѣло по обвиненію одного старика, въ возрастѣ 101 года изнасиловавшаго свою дочь; когда она забеременѣла, онъ подговорилъ ее убить ребенка. Старый графъ Строгановъ сказалъ, что если это дѣло перейдетъ въ Сенатъ, то онъ выскажется въ томъ

---

[1]) Ср. письмо Дюмона къ Ромилы объ этомъ обѣдѣ въ статьѣ *Пыпина* «Русск. отнош. Бентама», «В. Е.», 1869, № 2, стр. 806—807. *Ред.*

[2]) Въ первомъ полномъ собраніи законовъ до 1803 г. напечатано 20.578 указовъ, но оно не полно. *Ред.*

смыслѣ, что это преступленіе невозможно и что не слѣдуетъ разсматривать дѣла.

Частныхъ библіотекъ въ Петербургѣ очень мало, всего двѣ или три, онѣ состоятъ изъ роскошныхъ книгъ и самыхъ великолѣпныхъ изданій. Книгопродавецъ Бува боялся разоренія, когда Павелъ запретилъ ввозъ книгъ; самъ онъ готовился поступить въ приказчики, а его жена—въ гувернантки, и то, что должно было его разорить, только спасло. Его магазинъ не пустѣлъ отъ людей, которые, боясь, что не будутъ имѣть книгъ, приходили покупать все, что было; онъ доставалъ книги отовсюду и получилъ громадный барышъ на товарѣ, который сдѣлался рѣдкимъ, подобно земледѣльцу, запасшемуся хлѣбомъ во время голода. У него почти не оставалось книгъ, когда новое царствованіе возстановило его торговлю.

Всѣ признаютъ, что главная причина, препятствовавшая успѣху искусствъ въ Россіи, заключается въ презрѣніи первыхъ сословій къ ихъ собственной народности. Русскій художникъ, даже обладавшій талантами, оказался бы въ загонѣ,—нужно быть иностранцемъ, чтобы имѣть успѣхъ. Русскій граверъ, по имени Скородумовъ [1]), имѣлъ большой успѣхъ въ Англіи и наживалъ состояніе. Его убѣдили возвратиться въ Петербургъ, но не сдержали ни одного изъ обѣщаній, которыя ему надавали. Онъ былъ безъ мѣста, прозябалъ на скудномъ содержаніи, впалъ въ нищету и погибъ. До сей поры всѣ науки находятся въ пренебреженіи; Академія въ плачевномъ состояніи. Бува мнѣ сказалъ, что онъ не продавалъ вовсе научныхъ сочиненій ни по химіи, ни по опытной физикѣ. Посмотримъ, что сдѣлаютъ новыя учебныя заведенія. Одинъ изъ Демидовыхъ пожертвовалъ два милліона рублей на ихъ учрежденіе [2]).

Середа 21 іюня (3 іюля). Обѣдалъ у англійскаго посла, сэра Джона Борлазъ Варрена [3]). Разговоръ съ нимъ на англійскомъ языкѣ былъ мнѣ очень пріятенъ. Къ секретарю посольства, мистеру Гарлику, я имѣлъ рекомендательное письмо изъ Англіи.

Кутайсовъ [4]), сыгравшій такую видную роль въ царствованіе Павла, былъ турокъ по происхожденію; взятый въ плѣнъ семи или

---

[1]) Гавріилъ Ив. Скородумовъ (1753—1792), воспитанникъ и пенсіонеръ въ Англіи Императорской Академіи Художествъ, академикъ, граверъ пунктиромъ и карандашною манерою.

[2]) О пожертвованіяхъ Пав. Григ. Демидова см. «Русскій біографическій словарь». Изд. Имп. Историч. общ. Дабелевъ - Дядьковскій. Спб. 1905 г., стр. 225. *Ред.*

[3]) Адмиралъ Варренъ (Warren) замѣнилъ лорда Санъ-Эленсъ (lord St.-Helens).

[4]) Иванъ Павловичъ Кутайсовъ въ день восшествія Павла Петровича на престолъ пожалованъ чиномъ 6-го класса, черезъ нѣсколько дней сдѣланъ гардеробмейстеромъ, въ день коронованія оберъ-гардеробмейстеромъ въ чинѣ 4-го класса, 6 декабря 1798 г. егермейстеромъ; въ 1799 г. возведенъ 22 февраля въ баронское, а 5 мая въ графское достоинство; въ 1800 г. 1 января

восьми лѣтъ отъ роду, онъ очень молодымъ былъ приставленъ къ великому князю, которому оказалъ пріятныя услуги. Пока онъ исполнялъ обязанности камердинера, онъ казался выше своего положенія и былъ вѣжливъ и добродушенъ. Несмотря на свое невѣжество, доходившее до того, что онъ едва умѣлъ читать и писать, онъ пріобрѣлъ своего рода стиль въ разговорѣ. Понятно, что онъ основательно постигъ своего господина и придворную обстановку. Такъ какъ Павелъ не имѣлъ тогда средствъ его вознаграждать, его состояніе ограничивалось очень незначительными сбереженіями, но при вступленіи на престолъ на Кутайсова посыпались цѣлыя горы наградъ. Онъ получилъ дворянство и, немного спустя, графское достоинство. Обладая полнымъ довѣріемъ, онъ сумѣлъ пользоваться характеромъ Павла и, хотя его не обвиняютъ въ жестокости и не приписываютъ ему несчастья тѣхъ или другихъ лицъ, онъ зналъ, какъ возбудить подозрѣніе государя и дать пищу его постоянной подозрительности, вызвавшей всѣ бѣдствія этого царствованія, но зато возвысившей самого любимца.

Онъ превратился въ перваго министра; всѣ министры, по своему вѣдомству, докладывали ему дѣла, отправляясь къ нему передъ собраніемъ Совѣта, подъ предлогомъ желанія освѣдомиться о здоровьи императора, и считая за великое счастье быть принятымъ за столомъ Кутайсова и подвергаться его фамильярному обращенію. Его жадность не имѣла границъ, и его средства къ наживѣ были громадны. Не смѣли ни заключить какой-либо договоръ съ дворомъ, ни вести какое-либо дѣло, не предложивъ ему половину барышей. Со времени своей первоначальной службы въ качествѣ камердинера, онъ сохранилъ подлую, безсовѣстную алчность. По случаю коронаціи, вельможи обыкновенно дѣлаютъ подарки императорскимъ камердинерамъ. Одинъ Безбородко далъ 10.000 руб. Кутайсовъ, который только что получилъ дворянство, не могъ отказаться отъ такой добычи: онъ взялся распредѣлить эти суммы и захватилъ болѣе двухъ третей изъ нихъ. Прочіе не посмѣли ничего сказать и пожаловались только послѣ его паденія. Лицо, сообщившее мнѣ эти подробности [1]), имѣло съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ сношенія по службѣ и оказало ему много услугъ, между прочимъ, помѣщая его сбереженія. Но Кутайсовъ никогда не посмѣлъ предложить ему раздѣлить поровну съ нимъ барыши по дѣламъ съ императоромъ. Это лицо слишкомъ хорошо знало Кутайсова, чтобы вести съ нимъ торгъ открыто, но зато Кутайсова надо было подкупать постоянными подарками и этимъ способомъ добывать позволеніе не обкрадывать

сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ, а 19 декабря получилъ Андреевскую ленту, 16 марта 1801 г. Кутайсовъ былъ уволенъ имп. Александромъ I отъ службы. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Петр. Рѣзвой и умеръ въ 1834 г., въ глубокой старости.

[1]) Очевидно, племянникъ Дюмона, придворный ювелиръ Дюваль.

императора, неся нѣкоторыя жертвы. Кутайсовъ доходилъ до того, что не брезгалъ никакими видами прибылей, даже тогда, когда онъ страшно разбогатѣлъ. Павелъ, возвращаясь домой, почти всегда находилъ большое число нищихъ у воротъ дворца. Онъ отчасти любилъ этотъ родъ благодѣянія и пріобрѣтенія популярности и приказывалъ Кутайсову распредѣлить между нищими 300 руб. Кутайсовъ раздавалъ 50, остальные клалъ себѣ въ карманъ.

Совѣтникомъ его былъ его шуринъ, торговецъ рыбою, который составилъ себѣ громадное состояніе и съ которымъ онъ устанавливалъ налоги и устраивалъ всю финансовую часть. Удовольствовались тѣмъ, что сослали Кутайсова въ его помѣстья, гдѣ онъ, покинутый всѣми, чувствуетъ себя очень несчастнымъ.

Мой племянникъ нашелъ записку Кутайсова, извѣщавшую его о томъ, что государю понравились ткани съ алмазами (les toiles de diamant), которыя онъ доставилъ ему.

22 іюня. Посѣтилъ галлерею гр. Безбородко. Очень богатое собраніе картинъ. Я недостаточно люблю картины и недостаточно знаю въ нихъ толкъ, чтобъ говорить о нихъ подробно. Картины эти принадлежатъ человѣку, который ими не пользуется и отказываетъ другимъ въ наслажденіи ими. Отецъ [1]), собравшій настоящую коллекцію, министръ иностранныхъ дѣлъ при Екатеринѣ, былъ человѣкъ умный, изъ простыхъ секретарей достигъ самыхъ высшихъ должностей и пріобрѣлъ громадное состояніе. Его семья погибаетъ въ идіотизмѣ.

24 іюня (6 іюля). Обѣдалъ у г. Лепэна съ аббатомъ Пенгилье. Онъ былъ священникомъ въ Бретани и имѣлъ честь дать у себя обѣдъ великому князю и великой княгинѣ, когда они путешествовали въ этой провинціи; онъ вовсе не подозрѣвалъ тогда, что этотъ обѣдъ доставитъ ему пристанище въ минуту преслѣдованія. Пріютившись въ Вѣнѣ во время террора, онъ былъ въ нищетѣ и нуждался во всемъ. Павелъ далъ ему средства для поѣздки въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ назначеніе при католической церкви и пользуется большимъ уваженіемъ. Онъ мнѣ разсказалъ два или три любопытныхъ случая. Однажды его призвали въ крѣпость къ несчастному, котораго подвергли пыткѣ и который ни въ чемъ не сознавался, увѣряя въ своей невинности. Священникъ, по исполненіи своихъ обязанностей, удивился тому, что, кромѣ его служителя, вошло въ карету еще третье лицо. То былъ полицейскій приставъ; вмѣсто того, чтобъ везти священника въ католическую церковь, его

---

[1]) Графъ, а впослѣдствіи князь, Александръ Андр. Безбородко (1747—1799) умеръ холостымъ; его имущество наслѣдовалъ его братъ гр. Илья Андр. Безбородко (1756—1815); по смерти послѣдняго состояніе его и имя перешли къ его внуку гр. Александру Григ. Кушелеву-Безбородко, мать котораго, Любовь Ильиниш..а Безбородко (1809), была замужемъ за адмираломъ графомъ Григоріемъ Григ. Кушелевымъ (1833).

повезли къ оберъ-прокурору. Здѣсь ему пришлось быть въ многолюдной прихожей; онъ проситъ, чтобъ его приняли, какъ можно скорѣе; его принимаютъ и требуютъ, чтобъ онъ далъ показаніе о только что выслушанной имъ исповѣди. «Извѣстны ли вамъ,—отвѣтилъ онъ,—преимущества нашей церкви и знаете ли вы, что я не въ состояніи сдѣлать то, о чемъ вы просите?»—«Все равно, мы дѣйствуемъ по высочайшему повелѣнію, дѣло идетъ о человѣкѣ, заподозрѣнномъ въ заговорѣ, и берегитесь послѣдствій вашего отказа. Вы сдѣлаетесь его пособникомъ».—«Я на все готовъ, я не боюсь никакихъ послѣдствій».—«Въ такомъ случаѣ, подпишите вашъ отказъ, я пошлю ваше объясненіе къ императору». Ему даютъ бумагу, и онъ просто пишетъ: «Меня потребовали въ крѣпость къ человѣку моего вѣроисповѣданія, и я выслушалъ его исповѣдь, согласно обрядамъ нашей церкви». Записка была подписана и запечатана. Онъ ожидалъ новыхъ объясненій, но болѣе ничего не произошло. Его заявленіе было очень разумно, онъ лучше не могъ сдѣлать, какъ умолчавъ о требованіи прокурора и объ отказѣ ему.

Между актрисами была одна довольно красивая, по имени Розе-Колинетъ, которая была набожна и честна и совѣтовалась съ аббатомъ Пенгилье,—онъ былъ ея духовникомъ. Однажды его посѣщаетъ знатный вельможа, украшенный орденами, имени котораго онъ не назвалъ и который послѣ большихъ увертокъ сдѣлалъ ему странное предложеніе: «Имѣете ли вы большое вліяніе на эту молодую дѣвушку?» — «Она совѣтуется иногда со мною, какъ съ духовнымъ лицомъ». — «Но она считаетъ васъ своимъ лучшимъ другомъ, и вамъ слѣдуетъ ей дать хорошій совѣтъ. Она отказалась отправиться къ императору, и этотъ отказъ не понятенъ со стороны актрисы, получающей пенсію». — «Отказалась ли она играть?» — «Нѣтъ, но императору угодно было ее видѣть наединѣ, а она этого не желаетъ». — «Милостивый государь, я смѣю думать, что вы не сообразили, какую роль вы предлагаете мнѣ». — «Но вы сами обязаны нѣкоторою благодарностью императору». — «Императоръ не можетъ желать, чтобъ я нарушилъ важнѣйшую изъ своихъ обязанностей, и, если бы онъ зналъ, какіе совѣты я всегда даю этой молодой дѣвушкѣ, онъ первый одобрилъ бы меня». Католическая церковь въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ,—красивой архитектуры, она занимаетъ большое пространство земли и окружена обширными домами, которые принадлежатъ ей и которые она отдаетъ внаемъ. Она считается богатой. Аббатъ Пенгилье мнѣ сказалъ, что она должна 130.000 рублей, но этотъ заемъ—очень выгодная спекуляція, такъ какъ дома приносятъ церкви гораздо болѣе того, что нужно на уплату процентовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ способомъ скрываются средства. Состояніе нищаго заключается въ его деревянной ногѣ. Въ Петербургѣ отъ 8 до 10 тысячъ католиковъ; іезуиты только что основали даровую школу, гдѣ уже 300 воспитан-

никовъ, большею частью дѣти русскихъ купцовъ. Они содержатъ довольно дешевый пансіонъ и желаютъ, чтобъ воспитанники не выходили изъ него. Я протестовалъ противъ такого заключенія, которое разрываетъ всѣ семейныя связи. Но священники не считаются съ этими привязанностями.

25 іюня (7 іюля). Г. Розенкампфъ провелъ утро со мною. Онъ показалъ мнѣ первый проектъ общихъ началъ законодательства, въ видѣ синоптическихъ таблицъ, которыя онъ желаетъ представить императору. Я въ нихъ нашелъ смѣшеніе старыхъ идей съ нѣкоторыми новыми началами Бентама. Все же естественное право должно служить основаніемъ всему. Я возражалъ и далъ объясненія. Онъ мнѣ казался совершенно убѣжденнымъ и сказалъ мнѣ, что дастъ другое направленіе своей работѣ. Два дня спустя онъ прочелъ мнѣ проектъ письма ко мнѣ, которое должно быть напечатано въ русской газетѣ. Императоръ назначилъ въ помощь ему русскаго переводчика и двухъ секретарей. Я потребовалъ, чтобы онъ выключилъ изъ этого письма комплименты, которые я не могу принять, и воздалъ должное Бентаму. Я написалъ параграфъ въ объясненіе успѣха, котораго Бентамъ достигъ въ наукѣ своими классификаціями и своею новою логикой.

1 (13) іюля. Посѣтилъ Эрмитажъ съ моимъ племянникомъ, Франсуа [1]), большимъ любителемъ картинъ; онъ самъ обладатель многихъ и очень хорошихъ. Поляку Лабенскому поручено храненіе этой галлереи, которая была въ большомъ безпорядкѣ, и украшается, благодаря его работамъ. Собраніе это громадно и очень богато произведеніями фламандской школы; множество картинъ Теньера, Рембрандта, въ частности L'enfant prodigue Жерарда Доу (Dow), Метцю и др., много Клода Лорэна, мало итальянской школы, еще болѣе копій, чѣмъ оригиналовъ. Императрица Екатерина, уплативъ за эти картины большія деньги, сама не любовалась ими.

2 (14) іюля. Полетъ Гарнерэна [2]) и его жены на воздушномъ шарѣ съ обширной кадетской площади. Первыя мѣста по 25 руб., вторыя по 5 р. и третьи по $2^1/_2$ руб. Императорская фамилія вся въ сборѣ. Жена Гарнерэна фамиліарно объяснялась съ императоромъ и императрицей. Полетъ совершился вполнѣ успѣшно; воздушный шаръ былъ виденъ отовсюду въ городѣ, особенно съ набережныхъ, которыя были полны народа. Народъ говорилъ вездѣ: «вотъ ученый человѣкъ, онъ, должно-быть, самый умный человѣкъ во всемъ свѣтѣ». Повсюду слышны были одобрительныя разсужденія о французахъ,

---

[1]) Жанъ-Франсуа-Андрей Дюваль (1776—1854), оставался въ Петербургѣ до 1817 г. и, вернувшись въ Женеву, собралъ значительную коллекцію картинъ, проданную въ 1845 г. графу Морни.

[2]) Гарнерэнъ (Jean-Baptiste-Olivier Garnerin, 1766—1849) и André-Jacques Garnerin, (1769—1823) братья, французскіе воздухоплаватели, изъ нихъ послѣдній, по всему вѣроятію, и былъ въ Петербургѣ.

не было толковъ о волшебствѣ, впрочемъ, позаботились предупредить ихъ въ объявленіяхъ. Крестьяне, предупрежденные во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ, помогли воздухоплавателю на Малой Охтѣ, возлѣ Александро-Невской лавры, вылѣзть изъ болотъ, куда шаръ спустился. Было восемь или девять японцевъ. Они одѣты почти по-китайски, на головахъ большія соломенныя шляпы въ видѣ зонтиковъ, и по ихъ шелковымъ платьямъ ихъ легко принять за женщинъ; они очень маленькаго роста, менѣе пяти футовъ, лицомъ очень уродливы. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ они потерпѣли крушеніе у русскихъ береговъ близъ Камчатки. Ихъ собираются отослать вмѣстѣ съ посольствомъ, впервые отправляемымъ въ Японію. Судно со многими подарками готово къ отплытію [1]). Ихъ спросили, есть ли въ Японіи люди, восходящіе на воздухъ. «Ахъ, да, нѣсколько, — сказали они, — но не этимъ способомъ». Поняли, что они разумѣли колдуновъ.

VI.

4 (16) іюля. Я былъ въ Павловскѣ вмѣстѣ съ одной барышней; проѣздомъ мы остановились въ Царскомъ Селѣ, куда дворъ болѣе не ѣздитъ. Оно служило любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины II, и она на него истратила огромныя суммы. Это былъ любимецъ безъ заслугъ, какъ говорили о Версалѣ; фонтаны великолѣпны, но воды не было, ее провели издалека. Дворецъ, если смотрѣть съ фасада, недостаточно высокъ соотвѣтственно длинѣ; онъ кажется сплюснутымъ; семнадцать лѣтъ тому назадъ я его видѣлъ отчасти крытымъ позолотой, теперь ее сняли. Внутреннія помѣщенія отличаются азіатскою роскошью; этотъ длинный рядъ комнатъ, въ которыхъ двери покрыты золочеными украшеніями, блеститъ великолѣпіемъ, приличнымъ только двору, гдѣ принято поражать тщеславіемъ богатства, хотя оно нравится не надолго. Я терпѣть не могу описанія домовъ и садовъ; я упоминаю только для памяти о комнатѣ, сплошь украшенной янтаремъ, впечатлѣніе которой лучше, чѣмъ того я ожидалъ, о другой комнатѣ японскаго лака, третьей изъ непрозрачнаго бѣлаго стекла, которое я принялъ за фаянсъ, со стеклянными колоннами, обитыми снаружи металлическими полосами, что дѣлаетъ очень пріятное впечатлѣніе, — о кабинетѣ,

---

[1]) Въ 1780 г. на Алеутскихъ островахъ потерпѣло крушеніе японское судно. Въ 1792 г. поручику Лаксману было поручено на транспортѣ «Екатерина» подъ командой штурмана Ловцова отвезти японцевъ. Часть изъ нихъ возвратилась, но Лаксману не удалось завести торговыя сношенія. Въ 1803 г. былъ отправленъ въ Японію на суднѣ «Надежда», подъ командою капитанъ-лейтенанта Крузенштерна, камергеръ Ник. Петр. Резановъ, въ качествѣ посланника съ подарками; онъ не былъ принятъ японскимъ правителемъ и принужденъ былъ вернуться обратно сухимъ путемъ черезъ Сибирь.

гдѣ находится до двадцати восхитительныхъ фламандскихъ картинъ, о длинной галлереѣ, служащей столовой и выступающей изъ дворца въ садъ, о мостѣ, составляющемъ точное подражаніе одному изъ красивѣйшихъ образцовъ древности. Въѣздъ въ Царское Село замѣчателенъ своими двумя искусственными скалами, но этотъ портикъ вовсе не подходитъ къ плоской мѣстности; китайская деревня слишкомъ правильно размѣщена, дома распредѣлены симметрично.

По пути въ Царское Село находится одно изъ поселеній нѣмецкихъ колонистовъ; они достигли процвѣтанія выше всякаго ожиданія; потребовалось увеличеніе количества земли для вновь образующихся семействъ. Какъ досадно, что всѣ колонисты, которые были переселены на берега Волги и которые большею частью погибли подъ гнетомъ и отъ нерадѣнія [1]), не устроились въ окрестностяхъ С.-Петербурга. До чего ихъ процвѣтаніе доказываетъ выгоды свободы!

Нѣкоторые предметы вздорожали въ С.-Петербургѣ вчетверо, но есть овощи, которые понизились въ цѣнѣ вслѣдствіе того, что ихъ разведеніе привилось и распространилось. Всѣ припасы приходятъ издалека; этому большому городу недостаетъ развитія земледѣлія въ окрестностяхъ, которыя большею частью еще не обработаны; за двѣ, за три версты отъ С.-Петербурга находишься, какъ въ пустынѣ.

Павловскъ былъ любимою резиденціею Павла, когда онъ былъ великимъ княземъ и теперь принадлежитъ вдовствующей императрицѣ, которая только для этого дворца производитъ траты на предметы роскоши и удовольствія. Этой мѣстности придано болѣе разнообразія; въ ней встрѣчаются холмы и возвышенія, которые служатъ къ ея украшенію, пруды очень красивы, сады очень обширны и красиво расположены. Дворецъ по своимъ размѣрамъ немного уступаетъ Царскосельскому, но его мѣстоположеніе выгоднѣе: онъ находится на возвышенности и очень красивый.

Большую часть этого дня я провелъ съ Г. Шторхомъ [2]), и это доставило мнѣ много удовольствія. Шторхъ—авторъ статистическаго труда о Россіи въ восьми томахъ на нѣмецкомъ языкѣ [3]), изъ нихъ два уже вышли по-французски [4]). Сильно напали на его систему древняго торговаго пути въ Индію черезъ Россію, но, какъ бы то ни было, его трудъ, съ которымъ я еще не знакомъ, долженъ быть поучите-

---

[1]) Это не справедливо; см. о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи сочиненія Клауса и Писаревскаго. *Ред.*

[2]) Генрихъ Шторхъ родился въ Ригѣ (1766—1835), вице-президентъ и ординарный академикъ Академіи Наукъ, извѣстенъ трудами по статистикѣ и политической экономіи.

[3]) Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des XVIII Jahrhunderts, 1797—1803. Bd. 1—8. Riga und Lepzig. *Ред.*

[4]) Въ Базелѣ и Лейпцигѣ. *Ред.*

ленъ и интересенъ, судя по личности автора, который показался мнѣ человѣкомъ съ большими достоинствами. Онъ получилъ отъ Павла, въ минуту его добраго расположенія; разрѣшеніе на сообщеніе ему всѣхъ свѣдѣній, въ которыхъ онъ нуждался для своей книги; ему передали списанія, которыя императрица Екатерина велѣла составить во всѣхъ губерніяхъ о ихъ внутреннемъ состояніи по цѣлому ряду разосланныхъ вопросовъ. Это собраніе составляетъ 30 томовъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ по-русски съ очень красивыми таблицами. Г. Шторхъ нашелъ вездѣ доказательства увеличенія богатства и населенія въ Россіи; онъ говоритъ, что въ серединѣ послѣдняго столѣтія состояніе въ 100.000 руб. было рѣдкостью среди купцовъ, а теперь не рѣдки милліонеры. Въ Ситхѣ (на Аляскѣ) существуетъ компанія, владѣющая громадными землями въ Сѣверной Америкѣ и производящая большую торговлю мѣхами; акціи этой компаніи очень поднимаются. Роскошь въ купеческомъ сословіи, несомнѣнно, показываетъ, что оно богатѣетъ. Купцы начинаютъ заботиться о воспитаніи дѣтей, отправляютъ ихъ путешествовать, приглашаютъ иностранныхъ гувернантокъ для дочерей,—однимъ словомъ, ведутъ себя, какъ дворяне, и часто сохраняютъ наклонность къ порядку и бережливости, качества, которыхъ недостаетъ дворянамъ. Все это достаточно для предсказанія того, что образуется третье сословіе, которое со временемъ поставитъ Россію на одну и ту же ногу съ Франціей и Англіей. Такимъ образомъ, она вышла изъ состоянія феодальнаго царства. Все населеніе, включая и новыя покоренныя области, достигаетъ 36 милліоновъ. Перепись при Екатеринѣ дала 12 милліоновъ крестьянъ мужского пола, изъ коихъ 4 милл. принадлежали казнѣ, а 8 милл.—помѣщикамъ [1]). Мѣщане еще не составляли значительнаго сословія [2]).

Александръ, при вступленіи на престолъ, объявилъ, что онъ никогда не будетъ раздавать крестьянъ. Шторхъ мнѣ показалъ письмо, написанное императоромъ своему дядѣ, герцогу Вюртембергскому, который просилъ у него земель; государь ему отвѣтилъ, между прочимъ, что не рѣшается обращаться съ людьми, какъ съ животными, и далъ ему равноцѣнное вознагражденіе взамѣнъ населенныхъ имѣній.

Все, что Александръ сдѣлалъ до сей поры для освобожденія (крѣпостныхъ), показываетъ много осмотрительности и осторожности; главный указъ разрѣшаетъ господамъ за деньги отпускать на волю цѣлыя деревни; имъ всегда принадлежало право отпускать за вы-

---

[1]) Въ дѣйствительности по 5 ревизіи 1796 г. было помѣщичьихъ крестьянъ нѣсколько болѣе 9 милл. д. муж. п., казенныхъ болѣе 6 милл., удѣльныхъ и государевыхъ около 500.000. *К. Германъ.* «Статистич. изслѣдованія относительно Рос. имперіи». Ч. I. СПБ. 1819 г., стр. 95—98. *Ред.*

[2]) Купцовъ въ 1796 г. было болѣе 90.000, мѣщанъ болѣе 700.000 д. м. п. Ibid., 106. *Ред.*

купъ людей отдѣльно. Несмотря на то, что это право только расширено, указъ, однако, имѣлъ порицателей. Графъ Румянцевъ просилъ позволенія на такое расширеніе своего права, и его просьба была, вѣроятно, такъ изложена [1]), что послужила предварительно ступенью для мотивировки общаго закона. Другимъ указомъ разрѣшено всякому свободному человѣку покупать земли, но не крѣпостныхъ; это право принадлежитъ еще исключительно дворянству. Сама казна, назначивъ своимъ крестьянамъ на каждую мужскую душу по 15 дес. пахотной земли, имѣетъ громадный избытокъ земли, которую она продаетъ и которую всякій свободный человѣкъ можетъ пріобрѣтать. Наконецъ по третьему указу крестьяне могутъ сами откупаться цѣлыми сельскими обществами, въ случаѣ продажи земель, заложенныхъ помѣщикомъ Государственному Банку, съ торговъ на уплату его долга [2]). Въ случаѣ равенства цѣнъ, сельское общество должно пользоваться преимуществомъ передъ другими покупателями. Такой порядокъ можетъ повести далеко, такъ какъ русскіе помѣщики, большею частью, въ долгу и состоятъ заемщиками въ этомъ банкѣ и оказываются не очень аккуратными плательщиками. Сельскому обществу мѣшаетъ выкупаться въ полномъ составѣ неравенство состояній его членовъ; трудно распредѣлить платежи. Тѣ, которые имѣютъ что-либо, вовсе не намѣрены платить за тѣхъ, которые ничего не имѣютъ.

Впрочемъ, царствованіе императора еще недостаточно продолжительно, чтобы внушать полное довѣріе.

Г. Шторхъ питаетъ большое уваженіе къ императору; онъ считаетъ его способнымъ на все великое и прекрасное. Онъ говоритъ, что онъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: постепенное освобожденіе и просвѣщеніе народа. Шторхъ готовитъ сочиненіе объ улучшеніяхъ, произведенныхъ въ его царствованіе. По нѣкоторымъ признакамъ мнѣ кажется, что произошло очень чувствительное измѣненіе въ нравахъ народа въ С.-Петербургѣ. Помнится, я видѣлъ вездѣ толпы мужиковъ, которые, обнявшись, ходили по улицамъ съ пьяными, веселыми пѣснями. Эти попойки повторялись, главнымъ образомъ, по праздникамъ. Павелъ ихъ не терпѣлъ, и ихъ не видать больше; пьянство стало рѣже. Всѣ говорятъ, что трезвая прислуга часто попадается, и это обстоятельство приписываютъ строгости полиціи при Павлѣ относительно пьяныхъ, а кромѣ того, при суровомъ правительствѣ, каравшемъ малѣйшія провинности, каждый опасался забыться и осрамиться въ пьяномъ состояніи. Кучера пьянаго не видно болѣе. Воровство въ домахъ стало также рѣже; я замѣчаю болѣе предусмотрительности у людей, чѣмъ въ другихъ краяхъ. Правда, что у ка-

---

[1]) См. «Русск. Арх.», 1869 г., стр. 1953 и слѣд. *Ред.*

[2]) Такой указъ былъ изданъ только въ 1847 г., но и то отмѣненъ въ 1849 г. *Ред.*

ждаго хозяина хранятся паспорта его прислуги и что никто изъ служителей не могъ бы никуда уйти, не подвергаясь опасности быть схваченнымъ; однако такая предосторожность скорѣе предупреждаетъ насилія, чѣмъ тайныя воровства.

6 — 18 іюля. Обѣдалъ на дачѣ у князя Чарторыскаго, товарища министра иностранныхъ дѣлъ (званіе товарища министра установлено учрежденіемъ министерствъ—глава министерства гр. Воронцовъ; товарищъ занимается отправленіемъ бумагъ, ихъ подписываніемъ и пр.). Мнѣ сказали, что князь Чарторыскій, какъ человѣкъ очень богатый, дѣлаетъ прибавки изъ своихъ средствъ къ незначительному жалованью своихъ подчиненныхъ. На этомъ обѣдѣ были гр. Строгановъ, Новосильцовъ, Розенкампфъ и одинъ полякъ, гр. Платеръ. Вечеромъ я видѣлъ у своего племянника французскаго посла, генерала Гедувиля, который былъ начальникомъ острова Санъ-Доминго, но имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь 300 или 400 человѣкъ, чтобъ противодѣйствовать возстанію. Генералъ Гедувиль удивляется русскому характеру, находя въ немъ что-то не вполнѣ согласованное и что-то преувеличенное въ типѣ русскихъ, въ обширности ихъ домовъ, въ числѣ ихъ прислуги; празднества и разореніе,—отсюда упадокъ состояній большей части вельможъ.

Говоря о перемѣнахъ, замѣчаемыхъ въ нравахъ, нужно отмѣтить смягченіе рабства. Двадцать лѣтъ тому назадъ во всей Лифляндіи при каждомъ домѣ стоялъ столбъ, къ которому привязывали крѣпостныхъ при наказаніи ихъ кнутомъ. Этотъ столбъ стоялъ или у воротъ дома, или на дворѣ. Его болѣе нѣтъ или почти нѣтъ. Наказаніе кнутомъ не прекратилось, но оно стало рѣже, и избѣгаютъ выставлять орудіе насилія. Однако еще случается, что императоръ принужденъ сокращать лютыхъ господъ, и страхъ передъ этимъ предупреждаетъ жестокости. Посему народъ чрезвычайно привязанъ къ своимъ государямъ; онъ отлично чувствуетъ, что они его покровители, и что безъ власти высшаго главы народъ сталъ бы добычею множества маленькихъ изверговъ.

8 — 20 іюля. Наставникъ молодыхъ великихъ князей дю-Пюжэ разсказалъ мнѣ о своей ссылкѣ въ Сибирь за 5000 верстъ. Онъ тогда давалъ уроки молодымъ великимъ княжнамъ и не имѣлъ никакого основанія опасаться за свою безопасность. Повелѣніе о выѣздѣ изъ Петербурга приходитъ къ нему вечеромъ; ему даютъ только часъ на сборы. Кабинетный фельдъегерь дорогой обращался съ нимъ очень жестоко. Погода была отвратительная; шли сильные дожди; по требованію фельдъегеря ѣхали день и ночь, хотя экипажъ былъ открытый,—простая повозка. Этотъ наглый и жестокій человѣкъ твердилъ ему постоянно, что, вѣроятно, его накажутъ кнутомъ по пріѣздѣ на мѣсто ссылки. Что было всего ужаснѣе, это неизвѣстность того, въ чемъ заключалось особое повелѣніе на имя губернатора того мѣста, куда ссылался несчастный. Дю-Пюжэ уже сжился съ мыслью о каторжной ра-

ботѣ на рудникахъ, но при мысли о кнутѣ онъ падалъ духомъ. Пріѣхавъ черезъ шесть недѣль путешествія на мѣсто ссылки, онъ оказался въ крѣпости; губернаторъ, къ которому его привели, принялъ его довольно милостиво и, по его просьбѣ, велѣлъ ему немедленно дать ѣсть и пить. Онъ спросилъ: «Кто онъ такой?»—«Швейцарецъ» [1]).—«На какой службѣ?»—«На службѣ Его Величества».—«Я вспоминаю, что видѣлъ васъ во дворцѣ. При какихъ дверяхъ стояли вы?»—«Я не стоялъ ни при какихъ дверяхъ».—«Но вы сами говорите, что были швейцаромъ?» — «Я уроженецъ Швейцаріи, а не швейцаръ по ремеслу». И оба разсмѣялись по поводу этого недоразумѣнія. «Что же вы дѣлали?»—«Я имѣлъ честь давать уроки великимъ княжнамъ, я былъ ихъ наставникомъ».—«Чортъ возьми! Садитесь же, милостивый государь! Я прочту Высочайшее повелѣніе». Онъ распечатываетъ конвертъ. Дю-Пюжэ внимательно смотритъ на него во время чтенія. Губернаторъ недолго молчалъ,—повелѣніе заключалось лишь въ двухъ словахъ: «Примите швейцарца Пюжэ милостиво и наблюдайте строго за его перепиской». Комендантъ пригласилъ его къ обѣду, предложилъ свои услуги, предложилъ ему выбрать себѣ квартиру, а кабинетный фельдъегерь, свидѣтель всего этого, но не понимавшій того, что говорилось по-французски, палъ къ ногамъ Дю-Пюжэ, просилъ у него прощенія и страшно передъ нимъ унижался. Дю-Пюжэ сказалъ ему, что не будетъ на него жаловаться, но совѣтовалъ вести себя человѣчнѣе въ томъ случаѣ, если ему придется сопровождать другого несчастнаго. Послѣ обѣда комендантъ крѣпости пошелъ совѣтываться съ губернаторомъ и сообщилъ ему странное Высочайшее повелѣніе: «Если этотъ человѣкъ виновенъ,—говорилъ онъ,—зачѣмъ приказывать намъ его принять прилично, а если онъ невиненъ, зачѣмъ его ссылать? Будьте увѣрены, что это шпіонъ, котораго посылаютъ къ намъ подъ видомъ ссыльнаго; какъ только онъ разузнаетъ все, что здѣсь происходитъ, придетъ повелѣніе отправить его обратно». Дю-Пюжэ воспользовался этимъ; комендантъ и губернаторъ обращались съ нимъ, какъ нельзя лучше, и предоставили ему полную свободу. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ былъ полученъ указъ объ его возвращеніи; его невинность была установлена. Павелъ подозрѣвалъ его въ томъ, что онъ велъ переписку съ Лагарпомъ въ Швейцаріи; по возвращеніи онъ получилъ нѣсколько подарковъ въ знакъ благоволенія. Затѣмъ вскорѣ его сдѣлали наставникомъ великихъ князей. Это доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что прошло то время, когда считали необходимымъ имѣть Аристотеля или д'Аламбера въ качествѣ воспитателя тѣхъ, кому суждено повелѣвать имперіями. Этотъ Дю-Пюжэ — добрый малый и честный человѣкъ, свѣдущій въ правописаніи, но я не скажу того же объ его знаніяхъ во французскомъ языкѣ.

---

[1]) Губернаторъ понялъ, что онъ швейцаръ.

1—13 іюля. Собрались Мюссаръ, Дюроврэ, а также Розенкампфъ съѣздить въ Токсово. Я туда отправился въ воскресенье утромъ съ моимъ племянникомъ Франсуа Дювалемъ, Полетикой [1]) и Бува. Всѣхъ было двадцать человѣкъ, расходъ по 13 руб. по человѣка. Токсово въ 26 верстахъ къ сѣверу отъ С.-Петербурга... Я видѣлъ большое собраніе финновъ въ церкви. Они не красивы, а женщины еще хуже мужчинъ. Я не говорю объ ихъ одеждѣ; она вездѣ траурная. Они лютеране; понятно, что они прибавляютъ къ своей религіи пропасть своихъ древнихъ суевѣрій. Приходъ, какъ говорятъ, приноситъ пять тысячъ рублей и простирается на 40 верстъ. Ихъ языкъ очень мягокъ, полонъ гласныхъ. Крестьяне принадлежатъ казнѣ и сохранили привязанность къ Швеціи, вспоминая о своихъ прежнихъ преимуществахъ...

10—22 іюля. Выставка въ Академіи Художествъ, самомъ красивомъ зданіи Петербурга: великолѣпный дворъ, зданіе разбито на различные классы воспитанниковъ по живописи, по ваянію, по зодчеству и проч. Я былъ очень удивленъ, увидя большое число мужиковъ, которыхъ привело сюда любопытство. Эта выставка продолжается восемь дней; на ней нѣтъ замѣчательныхъ вещей, но это средство для возбужденія соревнованія...

Поймали въ одномъ изъ рукавовъ Невы бѣлугу вѣсомъ въ 360 фунтовъ; рыбаки сами поднесли ее императору, который очень хорошо ихъ принялъ.

Обѣдалъ у министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубея, на Аптекарскомъ островѣ. Онъ очень молодымъ человѣкомъ служилъ по дипломатической части и сперва былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Этотъ человѣкъ кажется мягкимъ, учтивымъ по натурѣ и обходительнымъ; онъ вообще пользуется уваженіемъ и не обогатился въ царствованіе, въ которое составилось столько состояній. Онъ долженъ былъ участвовать въ наслѣдствѣ своего дяди, графа Безбородко [2]), который его воспиталъ и послѣ котораго осталось завѣщаніе, начатое на смертномъ одрѣ слѣдующими словами: «я завѣщаю моему племяннику, единственному сыну моей сестры, двѣ тысячи

---

[1]) Петръ Ивановичъ Полетика (1778—1849) обучался въ кадетскомъ корпусѣ, въ 1798 г. опредѣленъ къ стокгольмской миссіи канцелярскимъ служителемъ; въ 1803 г. причисленъ къ дѣламъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1809 г. былъ совѣтникомъ посольства въ Филадельфіи; въ 1811 г. въ Ріо-Жанейро, въ 1814 г. въ Мадридѣ, въ 1817 г. опредѣленъ посланникомъ въ Филадельфіи, въ 1822 г. возвратился въ Европу. Въ оставленныхъ имъ воспоминаніяхъ Полетика пишетъ о Дюмонѣ, что это былъ человѣкъ обширнаго ума, съ обширными и разнообразными свѣдѣніями. («Русск. Арх.», 1885 г., № 11, стр. 321.)

[2]) Князь Александръ Андр. Безбородко († 1799), все его состояніе перешло, какъ уже было упомянуто, къ брату гр. Ил. Андр. Безбородко; у нихъ была сестра Ульяна Андр. за Павл. Леонт. Кочубеемъ. Ея сынъ Викторъ Павловичъ (1768—1834) возведенъ былъ въ 1799 году въ графское достоинство, а въ 1831—въ княжеское.

душъ», а послѣ шли похвалы этому племяннику. Но духовное завѣщаніе осталось неподписаннымъ, и наслѣдникъ, пользуясь своимъ правомъ, какъ сынъ брата, не нашелъ основаній къ исполненію очевиднаго намѣренія завѣщателя. Графъ Кочубей разсказалъ, что во время путешествія, которое онъ совершилъ вмѣстѣ съ императоромъ въ Мемель [1]) для встрѣчи съ прусскимъ королемъ, прибылъ французскій генералъ, имя котораго я позабылъ; онъ желалъ видѣть самого императора, ему лично вручить депеши, по порученію Бонапарта. Очень удивились тому, что эти письма не заключали въ себѣ ровно ничего, кромѣ комплиментовъ и пожеланій здоровья императору. Единственною цѣлью было имѣть тамъ лицо, которое могло бы наблюдать и не казаться постороннимъ этой конференціи между обоими государями. Въ самомъ дѣлѣ, постарались помѣстить во всѣхъ газетахъ, что генералъ NN получилъ аудіенцію у императора и у прусскаго короля и пр. Императоръ часто получалъ письма отъ Бонапарта, всегда изложенныя какимъ-то восточнымъ стилемъ: недоконченныя фразы, вопросы, восклицанія. Обыкновенно отвѣчали Бонапарту, въ тѣхъ же выраженіяхъ [2]). Тогда смотрѣли на эти письма, какъ на тщеславное желаніе перваго консула прямо переписываться съ вѣнценосцами.

Графиня Кочубей [3])—женщина образованная и милая, она очень хорошо говоритъ по-англійски, ея мать напомнила мнѣ проповѣди, сказанныя мною 17 лѣтъ тому назадъ. На этомъ обѣдѣ былъ нѣкто Бекъ [4]), нѣмецъ, бывшій уже давно въ Россіи. Онъ былъ правою рукою гр. Палена во время его всемогущества и имѣлъ на него сильное вліяніе, которымъ онъ пользовался для того, чтобы дѣлать добро, а не съ цѣлью наживы, хотя онъ обладалъ всѣми возможными средствами для своего обогащенія. Сколько разъ онъ способствовалъ облегченію мѣръ жестокости, предупрежденію несправедливостей, смягченію произвольныхъ приказовъ. Я мало видѣлся съ нимъ,

---

[1]) Пріѣздъ въ Мемель совершился 29 мая (10 іюня 1802 г.).

[2]) Срав. Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite. 1801—12. 1890; «Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ 1800—1804 г.» (ч. I и II), изд. подъ редакціей А. С. Трачевскаго. «Сб. Ист. Общ.», т. 70 и 77. *Ред.*

[3]) Графиня Кочубей, урожденная Мар. Вас. Васильчикова († 1844); она была дочь камергера Василія Семеновича Васильчикова († 1808) и графини Анны Кирилловны Разумовской (1754—1808).

[4]) Христіанъ Андр. Бекъ (1768—1853), родомъ изъ Шварцбурга. Въ русскую службу вступилъ при присоединеніи Курляндіи. Въ 1797 г. опредѣленъ секретаремъ при С.-Петербургскомъ военномъ губернаторѣ. Въ 1800 г. уволенъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Въ 1806 г. опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1821 г. произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1835 г. назначенъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. *С. Г.* О событіяхъ въ его жизни, связанныхъ съ паденіемъ М. М. Сперанскаго см. *Шильдеръ* «Имп. Александръ I», т. III, 53—62, 370—371. 493—496. *Ред.*

но онъ внушилъ мнѣ то же довѣріе, какъ и тѣмъ, которые близко его знали. Это была сама честность и искренность съ обширнымъ образованіемъ. Послѣ паденія Палена онъ былъ немного забытъ, но потомъ получилъ мѣсто въ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Г. Сперанскій, служащій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, очень много говорилъ со мною о Бентамѣ и поставилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по судопроизводству, судебнымъ порядкамъ и пр. Разговоръ затянулся до поздняго времени, т.-е. часовъ до 7-ми, 8-ми.

20 іюля (1 августа), въ Павловскѣ. Мой племянникъ Дюваль видѣлъ вдовствующую императрицу за два дня до того; она заговорила съ нимъ обо мнѣ и спросила, почему онъ не представилъ меня ей. Онъ отвѣтилъ, что независимо отъ того, что не осмѣлился сдѣлать это, Ея Величество, можетъ-быть, не позабыла, что при моемъ пріѣздѣ она сказала ему нѣсколько словъ, указывавшихъ на ея предубѣжденіе противъ меня, возникшее по прочтеніи книги Сулави. «Я припоминаю,—сказала она,—но я измѣнила свое мнѣніе, я желаю его видѣть, дайте мнѣ обѣщаніе привести его». Аудіенція была назначена послѣ полудня. Мы обѣдали у г. Полетики[1]), брата того, котораго я зналъ, секретаря императрицы по ея учрежденіямъ. Послѣ обѣда мы перешли въ переднюю, гдѣ видѣли, какъ часть императорской семьи прошла изъ столовой въ гостиную. Въ продолженіе часа ожиданія я разговаривалъ съ г.г. Шторхомъ и Роджерсономъ[2]). Послѣдній былъ вызванъ для бесѣды съ императрицей объ извѣстіяхъ, полученныхъ ею насчетъ великой герцогини Елены Мекленбургской[3]). Эти извѣстія очень прискорбны и не даютъ никакой надежды. Ея Величество, очень занятая, выслала ко мнѣ свою статсъ-даму Нелидову[4]), чтобъ сказать мнѣ, какъ она сожалѣла о томъ, что заставляла меня ждать. Мнѣ разсказали исторію Нелидовой, очень странную и пригодную, чтобы служить темой для романа. Въ большой милости при Павлѣ, потомъ въ немилости, она сумѣла примириться съ императрицей, которая при вступленіи на престолъ велѣла ее вновь призвать. Нелидова вернула свое вліяніе, которое зависѣло уже только отъ ея ума и характера и которымъ она воспользовалась исключительно для умѣренія страстей государя. Кутайсовъ и другіе, стремившіеся къ господству, успѣли ее снова удалить. По смерти Павла императрица помѣстила ее при себѣ, удостоила ее всѣмъ своимъ довѣріемъ и предоставила ей всѣ почести[5]).

---

[1]) Мих. Ив. Полетика († 1824), воспитанникъ шляхетскаго кадетскаго корпуса.

[2]) Лейбъ-медикъ Екатерины II, оставшійся при ея внукахъ.

[3]) Великая княжна Елена Павловна (1784—1803) вышла замужъ въ 1799 г. за наслѣднаго принца Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго и умерла въ 1803 г.

[4]) Екатерина Ив. Нелидова.

[5]) См. объ Е. И. Нелидовой сочиненіе г. Шумигорскаго. Изд. 2. Спб. 1902 г. *Ред.*

Первыя слова, съ которыми обратилась ко мнѣ императрица, заключали въ себѣ напоминаніе о проповѣди, которую я сказалъ въ С.-Петербургѣ и которую она во время оно читала. Проповѣдь имѣла своимъ предметомъ, сказала она, настроеніе, какимъ мы должны быть проникнуты, готовясь къ святому причастію. Я, однако, о ней забылъ. Императрица потомъ начала хвалить покойнаго моего зятя Дюваля и всю его семью. Она сказала, что между Дювалями могли быть только почтенные люди, что въ ихъ средѣ добродѣтель была наслѣдственна и пр., потомъ спросила у меня, съ какою цѣлью я пріѣхалъ сюда. «Съ цѣлью видѣться съ моею матерью и моимъ семействомъ».—«Ваша матушка еще жива?»—«Безъ сомнѣнія,—сказалъ мой племянникъ,—это—г-жа Дюмонъ».—«Ахъ, какъ я разсѣянна,—замѣтила императрица,—но я знаю ее только подъ названіемъ бабушки. Любитъ ли она еще свой садъ? развлекается ли, работая съ веретеномъ? Славная бабушка. Какъ она счастлива, что видитъ все семейство. Но для чего вы покидаете ее въ такомъ возрастѣ? Вѣдь вы живете постоянно въ Лондонѣ? Вы, кажется, были приглашены въ Англію, чтобъ путешествовать» и пр. и пр. Она потомъ заговорила о дѣвицѣ Дюроврэ, рекомендованной мною наставницѣ молодыхъ великихъ княженъ Морелэ, которая замолвила о ней словечко главной воспитательницѣ, графинѣ Ливенъ, а послѣдняя говорила о ней съ императрицей. Шелъ вопросъ о назначеніи дѣвицы Дюроврэ къ двухлѣтней дѣвочкѣ, находившейся подъ ея покровительствомъ, которая должна была воспитываться во дворцѣ. Императрица спросила у меня подробности о ней; я не очень ее восхвалялъ изъ опасенія оказать ей плохую услугу, и мнѣ сказали, что ее возьмутъ въ виду моей рекомендаціи и что я долженъ написать ей немедленно [1]). Потомъ императрица спросила, нравится ли мнѣ Павловскъ, который она очень любила и велѣла показать мнѣ апартаменты. Не испытывасшь стѣсненія во время этихъ аудіенцій, такъ какъ императрица, оказывая пріемъ самый благородный и самый простой, сама ведетъ почти весь разговоръ съ тѣми, которые ей представляются въ первый разъ, что ихъ очень облегчаетъ. Ея доброта, впрочемъ, всѣмъ такъ извѣстна, что къ ней подходятъ безъ за-

---

[1]) Въ замѣткахъ, напечатанныхъ по-англійски въ сочиненіяхъ Бентама (X, стр. 405), говорится, что молодая Дюроврэ поступила во дворецъ для воспитанія дѣвочки, считавшейся дочерью Павла I, которую онъ имѣлъ отъ прачки. Послѣ Павла осталась дѣйствительно дочь Марѳа Павловна Мусина-Юрьева, которая воспитывалась Маріей Ѳедоровной, но скоро умерла. Матерью ея была камеръ-фрау императрицы дворянка Юрьева. *С. Г.* По завѣщанію имп. Павла Александръ I пожаловалъ Марѳѣ Мусиной-Юрьевой 1000 душъ въ Островскомъ уѣз., Псковской губ., изъ деревень, купленныхъ у гр. Андрея Разумовскаго. *В. Семевскій* «Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ». «Русск. Мысль», 1882 г., № 12, стр. 167; ср. *Мурзановъ.* «Дѣвица М. П. Мусина-Юрьева». «Лѣтопись историко-родословнаго Общества въ Москвѣ», 1905 г., вып. 4, стр. 2—5. *Ред.*

мѣшательства. Много достоинства въ ея привѣтливомъ и миломъ обращеніи. Ея доходы почти цѣликомъ тратятся на дѣла благотворительности, а ея дѣятельность посвящена надзору за обширными учебными заведеніями, которыя ей ввѣрены. Тѣ, кому приходится имѣть съ нею дѣловыя отношенія, говорятъ о ней лишь съ умиленіемъ и удивленіемъ.

Она переносила сильныя тревоги въ царствованіе Павла, не только за себя, но и за тѣхъ, кому приходилось терпѣть отъ его произвола; и я узналъ, что она въ теченіе двухъ дней продержала спрятаннымъ во дворцѣ лицо, коего ссылки она опасалась, думая, что это замедленіе дастъ ей время дѣйствовать и что, по крайней мѣрѣ, безъ ея вѣдома не могла бы состояться отправка этого лица.

Для изученія Россіи требовалось бы посѣщеніе провинціи; въ томъ, что видишь въ столицѣ, слишкомъ много иностраннаго и, за исключеніемъ дворянъ, иностранцы не живутъ съ русскими общею жизнью, ихъ не посѣщаютъ, почти ни съ кѣмъ не знакомы, даже послѣ долгаго здѣсь пребыванія. Я бы хотѣлъ быть вхожимъ въ домъ какого-нибудь русскаго купца. Я не нашелъ къ тому возможности. Они живутъ замкнуто, и даже гостепріимство не въ ихъ обычаяхъ. Они даютъ другъ другу праздники, блестящіе обѣды, на которые имъ ничего не стоитъ бросить 500 или 1000 рублей, особенно на крестины или въ день рожденія кого либо-изъ семьи. Однако по мѣрѣ того, какъ они богатѣютъ, они чувствуютъ другія потребности: дать возможность дѣтямъ путешествовать и интересоваться общественными дѣлами. Нѣмцы живутъ здѣсь сами по себѣ, англичане сами по себѣ. Французы, большею частью, артисты, актеры, наставники; ихъ мало въ торговомъ мірѣ, одинъ только большой торговый домъ. Изъ иностранцевъ рѣдко кто не считаетъ себя лишь временно пребывающимъ въ Россіи, почти всѣ надѣются вернуться на родину, хотя это довольно рѣдко случается.

10/21 іюля я провелъ вечеръ вмѣстѣ съ Бекомъ, на дачѣ у Сперанскаго, перваго чиновника департамента внутреннихъ дѣлъ.

Сперанскій объяснилъ мнѣ организацію министерствъ: оказалось, что я не совсѣмъ вѣрно понималъ обязанности товарищей министровъ. Они не имѣютъ власти, не раздѣляютъ ея; все должно проходить черезъ руки самого министра. Должность товарища министра, какъ бы сказать, школа для подготовленія людей и ихъ введенія въ государственныя дѣла. Со всѣмъ тѣмъ мнѣ кажется, что дѣла не должны двигаться скорѣе. Раздѣленіе вѣдомствъ сдѣлано неправильно. Возникаетъ много вопросовъ объ ихъ компетенціи, и дѣла постоянно отсылаются отъ одного къ другому. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по своему титулу, могъ бы поглотить всѣ отрасли службы, за исключеніемъ дѣлъ военныхъ и дипломатическихъ.

Сперанскій показалъ мнѣ большія синоптическія таблицы, которыя велѣлъ составить по Бентаму, вызывающему его удивленіе. Труды Бентама развили въ немъ наклонность къ составле-

нію и разработкѣ законовъ и указали ему на точность, которой можно достигнуть въ законодательной наукѣ и которой онъ не предполагалъ. Онъ думаетъ, что вышедшее сочиненіе Бентама и тѣ, о которыхъ я говорилъ, окажутъ скорѣе и больше существенной пользы Россіи, нежели другимъ государствамъ.

Воскресенье 24 іюля (5 августа). Я провелъ время, гуляя по городу вмѣстѣ съ Деларорэ. Мы уже дѣлали подобныя прогулки при посѣщеніи квартала съ большими казармами. Выйдя изъ центра города, замѣчаешь, какъ окружность Петербурга обширна и не соотвѣтствуетъ состоянію его жителей. Это еще деревня, дома деревянные или каменные въ одинъ только этажъ, — пустыня. Кажется, по крайней мѣрѣ, десятая часть города застроена казенными зданіями, и все въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что нужны еще столѣтія и двѣсти тысячъ жителей для того, чтобы наполнить это пространство и придать ему видъ заселенности, который имѣютъ остальныя европейскія столицы. Такое положеніе города должно затруднять полицію, а въ особенности оно вредно отзывается на обществѣ. Городъ въ полицейскомъ отношеніи раздѣленъ на двѣнадцать частей, каждая имѣетъ своего начальника, и всѣ начальники являются каждое утро представлять свой отчетъ полицмейстеру, пруссаку Гербелю, который, говорятъ, очень расторопенъ и дѣятеленъ. Такъ какъ онъ живетъ вблизи дома, въ которомъ я проживаю, то я вижу ежедневно, между восемью и девятью часами, двѣнадцать дрожекъ подчиненныхъ ему начальниковъ. Есть нѣсколько шпіоновъ, довольно извѣстныхъ; мнѣ очень досадно было узнать, что въ этомъ дѣлѣ заняты также одинъ шведъ и два швейцарца.

Я посѣтилъ нѣсколько русскихъ церквей; внутренность ихъ не походитъ на церкви во Франціи и Англіи. Нѣкоторыя — въ два этажа, одинъ внизу—зимній, другой наверху—лѣтній. Церкви поражаютъ своею величиною. Онѣ полны иконъ, которыя, по большей части, кажутся нѣсколько смѣшными. Главный сюжетъ картины выполненъ на серебряной высѣченной поверхности. Въ серебрѣ вырѣзаны отверстія для головы и рукъ, которыя изображены красками, такъ что частью это живопись, частью—чеканка. Подобное сочетаніе двухъ искусствъ носитъ смѣшной и дѣтскій отпечатокъ. У всѣхъ русскихъ имѣются дома образа такого же вида; они почитаютъ этихъ карманныхъ святыхъ, но у нихъ нѣтъ религіозныхъ понятій. Главный религіозный актъ заключается въ томъ, чтобы останавливаться передъ всѣми церквами и креститься передъ образами.

Чтобы получить общее понятіе о Петербургѣ, я становлюсь у дворца, направо и налѣво отъ меня гранитная набережная, съ одной стороны до конца Галерной, съ другой до литейнаго завода, прерванная только адмиралтействомъ; его золоченая пирамида есть центръ, къ которому собирается большое число улицъ, прорѣзанныхъ по прямой линіи. Въ этомъ обширномъ сѣверномъ отдѣлѣ нахо-

дятся три канала: Мойка, Екатерининскій и Фонтанка. Большое пространство между двумя послѣдними еще остается пустопорожнимъ, а за нимъ идутъ улицы съ деревянными домами, напоминающія деревню.

Каналы покрыты судами, нагруженными всѣмъ, что служитъ для прокормленія и для застройки большого города: лѣсомъ, зерновымъ хлѣбомъ, кирпичами, досками; они всегда представляютъ картину дѣятельности. Часть къ устью Невы не заселена. Много еще деревянныхъ домовъ и много садовъ. Самое обширное зданіе — кадетскій корпусъ, а самое красивое — Академія Художествъ; Академія Наукъ несравненно хуже; биржа — старая постройка, которая не соотвѣтствуетъ великолѣпію остального.

Рукавъ Невы отдѣляетъ Васильевскій островъ отъ стараго Петербурга, который также на островѣ. Планъ неправиленъ и не доконченъ, улицы широки и состоятъ, большею частью, изъ деревянныхъ домовъ. Главное зданіе — крѣпость, ея окружность значительна. Старый Петербургъ — смѣсь садовъ, деревни и города. Эти три части города отдѣляются другъ отъ друга весною и осенью, когда разводятся понтонные мосты и когда на Невѣ ледоходъ. Васильевскій островъ въ прошломъ году вытерпѣлъ голодъ, когда прервалось всякое сообщеніе. Тѣ, которые считаютъ большіе города вредными очагами для безопасности правительства, должны признать, что эти естественныя раздѣленія способствуютъ полицейскимъ мѣрамъ противъ возстаній какъ нравственно, такъ и физически. Отъ скопленія производится броженіе, но здѣсь все дѣло зависитъ, очевидно, отъ случая. Въ русскомъ народѣ преобладаютъ покорность и повиновеніе; онъ преданъ императорскому дому, и если бы общественное мнѣніе имѣло болѣе вѣса, если бы народъ уважали болѣе, если было бы третье сословіе, служащее противовѣсомъ, то государи пользовались бы большею безопасностью; заговоры всегда затѣвались дворянствомъ.

Я провелъ вечеръ у Сперанскаго. Мы были одни; онъ любитъ свою родину и отлично понимаетъ, что преобразованіе полиціи и законодательства есть краеугольный камень всѣхъ народныхъ благъ. Обратились къ нѣмецкимъ юристамъ и къ англичанину (Макинтошу), и не были удовлетворены перепискою съ ними. Они не знаютъ (русскаго?) права и въ ихъ отвѣтахъ замѣтны только обыденныя идеи и слѣды римскаго права. Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе имѣютъ сочиненія Бентама, они думаютъ, что могутъ обойтись безъ этихъ помощниковъ и перестали или почти перестали совѣтоваться съ ними. Спрашивали у меня неопредѣленно, не пожелалъ ли бы я поселиться въ Россіи. Я на этотъ счетъ принялъ рѣшеніе [1]). Я сказалъ, что если бы обратились къ Бентаму, онъ, вѣроятно, согласился бы заняться гражданскимъ уложеніемъ, и что, если бы ему предло-

---

[1]) Т.-е. отрицательное.

жили точные вопросы, указавъ ему на мѣстныя условія, онъ дастъ на нихъ отвѣты. Какъ мнѣ показалось, расположены вступить съ нимъ въ переписку. Предлагали мнѣ условиться съ нимъ насчетъ этой работы. Я не знаю, что выйдетъ изъ этого [1]).

Въ настоящемъ положеніи судовъ гласность, столь существенная, была бы, можетъ-быть, вредной и для тяжущихся являлась бы еще бо́льшимъ зломъ. Это было бы средствомъ для угнетенія просителей. Угрожая человѣку вызвать его къ личной явкѣ въ судебныя мѣста, достигали бы всякаго рода уступокъ. Порядочный человѣкъ устыдился бы явиться въ судъ, какъ бы въ дурное мѣсто.

Сперанскій не думалъ, чтобъ было возможно устроить въ Россіи исправительную тюрьму (паноптиконъ) [2]). Я ему далъ понять, что хорошая тюрьма служитъ необходимымъ предварительнымъ средствомъ къ введенію разумнаго уголовнаго уложенія, что заключеніе составляетъ существенную часть юридическихъ наказаній, а до тѣхъ поръ, пока эта часть не будетъ устроена, все остальное будетъ въ хаотическомъ состояніи и пр.

Хотя французскій языкъ теперь въ общемъ употребленіи въ Россіи, но стоитъ очень большого труда найти хорошаго переводчика на русскій языкъ. Молодой человѣкъ, котораго нашли для Розенкампфа, скончался, и на его мѣсто никого не находятъ. Я совершенно отрекся отъ заблужденія, въ которомъ находился по предмету воспитанія въ Россіи, относительно усвоенія трехъ языковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, которыя, какъ я считалъ, пріобрѣтаются съ дѣтства при первоначальномъ воспитаніи. Правда, что обыкновенно что-либо, часть самая употребительная, удерживается въ памяти. Нѣмецкія дѣти, воспитанныя русскою нянею и французскимъ слугою, сумѣютъ выразиться кое-какъ на этихъ двухъ языкахъ, но они не могутъ ихъ усвоить, если только не будутъ обучаться имъ въ теченіе всей своей молодости, до 17-ти или 18-ти лѣтъ. Таково обыкновенно бываетъ воспитаніе, но оно не ведетъ далеко. Всѣ другіе роды образованія рѣдко встрѣчаются, а школы, за исключеніемъ іезуитскихъ, сто́ятъ большихъ денегъ. Частные учителя оплачиваются очень дорого, самые нетребовательные просятъ по два рубля за урокъ (даже учителя, обучающіе правописанію, требуютъ большой платы), а болѣе дорогіе по 4 и по 5 руб.

---

[1]) Ср. объ этомъ свиданіи со Сперанскимъ въ письмѣ Дюмона къ Ромильи. *Пыпинъ*. «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр»., 1869 г., № 2, стр. 808, ср. 809—810. *Ред.*

[2]) Бентамъ воспользовался планомъ своего брата инженера Самуила Бентама, построившаго въ Кричевѣ, въ имѣніи Потемкина, особенное зданіе въ родѣ фабричной или ремесленной фаланстеріи и примѣнилъ его къ устройству тюремъ и написалъ свой паноптиконъ, трактатъ объ устройствѣ тюремъ, основанномъ на принципѣ целлюлярнаго заключенія и центральнаго надзора съ примѣненіемъ разнообразныхъ средствъ исправленія и воспитанія, съ устройствомъ мастерскихъ, школъ, больницъ и т. п. Works, IV, 49.

30 Іюля (11 августа). Меня посѣтилъ нѣкто Василій Каразинъ [1]), коллежскій совѣтникъ, правитель канцеляріи народнаго просвѣщенія или общей дирекціи школъ. Послѣ цѣлаго ряда комплиментовъ, что очень въ ходу здѣсь, онъ подъ конецъ сказалъ мнѣ, что хотя онъ не надѣется получить того, чего ему было поручено просить у меня, но не желалъ упрекнуть себя въ томъ, что упустилъ случай засвидѣтельствовать свое рвеніе въ пользу новыхъ русскихъ университетовъ, — и онъ предложилъ мнѣ мѣсто профессора политической экономіи въ Харьковскомъ университетѣ. Это, сказалъ онъ, провинція, наиболѣе просвѣщенная, единственная, въ которой обученіе латинскому языку общепринято и гдѣ семинарія имѣетъ большія средства. Поблагодаривъ, какъ водится, и высказавъ свой отказъ, обусловленный моимъ положеніемъ, я спросилъ у него объ ихъ планѣ. Попечитель этого университета гр. Потоцкій, путешествуетъ въ настоящее время по Германіи, приглашая профессоровъ. Каразинъ передалъ мнѣ таблицу всѣхъ учащихъ и преподаванія въ университетахъ. Каждый профессоръ получаетъ 2000 руб. жалованья, тысячу рублей при отставкѣ послѣ десятилѣтней службы и полную пенсію послѣ 15-ти лѣтъ. Каждый университетъ имѣетъ 28 профессоровъ, 12 адъюнктовъ-замѣстителей, 12 студентовъ кандидатовъ, получающихъ каждый по 300 руб., 40 студентовъ стипендіатовъ, получающихъ по 200 руб. на содержаніе. Это необходимо въ Россіи: нужно платить студентамъ, чтобъ имѣть ихъ. Весь расходъ на каждый университетъ равняется 130000 руб., а на всѣ 520000 р.—Харьковскій университетъ долженъ начать свою дѣятельность съ будущей весны.

Театральная комиссія въ Петербургѣ расходуетъ 500000 руб., не считая нѣмецкаго театра, имѣющаго свою отдѣльную дирекцію. Приходъ же никогда не достигаетъ 200000 руб., остальное должно доплачивать правительство. Русскій театръ по воскресеньямъ приноситъ болѣе, чѣмъ въ другіе дни: церковь столь строгая въ другихъ отношеніяхъ, къ счастью, не столь строга въ отношеніи соблюденія воскреснаго праздника. У меня былъ длинный разговоръ съ докторомъ Гривомъ, которому я не легко вѣрю во всемъ, что связано съ его взглядами на вещи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ его предразсудковъ. Онъ отчасти принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые всюду видятъ масоновъ и иллюминатовъ, а такъ какъ онъ пріобрѣлъ свое состояніе щедротами Павла I, то и не можетъ очень искренно хвалить бережливость Александра и пр.

С. Горяиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Вас. Наз. Каразинъ (1773—1842), правитель дѣлъ главнаго правленія училищъ, былъ истиннымъ виновникомъ основанія Харьковскаго университета.

Записки А. В. Поджіо.

(Окончаніе).

Обращеніе съ нами нашихъ слѣдователей, содержаніе послѣднихъ допросовъ, мягкость слова и слога,—все вело насъ къ надеждѣ скораго исхода дѣла! Исходъ послѣдній, конечно, несомнѣнный, но чѣмъ онъ обозначится и какъ онъ отзовется на будущность не насъ однихъ? Этотъ вопросъ разрѣшился не одной судьбой нашей, но и судьбой всей Россіи! Признаніемъ началъ, которыхъ были мы отчасти представителями, или же отверженіемъ ихъ во всемъ своемъ объемѣ, опредѣлялось свойство характера предстоящаго царствованія. Обветшалые примѣры ссылки на пресловутую Бабку уже были неумѣстны и смѣшны, какъ по духу времени, такъ и по заявившимся, хотя и слабо, стремленіямъ русскаго ума. Движеніе было, оно оказалось дико, односторонне, но медлить было не время и нужно было направить, идти къ цѣли и идти впередъ! Такое движеніе при взятой точки исхода отъ Александра и не разъ представлялось намъ, затворникамъ, и понятно дѣйствовало прямо на наше соображеніе.

Въ другомъ отдѣлѣ я буду говорить подробно о ходѣ всего дѣла и какими путями, подъ вліяніемъ нашего крѣпостного міра, мы врывались въ міръ другой и думали предугадать судьбу его, вмѣстѣ и нашу, нераздѣльно съ нимъ связанную. Да мы со всѣми увлеченіями подсудимаго до своего приговора мечтали, обманывались, надѣялись. Стойте! Выслушайте! Поймите!

Надѣялись, да! Мы не ожидали ни повышеній ни награды, а должнаго соразмѣрнаго наказанія, соотвѣтственнаго не столько собственно нашей виновности, какъ вопіющимъ интересамъ государства.

Бывшіе и теперешніе судьи (ихъ всегда такъ у насъ обильно) спрашивали и спросятъ, вѣроятно: «какимъ образомъ вы до того опошлились, до того обезумѣли въ тюрьмѣ, что могли допустить исходъ другой, чѣмъ тотъ, который послѣдовалъ?» Справедливо; мы, было, вашимъ умомъ и начали. Сначала, когда стали на насъ злобно напирать, и мы пошли, было, въ отпоръ и держались, на-

сколько было силъ, но когда борьба стала невозможна противъ истины доносовъ и самыхъ дѣйствій, вы, строгіе судьи, оставались въ своихъ кабинетахъ и легко вамъ было судить да рядить затворниковъ, отвергнутыхъ и вами и всѣми! Къ тому же обѣщанныя разстрѣливанія не состоялись; мы какъ-то стали свыкаться съ своими слѣдователями, взведенные ужасы теряли свое значеніе и мы мало-по-малу пришли къ тому заключенію, что дѣло должно принять оборотъ болѣе разумный! Казалось, что дѣло, возникшее при прежнемъ правленіи и при другихъ обстоятельствахъ, должно было при новомъ царствованіи утратить свое прежнее значеніе и подвергнуться не преслѣдованію, а изслѣдованію, болѣе соотвѣтствующему благоразумной цѣли, въ обязанность, поставленной всякому, вступающему на престолъ вѣнценосцу. Мы думали такъ (да простится намъ эта простота ума), что и вы, судьи наши, промолвите за насъ, представителей близкихъ и для всѣхъ началъ, хоть одно доброе, общественное словечко, и мы впослѣдствіи только узнали, какъ вы своими возгласами сочувствовали взбѣсившейся власти и какъ вы вторили во всеуслышаніе крику мщенія! Но оставимъ этотъ крѣпостной міръ, гдѣ все такъ превратно чудилось, и перейдемъ къ высшему разряду уставныхъ соображеній и посмотримъ, не послужитъ ли и онъ къ выше рѣченному нашему заключенію. Не отыщемъ ли мы истинно виновныхъ?

Жило-было общество. Начинается какъ сказка, сказка и есть, слушайте. Общество называли Тайнымъ. Кто назвалъ его Тайнымъ и почему оно такъ именовалось — неизвѣстно. Тайное и только, а гдѣ же — въ Россіи! Русскій человѣкъ, каковъ ни есть, весь налицо, онъ на даль не годится, онъ хорошъ и беретъ только накороткѣ, такъ и оказывалось на дѣлѣ.

Бывало соберутся люди-братья. Сколько тутъ и шуму, и бойкости, и рѣшимости, но нѣтъ дѣйствія и люди расходятся и опять затишье въ умахъ, которые испытуются лишь на дѣлѣ... Русскаго трудно раскачать, сдвинуть съ мѣста, но, однажды тронувшись, ему безъ дѣла и не прожить. Безъ него онъ не станетъ воспаляться, а только болѣе и болѣе остывать. При такихъ свойствахъ ума и духа русскаго человѣка вы получите уясненіе тѣхъ загадочныхъ видоизмѣненій, которымъ подвергалось общество въ теченіе восьмилѣтняго своего страннаго, долгаго бездѣйственнаго существованія!

Возьмите историческій ходъ всѣхъ тайныхъ обществъ, просуществовавшихъ въ другихъ государствахъ! Какое упорство, какую настойчивость вы увидите для достиженія хотя бы самой отвлеченной цѣли! Если цѣль сокровенная и утаивается, зато гласная, ходовая всегда одинакова и одинаково, но слабѣе преслѣдуется. Возьмите хотя бы масоновъ, иллюминатовъ, мартинистовъ и скажите, мыслимы ли они у насъ? Не только образованіе та-

кихъ обществъ, но и самое зарожденіе подобныхъ личностей, какъ Сенъ-Мартинъ, Вейсгаутъ, Свенеборгъ и пр. и пр. Нѣтъ, русскій человѣкъ не идеологъ, ему подавай все осязаемое, онъ родится позитивистомъ. Но если русскій не падокъ на отвлеченность, нѣтъ ли у него влеченія къ болѣе ощущительнымъ предметамъ и не отзовется ли онъ на призывъ другого близкаго для него разряда? Нѣтъ ли у него преданій, воспоминаній о лучшемъ его бытѣ? Нѣтъ ли у него тѣхъ естественныхъ, живыхъ, острыхъ потребностей къ лучшей жизни? Нѣтъ ли, наконецъ, тѣхъ самыхъ простыхъ стремленій къ огражденію себя отъ полугодовой стужи и отъ обыденнаго тяготѣющаго надъ нимъ произвола? И если не проявляются эти нужды, то не затаились ли въ немъ эти стремленія, всѣ эти силы, требующія только вызова и даннаго имъ направленія? Нѣтъ! мой русскій человѣкъ и въ этомъ отношеніи не идеологъ, онъ такъ умственно забитъ, до того глубоко загнанъ онъ въ самого себя, что не выдвинуть его изъ искомаго тайника. Онъ неподвиженъ и невыдвигаемъ — и какъ отстаиваетъ другой свои права, такъ стойко отстаиваетъ онъ свое рабство, свою покорность заповѣдной судьбѣ. Онъ невозмутимъ, неувлекаемъ и что бы вы ему ни сулили, онъ сейчасъ смекнетъ все на счетахъ и докажетъ и вамъ и себѣ, что всякая новизна страшнѣй всякой горькой дѣйствительности. Пусть человѣческій міръ повсюду подчиняется предопредѣленному свыше закону преуспѣванія, историческіе вѣка пролетятъ мимо его и время его не коснется. Тамъ, гдѣ-то человѣкъ возстаетъ, ищетъ своихъ правъ, идетъ борьба, за ней цѣлыя потрясенія, перевороты: событія вещественныя, внутреннія. Русскій человѣкъ у себя не возстаетъ, онъ ничего не ищетъ, онъ какъ будто нашелъ свое конечное благо, за предѣлами котораго другого и быть не можетъ.

Непостижимою судьбой, непостижимо русскій, отдѣлившись отъ братьевъ своихъ по человѣчеству, уединился и, не имѣя въ себѣ собственныхъ творческихъ силъ, подвергся тому вліянію, тому умственному, нравственному застою, который въ данный историческій моментъ оказывается и неспособнымъ и несостоятельнымъ. Онъ такъ окрѣпъ, до того закалился въ своихъ вѣрованіяхъ, что для этого неизмѣннаго, составившагося изъ нихъ итога русскій человѣкъ не допуститъ къ нему другой руки!

И посмотрите, какъ онъ отстаиваетъ и стойко, и мужественно неприкосновенность, цѣлость составившагося по понятіямъ его быта. Во всѣ времена, во всѣхъ его стремленіяхъ и подвигахъ вы замѣтите одно: отстаивать, защищать одно лишь существовавшее старое! При этой единственной цѣли, при положительномъ непоборимомъ отвращеніи ко всякой новизнѣ, русскій человѣкъ будетъ всегда послѣдователенъ часто до неистоваго самоотверженія въ своихъ неуклонныхъ противодѣйствіяхъ. Посмотрите, какъ онъ

защищаетъ свое старое отъ пришельцевъ! Какъ онъ одинаково мужественно во всѣ разныя времена поражаетъ половцевъ, печенѣговъ и татаръ, ляховъ и самихъ французовъ въ 12-мъ году. Какъ онъ своеобразенъ въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ!

Тамъ католицизмъ потрясенъ въ своемъ зданіи, тамъ движенія передовыя умовъ передовыхъ; тамъ протестантизмъ со всѣми своими новыми созидательными развѣтвленіями; на Руси другое.

Зарождаются тѣ же расколы, но при другихъ началахъ: отвергая новыя книги, раскольникъ отвергаетъ все новое и стоитъ на своемъ старомъ! Не ищите въ этомъ явленіи какую-нибудь сокровенную гражданскую причину, которая вырабатывалась бы путемъ мышленія, нѣтъ, это не движеніе впередъ, а тотъ же застой сторожевой, которымъ отличается русскій человѣкъ. Онъ отстаиваетъ право быть тѣмъ, кѣмъ онъ былъ, и всякій нововводитель будетъ тотъ же татаринъ для него! Онъ такъ твердъ, что для удержанія за собой мученическаго названія старовѣра, онъ вынесетъ всѣ преслѣдованія. Онъ до того ожесточается, что рѣшается на высшее для него испытаніе, онъ покидаетъ даже свою родину и переселяется на чужбину. Образуются, дробятся выходцы подъ названіемъ некрасовцевъ, безпоповцевъ, филипповцевъ и той приволжской вольницы, откуда выступилъ Пугачевъ!

Пугачевъ! И можно ли прійти съ обычнымъ презрѣніемъ къ этой великой исторической личности и не остановиться и грустно и задумчиво надъ этимъ гражданскимъ разбойникомъ? Какое, скажетъ и не одинъ, необходимо изверженіе искривленныхъ понятій, чтобы дойти до сочетанія такихъ словъ! Гражданинъ, разбойникъ — Пугачевъ, строгій читатель возопіетъ: «Какой онъ гражданинъ? За мной право имъ именоваться! Я признаю власть, законъ, порядокъ; я истый гражданинъ патріотъ и т. д. «Я допускаю такія убѣжденія, но не признаю здравость понятій, послужившихъ къ основанію такихъ началъ. Гражданинъ гражданину рознь, и по образу вашихъ мыслей вы не только не оскорбитесь, но даже и возгордитесь, если выскажу всѣ расходящіяся стороны гражданскихъ достоинствъ вашихъ съ достоинствами Сѣверныхъ Американцевъ, Швейцарцевъ, Англичанъ и др.

Не оставить ли щекотливое это толкованіе, мы здѣсь не сойдемся! Я вамъ не учитель, мое же ученіе всѣмъ не по уму. Могло ли не возмутить васъ признаніе за Пугачевымъ права, возстающаго человѣка противъ насилія и не признать его потому-то именно и гражданиномъ! Онъ возмечталъ, хотѣлъ освобожденія своего и своихъ милліонныхъ братьевъ — рабовъ; началъ, какъ гражданинъ, человѣчно и кончилъ, какъ разбойникъ, безчеловѣчно!.. На ходу встрѣтилъ онъ противниковъ — разбойниковъ и самъ пошелъ, пошелъ путемъ кровавымъ. Его разбоямъ предшествовали разбои дикой власти, — тѣ, которые и ввергли цѣлыя поколѣнія

въ ту пропасть общественную, которая извергла одни заявленія отчаяннаго лицемѣрія. Сердобольный мой читатель не терпитъ, гнушается разбоевъ, не правда ли? Не терплю ихъ и я, съ той, однакоже, разницею, что для меня разбой, все тотъ же разбой, кѣмъ бы подъ какимъ предлогомъ онъ не совершился, если онъ не совершается во имя естественнаго, неотъемлемаго права человѣка. Если Пугачевъ пошелъ разбоемъ, то Михельсонъ пошелъ тѣмъ же путемъ, съ тою разницею, что первый стоялъ за свободу, а послѣдній настаивалъ на закрѣпленіи злодѣйскаго рабства!

Если я остановился на этомъ русскомъ Спартакѣ, то, конечно, съ заднею мыслью доказать, во-первыхъ, что Пугачевъ вызывается тѣмъ общественнымъ строемъ, въ которомъ вырабатываются всѣ подобныя личности — и спрашивается — возможны ли онѣ при уничтоженіи рабства? Во-вторыхъ, тотъ же самый Пугачевъ послужитъ не опроверженіемъ, а подтвержденіемъ изложенной мною выше характеристики русскаго человѣка. Возьмите его въ это судорожное время, когда громкій отважный казакъ проповѣдуетъ возстаніе уничтоженіемъ дворянъ, рабства и возстановленіемъ правъ на свободу человѣка; посмотрите, какъ отозвался, откликнулся этотъ русскій человѣкъ на такой близкій, насущный, жизненный вопросъ! Тѣмъ же холоднымъ, раздражительнымъ, равнодушнымъ и вмѣстѣ разсчетливымъ отзывомъ; тѣмъ же застойнымъ сторожевымъ бездѣйствіемъ, въ которомъ мы всегда и находимъ напрасно искомаго дѣятеля въ дѣлѣ его преуспѣянія. И не думайте, чтобы такія неподвижныя свойства заявлялись только въ нижней кладкѣ общества; нѣтъ, тѣ же въ среднихъ и высшихъ его слояхъ. Если милліоны рабовъ склоняли безмолвно, безропотно свою шею передъ мечемъ, то сотни тысячъ дворянъ одинаково раболѣпствовали, и вы не укажете ни одного права, добытаго требованіемъ настойчиваго слова, или же силою оружія! Въ Россіи право не требуется и не берется, а даруется свыше. Постыдное даже тѣлесное наказаніе, которому подвергался ничтожный дворянинъ, было отмѣнено и даровано ему въ видѣ права. Такъ сложилась и дарованная ему грамота! Уничтоженіе самаго рабства было не вытребовано, а даровано. Какіе грустные доводы для опредѣленія значенія русскаго человѣка съ точки зрѣнія умственнаго и нравственнаго его развитія, въ смыслѣ общественномъ и научномъ. Разложите карту Европы, раскройте лѣтописи всѣхъ государствъ и укажите на эту особенность до такой степени отсталую по всѣмъ отраслямъ мышленія и гражданской дѣятельности! Вотъ при такомъ отсутствіи силъ народныхъ, сила правительственная утверждалась, росла и достигла тѣхъ невѣроятныхъ неограниченій, которыя и понынѣ остаются неприкосновенными!

Силою власти и безсиліемъ народнымъ объясняется то внутреннее затишье, невозмутимо милое спокойствіе, которыми потѣшаются

правители, а низкіе писатели вмѣняютъ въ достоинство раболѣцствующимъ! Пусть гнилушка — западъ волнуется, отыскиваетъ какія-то себѣ права, мы люди, восточные, чуть-чуть не азіатцы, мы станемъ развиваться своимъ путемъ — и русскій, въ видѣ просителя, будетъ выжидать своей судьбы не отъ самого себя, но отъ кого, разумѣется, слѣдуетъ. Чтобы русскій человѣкъ не задумывался и не вглядывался въ себя, его будутъ водить, слѣпца, подъ руки; затишье наше такъ хорошо, благотворно, что надо его поддерживать повсюду. Къ тому же, силою вызванный русскій, дѣлается охотно человѣкомъ внѣшнимъ. Онъ оказывается способнымъ къ ратному дѣлу и такимъ безсознательнымъ, что можно его выводить на самые безмысленные разбои!.. «Какъ!—вскрикнете вы, едва ли не всѣ въ одинъ голосъ,—наше правительство, наши полководцы, наши ратники исповѣдуютъ разбой, и вы не признаете ни славы нашей ни величія нашего и пр.?» Простите меня, всякое нарушеніе правъ народныхъ я считаю разбоемъ, въ какомъ бы размѣрѣ оно не совершалось и какими побѣдами не освящалось, ни со всѣмъ христолюбивымъ русскимъ воинствомъ.

Къ чему, спрашивается, ходили вы и по Польшѣ и по Германіи при Елизаветѣ? А въ Италію-то, въ Италію? Развѣ не для того, чтобы поразбойничать? Какою политическою, или чисто-государственною причиною можете вы оправдать свое хищничество и въ Польшѣ, и въ Турціи? Къ чему всѣ эти завоеванія, которыя васъ не усиливаютъ, а разслабляютъ? Не имѣя Польши, вы побороли самого Наполеона и взяли Парижъ; съ Польшею вы привели врага въ Севастополь, отдали свое море и о сю пору не могли разорвать въ клочки бумагу, обветшавшую отъ времени и свидѣтельствующую о вашемъ политическомъ упадкѣ! И чѣмъ могли возстановить утраченное вліяніе внѣ и довѣріе въ свои силы у себя?

Несостоятельность наша по всѣмъ отраслямъ правленія, по всѣмъ несовременнымъ учрежденіямъ выказалась во всей своей жалкой, неприличной наготѣ. Неожиданное пораженіе раскрыло всѣмъ глаза и всѣ вы почти впервые увидѣли себя, вы вздрогнули и ужаснулись! Какой поучительный былъ вамъ данъ урокъ, какъ краснорѣчивы были всѣ эти могилы храбрыхъ! Какъ грозно выказывались верхушками своихъ мачтъ эти потопленные корабли. Вездѣ, повсюду однѣ развалины, памятники уничиженія правительства. Народъ далъ всѣ свои силы, но невѣжество должно было уступить превосходству знанія, и онъ вынесъ на себѣ всѣ испытанія своего отчужденія. Какой урокъ, говорилъ я, въ этомъ пораженіи. Гордое, заносчивое правительство, не зная себѣ равнаго, позорно остановлено на своемъ мнимо-славномъ ходу. Возставшая противъ него Европа, отвернувшіеся отъ него народы, для которыхъ такъ памятна была притѣснительная внѣшняя сторона, брошенная всѣми

предполагаемыми союзниками. Ужели это правительство не уймется, не угомонится и будетъ по бывшимъ начертаніямъ Николая такъ бѣсноваться и впредь губить себя и Россію? Ужели оно не измѣнится въ своихъ самодержавныхъ основахъ и не придетъ къ болѣе разумному, современному исходу? Ужели при разстройствѣ всѣхъ отраслей управленія, при установившемся грабежѣ, взяточничествѣ, при уничтожившимся кредитѣ, при предстоящихъ страшныхъ займахъ — это правительство пойдетъ прежнимъ гибельнымъ путемъ, представитъ себѣ одному всю отвѣтственность своихъ дѣйствій и не обратится за словомъ, за совѣтомъ къ своему народу? Нѣтъ, правительства неисправимы. Подѣлиться властью свыше ихъ силъ и самодержавіе не было бы истинно самодержавіемъ, если бы оно было и уступчиво, и разумно! Итакъ, предоставленное своей судьбѣ, которая рано или поздно, а можетъ и ранѣе, чѣмъ вы думаете, разразится общею гибелью (гибелью я называю неотразимое угрожающее распаденіе Россіи) не исправится правительство, останется вѣрнымъ своему произволу, а народъ, безмолвствуя, не подастъ своего голоса и теперь не скажетъ своего слова. А рабство, рабство еще въ полномъ подземномъ разгарѣ. Не мѣсто здѣсь и теперь мнѣ подвергнуть разбору судорожное время совершившихся событій, вышедшихъ изъ ряда обыкновенныхъ! Если Николай скончался, то памятникъ стоитъ въ замѣну его и незабвенный для сына, останется надолго и болѣе незабвеннымъ для Россіи! События, увѣнчавшія его царствованіе такъ кровавы, такъ огненно запечатлѣны, что должны бы служить указаніемъ для всѣхъ и заставить всѣхъ мыслящихъ (если они есть) приступить къ дѣятельности, обнимающей интересы не одни правительственные, сословные, бюрократическіе, а интересы всѣхъ и всей страны въ совокупности съ прилежащими къ ней окраинами. Нѣтъ, событія эти прошли безслѣдно на умы и не вызвали никакихъ коренныхъ, глубоко затронутыхъ заявленій и все пошло при нѣкоторыхъ, конечно, измѣненіяхъ, самимъ временемъ вынужденныхъ, тѣмъ же путемъ,— путемъ ничѣмъ, никѣмъ не обузданнаго произвола. Событія еще живы, а народъ послѣ нихъ какъ будто замеръ еще болѣе. И ужели событія, такъ двигательно дѣйствующія на другіе народы, имѣютъ обратное дѣйствіе на русскаго и ввергаютъ его въ неподвижность еще глубже? «Но какого же движенія требуете вы? скажутъ мнѣ; не тѣхъ ли мятежей, бунтовъ, наконецъ, революціи, которыя входятъ въ условіе западниковъ»? Вы меня не понимаете. Мятежи съ прекращеніемъ Лжедимитрія и съ побіеніемъ стрѣльцовъ и пр. не возможны: красное крыльцо и лобное мѣсто въ Москвѣ утратили свое назначеніе. Бунты ваши съ колѣнопреклоненіемъ, какъ говорилъ Герценъ, не имѣли никакого современнаго смысла, не выражали ни малѣйшаго сознанія въ передовой потребности! Севастопольскій, Новогородскій, Чугуевскій бунты имѣли цѣлію

отстаивать свой старый бытъ и только! Наконецъ революція потому уже не мыслима, что такое дѣло, какъ не русское, не имѣетъ своего и русскаго слова. Требованія мои гораздо проще опредѣляются. Я требую пробужденія, возстанія ума и, наконецъ, того ходового громкаго слова, которое, быть-можетъ, болѣе грозно, чѣмъ поднятое оружіе. Вотъ родъ моего возстанія, за которымъ всякое другое второстепенно и какъ будто уже первымъ уничтожается! Когда это свойство ума выработается и сдѣлается достояніемъ если не всѣхъ, то большей части, тогда самодержавіе со всѣми своими видами уничтожится своею же ничтожностью и поступитъ въ историческій храмъ.

Но возможно ли такое возстаніе, сколько по степени своего образованія, столько и по сложившемуся особенному характеру русскаго человѣка? Нѣтъ, отвѣчу я, и сошлюсь именно на русскую исторію. Укажите мнѣ, не только, какъ говорится, революцію, — но послѣдовавшій переворотъ вслѣдствіе какого-нибудь вооруженнаго явленія, но укажите мнѣ хотя бы малѣйшее, даже индивидуальное, не то чтобы цѣлое, или частное возстаніе противъ Богомъ ниспосланной власти! Возстаній чисто политическихъ, переворотовъ общественныхъ не было и быть не можетъ. Русскій революціонеръ не въ природѣ вещей и если подчасъ они появляются, то ихъ такъ же побиваютъ, какъ побивали уродовъ въ Спартѣ. Вотъ на какомъ, вѣроятно, основаніи ошибочно приняли насъ за истыхъ революціонеровъ и поторопились нѣкоторыхъ, замѣтьте, не четвертовать, а милосердно повѣсить; а другихъ, обратите вниманіе не положить головы на плаху, а милостиво сослать въ вѣчную каторгу!

Конечно, съ точки зрѣнія человѣческой, такія казни покажутся безчеловѣчными и неумѣстными, но надо взять въ соображеніе и мѣстное историческое положеніе.

Юный, неопытный бригадный командиръ вообразилъ себѣ, что на площади разыгрывается цѣлая революція, что она та же самая и есть, и какъ ее, посудите, не схватить и не растерзать въ клочки! Онъ такъ долго начитался и наслышался о ней; эмигрантовъ, разсказчиковъ было вволю, къ тому же и самъ Шторхъ, вѣроятно, говорилъ ему, сколько революціонерный духъ противенъ духу его преподаванія политической экономіи (ученикъ заявилъ себя, какъ мы видѣли, большимъ экономистомъ). Мудрено ли, что подъ вліяніемъ такихъ наговоровъ и при истинктивномъ влеченіи къ борьбѣ и легкой и безопасной, онъ принялся за дѣло и бѣшено и не на шутку! Какъ Донъ-Кихотъ принималъ мельницъ, пастуховъ за заколдованныхъ героевъ, такъ несчастный, запуганный, малодушный Николай встрѣчалъ и чуялъ повсюду политическихъ себѣ враговъ. . . . .

Быть-можетъ, онъ дѣйствовалъ вслѣдствіе полученныхъ имъ убѣжденій, быть-можетъ, они и отзывались такъ болѣзненно и, какъ подвергаются безсознательно, напримѣръ, водобоязни, могъ онъ, несчастный, предаваться припадкамъ свободобоязни (докторами неисчислимы примѣры страха и зарождающихся отъ него болѣзней); но допуская такія убѣжденія, какимъ образомъ они могли въ немъ образоваться и тутъ же и укорениться? Положимъ, что 14 декабря нѣсколько его отуманило, но гдѣ же ему предшествовавшіе и послѣдовавшіе дни, которые могли его удерживать на этой степени . . . . . .? Какіе были предтечи и послѣдователи этому дѣлу? — Никакихъ! Нами начато, нами покончено навѣки вѣковъ!

Если мы перейдемъ за русскую грань, конечно, представятся личности, подобныя Николаю, но какая разница въ условіяхъ королевскаго положенія этихъ лицъ съ царскимъ положеніемъ Николая! Тамъ не мнимая, а осязаемая борьба съ установившимися, открытыми врагами. Тамъ битва, — но и добитые Франциски, возсѣдающіе на поломанныхъ престолахъ, силятся установить утраченную власть и борятся при чувствѣ самохраненія. Одинъ въ Австріи, другой въ Неаполѣ, и черезъ Альпы подаютъ другъ другу руку, чтобъ удержаться на ломкихъ своихъ скамьяхъ. Тамъ не горсть, а цѣлые отряды, проникнутые своей цѣлью заявленій революціонныхъ началъ, цѣлыя арміи возстаютъ, имѣя въ главѣ Пепе, выражающія собой всю силу событій! Тамъ борьба за независимость всей Италіи отъ Германскаго ига, если борьба идетъ съ перемѣннымъ счастьемъ, тамъ стоитъ въ запасѣ силъ необоримый карбонаризмъ, который обратился въ кровь и плоть народа! Въ Испаніи тѣ же возстанія! Вѣроломный Фердинандъ ломаетъ конституцію, ту самую, которую Александръ I предложилъ въ 12 году, и вызываетъ то огромное движеніе, которое великій Ріего запечатлѣлъ своею кровью и безсмертіемъ!

Это движеніе, подавленное на время, отразится впослѣдствіи въ большомъ и окончательномъ размѣрѣ! Во Франціи королевская власть борется съ упрочившимися противодѣйствующими партіями; понятно, что они стоятъ на стражѣ и со взведеннымъ куркомъ! Вѣдь тамъ Бертоны и Лувели.

Султанъ Махмудъ тоже не дремлетъ, онъ неистовствуетъ, Греція возстаетъ, надѣется, но исторія обняла своимъ духомъ весь Греческій народъ, и она поведетъ его къ освобожденію отъ Мусульманскаго ига!

Англія подъ сѣнью своихъ старыхъ законовъ не подвергается общему колебанію. Германія, всегда сдержанная, готовится исподволь къ неизбѣжному впослѣдствіи движенію!

Такимъ образомъ обойдя Европу, хотя и поверхностно, мы усматриваемъ всеобщія, почти одновременныя возстанія, народы воспря-

нули, затаившіяся стремленія выступили открыто, гласно, борьба съ невыносимою властью образуется, устанавливается и входитъ въ жизненныя условія! У нихъ цѣлыя преданія, воспоминанія о быломъ; у нихъ понятіе о правѣ, — вѣрованія, убѣжденія въ будущность, и народы, подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, тронулись и пошли на бой.

Вздрогнули властители и слившись воедино, они повели, какъ мы видѣли, то стройное отраженіе, то неуклонное, упорное противодѣйствіе, которое, несмотря на временныя удачи, обратится, наконецъ, въ ихъ собственную гибель. Въ этихъ предпринятыхъ походахъ противъ заявленія правъ народныхъ Александръ, какъ членъ союза, въ посмѣяніе названнаго Священнымъ, записывался волонтеромъ и, такимъ образомъ, этотъ охотникъ въ чужомъ дѣлѣ для Россіи вносилъ свое имя въ списокъ тѣхъ притѣснителей, которыхъ исторія не замедлитъ заклеймить позорнымъ своимъ приговоромъ!

Александръ, бывшій освободитель народовъ, сбрасываетъ вдругъ ненужную, носимую имъ, личину либерализма и примыкаетъ къ сонму нечестивыхъ! Къ изумленію тогдашняго мыслящаго міра и самой Россіи, Александръ, забывая свое назначеніе, свое величіе, поддается Меттерниху, дѣлается его агентомъ, хлопочетъ, суетится, скачетъ по всей Европѣ, устанавливаетъ беззаконное право вмѣшательства и потѣшается стратегическими, указанными имъ, движеніями противъ враговъ престоловъ. Человѣколюбивый Александръ поставленъ въ странное положеніе: чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ дружиться съ отъявленнымъ злодѣемъ и волею-неволею поддерживать, содѣйствовать дѣлу висѣлицъ, разстрѣливанію, темницъ и пр. Народы, благословлявшіе его, и русскіе теперь его клянутъ и ему принадлежитъ заложеніе того чувства ненависти, которымъ и поднесь даритъ Европа Россію. Александръ выполнилъ свое послѣднее назначеніе! Усталый, утомленный онъ опять обратится къ себѣ, къ мистическимъ своимъ мечтамъ. Какъ всегда, Россія въ сторонѣ и къ довершенію своего нравственнаго упадка, съѣздитъ онъ, нѣкогда властелинъ міра, въ уединенный безвѣстный Таганрогъ и обезсмертитъ его своей кончиной! Но Александръ умеръ такъ же, какъ и жилъ! Судьба собственно Россіи затиралась судьбами міра, и онъ спокойно передавалъ, кому будетъ угодно, выпадающій изъ рукъ скипетръ, а съ нимъ и судьбу Россіи. Кто будетъ преемникомъ-счастливцемъ этого скипетра, было еще неизвѣстно! Для передачи престола, дѣло обошлось келейнымъ, домашнимъ образомъ, зачѣмъ вводить Россію въ семейныя тайны! Такой вопросъ не можетъ и не долженъ до нея касаться, къ чему попустому ее и тревожить?

Какъ порѣшатъ въ семьѣ, такъ и будетъ на доброй, святой Руси, такъ и быть! Слухами земля, даже и Русская полна, вотъ и услышали, якобы Константинъ, при закрытыхъ дверяхъ, но въ

присутствіи матери и братьевъ громогласно отрекся. . . . . Такія устныя дѣйствія были занесены письменно съ печатью въ Сенатъ и въ Успенскій Соборъ. Сенатъ человѣкъ свой, да и Филаретъ не чужой—не выдадутъ; и подлинно, что никто въ Россіи вѣдать не вѣдалъ, какъ они на случай чего распорядились. Когда же время то приспѣло, Константинъ, ... и скажи: «Нѣтъ, не заманите, не хочу!» — «Нѣтъ, . . . , твой чередъ, идите, — пишетъ откуда ни возьмись на царство, Николай». — «Не пойду, сами кашу заварили, сами расхлебывайте!» (дѣйствительный отзывъ). «Эй, братъ, быть бѣдѣ, не повѣрятъ!»

Такъ и случилось: нѣкоторые не повѣрили и ну кричать: «Давай намъ Константина и только!» а Николай недолго думалъ и дай имъ картечь, и ну казнить да ссылать. . . . . .

Не правда ли, а вѣдь сказка и какъ-то сказкой и говорится.

Поистинѣ, что такъ, но у насъ, на Руси, и сказка пойдетъ за исторію и сказка, какъ мы видѣли, кончилась небывалыми, давно неслыханными казнями.

Теперь спрашивается, какія были историческія причины, какія были событія, укоренившіяся въ народѣ, опасныя для самовластнаго начала, которыя могли вызывать такую ожесточившуюся месть, такія неумѣстныя, несовременныя для Россіи казни?

Европа волнуется, возстаетъ противъ тамошнихъ властителей! Тамъ идетъ почти равносильная борьба,—борьба на смерть однихъ или другихъ. Тамъ возстанія за возстаніями, тамъ совершаются цѣлые перевороты, тамъ династатическіе вопросы запутываютъ движеніе, тамъ требуютъ огражденія правъ, свободы, тамъ опасность, и если казни не оправдываются, то, по крайней мѣрѣ, объясняются страхомъ однихъ, незнаніемъ другихъ.

Укажите одно возстаніе, и если не возстаніе, то хотя бы фактъ одинъ, который можно бы подвести подъ мѣрило какого-нибудь политическаго стремленія!... Ужели оскверню я слово революціи, совершонной во имя права и свободы употребленіемъ тѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, которые не разъ позорили нашу исторію?

Нѣсколько гнусныхъ временщиковъ, оспаривая другъ у друга первенство и право на выборъ того или другого лица, съ присвоеніемъ всѣхъ правъ на ограбленіе государственнаго достоянія, и всѣ эти происки, домогательства, основанные на варварскомъ побіеніи, неимѣвшемъ даже послѣдняго оправданія въ политической какой-либо цѣли.

Было и есть ли у насъ о сію пору образовавшіяся партіи подъ такимъ или другимъ началомъ? У насъ есть георгіевскія и другія знамена, но гдѣ же знамя гражданское, народное, подъ

которое стекаются толпы вооруженныхъ и обезоруженныхъ подъ крикъ: «Да здравствуетъ свобода!»

«За вѣру, за царя!» кричитъ въ одинъ голосъ Россія, и эта Русь, какъ азіатскій и поднесь обломокъ, стоитъ отдѣльно, уединенно отъ Европы.

Никакая мысль о самоуправленіи не проникла въ эту забитую народную толпу, загнанную въ гражданскую тюрьму! Она такъ свыклась, до того сроднилась съ этой тюремною жизнью, что затворничество ей стало такъ любо, какъ люба для иныхъ свобода! Она не ищетъ себѣ выходовъ, и если другіе побиваютъ своихъ стражей, своихъ часовыхъ, — русскіе, напротивъ, ихъ оберегаютъ и охраняютъ. Вотъ какъ сложился русскій человѣкъ, и какъ онъ всегда былъ и есть недоступенъ какому ни было революціонному духу!

Провѣрьте Россію во время того же революціоннаго духа, обнявшаго Европу. Опасность мнимая или дѣйствительная созываетъ на совѣтъ, имъ угрожаютъ враги и этотъ разъ не внѣшніе, а внутренніе, домашніе. Всѣ властители, какъ бы призванные къ суду народному, оказываются виновными, несостоятельными, и они избираютъ себѣ ходатаемъ сильнаго штыками Александра! Онъ одинъ и можетъ быть посредникомъ, какъ не причастный къ дѣлу, вовсе чуждому какъ для него, такъ и для Россіи.

Прослѣдите протоколы всѣхъ бывшихъ конгрессовъ, и всѣ они подтвердятъ не мое, а общественное мнѣніе, что Россія, то-есть ея внутреннее политическое положеніе, никогда и не принималось въ соображеніе великихъ совѣщателей для подлежащихъ распоряженій. Они ручались во взаимной помощи другъ другу, и Александръ, обезпеченный у себя, предлагаетъ имъ въ услуги свои сотни тысячъ русскихъ штыковъ: «La Russie seule n'est pas en cause», какъ говорили. Не онъ, не Александръ въ опасности, въ опасности были одни его союзники, притѣснители, и бывшій Александръ поступаетъ къ нимъ на службу, бросаетъ Россію и передается съ обычною готовностью всѣмъ увлеченіямъ своей новой полицейской политикѣ. Бывшій Александръ, который не находилъ себѣ равныхъ не только въ кругу стяжателей славы военной, но и въ средѣ благотворителей человѣчества, онъ, заступникъ правъ народныхъ, вдругъ переходитъ въ станъ Францисковъ, Фердинандовъ и заявляетъ себя верховнымъ врагомъ тѣхъ самыхъ правъ народныхъ, которыхъ онъ былъ заступникомъ!

Насколько такой переходъ отъ однихъ началъ къ другимъ былъ унизителенъ какъ для Александра, такъ и для Россіи, насколько эта подпорная, вспомогательная политика для возстановленія государей была противна интересамъ Россіи, насколько эти царскія скачки, отсутствія, пагубно вліяли на государственную жизнь, всѣ эти вопросы и многіе, другіе утратившіе теперь

свое значеніе, какъ давно порѣшенное, послужатъ намъ доказательствомъ того смиренія, той покорности, съ которыми Россія выносила на себѣ всю тяжесть того времени!

Бывали и ропотъ и негодованіе, но гдѣ и когда доходили они до какихъ-нибудь смутъ, мятежей и прочихъ современныхъ имъ явленій...

Россія, вовсе чуждая совершившихся движеній въ Европѣ, стояла отдѣльно, непоколебимо и неподвижно. Такое состояніе умовъ только и можетъ служить поясненіемъ той странной политики, которою руководился Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія. Одно внутреннее, ничѣмъ не возмутимое спокойствіе только и могло послужить основнымъ началомъ всѣхъ его дѣйствій въ Европѣ. Тюремное заключеніе и, надо сказать, вовсе не насильственное, а естественное по народному русскому духу, дозволяло монарху чуждаться Россіею и, слѣдуя всегда своимъ увлеченіямъ, стремиться къ достиженію какой-то мистической цѣли. Предоставивъ какъ будто законченныя судьбы Россіи двумъ, тремъ лицамъ, онъ презрительно отвернулся отъ нея и занялся Европой, которая казалась ему достойной его высокаго вниманія.

Тамъ, на конгрессахъ, преобладало его мнимое вліяніе, и онъ думалъ, насытившись военной славой, обезсмертить себя и славой, по его мнѣнію, гражданской!

Умиротворить Европу впусканіемъ въ замирающій прежній монархизмъ богословскія свои струи, оживлять, воскресать отжившее, уже давно отпѣтое; останавливать вѣкъ, человѣчество на полномъ своемъ ходу, отказываться отъ своего собственнаго прошедшаго и бороться не только съ противодѣйствующими людьми и силами, но даже съ самимъ собой...

Въ опроверженіе возможнаго въ Россіи существованія Тайнаго Общества нужно опредѣлить характеристику мужика, мѣщанина, купца, дворянина и, наконецъ, чиновника, чтобы взятые они всѣ вмѣстѣ выказали тѣ безмятежныя свойства русскаго человѣка, при условіяхъ которыхъ и невозможно всякое движеніе передового духа.

Не знаю, кому первому изъ правительственныхъ лицъ того времени, о которомъ стану говорить, запала мысль представить происшествіе 14 декабря, какъ слѣдствіе задуманнаго и подготовленнаго давно дѣла образовавшимся Тайнымъ Обществамъ въ Россіи! Такое пущенное правительствомъ мнѣніе и допущенное, какъ всегда водится, безъ разбора такъ называемымъ мыслящимъ сословіемъ, было слѣпо принято и также слѣпо передаваемо отъ одного пера къ другому. Еще и теперь люди, углубляющіеся въ тайны этой

старины, вполнѣ убѣждены, основываясь на докладѣ слѣдственной комиссіи и на послѣдовавшихъ за нимъ актахъ подобной лжи, что въ самой вещи въ послѣдніе годы царствованія Александра Россія была объята пламенемъ революціоннаго, повсюду тогда въ Европѣ господствующаго духа, что отъ Сѣвера до Юга, отъ Запада варшавскаго до уральскаго Востока, вся эта неизмѣримая Россія была обхвачена дланью всеобъемлющаго Тайнаго образовавшагося Общества.

Какое извращеніе духа того времени Тайное Общество — и гдѣ же? — въ Россіи? Какое невѣжество въ понятіяхъ, въ стремленіяхъ того времени! Тайныя общества! Да развѣ мы не знаемъ, что Тайныя Общества возникаютъ вслѣдствіе гоненій, преслѣдованій и всякаго противодѣйствія въ борьбѣ началъ и вѣрованій! Развѣ мы не знаемъ, что при послѣднихъ этихъ условіяхъ образуются только тѣ смѣлыя, отважныя личности, которыя вступаютъ въ бой, но уже не однѣ, а въ главѣ сопутствующихъ, подготовленныхъ духомъ времени, бойцовъ!

Гдѣ же были тогда въ Россіи тѣ потребности ума, тѣ стремленія, заявляющія надежды Общества? Былъ ли одинъ хотя случай, одно хотя происшествіе, которое ознаменовало какое-нибудь движеніе въ умахъ, какія-нибудь нужды въ сословіяхъ и въ народѣ?—Нѣтъ, все безмолвствовало, раболѣпствовало, повиновалось.. но да не будетъ вмѣненъ такой общественный застой въ укоръ нашему русскому народу! «Les lois font les hommes», и какъ слова эти Бентама примѣнимы къ намъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ духъ этихъ законовъ успокоителенъ, усыпителенъ! Прослѣдите всю нашу исторію со временъ Петра и вы не подмѣтите ни тѣхъ взрывовъ ни тѣхъ волненій, которые колеблютъ прочіе народы. Это какая-то тихая, ничѣмъ невозмутимая страна, не требующая ни нововведеній ни преобразованій, а только поддержанія старыхъ порядковъ. Странное въ жизни народной явленіе! Русскій такъ напуганъ, такъ раболѣпенъ, что всякое измѣненіе онъ толкуетъ къ худшему. Привычка къ горькой долѣ служитъ ему условіемъ жизни, такъ точно, какъ я, однажды свыкнувшись со своимъ казематомъ, опасался всякаго перемѣщенія и просилъ не разлучать меня съ моими дверьми подъ замкомъ и съ тусклымъ моимъ окномъ за желѣзной рѣшоткой! Такъ именно и сложился русскій мужичокъ подъ вліяніемъ и законовъ и долгаго времени. По весьма ли естественному свойству забитаго раба или же по недовѣрію къ какимъ бы то ни было улучшеніямъ въ его бытѣ, — дѣло въ томъ, что причины эти, взятыя вмѣстѣ, всегда поясняли сопротивленія, которыми крестьяне встрѣчали всякое нововведеніе. Гдѣ бы ни вспыхивали бунты на Руси, какъ теперь, такъ и тогда, бунтъ этотъ всегда былъ слѣдствіемъ не столько нарушенія несуществующихъ правъ, какъ нарушенія сложившагося временнаго общественнаго

ихъ быта. Не одинъ изъ этихъ бунтовъ не выражалъ какое-либо самопроизвольное стремленіе къ такой или другой цѣли; нѣтъ, это та русская на время настойчивость постоять за себя и на своемъ!

Надо сказать, что малѣйшее неповиновеніе со стороны крестьянъ къ такой или другой мѣрѣ принимаетъ сейчасъ всѣ размѣры умышленнаго бунта, и правительство всегда поспѣшествуетъ употреблять всѣ мѣры строгости для погашенія этого бунта.

Всякій бунтъ обращался въ доходную статью.

Какія эпохи для взяточника и для всякаго правительственнаго лица выказать всѣ свои дарованія къ усмиренію мятежа на колѣняхъ!

Странно сказать, но я не знаю лучшаго, добросовѣстнѣйшаго, конечно, и крайне ограниченнаго консерватора, какъ русскаго мужичка. Въ какомъ бы неестественномъ положеніи онъ ни былъ, какъ бы онъ ни былъ нищъ и нагъ, но оставьте ему его лохмотья и не надѣвайте на него сулимую поддевку, и главное—не нарушайте его быта, какъ бы онъ ни казался онъ вамъ дикъ и несоотвѣтственъ вашимъ будто бы благимъ намѣреніямъ!

Въ русскомъ (мужикѣ) нѣтъ той подвижности ума, тѣхъ зачатковъ страстей человѣка, которые способствуютъ европейцу преобразиться въ космополита - выходца. Потому-то у насъ и трудны и даже невозможны переселенія, а поэтому и заселенія.

Пусть будетъ его избушка и курная, гдѣ вмѣстѣ съ курами, теленкомъ гнѣздятся его оборванныя дѣти, пусть . . . . . .

. . . . . .

Но къ чему же вели эти отступленія? Всѣ эти избитыя повторенія когда-то нахальнаго взяточничества, всѣхъ этихъ буйныхъ выходокъ потѣшнаго казачества? Къ чему заявлять крестьянскую толпу въ видѣ безмолвной мученицы, всегда смиренной и покорной своему неотразимому предопредѣленію? Къ чему, скажите, еще возвращаться къ этому гнусному прошедшему, и не для того ли, чтобы, разжигая страсти варварскими воспоминаніями, еще болѣе разъединить несливающіяся сословія? Какое ложное понятіе о естественномъ ходѣ общественныхъ стремленій! Стремленія эти только и проявляются въ силу данныхъ или отвергнутыхъ фактовъ. Какъ бы факты эти не разложились на жизненныя условія общества, подъ какими бы вліяніями они не совершались, исторически, правительственно или сословно, насильственно или произвольно, дѣло въ томъ, что если эти факты, какъ фактъ освобожденія, сдѣлались кровью и плотью народной громады, въ такомъ случаѣ они обратнаго дѣйствія болѣе не выскажутъ. Въ судьбахъ человѣчества есть пути, по которымъ оно не возвращается. Нѣтъ, русскій не скоро бросится впередъ безъ оглядки, онъ долго, долго постоитъ на мѣстѣ, даже неподвижно, но попятить русскаго назадъ не только невозможно, но должно бы быть и немыслимо.

Я говорилъ, что русскій исключительно консерваторъ, упрямство ли, твердость, но настойчивость эта — сила и сила эта не преоборимая. Русскій человѣкъ не передовой; онъ не мечтатель и чисто сторонникъ единой дѣйствительности. Онъ не скороходъ, правда, но стоя и на мѣстѣ, хоть и оглядывается назадъ, а все и всегда грудью впередъ. Грудью этой онъ и отобьетъ, пожалуй, и сшибетъ всякаго, кто прикоснется къ тому, что ему или даровано, или такъ или иначе имъ добыто. Этотъ консерватизмъ, то-есть охраненіе, такъ свойственъ русскому, что онъ такъ же рѣзко и неизмѣнно проявляется съ меньшею, конечно, настойчивостью, но и во всѣхъ другихъ сословіяхъ общества.

Подвергая строгому и безпристрастному, конечно, разбору самую державную власть, не стану разыскивать зарожденія начала и всего историческаго хода этой власти. Къ чему эти изслѣдованія дикой баснословной старины? Я вообще не поклонникъ старины, а если смотрю на эту сморщенную старую бабу, то это только для того, чтобы гнушаться отвратительнымъ ея безобразіемъ и прислушиваюсь только для того, чтобы еще больше убѣждаться въ ея пустой безсмысленной болтовнѣ, въ этой непонятной теперешнему слуху скороговоркѣ. Нѣтъ, не указъ намъ старина и не жить намъ чужимъ умомъ; всякому свое и въ свое время. Какъ предшествующія намъ историческія поколѣнія жили своей жизнью, такъ своей заживемъ и мы. Такъ, какъ съ точки зрѣнія матеріальной, мы осушиваемъ переданныя намъ болота, дѣлаемъ просѣки въ заглохшихъ лѣсахъ, уравниваемъ всѣ неровности, терпимыя прежними путеводителями въ горахъ, и это все для прокладыванія новыхъ современныхъ путей, такъ точно и съ точки зрѣнія умственной, мы осушимъ всѣ смрадныя нечистоты, накопившіяся въ административныхъ завалахъ, пробьемъ такую же просѣку сквозь сомкнутые ряды чиновничества, этого непотребнаго люда, и, наконецъ, планировкою, то-есть уравненіемъ правъ всѣхъ и каждаго, мы проложимъ себѣ посредствомъ прямого представительства тотъ новый путь, самимъ Богомъ намъ предназначенный къ новой жизни.

Отвергать эту цѣль, — отвергать бы надо самое Божество! Итакъ, ни кому изъ насъ не подобаетъ наводить справки въ старинѣ; какъ намъ, то-есть народу, не приходится ссылаться на вѣче, на посадскихъ, на правленіе чисто народо-державное, такъ точно и теперешней правительственной власти не ловко и даже совѣстно бы было ссылаться на Рюриковичей, на колья Ивана Васильевича, на палку Петровскую и на Николаевскій арканъ. Безсовѣстно, а оно есть. И оно есть, когда же и въ какое время? — Когда слово, хотя не свое, а чужое, но близко насъ затрагивающее, проникаетъ повсюду, поднимаетъ, разрѣшаетъ всѣ общественно-жизненные вопросы, когда само правительство колеблетъ вѣко-

вое зданіе, сознаетъ само, что все сѣверно, дурно, несостоятельно, что разгромъ стараго необходимъ и въ самой вещи ломая все, забываетъ, что оно-то само наравнѣ съ прочимъ и должно итти въ тотъ же ломъ. Вотъ тутъ-то и является духъ консерватизма во всемъ закостенѣломъ своемъ эгоизмѣ и невѣжествѣ, тотъ самый духъ, который находилъ я въ средѣ крестьянина и существованіе котораго силюсь доказать во всѣхъ сословіяхъ нашихъ. Конечно, правительство, какъ и всякое другое, по одному чувству самохраненія должно охранять свои права, но, однакоже, настолько, насколько это и должно, а главное возможно.

Теперь коснусь этого правительства съ соотвѣтственнымъ къ его жалкому положенію приличіемъ. Власть его нравственная на издыханіи и не подобаетъ мнѣ издѣваться надъ падающимъ. Я знаю, какого снисхожденія заслуживаютъ почтенные старцы, украшающіе своими юбилеями, почетомъ, требуемыми правительственными мѣстами. Миръ этимъ усталымъ труженикамъ на всѣхъ поприщахъ государственной службы, миръ имъ въ живыхъ и мертвыхъ! Они жили и живутъ, служили и служатъ, при такихъ-то безъ разбора принятыхъ понятіяхъ, при такихъ наложенныхъ на нихъ данныхъ, они и читали, и служили, и подписывали, не вѣдая бо что творятъ!

Не выборы всѣхъ или многихъ, а выборъ одного возвелъ ихъ на высшую степень, одному ему они служили и поклонялись. Усидчивость, настойчивость въ достиженіи выгодъ службы вмѣнялись имъ въ достоинство за отсутствіемъ другихъ. Какъ истые консерваторы, они охраняютъ свои кресла и умираютъ на нихъ. О сенаторы мои! усидѣли бы вы на нихъ при появленіи какого-нибудь Бренна? Добрые невинные мои старцы, ужели впрямь и вы правительство? Ужели это и вы пишите указы? О, тогда вы и не совсѣмъ безвинны и безотвѣтственны; ничтожность ваша не спасетъ отъ нареканій. Но вы исполняете волю, конечно, не пославшаго, а избиравшаго васъ и думаете. . . . . .
. . . . . .

Если мы сознаемся въ своихъ ошибкахъ, то имѣйте вы довольно добросовѣстности, чтобы сознаться въ своихъ преступленіяхъ. Хотя вы вооружаетесь въ свое оправданіе мечами правосудія, но то же правосудіе не имѣетъ ли свои предѣлы и не переходитъ ли оно въ преступную жестокость и пр. Но, признавая за вами право кары, ищу напрасно права милосердія, а сколько у васъ при лучшихъ человѣческихъ побужденіяхъ было подъ рукой смягчительныхъ обстоятельствъ, чтобы дать исходу дѣла оборотъ не только болѣе христіанскій, но болѣе совпадающій съ нашими собственными интересами. Мѣра кары не возбудила, конечно, не только чувства ошибки частной, но даже и малѣйшаго негодованія.

. . . . святотатства, если не нашелъ онъ въ себѣ напущенную на него силу. Есть люди такъ странно наскоро, вѣроятно, сколоченные, которыхъ народы выносятъ на своихъ плечахъ на высоту славы,—эти люди, упиваясь успѣхами, торжествомъ, мало-по-малу начинаютъ до того возноситься, что человѣчество имъ становится чуждо, они отдѣляются вовсе отъ него и, сближаясь уже при данномъ божествѣ, вступаютъ въ прямыя непосредственныя съ нимъ сношенія. Пройдя этотъ рубежъ, люди эти (и число ихъ въ исторіи немало), сбрасывая свою земную оболочку, а потому и всякую отвѣтственность, ограждаясь единственно объявшимъ ихъ божественнымъ духомъ, дѣйствуютъ вопреки всякому человѣческому смыслу.

Оставимъ Моисея, видѣвшаго изъ-подъ куста спустившагося Бога, не всѣмъ же быть Моисеями, къ тому же онъ былъ и еврей.

Возьмемъ Александра Македонскаго, заразившагося безсмертіемъ, онъ отвергаетъ Филиппа и признаетъ за отца одного Юпитера.

Александръ благословенный, который не могъ отвергнуть отца, тѣнь котораго такъ гибельно его преслѣдовала, Александръ не могъ устоять на мѣстѣ при своемъ торжествѣ и не переродиться въ нѣчто сверхъестественное, не подлежащее суду земному. Онъ вознесся и слышитъ, несмотря на глухоту свою и внемлетъ Слову Божію.

Замѣтки г.-л. Л. В. Дубельта.

Помѣщаемыя ниже записки генерала-отъ-кавалеріи Леонтія Васильевича Дубельта, знаменитаго управляющаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ царствованіе имп. Николая I, являются любопытнѣйшимъ историческимъ документомъ. Они прежде всего даютъ яркую характеристику той идеологіи офиціальной Россіи, которая самодовольно замкнулась въ убѣжденіи своей непогрѣшимости, въ презрѣніи къ «безсмыслію запада»—этой «гадкой, помойной ямѣ», какъ выражается Дубельтъ, и «непробудно залегла смертельнымъ гнетомъ на все мыслящее въ Россіи». Послѣднія слова, какъ знаетъ уже читатель, принадлежатъ первой жертвѣ той «правительственной системѣ», которая завела Россію въ долгіе годы николаевскаго царствованія въ тупикъ «своевластія» и «безславія»—А. В. Поджіо. И въ самомъ дѣлѣ, каждый маленькій штрихъ изъ записокъ Дубельта отчетливо рисуетъ намъ ту Россію, гдѣ отпускаютъ «ученость только по рецепту правительства».

«Вся сила Россіи въ самобытности», разсуждаетъ ген. Дубельтъ. У насъ нѣтъ причинъ быть недовольнымъ, ибо съ «благодѣяніями» царя не можетъ «сравниться» никакая «конституція»: а «гдѣ нѣтъ причинъ быть недовольнымъ, тамъ никакой Луи-Бланъ не взбунтуетъ, хоть испиши онъ всѣ перья, испечатай всѣ типографскія литеры цѣлаго міра». Миръ и спокойствіе гарантируетъ именно самодержавіе и тѣ «патріархальные» нравы, которые господствуютъ въ «нравственной Россіи». Русскій человѣкъ «не избалованъ вымышленною свободою и ни съ чѣмъ несообразными правами человѣка» и не хочетъ ихъ: отсюда «миръ, тишина, трудолюбіе, подчиненность», которыя царятъ среди нашихъ «славныхъ мужичковъ». И благоденствуютъ такъ наши мужички именно потому, что они *не свободны*. Дай имъ свободу, исчезнетъ нравственность, а тамъ и до «безбожія одинъ только шагъ»; и попадетъ Россія «въ ту же пропасть, въ которой теперь барахтаются свободные европейскіе народы». Отсюда благодѣтельность крѣпостного права, охраняющаго Россію отъ свободы и равенства, за которыми слѣдуютъ «ужасы голода и отчаянія». Помѣщикъ—добрый отецъ «русскаго мужичка», но въ то же время онъ «самый вѣрный, недремлющій песъ, охраняющій государство; онъ есть природный исправникъ». Надо только охранить «патріархальную» простоту русскаго народа. Не надо грамотности, дабы не «воспламеняться чтеніемъ журналовъ и всякой грязной литературы, возбуждающей самыя скверныя страсти». «Гадкая нынѣшняя литература» лишь сбиваетъ съ толка, рождаетъ «затѣи», и

люди забываютъ свои обязанности». Пусть «мужички» по-старому «читаютъ» величественную книгу природы, въ которой Богъ начерталъ такія дивныя вещи». И тогда никакія бредни коммунистовъ не опасны.

Николаевскій генералъ упоенъ величіемъ Россіи: Россія—что «царство небесное», куда не приникаетъ ядъ безвѣрія и бездушнаго эгоизма...

«Мы слишкомъ умны, — записываетъ онъ, — чтобы подражать европейской сумасбродной безтолковщинѣ» съ ея хвалеными «хартіями, да конституціями, да представительными правленіями». Но тѣмъ любопытнѣе невольныя признанія, вырывающіяся изъ-подъ пера одного изъ охранителей «величія» Россіи.

«Конечно, Россія велика и сильна; Русскій Царь у себя, дома, Богъ земной», но, тѣмъ не менѣе, Дубельтъ весьма обезпокоенъ вмѣшательствомъ Россіи въ иностранныя дѣла. «Что намъ за дѣло до сумасбродовъ» въ Западной Европѣ. Лучше принять мѣры, чтобы «у насъ не было охоты подражать имъ». А то будетъ «немножко похоже на то, что пойдемъ чинить домъ сосѣда, а не видимъ, что собственная наша изба валится». Въ нашей «медвѣжей берлогѣ порядокъ», но чрезвычайно опасно, что «наши солдаты увидятъ мятежъ на мѣстѣ». Вѣдь неизбѣжно привьются къ нимъ «мятежныя мысли» и «наша святая, чистая, дѣвственная Русь можетъ заразиться ядовитымъ духомъ западныхъ народовъ». Величіе Россіи оказывается мыльнымъ пузыремъ; оказывается и молодежь-то у насъ буйная, и народъ склоненъ къ буйному «безначалію», и денегъ у насъ нѣтъ, и оружіе плохо. «Собственная изба валится»... «Не послушался Государь людей опытныхъ..., Ему преданныхъ. Поссорился съ Людовикомъ Наполеономъ. Быть бѣдѣ!» пророчески записываетъ Дубельтъ.

Итакъ, передъ нами наглядный образчикъ психологіи «незабвенныхъ людей» николаевскаго времени съ ихъ дѣйствительно «незабвенными мыслями» о государственномъ строительствѣ. Записки ген. Дубельта имѣютъ и большой индивидуальный интересъ. «Бездарность, безсиліе, неспособность высказывались повсюду», характеризуетъ намъ Пождіо эпоху «моровой полосы» русской государственности. Подойдутъ ли эти типичныя для дѣятелей эпохи черты къ автору воспоминаній? Знаменитый печальной памятью николаевскій жандармъ, булгаринскій «отецъ и командиръ» — фигура, примѣтная въ отечественной исторіи. И очертить его обликъ было бы, пожалуй, небезынтересно. Мнѣ кажется, что помѣщаемыя воспоминанія даютъ богатый для этого матеріалъ. Дѣятельность Дубельта въ качествѣ начальника штаба корпуса жандармовъ, правой руки гр. Бенкендорфа и Орлова по управленію III Отдѣленіемъ, достаточно извѣстны. Это была эпоха, когда полицейская рука III Отдѣленія сдѣлалась полновластнымъ опекуномъ русскаго просвѣщенія; когда могла существовать наука только съ дозволенія начальства, водворявшаго по позднѣйшему проекту Козьмы Пруткова полное «единомысліе» въ Россіи путемъ фамусовскихъ завѣтовъ: «Ужъ коли зло пресѣчь, собрать всѣ книги, да сжечь». Съ поразительной отчетливостью высказалъ эту великую идею въ 1839 г. Дубельтъ издателю «Отечественныхъ Записокъ» Краевскому, заявивъ по поводу посмертнаго печатанія новыхъ произведеній Пушкина: «Довольно этой дряни, сочиненій-то вашего Пушкина, при жизни его печатано, чтобы продолжать еще и по смерти оты-

скивать неизданныя его творенія, да печатать ихъ!» Достаточно и одного этого, чтобы припомнить и охарактеризовать всю дѣятельность Дубельта. Но каковы были интимныя душевныя переживанія этого гасителя просвѣщенія, свободной мысли и творчества русскаго народа? Кто передъ нами: одѣтый ли въ жандармскій мундиръ мистикъ и святоша въ родѣ кн. А. Н. Голицина при Александрѣ I, недалекій охранитель завѣтовъ старины въ родѣ любителя россійской элоквенціи адмирала Шишкова, усердный исполнитель законовъ, превосходно воспринявшій урокъ, преподанный Кукольникомъ: «Прикажутъ — завтра же буду акушеромъ» или, наконецъ, передъ нами перебѣжчикъ типа Магницкаго, готоваго за деньги и награды быть атеистомъ, либераломъ, христіаниномъ — вообще всѣмъ, чѣмъ угодно? По отношенію къ Дубельту этотъ вопросъ естественень. Припомнимъ его карьеру. Онъ «одинъ изъ первыхъ крикуновъ либераловъ» въ Южной арміи, по отзыву жолчнаго Греча. Онъ намѣстный мастеръ въ 1820—22 г. въ кіевской масонской ложѣ «Соединенныхъ Словянъ», онъ членъ ложи «Палестины» въ Петербургѣ и «Золотого Кольца» въ Бѣлостокѣ. Въ 1829 г. недоразумѣнія по службѣ, и затѣмъ начало карьеры по жандармской части, карьеры по благороднымъ побужденіямъ. «Не будь жандармомъ», говоришь ты — пишетъ Дубельтъ своей женѣ 9 января 1830 года — но понимаешь ли ты... существо дѣла. Ежели я, вступя въ корпусъ жандармовъ, сдѣлаюсь доносчикомъ, наушникомъ, тогда доброе мое имя, конечно, будетъ запятнано. Но ежели, напримѣръ, я, не мѣшаясь въ дѣла, относящіяся до внутренней полиціи, буду опорою бѣдныхъ, защитою несчастныхъ; ежели я, дѣйствуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетеннымъ, буду наблюдать, чтобы въ мѣстахъ судебныхъ давали тяжебнымъ дѣламъ прямое и справедливое направленіе, — тогда чѣмъ назовешь ты меня?... Не буду ли я тогда достоинъ уваженія, не будетъ ли мѣсто мое самымъ отличнымъ самымъ благороднымъ?» И г. Е. Дубельтъ, опубликовавшій въ 1888 г. въ «*Русской Старинѣ*» эти письма, пытается доказать, что «на занимаемомъ имъ вліятельномъ посту Л. В. (Дубельтъ) былъ проникнутъ смысломъ извѣстной, весьма гуманной инструкціи, данной императоромъ Николаемъ I шефу жандармовъ, при учрежденіи III Отдѣленія»: передавая Бенкендорфу носовой платокъ, Николай будто бы сказалъ: «Утирай этимъ платкомъ какъ можно больше слезъ — вотъ моя инструкція». Платокъ сей хранится подъ стеклянным колпакомъ въ архивѣ бывшаго III Отдѣленія. Вещественный памятникъ жандармскаго сентиментализма, однако, и при Дубельтѣ замѣнялся болѣе дѣйствительными средствами воздѣйствія на общественное мнѣніе. Несмотря на все свое христіанское смиреніе, «смиреніе ангельское», которое выступаетъ съ первыхъ же строкъ печатаемыхъ ниже записокъ, несмотря на все желаніе, чтобы во всѣхъ дѣлахъ «сіяла Божественная, преизобильная благодать», чтобы съ устъ «излетали только слова любви», мы знаемъ, что ген. Дубельтъ нерѣдко «ругался площадными словами» и при открытіи дѣла петрашевцевъ весьма сожалѣлъ, что ему не удалось «сгноить въ крѣпости» Бѣлинскаго (см. у М. К. Лемке «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.», гдѣ на стр. 120—125 дается характеристика Дубельта). Но христіанское смиреніе на словахъ очень часто не совпадаетъ съ практикой житейской, равно какъ и обѣщаніе, данное Дубельтомъ женѣ, не браться за исполненіе

порученій, «о которыхъ доброму и честному человѣку и подумать страшно», не совпадало съ дѣятельностью Дубельта въ роли защитника «несчастныхъ». Дворянинъ-помѣщикъ И. В. Селивановъ, разсказавъ въ «*Русской Старинѣ*» (1880 г. т. XVIII) случай, когда ему пришлось отвѣчать передъ III Отдѣленіемъ по доносу, припомнилъ «ходившіе тогда слухи, что Дубельтъ выдумываетъ заговоры, чтобы пугать постоянно правительство и этимъ доказывать свою необходимость». Другой же современникъ ген.-отъ-инфантеріи, профессоръ и военный писатель кн. Н. С. Голицынъ («*Русск. Ст.*» 1880 г. т. XIX) засвидѣтельствовалъ уже не «слухи», а «факты». Но этого мало. По словамъ кн. Н. С. Голицына славившійся своимъ безкорыстіемъ Дубельтъ былъ однимъ изъ «главныхъ дѣятелей» тайнаго игорнаго дома. Таковъ былъ въ дѣйствительности христіанствующій жандармъ, являющійся въ изображеніи родственниковъ «безъ пятна и упрека». Однако, и современники дали намъ разнорѣчивыя характеристики автора записокъ. «Онъ добръ, честенъ, благороденъ» — записалъ Жуковскій въ кабинетѣ у Дубельта въ личномъ его присутствіи. Но поэтъ, какъ извѣстно, не отличался большимъ гражданскимъ мужествомъ. Понятно, что и «благодѣтельствуемые» Дубельтомъ литераторы Гречъ и Булгаринъ, охотно становившіеся въ уголъ по приказанію «отца и командира», считали его «человѣкомъ, какихъ немного». Не многимъ больше будутъ стоить комплименты, разсыпаемые Дубельту въ 1852 г. кн. П. В. Долгоруковымъ, желавшимъ добиться разрѣшенія жить въ Петербургѣ: «Дубельтъ расположенъ дѣлать добро и оказывать благодѣянія» и т. д. (М. Лемке «Кн. П. В. Долгоруковъ въ Россіи» «Былое» 1907, II, 162). Но вотъ характеристика Дубельта, сдѣланная въ «Быломъ и Думахъ» Герценомъ: «Дубельтъ — лицо оригинальное; онъ навѣрное умнѣе всего третьяго и всѣхъ трехъ Отдѣленій Собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, оттѣненное длинными свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу ясно свидѣтельствовали, что много страстей боролось въ этой груди прежде, чѣмъ голубой мундиръ побѣдилъ, или лучше — накрылъ все, что тамъ было» (II, 342 изд. Павленкова).

М. К. Лемке, цитируя другой отзывъ — Каратыгина сына («это была замѣчательная личность во многихъ отношеніяхъ: прекрасно образованный, прозорливый, умный и отнюдь не злой души человѣкъ») — пришелъ къ выводу, что «лукавый генералъ» дѣйствительно былъ «натура не совсѣмъ обыкновенная. Очевидно, тамъ, внутри, у него было что-то прикрытое мундиромъ, осталось, можетъ-быть, неизвѣстнымъ современникамъ и потомству». Въ силу такого разнорѣчія и особенно цѣнно опубликованіе интимныхъ записокъ Дубельта. Конечно, человѣкъ, бывшій «предметомъ ужаса для большинства жителей Петербурга», и въ то же время, «человѣкъ привѣтливый, ласковый и обязательный», умѣвшій обворожить словами, когда это требовалось при допросѣ (Селивановъ, Достоевскій, Костомаровъ), можетъ-быть заподозрѣнъ въ своей искренности и въ написаніи записокъ. Не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять той «бури страстей», которую подчеркиваетъ Лемке, слѣдуя отзывамъ современниковъ. Не слѣдуетъ обольщаться чувствительностью генерала съ «волчьимъ» взглядомъ, начитаннаго въ священномъ писаніи и рыдавшаго отъ изобилія чувствъ, глядя на картину Брюллова — «Распятіе Спасителя». (О чемъ онъ сообщаетъ

женѣ 31 августа 1838 г.). Не слѣдуетъ обольщаться потому, что мы слишкомъ хорошо знаемъ цѣну этой чувствительности, присущей ханжеству. Дань этой чувствительности отдается и въ новыхъ запискахъ Дубельта. Ихъ цѣнность не въ этомъ, ихъ цѣнность и не въ отдѣльныхъ штрихахъ, дополняющихъ характеристику знаменитаго жандарма и оставшихся неизвѣстными «современникамъ и потомству»... Одного Дубельтъ не могъ скрыть въ своихъ запискахъ, несмотря на цитаты изъ Сенеки, Монтескье и т. д., — это полнаго убожества мысли. Кто прочтетъ эти записки, едва ли присоединится къ мнѣнію Герцена, Каратыгина и др. Нѣтъ, типичныя черты, отмѣченныя А. В. Поджіо при характеристикѣ правящей Россіи николаевскаго времени, проявятся здѣсь во всей своей полнотѣ.

С. Мельгуновъ.

Вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертвая вещь [1]).

Желалъ бы, чтобъ мое сердце всегда было полно смиренія; чтобы слова мои были благомудры, разговоры не скоры; чтобы въ трудахъ былъ бодръ; чтобы никого не обижалъ, напротивъ, чтобы всѣмъ желалъ добро; никого не презиралъ, даже и самаго убогаго человѣка; чтобы ни надъ кѣмъ не смѣялся и во всемъ видѣлъ бы добро; чтобы изъ устъ моихъ всегда излетали только слова любви и благодати, а въ дѣлахъ видѣлась бы одна только скромность; чтобы наружный мой образъ показывалъ внутреннее совершенство, выражая незлобіе и всегдашнее снисхожденіе и милость къ ближнему; чтобы въ каждомъ дѣлѣ я былъ исполненъ кроткой важности и постоянства; говорилъ немного, только о нужномъ; чтобы охотно выслушивалъ другихъ и отдавалъ бы всякому должное уваженіе; чтобы мало смѣялся и никогда не приходилъ въ смущеніе; чтобы обхожденіе мое съ другими было всегда кротко и безъ гнѣва; чтобы во мнѣ не было никакой гордости, но простота безъ малѣйшаго притворства, никакой изнѣженности, но во всемъ совершенное смиреніе; — однимъ словомъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ моихъ сіяла Божественная, преизобильная благодать.

Желаю невозможнаго, — но желаю!

Надо стараться, чтобы въ насъ славили и милость безпримѣрную, и привѣтливость, и смиреніе ангельское, и чтобы презирать и огорчать людей было бы мукою для нашего сердца.

---

[1]) Эти замѣтки Дубельта печатаются съ его собственноручной рукописи; онѣ, какъ видно изъ помѣтки на обложкѣ, относятся ко времени отъ 1830 г. по янв. 1862 г. включительно. *Ред.*

Пусть небо накажетъ меня годомъ страданія за минуту, въ которую умышленно оскорблю ближняго.

Не будьте животными, которыя видятъ и чувствуютъ землю, по которой ходятъ, но не видятъ неба, которое надъ ними.

Жить — есть не баклуши бить, а какъ можно лучше мыслить и дѣйствовать; любить добро; возвышаться душою къ его источнику, все другое есть шелуха. — Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и ея совершенство. — Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. — Дѣлайте что и какъ можете, только дѣлайте добро; а что есть добро, спрашивайте у совѣсти.

Первая обязанность честнаго человѣка есть: любить выше всего свое отечество и быть самымъ вѣрнымъ подданнымъ и слугою своего государя.

Сыновья мои! [1]) помните это. Меня не будетъ, но изъ лучшей жизни я буду видѣть, такіе ли вы русскіе, какими быть должны. — Не заражайтесь безсмысліемъ запада, — это гадкая, помойная яма, отъ которой, кромѣ смрада, ничего не услышите. Не вѣрьте западнымъ мудрствованіямъ; они ни васъ и никого къ добру не приведутъ. — Передайте это и дѣтямъ вашимъ, — пусть и они будутъ чисто русскими, — и да не будетъ ни на васъ, ни на нихъ, ниже пятнышка, которое доказывало бы, что вы и они не любятъ Россіи, не вѣрны своему государю. — Однимъ словомъ, будьте русскими, какимъ честный человѣкъ быть долженъ.

Помните, что мы всегда въ долгу у нашего возлюбленнаго отечества, и для его блага, не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, должны искать полезной дѣятельности. Чѣмъ менѣе другіе требуютъ ея отъ насъ, тѣмъ болѣе должны мы требовать ея отъ себя, какъ существа нравственнаго. — Для насъ одна Россія должна быть самобытна, одна Россія истинно существовать; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. — Мыслить, мечтать мы можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать въ Россіи.

---

[1]) Сыновья Леонтія Васильевича: Николай, умеръ еще въ 60-хъ годахъ въ чинѣ г.-л. и командира гвардейской дивизіи, и Михаилъ, тоже умершій, подъ конецъ былъ комендантомъ Александропольской крѣпости на Кавказѣ. Мих. Леонт. былъ женатъ на Наталіи Александровнѣ Пушкиной, дочери поэта. Она развелась съ Мих. Леонт. и въ 1868 г. вышла замужъ за одного изъ Нассаусскихъ принцевъ, при чемъ получила титулъ гр. Меренбергъ.

Л. В. ДУБЕЛЬТЪ *(акварель 30 г.).*

«Его худощавое лицо съ длинными сѣдыми усами, пристальный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ имѣли въ себѣ что-то волчье», характеризуетъ Дубельта П. П. Каратыгинъ *(Ист. Вѣст. 1887 г.)*. «Черты его имѣли что-то волчье и даже лисье, т.-е. выражали тонкую смышленость хищныхъ звѣрей; вмѣстѣ уклончивость и заносчивость» (отзывъ А. И. Герцена).

Не помню, отъ кого я это слышалъ. Кажется отъ Ростовцева.

Россію можно сравнить съ арлекинскимъ платьемъ, котораго лоскутки сшиты одною ниткою, — и славно и красиво держатся. Эта нитка есть самодержавіе. Выдерни ее и платье распадется!

Не лучше ли красивая молодость Россіи дряхлой, гнилой старости западной Европы? Она 50 лѣтъ ищетъ совершенства и нашла ли его? — Тогда какъ мы спокойны и счастливы подъ управленіемъ нашихъ добрыхъ государей, которые могутъ иногда ошибаться и ошибаются, но всегда желаютъ намъ добра.

Я не знаю лучшаго подвига, лучшаго наслажденія, какъ подать руку бѣдному и руководить слѣпого юношу, слѣпого по своей неопытности и молодости.

Кто одѣнетъ пеленою крещенія новорожденнаго, того Матерь Божія одѣнетъ нетлѣнною ризою своего милосердія.

Доколѣ человѣкъ умѣетъ молиться, любить и мыслить, онъ не можетъ быть несчастливъ.

Въ нашей Россіи должны ученые поступать, какъ аптекари, владѣющіе и благотворными, цѣлительными средствами, и ядами— и отпускать ученость только по рецепту правительства.

Турокъ должно беречь и поддерживать, потому что для государства всегда выгоденъ глупый сосѣдъ.

Надо стараться имѣть гордый, непреклонный характеръ, но доброе, чувствительное сердце.

Послѣ кончины гр. Бенкендорфа, я встрѣтилъ эту добродѣтель въ высшей степени въ гр. А. Ѳ. Орловѣ.

Иностранцы, это гады, которыхъ Россія отогрѣваетъ своимъ солнышкомъ, а какъ отогрѣетъ, то они выползутъ и ее же кусаютъ.

Обязанности полиціи состоятъ: въ защитѣ лицъ и собственности; въ наблюденіи за спокойствіемъ и безопасностію всѣхъ и каждаго; въ предупрежденіи всякихъ вредныхъ поступковъ и въ наблюденіи за строгимъ исполненіемъ законовъ; въ принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ для блага общественнаго; въ защитѣ и вспомоществованіи бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; и въ неусыпномъ преслѣдованіи всякаго рода преступниковъ.

Пусть же мнѣ докажутъ, что такого рода служба не заслуживаетъ уваженія и признательности согражданъ.

Кто изъ русскихъ можетъ забыть кроткую Елисавету, вѣнценосную супругу Александра Благословеннаго? Кто изъ русскихъ можетъ воспоминать объ ней безъ умиленія и чувства душевной, искренней признательности? Эта добродѣтельная государыня, мать сиротъ и несчастныхъ, употребившая всѣ дни незабвенной жизни своей на утѣшеніе страждущихъ и находившая сладкую, единственную награду въ тихомъ, ангельскомъ сердцѣ своемъ, — была для Россіи, какъ нѣкій даръ всевышней благодати! — Между многими ея, истинно неземными добродѣтелями, всѣмъ была извѣстна Ея неизмѣнная привязанность къ великому Александру. — Слѣдующій, хотя малозначущій, случай доказываетъ, однакоже, сколь безысключительно сердце Ея было предано обожаемому супругу и сколь сильно дѣйствовало на Ея Императорское величество одно имя Его.

Государыня Елисавета Алексѣевна, въ 1818-мъ году, слѣдуя изъ Москвы въ С.-Петербургъ, остановилась на Выдропужской станціи для перемѣны лошадей. Незадолго передъ тѣмъ черезъ этотъ же ямъ проѣхалъ императоръ. Когда лошади уже были перемѣнены, и Ея Величество отправилась въ дальнѣйшій путь, выдропужскій ямщикъ Иванъ Красовскій, въ домѣ коего, прежде заведенія въ этомъ ямѣ гостиницы, всегда останавливалась Царская фамилія, подбѣжалъ къ каретѣ и нарѣчіемъ, свойственнымъ доброму русскому народу, началъ просить государыню удостоить его домъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ. «Матушка государыня, — сказалъ ямщикъ, — остановись пожалуй, да зайди на старую квартиру откушать чайку!» Ея величество, съ обыкновенною Ей ласкою, принявъ милостиво это усердное приглашеніе, не менѣе того отказывалась исполнить просьбу Красовскаго по той причинѣ, что дальній путь не оставлялъ ей лишняго времени. — Ямщикъ упорствовалъ, повторяя просьбу свою и, наконецъ, громко закричалъ: «Матушка! Да вѣдь отецъ нашъ, Александръ Павловичъ, приказалъ тебѣ зайти въ избу мою.» Услышавъ эти слова, Ея величество въ ту же минуту приказала остановиться, вышла изъ кареты и посѣтила обрадованнаго ямщика.

Вотъ черта покорности и любви къ супругу! — Пусть Господь упокоитъ душу кроткой Елисаветы и дастъ Ей мѣсто возлѣ ангела, который на небесахъ. [1])

Benjamin Constant сказалъ насчетъ Короля Прусскаго: «Il fait des innovations, et la dernière mesure qu'il prend, est toujours l'avant dernière!»

Управляющій 3-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи долженъ поставить себѣ за неизмѣнное правило: que chaque accusé doit être regardé comme innocent, jusqu'à ce que l'accusation portée contre lui soit demontrée par des preuves directes et suffisantes.

Say. Economie politique. — La meilleur manière de retenir les hommes et de les attirer, c'est d'être juste et bon envers eux, et d'assurer à tous la jouissance des droits qu'ils regardent comme les plus precieux: la libre disposition de leurs biens, la faculté d'aller, de venir, de rester, de parler, de lire et d'écrire avec une entière sûreté.

Послѣднее правило я признаю софизмомъ; — оно клонитъ къ свободѣ книгопечатанія, а совершенная свобода книгопечатанія есть бичъ человѣчества; — она, поддержанная другими причинами, свела съ ума всю западную Европу и привела къ ужасной мысли соціализма.

Fenelon. — L'homme le plus heureux est celui, qui croit l'être.

L'Hermite de la chaussée d'Antin. L'amour propre, helas! est le plus sot des amours.

L'envie et la haine se lévent plus matin que la justice et l'amitié.

Sénèque. O mes amis, il n'y a plus d'amis!

---

[1]) Далѣе слѣдуютъ выписки: «Изъ записокъ Наполеона», относительно которыхъ рукою Дубельта на поляхъ отмѣчено: «Эти мысли не Наполеона; онѣ слово въ слово напечатаны въ «L'art de la guerre» par Montholon. Подборъ ихъ представляетъ изъ себя замаскированную критику Польской кампаніи Дибича. Опускаемъ это мѣсто замѣтокъ Дубельта. *Ред.*

La Rochefoucault. Ce que les hommes ont nommé «amitié» — n'est qu'une societé, un ménagement réciproque d'intérèts, un échange de bons offices; ce n'est enfin qu'un commerce, où notre amour-propre se propose toujours quelque chose à gagner.

A la dernière révue je fais une rémarque un peu désagréable: ce que l'opinion qu'on énonce sur un régiment, n'est presque jamais que l'expression du centiment que l'on porte pour le chef.

Ou serait le mérite de servirà son pays, si l'on devait toujours compter sur la reconnaissance de la patrie?

Монтескьё. Нравы государя благопріятствуютъ свободѣ столько же, какъ и законы: подобно имъ, онъ можетъ дѣлать изъ людей скотовъ и изъ скотовъ людей. Если онъ любитъ людей свободныхъ, будетъ имѣть подданныхъ; если же Онъ любитъ людей подлыхъ, будетъ имѣть рабовъ. Желаетъ ли онъ научиться великому искусству царствованія? да приближитъ къ себѣ честь и добродѣтель; да призоветъ личное достоинство; да приклоняетъ къ себѣ сердца; да обходится со всѣми снисходительно. — Любовь послѣдняго изъ его подданныхъ должна ему быть пріятна, — они такіе же люди.— Народы требуютъ къ себѣ столь мало уваженія, что справедливость требуетъ ему оное оказывать (Sic).

Не должно принимать всего близко къ сердцу, — напротивъ, должно всегда быть какъ можно скромнѣе, равнодушнымъ на все, приказывать тихо, и ежели не исполнено, то повторить приказаніе безъ взысканія.

Слава Богу, что великая княгиня Анна Павловна, наконецъ, королева, — давно бы пора. Она уже около 30 лѣтъ замужемъ, а все была только наслѣдная принцесса. Умно сдѣлалъ старый король, [1]) что отдалъ свою полосу сыну, а самъ пошелъ въ захребетники. Право умно!

Государь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ обрученъ [2]). Виноватъ, эта партія мнѣ не нравится. Принцесса Дар-

---

[1]) Вильгельмъ I, первый король Нидерландовъ,—отказался отъ престола въ 1840 г.; ему наслѣдовалъ Вильгельмъ II, женой котораго была в. к. Анна Павловна.

[2]) Въ 1840 г. Нѣкоторую роль въ томъ, что выборъ наслѣдника остановился на Гес. Дармш. принцессѣ, сыгралъ секретарь нашего посольства при Франкфрутскомъ сеймѣ И. И. Маркеловъ. (См. его «Воспоминанія» въ «Рус. Старинѣ». апрѣль 1898 г.).

мштадская чрезвычайно молода, ей нѣтъ 16-ти лѣтъ. По портрету не очень хороша собою, а нашъ наслѣдникъ красавецъ. — Дворъ Гессенъ-Дармштадскій такой незначущій! Принцесса росла безъ матери, которая умерла, оставя ее ребенкомъ. Не знаю, что-то сердце сжимается при мысли, что такой молодецъ, какъ нашъ наслѣдникъ, дѣлаетъ партію не по сердцу и себѣ не по плечу [1]).

Все великое и прекрасное такъ свойственно нашему государю, что ужъ и не удивляетъ! Отеческое Его попеченіе о голодныхъ губерніяхъ доказываетъ не только доброту, но какую то рыцарскую добродѣтель. Про Александра Павловича говорили, что онъ былъ на тронѣ — человѣкъ; про Николая надо сказать, что это на тронѣ ангелъ, — сущій ангелъ. Сохрани только, Господи, его подольше, для благоденствія Россіи. — Не нравится мнѣ, что Онъ поѣхалъ за границу [2]); тамъ много этихъ негодныхъ поляковъ, а онъ такъ мало бережетъ себя! Я далъ графу Бенкендорфу пару заряженныхъ пистолетовъ и упросилъ положить ихъ тихонько въ коляску государя. Какъ жаль, что онъ не бережетъ себя. Мнѣ кажется, что, принимая такъ мало попеченія о своемъ здоровьѣ и жизни, онъ сокращаетъ жизнь свою, — да какую драгоцѣнную жизнь! Счастливы тѣ, которые такъ сблизка видятъ его дѣла. Сколько дѣлаетъ онъ добра Россіи! вездѣ заведенія въ пользу общую, — въ Одессѣ, даже для жидовъ, учредилъ училище. Въ Сѣнномъ, въ 1812 году, французы разорили церковь и съ тѣхъ поръ жители этого города оставались безъ службы. Они сѣтовали, тѣмъ болѣе что другихъ церквей по близости отъ нихъ не было. Кто же выстроилъ имъ новую церковь? Ихъ помѣщики? Нѣтъ! выстроилъ ее Николай Павловичъ на свой счетъ. — Въ Смоленскѣ всѣ разоренные французами дома исправлены. А на чей счетъ? Государь пожаловалъ большія суммы денегъ Смоленску. — Великъ Николай Павловичъ, чудо-государь, — какая конституція сравнится съ его благодѣяніями.

Многіе находятъ, что А. Н. Демидовъ сдѣлалъ глупость, женившись на дочери Герцога Монтфорскаго [3]); а я такъ радуюсь, что русскій рядовой баринъ взялъ въ супруги внучку и племянницу императора и Короля, родственницу и нашего Царскаго дома. Мнѣ кажется, что это дѣлаетъ честь Россіи, что ея простой дворянинъ можетъ искать союза съ заграничными владыками. Не пони-

---

[1]) Этотъ абзацъ тщательно зачеркнутъ, но его удалось разобрать. *Ред.*

[2]) Въ 1844 г.

[3]) Принцесса Матильда, дочь Жерома Бонапарта, бывшаго Вестфальскаго короля.

маю, отчего нашъ государь не согласился утвердить за Демидовымъ титулъ князя Флорентинскаго [1]). Я почти увѣренъ, что блистательная партія Демидова породила зависть въ нашей аристократіи и они увѣрили государя, что такой бракъ вреденъ нашему отечеству; тогда какъ, напротивъ, бракъ этотъ доказываетъ преимущество нашей націи, и что русской богатый, благовоспитанный дворянинъ равенъ западнымъ князьямъ. Принцесса Матильда, прекрасная собою, конечно, имѣла много жениховъ между нѣмецкими и итальянскими князьями, но предпочла дворянина изъ націи, которую называютъ варварами. Воля ваша, я радуюсь этому браку и, любя Демидова за его благотворительность, горжусь этимъ бракомъ, дѣлающимъ честь Россіи. Если бы всѣ разсуждали безпристрастно и не давали бы воли своей гордости, то радовались бы вмѣстѣ со мною; но русское начало такъ подавлено окружающимъ тронъ Германизмомъ, что и русскіе сдѣлались нѣмцами и голосъ ихъ ослабѣлъ для правды. Жаль, что государь, всегда такой молодецъ, въ этомъ случаѣ не выказалъ своего обычнаго величія.

Сегодня мы молились на колѣняхъ за наслѣдника и его невѣсту и за благополучіе ихъ союза. Если бъ онъ могъ видѣть, какъ усердны къ нему русскіе, онъ бы порадовался! При молитвѣ я не могъ удержаться отъ слезъ, — кажется, что и многіе другіе плакали. Воображаю, что должны чувствовать государь и государыня, видя своего первенца, своего любимца, наслѣдника такой обширной власти, славы, такого престола, вступающаго въ такой важный союзъ, отъ котораго должна зависѣть вся будущая и его и Россіи участь. Дай Богъ ему счастія.

Неужели великая княгиня Марія Николаевна не пріѣдетъ на эту свадьбу? На такую свадьбу?

При чтеніи церемоніала объ обрученіи великой княжны Ольги Николаевны [2]) я радовался. Эта свадьба по сердцу русскихъ. Дай Богъ, чтобы она была такъ счастлива, какъ того заслуживаетъ, и столько, сколько желаетъ ей того вся Россія. Не нарадуюсь, что женихъ ей пара, и что Богъ избавилъ ее отъ супружества съ Австрійскимъ эрцгерцогомъ Стефаномъ. Въ Австріи она была бы такъ же несчастлива, какъ была покойная Александра Павловна, тѣмъ болѣе, что этотъ эрцгерцогъ Стефанъ сынъ того же Палатина Венгерскаго, который уморилъ съ горя покойную Александру Павловну, такую же красавицу, какова наша Ольга Николаевна. Ужъ точно Богъ ее помиловалъ отъ этого брака. Въ Австріи несмѣтное семейство; Эрцгерцогъ Стефанъ изъ младшихъ, потому что онъ только

---

[1]) Вѣрнѣе—титулъ князя Санъ-Донато.

[2]) Впослѣдствіи королева Виртемберская.

двоюродный братъ императора. — Ее, бѣдненькую, заклевали бы тамъ всѣ тетушки, дядюшки, сестрицы и братцы! Ея красота не тронула бы ихъ; они завидовали бы ей, старались бы затмить ее и для того загоняли бы ее различнымъ образомъ, какъ дѣлали съ великою Княгинею Александрою Павловной. — Вѣдь они нѣмцы! — Даже теперь страшно, когда подумаешь, что Ольга Николаевна могла попасть туда. Слава Богу, что Онъ избавилъ ее отъ этой напасти и послалъ ей жениха, болѣе ее достойнаго, — хотя, конечно, нѣтъ на свѣтѣ такихъ принцевъ, которые были бы совершенно ея достойны.

Замѣтили ли, какъ наши царевны Александры недолговѣчны? — Изъ потомства императора Павла Петровича умерло восемь великихъ княгинь и княженъ, — изъ этого числа четыре Александры: Александра Павловна, Александра Михайловна, Александра Максимиліановна и теперь Александра Николаевна [1]). — Если сказать, что это потому, что много было царевенъ этого имени, такъ еще болѣе имени Маріи, а Маріи, славу Богу, живы. Смотрите: у государя сестра Марія жива, сестра Александра умерла; у него же дочь Марія здравствуетъ, а дочь Александра скончалась. У великаго князя Михаила Павловича дочь Марія жива, Александра умерла. У великой княгини Маріи Николаевны дочь Марія жива, дочь Александра умерла. Конечно не отъ имени онѣ умерли, но какъ-то странно!

Когда же возвратится наша цесаревна? Ужъ и она не хвораетъ ли? Мнѣ кажется, вся бѣда отъ того, что наши принцессы великія княжны рано замужъ выходятъ. Марія Александровна вѣнчалась 16-ти лѣтъ; Александра Николаевна 18-ти. Сами дѣти, а тутъ у нихъ дѣти; — какому же тутъ быть здоровью! — Крестьянки выходятъ замужъ 16—17 лѣтъ, такъ какая разница въ ихъ физическомъ сложеніи! Крестьянки не носятъ шнуровокъ, ѣдятъ до-сыта, ѣдятъ много, спятъ еще больше, не истощены ни ученіемъ, ни принужденіемъ. Въ нихъ развивается одна физическая сила и потому развивается вполнѣ, какъ въ животныхъ; но и тутъ, ко-

---

[1]) Она была замужемъ за наслѣднымъ принцемъ Гессенъ-Кальельскимъ. Умерла въ 1844 г. въ Царскомъ Селѣ. Разъ, во время болѣзни вел. княгини имп. Николай сказалъ лейбъ-медику Рауху: чтобы она была жива! ты мнѣ отвѣчаешь за нее.—Нѣтъ, В. В., она умретъ, никакая медицина не можетъ спасти ее. Когда вел. кн. дѣйствительно умерла, Раухъ былъ лишенъ придворнаго званія. Въ свое время Раухъ, какъ докторъ, пользовался въ Петербургѣ большой извѣстностью; онъ былъ еще живъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Разсказъ объ увольненіи Рауха отъ двора я слышалъ отъ его внучки Ев. Карл. (урожденной Задлеръ), жены Н. Л. Тиблеръ.

торая дѣвка рано вышла замужъ и много имѣла дѣтей, въ 30 лѣтъ уже старуха. — Въ большомъ свѣтѣ гонятся за тонкою таліей, за эфирностію и прозрачностію тѣла; а эти корсеты влекутъ за собою слабость и разстройство здоровья.

Рескриптъ государя на имя генералъ-губернатора, по случаю похоронъ великой Княгини Александры Николаевны, безъ слезъ нельзя читать. Дай Богъ ему здоровья, что онъ любитъ свою Россію. Видно любитъ, что изъявленіе ея привязанности и скорби можетъ служить ему утѣшеніемъ въ такую горькую минуту. — Боже мой! если бы наши цари знали, какъ мы ихъ любимъ, какъ чувствуемъ ихъ попеченія. Конечно, теперешнее горе царскаго семейства есть общее горе, и надо бы наложить трауръ не только на придворныхъ, но на всю Россію, и не на три, а надо бы горевать шесть мѣсяцевъ, и безъ цвѣтныхъ лентъ.

Болѣе всѣхъ жаль государыню; она сама такая слабая, — не теряла дѣтей маленькихъ, каково же ей теперь потерять дочь взрослую, замужнюю, красавицу! — Между тѣмъ должно быть, что чахотка—семейная болѣзнь, потому что мать государыни также умерла очень молода и этою же болѣзнію; да и государыня сама насилу избѣжала той же участи. Страшно и за Ольгу Николаевну; она такая эфирная и если будетъ имѣть дѣтей, Боже сохрани, чтобъ и съ нею того же не было. Не понимаю, отчего обвиняютъ мужа Александры Николаевны въ ея болѣзни! Чѣмъ же онъ виноватъ, что ей досталась наслѣдственная чахотка?

Жаль мнѣ великой Княжны Маріи Михайловны. Каково это! изъ пяти дочерей у Елены Павловны остается одна Екатерина Михайловна. Бѣдная мать! — Теперь великій Князь Михаилъ Павловичъ будетъ еще сердитѣе прежняго, потому что у него нравъ такого рода, который не смягчается, а раздражается отъ огорченія. Наша бѣдная военная молодежь дорого заплатитъ за болѣзнь Маріи Михайловны, и, къ несчастію, за ея кончину.

Какъ жаль, что умираютъ такіе ангелы, какъ эти три великія Княжны: Александра Николаевна, Елисавета и Марія Михайловны. Кому бы и жить, какъ не имъ? Молоды, прекрасны, всѣми обожаемы, ни въ чемъ не нуждались. Иному ѣсть нечего; у другого все сердце изныло отъ печали, — тотъ живъ!

Воображаю, какъ доволенъ государь, что у него вдругъ два внука, особенно, что у наслѣдника сынъ [1]). Это видно по числу

---

[1]) Николай Александровичъ.

производствъ при рожденіи и крестинахъ. — Дай Богъ, чтобы новорожденный росъ, былъ здоровъ и веселилъ сердце дѣда, родителей и всѣ русскія сердца, не только здоровьемъ, но еще болѣе достоинствами, свойственными будущему повелителю шестой части свѣта. Дай Богъ! — Всѣ русскіе помолятся объ этомъ. — А я думаю, какъ вся западная Европа бѣсится за это! Имъ бы хотѣлось, чтобы у насъ и дѣти не родились.

Какъ хорошо быть русскимъ; какъ хорошо вездѣ за границей принимаютъ русскихъ! Дай Богъ здоровья и всякаго счастія нашимъ царямъ, что они такъ прославили имя русское на землѣ, и дай Богъ здоровья нашему государю Николаю Павловичу, что онъ, при послѣднемъ трактатѣ съ Турціею [1]), такъ занялся обезпеченіемъ для русскихъ переѣзда въ Іерусалимъ и пребыванія ихъ тамъ на богомольѣ. Бывало, съѣздить въ Іерусалимъ, поклониться святымъ мѣстамъ, было труднѣе, чѣмъ побывать на томъ свѣтѣ; а теперь эта поѣздка сдѣлалась прогулкою по милости государя, который позаботился о томъ, чтобы сдѣлать это путешествіе доступнымъ каждому изъ его подданныхъ. Посмотрите, какими попеченіями окруженъ русскій въ такомъ отдаленіи отъ отечества, въ Азіи, между иновѣрцами! — Всѣмъ этимъ мы обязаны государю; какъ не благодарить его за себя и за дѣтей нашихъ! Сердце радуется, что имя нашего отечества такъ звучно въ такомъ отдаленіи. А кому мы этимъ обязаны, какъ не царямъ нашимъ, особенно нынѣшнему государю Николаю Павловичу, который войною съ Персіею и войною съ Турціей, и выгоднымъ міромъ, и условіемъ о доставленіи русскимъ всѣхъ удобствъ при посѣщеніи Іерусалима, еще болѣе прежняго прославилъ Россію на востокѣ.

Если судить по прошедшему о будущемъ, то многіе вѣка пройдутъ какъ тѣни, унося съ собою милліоны людей и память о нихъ. Отъ времени и обстоятельствъ не только веси, грады и твердыни исчезаютъ съ лица земли, но и царства отжившія падутъ, какъ древа согнившія въ корнѣ. Между тѣмъ не угаснетъ звѣзда Россіи, вѣнчающая славныя, мудрыя дѣла императора Николая Павловича въ теченіе его 25-лѣтняго царствованія.

При всей строгой наружности императора Николая Павловича, онъ человѣкъ самаго мягкаго, добраго сердца; чувства его всегда возвышенны, благородны; — онъ настоящій рыцарь sans peur et

---

[1]) Адріанопольскій трактатъ 1829 г.

sans réproche. — Послѣднему изъ министровъ труднѣе говорить правду, нежели ему. — При личныхъ докладахъ онъ выслушиваетъ ее съ величайшимъ вниманіемъ; позволяетъ даже спорить съ собою и свободно выражать свой образъ мыслей и взглядъ на дѣла и вещи. Въ такомъ самостоятельномъ, непреклонномъ характерѣ, это черта высокая и мы рѣдко, почти никогда не встрѣчаемъ ее даже въ мелкихъ властелинахъ.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ приказалъ мнѣ посадить въ крѣпость одного еврея, виновность котораго еще не была совершенно доказана. Я осмѣлился возразить и сказалъ: «дайте время, государь, — разсмотримъ дѣло подробно и ежели онъ точно виноватъ, то не уйдетъ отъ насъ, — если же онъ окажется невиннымъ, то чѣмъ искупите вы его невинное заключеніе?» — Правда, что онъ взглянулъ на меня такъ строго, что признаюсь, хоть сквозь землю провалиться, и я подумалъ: ну, быть бѣдѣ! Но, помолчавъ нѣсколько, онъ только сказалъ: «нѣтъ, посади его въ крѣпость!» Приказаніе я исполнилъ, а черезъ 4 мѣсяца обнаружилась совершенная невинность несчастнаго еврея.

«Ты былъ правъ, — сказалъ мнѣ государь, — теперь скажи, чѣмъ могу я вознаградить его невинное заключеніе?» — Деньгами, отвѣчалъ я, — этотъ народъ готовъ за сто рублей просидѣть и годъ въ крѣпости. Его Величество приказалъ выдать жиду 4 т. рублей.

Много ли такихъ людей, готовыхъ такъ честно сознать свою ошибку?

Отъ излишняго усердія, перенесъ я сегодня большое огорченіе. Англійскій флотъ началъ заводить винтовые корабли. Мнѣ пришло въ голову, что ежели ихъ флотъ будетъ двигаться парами, а нашъ останется подъ парусами, то при первой войнѣ нашъ флотъ тю-тю! Игрушки подъ Кронштадтомъ и пальба изъ пищалей не помогутъ. Похваливаютъ это наши злодѣи, иностранцы, чтобъ усыпить насъ, чтобъ закрыть намъ глаза, а въ душѣ смѣются. — Эту мысль я откровенно передалъ моему начальнику[1]) и сказалъ мое мнѣніе, что здравый смыслъ требуетъ, ежели иностранныя державы превращаютъ свою морскую силу въ паровую, то и намъ должно дѣлать то же и стараться, чтобы нашъ флотъ былъ также подвиженъ, какъ и ихъ.

На это мнѣ сказали: «ты, съ своимъ здравымъ смысломъ, настоящій дуракъ!»

Вотъ тебѣ и на!

Несмотря на то, что нѣсколько времени тому назадъ меня назвали дуракомъ, я опять попался въ ту же бѣду! — Къ намъ

---

[1]) Гр. А. Ѳ. Орлову.

пріѣзжалъ Мёнье и другіе иностранцы съ предложеніемъ придать вящшую силу нашему оружію. Комитетъ отвергнулъ ихъ предложеніе, потому что они дорого просили за открытіе ихъ тайны.— «Помилуйте,—сказалъ я, — наши комитеты жалѣютъ денегъ, а не подумаютъ о томъ, что эти механики передадутъ свои тайны другимъ Европейскимъ державамъ, и тогда, при первой войнѣ, онѣ разгромятъ насъ своими новыми, намъ неизвѣстными, разрушительными средствами.

Тутъ проглотилъ я ту же пилюлю, которую проглотилъ при сужденіи о флотѣ.

Въ Петергофѣ, во время доклада, государь Николай Павловичъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «Ты знаешь, что Клейнмихель споритъ со мною о желѣзныхъ дорогахъ, — боюсь, чтобы онъ опять не завелъ со мною тяжбы, какъ было по дѣлу Лярскаго!» — Не можетъ быть, Ваше Величество, — отвѣчалъ я, — графъ Клейнмихель слишкомъ вамъ преданъ и слишкомъ любитъ васъ, чтобы снова васъ огорчить. На это государь возразилъ: «Я не люблю, чтобы меня такъ любили, какъ любитъ онъ!»

Не знаю, замѣчаютъ ли, что съ тѣхъ поръ, какъ Англичане подружились съ французами [1]), то сдѣлались такими же бѣшеными, какъ и они. Въ газетахъ тьма этому примѣровъ.

Слава Богу, что государь выздоровѣлъ; но какъ огорчаетъ всѣхъ, что и государыня нездорова. Она такая слабая, много ли ей надо! Дай Богъ, чтобы и она скорѣе поправилась.

Государь далъ Франціи денегъ взаймы [2]). Поступокъ его, конечно, великолѣпный, но боюсь, что немногіе оцѣнятъ его. Иные скажутъ, что это изъ хвастовства; другіе, что онъ хочетъ подкупить французское народное мнѣніе; третьи станутъ жаловаться, зачѣмъ столько денегъ уходитъ за границу, когда сама Россія нуждается во многомъ. Мало кто пойметъ и оцѣнитъ истинное побужденіе высокой души государя, — желаніе отплатить добромъ лютѣйшимъ врагамъ своимъ. Впрочемъ—нечего смотрѣть на дураковъ и на неблагонамѣренныхъ людей. Угодить всѣмъ нельзя, такъ лучше же дѣйствовать по внушенію сердца, когда внушеніе это такъ бла-

---

[1]) Это замѣчаніе относится еще ко временамъ Людовика Филиппа.

[2]) Въ 1847 г. во Франціи былъ сильный кризисъ вслѣдствіе неурожая; для облегченія закупокъ хлѣба въ Россіи нашимъ правительствомъ было пріобрѣтено отъ франц. банка на 50 м. фр. французской ренты.

городно. — Всѣ честные люди довольны его поступкомъ и гордятся тѣмъ, что дѣлаетъ честь отечеству. Для нихъ государь представляетъ отечество, точно такъ же, какъ бывало это въ старину для русскихъ. Теперь толкуютъ иначе и отъ того сердце болитъ. Россія была доселѣ сильна и велика; того и смотри, что распадется на части отъ нынѣшнихъ узорчатыхъ мнѣній.—Прежде, бывало, толковали такъ: «Какъ я буду исполнять свои обязанности, права мои придутъ сами собою!» Теперь же говорятъ вотъ какъ: «Давай мнѣ права, а объ обязанностяхъ я знать не хочу!»

Мнѣ кажется, что казенное воспитаніе много портитъ молодежь нашу, не только въ отношеніи нравственности, въ поведеніи, но также и насчетъ мнѣній противъ государя. Когда родители сами воспитываютъ дѣтей, они стараются внушать имъ чувства и правила порядочныя. Въ корпусахъ же свирѣпствуетъ такой духъ непокорности, такое отчужденіе отъ всего прекраснаго, такой страшный эгоизмъ, что и самый лучшій юноша заражается этими недугами; потомъ вноситъ ихъ въ общество и распространяетъ ихъ тамъ; а какъ общество наполнено воспитанниками корпусовъ, такъ и мудрено ли, что эта зараза каждый день дѣлается сильнѣе! Корпуса стоятъ казнѣ очень дорого, а корпуса губятъ Россію, истребляя всѣ хорошія чувства въ молодыхъ людяхъ и замѣняя добрыя родительскія правила какимъ то неукротимымъ буйствомъ, которое ни въ чемъ не знаетъ мѣры. Правительство, конечно, желаетъ счастія тѣмъ, кого воспитываетъ; но ему неизвѣстно, какой ужасный духъ господствуетъ въ корпусахъ. — Я самъ воспитывался въ корпусѣ и, бывало, чортъ знаетъ что дѣлали кадеты! а теперь еще хуже. — Воспитаніе дѣтей поручено великому Князю Михаилу Павловичу! Да развѣ онъ можетъ быть хорошимъ воспитателемъ юношества? да развѣ онъ имѣетъ понятіе объ истинномъ воспитаніи? Человѣкъ онъ честный, но сердитый, который думаетъ только о томъ, чтобы у мальчика всѣ пуговицы были застегнуты, чтобъ фронтъ хорошо равнялся и чтобы дѣти проворно метали ружьемъ. Игрушки! — Да развѣ въ этомъ состоитъ истинное нравственное воспитаніе? — Воля ваша, а этотъ человѣкъ бѣда Россіи. Своимъ фронтомъ онъ сбилъ съ толку и государя. — Генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-инспекторъ по инженерной части, онъ не думаетъ ни объ укрѣпленіи границъ государства, ни объ улучшеніи оружія; отказываетъ пріѣзжающимъ къ намъ иностранцамъ съ предложеніемъ новой системы ружей и оставляетъ армію, вмѣсто ружья, съ палками! Онъ разъ даже выразился, что война портитъ солдата и по его разумѣнію достоинство войска состоитъ только въ блистательныхъ парадахъ. Въ этой слѣпотѣ онъ умѣлъ внушить доброму государю, что мы-де забросаемъ всѣхъ шапками! Нѣтъ, шапками не забросаешь непріятельской арміи; десятка два хорошихъ штыковъ размечутъ тысячи шапокъ. — Разъ, при мнѣ,

онъ, разсердясь въ Красномъ Селѣ, что какой то солдатъ выставилъ немного впередъ лѣвое плечо, такъ раскричался, что пѣна показалась у рта, и, въ гнѣвѣ, поднявъ кулакъ, онъ не проговорилъ, а прокричалъ гвардейскимъ генераламъ: вами надо командовать вотъ какъ: въ одной рукѣ держать пукъ ассигнацій, а въ другой палку! — Отъ этихъ обидныхъ словъ я видѣлъ слезы на глазахъ многихъ почтенныхъ генераловъ. Такой человѣкъ можетъ ли имѣть понятіе о воспитаніи юношества? — Кажется, что вся цѣль его жизни состоитъ только въ насмѣшкахъ надъ честными русскими, въ каламбурахъ и въ наказаніи молодыхъ офицеровъ, не за преступленіе, не за безнравственность, а за какой-нибудь криво надѣтый киверъ!

Пуще холеры [1]) огорчаетъ Россію рекрутскій наборъ, и такой большой, что ужасъ беретъ. Едва къ марту кончили поставку рекрутъ, теперь, къ 1-му ноября, опять подавай по 10 человѣкъ съ тысячи! — Два набора въ одномъ году! Да этого никогда не бывало. Помѣщики и народъ ропщутъ и мнѣ кажется, еслибъ доложили государю, какъ это истощаетъ народныя силы, онъ пощадилъ бы своихъ подданныхъ, которые, конечно, ему дороги; но онъ такъ высоко стоитъ, что самъ не увидитъ страданій народа.

Эти частые и безполезные наборы начинаютъ производить ропотъ; никто не видитъ непріятеля, а теряемъ людей, какъ будто Наполеонъ опять на границахъ Россіи. Подданные должны любить своего государя, этимъ держится государство, и русское сердце всегда расположено къ горячей любви къ царю; но когда человѣкъ ропщетъ, ужъ онъ не любитъ; — а это жаль и для Царя, и для подданныхъ.

Еще подумаешь, что такой повсемѣстный вопль доходитъ до царя Небеснаго. Подумаешь, что бѣдствія-то на Россію накликаютъ жалобы и плачъ отчаянныхъ матерей, женъ и отцовъ, у которыхъ отнимаютъ ихъ драгоцѣннѣйшее сокровище для того, чтобы сдѣлать ихъ совершенно несчастными. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть несчастнѣе солдата, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, ни семейства, ни жены, ни дѣтей, ни свободы дышать, или двигаться иначе, какъ по воинскому уставу. А что дѣлается съ его родителями, съ женою, съ дѣтьми! Иногда мать умираетъ съ горя, отецъ дряхлѣетъ отъ грусти; жена дѣлается публичною бабою; дѣти, въ сиротствѣ, становятся негодяями, все семейство лишается пропитанія, потому что онъ одинъ кормилъ ихъ. Наши же русскіе мужички очень долго горюютъ по рекрутѣ. Имъ смерть не такъ тягостна, какъ рекрутство. Положилъ въ могилу сына, поплакалъ, сказалъ: «будь его святая воля! — мой сынъ-де въ вѣрномъ мѣстѣ;

---

[1]) 1848 г.

у Господа хорошо, не то, что здѣсь—и хлѣбъ не родится! и трудно жить. У Господа на небесахъ все готово!» — и утѣшился. Но о рекрутѣ онъ плачетъ долго, потому что знаетъ, какъ его сыну жизнь тягостна. При томъ не видитъ тутъ перста Божія, а видитъ только волю человѣческую. Не опомнилось еще одно, другое семейство отъ сдачи кормильца своего въ рекруты, какъ уже летитъ та же бѣда на третье и десятое. Всѣ головы кружатся и у крестьянъ, и у начальниковъ. Помѣщики уже не знаютъ, кого выбирать, чтобы и крестьянъ поберечь и волю правительства выполнить. Впрочемъ, сердце царево въ рукѣ Божіей! — Далъ бы Господь, чтобы батюшка нашъ великій государь оглянулся на насъ и пощадилъ бы дѣтей своихъ. Если бы нашъ добрый государь зналъ, какое это горе для всѣхъ, еслибъ онъ видѣлъ эти обмороки, эти слезы, еслибъ слышалъ эти вопли отчаянныхъ женъ и матерей, Его сердце тронулось бы, и Онъ, въ своемъ отеческомъ милосердіи, придумалъ бы какой-нибудь другой способъ пополнять войско. Кромѣ того горестнаго времени, въ которое продолжается эта нравственная пытка, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, еще и послѣ какъ долго, сколько лѣтъ всѣ эти семейства не могутъ утѣшиться. У нихъ отнимаютъ всегда самаго лучшаго, самаго здороваго, того, который въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ и который былъ кормильцемъ всей семьи. — Не понимаю, отчего помѣщикамъ не позволяютъ нанимать рекрутовъ со стороны, какъ то дѣлается въ вольныхъ деревняхъ! Вольные крестьяне имѣютъ право нанимать за себя охотниковъ; отчего же это самое не позволено помѣщикамъ? Кто идетъ охотой, тотъ не въ отчаяніи. Чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ, тѣмъ чувства его глубже и сильнѣе. Отъ частаго прикосновенія къ обществу и столкновенія съ его пороками чувствительность въ человѣкѣ исчезаетъ; но деревенскіе жители, особенно крестьяне, сохраняютъ свою природную чувствительность во всей силѣ. Наши паны этому не повѣрятъ, они даже не вѣрятъ, что у крестьянъ есть чувство, а оно такъ, — эта чувствительность такъ глубока въ нихъ, что горестнаго впечатлѣнія ни самое время истребить не можетъ; и отъ того, у кого сданъ былъ рекрутъ 20 лѣтъ тому назадъ, то семейство все еще тужитъ, все еще не можетъ придти въ порядокъ. Упадокъ духа производитъ въ нихъ разстройство въ ихъ жизни. Они бѣднѣютъ отъ печали, потому что грустятъ непомѣрно и ничто не въ силахъ ихъ утѣшить. У нихъ отъ огорченія все валится изъ рукъ; отъ тяжкаго удара они грустятъ всю жизнь; тяжелѣе же рекрутства для нихъ нѣтъ въ мірѣ ничего. Сдача рекрута разстраиваетъ семейство навсегда. Отецъ и мать сданнаго рекрута, если люди не старые, вдругъ хилѣютъ и такъ изнемогаютъ отъ слезъ и грусти, что часто дѣлаются ни къ чему неспособными; меньшія дѣти ужъ имъ не милы, они почти не занимаются ими, потому что не могутъ забыть, что у нихъ отняли

самаго лучшаго ихъ сына, того, надъ кѣмъ дышала ихъ нѣжность, того, котораго они готовили быть опорою ихъ старости. Разумѣется, когда главы семейства убиты горемъ, все въ домѣ идетъ на выворотъ; семья бѣднѣетъ, разстройство всего хозяйства наводитъ на нихъ еще болѣе унынія, и нѣтъ средства помочь имъ, потому что нѣтъ возможности вынуть изъ сердца ихъ той занозы, которая глубоко вросла въ немъ.

Всѣ эти несчастія можно бы предупредить, еслибъ позволено было нанимать охотниковъ. Есть люди одинокіе, удалые, праздношатающіеся, которымъ негдѣ пріютиться; они за нѣсколько сотъ рублей съ радостію наймутся въ рекруты, потому что имъ оставлять некого и нечего. Есть множество гулевой молодежи, которая ищетъ только покутить и которой вездѣ море по колѣно. То не лучше ли итти въ солдаты такому молодцу, чѣмъ погибать цѣлому семейству? и не лучше ли оставить жить мирную семью въ полномъ составѣ своемъ, а принимать въ военную службу такихъ людей, которымъ некуда головы приклонить и которые сами рады развязаться съ своимъ безполезнымъ образомъ жизни?

Читая французскія газеты, и видя, что французы не ищутъ войны ни съ кѣмъ [1]), я не понимаю, зачѣмъ мы станемъ воевать съ этими сумасбродами? Они объявляютъ, что никого не тронутъ, лишь бы ихъ не трогали; то будетъ ли разсудительно итти на нихъ, такъ, ни съ чего, отъ того только, что намъ не нравится ихъ республика? Мнѣ кажется, лучше принять мѣры, чтобы у насъ не было охоты подражать имъ; война же непремѣнно надѣлаетъ много недовольныхъ, и, по милости Михаила Павловича, какое у насъ оружіе въ сравненіи съ иностранными державами, чтобъ воевать съ кѣмъ-нибудь!—Пойдутъ налоги, рекруты, вотъ и поводъ къ неудовольствію. Военные, конечно, рады будутъ походу, это ихъ сѣнокосъ; но остальное народонаселеніе пострадаетъ отъ этой войны, и тѣмъ менѣе будутъ ее оправдывать, что не поймутъ цѣли ея. Наши финансы не въ блестящемъ положеніи, а чтобы поддерживать войну противъ цѣлой Европы, надо много денегъ. Гдѣ же взять ихъ? Разумѣется, надо будетъ усилить налоги, противъ которыхъ и теперь идетъ ропотъ. Война требуетъ людей, надо новые рекрутскіе наборы, а ужъ и теперь отъ нихъ всѣ въ отчаяніи. Вся Европа станетъ за Францію, то гдѣ же намъ справиться съ цѣлой Европой, когда и съ Кавказомъ не справимся, хотя Кавказъ намъ домашнее дѣло и эта война идетъ у насъ въ карманѣ, подъ рукою, а и тутъ, сколько бьемся, а конца не добьемся!—Какое намъ дѣло, что французы

---

[1]) Это относится къ дипломатическому циркуляру Ламартина (м. ин. дѣлъ времен. правительства) отъ 2 марта 1848 г.

безумствуютъ; провались они сквозь землю, лишь бы мы были умны; они пусть себѣ хоть искусаютъ другъ друга,—туда имъ дорога.— Стереть Францію съ земли мы одни не можемъ, а намъ противъ нихъ никто помогать не будетъ, потому что всѣ эти нѣмцы заражены такими же мыслями.

Конечно, это не мое дѣло, но мнѣ кажется, что благоразумнѣе было бы оставить ихъ блажить, сколько имъ угодно; тогда примѣръ ихъ несчастій скорѣе подѣйствуетъ на наши горячія головы, на нашихъ передовыхъ людей, какъ они себя называютъ, нежели война. Хоть бы мы и покорили ихъ, то невозможно покорить ихъ совершенно. Поляки еще и не такъ своевольны и развратны, а и то, сколько бѣдъ съ ними,—да и они подъ рукою у насъ, да и не мы одни ихъ держимъ въ рукахъ,—а съ французами самъ Наполеонъ едва могъ справиться, да и то какъ,—не давая имъ ни минуты опомниться.

Положимъ, что мы одолѣемъ ихъ, но кто передѣлаетъ ихъ мнѣнія, накопившіяся вѣками? Когда и у себя, въ Россіи, мы не въ силахъ уничтожить свободомыслія, то какъ же мы урезонимъ или усовѣстимъ, или укротимъ французовъ? Не будетъ ли это немножко похоже на то, что пойдемъ чинить домъ сосѣда, а не видимъ, что собственная наша изба валится!—Притомъ, если мы и одолѣемъ этихъ сумасбродовъ, развѣ уймемъ ихъ надолго? развѣ уймемъ крикуновъ Европы и своихъ собственныхъ? Тутъ-то и скажутъ: Смотрите, что дѣлаетъ Россія! да это хуже Наполеона! Какое ей дѣло, гдѣ какая форма правленія! Вотъ деспотизмъ! Бѣдные французы, они было такъ разсудительно хотѣли управлять сами собою,—какъ же, peuple Roi!—управлять сами собою и своею невинною республикою, а тутъ этакое тиранство, не даютъ имъ и управлять по своему! Да русскій царь настоящій Неронъ, Діоклетіанъ, Калигула, да онъ даже настоящій Клейнмихель, онъ хочетъ всемірной имперіи! Европа должна думать о своей независимости! и пр. и пр.— А русскіе скажутъ: сидѣлъ бы нашъ батюшка-царь у себя дома, да глядѣлъ бы за порядками своей земли; а что ему до бусурманъ до французовъ? оно выходитъ для насъ, только рекрутовъ, да денежекъ подавай!

Когда же оставить имъ свободу блажить и дурачиться, сколько душѣ ихъ угодно, тогда ихъ собственная дурь доведетъ ихъ до крайности; и тогда наши умники и крикуны увидятъ, что такое французы и ихъ премудрость, и что такое республиканское правленіе.— Умничанье вообще ослѣпляетъ людей; ихъ можно убѣдить только на дѣлѣ, допустивъ всѣ бѣдствія безначалія, разумѣется, не у насъ, а у этихъ негодныхъ французовъ. Увидѣли бы, что у нихъ дѣлается и скорѣе поняли бы всю гнусность ихъ поступковъ. А теперь, все будутъ твердить: имъ вѣдь помѣшали, а то было бы хорошо! —Впрочемъ, я позволю отрубить себѣ голову, ежели эта взба-

ламученная республика продолжится долго, и если господинъ президентъ не приметъ ихъ въ руки и не сдѣлается императоромъ,— да какимъ императоромъ? что твой Наполеонъ I-й!

Вѣдь какъ-то невольно сравниваешь нашъ добрый русскій народъ съ ближними европейцами, и не можешь не отдать справедливости смиренію и покорности нашихъ славныхъ мужичковъ. Какъ подумаешь, что теперь дѣлается вездѣ; какая путаница во всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствахъ, то не можешь нарадоваться, какъ взглянешь кругомъ себя. Миръ, тишина, трудолюбіе, подчиненность! а сколько благодарности въ этихъ добрыхъ сердцахъ за малѣйшее къ нимъ вниманіе! И все это отъ того, что нашъ народъ не избалованъ вымышленною свободою и ни съ чѣмъ несообразными правами человѣка! правами, основанными на уничтоженіи ближняго. Но что странно, что въ народѣ извѣстны французскія дѣла, и всѣ толкуютъ о томъ, что французскій король бѣжалъ. Но пріятно слышать, какъ они толкуютъ,—они говорятъ: «вишь, что французы затѣяли, всѣ хотятъ быть большими! да какой же въ избѣ будетъ толкъ, гдѣ всѣ будутъ большіе? Вѣдь въ небѣ Богъ одинъ, на небѣ солнце одно, и въ семьѣ отецъ одинъ, такъ какъ же быть царямъ многимъ?» Утѣшительна такая привязанность къ единовластію, потому что доказываетъ глубокую увѣренность русскаго народа, что верховный правитель долженъ быть одинъ, а не многіе.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что наша нравственная Россія-матушка слишкомъ благоразумна, чтобы послѣдовать примѣру европейскихъ понятій. У насъ нравы такъ патріархальны, толку въ простомъ народѣ такъ много, и много оттого, что у насъ всякій занятъ дѣломъ, а не бьетъ баклуши, какъ французы. Замѣтьте: кто говоритъ вздоръ, кто несетъ и дѣлаетъ чепуху? тѣ, которые истиннымъ дѣломъ не умѣютъ заняться;—а чтобы русскій народъ умѣлъ быть дѣльнымъ, не надо у него изъ рукъ дѣла отымать.

Отчего блажатъ французы и прочіе западные народы? Отчего блажатъ и кто блажитъ? Не чернь ли, которая вся состоитъ изъ работниковъ? а почему она блажитъ? не оттого ли, что имъ ѣсть хочется и ѣсть нечего? Оттого, что у нихъ земли нѣтъ,—вотъ и вся исторія. Отними и у насъ крестьянъ и дай имъ свободу, и у насъ черезъ нѣсколько лѣтъ то же будетъ. Теперь русскому мужичку, если его никто не подстрекаетъ, бунтовать некогда и незачѣмъ. У него своя полоса, оттого есть забота и постоянная надежда, что онъ не умретъ съ голоду. У него свой теплый уголъ, своя семья, своя корова, лошадки, овцы, свой огородъ, свое хозяйство, и если онъ не дуракъ, а между русскими совершенныхъ дураковъ не много, то онъ можетъ блаженствовать въ своемъ быту, даже хоть онъ и помѣщичій. Ему и блажь въ голову нейдетъ, потому что блажить некогда. Лѣтомъ обрабатываетъ онъ землю, зимою на сторонѣ добываетъ копейку и куда бы ни пошелъ, вездѣ спокоенъ, потому

что у него есть уголъ и семья, и всѣ его чувства и мысли стремятся подъ родной кровъ, гдѣ живетъ все, что ему мило и дорого, гдѣ его всегда примутъ съ радостію и любовію.—Дай ему свободу, онъ сначала и обрадуется, но потомъ, что выйдетъ: или помѣщикъ его прогонитъ или онъ самъ, потерявъ голову отъ магическаго слова «Свобода», захочетъ попытаться счастія въ другомъ мѣстѣ; пойдетъ шататься по городамъ, гдѣ потеряетъ свою святую, деревенскую нравственность,—и погибнетъ, и сдѣлается то же, что французъ. Человѣкъ рѣдко предвидитъ свое будущее;—вотъ свободный народъ и дойдетъ до того, что, искавши лучшаго, останется безъ кола и двора, какъ иностранный работникъ. Что же выйдетъ изъ этого? Всѣ нахлынутъ въ города да на фабрики; сперва, можетъ-быть, отъ этого фабрикамъ и будетъ выгодно, но земли будетъ обрабатывать некому,—а какъ большая ея часть пролежитъ въ пустѣ, тогда, разумѣется, и на фабрикахъ будетъ ѣсть нечего. Между тѣмъ работникъ, который оставилъ свой крестьянскій бытъ, не въ состояніи жениться и содержать жену и дѣтей; оттого онъ живетъ холостымъ и живетъ беззаконно, отчего исчезаетъ нравственность во всей массѣ народа. Отъ безнравственности до безбожія одинъ только шагъ. Тутъ дѣлается всему голова собственный эгоизмъ; хочу ѣсть становится первымъ закономъ; а чтобы можно было поѣсть, хоть весь міръ долой! Таковы постепенныя причины французскихъ и европейскихъ безпорядковъ, и если Россія цѣла, такъ именно потому, что она не свободна.

Если бы можно сначала образовать народъ, привить къ нему чувство чести и строгихъ обязанностей, и сдѣлать,не скажу изъ звѣря, но изъ получеловѣка сдѣлать человѣка, а потомъ дать ему свободу, это было бы дѣло другое; но дай крестьянину, какъ онъ есть, свободу, у него сейчасъ явятся разныя затѣи. Онъ сейчасъ броситъ свой родной кровъ и пойдетъ шататься. Вотъ теплое его гнѣздышко и разорилось. Сына станетъ учить грамотѣ, а тотъ выучится и станетъ развращать свои понятія чтеніемъ гадкой нынѣшней литературы. Журналы собьютъ его съ толку, а повѣсти и романы сведутъ совсѣмъ съ ума! Вотъ онъ станетъ судить и рядить; тутъ явится честолюбіе, надо быть чѣмъ-нибудь повыше,—когда же тутъ землю пахать! Въ этомъ туманѣ умретъ съ голоду и мать, и сестра также.—Жены ему не надо, это обуза, а съ его высшими взглядами онъ обузы не хочетъ. Онъ считаетъ себя просвѣщеннымъ, потому что бросилъ лапти и сѣрый кафтанъ, да умѣетъ читать вѣчнаго жида и газеты; а между тѣмъ не чувствуетъ, что онъ не просвѣщается, а развращается, потому что истинное просвѣщеніе основано на страхѣ и законѣ Божіимъ, а не на тонкомъ сукнѣ и лаковыхъ сапогахъ.—Когда человѣкъ чувствуетъ какъ должно, онъ судитъ какъ должно; когда же чувства обратились въ чувственность, тогда вмѣсто разсудка поселяется въ головѣ одинъ чистый

бредъ.—Французы и всѣ европейцы оттого и дошли до настоящаго своего положенія, что никто не хочетъ жить по-христіански, т.-е. имѣть старшихъ и исполнять свои обязанности. Исполняйте свои обязанности, и права ваши придутъ къ вамъ сами собою!—Нѣтъ, говорятъ они, дай мнѣ мои права, а объ обязанностяхъ подумаемъ послѣ!—Наша русская образованная молодежь также начинаетъ судить навыворотъ, потому что читаетъ одни только романы, и я бы, на мѣстѣ государя, другого наказанія не наложилъ на нихъ, какъ выслалъ бы ихъ за границу, въ землю просвѣщенія и свободы; пусть бы тамъ любовались своими единомышленниками. Я увѣренъ, что скоро пропала бы у нихъ охота толковать пустяки и они не замедлили бы удостовѣрится, что нѣтъ земли святѣе и блаженнѣе земли русской, гдѣ все, отъ царя до мужика, на своемъ мѣстѣ, слѣдовательно все въ порядкѣ; а ежели что и не совсѣмъ ладно, ежели есть и у насъ ржавчины, такъ это только потому, что нѣтъ нигдѣ совершенства.

Нѣтъ, не троньте нашего мужичка, а только подумайте объ томъ, чтобы помѣщики съ ними были милостивы. Пусть помѣщики подражаютъ Зиновьеву [1]), тогда мужичекъ нашъ будетъ и свободенъ и счастливъ. Какъ прочтешь въ журналахъ и газетахъ, что дѣлается въ Европѣ, и особенно во Франціи, то, право, все это кажется такъ непостижимо, что можно принять все напечатанное за выдумку и сказки! — У нихъ тамъ и климатъ, и изобиліе, и просвѣщеніе, и усовершенствованныя теоріи, и улучшенная администрація, и великолѣпныя машины, искусства процвѣтаютъ, агрономія достигаетъ неслыханныхъ успѣховъ, и чего, чего тамъ нѣтъ! У насъ же все худо; и дураки мы, и не умѣетъ никто изъ насъ ни хлѣба сѣять, ни даже ѣсть его; и все у насъ въ ребячествѣ, и все дѣлается дурно; и медвѣди-то мы, и раболѣпные невольники, и хуже насъ нѣтъ существъ на свѣтѣ! а какъ посмотришь на повѣрку: въ нашей медвѣжьей берлогѣ порядокъ, послушаніе, любовь къ государю, любовь другъ къ другу, (ну это, можетъ-быть, и не совсѣмъ) любовь къ своимъ обязанностямъ! А у нихъ, въ просвѣщенныхъ, усовершенствованныхъ странахъ, голодъ, непокорность, ненависть, барикады, междоусобія, всѣ бѣдствія, всѣ гибельныя страсти, которыя ведутъ въ адъ и изъ ада исходятъ!

Неужели и теперь наша умная молодежь не образумится и не перестанетъ слѣпотствовать въ отношеніи къ своему отечеству и чужимъ краямъ? Есть и у насъ худое, безъ этого нельзя. Но ужъ ежели можно жить счастливо гдѣ-нибудь, такъ это, конечно, въ

---

[1]) Вѣроятно Мих. Ник. Зиновьевъ, орловскій помѣщикъ, напечатавшій переводъ «Осьмой сатиры Буало». (М. 1822). *Геннади* «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ» т. II, Берл., 1880 г., стр. 33. Ср. о немъ кн. *И. М. Долгоруковъ* «Капище моего сердца», приложеніе къ «Русскому Архиву», 1890 г. стр. 120. *Ред.*

Россіи. Это зависитъ отъ себя; только не тронь никого, исполняй свои обязанности и тогда нигдѣ не найдешь такой свободы, какъ у насъ и проведешь жизнь свою, какъ въ Царствѣ Небесномъ. Такія разсужденія, конечно, нашимъ журналистамъ, нашимъ передовымъ людямъ не по нутру, — вѣрю; но дайте же и мнѣ свободу, по крайней мѣрѣ, думать, какъ мнѣ хочется и какъ мнѣ кажется.

Все это доказываетъ, что просвѣщеніе тогда только истинно и приноситъ дѣйствительную пользу человѣку, и вмѣстѣ съ тѣмъ всему обществу, когда умъ и сердце просвѣщаются одинаково. Если же образовывается только умъ, а сердце заростаетъ терніемъ, тогда и просвѣщеніе ядъ, а не польза для человѣчества.—Теперь можно въ этомъ удостовѣриться, посмотрѣвъ на европейскую суматоху и бѣдственныя ея послѣдствія.— Истинное просвѣщеніе должно быть основано на религіи; тогда оно и плоды принесетъ сторицею. А когда просвѣщеніе религіи знать не хочетъ, и только опирается на дикомъ, бездушномъ эгоизмѣ, такъ и плоды будутъ адскіе, какъ начало его адское!

Читая журналы, видишь лихорадочное положеніе Франціи. Банкиры разорены, или заблаговременно отказываются отъ своихъ занятій и запираютъ конторы, чтобы не обанкрутиться. Затрудненія всякаго рода встрѣчаютъ всѣ сословія на каждомъ шагу; и между тѣмъ, въ то самое время, когда хозяева разныхъ заведеній распускаютъ своихъ работниковъ, за неимѣніемъ работы, эти работники собираются массами, чтобы истребовать себѣ прибавки жалованія и уменьшенія рабочихъ часовъ. Обманъ и невѣжество властвуютъ среди толпы и усиливаютъ ея бѣдствія;—несбыточныя теоріи наполняютъ всѣ умы, какъ бы для окончательнаго разрушенія всякаго общественнаго порядка; и между тѣмъ, какъ весьма любезные и умные писатели проповѣдываютъ розовыя идеи покойника Руссо о всеобщей любви и всеобщемъ братствѣ,—что дѣлаетъ народъ, къ которому они обращаютъ свою проповѣдь о чистѣйшей филантропіи? Полный зависти къ тѣмъ людямъ, которые его достойнѣе, этотъ народъ старается отнять у нихъ насильно хлѣбъ насущный, и хочетъ уморить съ голоду тѣхъ, кто его трудолюбивѣе. Негодяй и лѣнивецъ требуетъ той же платы, какую получаетъ неутомимый труженикъ. И какое отвратительное притворство утверждать, что братство и любовь къ человѣчеству составляютъ правило такого народа, который не можетъ понять самого простого условія въ общежитіи: пользоваться жизнью и другимъ не мѣшать! Для этого не нужно братства, а только одной простой честности.—Дѣло въ томъ, что французское общество состоитъ изъ двухъ крайностей и потому его оконечности слишкомъ удалены другъ отъ друга. Съ одной стороны черезчуръ много умственной утонченности, съ другой преобладаетъ дикое, необузданное невѣжество. Книгопечатаніе во Франціи слишкомъ недостойно назваться наставникомъ

общества; оно только движетъ партіями и возстановляетъ ихъ одну противъ другой, не дѣлая ихъ ни умнѣе, ни разсудительнѣе. Насыпьте всѣмъ имъ золота, они станутъ цѣловать ваши ноги; постарайтесь доказать имъ ваше нравственное преимущество, ваше трудолюбіе, дайте имъ даже собою примѣръ порядка и добрыхъ качествъ, они перерѣжутъ вамъ горло. Этотъ народъ не можетъ сносить чужого превосходства. Въ безумствѣ, которое приведетъ ихъ къ погибели, рабочіе классы вообразили, что правительство можетъ доставлять имъ постоянную работу и постоянное содержаніе. Послѣдствія такого ожиданія ужасны. Занятія и работы остановились, и между тѣмъ какъ всѣ ссорятся о жалованіи за труды свои, самая надобность въ этомъ трудѣ исчезаетъ, оставляя вмѣсто себя всѣ ужасы голода и отчаянія. И это наши умники называютъ просвѣщеніемъ, свободою! И этого-то равенства, этого-то счастія желаютъ они нашей спокойной Россіи! фи,—даже досадно.

Французы сами смѣюся надъ коммунизмомъ. Полишинель проповѣдуетъ и обѣщаетъ равенство съ тѣмъ уговоромъ, чтобы всѣ были одинаковаго возраста и пола! Всѣ эти господа Луи-Бланы, Фурье, Консидераны, ни что болѣе, какъ полишинели.—Равенство! да возможная ли это вещь? Вѣдь люди разнаго возраста и пола, ужъ отъ одного этого не можетъ быть равенства между ними. Мужчина сильнѣе женщины, взрослый сильнѣе ребенка, и какъ отношенія, такъ и потребности тѣхъ и другихъ должны быть различны,—слѣдовательно, какому же тутъ быть равенству!

Слава Богу, что у насъ все спокойно; мы слишкомъ умны, чтобъ подражать этимъ взбалмошнымъ головамъ; а кто думаетъ и чувствуетъ по-ихнему, такъ тѣхъ туда бы и отослать,—пусть любуются! Не впускать бы въ Россію ни одного иностранца—вотъ и все тутъ; да та бѣда, что этого сдѣлать невозможно. Пока у русскаго мужичка есть изба и своя полоса въ полѣ; пока у него есть образъ на стѣнѣ и онъ умѣетъ творить крестное знаменіе; пока онъ называется крестьяниномъ, что значитъ не иное что, какъ христіанинъ, за Россію опасаться нечего. Пускай себѣ пишутъ въ иностранныхъ газетахъ, что Россія скоро распадется, что въ Россіи нѣтъ народности, что она страдаетъ подъ желѣзнымъ игомъ, и тому подобныя бредни,—всѣ эти нелѣпости только смѣшны, когда посмотришь, что дѣлается у нихъ и какъ спокойно у насъ. Мы живемъ и судимъ просто, оттого и хорошо; не мудримъ, а всякій старается, по крайнему своему разумѣнію, исполнять свои обязанности, отъ того и идетъ все своимъ порядкомъ. Порядокъ въ мысляхъ, порядокъ въ поступкахъ. Мы знаемъ, что нѣсть власть, иже не отъ Бога; знаемъ, что лучше имѣть одного владыку, чѣмъ имѣть ихъ двѣсти тысячъ; что лучше покоряться законному, могучему

властителю, который силенъ и защититъ насъ, чѣмъ повиноваться буйной, необразованной черни, которая умѣетъ только жечь да грабить. Знаемъ, что совершенства нѣтъ на землѣ. Какая же намъ надобность прививать къ себѣ образъ мыслей чужихъ земель и дѣйствовать, какъ они дѣйствуютъ. Пусть они себѣ хоть сквозь землю провалятся,—оно было бы даже и лучше,—лишь бы Россія была цѣла. Чѣмъ проще народъ, тѣмъ онъ дѣльнѣе. Пусть наши мужички грамотѣ не знаютъ,—да много ли французскихъ и нѣмецкихъ мужиковъ знающихъ грамоту? Не зная грамоты, они ведутъ жизнь трудолюбивую и полезную; ихъ воображеніе не воспламеняется чтеніемъ журналовъ и всякой грязной литературы, возбуждающей самыя скверныя страсти. Они постоянно читаютъ величественную книгу природы, въ которой Богъ начерталъ такія дивныя вещи,—съ нихъ этого довольно! Оттого они тихи, добры, кротки и послушны, что съ малолѣтства знаютъ все, что истинно надо знать человѣку. Наши умники не знаютъ русскаго народа, а чѣмъ ближе узнаешь его, тѣмъ болѣе удивляешься его патріархальной простотѣ, врожденному уму, высокому разсудку и глубокой покорности. Это неисчерпаемый золотой родникъ, за который только надо умѣть приняться и онъ сторицею вознаградитъ за всѣ труды и усилія. Одно доброе слово дѣлаетъ чудеса. Нашъ мужичокъ отъ природы и простоты своего сердца всегда благодаренъ за малѣйшее къ нему вниманіе; въ немъ много природнаго ума и удивительной логики; мысли его ясны, чувства правильны, рѣчь его не красна, но понятна и всегда чрезвычайно дѣльна. Онъ не теряетъ золотого времени на то, чтобы ходить по улицамъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, не пересаживаетъ деревья съ мѣста на мѣсто, называя ихъ древами свободы! не проводитъ жизни въ пустыхъ преніяхъ въ клубахъ, или въ такомъ же пустомъ и еще болѣе вредномъ чтеніи самыхъ дурацкихъ афишъ на всякомъ перекресткѣ, а живетъ мирно, обрабатываетъ свое поле и благодаритъ Бога за свой насущный кусокъ хлѣба. Не троньте этотъ народъ, оставьте его въ патріархальной простотѣ и во всемъ природномъ его величіи; а ежели вздумаете прививать къ нему западныя идеи, да начнете мудрить,—худо будетъ!

Я думаю, какъ государю должно быть весело, что въ такой сумятицѣ и общей европейской сумасбродной безтолковщинѣ русскій народъ ведетъ себя такъ прекрасно! Сердце радуется и ростетъ отъ гордости, какъ сравнишь русскихъ съ негодными иностранцами. Вотъ хваленыя ихъ хартіи, да конституціи, да представительныя правленія! До чего все это довело этихъ бѣшеныхъ европейцевъ? Они свободны, а мы въ неволѣ; однакоже, кому изъ насъ лучше? Мнѣ кажется этотъ величественный видъ спокойствія Россіи дол-

женъ очень утѣшать государя и бѣсить Европу и нашихъ передовыхъ людей.

Многіе упрямые русскіе жалуются на просвѣщеніе и говорятъ: Вотъ до чего доводитъ оно! — Я съ ними не согласенъ. Тутъ не просвѣщеніе виновато, а недостатокъ истиннаго просвѣщенія. Покойные графъ Бенкендорфъ, графъ Канкринъ, живые графъ Орловъ, графъ Киселевъ, графъ Блудовъ, графъ Адлербергъ, люди очень просвѣщенные, а развѣ просвѣщеніе сдѣлало ихъ худыми людьми? Напротивъ, оно развило въ нихъ всѣ прекрасныя сѣмена, посѣянныя въ нихъ природою. — Не просвѣщеніе виновато, а кривыя о немъ понятія. — Просвѣщеніе должно состоять въ познаніи и исполненіи своихъ обязанностей; въ развитіи добрыхъ склонностей; въ присвоеніи себѣ самыхъ высокихъ мыслей и самыхъ благородныхъ правилъ всѣхъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ людей всѣхъ вѣковъ; въ умѣніи размышлять и владѣть собою. Такая цѣль всегда будутъ доступна, ежели сердце обрабатывается въ то же время, какъ просвѣщается умъ и если умственныя познанія основываются на привязанности къ Богу.

Графиня А. А. Орлова-Чесменская скончалась. Жаль, что она такъ распорядилась своимъ имѣніемъ [1]). Конечно, все это имущество принадлежало ей и она была властна оставить его послѣ себя кому угодно; но жаль, что ей угодно было разсыпать свое богатство на самую безполезную и недостойную часть русскаго народонаселенія! — Но зачѣмъ осуждать усопшихъ. Ея было состояніе, ея и воля.—

Каковы журналисты! печатаютъ, что нашъ государь, чтобы унять бунтъ на Невскомъ проспектѣ, ускакалъ въ Петергофъ!— Кажется заграничнымъ мудрецамъ очень тяжело на насъ смотрѣть. Сатана на образа смотрѣть не можетъ, — такъ и для нихъ Россія. — Они съ ума сходятъ отъ нашего спокойствія; нельзя насъ взбунтовать, такъ давай клеветать! — Нечего сказать, хороша Европа,— точно гнилое яблоко! Только та бѣда, что яблоко выбросишь въ окошко, а ихъ хоть бы всѣхъ въ море бросить,—да нельзя!

Несмотря на общій голосъ, выбравшій Людовика Наполеона въ президенты, уже печатаютъ противъ него статьи въ журналахъ и говорятъ, что надо его отдать подъ судъ за то, что надѣлъ генеральскіе эполеты! [2]) Всему этому виною блажной нравъ французовъ, ихъ безтолковый характеръ, непостижимая вѣтренность

---

[1]) Завѣщала Антоніевскому монастырю.

[2]) Дивизіоннаго генерала въ первый разъ на смотру въ Сатори.

и глупая самонадѣянность; ихъ буйные нравы, безграничная невоздержность мнѣній, языка и поступковъ, ихъ страсть заводить безконечныя партіи. Конечно, при такомъ направленіи умовъ, свобода книгопечатанія прибавляетъ еще болѣе вреда, — это огонь къ пороху, — но и безъ того было бы то же. Надо знать французскую исторію, и тогда удостовѣришься, что они всегда буйствовали и блажили, когда у нихъ не только не было журналовъ и свободы книгопечатанія, но когда они еще едва и писать умѣли. Ихъ полководцы не умѣли подписывать своего имени, а уже были предводителями партій въ междуусобныхъ войнахъ противъ короля. Конечно у нихъ, что далѣе, то хуже; но этому причиной общая безнравственность, общій духъ безначалія болѣе, чѣмъ книгопечатаніе. Хорошій человѣкъ не станетъ читать худыхъ книгъ, порочнаго и безнравственнаго листка и въ руки не возьметъ; а дурному человѣку никакая цензура не помѣшаетъ доставать худыя книги. Запрещеніе, напротивъ, еще болѣе раздражаетъ любопытство и заставляетъ прочесть какую-нибудь скверность.

Въ Англіи нѣтъ цензуры, или есть самая слабая. Въ Бельгіи тоже, а тамъ никто не думаетъ свергать съ престола королей.

У насъ свобода книгопечатанія была бы вещь опасная, потому что у насъ молодежь очень буйная, и головокруженія и безъ того довольно; привычка судить криво все болѣе и болѣе усиливается отъ того, что у нихъ и души, и толкъ вверхъ дномъ.

Не говорю я, чтобъ неограниченная свобода книгопечатанія не имѣла дурныхъ послѣдствій, но увѣренъ, что не одно книгопечатаніе порождаетъ смуты и безпорядки нашего времени. Воспитаніе порождаетъ смуты и безпорядки нашего времени. Воспитаніе, худое направленіе мыслей, привычка считать себя умнѣе другихъ, вотъ настоящія причины неустройствъ. Съ такими пороками хоть не было бы ни книгъ, ни журналовъ, все было бы то же. Во Франціи, Германіи и Италіи суматоха произошла не столько отъ возмутительныхъ письменъ, сколько отъ излишней свободы, отъ буйства и отъ голода. Мудрено ли, что бунтуютъ милліоны людей, когда имъ ѣсть нечего? Голодъ не свой братъ, онъ разсуждать не умѣетъ. Вѣдь тамъ нѣтъ крестьянъ, все народонаселеніе состоитъ изъ работниковъ, у которыхъ нѣтъ своего клочка земли. Ужъ сколько лѣтъ эта хваленая, заграничная, безземельная свобода, висѣла какъ туча надъ западною Европою, и, наконецъ, разразилась, какъ давно скопившаяся гроза. Голодный желудокъ и безъ журналовъ раскричаться умѣетъ.—

Вотъ и у насъ все проповѣдывали свободу;—пресловутый Анненковъ [1]) уже придумывалъ премудрыя средства, какъ бы уничтожить

---

[1]) Впослѣдствіи Государственный Контролеръ и въ 1863 г. кіевскій ген.-губернаторъ.

чины, какъ бы устроить, чтобы вышедшій въ отставку министръ былъ равенъ сапожнику! — и чуть-чуть было не совершилась эта страшная мѣра, которая лѣтъ черезъ десятокъ, а много черезъ двадцать, произвела бы и въ Россіи то же самое, что теперь видимъ на Западѣ. Но, къ счастью нашему, Западъ уже слишкомъ взбѣсился, — и это открыло глаза государю и остановило начертаніе устава о равенствѣ. — Богъ насъ помиловалъ.

Коммунисты искажаютъ все, въ бреду своей безтолковой горячки; но мысль, что все должно принадлежать всѣмъ поровну, начертана изъ Евангелія. Такъ дѣлалось у апостоловъ, такъ было между первыми христіанами, такое положеніе существуетъ и теперь въ монастыряхъ, и всякихъ религіозныхъ общинахъ, русскихъ, католическихъ, лютеранскихъ и другихъ, которыя начало свое берутъ отъ Евангелія. Но предписывая равенство между братьями, то есть людьми равнаго званія, Евангеліе говоритъ: воздай Кесареви Кесарево, — и никто не былъ послушнѣе властямъ, даже языческимъ, какъ первые христіане, хотя языческія власти гнали ихъ, жгли и мучили.

Предписывая равенство и братство, опредѣляя равную долю всѣмъ между собою, Евангеліе вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ и внушаетъ всѣ добродѣтели, которыя дѣлаютъ человѣка совершеннымъ и уподобляютъ его божеству. — Вотъ это-то коммунисты и не примѣтили въ Евангеліи, какъ Анненковъ, который такъ свирѣпо бросился составлять положеніе объ уничтоженіи чиновъ. О Махіавели, Махіавели! — Они провозглашаютъ только равенство состояній, а то забыли, что при этомъ равенствѣ должны существовать и всѣ христіанскія добродѣтели, которыя не допустятъ ни одного человѣка, ни цѣлаго общества до худыхъ поступковъ.— Евангеліе требуетъ, чтобы люди были какъ ангелы, чисты, свободны, дружны, равны между собою, но покорны верховному властителю, Господу Богу, и представителямъ Его на землѣ. Коммунисты же выбираютъ изъ Евангелія только то, что имъ нравится, а всего того, что потруднѣе и имъ не по вкусу, того и знать не хотятъ. — Евангеліе гласитъ: исполняй свои обязанности къ Богу и людямъ, и будешь счастливъ! Коммунисты же говорятъ: исполняй только свою волю, а до другихъ тебѣ дѣла нѣтъ! — Коммунисты просто секта, какъ были Аріане, Манихеи, Евтихіане и многіе другіе безмозглые нововводители, которые въ среднихъ вѣкахъ, не хуже теперешняго, мутили весь міръ, хотя тогда не только журналовъ, но и книгопечатанія еще не знали!

Всей Европейской сумятицѣ причиною безсмысленность ея жителей и происходящій отъ того повсемѣстный голодъ. Къ тому худое устройство ихъ правительствъ, которыя отъ ихъ представи-

тельной системы слишкомъ слабы, чтобы унять бунтующія страсти и волненіе умовъ. Конечно при такомъ положеніи дѣлъ свобода книгопечатанія усиливаетъ зло; но закрой у насъ всѣ типографіи, отними у нихъ перья и бумагу, отрѣжь имъ даже языки, они выдумаютъ какую-нибудь мимику и все таки будутъ распространять свои вредныя и блажныя понятія вездѣ, гдѣ только станутъ принимать ихъ.

Замѣтьте и у насъ, кто блажитъ и кричитъ наиболѣе, какъ не тѣ, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора! Бездомные люди всегда самые большіе крикуны, такъ какъ же не кричать всей Европѣ, когда тамъ всѣ праздношатающіеся, всѣ безъ домовъ, безъ земли, безъ угла, гдѣ голову приклонить!—Подкопайте наше самодержавіе, или пусть оно, новыми выдумками, само себя подкопаетъ, — и увидите, что въ короткое время у насъ будетъ то же, что въ этой хваленой Европѣ. Всякій захочетъ, чтобы ничего не дѣлать и чтобы къ нему летѣли въ ротъ жаренные рябчики.

Теперь же все тихо у насъ, потому что образъ правленія нашего самый настоящій, сходный съ природою, сходный съ потребностями человѣка благомыслящаго. Наше правленіе стоитъ на самой серединѣ между кровавымъ деспотизмомъ восточныхъ государствъ и буйнымъ безначаліемъ западныхъ народовъ. Оно самое отеческое, патріархальное, и потому Россія велика и спокойна. Частные случаи ничего не значатъ; возьмите общую физіогномію государства: довольство, миръ, тишина, трудолюбіе. Въ Россіи кто несчастливъ? только тунеядецъ и тотъ, кто своеволенъ. Перемѣни у насъ, Боже сохрани, не только образъ правленія, но коснись только хоть нѣкоторыхъ постановленій, составляющихъ опору Государства, — исчезнетъ порядокъ, исчезнетъ тишина, исчезнетъ личная безопасность и самые безмятежные люди сдѣлаются бунтовщиками, потому что всѣ будутъ недовольны. Одни потеряютъ много, другіе выиграютъ мало, и въ такомъ случаѣ, гдѣ всѣ недовольны, никакая строгая цензура не поможетъ, а гдѣ нѣтъ причины быть недовольнымъ, тамъ никакой Луи-Бланъ не взбунтуетъ, хоть испиши онъ всѣ перья и испечатай всѣ типографическія литеры цѣлаго міра.

Ниспровергни у насъ существующій порядокъ, — посмотри, что будетъ! Если бы крестьяне и сдѣлались свободны, они получили бы свободу безъ земли, потому что ни одинъ помѣщикъ своей земли не отдастъ добровольно, а правительство наше слишкомъ правосудно, чтобы отнять у насъ нашу собственность и лишить насъ послѣдняго куска хлѣба; — насильно не отыметъ оно у насъ землю, которую мы наслѣдовали отъ нашихъ предковъ. И чтожъ бы вышло? Крестьяне наши, сдѣлавшись вольными, но не имѣя земли, пустились бы пріискивать себѣ родъ жизни и пропитанія по городамъ, деревни опустѣли бы, какъ во Франціи и Германіи,—

и пошла потѣха! ибо въ городахъ такое чудовищное стеченіе голодныхъ желудковъ надѣлало бы тѣхъ же бѣдъ, какія происходятъ въ западной Европѣ. Голодный желудокъ раскричится пуще всякаго журнала; онъ и безъ Луи-Блана золъ на все и на всѣхъ, потому что другіе сыты, а онъ ѣсть хочетъ.

Мнѣ кажется, что Россія держится именно своею помѣщичьею организаціею; что это польза государственная въ высшей степени. На каждомъ пунктѣ, гдѣ есть помѣщикъ, у государя есть тамъ неослабный блюститель порядка и выгодъ отечественныхъ, и это такой слуга государства, который не требуетъ ни жалованья, ни наградъ, а еще самъ приноситъ обществу и казнѣ дань своихъ трудовъ, какъ уплатою различныхъ повинностей, такъ и тѣмъ, что вливаетъ въ общественную торговлю несмѣтное количество зеренъ, питающихъ наше отечество и служащихъ для его обогащенія.— Смотрите, какой вездѣ голодъ! Франція, Германія, Италія, даже самая богатая Англія, всѣ умираютъ съ голоду. У насъ же столько хлѣба, что мы и сами сыты и въ состояніи продать массы хлѣбныхъ зеренъ иностранцамъ. Не будь помѣщичьихъ имѣній въ Россіи, много ли бы сами крестьяне наготовили хлѣба? И теперь мы видимъ что вольные крестьяне, если и торгуютъ хлѣбомъ, то не своимъ, скупаютъ его у помѣщиковъ.

Итакъ, я увѣренъ, что наша Россія велика, сильна и богата отъ того: 1-е) что въ ней государь самодержавный. 2-е) что въ ней есть помѣщикъ, съ властію надъ крестьянами и 3-е) отъ того, что есть въ ней крестьянинъ, который кормитъ и себя, и помѣщика, и горожанина, и купца, и солдата, и вельможу, и самого государя.

Вольный крестьянинъ рѣдко обрабатываетъ свою землю; онъ пускается въ торги, въ извозъ, въ разныя спекуляціи, его тянетъ туда, гдѣ есть трактиръ, чтобы выпить галинокъ чаю, чтобы поврать, а землю свою обработывать нанимаетъ помѣщичьихъ крестьянъ. Сдѣлайся же помѣщичій крестьянинъ вольнымъ, и онъ также не захочетъ обрабатывать землю, ни свою, ни чужую, — и о хлѣбѣ тогда поминай, какъ звали! Примѣръ западныхъ государствъ не доказываетъ ли, что свобода разоряетъ народы? Они всѣ свободны и въ нищетѣ страшной, отвратительной, возмущающей человѣческія чувства;—нашъ народъ не освобожденъ, а у насъ нѣтъ такой нищеты, какъ на западѣ. Они живутъ, какъ скоты, на улицахъ, подъ землею, а наши въ избѣ и на столѣ каравай; — слѣдовательно, не счастливѣе ли нашъ народъ народовъ свободныхъ?

Это разсужденіе ведетъ все таки къ книгопечатанію. Сдѣлай нашихъ крестьянъ свободными, никакая цензура не остановитъ тотъ вредъ, который сдѣланъ будетъ самимъ государемъ. Какъ скоро буйство свободы одолѣетъ народомъ, тогда и цензура полетитъ къ чорту.

Пусть государь не думаетъ, что давъ свободу крестьянамъ, не нужно будетъ, болѣе или менѣе, измѣнить образъ нашего пра-

вленія; а малѣйшее измѣненіе сдѣлаетъ въ престолѣ щели и подкопаетъ его; тогда и безъ журналовъ, и не умѣя ихъ даже читать, русскій народъ, черезъ полвѣка, провалится въ ту же пропасть, въ которой теперь барахтаются свободные Европейскіе пароды.

Въ среднихъ вѣкахъ не было журналовъ, ни возмутительныхъ сочиненій; никто не умѣлъ подписывать своего имени, а загляните въ исторію, какія смуты покрывали всю Европу. — Точно также, какъ и теперь, флегматическіе нѣмцы дрались между собою и разорялись на пропалую то за религію, то за Лютера, то за римскаго папу, то за пятерыхъ вдругъ избранныхъ ими на царство государей. То давай имъ хартію, то не надо хартіи; то имъ нужна золотая булла, то ее не надо, — и кровь лилась рѣками всегда и вездѣ, гдѣ народъ былъ свободенъ. Франція, Италія, Германія, даже самая Англія, рѣдкіе 50 лѣтъ не была обагрена кровью междуусобной войны. Правда, что тогда многіе дрались за государей; одинъ хотѣлъ того, другой другого; а теперь дерутся только изъ того, чтобъ не было государей.—Пусть не будетъ государей, увидимъ, что лѣтъ черезъ 20 станутъ опять драться и кричать, чтобъ были государи, что они необходимы, какъ кучеръ на козлахъ, какъ руль къ кораблю, — что и правда, для блага и спокойствія народовъ.

Война за Государей, за республику, за религію, за мнѣнія политическія и религіозныя, за свободу книгопечатанія, — все это одни предлоги, которымъ не будетъ конца, пока страсти бунтуютъ въ человѣкѣ и онъ удаляется отъ здраваго смысла и отъ истинной религіи. Все состоитъ въ томъ, что человѣкъ, не обузданный хорошими правилами, всегда будетъ блажить, всегда будетъ недоволенъ и всегда перемѣна, самая безполезная, будетъ казаться ему улучшеніемъ его быта, — не разсуждая о томъ и не понимая въ слѣпотѣ своей, что все его счастіе, все его благосостояніе зависитъ отъ него самого; — что ни война, ни крикъ, ни національныя собранія, ни президенты республикъ, ни центральныя правленія въ Франкфуртѣ, не обезпечатъ его спокойствія, пока онъ самъ не уймется. — Нашъ народъ отъ того уменъ, что тихъ, а тихъ отъ того, что не свободенъ. — Но тутъ однако же надо сказать, что ежели крестьянамъ не должно давать свободы, то не должно, чтобы помѣщики и угнетали ихъ; — такихъ помѣщиковъ въ Сибирь! — Слава Богу, ихъ не много. Все новое поколѣніе преисполнено лучшихъ мыслей и бытъ крестьянъ улучшается, и когда помѣщикъ любитъ и бережетъ ихъ, то жизнь ихъ лучше свободныхъ; — они сами это говорятъ.

Помѣщикъ самый надежный оплотъ государя. Никакое войско не замѣнитъ той бдительности, того вліянія, какія помѣщикъ ежеминутно распространяетъ въ своемъ имѣніи. Уничтожь эту власть, народъ напретъ и нахлынетъ со временемъ на самого царя,

какъ то было не разъ въ чужихъ краяхъ. Помѣщикъ есть самый вѣрный, недремлющій песъ, охраняющій государство; онъ есть природный исправникъ, которому привычка, обычай и самыя старинныя преданія придаютъ столько власти, что она покажется баснословною на западѣ Европы. Дѣло только въ томъ, чтобы эту власть не употреблять во зло, — ну, а это ужъ дѣло правительства.

Конечно мое мнѣніе не многого значитъ, но кто знаетъ, въ добрый часъ и оно можетъ подѣйствовать.

Я помню, какъ въ 1845-мъ [1]) году всѣ кричали о необходимости дать свободу крестьянамъ; подавали объ этомъ проекты, разсужденія. Я находилъ ихъ мнѣніе ложнымъ. Я не разъ говорилъ: Посмотрите, чѣмъ кончится ваша хваленая народная свобода за границей! Увидите, что не много пройдетъ времени и тамъ опять будетъ революція, потому что тамъ народъ совершенно несчастнѣе нашего, даромъ что свободенъ; ихъ свобода ведетъ только къ нищетѣ и безначалію! И чтожъ, — много ли съ тѣхъ поръ прошло времени, а въ февралѣ 1848-го года, спустя только одинъ годъ, мои слова обратились въ пророчество!

Неужели и теперь не увидятъ справедливость старинныхъ сужденій? Но врядъ ли! — въ городской суматохѣ нѣтъ времени опомниться и, быть можетъ, что не только наши дѣти, но и самъ государь, подъ внушеніемъ Его окружающихъ, все еще будутъ опутаны мыслію о свободѣ народной.

Вотъ и у насъ заговоръ! [2])—Слава Богу, что во время открыли. — Надивиться нельзя, что есть такіе безмозглые люди, которымъ нравятся заграничные безпорядки! На мѣстѣ государя, я бы всѣхъ этихъ умниковъ туда бы и послалъ, къ ихъ единомышленникамъ; пусть бы они полюбовались; чѣмъ съ ними возиться и строгостью раздражать ихъ семейства и друзей, при томъ тратиться на ихъ содержаніе. Всего бы лучше и проще, выслать ихъ за границу. Пусть ихъ тамъ пируютъ съ такими же дураками, какъ они сами. Право такое наказаніе выгнало бы всякую дурь и у нихъ, и у всѣхъ, кто похожъ на нихъ. А то крѣпость и Сибирь, — сколько ни употребляютъ эти средства, все никого не исправляютъ; только станутъ на этихъ людей смотрѣть, какъ на жертвы, станутъ сожалѣть объ нихъ, а отъ сожалѣнія до подражанія недалеко.— Выслать бы ихъ изъ Россіи, какъ людей, недостойныхъ жить въ своемъ отечествѣ, какъ язву и чуму, къ которой прикасаться опасно. Такія мѣры принесли бы чудесные плоды; — впрочемъ не мнѣ судить объ этомъ.

---

[1]) 1847? *Ред.*

[2]) Дѣло Петрашевскаго.

Вотъ и тутъ не мое дѣло судить, а жаль, что Государь вступается за австрійцевъ. Тутъ не надо смотрѣть на толпу венгерскихъ мятежниковъ, а на всю Европу; такъ какъ же одной Россіи справиться съ цѣлою Европою? — Русскій Царь великъ у себя; силенъ обширностію своихъ владѣній, преданностію и любовію своихъ подданныхъ; но за границей Его вліяніе и власть совсѣмъ уже не то, что дома. Вѣдь онъ не можетъ приказать венгерцамъ покориться; для этого нужно войско; — оно и есть у насъ, но вѣдь оно нужно для себя и стоютъ ли поганые австрійцы, чтобъ русскіе проливали свою кровь за нихъ? Война на Кавказѣ; охраненіе границъ на такомъ необъятномъ пространствѣ; содержаніе внутреннихъ карауловъ, — да еще къ тому Европейская война! Сколько тутъ надо войска, сколько новыхъ рекрутскихъ наборовъ, а ужъ и теперь идетъ ропотъ, что за нашу преданность и любовь къ престолу и порядку, насъ же отягощаютъ рекрутскими безпрестанными и сильными наборами. Въ Манифестѣ о нынѣшнемъ наборѣ сказано, что холера опустошила войско, — да вѣдь та же холера опустошила и народонаселеніе въ Россіи. Иной уѣздъ потерялъ четвертую часть своего населенія, а рекрутъ долженъ ставить по ревизіи. Къ болѣзни столь смертоносной присоединяется отчаянная горесть рекрутчины! Болѣзнь отъ Бога, а рекрутчина для скверной, неблагодарной Австріи, которая не разъ уже насъ обманывала! Стоитъ ли эта дрянь, чтобы за нее текла драгоцѣнная русская кровь? Мы за нихъ вступаемся, а они противъ насъ дѣлали и дѣлаютъ всякія подлости. Дамъ себѣ голову отрубить, если они, при первомъ случаѣ, за нынѣшнюю имъ помощь, не отплатятъ намъ какою нибудь черною неблагодарностью. Однимъ словомъ, — стоятъ ли эти дрянные австрійцы, чтобы русскіе гибли за нихъ? — Мнѣ такъ кажется, — лишь бы у насъ, въ Россіи, было спокойно, а до другихъ какое намъ дѣло? провались они сквозь землю, — пусть себѣ возятся, какъ хотятъ.

Даже страшно, чтобъ это вмѣшательство не распространило пожара и у насъ, какъ потому, что отсутствіе Государя можетъ быть вредно для Россіи, такъ и по той причинѣ, что этотъ походъ произведетъ нѣкоторое колебаніе и толки въ народѣ, всегда опасные во времена политическихъ переворотовъ. Притомъ наши солдаты увидятъ мятежъ на мѣстѣ, — почемъ знать, не привьются ли къ нимъ мятежныя мысли! — Возвратясь домой, они станутъ сообщать свои наблюденія вправо и влѣво, станутъ толковать по своему, — и наша святая, чистая, дѣвственная Русь можетъ заразиться ядовитымъ духомъ западныхъ народовъ.

Конечно, Россія велика и сильна; Русскій Царь у себя, дома, Богъ земной! Но извѣстно, что наше народонаселеніе очень слабо въ сравненіи съ обширностію земель. На войнѣ же нужны люди, а

не земли. Не понесемъ мы на помощь безчестной Австріи степей и лѣсовъ нашихъ, а понесемъ на пролитіе кровь нашу, которой и то не много въ Россіи. Наши безлюдныя губерніи, опустошенныя холерою, опустошаются еще и рекрутскими наборами; а это еще вопросъ, можетъ ли одна русская армія сладить съ цѣлою Европой. Всѣ наши пожертвованія могутъ остаться втунѣ и эта война сдѣлаетъ Россію только еще бѣднѣе и деньгами, и людьми.

Европа не велика, въ сравненіи съ Россіею, но ея населеніе вдесятеро сильнѣе нашего, каждый житель солдатъ! а этихъ солдатовъ милліоны. Имъ нельзя будетъ не сражаться, когда театръ войны будетъ у нихъ; война сдѣлается народною, и всякій, даже и нѣмецъ, станетъ за свое родное гнѣздо, за свое пепелище.

Сначала всѣхъ этихъ смутъ всѣ радовались и восхищались, что Государь такъ величаво смотрѣлъ на этихъ уродовъ, а самъ, какъ гранитъ, не трогался съ мѣста; теперь грустятъ, что Онъ перемѣнилъ мысли и что промѣнялъ спокойствіе своего Государства на выгоды недостойной Австріи.

Старовѣры опять начинаютъ ворчать противъ просвѣщенія. Не просвѣщеніе портитъ людей, а ложное его направленіе. Истинное просвѣщеніе, какъ и все истинное, есть благодѣяніе, дарованное свыше; но въ томъ бѣда, что все можно употребить во зло. Огонь освѣщаетъ и грѣетъ, если употреблять его разсудительно; а употреби его во зло, онъ произведетъ самыя разрушительныя дѣйствія. Ножикъ можетъ служить очень полезнымъ орудіемъ, если употреблять его съ разборчивостью; тотъ же самый ножикъ можетъ зарѣзать человѣка! не виноватъ огонь, не виноватъ ножикъ, а виновата рука, дающая ему злодѣйское направленіе. Такъ и просвѣщеніе, — начало его и цѣль благодѣтельны, какъ всѣ дары Божіи. Но просвѣщеніе тогда только благодѣтельно, когда оно дитя неба. Кто же виноватъ, что люди сдѣлали изъ него исчадіе ада?

Человѣкъ, истинно просвѣщенный, знаетъ, что онъ долженъ прежде всего исполнять свои обязанности, и что права его сами собою возникнутъ и осуществятся. Вся исторія и вся нравственность цѣлаго міра состоятъ только въ слѣдующихъ двухъ словахъ: права и обязанности! Въ истинномъ ихъ значеніи и познаніи заключается вся премудрость и все благополучіе человѣческой жизни; — а въ превратномъ всѣ бѣдствія.

Человѣкъ, который твердо увѣренъ, что права его проистекаютъ отъ исполненія его обязанностей, никогда не будетъ вреднымъ членомъ общества и чѣмъ онъ просвѣщеннѣе, тѣмъ полезнѣе для своихъ собратій. Тотъ же, который требуетъ только правъ, а объ обязанностяхъ и знать не хочетъ, тотъ доказываетъ, что истиннаго просвѣщенія у него и въ поминѣ нѣтъ, хотя бы онъ говорилъ на

всѣхъ діалектахъ земного шара и прочелъ бы всѣ библіотеки и печатныя, и рукописныя. Ну, словомъ, этотъ человѣкъ ничто иное, какъ огонь, какъ ножъ въ рукахъ злодѣя.

Истинное просвѣщеніе не состоитъ въ томъ, что сколько милліоновъ словъ и фигуръ помѣщено въ мозгу человѣка, — а состоитъ въ томъ, въ какомъ порядкѣ все это помѣщено въ его головѣ; доброе ли дѣйствіе произвело на душу, разсудокъ и сердце, и принесло ли пользу въ мірѣ. Если же нѣтъ такихъ послѣдствій отъ просвѣщенія, такъ оно не истинное, а суетное, ничтожное, ложное и вредное, фиглярство, противное Богу и добрымъ людямъ.

Поэтому не просвѣщеніе виновато въ порокахъ человѣческихъ, а эти пороки заглушаютъ и искажаютъ его. — Ну, что скажутъ на это, мои любезные старовѣры?

Государь груститъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ скончался [1]). Конечно жаль Государя, но Михаила Павловича не жалѣютъ. Онъ, своею неумѣренною строгостью пятналъ царствованіе нашего добраго, великаго Государя, какъ бывало Графъ Аракчеевъ пятналъ царствованіе Александра благословеннаго. Въ наше время строгость не смиряетъ, а раздражаетъ людей; а человѣкъ на такой высокой степени, на какой находился Михаилъ Павловичъ, придавливая жестокою рукою всѣхъ отъ него зависѣвшихъ, былъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ Государству. — Богъ съ нимъ! Конечно, Государю онъ былъ братъ, и Государю нельзя не жалѣть объ немъ; поэтому и жаль, что Государево сердце безпрестанно стѣснено близкими потерями; но у него есть свое семейство, жена, дѣти, внучата; все это ему дороже Михаила Павловича, — есть кому Его утѣшить, — лишь бы эти живы были. Особенно ежели Михаила Павловича, во всѣхъ его должностяхъ, замѣнитъ наслѣдникъ, то многіе порадуются. Этотъ добръ, кротокъ, какъ долженъ быть будущій вѣнценосецъ, — тотъ былъ сердитъ и бѣшенъ, — и вѣрно всѣ заведенія и самая гвардія будутъ не хуже, а только несравненно покойнѣе и счастливѣе теперешняго.

Новый тарифъ заставляетъ всѣхъ плакать! [2]) Удивительно, что у насъ такъ мало патріотизма, что мы не можемъ обойтись безъ иностранныхъ товаровъ! Англичане не позволяютъ самой малѣйшей бездѣлицы ввозить къ себѣ чужого, зато и фабрики ихъ первыя въ мірѣ; а у насъ любятъ все чужое! И золото наше, и серебро,

---

[1]) Въ 1849 г.

[2]) Тутъ разумѣется 1850 г., значительно смягчившій запретительныя ставки прежнихъ тарифовъ.

все уйдетъ за границу, какъ было прежде. Надо русскую промышленность поощрять, а не разорять. Уже два раза тарифы раззорили нашихъ фабрикантовъ. А всего хуже, что все наше золото уйдетъ къ иностранцамъ и мы вдвойнѣ побѣднѣемъ, а они, съ нашими деньгами, намъ же повредятъ. Стоитъ ли изъ за какой-нибудь дюжины петербургскихъ щеголихъ давать западнымъ разбойникамъ свое же оружіе противъ себя!

Наши товары очень хороши, разумѣется, не для этихъ щеголихъ, не для этихъ государственныхъ шмелей, а для общей массы покупателей. Не нравятся они только этимъ модницамъ большого свѣта, такъ стоютъ ли онѣ, чтобы изъ-за нихъ Россія обѣднѣла; чтобъ ея промышленность пришла въ упадокъ; чтобъ съ такимъ трудомъ добываемое золото ушло къ врагамъ нашимъ для того, чтобы они богатѣли на счетъ Россіи, и ей же строили козни за ея же деньги?

Бывало при Императорѣ Александрѣ первомъ, однѣхъ лентъ ввозили въ Россію на двадцать милліоновъ. Чтожъ другого?! Тогда у насъ фабрикъ почти не было; а что завело у насъ фабрики? запрещеніе иностранныхъ товаровъ. Теперь наши фабрики очень порядочныя; не та прочность, конечно, какъ у другихъ, но и до этого достигнутъ, если бы дать время совершенствоваться, а не раззорять вдругъ всѣ фабрики ввозомъ чужихъ товаровъ.

Говорятъ, что Государь даетъ великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ приданаго милліонъ рублей серебромъ, да сверхъ того доходу слишкомъ сто тысячъ серебромъ. Вѣдь она и сама богата. Все, что принадежало покойному Михаилу Павловичу, досталось Ей; все, что имѣетъ Елена Павловна, достанется Ей же. Екатерина Михайловна должна быть богаче дочерей самого Государя, потому что онѣ имѣютъ только свои удѣлы, а Она свой удѣлъ и удѣлы отца и матери. Государь такъ щедръ, но я думаю, Ему и то трудно, долгу много!

Многіе сокрушаются, что принцъ Гессенскій Александръ женился на графинѣ Гауке! [1]) Какая же тутъ бѣда для Россіи? Вѣдь Принцъ Гессенскій не нашъ великій князь. Родъ его никогда у насъ царствовать не будетъ. Какое намъ дѣло, что иностранный принцъ женится на простой графинѣ? Они тамъ и много такъ дѣ-

---

[1]) Юлія Гауке, дочь генерала польской арміи, погибшаго въ ноябрѣ 1830 г. за вѣрность Николаю. Бракъ ея съ Александромъ Гессенскимъ состоялся 28 октября 1851 г., отъ нихъ происходятъ Баттенберги. Братъ Ю. Гауке былъ флигель-адъютантомъ, въ 1863 г. принялъ участіе въ возстаніи, подъ именемъ Боссака, командовалъ партіями. Убитъ въ франко-прусской войнѣ 1870 г., сражаясь въ рядахъ фран. арміи.

лаютъ. Покойный Король Прусскій, отецъ нашей Государыни, и не молоденькій, какъ принцъ Гессенскій, а былъ же женатъ на одной изъ своихъ подданныхъ, послѣ смерти своей первой жены. Да и нашъ великій Князь Константинъ Павловичъ былъ же женатъ на простой полькѣ, Грудзинской, которую уже потомъ возвели въ достоинство Княгини Ловичь. Уже когда Константинъ Павловичъ Цесаревичъ, предполагаемый наслѣдникъ русскаго престола, будучи сорока лѣтъ, или болѣе, развелся съ женою, чтобъ жениться на простой дворянкѣ, то двадцатипятилѣтнему принцу Александру еще простительнѣе жениться на графинѣ Гауке. Онъ не русской и не царской крови. И какое вліяніе можетъ онъ имѣть на Россію? Если бы онъ и служилъ у насъ, то братъ нашей наслѣдницы, хотя впослѣдствіи и Государыни, не болѣе можетъ имѣть вліянія на дѣла Государства, какъ по занимаемой имъ должности. Эта же должность, не можетъ быть такъ огромна, чтобы опасаться пристрастія его къ родственникамъ жены, у которой можетъ быть ихъ и нѣтъ въ Россіи.

Вотъ какъ нашъ наслѣдникъ мечталъ объ Ольгѣ Калиновской, это было страшно! [1]) Кромѣ того, что такому молодцу, сыну такого Царя, такому доброму, славному человѣку, такая жена не по плечу, кромѣ того, она полька, недальняго ума, съ родни всѣмъ польскимъ фамиліямъ, искони враждебнымъ Россіи, это могло бы задавить насъ. Но братъ наслѣдницы, Принцъ не богатаго и неважнаго дома, который у себя меньше значитъ, чѣмъ у насъ князь Чернышевъ, или графъ Орловъ, чтожъ за бѣда, если онъ женился по сердцу и взялъ не принцессу, а только графиню? — Ничего, — Россіи ничего отъ этого не будетъ.

Всѣ бранятъ Графа Клейнмихеля, что цѣны на желѣзной дорогѣ не дешевы и сожалѣютъ, что почти весь сборъ перейдетъ въ карманъ американцевъ [2]), съ которыми сдѣланъ самый странный и разорительный контрактъ, въ теченіе коего казнѣ будетъ приходиться только пятая, или даже шестая часть сбора, а прочее все американцамъ. Разсуждаютъ такъ: когда же правительство выберетъ свои издержки, свой капиталъ, свои проценты? Каждый вагонъ, отъ столицы до столицы, доставляетъ сбору 600 рублей серебромъ. Изъ этого американцамъ по контракту слѣдуетъ, счи-

---

[1]) Ольга Калиновская происходила изъ старинной аристократической польской фамиліи; ея отецъ былъ кавалерійскій генералъ, мать изъ рода Потоцкихъ. По волѣ Николая О. Калиновская была выдана замужъ за гр. Иринея Огинскаго, владѣтеля Ретово. Отъ этого брака у нея было двое бездѣтныхъ сыновей; одинъ изъ нихъ—Богданъ, послѣ смерти котораго разыгрались всѣмъ извѣстныя дѣла о подложныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ.

О. Калиновская имѣла большое вліяніе при дворѣ, Александръ II посѣщалъ ее въ Ретовѣ; умерла въ 1899 г.

[2]) Извѣстный по невыгодности для казны контрактъ съ Уайенсомъ.

тая по 80 копеекъ за версту съ каждаго вагона, по 480 рублей серебромъ. Что же останется казнѣ? 120 рублей серебромъ съ вагона, и то ежели онъ полонъ, и то, не всѣ пассажиры ѣдутъ отъ одной столицы до другой, а выходятъ въ промежуткахъ, слѣдовательно не всегда и 600 рублей можетъ доставить каждый вагонъ. Что жъ остается казнѣ на всѣ прочіе расходы на удовлетвореніе процентовъ съ 150-ти милліоновъ, употребленныхъ на сооруженіе дороги? Желѣзная дорога дѣло дивное, славное по тѣмъ затрудненіямъ, какія представляли нескончаемыя болота и пучины, лежащія на пути; но этотъ странный контрактъ чрезвычайно много тутъ испортилъ. Для казны убытокъ ужасный, и для проѣзжающихъ вещь чувствительная, потому что цѣны назначены большія, особенно за провозъ экипажей; а менѣе назначить нельзя, потому что казна и безъ того въ большомъ накладѣ. Жаль, что бранятъ графа Клейнмихеля, онъ человѣкъ усердный, но все таки досадно, какъ можно такъ мало думать о пользахъ государства.

Какъ жаль Принца Лейхтенбергскаго [1]) и бѣдную великую Княгиню Марію Николаевну! Молодая вдова, шестеро дѣтей, скучно ей будетъ доживать, если не выйдетъ замужъ. — Жаль ее и жаль Государя, который такъ часто хоронитъ дѣтей своихъ.—По твердости Его души Онъ сумѣетъ перенесть и этотъ ударъ, но каково будетъ Ему смотрѣть на свою дочь, такую молодую, такую прекрасную такъ рано овдовѣвшую! — Дай Богъ! чтобы она опять, черезъ годъ, или два вышла замужъ [2]), и чтобы новыя узы утѣшили Ее и Государя. Вотъ бы ей мужъ Людовикъ Наполеонъ.

Вотъ Франція опять имперія! Желаю, чтобы Людовикъ Наполеонъ упрочилъ власть свою во Франціи. Прежде считалъ я его безпутнымъ разбойникомъ, а теперь вижу, что онъ человѣкъ мудрый. Боюсь и жаль будетъ, ежели нашъ Государь съ нимъ не сойдется. Быть съ такимъ человѣкомъ въ ладахъ полезно. Сдружись Россія съ Франціей хорошенько, тогда гадкіе англичане призадумались бы.

Весь свѣтъ во всемъ подражаетъ Франціи, особенно умственный міръ. Образъ мыслей вездѣ сколокъ на французскій ладъ; то ежели Людовикъ Наполеонъ удержится въ главѣ Франціи, при этой восторженной любви, которую ему оказываютъ, его мнѣнія и выказываемая имъ преданность къ религіи непремѣнно разольются по

---

[1]) Умеръ отъ чахотки въ 1852 г. на Мадейрѣ.

[2]) Она впослѣдствіи, при Александрѣ II, вступила въ бракъ съ гр. Г. Строгоновымъ.

всему государству и принесутъ огромную пользу какъ Франціи, такъ и всѣмъ странамъ, ей подражающимъ.

Когда Вольтеръ и его друзья провозглашали неистово безбожіе, оно вездѣ лилось съ французскимъ языкомъ и французскими книгами. Когда Франція оказывала равнодушіе къ религіи, весь міръ былъ къ ней равнодушенъ, исключая очень немногихъ. Когда самые новые писатели французскіе и нѣмецкіе стали говорить о Христѣ и Его религіи съ почтеніемъ, стали и у насъ, и въ другихъ Государствахъ понемногу заговаривать, что Христосъ не выдумка и Его религія лучше мусульманской.

Людовикъ Наполеонъ воспитанъ матерью [1]), которая въ своемъ родѣ была совершенство. Она внушила ему любовь къ религіи, такъ и не мудрено, что онъ сохранилъ прекрасное чувство въ цѣлости. Теперь же, если онъ, сдѣлавшись во Франціи Императоромъ, и ничто не опрокинетъ его, то можно надѣяться, что его приверженцы станутъ любить христіанскую религію, какъ онъ любитъ ее самъ. А глядя на французовъ и прочіе народы перестанутъ стыдиться быть христіанами.

Надо думать, что самъ Богъ ведетъ Людовика Наполеона на первое мѣсто во Франціи, чтобъ залѣчить ея раны и дать ей мудраго и твердаго путеводителя.

Дай Богъ новорожденному Императору Франціи долго жить, рости въ духѣ и силѣ Божіей, и укротить звѣронравныхъ французовъ до того, чтобъ они сдѣлались людьми. Дай Богъ и то, чтобы нашъ Государь сдружился съ нимъ. Подписываться ami, или frère, — все равно, — а польза была бы большая.

Не послушался Государь людей опытныхъ, Ему преданныхъ. Поссорился съ Людовикомъ Наполеономъ. Быть бѣдѣ!

Государь послалъ за границу графа Орлова [2]); но врядъ ли его умъ и пылкое усердіе принесетъ пользу. — А тутъ еще умники увѣряютъ Государя, что Турецкое войско умираетъ отъ чумы и холеры, — ну, просто, что некого будетъ бить! — Я осмѣлился сказать Государю, чтобъ не вѣрилъ благопріятнымъ для насъ извѣстіямъ о непріятелѣ, что они всегда преувеличены, но чтобъ крѣпился духомъ; можетъ быть Господь Богъ поможетъ намъ, и къ Его исторіи прибавится еще одна блистательная страница. Онъ поднялъ руки и отвѣчалъ: «Братецъ! духомъ то не упаду, но здоровья не станетъ!» — Помоги Ему Господь!

---

[1]) Гартензія Богарне, дочь Жозефины.

[2]) Въ Вѣну на конференцію.

Боже мой! не стало нашего Государя Николая Павловича!— Плачъ всеобщій, всеобщее изумленіе, — никто не вѣритъ, чтобъ этотъ дубъ тѣломъ и душою, этотъ великанъ, такъ внезапно свалился! Послѣ кратковременной болѣзни, 18-го февраля 1855-го года, въ $^1/_2$ 1-го часа пополудни Онъ отдалъ Богу свою свѣтлую чистую, непорочную душу. Ударъ неожиданный, никто и не подозрѣвалъ, что недугъ Его принялъ опасное направленіе. Скорбь такъ велика, что описывать ее дѣло невозможное.

Въ тяжкое время вступаетъ на престолъ Его наслѣдникъ. Дай Богъ ему силы, не упасть духомъ подъ тяжестью, такъ неожиданно налетѣвшею на Его плечи.

26-го августа, 1856 г.

Богъ видитъ, что я служилъ безъ всякихъ видовъ честолюбія, для пользы моего Государя, моего отечества и моихъ согражданъ. Теперь возвращаюсь къ ничтожеству и молю Господа, чтобы благословилъ благія намѣренія нашего юнаго Государя; — это будетъ всегда первымъ предметомъ моихъ желаній,—и смѣло могу сказать что ежели по службѣ многіе были счастливѣе меня, то конечно, никто не былъ и не будетъ болѣе преданъ своему Государю.

A la fin de ma carière j'ai rencontré un homme, — le voici:

Il n'est ni Royaliste, ni Jacobin; il n'est ni méchant, ni bon, mais il n'a pas de coeur; il n'est pas bête, mais ce n'est pas un homme d'esprit; il est aristocrate, mais il n'a pas même les vices d'un grand seigneur! [1])

ГЕНВАРЬ 1862-го года.

Вотъ какъ нынѣшніе просвѣщенные люди, въ особенности литераторы, обманываютъ публику и даже самого государя! На памятникѣ тысячелѣтію Россіи предположено изобразить въ барельефѣ мужей, способствовавшихъ своими подвигами прославленію Россійскаго государства и между ими помѣщенъ Тарасъ Шевченко. Наши литераторы умѣли придать этой личности какой то блескъ, котораго онъ отнюдь не заслуживаетъ. Литературное достоинство этого ничтожнаго человѣка состоитъ въ нѣсколькихъ малороссійскихъ пѣсняхъ и повѣстяхъ на старинномъ малороссійскомъ нарѣчіи, котораго теперь почти никто не понимаетъ. Не думаю,

---

[1]) Эти слова, кажется, надо относить къ кн. В. Долгорукову, замѣнившему въ 1856 г. гр. Орлова въ должности шефа жандармовъ.

чтобъ эти пѣсни и повѣсти могли способствовать къ прославленію Россіи, а между тѣмъ пріятели Шевченки, малороссіяне, въ числѣ пяти, шести человѣкъ, успѣли дать его ничтожному стихотворенію такой вѣсъ и такъ увѣрить правительство, что ихъ мнѣніе на этотъ счетъ есть мнѣніе общественное, что втянули ликъ Шевченки на памятникъ тысячелѣтія. — Шевченку я зналъ лично, но не имѣлъ съ нимъ никогда никакихъ сношеній, слѣдовательно смѣю думать, что мое объ немъ сужденіе безпристрастно. О первой половинѣ его жизни прочтите его некрологъ, тамъ вы увидите, что онъ былъ сынъ крестьянина, что всякое принужденіе къ наукамъ и труду было для него тягостно и что онъ всю почти молодость провелъ въ бѣгахъ, пьянствѣ и воровствѣ. Кое какъ научился онъ рисовать, но какъ рисовать? Я видѣлъ его рисунки, это мыши кота хоронятъ. Шатаясь по свѣту до 30-тилѣтняго возраста, онъ прибылъ въ С.-Петербургъ и пріобрѣлъ благосклонность покойныхъ графа Вьельгорскаго и Жуковскаго, эту благосклонность пріобрѣсти было не трудно, они, дай Богъ имъ Царство Небесное, въ чистотѣ и добротѣ сердецъ своихъ, какъ живая Татьяна Борисовна Потемкина [1]), во всякомъ мерзавцѣ, даже во всякомъ разбойникѣ, видѣли только человѣка несчастнаго и потому принимали въ немъ участіе. Вьельгорскій и Жуковскій склонили покойную императрицу Александру Ѳеодоровну и все царское семейство къ собранію нѣкоторой суммы для выкупа Шевченка изъ крѣпостного состоянія. Императрица оказала ему это благодѣяніе и какъ отплатилъ онъ своей благодѣтельницѣ? Въ 1847 году былъ обнаруженъ заговоръ нѣкоторыхъ малороссіянъ противъ правительства, ихъ намѣреніе состоялось въ отложеніи Малороссіи отъ Россіи. Главными дѣятелями этого заговора были: Гулакъ-Артемовскій, человѣкъ глупый, но богатый, слѣдовательно для заговорщиковъ полезный, отчаянный слафянофилъ, кромѣ Кирилла и Меѳодія никого не чтущій, потомъ Кулешъ, и , въ особенности, его супруга, Андрускій, Костомаровъ, Шевченко и не помню еще кто. Эти господа имѣли намѣреніе сдѣлать изъ Малороссіи государство самостоятельное и отодвинуть ее къ временамъ Гетманщины и Гайдаматчины, то есть ко временамъ разбоевъ и грабежей, всегда выгодныхъ для людей бездомныхъ. При осмотрѣ бумагъ этихъ господъ найдены въ портфелѣ Шевченки дурно нарисованныя, самыя безнравственныя картинки, большая часть изъ нихъ составляли карикатуры на особъ Императорской фамиліи, и, въ особенности, на государыню императрицу, и самые неблагопристойные стихи на счетъ ея величества. Когда спросили Шевченку: что это? онъ отвѣчалъ: «Простите, впередъ не буду!» — Князь Орловъ назвалъ ихъ общество Украйно-

---

[1]) Императоръ Николай называлъ Т. Б. Потемкину «моя игуменья» и никогда не отказывалъ въ ея просьбахъ.

филами, и они, въ 1847 году, были разосланы въ разныя отдаленныя губерніи. Нынѣ царствующій государь простилъ Шевченку, онъ возвратился въ Петербургъ и пересталъ пьянствовать потому, что допился до водяной болѣзни, отъ которой и умеръ. — Надо было видѣть Шевченку, вообразите человѣка средняго роста, довольно дороднаго, съ лицомъ опухшимъ отъ пьянства, вся отвратительная его наружность самая грубая, необтесанная, рѣчь мужицкая, въ порядочномъ домѣ стыдно было бы имѣть его дворникомъ, и вотъ этого то человѣка успѣли украйнофилы выказать славою, честью и украшеніемъ Малороссіи, и подъ личиною общественнаго мнѣнія оскорбить, замарать его ликомъ памятникъ тысячелѣтія Россіи!

Еслибы въ подобныхъ случаяхъ, прежде ихъ окончательнаго рѣшенія, повелѣно было обращаться въ 3-е отдѣленіе государевой канцелляріи, для узнанія такъ сказать подноготной, то наши риѳмоткачи не имѣли бы возможности такъ искажать истину и такъ дерзко обманывать правительство.

Я увѣренъ, что если бы Государь это зналъ, то приказалъ бы снять этотъ кусокъ грязи съ свѣтлаго, чистаго лица Россіи и замѣнить его какою нибудь достойною личностью, въ которыхъ Малороссія не имѣетъ недостатка.

Сообщено *Л. Ф. Пантелѣевымъ* и имъ же снабжено примѣчаніями.

Примѣчаніе къ стр. 135: «L'Ermite de la Chaussèe d'Antin» (1812—15), повременное изданіе, рисующее современные нравы, вродѣ *Англійскаго Спектатора*, издавалось писателемъ и драматургомъ Жуи (Jouy, 1764—1846). *Ред.*

За полвѣка.

(Продолженіе.)

Цѣлый рядъ «начинающихъ» пришли въ «Библіотеку». Нѣкоторые и начинали именно у меня. Почти всѣ составили себѣ имя, если не на чисто писательскомъ поприщѣ, то въ другихъ областяхъ умственнаго труда и общественной дѣятельности.

Однимъ изъ самыхъ молодыхъ, явившійся ко мнѣ съ своей первой рукописью — былъ юмористъ Лейкинъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся очень популярнымъ беллетристомъ и умершій богатымъ человѣкомъ отъ экономій изъ своихъ писательскихъ заработковъ.

Помню, ко мнѣ въ гостиную вошелъ брюнетикъ, франтовато одѣтый, въ красномъ галстухѣ, тогда еще худощавый, пріятной наружности и совсѣмъ еще не хромой.

Онъ смотрѣлъ контористомъ и дѣйствительно былъ купеческаго званія и служилъ въ какой-то иностранной экспортной конторѣ.

Эта служба дала ему богатый матеріалъ для изученія нравовъ нашего мелкаго купечества.

Онъ и написалъ свои очерки «Господа Апраксинцы» и принесъ ихъ редактору «Библіотеки», про котораго пошла молва, что онъ хорошо платитъ, а, главное, даетъ авансы.

Про то разсказывалъ самъ Лейкинъ, незадолго до смерти, въ своихъ воспоминаніяхъ.

Я сейчасъ же, не отдавая рукописи Эдельсону, распозналъ живую наблюдательность и бойкій жаргонный языкъ начинающаго гостиннодворца... и сталъ печатать его «Апраксинцевъ» въ первыхъ же книжкахъ, вышедшихъ подъ моей редакціей.

Съ тѣхъ поръ, Лейкинъ — сколько помню — долго не приносилъ намъ ничего. Но эта первая его вещь, напечатанная въ большомъ журналѣ, дала ему сразу ходъ, и онъ превратился въ присяжнаго юмориста изъ купеческаго быта, въ органахъ мелкой прессы, которая тогда только начала складываться въ то, чѣмъ она стала позднѣе.

И Лейкинъ умеръ первымъ сюжетомъ увеселительной газетной беллетристики, сумѣвшимъ свою купеческую смѣкалку пустить

въ оборотъ съ чрезвычайной плодовитостью и доходностью. Про него можно было сказать не только: «nulla dies sine linea», но и «ни одного дня безъ цѣлаго новаго разсказа».

Встрѣтился я съ нимъ уже много лѣтъ спустя, когда онъ потолстѣлъ и сталъ хромать, былъ уже любимцемъ Гостиннаго Двора, офицеровъ и чиновниковъ, писалъ кромѣ очерковъ и разсказовъ и бытовыя пьески, сдѣлалъ себѣ и репутацію вивёра, любящаго кутнуть, способнаго произвести скандалецъ гдѣ-нибудь у нѣмцевъ, въ шустеръ-клубѣ.

Но онъ «разсудку» не терялъ, нажилъ себѣ доходный домъ и дачу, гдѣ пристрастился къ разведенію рѣдкихъ породъ куръ, которыя и посылалъ на выставки.

Всего разъ привелось мнѣ — уже въ концѣ XIX-го вѣка— быть у него, въ его собственномъ домѣ и видѣть его обстановку.

Это было по поводу нашего совмѣстнаго участія въ ревизіонной комиссіи одного писательскаго общества

Онъ и дома, въ обширномъ кабинетѣ, забавлялъ себя всякими юмористическими выдумками.

У него были цѣлыхъ четыре моськи. Онъ пріучилъ ихъ лежать у четырехъ ножекъ стола и, указывая мнѣ на нихъ, говорилъ: —Прозвалъ я ихъ, П. Д., «поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще».

Такъ и прожилъ свой удачливый писательскій вѣкъ благообразный контористъ въ красномъ галстухѣ, явившійся ко мнѣ съ «Апраксинцами», которыхъ онъ потомъ столько лѣтъ всячески забавлялъ.

Новымъ для меня лично былъ и князь А. И. Урусовъ, хотя я его и нашелъ уже въ числѣ сотрудниковъ «Библіотеки».

Я уже говорилъ, какъ я въ Москвѣ разыскивалъ — кто скрывается подъ псевдонимомъ «Александръ Ивановъ» — авторъ статей о Позняковой, ея дебютѣ въ моемъ «Ребенкѣ» и самой драмѣ.

Это оказался студентъ второго курса на юридическомъ факультетѣ, Урусовъ. И я — какъ только сдѣлался редакторомъ — сейчасъ же написалъ ему въ Москву и просилъ о продолженіи его сотрудничества, по театру и литературной критикѣ.

О своей связи съ молодымъ Урусовымъ и дальнѣйшихъ нашихъ пріятельскихъ отношеніяхъ (когда онъ сдѣлался адвокатской знаменитостью) я уже говорилъ и въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя далъ въ сборникѣ, посвященномъ ему, и въ другихъ мѣстахъ.

Не желая повторяться, я остановлюсь здѣсь на томъ, какъ Урусовъ, именно въ «Библіотекѣ» и у меня, въ редакціонной квартирѣ, вошелъ въ жизнь писательскаго міра и сталъ смотрѣть на себя, какъ на литератора, развилъ въ себѣ любовь къ театру, изящной словесности и искусству вообще, которую, безъ участія въ журналѣ, онъ могъ-бы и растратить гораздо раньше.

По своей «литературности» онъ и тогда выдѣлялся изъ всѣхъ моихъ молодыхъ сотрудниковъ, даже и тѣхъ, у кого было больше таланта, кто выработалъ изъ себя беллетристовъ и публицистовъ.

Наше тогдашнее сближеніе произошло въ два пріема въ теченіе моего редакторства: сначала въ его первый пріѣздъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ матерью, а потомъ, когда онъ гостилъ у меня въ квартирѣ и пробылъ, вмѣсто одной недѣли, цѣлыхъ шесть и больше — съ масляницы до начала мая.

Несмотря на разницу лѣтъ (ему было 21, а мнѣ уже и цѣлыхъ 28), мы сошлись совершенно какъ студенты, оба преданные литературѣ, съ очень сходными вкусами, идеями, любимыми авторами, любимыми артистами и съ общностью всей нашей бытовой культуры.

И онъ былъ «барское дитя», типичный москвичъ: но его дѣтство, отрочество и первая юность прошли въ болѣе привольной и пестрой свѣтской и товарищеской жизни.

У меня съ дѣтства была нѣкоторая связь и съ фамиліей Урусовыхъ. Его родной дядя, князь М. А. Урусовъ, былъ долго у насъ, въ Нижнемъ, губернаторомъ. Съ его сыновьями я танцовывалъ, мальчикомъ, на дѣтскихъ балахъ, а потомъ, студентомъ, и съ ихъ матерью.

Кажется, ни съ кѣмъ изъ моихъ начинающихъ сотрудниковъ я не былъ такъ близокъ и такъ долго не сохранилъ этой связи.

Она продолжалась и за границей — въ первую мою поѣздку (сентябрь 1865—май 1866 г.) и закрѣпилась лѣтомъ, когда я гостилъ у Урусовыхъ въ Сокольникахъ и потомъ прожилъ въ отечествѣ до конца этого года. Переписка наша возобновилась и съ новымъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ и продолжалась хотя и съ большими перерывами — до моего возвращенія въ Россію, къ январю 1871 года.

Въ это время Урусовъ изъ студента и сотрудника «Библіотеки» превратился въ знаменитость адвокатуры. Такимъ онъ со мною и встрѣтился въ Петербургѣ въ первую же мою тамъ зиму.

Того прежняго Урусова въ немъ уже я не нашелъ. Слава, большой заработокъ, успѣхъ у женщинъ, щекотаніе тщеславія отвели его совсѣмъ въ другую область.

И только въ ссылкѣ и потомъ на службѣ въ Петербургѣ онъ опять сдѣлался тѣмъ любителемъ изящной литературы и театра, который такъ привлекалъ меня — въ дни его первой молодости.

Въ «Библіотекѣ» онъ писалъ письма на художественныя темы; не только о театрѣ, но и по вопросамъ искусства. Въ работѣ онъ былъ лѣнивенекъ и его надо было подталкивать; но въ немъ дорогъ былъ его искренній интересъ къ міру изящнаго слова, какого я не видалъ въ такой степени въ его сверстникахъ.

Ему недоставало серьезности настоящаго работника. Онъ слишкомъ отдавался всѣмъ приманкамъ жизни, но жилка литературности никогда въ немъ не переставала биться.

И все, что онъ впослѣдствіи и въ Ригѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ (когда переѣхалъ туда доживать) писалъ о театрѣ, о книгахъ, объ искусствѣ — во всемъ этомъ онъ уже пробовалъ себя въ «Библіотекѣ».

Практика адвоката, забота о матерьяльномъ достаткѣ, семейныя дѣла, долгія любовныя увлеченія, великосвѣтскія знакомства — ничто не охладило его любви къ изящной литературѣ— и русской и, въ особенности, французской.

Къ тѣмъ годамъ, когда мы съ нимъ были членами петербургскаго Шекспировскаго кружка (конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ), Урусовъ уже былъ фанатическимъ поклонникомъ Бодлэра, а потомъ Флобера, и до смерти своей оставался все такимъ же «флобористомъ».

Но этотъ культъ великаго французскаго реалиста не помѣшалъ ему сыграть роль и въ нашемъ декадентствѣ. Онъ первый началъ поощрять такихъ поэтовъ, какъ Бальмонтъ, и дружилъ съ первоначальными кружками тогдашнихъ «модернистовъ»,

Но его увлекало всегда поклоненіе *формѣ*, искренность и оригинальность настроенія. Поэзію онъ дѣйствительно любилъ, хотя, какъ критикъ, цѣнилъ гораздо больше внѣшнюю отдѣлку, чѣмъ глубину мысли.

Онъ же, нѣсколько ранѣе, влюбился въ талантъ Чехова, когда тотъ только что сталъ печатать свои разсказы въ «Новомъ Времени».

И къ нашимъ классикамъ — къ Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Островскому — онъ относился, какъ безусловный поклонникъ, изучалъ ихъ детально, почти педантически. Одно время, по его совѣту, кружокъ его пріятелей и пріятельницъ началъ составлять *словарь всѣхъ пушкинскихъ словъ*.

Только къ Толстому относился онъ съ большими оговорками, недостаточно цѣнилъ его творческую *силу* и не прощалъ ему его нехудожественнаго языка.

Въ Москвѣ, когда ужасная болѣзнь лишила его слуха и превратила почти что въ руину, онъ не пересталъ читать своихъ любимыхъ авторовъ и, уже совсѣмъ глухимъ и павшимъ на ноги, онъ еще выступалъ на публичныхъ чтеніяхъ съ бесѣдами на литературныя темы.

Останься онъ *только* писателемъ — съ тѣхъ самыхъ годовъ, когда онъ работалъ у меня въ «Библіотекѣ» — изъ него не вышло бы ни Тэна, ни даже Брандеса, но онъ выработалъ бы изъ себя одного изъ самыхъ разностороннихъ и живыхъ «эссеистовъ» по беллетристикѣ, театру, искусству.

Но беллетристическаго таланта у него не было. Молодыя его статьи написаны языкомъ болѣе простымъ и искреннимъ, чѣмъ то, что онъ печаталъ двадцать лѣтъ позднѣе.

Изъ Москвы пришелъ къ намъ и Левитовъ, тогдашній соратникъ Слѣпцова и Николая Успенскаго въ реалистическомъ изображеніи всякой «меньшей братіи».

Это былъ типичный «богема» 60-хъ годовъ, родомъ семинаристъ, тономъ и всѣмъ своимъ побытомъ московскій неудачникъ, съ неотдѣланнымъ талантомъ и особеннымъ пролетарски-народническимъ лиризмомъ.

У меня онъ печаталъ свои «Московскія комнаты снебелью». Въ нихъ онъ явился предтечей не только Глѣба Успенскаго, но и Горькаго — сорокъ лѣтъ раньше появленія его «босяковъ», но безъ его босяческаго революціоннаго субъективизма.

Еще ближе къ нему стоялъ другой реалистъ-лирикъ, явившійся раньше Горькаго — Альбовъ.

Тогда, т.-е. въ началѣ 60-хъ годовъ, Левитовъ былъ несомнѣнно *иниціаторъ* этого настроенія, этого усиленнаго сочувствія къ мелкому, темному, порочному, бьющемуся люду.

И самъ онъ представлялъ собою, въ полномъ смыслѣ, литературнаго пролетарія и притомъ съ особенной горечью и жалобами на свою горькую долю.

Всегда безъ копейки, въ долгахъ, подверженный давно «горькому испитію», Левитовъ въ трезвомъ видѣ могъ быть довольно занимательнымъ собесѣдникомъ, но, съ годами, дѣлался въ тягость и тѣмъ, кто въ немъ принималъ участіе, въ томъ числѣ и князю А. И. Урусову.

Сотрудникъ онъ былъ желательный, и я очень цѣнилъ его талантъ и даже *манеру* писать, его языкъ, по-своему весьма своеобразный и дѣйствующій на душу читателя. Но, разумѣется, онъ отличался безпорядочностью работы и безъ «аванса» — писать не могъ.

Я потерялъ его изъ виду къ концу моего редакторства и уже по возвращеніи изъ-за границы, въ 1871 г., слышалъ о его злосчастномъ доживаніи отъ москвичей.

Участіе въ «Библіотекѣ» лириковъ-реалистовъ, какъ Левитовъ, давшихъ окраску тогдашней демократической беллетристикѣ, показываетъ — до какой степени мы, въ журналѣ, сочувствовали и *такому* теченію, цѣня, конечно, прежде всего, талантъ и художественность исполненія.

Можно прямо сказать, что у насъ были такіе-же точно сотрудники, какъ и въ тогдашнихъ болѣе радикальныхъ журналахъ, особенно по беллетристикѣ.

Первой молодой силой «Современника» считался вѣдь Помяловскій; а съ нимъ я вступилъ въ личное знакомство и привлекалъ его къ сотрудничеству. Онъ положительно обѣщалъ мнѣ повѣсть

и взялъ авансъ, который былъ мнѣ, послѣ его скорой смерти, возвращенъ его товарищемъ и пріятелемъ Б—кимъ.

Помяловскій заинтересовалъ меня, когда я еще доучивался въ Дерптѣ, своими повѣстями «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ». Его очерки «Бурсы», появлявшіеся въ журналѣ Достоевскихъ, не говорили еще объ упадкѣ таланта, но ничего болѣе крупнаго изъ жизни тогдашняго общества онъ уже не давалъ.

И мы знаемъ, что помѣхой была, главнымъ образомъ, его кутильная жизнь.

Его раньше меня зналъ Воскобойниковъ, и, кажется, онъ и способствовалъ привлеченію его къ «Библіотекѣ».

У меня, въ редакціи, онъ былъ раза два-три и мнѣ, глядя на этого красиваго молодого человѣка и слушая его пріятный голосъ духовнаго тембра — при его умѣ и талантѣ — было особенно горько видѣть передъ собою уже неисправимаго алкоголика.

Разъ мой вѣрный служитель Михаилъ Мемноновъ докладываетъ мнѣ *конфиденціально:*

— Господинъ Помяловскій пришли.

— Въ какомъ видѣ?—спрашиваю я.

— Совсѣмъ *не годятся,* П. Д.

И такимъ онъ бывалъ цѣлыми недѣлями.

Вскорѣ онъ заболѣлъ, и его, въ клиникѣ, лѣчили отъ «delirium tremens». Лежалъ онъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Щаповымъ, о которомъ я еще буду говорить, въ клиникѣ Военно-Медицинской Академіи и я ихъ обоихъ тамъ навѣщалъ. Тогда онъ уже оправился, и я никакъ не думалъ, что онъ близокъ къ смерти. Но у него сдѣлалось что-то потребовавшее операціи и кончилось это антоновымъ огнемъ и зараженіемъ крови.

Въ его лицѣ безвременно погибла крупнѣйшая жертва русской дѣйствительности, ужасныхъ привычекъ, грубости и дикости. И надо удивляться какъ изъ своей жестокой «бурсы» онъ вынесъ столько свѣжаго дарованія, наблюдательности и знанія совсѣмъ не одной семинарской и поповской жизни. Онъ это блистательно доказалъ такой вещью, какъ его «Молотовъ».

Съ Левитовымъ попалъ въ редакцію и Глѣбъ Успенскій. Его двоюроднаго брата Николая я помню тоже въ редакціонномъ кабинетѣ; но сотрудникомъ журнала онъ, кажется, не сдѣлался.

«Глѣбушку» привели москвичи. Онъ еще ничего не печаталъ въ Петербургѣ, и у меня появился *первый* его разсказъ «Старьевщикъ», прежде чѣмъ онъ сталъ печатать у Некрасова.

Онъ не былъ уже тогда очень юнъ, но смотрѣлъ еще юношей. Я уже имѣлъ случай вспоминать о моемъ первомъ знакомствѣ съ этимъ милымъ человѣкомъ и даровитѣйшимъ писателемъ, который кончилъ такъ печально.

Тогда я его, послѣ появленія въ редакціи съ разсказомъ «Старьевщикъ», что-то мало помню въ Петербургѣ. Больше онъ у меня — если не ошибаюсь — не печаталъ ничего.

Наше дальнѣйшее знакомство относится уже къ 70 годамъ. Мы тогда вспоминали про «Старьевщика» и про его дебюты. Онъ уже получилъ извѣстность, но все-таки не могъ устроить своего матеріальнаго положенія сколько-нибудь прочно.

Все та же срочная и спѣшная работа, все тѣ же долги редакторамъ, а когда обзавелся семьей, усилившаяся нужда, хотя ему хорошо платили и охотно покупали у него право отдѣльныхъ изданій.

Типъ перебивающагося съ «хлѣба на квасъ» писателя и сложился въ 60-хъ годахъ. Прежде рѣдкій писатель — даже и съ крупнымъ дарованіемъ — жилъ только на гонораръ. Такіе таланты, какъ Гончаровъ, Салтыковъ — были десятки лѣтъ чиновниками.

А тутъ народилась «богема», и какъ разъ къ той полосѣ, когда мы выступали въ литературѣ.

Подъ моимъ редакторствомъ начиналъ и Антроповъ, впослѣдствіи извѣстный авторъ пьесы «Блуждающіе огни». Его ввелъ Воскобойниковъ, который былъ съ нимъ очень близокъ и заботился о немъ съ отеческимъ чувствомъ.

Теперь онъ забытъ и только любители театра помнятъ его «Блуждающіе огни». Эту пьесу до сихъ поръ играютъ еще въ провинціи.

Въ журналѣ онъ еще не пробовалъ себя, какъ беллетристъ, а писалъ статьи и фельетоны очень бойкимъ и изящнымъ языкомъ. Да и весь онъ былъ тогда чрезвычайно красивый и пріятный брюнетъ, живой, пылкій, влюбчивый, возбуждавшій въ женщинахъ волненіе, куда бы онъ ни появлялся. Онъ учился въ Петербургскомъ университетѣ, литературу любилъ искренно. Но работника изъ него не вышло. Позднѣе, уже къ 70-мъ годамъ, онъ, послѣ успѣховъ, какъ драматургъ, превратился также въ «богему» и прожигалъ жизнь, предаваясь тѣмъ же излишествамъ, которыя столькихъ писателей свели въ преждевременную могилу.

Въ нашемъ редакціонномъ кружкѣ онъ давалъ молодую, изящную ноту; но тогдашними разрывными идеями не увлекался и былъ чрезвычайно преданъ культу «чистаго искусства».

В. П. Острогорскій, сдѣлавшійся популярнѣйшей личностью въ петербургской интеллигенціи, начиналъ въ «Библіотекѣ» и дебютировалъ статьей, написанной по моему предложенію и настоянію.

Онъ не былъ словесникомъ по университетскому ученію, а студентомъ юристомъ; не знаю, кончилъ ли курсъ, и сдѣлался потомъ учителемъ русской словесности.

Въ редакцію онъ попалъ, вѣроятно, съ какой-нибудь небольшой статейкой. Онъ мнѣ понравился, и я, разговорившись съ нимъ

о Помяловскомъ, котораго онъ любилъ и, кажется, былъ лично знакомъ съ нимъ, предложилъ ему попробовать себя въ критическомъ этюдѣ.

Онъ справился съ нимъ не плохо, но разборъ вышелъ, конечно, въ болѣе *публицистическомъ* духѣ, какъ тогда требовалось. Я лично былъ бы гораздо довольнѣе этюдомъ, гдѣ талантъ и языкъ Помяловскаго стояли бы на первомъ планѣ.

Мы сохранили съ Острогорскимъ очень хорошія отношенія и каждый разъ, когда онъ (особенно подъ веселый часъ) вспоминалъ о 60-хъ годахъ, онъ непремѣнно указывалъ на меня бывшимъ тутъ общимъ знакомымъ и своимъ удушливо-зычнымъ голосомъ восклицалъ:

— Петръ Дмитріевичъ пустилъ меня въ ходъ! Онъ мнѣ предложилъ писать о Помяловскомъ!

Такому и тогда искреннему и пылкому поборнику освободительныхъ идей, какъ этому «Виктору» (такъ его мы всѣ звали за глаза) въ «Библіотекѣ для чтенія» было бы очень привольно. Но онъ и тогда уже пустился — для добыванія себѣ средствъ къ жизни — въ учительство, гдѣ очень скоро выдвинулся среди петербургскихъ болѣе рутинныхъ и мало даровитыхъ педагоговъ.

Одной изъ послѣднихъ нашихъ встрѣчъ была въ день его юбилея. Я пріѣхалъ къ нему уже послѣ депутацій и засталъ его за столомъ, гдѣ стояли обильныя закуски, и, разумѣется, въ весьма возбужденномъ настроеніи отъ винныхъ паровъ.

Онъ увелъ меня въ кабинетъ, показалъ всѣ подарки, адресы, вѣнки и съ юморомъ стараго поклонника Бахуса сказалъ:

— Вотъ, П. Д., больше четверти вѣка *пью*, а—какъ видите — *ничего!* Все еще живъ курилка!

«Страшный заговорщикъ» Ткачевъ былъ тогда очень милый, тихонькій юноша, только что побывавшій въ университетѣ, гдѣ, кажется, не кончилъ, и я ему давалъ переводы; а самостоятельныхъ статей онъ еще не писалъ у насъ. Я уже разсказывалъ, какъ онъ быстро перевелъ «Утилитаризмъ» Дж. Ст. Милля, который цензура загубила.

Вспоминается мнѣ и одна подробность изъ времени работы Ткачева въ «Библіотекѣ».

Я поручилъ моему секретарю свезти ему гонораръ. Онъ засталъ не его, а мать его, и она, благодаря его, сказала ему:

— Передайте П. Д — чу, что мой Петя ужъ такъ для него старается, такъ старается!

И этотъ «Петя», еще до превращенія своего въ эмигранта, когда сдѣлался критикомъ, разбиралъ въ снисходительномъ тонѣ одну изъ моихъ повѣстей, которая, кажется, появилась въ томъ самомъ «Дѣлѣ», гдѣ онъ состоялъ одно время рецензентомъ.

Тогда въ «Библіотекѣ» ни онъ ни мои ближайшіе сотрудники, конечно, не могли бы себѣ представить этого тихаго, улыбающагося юношу въ роли эмигранта, который считался вожакомъ цѣлой партіи. За границей я его никогда не встрѣчалъ ни въ первые годы его житья тамъ ни передъ его концомъ.

Изъ петербургскихъ начинающихъ литераторовъ попалъ къ намъ и Пятковскій, впослѣдствіи постоянный сотрудникъ некрасовскихъ «Отечественныхъ Записокъ» и издатель «Наблюдателя».

Я съ нимъ сдавалъ экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ въ знаменитые сентябрьскіе дни. Онъ былъ юристъ, а можетъ-быть, и «администраторъ», какъ я, по программѣ моего кандидатскаго экзамена.

Въ «Библіотеку» онъ явился послѣ своей первой поѣздки за границу и много разсказывалъ про Парижъ, порядки второй имперіи и тогдашній полицейскій режимъ. Дальше замѣтокъ и небольшихъ статей онъ у насъ не пошелъ — и, по тогдашнему настроенію, въ очень либеральномъ тонѣ. Мнѣ онъ тогда казался болѣе стоящимъ интереса, и по исторіи русской словесности у него были уже порядочныя познанія. Онъ былъ уже авторомъ этюда о Веневитиновѣ.

Въ семидесятыхъ годахъ я его нашелъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» по библіографіи, и онъ вездѣ выставлялъ радикализмъ своихъ взглядовъ, что плохо вязалось съ нѣкоторыми его душевными свойствами. Онъ держался кружка «Отечественныхъ Записокъ», и я у него, на вечеринкахъ, находилъ Н. Курочкина и Деммерта.

Сдѣлавшись присяжнымъ педагогомъ и покровителемъ дѣтскихъ пріютовъ, онъ дослужился до генеральскаго чина и затѣялъ журналъ, которому не придалъ никакой физіономіи, кромѣ крайняго іудофобства. Слишкомъ экономный, онъ отвадилъ отъ себя всѣхъ болѣе талантливыхъ сотрудниковъ и кончилъ жизнь какого-то почти что Плюшкина писательскаго міра. Его либерализмъ такъ выродился, что, столкнувшись съ нимъ на Рижскомъ Штрандѣ (когда онъ былъ уже издатель «Наблюдателя»), я ему прямо высказалъ мое нежеланіе продолжать бесѣду въ его духѣ.

Но тогда, въ 60-хъ годахъ, этотъ молодой литераторъ не посмѣлъ бы давать ходъ своему смѣшному и антипатичному іудофобству. Тогда этого совсѣмъ не было въ воздухѣ; а мой журналъ отличался, напротивъ, самымъ широкимъ отношеніемъ къ полякамъ и ко всѣмъ вообще инородцамъ и жителямъ окраинъ.

Евреевъ было тогда еще очень мало въ журналахъ и газетахъ. Ихъ всѣхъ можно бы было перечесть по пальцамъ.

Кажется, П. И. Вейнбергъ направилъ ко мнѣ весьма курьезнаго еврея, нѣкоего О — тейна, которому я самъ сочинилъ псевдонимъ «Семенъ Роговиковъ» — переводъ его нѣмецкой фамиліи.

Онъ былъ преисполненъ желанія писать «о матерьяхъ важныхъ», имѣлъ нѣкоторую начитанность по-нѣмецки и весьма либеральный образъ мыслей и долго все возился съ Гервинусомъ, начиная о немъ статьи и не кончая ихъ.

Онъ все почти время моего редакторства состоялъ при «Библіотекѣ», ходилъ въ нее ежедневно со всевозможными проектами и статей, и разныхъ денежныхъ комбинацій, говорилъ много, горячо, какъ-то захлебываясь, съ сильнымъ еврейскимъ прононсомъ. И всегда онъ былъ безъ копейки, бралъ авансы — правда по мелочамъ—и даже одно время обшивался на счетъ редакціи у моего портного.

Эту подробность провѣдали другіе сотрудники, и она перешла въ анекдотъ слѣдующихъ генерацій.

«Семенъ Роговиковъ» видался часто съ Вейнбергомъ и, приходя въ мой кабинетъ или въ редакціонную, гдѣ стояли шкапы и большой столъ, на которомъ правились корректуры, неизмѣнно начиналъ свои ламентаціи фразой:

— Положеніе Петра Исаича (Вейнберга) — не блестящее; но мое положеніе — ужасное!

Или переставлялъ половины этой фразы и говорилъ съ той же жалостной миной:

— Мое положеніе — не блестящее; но положеніе Петра Исаича — ужасное.

А тогдашнее положеніе П. И. Вейнберга было дѣйствительно «не блестящее». Издательство «Вѣка» надѣлило его большимъ долгомъ; онъ какъ-то сразу растерялъ и работу въ журналахъ; а женитьба наградила его дѣтьми и надо было чѣмъ-нибудь ихъ поддерживать.

Тогда-то онъ и былъ вынужденъ поступить на службу столоначальникомъ въ военное министерство и бился до назначенія его въ Варшаву профессоромъ въ главную школу, потомъ въ университетъ, и полученія мѣста редактора «Варшавскаго Дневника» съ хорошимъ окладомъ и огромной казенной квартирой. Но это случилось уже къ 70-му году.

Пикантно и то, что два «нововременца» начинали также въ «Библіотекѣ для чтенія», одинъ почти исключительно, а другой отчасти.

Это были М. П. Федоровъ и Буренинъ.

Бывшій впослѣдствіи отвѣтственнымъ редакторомъ «Новаго Времени» Федоровъ (котораго всѣ звали «Эм-пѐ-фѐ») перешелъ въ «Библіотеку» съ самой своей первой статейки о французскомъ театрѣ и продолжалъ давать нѣкоторое время отчеты и при мнѣ.

Съ нимъ я былъ въ личномъ знакомствѣ и черезъ него сходился тогда (кажется, и до своего редакторства) съ братьями Краевскими, сыновьями Андрея Александровича, и Евгеніемъ Утинымъ— его товарищемъ по Петербургскому университету.

Тогда, т.-е. въ первую половину 60-хъ годовъ, онъ представлялъ изъ себя молодого барича, благообразной наружности и внѣшняго изящества, съ манерами и тономъ благовоспитаннаго рантье. Онъ и былъ имъ, жилъ при матери въ собственномъ домѣ (въ Почтамтской), гдѣ я у него и бывалъ и гдѣ впервые нашелъ у него молодого морского мичмана, его родственника (это былъ Станюковичъ), врядъ ли даже гдѣ числился на службѣ, усердно посѣщалъ театры и передѣлывалъ французскія пьесы.

Эта безпечная жизнь внезапно прекратилась. Изъ-за долговъ его брата домъ надо было продать и превратиться въ литератора, живущаго на гонораръ съ прибавкой какой-то службы.

Въ годы моей «Библіотеки» онъ былъ диллетантъ, любитель театра и беллетристики, безъ всякой политической окраски, но — какъ всѣ тогда — съ либеральнымъ образомъ мыслей, хотя и былъ сыномъ бессарабскаго генералъ-губернатора, генерала Федорова, одного изъ администраторовъ николаевскаго типа.

Ему и подъ старость, когда онъ состоялъ номинальнымъ редакторомъ у Суворина, дали прозвище: «котлетка и оперетка». Но въ послѣдніе годы своего петербургскаго, тускло-жуирнаго существованія онъ, встрѣчаясь со мною въ театрахъ, постоянно повторялъ, что все ему пріѣлось — сонный, тучный и еще болѣе хромой, чѣмъ въ тѣ годы, когда барски жилъ въ домѣ своей матери, на Почтамтской.

Буренинъ пріѣхалъ изъ Москвы. Тамъ онъ, какъ стихотворецъ, сошелся съ Плещеевымъ и, вѣроятно, отъ него и былъ направленъ ко мнѣ. А съ Плещеевымъ я уже былъ знакомъ по Москвѣ.

Онъ уже помѣщалъ сатирическія стихотворенія въ «Искрѣ», но, живя подолгу въ Петербургѣ, еще не распрощался съ Москвой, гдѣ онъ учился въ школѣ живописи и ваянія и вышелъ оттуда съ званіемъ архитекторскаго помощника.

По тогдашнему тону онъ совсѣмъ не обѣщалъ того, что изъ него вышло впослѣдствіи въ «Новомъ Времени». Онъ остроумно разсказывалъ про Москву и тамошнихъ писателей, любилъ литературу и былъ, какъ Загорѣцкій, «ужасный либералъ». Тогда онъ еще не проникъ къ Коршу, въ «Петербургскія Вѣдомости», гдѣ сдѣлался присяжнымъ рецензентомъ въ очень радикальномъ духѣ. Мнѣ же онъ приносилъ только стихотворныя пьесы.

По критикѣ онъ еще ничего не писалъ у меня, но я относился къ нему всегда весьма благожелательно, и личныя наши отношенія были самыя мирныя и благодушныя.

И по возвращеніи моемъ въ Петербургъ въ 1871 году, я возобновилъ съ нимъ прежнее знакомство и попалъ въ его коллеги по работѣ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша; но долго не зналъ, живя за границей, что именно онъ ведетъ у Корша литературное обозрѣніе. Это я узналъ отъ самого Валентина Ѳеодоровича,

когда сдѣлался въ Парижѣ его постояннымъ корреспондентомъ и началъ писать свои фельетоны «Съ Итальянскаго Бульвара». Было это уже въ зиму 1868 — 1869 гг.

Съ удовольствіемъ упомяну еще объ одномъ сотрудникѣ, который только у меня, въ «Библіотекѣ», сталъ вырабатывать себя, какъ своеобразную умственную физіономію.

Это былъ нѣкто Варнекъ, болѣе случайный, чѣмъ профессіональный писатель — уже не первой молодости; когда я съ нимъ познакомился, имѣвшій какія-то занятія, внѣ журнала, кажется, по педагогической части.

У него я никогда не бывалъ. Жилъ онъ на Васильевскомъ островѣ; по своему физическому складу, тону, языку, манерамъ смахивалъ на совсѣмъ обрусѣлаго инородца.

Онъ писалъ на оригинальныя темы, по вопросамъ общественной психологіи, и своимъ очень характернымъ языкомъ немножко расплывчато, но умно, наблюдательно, радикально — въ смыслѣ этическаго критерія.

Одна изъ пущенныхъ мною въ 1865 г. передовыхъ статей «Библіотеки» (которыя появлялись всегда безъ подписей авторовъ) была написана имъ.

Что онъ писалъ впослѣдствіи—я не знаю; если онъ уже умеръ, то въ послѣднее время. И помнится мнѣ, что только всего одинъ разъ судьба столкнула насъ въ Петербургѣ, и онъ тогда смотрѣлъ уже старикомъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, былъ старше меня.

Мнѣ остается остановиться здѣсь на нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ журнала, уже имѣвшихъ тогда имя.

П. И. Вейнбергъ (какъ я сейчасъ упомянулъ) въ эти годы ушелъ изъ журнализма, и я не помню, чтобы онъ—въ теченіе этихъ двухъ слишкомъ лѣтъ—обращался ко мнѣ съ предложеніемъ: участвовать въ журналѣ, въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ или одного изъ главныхъ сотрудниковъ. Въ «Библіотеку», еще при Писемскомъ, прошелъ его переводъ одной изъ драмъ Шекспира; но печатался онъ при мнѣ.

Вѣроятно, онъ давалъ намъ и стихотворенія, но постояннаго сотрудничества по какому-нибудь отдѣлу что-то не помню.

Евгенія Туръ, т.-е. графиня Сальясъ (сестра Сухово-Кобылина) работала въ «Библіотекѣ» довольно долго; но до смерти ея я никогда ее не видалъ. Она жила тогда постоянно въ Парижѣ и очень усердно дѣлала для насъ извлеченія изъ французскихъ и англійскихъ книгъ. Отъ нея приходили очень вѣскіе пакеты съ листами большого формата, исписанными ея крупнымъ мужскимъ почеркомъ набѣло.

Какъ сотрудница, она была идеальная. И выборъ того, что она предлагала мнѣ — показывалъ, что она держалась либеральныхъ симпатій.

Лѣсковъ видалъ ее въ Парижѣ и разсказывалъ мнѣ много и про нее и про ея тамошній кружокъ. Она дружила съ польской эмиграціей и возмущалась нашимъ режимомъ въ Варшавѣ и Вильнѣ.

Разъ она — на первыхъ порахъ ея сотрудничества — прислала мнѣ съ какимъ-то порученіемъ Суворина, котораго я тогда въ первый разъ и увидалъ.

Онъ работалъ уже въ то время у Корша, исполнялъ секретарскія обязанности и выработывалъ изъ себя того *радикальнаго* «Незнакомца», который позднѣе приводилъ въ восхищеніе тогдашнюю оппозиціонную публику.

У графини Сальясъ онъ и начиналъ въ Москвѣ, въ ея журналѣ, который долженъ былъ такъ скоро прекратиться. Къ ней онъ явился еще совсѣмъ безвѣстнымъ провинціаломъ изъ народныхъ учителей, вышедшихъ изъ воронежскаго кадетскаго корпуса.

Польскія дѣла (какъ я упомянулъ и выше) сблизили меня съ Н. В. Бергомъ — тоже москвичемъ, съ головы до пятокъ, изъ гоголевской эпохи.

Тѣ, кто хорошо зналъ Николая Васильевича (какъ, напр., Вейнбергъ или нашъ общій пріятель, проф. И. И. Иванюковъ) считали его однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей полосы 40 — 50-хъ годовъ.

Такихъ писателей теперь уже и совсѣмъ нѣтъ, да и тогда было не много.

Родомъ изъ обрусѣлой баронской семьи, но уже дворянинъ одной изъ подмосковныхъ губерній, онъ сложился въ писателя въ Москвѣ, въ тогдашнихъ кружкахъ, полюбилъ рано славянскую поэзію, какъ словесникъ, водился много съ славянофилами, но не сдѣлался ихъ выученикомъ, не чурался и западниковъ, былъ близокъ особенно съ графиней Ростопчиной.

Въ его характерѣ сидѣла всегда наклонность къ поѣздкамъ, къ впечатлѣніямъ войны, ко всему чрезвычайному, живописному и тревожному.

Онъ пріобрѣлъ извѣстность своими записками о Севастопольской осадѣ, потомъ ѣздилъ къ Гарибальди, когда тотъ дѣйствовалъ въ Ломбардіи и на итальянскихъ озерахъ. Не могъ онъ не заинтересоваться и польскимъ возстаніемъ. По-польски онъ давно выучился и переводилъ уже Мицкевича.

Въ «Библіотеку», сколько я помню, онъ попалъ черезъ Эдельсона — также москвича той эпохи.

Но я воспользовался его сотрудничествомъ и—какъ говорилъ выше—первый изъ редакторовъ журналовъ предложилъ ему роль спеціальнаго корреспондента по польскому возстанію.

Онъ жилъ сначала въ Варшавѣ, а потомъ въ австрійской Польшѣ, откуда долженъ былъ выѣхать потому, что тамошній «жондъ» заявилъ ему требованіе о выѣздѣ.

Когда онъ жилъ въ Варшавѣ, въ томъ самомъ коридорѣ, гдѣ былъ его номеръ, убили поляка, котораго жондъ заподозрилъ въ шпіонствѣ и никогда никто не былъ арестованъ по этому дѣлу.

Корреспонденціи Берга были цѣлыя статьи, въ нашемъ журнализмѣ 60-хъ годовъ единственныя въ своемъ родѣ. Содержаніе такого сотрудника было не совсѣмъ по нашимъ средствамъ. Мы помѣщали его, пока было возможно. Да къ тому же подавленіе возстанія пошло быстро, и тогда политическій интересъ почти что утратился.

Наши личныя отношенія остались очень хорошими. Черезъ много лѣтъ, въ январѣ 1871 года, я его нашелъ въ Варшавѣ (черезъ которую я проѣзжалъ тогда въ первый разъ) лекторомъ русскаго языка въ университетѣ, все еще холостякомъ и все въ тѣхъ же двухъ комнатахъ «Европейской гостиницы». Онъ принадлежалъ къ кружку, который группировался около П. И. Вейнберга.

Съ поляками онъ всегда ладилъ, хорошо владѣлъ ихъ языкомъ и тогда уже готовилъ къ печати отдѣльныя пѣсни «Пана Тадеуша».

Онъ былъ необычайно словоохотливый разсказчикъ, и эта черта къ старости перешла уже въ психическую слабость. Кромѣ своихъ московскихъ и военныхъ воспоминаній, онъ былъ неистощимъ на темы о женщинахъ. Какъ старый уже холостякъ, онъ пережилъ цѣлый рядъ любовныхъ увлеченій и не могъ жить безъ какого-нибудь объекта, которому онъ давалъ всякія хвалебныя опредѣленія и клички. И почти всякая оказывалась, на его оцѣнку, «одна въ имперіи».

Это женолюбіе не носило, однакоже, никакого циническаго оттѣнка, а скорѣе отзывалось чувственной сентиментальностью, какую мы знаемъ, напр., изъ біографіи Бэля-Стендаля или Сентъ-Бева.

Въ Варшавѣ онъ сдѣлался, разумѣется, восторженнымъ любителемъ польскаго балета и кончилъ тѣмъ, что, уже очень пожилымъ человѣкомъ, женился на кордебалетной танцовщицѣ-полькѣ.

У меня есть повѣсть «Поддѣли», написанная мною въ Петербургѣ, въ 1871 году. Тамъ является эпизодическое лицо одного московскаго холостяка. Наши общіе знакомые находили, что въ немъ схвачены были характерныя черты душевнаго склада Берга, въ томъ числѣ и его культъ женскаго пола.

Разговорный языкъ его — особенно въ разсказахъ изъ личной жизни — отличался совсѣмъ особеннымъ складомъ. Писалъ онъ для печати бойко, легко, но подчасъ нѣсколько расплывчато. Его проза страдала тѣмъ же, чѣмъ и разговоръ: словоохотливостью, неспособностью сокращать себя, не приплетать къ главному его сюжету всякихъ попутныхъ эпизодовъ, соображеній, воспоминаній.

Какъ частный человѣкъ, собратъ, товарищъ, онъ былъ высокой порядочности и деликатности, до педантизма аккуратный и исполнительный, добрый товарищъ, безупречный во всякомъ дѣлѣ, особенно въ денежныхъ дѣлахъ.

Увы! такой типъ — среди пишущей братіи — никогда не преобладалъ.

Все Москва же доставила еще одного, уже прогремѣвшаго когда-то сотрудника, знаменитаго Павла Якушкина.

Онъ былъ пріятель Эдельсона; но наше знакомство произошло не у него и не въ редакціи.

На Невскомъ, около подъѣзда ресторана «Ново-Палкинъ» (онъ помѣщался тогда напротивъ, на солнечной сторонѣ улицы), куда я заѣзжалъ иногда позавтракать или пообѣдать — меня остановилъ человѣкъ чрезвычайно страннаго вида, соскочившій съ дрожекъ.

Черноволосый, очень рябой, съ мужицкимъ лицомъ, въ поношенной поддевкѣ и высокихъ сапогахъ, бараньей шапкѣ и въ накинутомъ на плечи мужицкомъ кафтанѣ изъ грубаго коричневаго сукна.

Но на носу торчали очки.

— Вы Боборыкинъ? — окликнулъ онъ, воззрившись въ меня.— А я — Якушкинъ. Павелъ Якушкинъ.

И сталъ онъ похаживать въ редакцію, предлагалъ статьи, очень туго ихъ писалъ, бралъ, разумѣется, авансы, выпивалъ, гдѣ и когда только могъ, но въ совершенно безобразномъ видѣ я его (по крайней мѣрѣ, у насъ) не видалъ.

Изъ него наши журналы сдѣлали знаменитость, въ концѣ 50-хъ годовъ. У Каткова, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», была напечатана его псковская эпопея, которая сводилась въ сущности къ тому, что полицмейстеръ Гемпель, заподозривъ въ немъ не то бродягу, не то бунтаря, продержалъ его въ «кутузкѣ».

Его исторія подала поводъ къ первому взрыву общественныхъ протестовъ послѣ николаевскаго безправія.

Самъ по себѣ онъ былъ совсѣмъ не «бунтарь»; даже и не ходокъ въ народѣ, съ цѣлью какой бы то ни было пропаганды. Онъ ходилъ собирать пѣсни для П. Кирѣевскаго, а послѣ своей исторіи больше уже этимъ не занимался, проживалъ гдѣ придется и кое-что пописывалъ.

Мнѣ было занимательно поближе присмотрѣться къ нему. Сквозь его болтовню, прибаутки, своего рода юродство сквозилъ здравый разсудокъ, наблюдательность, юморъ и довольно тонкое пониманіе людей.

Славянофиловъ — тѣхъ, коренныхъ, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ — онъ понималъ безъ всякаго увлеченія и любилъ повторять про нихъ:

— Читали книжки, нѣмецкія!

Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что свою теорію русскаго народа они вычитали у философовъ-нѣмцевъ, что и было на самомъ дѣлѣ.

Въ Якушкинѣ вы чувствовали «интеллигента» съ университетскимъ образованіемъ и литературными традиціями, но тонъ и жаргонъ онъ себѣ «натаскалъ» мужицкіе, по произношенію южнѣе отъ Москвы, какъ народъ говоритъ въ Орловской или Рязанской губерніяхъ.

Онъ обладалъ юморомъ и могъ довольно тонко оцѣнивать людей. Но отчасти потому, что былъ всегда «въ легкомъ подпитіи», а, главное, отъ долгой привычки къ краснобайству слишкомъ много болталъ, напуская на себя балагурное юродство.

Свою мужицкую «сбрую» онъ никогда и нигдѣ не снималъ. Поддевку и шаровары (часто плисовыя) носилъ неряшливо, больше при красной рубахѣ. И вообще отличался большимъ неряшествомъ и нечистоплотностью.

Гдѣ онъ жилъ — мнѣ было неизвѣстно. Только разъ я попалъ къ нему, да и то потому, что онъ гостилъ у Эдельсона.

Насчетъ работы — съ нимъ была всегда возня. Свои статьи онъ носилъ въ карманѣ шароваръ, въ видѣ замусоленныхъ кусочковъ бумаги.

Взявши авансъ (правда, всегда умѣренный), онъ долго растабарывалъ про свое писаніе, но во-время доставить статьи никогда не могъ.

То, что появилось въ первое время въ «Библіотекѣ», носило общее заглавіе: «Великъ Богъ земли русской». Подошелъ августъ 1864 г. Якушкинъ запросился со мною въ Нижній, на ярмарку.

Я ѣхалъ туда по дѣлу заклада моего имѣнія. Поѣхалъ онъ на мой счетъ, но демократически, въ третьемъ классѣ. Дорогой, разумѣется, выпивалъ и на ярмаркѣ поселился въ какихъ-то дешевыхъ номерахъ и сталъ ходить по разнымъ тамошнимъ трущобамъ, для добычи бытового матеріала.

У него была намѣчена «богатая» программа «очерковъ Макарьевской», какъ ярмарку еще до сихъ поръ называютъ нижегородцы.

Заполучивъ отъ меня нѣкоторую «толику» денегъ, онъ вскорѣ нарвался на исторію въ родѣ той, какая его прославила въ Псковѣ, съ полицмейстеромъ Гемпелемъ.

Въ ресторанѣ нашего знаменитаго буфетчика Никиты Егорова онъ подтрунилъ надъ жандармскимъ офицеромъ П—вымъ у буфета. Тотъ его замѣтилъ и донесъ о немъ, какъ о подозрительномъ индивидѣ.

Его призвали къ тогдашнему ярмарочному генералъ-губернатору, генералу Огареву. Тотъ сталъ на него кричать, и дѣло кончилось его высылкой.

Съ Огаревымъ я тогда же имѣлъ случай говорить о Якушкинѣ. Генералу сдѣлалось немножко совѣстно передо мною, и онъ сталъ

отзываться о немъ въ шутливомъ тонѣ, какъ о безпорядочной личности, на которую серьезно смотрѣть нельзя.

Когда Якушкинъ къ нему явился въ «Главный Домъ», Огаревъ спросилъ его:

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Работаю для Боборыкина.

Такой отвѣтъ не особенно-таки удовлетворилъ администратора. Но, зная, что Якушкинъ передастъ мнѣ этотъ діалогъ, Огаревъ сталъ все-таки извиняться, что не помѣшало ему удалить Якушкина, а редакція лишилась статьи.

Такъ изъ этой экспедиціи ничего и не вышло. Погибъ, разумѣется, и авансъ.

Раньше, въ Петербургѣ, Якушкина тоже потревожила полиція и на вопросъ — чѣмъ онъ занимается и какіе у него знакомые— отвѣтилъ:

— Хожу въ гости къ графу Строгонову, въ его домъ у Полицейскаго моста.

И онъ, дѣйствительно, ходилъ къ этому бывшему попечителю Московскаго университета, и тотъ любилъ съ нимъ бесѣдовать.

О послѣдней полосѣ жизни Якушина я что-то не помню. Знаю только, что мы съ нимъ уже не встрѣчались, до моего отъѣзда за границу. Не помню, чтобы онъ писалъ мнѣ откуда-нибудь.

Свою когда-то славу онъ пережилъ уже и тогда, когда работалъ въ «Библіотекѣ».

Не въ примѣръ моимъ тогдашнимъ коллегамъ — редакторамъ старше меня и опытомъ и положеніемъ въ журналистикѣ — съ самаго вступленія моего въ редакторство — усиленно сталъ я хлопотать о двухъ отдѣлахъ, которыхъ при Писемскомъ совсѣмъ почти не было: иностранная литература и научное обозрѣніе.

Кромѣ того, что мнѣ доставляла Евгенія Туръ, я обратился къ П. Л. Лаврову съ предложеніемъ вести постоянный отдѣлъ иностранной литературы, по разнымъ ея областямъ, кромѣ беллетристики.

Онъ на это охотно пошелъ и нѣсколько мѣсяцевъ занимался этимъ, хотя — сказать правду — слишкомъ спѣшно. Книжные магазины доставляли въ редакцію, каждый мѣсяцъ, вороха новыхъ книгъ. Лавровъ заѣзжалъ, пересматривалъ ихъ, нѣкоторыя бралъ съ собою и присылалъ свое обозрѣніе.

Если оно составлялось не совсѣмъ такъ, какъ я мечталъ, вина была не моя. А мой выборъ остановился на немъ потому, что онъ считался тогда, въ Петербургѣ, самымъ замѣчательнымъ энциклопедистомъ и по философіи, и по исторіи точныхъ знаній, и по общей исторіи, и по общественнымъ наукамъ.

Съ этимъ тогда артиллерійскимъ полковникомъ я уже давно былъ знакомъ. Студентомъ Дерптскаго университета я при немъ,

на вечерѣ, читалъ свою первую комедію «Фразеры», въ зиму 1858—59 гг.

И въ началѣ 60-хъ годовъ Петръ Лавровъ былъ все такой же рослый, полный, съ огненными бакенбардами, сильно картавый, рѣчистый, веселый, полный силъ.

О немъ, какъ о профессорѣ Михайловской Артиллерійской Академіи, мнѣ много разсказывалъ и мой сожитель по квартирѣ (до моего редакторства) гр. П. А. Гейденъ, тогда еще слушатель Петербургскаго университета, послѣ того, какъ онъ изъ пажескаго корпуса поступилъ въ Артиллерійскую Академію, гдѣ Лавровъ читалъ теоретическую механику.

Его любили слушатели офицеры, и Гейденъ умѣлъ представлять его манеру преподавать и разсказывалъ разныя о немъ исторіи, всегда въ сочувственномъ тонѣ.

Какъ писатель, я возобновилъ съ П. Л. знакомство и бывалъ у него, знавалъ его супругу и одного изъ племянниковъ, правовѣда, впослѣдствіи крупнаго судейскаго чиновника. Эти Лавровы— всѣ псковскіе, изъ тамошняго дворянства.

У себя дома онъ всегда очень радушно принималъ, любилъ разговоръ на тогдашнія злобы дня, но революціонеромъ онъ себя тогда не выказывалъ ни въ чемъ. Все это явилось позднѣе. Даже и въ мыслительномъ смыслѣ онъ не считался очень радикальнымъ. Въ немъ еще чувствовалась гегельянская закваска. Воинствующей публицистикой онъ въ тѣ годы не занимался и къ редакціи «Современника» близокъ не былъ.

Его всего сильнѣе интересовали тогда философскіе вопросы, эволюція идей и культурное развитіе общества.

Меня, какъ редактора, онъ ни во что не втягивалъ, — противоправительственное, не давалъ читать никакихъ прокламацій или запрещенныхъ листковъ, никогда не *исповѣдывалъ* меня насчетъ моихъ идей.

Но я помню, что въ немъ и тогда мнѣ что-то казалось не то, что двойственнымъ, а прикрывающимъ гораздо болѣе «разрывное» содержаніе.

Все это ждало момента, чтобы прорваться, а остальное додѣлали его ссылка и бѣгство за границу. Но все это случилось уже по прекращеніи «Библіотеки».

Какъ сотрудникъ, онъ не внесъ въ журналъ яркой окраски. Ему просто было *некогда* давать намъ что-нибудь болѣе крупное и самостоятельное. Онъ слишкомъ тогда былъ занятъ и преподаваніемъ и сотрудничествомъ въ разныхъ другихъ журналахъ и изданіяхъ.

Мои дальнѣйшія встрѣчи съ Лавровымъ относятся уже къ заграничной полосѣ, когда я видалъ его въ Парижѣ.

Научное обозрѣніе поручилъ я другому «артиллеристу» — А. Н. Энгельгардту — тогда профессору химіи.

Онъ ѣздилъ въ редакцію забирать книги, производилъ всегда очень пріятное впечатлѣніе своей наружностью, тономъ и добродушіемъ. Домами я не былъ съ нимъ знакомъ.

Тогда никакъ нельзя было бы подумать, что изъ него выйдетъ тотъ агрономъ-народникъ, который выказалъ въ своихъ письмахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» столько таланта, особенно въ своемъ языкѣ.

Степень его тогдашняго политическаго радикализма трудно было разглядѣть; но онъ, безъ сомнѣнія, былъ далекъ отъ той народнической концепціи агронома, какая явилась у него въ деревнѣ.

И на него ссылка — хотя только въ свое имѣніе — сильно повліяла; но не сдѣлала изъ него революціоннаго вожака, какъ его коллегу по артиллеріи, Лаврова. а, напротивъ, превратила его въ агронома, далекаго отъ всякаго бунтарскаго радикализма.

Исторія не была забыта въ «Библіотекѣ». Я свелъ знакомство съ Н. И. Костомаровымъ и былъ истинно доволенъ, что могъ пріобрѣсти отъ него «Ливонскую войну». Тогда гонораръ (за исключеніемъ такихъ беллетристовъ, какъ Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ и отчасти Островскій) не былъ еще очень высокъ. Ученому съ именемъ и талантомъ Костомарова полистная плата была 75—80 р. *Сто* рублей за *статью* тогда врядъ ли кто получалъ.

Николая Ивановича я навѣщалъ въ его квартирѣ, на Вас. Островѣ, помню его голосъ, произношеніе съ южно-русскимъ оттѣнкомъ, искренность и даже пылкость его тона, когда онъ вспоминалъ что-нибудь изъ своей молодости или характеризовалъ тѣ историческія лица, какими особенно интересовался въ то время.

Иванъ Грозный была какъ разъ личность, которую онъ изучалъ, какъ психологъ и писатель. Его взглядъ казался многимъ нѣсколько парадоксальнымъ; но несомнѣнно, что въ Иванѣ сидѣла своего рода *художественная* натура на подкладкѣ психопата и маньяка неограниченнаго самодержавія. Оцѣнка москвичей, слишкомъ преклонявшихся передъ *государственнымъ* значеніемъ Грознаго, не могла удовлетворять Костомарова, съ его постояннымъ протестомъ и антипатіей къ московскому жестокому централизму.

По бытовой исторіи стараго русскаго общества и раскола мы пріобрѣли тогда въ проф. Щаповѣ очень цѣннаго сотрудника. Но это было уже слишкомъ поздно: онъ былъ близокъ къ административной ссылкѣ и лежалъ въ клиникѣ, въ одномъ корпусѣ съ Помяловскимъ, гдѣ я его и посѣщалъ.

У него была запущенная болѣзнь, которая безобразила его лицо, да и общее его физическое состояніе было крайне расшатано, опять-таки отъ россійскаго недуга — алкоголизма.

Обошлись съ нимъ жестоко: сослали на мѣсто его родины, т.-е. въ Восточную Сибирь. Этотъ переѣздъ убійственно подѣйствовалъ на него [1]).

У него я находилъ молодую дѣвушку (кажется, церковнаго происхожденія), которая и раздѣлила съ нимъ ссылку, сдѣлавшись его женой [2]).

Щаповъ сохранялъ тонъ и внѣшность человѣка, прикосновеннаго къ духовному сословію: духъ тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ протестовъ захватилъ его всецѣло. Въ его лицѣ по тому времени явился одинъ изъ самыхъ первыхъ просвѣщенныхъ враговъ безправія и гнета. Если онъ увлекался въ своихъ оцѣнкахъ значенія раскола и нѣкоторыхъ чертъ древне-земскаго уклада, то самыя эти увлеченія были симпатичны и въ то время совсѣмъ не банальны.

Изъ писательницъ уже съ именемъ я постарался о привлеченіи такихъ беллетристовъ, какъ Марко-Вовчекъ (г-жа Маркевичъ), В. Крестовская — псевдонимъ (т.-е. Н. Д. Хвощинская) и ея сестра, писавшая подъ псевдонимомъ *Весеньевъ*.

Съ Марко-Вовчекъ у меня не было личнаго знакомства. Она проживала тогда больше за границей, и отъ нея являлся всегда, съ рукописью, молодой человѣкъ, фамиліи котораго не вполнѣ тоже припоминаю; кажется, г. Пассекъ. Она дала намъ нѣсколько разсказовъ; но уже не изъ лучшаго, что она писала.

Съ Хвощинской у меня вышла интересная переписка, прежде чѣмъ она стала сотрудницей «Библіотеки».

Тогда въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго стали появляться въ 60-хъ годахъ критическія замѣтки (подъ мужскимъ именемъ), гдѣ разбирались новости журнальной беллетристики, и когда, въ началѣ 1863 года, появилась рецензія на двѣ первыхъ части моего романа «Въ путь-дорогу!» я сталъ разыскивать, кто этотъ критикъ и чрезъ М. П. Федорова — пріятеля сыновей Краевскаго — узналъ, что это давнишняя сотрудница «От. Записокъ» Н. Д. Хвощинская. Она еще не была тогда замужемъ и давно уже — съ первыхъ своихъ вещей — подписывалась В. Крестовскій; и слово «псевдонимъ» стала прибавлять къ этому имени съ тѣхъ поръ, какъ появился подлинный В. (т.-е. Всеволодъ) Крестовскій, поэтъ, тогда еще студентъ Петербургскаго университета.

Авторъ рецензіи очень сочувственно отнесся ко мнѣ, какъ молодому беллетристу; но самую личность героя она подвергла

---

[1]) См. біографическій очеркъ Щапова, составленный Г. А. Лучинскимъ въ «Сочиненіяхъ А. П. Щапова», изд. Пирожкова. Спб. 1908, т. III, стр. LXI, LXV—LXVI. *Ред.*

[2]) О. И. Жемчужникова, племянница протоіерея Меліоранскаго. Ibid., стр. LXIV. *Ред.*

довольно строгому моральному анализу, найдя, что онъ только «сентиментальный эгоистъ».

По тону этой оцѣнки я уже предчувствовалъ, что это писала женщина, но не подозрѣвалъ, что это Хвощинская. Она до того не печатала никогда критическихъ статей подъ своимъ извѣстнымъ псевдонимомъ.

Я написалъ ей письмо въ Рязань, гдѣ она всегда жила еще при своей покойной матери.

Ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ я ее никогда и нигдѣ не встрѣчалъ; зналъ только, что она уже старая дѣвица и очень дурна собою, хотя и имѣла романъ въ писательскомъ мірѣ.

Надежда Дмитріевна отвѣтила мнѣ очень милымъ письмомъ, написаннымъ съ ея обычной теплотой приподнятаго стиля и блестками проницательнаго ума.

Сдѣлавшись редакторомъ, я сейчасъ же написалъ самъ небольшую рецензію по поводу ея прекраснаго разсказа «За стѣной», появившагося въ «От. Запискахъ». Я первый указалъ на то, какъ наша тогдашняя критика *замалчивала* такое дарованіе. Если позднѣе Хвощинская, сдѣлавшись большой «радикалкой», стала постояннымъ сотрудникомъ «От. Записокъ», Некрасова и Салтыкова, то тогда ее совсѣмъ не цѣнили въ кружкѣ «Современника», и всѣ ея петербургскія знакомства стояли совершенно внѣ тогдашняго «нигилистическаго» міра.

Мнѣ было особенно пріятно высказаться о ней, что я сдѣлалъ вполнѣ безкорыстно, не желая вовсе привлечь ее, во что бы то ни стало, къ журналу.

Когда она пріѣхала пожить въ Петербургъ, и мы съ ней лично познакомились и сошлись, она написала для «Библіотеки» прелестный разсказъ «Старый портретъ — новый оригиналъ», навѣянный посѣщеніемъ Эрмитажа и портретомъ работы Рембрандта, моделью котораго послужила ему *будто бы* родная мать, что, кажется, оказалось невѣрно.

Она меня познакомила со своей сестрой (тоже тогда пожилой дѣвицей, но моложе ея), уже писавшей подъ псевдонимомъ Весеньева.

Это была очень талантливая дѣвушка и изъ нея вышла бы крупная писательница, если бъ смерть вскорѣ не унесла ее.

Въ «Библіотеку» она дала блестящій разсказъ изъ того переходнаго времени, когда дворяне-рабовладѣльцы стали задумываться надъ вопросомъ: какъ же имъ теперь быть, что дѣлать и какъ удержать свое прежнее, уже не возвратное прошлое.

Мои знакомства въ Петербургѣ за эти два сезона — 1863—1865 — не исчерпывались однимъ лишь составомъ нашихъ, и начинающихъ и старыхъ, извѣстныхъ писателей.

О знакомствѣ въ зиму 1861 — 62 гг. съ Островскимъ и нашихъ дальнѣйшихъ встрѣчахъ я уже говорилъ и ничего особенно выдающагося добавить не имѣю. А то, что я помню изъ встрѣчъ нашихъ въ 70-хъ годахъ, я разскажу въ другихъ мѣстахъ.

Тургенева я не пріобрѣлъ въ сотрудники, въ 1864 г., но мой визитъ къ нему и разговоръ по поводу моей просьбы о сотрудничествѣ остались въ моей памяти, и я уже имѣлъ случай вспоминать о нихъ, въ печати, въ другіе годы, и до кончины его, и послѣ.

Меня до сихъ поръ удивляетъ тотъ *тонъ откровенности*, съ какой Иванъ Сергѣевичъ мнѣ — незнакомому человѣку, чуть не на двадцать лѣтъ моложе его — сталъ говорить, какъ онъ долженъ будетъ отказаться отъ писательства, главнымъ образомъ, потому, что не «свилъ своего собственнаго гнѣзда», а долженъ былъ «примоститься къ чужому», намекая на свою связь съ семействомъ Віардо. А, живя постоянно за границей, онъ по свойству своего дарованія, не въ состояніи будетъ ничего «сочинять изъ себя самого».

Мнѣ и тогда такая, хотя бы и нѣсколько «дѣланная» простота скорѣе понравилась. Но я зналъ, какъ и всѣ тогда знали, что Тургеневъ былъ огорченъ той коллизіей съ молодой публикой и критикой, какая произошла послѣ «Отцовъ и дѣтей».

Въ ту зиму онъ вѣдь и читалъ «Довольно», гдѣ его пессимизмъ впервые принялъ такую острую форму.

Вообще же я не скажу, чтобы тогдашній Иванъ Сергѣевичъ мнѣ особенно полюбился. Впослѣдствіи онъ сталъ въ своемъ обхожденіи и тонѣ гораздо проще. Отсутствіе этой простоты всего больше мѣшало поговорить съ нимъ «по душѣ». А я тогда очень и очень хотѣлъ бы побесѣдовать съ нимъ, если не какъ равный съ равнымъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ молодой беллетристъ и журналистъ съ такимъ старымъ и заслуженнымъ собратомъ, какъ онъ.

Первое впечатлѣніе отъ Тургенева многіе и кромѣ меня получали точно такое же, даже и позднѣе, напр., въ концѣ 70-хъ годовъ, особенно если видѣли его впервые въ обществѣ.

У сестеръ Хвощинскихъ въ ту самую петербургскую зиму я съ нимъ провелъ вечеръ въ номерѣ гостиницы (Знаменской), за самоваромъ.

Туда онъ явился очень франтоватымъ, въ свѣтло-сиреневыхъ (gris perle) перчаткахъ, которыя долго не снималъ, сидѣлъ за столомъ, тонко бесѣдовалъ, но оставался слишкомъ «бариномъ», съ оттѣнкомъ западно-европейскаго джентльмена.

То, что я видѣлъ въ Тургеневѣ и слышалъ отъ него болѣе простого и характернаго, относится уже къ слѣдующимъ полосамъ моей жизни.

Когда была издана его переписка послѣ его смерти, то въ ней нашлись фразы, въ которыхъ онъ довольно злобно «прохаживался» на мой счетъ... Это не мѣшало ему въ разные моменты своей заграничной жизни обращаться ко мнѣ съ письмами въ весьма любезномъ и даже прямо лестномъ для меня тонѣ.

Но онъ былъ человѣкъ измѣнчивыхъ симпатій и антипатій внѣ своего «однолюбія» къ Віардо. Когда онъ умеръ, и готовился къ печати томъ его переписки, то его пріятель, Григоровичъ, говорилъ мнѣ въ 1883 году:

— Жду очень непріятныхъ карамболяжей. Вѣдь милѣйшій Иванъ Сергѣевичъ часто въ письмахъ къ третьимъ лицамъ жестоко отдѣлывалъ своихъ пріятелей и даже самыхъ близкихъ.

Съ Григоровичемъ до 1867 г., т.-е. до Парижской выставки, я очень рѣдко встрѣчался въ Петербургѣ и въ сотрудники его не просилъ.

Когда вышелъ въ печати его плоховатый романъ «Два генерала» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), то я самъ написалъ рецензію безъ подписи, гдѣ высказался объ этой вещи совсѣмъ не хвалебно.

Я уже сказалъ выше, что другихъ знаменитостей того времени, какъ Некрасова, Гончарова, Салтыкова, я въ тѣ годы — 1863—65—лично еще не зналъ, и наше знакомство пошло уже послѣ возвращенія моего въ Петербургъ, къ 1871-му году.

Ѳедора Достоевскаго я въ гостиныхъ или редакціонныхъ кружкахъ не встрѣчалъ, но слыхалъ о немъ и его жизни въ Петербургѣ довольно много отъ Воскобойникова, который былъ вхожъ къ Достоевскимъ.

Когда стряслась бѣда съ ихъ журналомъ «Время» [1]), мы съ нимъ видались у него по поводу того соглашенія, въ которое «Библіотека» вошла съ редакціей «Время» насчетъ удовлетворенія подписчиковъ.

Достоевскій не былъ еще тогда женатымъ во второй разъ, жилъ въ тѣсной квартиркѣ, и въ памяти моей удержался довольно отчетливо тотъ вечеръ, когда мы у него сидѣли въ его кабинетикѣ, и самая комната, и свѣтъ лампы, и его лицо, и домашній его костюмъ.

Въ тотъ вечеръ онъ не произвелъ на меня впечатлѣнія мистика и неврастеника, говорилъ очень толково, на дѣловую тему, своимъ тихимъ, нутряннымъ и немножко какъ бы надорваннымъ голосомъ.

Сближаться съ нимъ мнѣ не было повода. Его талантливость я вполнѣ признавалъ, но отъ его мистическаго славянофильства былъ далекъ. Даже и половина того, что стоитъ въ «Преступленіи и наказаніи», было мнѣ совсѣмъ не по вкусу; такимъ осталось и по сей часъ.

---

[1]) «Время» было запрещено за помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ 1863 года статью Н. Н. Страхова «Роковой вопросъ» (о польскомъ вопросѣ). *Ред.*

Съ нимъ мы послѣ того столкнулись всего два раза: въ Петербургѣ, въ магазинѣ Базунова, на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ фойе Малаго театра.

Къ Базунову онъ зашелъ купить какую-то *духовную* книжку, которая заинтересовала его своимъ заглавіемъ; а въ фойе Малаго театра онъ чѣмъ-то былъ очень недоволенъ — своимъ мѣстомъ или чѣмъ другимъ — уже не припомню, но какимъ-то вздоромъ. И его раздраженіе выказывало въ немъ слишкомъ очевидно совершенно больного человѣка, который не могъ себя сдерживать никогда.

Это было, кажется, уже послѣ его мытарствъ за границей, азартной игры въ Баденъ-Баденѣ и той сцены, которую онъ сдѣлалъ тамъ Тургеневу, и того письма, гдѣ онъ такъ публично напалъ на него не только за «Дымъ», но и за все, что тотъ якобы говорилъ ему про Россію и русскихъ.

Къ счастью, у насъ съ нимъ не выходило никогда ничего подобнаго, вѣроятно, оттого, что я не имѣлъ съ нимъ никакихъ преній и принципіальныхъ разговоровъ.

Въ журналахъ Достоевскихъ критическими силами были Аполлонъ Григорьевъ и Страховъ (Косица).

И съ тѣмъ и съ другимъ я вступилъ въ знакомство. Но тотъ ни другой не успѣли попасть въ мои сотрудники: одинъ преждевременно умеръ, а другой — за прекращеніемъ «Библіотеки».

Григорьевъ всегда и давно интересовалъ меня. Его славянофильство не отнимало у него въ моихъ глазахъ ни талантливости, ни ума, ни замѣчательныхъ критическихъ способностей. Я читалъ все, что онъ печаталъ и по общей критикѣ и какъ театральный рецензентъ.

И самая его личность, по разсказамъ его пріятеля, Эдельсона, и другихъ москвичей, интересовала меня.

Мнѣ не случилось съ нимъ столкнуться до того любительскаго спектакля, гдѣ я игралъ Чацкаго въ Кронштадтѣ.

Спектакль былъ устроенъ группой писателей съ какой-то благотворительной цѣлью. Софью играла молодая актриса Гринева (тогда уже жена писателя Всеволода Крестовскаго), я — Чацкаго, извѣстный тогда любитель изъ чиновниковъ военнаго министерства — Фамусова; а Григорьевъ долженъ былъ исполнять Репетилова.

Тогда-то вотъ, въ Кронштадтѣ, въ гостиницѣ «Вѣна» (гдѣ мы ночевали) и произошло наше знакомство.

Онъ, какъ я и ожидалъ, оказался интереснымъ собесѣдникомъ, много мнѣ разсказывалъ о Флоренціи, гдѣ жилъ въ одномъ барскомъ семействѣ въ качествѣ преподавателя, уже въ послѣдніе годы.

Наружность у него была прекрасная, съ старорусскимъ пошибомъ, и манера говорить — привлекательная, съ его характернымъ жаргономъ московскаго литератора еще 40-хъ годовъ.

Наша бесѣда происходила въ билліардной гостиницы. Григорьевъ казался еще трезвымъ, но передъ нимъ уже стояла бутылка чего-то.

Я, какъ Чацкій, долженъ былъ итти въ театръ репетировать. Но къ четвертому акту, гдѣ появляется Репетиловъ, прибѣжалъ гонецъ изъ «Вѣны» сообщить, что Григорьевъ уже лежитъ *на билліардѣ* мертвецки пьяный.

Вышелъ переполохъ. Къ счастью, нашелся какой-то ретивый любитель, который съ грѣхомъ пополамъ справился съ ролью Репетилова.

Такъ я и на другой день не видалъ Григорьева. Но потомъ возобновилъ наше знакомство, и онъ предложилъ мнѣ какую-то статью, которую только еще задумалъ; но взялъ авансъ, который такъ и ушелъ съ нимъ въ могилу. Вскорѣ онъ попалъ за долги въ *Долговое отдѣленіе*, и когда его оттуда выкупили, вскорѣ скоропостижно умеръ.

Съ двумя молодыми писателями, Вс. Крестовскимъ и Дм. Аверкіевымъ, его пріятелями, я очень рѣдко встрѣчался. Вс. Крестовскій тогда уже былъ женатъ и, кажется, уже задумывалъ поступить въ уланскіе юнкера и сдѣлать себѣ карьеру.

Я его помнилъ еще съ студенческихъ кружковъ, нѣсколькими годами раньше. Тогда его товарищи носили его на рукахъ, за его стихи, въ особенности за тѣ, гдѣ нищая кому-то «грѣшнымъ тѣломъ подала».

Я слыхалъ тогда, какъ онъ декламировалъ свои вещи на вечеринкахъ, очень фатоватый, въ бѣломъ жилетѣ съ золотыми пуговицами и въ разстегнутомъ сюртукѣ.

Когда я встрѣтился съ нимъ въ Кронштадтѣ и игралъ съ его женой Чацкаго,—онъ уже былъ авторъ «Петербургскихъ трущобъ», которыми заставилъ о себѣ говорить. Онъ усердно изучалъ жизнь столичныхъ подонковъ и умѣлъ интересовать менѣе взыскательныхъ читателей фабулой своего романа съ сильнымъ романтическимъ привкусомъ.

Ни студентомъ ни женатымъ писателемъ съ нѣкоторымъ именемъ онъ мнѣ одинаково не нравился. И его дальнѣйшая карьера показала, на что онъ былъ способенъ, когда сталъ печатать обличительные романы на «польскую справу» и, дослужившись до полковничьяго чина, сталъ извѣстенъ высшимъ сферамъ своей патріотической преданностью.

Аверкіева я чаще видалъ. Онъ тогда уже попалъ въ славянофильскій кружокъ Ап. Григорьева и Достоевскаго и началъ писать пьесы, въ родѣ своего «Мамаева побоища». По универси-

тетскому ученію, онъ былъ «естественникъ», но потомъ, сдѣлавшись драматургомъ и критикомъ, отличался большой начитанностью, выучился по-англійски, зналъ хорошо Шекспира, щеголялъ обширной памятью, особенно на стихи, вообще выдавался своей литературностью, но и тогда уже было въ немъ что-то неуравновѣшенное, угловатое, какая-то смѣсь идеализма съ разными охранительными вожделѣніями.

Съ Григорьевымъ они водили пріятельство и по части выпивки. Шутники разсказывали тогда, что они съ Григорьевымъ способны были, за неимѣніемъ водки, пить чистый спиртъ, одеколонъ и даже керосинъ!!

Дальнѣйшіе его успѣхи на сценѣ (актеры звали его Дмитрій *Перековеркіевъ*), начиная съ «Каширской старины», относятся къ той полосѣ, когда меня уже не было въ Петербургѣ.

И вотъ мы узнаемъ, что Аполлонъ Григорьевъ скоропостижно умеръ, только что выйдя изъ Долгового отдѣленія, которое помѣщалось тогда въ Измайловскомъ полку, гдѣ теперь садъ Тумпакова. Онъ и тогда уже существовалъ, какъ увеселительное мѣсто, и дѣвицы легкаго поведенія изъ нѣмокъ называли его «Tarassoff Garten».

Эта «Яма» (какъ въ Москвѣ еще тогда называли Долговое отдѣленіе) была довольно сильнымъ пугаломъ не только для несостоятельныхъ купцовъ, но и для нашего брата-писателя.

Было что-то унизительное въ этомъ лишеніи свободы изъ-за какого-нибудь векселька, выданнаго хищному ростовщику.

Григорьевъ тоже оказался жертвой своего хроническаго безденежья. У него уже не было такого положенія, какъ въ журналѣ гр. Кушелева и у Достоевскихъ. Онъ велъ жизнь настоящаго богемы. А выручить его въ трудную минуту никто не умѣлъ или не хотѣлъ. «Фондъ» и тогда дѣйствовалъ; но, должно-быть, не далъ ему ссуды, какая была ему нужна.

«Выкупила» его (не совсѣмъ съ безкорыстной цѣлью) извѣстная всему Петербургу «генеральша» (вдова адмирала) Бибикова, мать красавицы Споровой, ставшей женой В. В. Самойлова.

Она внесла за Григорьева его долгъ съ расчетомъ на пріобрѣтеніе дешевой цѣной его сочиненій. Но, когда мы шли съ нею съ похоронъ Григорьева, она мнѣ разсказала исторію своего «благодѣянія», увѣряя меня, что, когда она выкупила Григорьева, то онъ, идя съ ней по набережной Фонтанки, бросился передъ ней на колѣни.

Эти писательскія похороны и памятны мнѣ, какъ нѣчто глубоко печальное. Я ихъ отчасти описалъ въ моей позднѣйшей повѣсти «Долго ли?», гдѣ я коснулся тяжелой доли пишущей братіи.

На похороны Григорьева, самыя бѣдныя и бездомныя, явились его пріятели, Достоевскій, Аверкіевъ, Страховъ, Вс.

Крестовскій, композиторъ Сѣровъ, вотъ эта матрона, генеральша Бибикова, и нѣсколько его сожителей изъ Долгового отдѣленія. Между ними выдѣлялся своей курьезной фигурой Левъ Камбекъ, стяжавшій себѣ въ началѣ 60-хъ годовъ комическую репутацію. Онъ былъ одѣтъ въ поддевку изъ бураго верблюжьяго сукна и смотрѣлъ настоящимъ «мизераблемъ», но все еще разглагольствовалъ и хорохорился. Былъ тутъ и художникъ Бернардскій, когда-то талантливый рисовальщикъ, которому принадлежатъ иллюстраціи въ «Тарантасѣ» гр. Соллогуба и «Путешествіи Madame-де-Курдюковъ».

Эти выходцы изъ царства тѣней придавали похоронамъ Григорьева что-то и курьезное и очень, очень печальное.

По дорогѣ съ Митрофаньевскаго кладбища мы зашли въ какую-то кухмистерскую, и тамъ состоялся обѣдъ со спичами. Говорили его пріятели, говорили и «узники» дома Тарасова, предлагали болѣе или менѣе хмельныя здравицы.

А въ городѣ, въ литературномъ мірѣ, въ театрѣ смерть Григорьева прошла очень холодно. И въ театрѣ его не любили за критику игры актеровъ. Любилъ его только П. Васильевъ, бывшій на похоронахъ. Изъ актрисъ одна только Владимірова (о которой онъ говорилъ сочувственно за одну ея роль), не зная его лично, пріѣхала въ церковь проститься съ нимъ.

Самый первый другъ Григорьева изъ петербургскихъ писателей, Н. Н. Страховъ, цѣнилъ его очень высоко и, послѣ смерти, хлопоталъ объ изданіи его сочиненій. Съ Григорьевымъ трудно было водить закадычную дружбу, если не дѣлать возліяній Бахусу, но Страховъ совсѣмъ не отличался большой слабостью къ крѣпкимъ напиткамъ.

Страхова я больше узналъ уже позднѣе, къ 70-мъ годамъ, но и тогда видалъ его и бесѣдовалъ всегда съ интересомъ.

Изъ спеціалиста по зоологіи (онъ защищалъ даже диссертацію на магистра) онъ тоже, какъ и его пріятель Аверкіевъ, превратился въ словесника и, конечно, изъ тогдашнихъ критиковъ былъ однимъ изъ самыхъ начитанныхъ, съ солиднымъ философскимъ образованіемъ.

По внѣшности онъ сразу выдавалъ свое духовное происхожденіе: благообразный и всегда благодушно улыбающійся «батюшка», а впослѣдствіи «владыка».

Мнѣ нравился его умъ, тонкость вкуса, его языкъ и манера; но славянофильскій налетъ его идей лишалъ его полной свободы въ оцѣнкахъ и выводахъ.

Продолжай «Библіотека» существовать и сдѣлайся онъ у насъ главнымъ сотрудникомъ, онъ сталъ бы придавать журналу мало желательный оттѣнокъ, или мы должны были бы съ нимъ разой-

тись, что весьма вѣроятно, потому что если нѣкоторые мои сотрудники «правѣли», то я, напротивъ, все «лѣвѣлъ».

«Какъ жилъ Петербургъ за эти два сезона 1863 — 64 и 64 — 65? И вообще, каково было общественное настроеніе?» спросятъ меня.

Мнѣ въ эти годы, какъ журналисту, хозяину ежемѣсячнаго органа, можно было бы еще болѣе участвовать въ общественной жизни, чѣмъ это было въ предыдущую двухлѣтнюю полосу. Но заботы чисто редакціонныя и денежныя хотя и расширяли кругъ дѣловыхъ сношеній, но брали много времени, которое могло бы пойти на болѣе разнообразную столичную жизнь, у молодого, совершенно свободнаго писателя, какимъ я былъ въ два предыдущихъ петербургскихъ сезона.

Послѣ акта 19 февраля либеральное направленіе правительства стало подаваться все правѣе и правѣе.

Процессъ М. Л. Михайлова и потомъ Чернышевскаго уже наложили на общее настроеніе тогдашней либеральной доли общества траурный налетъ. Приговоръ Михайлова и его отправленіе на каторгу въ кандалахъ (карточки продавались подъ спудомъ), а потомъ публичная казнь Чернышевскаго послѣ долгаго сидѣнья въ крѣпости — усиливали еще минорное настроеніе.

Подробности этой казни передавалъ намъ, въ редакціи «Библіотеки», не кто иной, какъ Буренинъ, тогдашній мой сотрудникъ. Онъ видѣлъ, какъ Чернышевскій былъ взведенъ на эшафотъ, какъ надъ нимъ переломили шпагу въ знакъ лишенія правъ, и онъ нѣсколько минутъ былъ привязанъ. Буренинъ подмѣтилъ, что тотъ сенатскій секретарь, который читалъ его долгій приговоръ, постоянно произносилъ его фамилію «Чернышевскій» вмѣсто «Чернышевскій».

Манифестацій, разумѣется, не было, такихъ, которыя вызвали бы безпорядки. Но радикальная молодежь ожесточилась, и къ 1865 году усилилось подпольное движеніе, которое и вызвало въ слѣдующемъ, 66-мъ году, покушеніе Каракозова.

Огромный успѣхъ среди молодежи романа «Что дѣлать?» — помимо сочувствія коммунистическимъ мечтаніямъ автора — усиливался и тѣмъ, что романъ писанъ былъ въ крѣпости, и что его авторъ пошелъ на каторгу изъ-за одного какого-то письма съ его подписью, при чемъ почти половина сенатскихъ секретарей признала почеркъ письма принадлежащимъ Чернышевскому.

И тогда и позднѣе — много говорили въ городѣ о томъ: какъ это Чернышевскій былъ осужденъ на каторгу за письмо къ Плещееву въ Москву, а самъ Плещеевъ, хоть и допрашивался, но остался цѣлъ.

Это до сихъ поръ многимъ кажется страннымъ и мало понятнымъ. Адресатомъ Чернышевскаго считали, несомнѣнно, Плещеева. У него была одно время въ Москвѣ и типографія. Извѣстно было, что Всеволодъ Костомаровъ выдалъ Чернышевскаго [1]).

Въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки (т.-е. въ августѣ 1908 года), за такое письмо обвиненный попалъ бы многомного въ крѣпость (или въ административную ссылку), а тогда извѣстный писатель, ничѣмъ передъ тѣмъ не опороченный, пошелъ на каторгу.

Одинъ такой приговоръ показывалъ, какъ власть хочетъ расправляться съ тѣми, кого считала крамольниками.

И журналы въ первую голову пострадали отъ перемѣны вѣтра сверху. Журналъ Достоевскаго былъ запрещенъ за весьма невинную статью Н. Н. Страхова о польскомъ вопросѣ, а «Современникъ» и «Русское Слово» — вообще за направленіе.

Польское возстаніе дало толчокъ патріотической реакціи. Оно лишило и Герцена обаянія и моральной власти, какую его «Колоколъ» имѣлъ до того времени, когда Герценъ и его друзья стали за поляковъ.

Въ Москвѣ Катковъ перешелъ въ лагерь охранителей и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» круто повернулъ фронтъ въ національно-государственномъ духѣ.

Литературный, т.-е. писательскій міръ, лишенъ былъ возможности какъ-нибудь протестовать. Та скандальная перебранка, которой осрамили себя журналы въ 1863 году, не могла, конечно, способствовать единенію работниковъ пера.

Попрежнему не существовало никакого *Общества* или *Союза*, кромѣ «Фонда» чисто-благотворительнаго и притомъ совсѣмъ не популярнаго среди пишущей братіи.

Если бъ было иначе, я тогда, какъ редакторъ-издатель большого журнала, конечно, принялъ бы участіе въ каждомъ такомъ товарищескомъ начинаніи.

И вся литературная жизнь столицы сводилась, за весь этотъ двухлѣтній періодъ, къ нѣсколькимъ публичнымъ чтеніямъ, гдѣ публика могла слышать Некрасова, Тургенева («Довольно»), Достоевскаго, Полонскаго, Майкова, нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ литераторовъ.

---

[1]) Изложеніе дѣла Н. Г. Чернышевскаго по подлиннымъ офиціальнымъ матеріаламъ см. въ статьѣ *М. К. Лемке* въ журналѣ «Былое», 1906 г., №№ 3 — 5 и отдѣльно въ его же книгѣ: «Политическіе процессы М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго». Спб. 1907. М. К. Лемке полностію приводитъ (стр. 395—396 его книги) вполнѣ корректное относительно Чернышевскаго показаніе А. Н. Плещеева; въ немъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «ни о какомъ (печатномъ) станкѣ я не имѣю понятія и ни въ чемъ подобномъ не принималъ участія». *Ред.*

Даже то театральное любительство, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, стало банальнѣе и тусклѣе.

Въ театрахъ ни одного новаго, сильнаго дарованія; а пріѣзды иностранныхъ знаменитостей относятся опять-таки къ предыдущей полосѣ.

Реформы, въ видѣ предварительныхъ работъ, и земская и судебная, продолжались. Ихъ обсуждали въ журналахъ и газетахъ; но земство было сведено къ очень тѣснымъ сословнымъ рамкамъ. Судебные уставы явились въ 1864 г.; но новый судъ началъ дѣйствовать уже позднѣе, къ 1866 году, когда меня уже не было въ Россіи.

Газетная пресса въ тѣ годы стала уже играть нѣкоторую роль. Явился такой газетный публицистъ, какъ Катковъ; а въ Петербургѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости», тѣснимыя цензурой, все-таки выдерживали свое либеральное обличье.

Тогда въ газетномъ дѣлѣ и у Корша и, позднѣе, у Краевскаго, въ «Голосѣ», амплуа воскреснаго фельетониста попало въ особую честь.

Суворинъ (подъ псевдонимомъ Незнакомца) *казался* тогда настоящимъ радикаломъ. Остальные фельетонисты были тусклѣе его.

Тогда же стала развиваться и газетная критика, съ которой мы при нашихъ дебютахъ совсѣмъ не считались. У Корша (до приглашенія Буренина) писалъ очень дѣльныя, хотя и скучноватыя статьи Анненковъ и писатели старшихъ поколѣній. *Тонъ* былъ еще спокойный и порядочный. Забавники и остроумы, въ родѣ Суворина, еще не успѣли пріучить публику къ новому жанру съ личными выходками, пародіями и памфлетами всякаго рода.

Въ толстыхъ журналахъ уровень критики понизился. Добролюбова не могъ замѣнить такой писатель, какъ Антоновичъ. Да вскорѣ замолкъ и «Современникъ». Аполлонъ Григорьевъ при всѣхъ своихъ славянофильскихъ увлеченіяхъ все-таки головой стоялъ выше тогдашняго уровня рецензентовъ — и общихъ и театральныхъ.

О театрѣ онъ писалъ горячо, стоялъ горой за Островскаго, за бытовую правдивую игру, поддерживалъ такое крупное дарованіе, какъ Павелъ Васильевъ, преклонялся передъ Садовскимъ.

Петербургъ впервые увидалъ тогда Садовскаго на Александринскомъ театрѣ въ лучшихъ его роляхъ. Тамъ онъ явился и въ новой для него роли Подхалюзина въ «Свои люди—сочтемся».

Литературно-художественная критика въ журналахъ, несомнѣнно, стояла не на высотѣ уровня самаго творчества. Вѣдь только что минулъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ появились «Отцы и дѣти». Тургеневъ, хоть и рѣшилъ было удалиться совсѣмъ съ писательской арены, но все-таки далъ «Призраки» и «Довольно».

Некрасовъ былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта, такъ же, какъ и Салтыковъ, который тогда только и началъ давать *мѣру* своего сатирическаго дарованія и безпощаднаго обличенія тогдашней русской жизни. Да и поэты: Полонскій, Фетъ, Майковъ, Тютчевъ — еще не замолкли. Достоевскій только что явился съ такой вещью, какъ «Преступленіе и наказаніе».

Словесность, *изящная* литература, невзирая на цензуру, все-таки продолжала дѣло 60-хъ годовъ и повторяю—критика не была съ нею на одномъ уровнѣ.

Послѣ долгаго закрытія университета молодежь вернулась въ него еще въ 1862 году. Но я не помню, чтобы она заявляла себя въ двухлѣтній періодъ 1863—65 гг. чѣмъ-нибудь выдающимся. Не было «исторій», но академическая жизнь вошла въ другую колею, гораздо болѣе тусклую. Университетъ разомъ лишился своихъ лучшихъ профессоровъ еще въ 1861 г. изъ-за столкновеній съ начальствомъ: Кавелина, Костомарова, Спасовича, Утина, Пыпина, Стасюлевича; а профессоръ П. Павловъ попалъ въ ссылку за одно восклицаніе съ эстрады:

«Имѣющіе уши слышать—да слышатъ!»

Съ какой стороны ни взглянуть, предыдущій періодъ—1860—1863 гг.—и въ Петербургѣ и въ Москвѣ былъ гораздо ярче, живѣе, полнѣе новыми движеніями и крупными фактами общественнаго и литературнаго характера.

А черезъ годъ, съ лѣта 1866 г., началась уже та длинная полоса реакціи, которая разрѣшилась 1 марта 1881 г. и перекинулась черезъ все царствованіе Александра III—до половины 90-хъ годовъ.

Мнѣ остается, чтобы закончить эту главу, поговорить о своей *личной* жизни молодого человѣка и писателя, внѣ моего чисто издательскаго дѣла.

Но и это я обозрю здѣсь только въ общемъ интересѣ, чтобы припомнить, какая жизнь—за эти два сезона—доставляла матеріалъ и частному лицу, члену общества, и профессіональному писателю.

Матеріалъ этотъ не былъ разнообразнѣе, чѣмъ въ предыдущую полосу. Конечно, я узналъ больше народа и долженъ былъ войти съ нимъ въ болѣе жизненныя сношенія; но все это касалось, главнымъ образомъ (если не исключительно), моего журнала.

Внѣ его моя столичная жизнь сводилась къ нѣкоторымъ выѣздамъ въ свѣтскіе круги, къ зрѣлищамъ, къ тѣмъ знакомствамъ въ литературномъ мірѣ, которыя интересовали меня и помимо редакторско-издательскихъ интересовъ и заботъ.

Но въ моей интимной жизни произошло нѣчто довольно крупное. Та юношеская влюбленность, которая должна была завершиться бракомъ, не привела къ нему. Лѣтомъ 1864 года мы съ той, очень еще молодой дѣвушкой, возвратили другъ другу

свободу. И моя эмоціональная жизнь стала бѣднѣе... Одиночество скрашивалось кое-какими встрѣчами съ женщинами, которыя могли бы заинтересовать меня и сильнѣе, но ни къ какой серьезной связи эти встрѣчи не повели.

Тогда въ Петербургѣ процвѣтали маскарады. На нихъ ѣздилъ весь городъ, не исключая и Двора. Всего бойчѣе считались тѣ, которые бывали въ Большомъ театрѣ и въ Купеческомъ клубѣ, гдѣ теперь «Учетно-ссудный банкъ». Тогда можно было цѣлую зиму вести «интригу» съ какой-нибудь маской, безъ всякихъ чувственныхъ замысловъ, безъ ужиновъ въ ресторанныхъ кабинетахъ.

Въ театръ я ѣздилъ и какъ простой слушатель и зритель, напр., въ Итальянскую Оперу, и какъ рецензентъ; но мои сценическія знакомства сократились, такъ какъ я ничего за этотъ періодъ не ставилъ, и начальство стало на меня коситься съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался театральнымъ рецензентомъ. Ф. А. Снѣткова, исполнительница моей Вѣрочки въ «Ребенкѣ», вскорѣ вышла замужъ, покинула сцену и переселилась въ Москву, гдѣ я всего одинъ разъ былъ у нея въ гостяхъ.

Дѣла по журналу и имѣнію вызывали ежегодно поѣздки въ Нижній. Но я не могъ оставаться тамъ подолгу, а въ деревню не зачѣмъ было ѣздить. До продажи земли тамъ хозяйничалъ мой товарищъ З—чъ.

Когда мои денежные тиски по журналу стали лишать меня возможности работать, какъ беллетриста, я на шесть недѣль, зимой, въ концѣ 1863 года, уѣхалъ въ Нижній и гостилъ тамъ у сестры моей.

Тамъ я запирался и диктовалъ первую часть моего новаго романа «Земскія силы» (не предвидя еще, что онъ останется неоконченнымъ, за прекращеніемъ журнала), по вечерамъ ѣздилъ въ гости и въ клубъ, гдѣ присматривался къ мѣстному обществу.

Писалъ подъ мою диктовку мѣстный семинаристъ, изъ богословскаго класса, курьезный типъ, отъ котораго я много слышалъ разсказовъ о поповскомъ бытѣ. Проработавъ до вечернихъ часовъ, я отвозилъ его въ семинарію, гдѣ отецъ ректоръ далъ ему дозволеніе каждый день бывать у меня.

Въ Москву я попадалъ часто; но всякій разъ не надолго. По своему личному *писательскому* дѣлу (не редакторскому) я прожилъ въ ней съ недѣлю, для постановки моей пьесы «Большія хоромы», передѣланной мной изъ драмы «Старое зло» — одной изъ тѣхъ четырехъ вещей, какія я такъ стремительно написалъ въ Дерптѣ, когда окончательно задумалъ сдѣлаться профессіональнымъ писателемъ.

Ее взяла въ 1864 году Ек. Васильева, для своего бенефиса. Пьеса имѣла средній успѣхъ. Труппа была та же, что и въ дни постановки «Однодворца», съ присоединеніемъ перваго сюжета

на любовниковъ — актера Вильде, изъ любителей, котораго я зналъ еще по Нижнему, куда онъ явился изъ Петербурга франтоватымъ чиновникомъ и женился на одной изъ дочерей мѣстнаго барина — меломана Улыбашева.

Главную женскую роль, актрисы изъ дворовыхъ, играла Колосова, ея отца музыканта — Садовскій. Васильева взяла себѣ эпизодическую роль, такъ же, какъ и Федотова — Познякова.

Вильде игралъ соблазнителя и негодяя этой обличительной вещи изъ крѣпостной эпохи.

Драма и въ передѣлкѣ оказалась слишкомъ эпизодичной. И послѣ перваго спектакля я нашелъ нужнымъ переставить послѣднія двѣ картины, что тогдашній рецензентъ одной изъ петербургскихъ газетъ нашелъ страннымъ.

Съ московскимъ писательскимъ міромъ — въ лицѣ Островскаго и Писемскаго — я прикасался, но немного. Писемскій задумалъ уже къ этому времени перейти на службу въ губернское правленіе совѣтникомъ, и даже по этому случаю сталъ ходить совсѣмъ бритый, какъ чиновникъ, изъ николаевской эпохи. Я попадалъ къ нему и въ городѣ (онъ еще не былъ тогда домовладѣльцемъ) и на дачѣ, въ Кунцевѣ.

Въ Москвѣ съ нимъ на первыхъ порахъ очень носились, и онъ сдѣлался опять большимъ театраломъ и даже имѣлъ романъ въ мірѣ любительницъ. Но вскорѣ сталъ находить, что въ Москвѣ скучно и совсѣмъ нѣтъ «умныхъ людей».

Тогда еще не существовало «Артистическаго кружка», и интеллигенціи негдѣ было собираться, и Москва вообще въ каждый мой пріѣздъ все больше и больше казалась мнѣ огромнымъ губернскимъ городомъ.

Тогда же я видалъ и Плещеева, еще молодого, женатаго на очень милой женщинѣ, жившаго въ собственномъ небольшомъ домѣ, еще не пустившагося въ мытарства литераторскаго необезпеченнаго существованія, какое началъ, овдовѣвъ, въ Петербургѣ, куда перебрался позднѣе.

Къ моей личной жизни относится и мое собственное писательское развитіе и работа за эти два сезона — 1863 — 65 гг.

Редакторство и хозяйственныя хлопоты и заботы должны были бы совсѣмъ отвлекать меня отъ писательскаго труда. Но этого не случилось. Напротивъ, журналъ какъ бы побуждалъ меня очень много работать.

Внѣ беллетристики я писалъ, съ первыхъ же мѣсяцевъ своего издательства, критическія статьи, публицистическіе этюды, а потомъ театральныя рецензіи и очерки бытовой жизни (Нижній во время ярмарки) и многое другое.

Необходимо было и продолжать романъ «Въ путь-дорогу!» Онъ занялъ еще два цѣлыхъ года—1863 и 1864—по *двѣ* книги на

годъ, т.-е. по двадцати печатныхъ листовъ ежегодно. Пришлось, для выигрыша времени, диктовать его, и со второй половины 63-го года и къ концу 64-го. Такая быстрая работа возможна была потому, что матеріалъ весь сидѣлъ въ моей головѣ и памяти; Казань и Дерптъ, съ прибавкой романическихъ эпизодовъ изъ студенческихъ годовъ героя.

Къ 1865 году (когда «Библіотека» уже висѣла на волоскѣ) хорошаго романа въ портфелѣ редакціи не было. И я уѣхалъ въ Нижній писать «Земскія силы». Ихъ содержаніе изъ тогдашней провинціальной жизни показывало, что я достаточно въ эти четыре года (1861 — 64) видѣлъ людей и новыхъ порядковъ.

Точно также и петербургскія зимы за тотъ же періодъ сказались въ содержаніи перваго моего романа, написаннаго въ Парижѣ уже въ 1867 г., «Жертва вечерняя». Онъ полонъ подробностей тогдашней свѣтской и литературной жизни.

Но, какъ драматургъ (т.-е. по моей первой, по дебютамъ, спеціальности), я написалъ всего одну вещь изъ бытовой деревенской жизни: «Въ мірѣ жить — мірское творить». Я ее напечаталъ у себя, въ журналѣ. Комитетъ не пропустилъ ее на Императорскія сцены, и она шла только въ провинціи, но я ее никогда самъ на сценѣ не видалъ.

Таковы итоги этой полосы моей жизни, бурной не по внѣшнимъ фактамъ, а по внутренней борьбѣ съ успѣхомъ, по тѣмъ ударамъ, которые закалили меня, какъ писателя.

Безъ поѣздки за границу я бы не выдержалъ такого урока.

Въ концѣ сентября 1865 года, очутившись въ Эйдкуненѣ, въ залѣ нѣмецкаго вокзала, я свободно вздохнулъ, хотя и тогда прекрасно зналъ, что моя трудовая доля, полная мытарствъ, будетъ продолжаться очень долго, если не всю жизнь.

П. Боборыкинъ.

Изъ неизданной переписки Н. В. Гоголя.

I.

Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ М. П. Балабиной

1.

Появившееся въ 1902 г. подъ редакціей В. И. Шенрока Собраніе писемъ Н. В. Гоголя было отмѣчено въ свое время многочисленными рецензіями и статьями. Его матеріалъ былъ широко использованъ, но наиболѣе существенный вопросъ о редакторскихъ пріемахъ В. И. Шенрока былъ почти совершенно оставленъ въ сторонѣ всѣми писавшими объ этомъ изданіи (кромѣ академической рецензіи проф. Н. П. Дашкевича и моей замѣтки въ «Русской Мысли», 1902 г.). Внѣшній и внутренній ростъ Gogoliana за послѣднія 10 лѣтъ выдвинулъ этотъ вопросъ на первый планъ. Онъ выяснилъ крупные недочеты, пропуски и ошибки этого изданія, необходимость коренной его переработки, которую должно было бы взять на себя Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности Академіи Наукъ: отдѣльнымъ издателямъ и изслѣдователямъ такая задача не подъ силу, а между тѣмъ безъ ея выполненія невозможно настоящее, *научное* изученіе жизни и творчества Гоголя.

Печатаемое ниже письмо дочери любимой ученицы Гоголя, М. П. Балабиной, Павлы Александровны Вагнеръ, ко мнѣ ставитъ вопросъ о текстѣ Гоголевскихъ писемъ въ изданіи В. И. Шенрока. Онъ могъ бы быть иллюстрированъ и другими данными, очень характерными, но и письмо П. А. Вагнеръ достаточно знаменательно.

Римъ, 10—24 Ноября, 1902.
20, Piazza di Spagna.

«М. Г. Только на-дняхъ прочла Ваше «Письмо въ Редакцію» въ октябрьской книгѣ «Русской Мысли», по поводу послѣдняго изданія писемъ Гоголя.—Пропуски и ошибки несчетны; вотъ очень важный пропускъ: томъ 1-ый, стр. 496:

...Случалось ли вамъ слышать языкъ il Meo Patacca, для которой (!) рисунки дѣлалъ Pinelli?..

Вотъ какъ должно быть:

...Случалось ли Вамъ слышать языкъ (ихъ и читали ли вы знаменитую ихъ поэму), il Meo Patacca, для которой рисунки дѣлалъ Pinelli?..

— Я сама посылала В. И. Шенроку копіи съ пяти подлинныхъ писемъ Гоголя къ моей покойной матери, М. П. Балабиной, и не могу понять, какъ эта ошибка могла случиться, такъ какъ этотъ пропускъ находится тоже въ изданіи Кулиша, надо думать, что редакторы [1]) послѣдняго изданія не хорошо слѣдили за моими копіями; но какъ же никто не замѣтилъ, что фраза въ такомъ видѣ ничего не значитъ?—Я давно уже писала объ этомъ В. И. Шенроку, и онъ обѣщалъ *исправить*, но какимъ образомъ, не могу понять.—Эта ошибка, хотя и самая крупная, далеко не одна, особенно въ этомъ самомъ письмѣ (Римъ, мц. Апрѣль, годъ 2588-ой отъ основанія города).

Всѣ подлинники (пять), которые находились у насъ, подарены мною въ концѣ прошедшаго года Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ.

Павла Александровна Вагнеръ.

То, что говоритъ П. А. Вагнеръ объ изданіи писемъ Гоголя къ ея матери, вообще типично для изданія писемъ В. И. Шенрока. Мнѣ извѣстно, что во многихъ случаяхъ онъ пользовался при печатаніи писемъ своими неразборчивыми копіями, безъ новой свѣрки ихъ съ оригиналами, бралъ матеріалъ изъ вторыхъ рукъ, несмотря на полную возможность воспользоваться оригиналами, и пр. Его изданіе вообще можно считать только *черновымъ* и *предварительнымъ*, между тѣмъ какъ Гоголевской литературѣ давно уже пора получить *Академическое* изданіе переписки Н. В., столь важной для пониманія его жизни и творчества.

В. Каллашъ.

2.

Письмо Н. В. Гоголя къ М. П. Балабиной.

Письмо это адресовано къ Марьѣ Петровнѣ Балабиной (по мужу Вагнеръ), ученицѣ Гоголя, къ которой онъ питалъ теплую привязанность, и съ которой вообще охотно переписывался. На почтовомъ штемпелѣ можно разобрать дату: «1839 сент. 9». Въ 1839 г. Гоголь принужденъ былъ покинуть любимую Италію и ѣхать въ Россію, чтобы устроить своихъ сестеръ, оканчивавшихъ тогда курсъ въ Патріотическомъ институтѣ. Неохотно предпринималъ онъ эту поѣздку. 12 сентября Гоголь былъ уже въ Варшавѣ (В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. III, 295). 5-го сентября онъ дѣйствительно находился еще въ Вѣнѣ (объ этомъ приходится говорить въ виду того, что Гоголь, по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ это время прибѣгалъ къ мистификаціи въ датахъ: см. ibid., 292 — 296). Итакъ, печатаемое нами письмо датируется: «Вѣна. Сентября 5-го, 1839 г.».

«Нѣтъ, больше не буду говорить ни слова о нѣмцахъ», такими словами начинаетъ Гоголь свое письмо. Въ предыдущихъ письмахъ онъ не скрывалъ отъ М. П. Балабиной своего разочарованія въ нѣмцахъ (Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Т. I, 542 — 544, 607 — 608). «По мнѣ Германія есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива». выразился

---

[1]) Редакторъ—В. И. Шенрокъ.

онъ, напр., въ письмѣ къ Балабиной изъ Рима отъ 30 мая 1839 г. Теперь Гоголь дѣлаетъ важное признаніе относительно своего увлеченія Германіей въ молодые годы (ср. Письма, I, 542 — 544) и о томъ, какъ околдовала его Италія. Искренній и интимный тонъ письма придаетъ ему особенную цѣнность.

Письмо печатается по оригиналу, любезно доставленному намъ С. В. Петерсенъ, при чемъ мы въ точности сохраняемъ орѳографію и пунктуацію подлинника.

П. Сакулинъ.

Вѣна. Сентябр. 5.

Нѣтъ больше не буду говорить ни слова о нѣмцахъ. Боюсь право боюсь. Можетъ быть Вы въ эти три года какъ я неимѣлъ удовольствія васъ видѣть перемѣнились совершенно. Вѣдь какъ бы то нибыло вамъ теперь 18 лѣтъ. Я ничего не знаю что могло случиться съ вами въ это время. Можетъ быть вы сдѣлались теперь высокого росту у васъ явилась страшная сила въ рукахъ. Я же человѣкъ щедушной, худенькой и послѣ разныхъ минеральныхъ водъ сдѣлался очень похожимъ на мумію или на стараго нѣмецкого профессора съ опущеннымъ чулкомъ на ножкѣ высохшей какъ зубчистка. — Долго ли въ такомъ случаѣ до грѣха. Вы мнѣ дадите кулака — и я пропалъ. Вы въ себѣ точно имѣете много страшнаго. Я помню, когда еще вамъ было 14 и 15 лѣтъ, у васъ любимою поговоркою было: «Я васъ выброшу за окно». И потому слѣдуя правиламъ благоразумія лучше поберечься и ни слова неговорить о нѣмцахъ. — Но знаетели что? въ сторону пустяки и шутки. Когда я прочелъ ваше письмо и свернулъ его, я поникнулъ головою и сердцемъ моимъ овладѣло меланхолическое чувство. Я вспомнилъ мои прежніе, мои прекрасные года, мою юность, мою невозвратимую юность и—мнѣ стыдно признаться, я чуть не заплакалъ—Это было время свѣжести молодыхъ силъ и порыва чистого, какъ звукъ произведенный вѣрнымъ смычкомъ. Это были лѣта поэзіи: въ это время я любилъ нѣмцевъ, незная ихъ, или можетъ быть я смѣшивалъ нѣмецкую ученость нѣмецкую философію и литературу съ нѣмцами. Какъ бы то нибыло но нѣмецкая поэзія далеко уносила меня тогда вдаль и мнѣ нравилась тогда ея совершенное отдаленіе отъ жизни и существенности. И я гораздо презрительнѣе глядѣлъ тогда на все обыкновенное и повседневное. Донынѣ я люблю тѣхъ нѣмцевъ которыхъ создало тогда воображеніе мое. Но оставимъ это. Я нелюблю, мнѣ тяжело будить ржавѣющіе струны во глубинѣ моего сердца. Скажу вамъ только что тяжело очутиться старикомъ въ лѣта еще принадлежащія юности, ужасно найти въ себѣ пепелъ вмѣсто пламени и услышать безсиліе восторга. Соберите въ кучу всѣхъ нещастливцевъ выберете между ними нещастнѣе всѣхъ и этотъ несчастливецъ будетъ счастливцемъ въ сравненіи съ тѣмъ кому обрекла судьба подобное состояніе. Изъ Вашего письма (которое разшевелило во мнѣ кое-что стараго за что васъ благодарю) видно что вы приняли то что я сказалъ въ частности о югѣ и сѣвѣрѣ за рѣшительное положеніе, что поэзія только на югѣ. Нѣтъ на сѣверѣ можетъ быть еще болѣе и чаще загоралась она, и для того чьи силы молоды и душа чувствуетъ свѣжесть, для того сѣверъ — разгулъ. Но вы простите прежніе слова тому нещастному, чья душа, лишившись всего что возвышаетъ ее (ужасная

утрата!) сохранила одну только печальную способность чувствовать это свое состояніе. И вообразите теперь этого нещасливца скитающагося подъ сѣвернымъ небомъ въ виду дѣятельности и всего что тревожитъ душу и влечетъ ее на то чтобы творить. Можете ли вы понять тѣ ужасные упреки, тѣ терзанія адскія, невыносимыя, которые онъ слышитъ въ себѣ. Теперь вообразите надъ этимъ человѣкомъ не знаю почему сжалилось Великое милосердіе Бога и бросило его (за что, праго, не понимаю, ничего достойного несдѣлалъ онъ) бросило въ страну, въ рай, гдѣ не мучатъ его невыносимые душевные упреки, гдѣ душу его обняло спокойствіе чистое какъ то небо которое его теперь окружаетъ и о которомъ ему снились сны на сѣверѣ во время поэтическихъ грезъ, гдѣ въ замѣну того бурнаго силящагося ежеминутно вырываться изъ груди фонтана поэзіи которой онъ носилъ въ себѣ на сѣверѣ и который изсохъ, онъ увидѣлъ поэзію не въ себѣ а вокругъ себя, въ небесахъ, солнцѣ, въ прозрачномъ воздухѣ и вовсемъ, тихую, несущую забвеніе мукамъ.—Теперь мнѣ нѣтъ ничего въ свѣтѣ выше природы. Передъ мной исчезли люди, города, націи, отношенія, и все, что занимаетъ людей волнуетъ и томитъ. Ее одну я вижу и живу ею. Вотъ почему я пристрастенъ къ ней: она мое послѣднѣе богатство. Кто испыталъ глубокіе душевные утраты тотъ пойметъ меня. Вы не тогда увидѣли Италію когда нужно. Не вовремя юности и свѣжести силъ, ее нужно видѣть; нѣтъ! но тогда когда много, много отниметъ у насъ неумолимая судьба. Но письмо мое приняло слишкомъ сурьезную физіогномію. Прочитавши изорвите его въ куски, я объ этомъ васъ прошу. Этого никто не долженъ читать, да оно впрочемъ ни кому не нужно. Я незнаю самъ почему я написалъ его. Но ваше письмо возбудило.....—Я знаю васъ въ этомъ отношеніи (не примите опять слова: *я знаю васъ* въ обширномъ значеніи, такъ какъ вы приняли въ вашемъ письмѣ). Я никогда небуду такъ самонадѣянъ и хвастливъ чтобы сказать: я знаю васъ. Нужно быть слишкомъ глубокому испытателю души и сердца и всѣхъ ихъ движеній чтобы знать человѣка. Но и тотъ нескажетъ: я знаю его совершенно.—Я могу знать двѣ три прекрасные стороны вашего сердца, а тысячи другихъ изъ которыхъ многіе тайны для васъ самихъ, могутъ мнѣ быть неизвѣстны. Но мое маранье я думаю вамъ надоѣло, я же такъ скверно пишу. Пора кончить. Будьте такъ добры и отправте это письмо въ институтъ моимъ сестрамъ. Вы написали въ концѣ Вашего письма не знаю почему: до свиданія. Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ мнѣ придется побывать въ Петербургѣ (тягостная даже мысль), во всякомъ случаѣ я пробуду не болѣе недели тамъ. О тяжелая обязанность, и хотя меня утѣшаетъ то что я увижу васъ и четырехъ пяти близкихъ моему сердцу. Но.... Богъ видитъ какую я великую жертву приношу. Прощайте. Будьте здоровы. Незабывайте вашего истиннаго друга. Душевной поклонъ мой вашей маминькѣ и всѣмъ вашимъ роднымъ.

Н. Гоголь.

На оборотѣ письма адресъ: «S'Petersbourg (en Russie). Ея Превосходительству Маріѣ Петровнѣ *Балабиной* въ *Сибрги* на Англицкой Набережной въ домѣ Генерала Балабина».

II.

Письмо Н. В. Гоголя П. И. Раевской.

Въ 1840 г. сестры Гоголя кончили Патріотическій институтъ. Н. В. считалъ ихъ нравственное воспитаніе незавершеннымъ и боялся вліянія на нихъ домашней среды. Отсюда—его хлопоты помѣстить сестеръ къ людямъ, которыхъ онъ уважалъ и любилъ, въ жизни и личности которыхъ искалъ благотворнаго примѣра для наивныхъ институтокъ.

Елизавета Васильевна Гоголь была помѣщена къ Прасковьѣ Ивановнѣ Раевской († 1846 г.) [1]), пріятельницѣ А. П. Елагиной. Е. М. Хомякова писала брату, Н. М. Языкову (Шенрокъ, Письма Гоголя, III, 216): Гоголь «помѣстилъ одну (сестру) у препочтенной и богомольной дамы, старой Раевской». Е. В. сначала дичилась, затѣмъ была «счастлива» въ любящей и любимой средѣ семьи Раевской, о которой навсегда сохранила самую свѣтлую память, — «обожала» П. И., была даже «влюблена» въ нее (Письма Гоголя, II, 38, 39, 65 и др.). Узнавъ о смерти П. И., Гоголь писалъ сестрѣ Е. В. про «грустное извѣстіе о смерти П. И. Раевской, которой безмятежная и чистая душа уже ликуетъ теперь на небесахъ»: «не грусти о ней, но молись, чтобы и она помолилась о тебѣ потомъ на небесахъ» (Письма, III, 170). «Я помѣстилъ тебя къ Прасковьѣ Ивановнѣ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сдѣлаться и самой доброю, находясь ежеминутно окруженной кроткими и незлобивыми людьми. Живя тамъ и видя предъ собой безпрестанно свѣтлое и исполненное доброты лицо Прасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лицѣ своемъ больше свѣтлости и спокойствія... Итакъ, будь свѣтла и добра, какъ Прасковья Ивановна» (Ib., стр. 171).

До сихъ поръ извѣстно было два письма Гоголя къ П. И. (Шенрокъ, Письма, II, 52 — 56 и 69 — 73). Печатаемое ниже, впервые, повидимому, относится къ 1841 г. («годъ, проведенный съ вами, послужилъ ей»).

Содержаніе письма очень характерно для настроеній Гоголя того времени и его отношеній къ «препочтенной и богомольной дамѣ, старой Раевской».

Вл. Каллашъ.

Прасковьѣ Ивановнѣ Раевской.

До меня дошли слухи, что Вы желали бы имѣть письма отъ меня. Но что интереснаго можетъ для Васъ заключиться въ письмѣ моемъ? Не смѣшно ли вамъ будетъ встрѣтить въ немъ какіе-нибудь обыкновенные свѣтскіе комплименты или, что всего пошлѣе, выраженіе благодарности за все то, что вы сдѣлали для сестры моей? Что благодарность моя сильна, вы это вѣрно знаете, да и нельзя ей не быть сильной. Сестру мою я пристроилъ къ вамъ, зная, что она не будетъ счастлива дома вслѣдствіе многихъ причинъ. Душа ея не лишена прекрасныхъ движеній и доброты, но

---

[1]) О ней см. «Москов. Вѣд.», 1859, № 204; «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 52; «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 63; Кулишъ, Записки, I, 261; Шенрокъ, Матеріалы, passim.

какое-то упорное своевольство отчасти сильнаго характера грозило ей многими несчастія (sic). Для умиренія душевнаго ей просто нужно было безмятежную противоположность, и эту безмятежную противоположность нашла она въ вашемъ домѣ, въ семействѣ добрыхъ свѣтлыхъ душъ. Годъ, проведенный съ вами, послужилъ ей лучше всякихъ теорій и правилъ, какія бы она могла начитать въ книгахъ или выслушать изъ устъ краснорѣчивѣйшаго наставника. Теперь, находясь дома, она уже менѣе несчастлива, чѣмъ бы была прежде. Въ минуты скорбныя она прибѣгаетъ къ воспоминанію о васъ, и въ семъ воспоминаніи о васъ уже заключился для ней твердый вожатый въ жизни. Разлученная съ вами, она теперь узнала болѣе цѣну вамъ, и любитъ васъ сильно, что показываютъ ея письма. А что любишь, тому невольно стараешься уподобиться, и потому немудрено, что она становится лучше и лучше. Итакъ вы видите сами, что благодарность моя вамъ [1]) не можетъ не быть сильною и глубокою. Но это вы вѣрно очень хорошо знаете, такъ же какъ знаете то, что я не могу васъ не уважать и не любить душевно. О чемъ же можетъ быть къ вамъ письмо мое? Признаюсь вамъ, я пишу теперь рѣдко, и пишу только тогда, когда или я имѣю въ комъ сильную (душевную) [2]) нужду, или чувствую, что кто-нибудь имѣетъ во мнѣ сильную нужду—словомъ, когда какой-нибудь предстоитъ подвигъ въ дѣлѣ или въ могущественномъ словѣ, въ которомъ проливается утѣшеніе. Но какъ ни разсмотрю я васъ, вижу только, что вы не можете имѣть во мнѣ никакой нужды. Вы родились на свѣтъ уже почти съ готовою душою. Ни бурь, ни сердечныхъ волненій, ни сокрушительнаго мятежа страстей вы не знаете, вы свѣтло и безмятежно преплывете земное поприще и тихо пристанете къ небесному пристанищу. Стало быть, вамъ ненуженъ никакой голосъ ободренія, и тѣмъ болѣе отъ такого человѣка, которому много предстоитъ еще душевной борьбы и суровыхъ испытаній въ жизни, чтобъ вкусить то, что, можетъ быть, вы давно уже вкушаете. Развѣ помолюсь во глубинѣ души моей, чтобъ вы всегда были такъ свѣтлы и еще свѣтлѣй, чѣмъ прежде, чтобъ у васъ на душѣ былъ вѣчный праздникъ, даже и въ то время, еслибы вамъ случилось какъ-нибудь недомогать тѣлесно, но отъ послѣдняго храни васъ Богъ. Прощайте. Христосъ съ вами. Помолитесь и вы иногда обо мнѣ.

Искренно васъ любящій *Гоголь*.

---

[1]) Надписано сверху.

[2]) Тщательно зачеркнуто.

Грановскій и Шевыревъ.

1844—1845 годы отмѣчены въ исторіи славянофильства и западничества, какъ моментъ окончательнаго разрыва обѣихъ партій. Общіе контуры идеологій болѣе или менѣе опредѣлились, и къ этому времени выяснились основные пункты расхожденій. Нѣсколько событій въ жизни обоихъ общественныхъ лагерей привели также къ разрыву дружественныхъ отношеній между отдѣльными лицами. Зимою 1843—44 годовъ, какъ извѣстно, Т. Н. Грановскій прочелъ свой публичный курсъ по исторіи Западной Европы. Это чтеніе было принято многими, какъ выступленіе всей западнической партіи, и если это было до извѣстной степени вѣрно, то глубоко симпатичная личность Грановскаго, а также его поразительный ораторскій талантъ и яркость мысли, по признанію даже его противниковъ, сдѣлали изъ его лекцій сплошной его тріумфъ. Большинство славянофиловъ отдавало должное таланту и дарованіямъ Грановскаго. Лишь въ правомъ флангѣ славянофильства, въ группѣ Погодина и Шевырева, лекціи возбудили озлобленіе и вызвали нѣсколько некрасивыхъ поступковъ. Шевыревъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» статью о публичномъ курсѣ Грановскаго, подчеркивая его якобы яркую тенденціозность и слѣпое слѣдованіе авторитету Гегеля. Все дѣйствительное значеніе этого поступка станетъ яснымъ, если вспомнить, что не только слѣдованіе авторитету нѣмецкаго философа, но даже простыя ссылки на него были въ глазахъ правительства по тому времени преступленіемъ. Статья Шевырева, конечно, не встрѣтила сочувствія въ обществѣ: западники негодовали, славянофилы также не остались равнодушными. Такъ, напр., Ю. Ѳ. Самаринъ, «радуясь успѣху Грановскаго, досадовалъ на оплошность Погодина и Шевырева»[1]); К. С. Аксаковъ также горячо стоялъ за Грановскаго «и поссорился съ Шевыревымъ»[2]). Ясное сознаніе противоположности взглядовъ не помѣшало, по собственному признанію А. С. Хомякова. ему и П. В. Кирѣевскому «хлопать съ величайшимъ усердіемъ краснорѣчію и простотѣ рѣчи Грановскаго»[3]). По окончаніи публичныхъ лекцій, произошло торжественное примиреніе западниковъ со славянофилами и даже Грановскаго съ Шевыревымъ [1]). Но это примиреніе было непродолжительно. Различіе въ міросозерцаніи сознавалось все сильнѣе и отчетливѣе. Представители обоихъ направленій стремились выска-

---

[1]) Письмо къ К. С. Аксакову. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, 114.

[2]) Письмо Грановскаго къ Кетчеру. Переписка Т. Н. Грановскаго. II, 462.

[3]) Письмо Хомякова къ А. В. Веневитинову. Пыпинъ, Бѣлинскій. II, 232—233.

[4]) Сочиненія Герцена. Изд. 1905 г., II, 425.

заться вполнѣ, и не только въ печати, но и въ живомъ словѣ передъ публикой. Со стороны славянофиловъ, какъ бы въ отвѣтъ Грановскому, выступилъ съ публичнымъ курсомъ Шевыревъ. Уже давно зародилась въ немъ мысль прочесть публичныя лекціи по исторіи русской литературы, но со времени курса Грановскаго эта мысль не давала ему покоя. Къ публичному выступленію побуждалъ его въ особенности Погодинъ, который еще 24 ноября 1843 года подъ впечатлѣніемъ одной изъ первыхъ лекцій Грановскаго занесъ въ Дневникъ: «Думалъ о лекціяхъ антизападныхъ».

Курсъ Шевырева (25 ноября 1844 г.—30 апр. 1845 г.) былъ, подобно лекціямъ Грановскаго, принятъ какъ славянофилами, такъ и ихъ противниками въ качествѣ манифеста всей славянофильской партіи [1]). Не надо удивляться, что отъ лица всего славянофильства могъ выступить въ то время именно Шевыревъ. Фактъ этотъ вполнѣ понятенъ: въ это время яснѣе была разница между ученіемъ западниковъ и идеологіей славянофильства, чѣмъ отличія въ міросозерцаніи отдѣльныхъ лицъ въ кругу самихъ славянофиловъ и примыкавшихъ къ нимъ Шевырева, Погодина и др. Къ тому же борьба въ то время шла не въ области практическихъ вопросовъ, а въ сферѣ отвлеченныхъ философскихъ и историческихъ интересовъ. А въ этой области разница между Шевыревымъ и славянофилами была въ то время не очень чувствительной. Курсъ Шевырева привлекъ очень много публики, и это непостоянство публики, за годъ передъ тѣмъ набивавшей аудиторію Грановскаго, раздражало Бѣлинскаго [2]); но, въ дѣйствительности, даже сами славянофилы сознавали, что, несмотря на видимый успѣхъ лекцій, большинство публики было не на сторонѣ идей лектора [3]). Эти лекціи дали возможность партіямъ сосчитать свои силы. Силы славянофиловъ оказались въ меньшинствѣ, но все же славянофилы были въ восторгѣ отъ лекцій, считали ихъ выразительными и мѣстами даже смѣлыми (т. к. въ то время славянофильство уже остановило на себѣ пристальный и тяжелый взглядъ правительства).

Лекціи Шевырева вызвали въ печати, а въ особенности въ письмахъ оживленный обмѣнъ мыслей между славянофилами, да и вообще стали злобой дня въ обществѣ. Въ декабрѣ 1844 г. въ московскихъ гостиныхъ стали распространяться стихотворенія больного и озлобленнаго Языкова, написанныя въ связи съ лекціями Шевырева. Стихотворенія эти были наполнены открытой бранью на западниковъ, граничившей мѣстами съ доносомъ. Несмотря на открещиванія отдѣльныхъ представителей славянофильства, особенно молодыхъ — Самарина и Аксакова, эти стихи въ глазахъ западниковъ ложились темнымъ пятномъ на все славянофильство. Объясненія по поводу этихъ стиховъ между Грановскимъ и П. В. Кирѣевскимъ чуть было не привели къ дуэли. Къ январю 1845 г. относится много разъ описанное со словъ Герцена прощаніе К. Аксакова съ нимъ и съ Грановскимъ. Друзья со слезами порывали свои личныя отношенія изъ-за сильно разгорѣвшихся партійныхъ несогласій.

---

[1]) Эта сторона дѣла подчеркивается и новѣйшими изслѣдователями. См.: Вѣтринскій, Т. Н. Грановскій и его время. М. 1905 г. М. О. Гершензонъ. «Вѣстникъ Европы», 1900 г., № 12, стр. 471—«Изъ переписки Чаадаева».

[2]) Пыпинъ, Бѣл. II, 291—292.

[3]) См. письмо Хомякова къ Самарину «Р. Арх.», 1879, III, стр. 314—315.

Въ это бурное для московскихъ кружковъ время Грановскій представилъ въ факультетъ свою магистерскую диссертацію. Несмотря на то, что она касалась самаго спеціальнаго вопроса, именно вопроса о томъ, существовалъ ли въ дѣйствительности славянскій городъ Винета, она задѣла за живое разсматривавшихъ диссертацію профессоровъ—Давыдова, Шевырева и слависта Бодянскаго. Не соглашаясь съ основнымъ выводомъ диссертанта, отрицавшаго существованіе г. Винеты, эти профессора, примыкавшіе къ крайнему націоналистическому и реакціонному направленію, рѣшили было съ позоромъ вернуть диссертацію Грановскаго, но потомъ отказались отъ своего намѣренія, такъ какъ Грановскій потребовалъ отъ нихъ письменной мотивировки. Диспутъ состоялся 21 февраля 1845 г. и ознаменовался шумной демонстраціей публики, освиставшей оппонентовъ Грановскаго — Шевырева и Бодянскаго, а самому диспутанту устроившей овацію. Значительную часть публики составляли студенты. Во избѣжаніе непріятностей Грановскій долженъ былъ предостеречь студентовъ отъ повторной демонстраціи, такъ какъ это могло бы повлечь за собой гнѣвъ правительства. Передъ началомъ своей первой лекціи послѣ диспута (24 февр.) онъ поблагодарилъ студентовъ за вниманіе и просилъ не аплодировать ему больше [1]).

Студенты, конечно, исполнили желаніе Грановскаго. Но подъ тѣмъ же 28 февраля, подъ которымъ Герценъ записалъ рѣчь Грановскаго, онъ занесъ и слѣдующія строки въ свой дневникъ: «Шевырева готовятся принять свистками или ошикать, если онъ будетъ говорить, т.-е. выговаривать студентамъ. Это было бы хорошо, но за это можно уѣхать бѣднымъ юношамъ на Кавказъ, а потому лучше было бы имъ, т.-е. всѣмъ студентамъ, рѣшительно не ходить на его публичныя лекціи». Такъ писалъ западникъ Герценъ. До славянофильскаго лагеря также дошли эти слухи.

Здѣсь готовы были видѣть въ Грановскомъ интригана, всѣми силами стремящагося къ популярности среди студентовъ. Такое отношеніе къ Грановскому и его товарищамъ-западникамъ сказалось въ весьма интересныхъ толкахъ по поводу распространившихся въ обществѣ слуховъ якобы о предполагаемомъ шиканіи Шевыреву на его публичныхъ лекціяхъ. Сохранилась слѣдующая записка Ив. Вас. Кирѣевскаго къ Погодину: «Шевыревъ, говорятъ, хочетъ дѣлать вещь непростительную: говорить во вторникъ [2]) о выходкѣ Грановскаго (т.-е. о приведенной выше его рѣчи къ студентамъ). Если это правда, то ради Бога останови его. Говорятъ, студенты собираются ему шикать и безъ того. Если это правда, то вмѣсто прекрасной роли—быть жертвою противныхъ интригъ, онъ своею рѣчью противъ Грановскаго явится только жертвою собственной неудачной выходки. Тогда несоглашающимся будетъ очень естественно выразить свое несогласіе, между тѣмъ какъ безъ его повода ихъ шиканье будетъ только обличеніемъ ихъ ненависти и происковъ». Это письмо въ достаточной степени характеризуетъ всю подозрительность и недовѣрчивость къ Грановскому и къ западникамъ вообще со стороны даже такихъ славянофиловъ, какъ Ив. В. Кирѣевскій, о которомъ незадолго передъ тѣмъ самъ Грановскій отзывался съ глубокимъ уваженіемъ и теплой любовью. Въ бумагахъ Шевырева, храня-

---

[1]) Герценъ занесъ рѣчь Грановскаго въ свой дневникъ подъ 28 февраля 1845 г.

[2]) Повидимому, 6 марта. Въ этотъ день, дѣйствительно, Шевыревъ читалъ лекцію.

щихся въ Император. Публ. Библіотекѣ, есть письмо И. В. Кирѣевскаго, касающееся тѣхъ же слуховъ. Въ немъ, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе забота о студентахъ, которымъ могло бы дорого обойтись шиканье Шевыреву. Въ этомъ отношеніи славянофилъ Кирѣевскій сошелся, какъ мы видимъ, съ западникомъ Герценомъ. Приведемъ письмо цѣликомъ:

«Любезный другъ. Спѣшу извѣстить тебя, что, кажется, всѣ эти слухи были несправедливые, и шикать тебѣ не собираются. Впрочемъ, такъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ ты не долженъ предполагать ихъ возможности даже и тогда, когда бы они были справедливы.—Я слышалъ, что ты говорить возраженіе Гран(овскому) не хочешь: спасибо за это!—Это благородно и умно. Эти средства надобно оставить имъ.—Они не знаютъ, какъ роняютъ себя, прибѣгая къ нимъ...

«Я цѣлый день думалъ почти только объ этомъ: результатъ моихъ размышленій есть ясное, безпристрастное, спокойное и твердое убѣжденіе въ томъ, что если бы вздумали настроить тебѣ шиканье, то это скверное съ ихъ стороны дѣло можетъ только поднять и тебя и наше дѣло, непремѣнно уронитъ ихъ.—Твой тонъ, страдающаго за убѣжденіе правое, былъ бы прекрасной,—если ты не вызовешь этого дѣла собственнымъ нападеніемъ на нихъ, но встрѣтишь его съ *равнодушнымъ* [1]) презрѣніемъ, безъ отвѣта, безъ досады, но съ чувствомъ сожалѣнія къ нимъ, не знающимъ, что дѣлаютъ. И этого сожалѣнія ты не долженъ выражать, чтобы не подзадорить ихъ. Ибо ты не забудешь, что ихъ глупость будетъ стоить многимъ цѣлой судьбы: солдатство, Кавказъ и пр. — Гр(анов)скій на тѣхъ(?), но ихъ настроилъ.—Съ твоей стороны ни одинъ поступокъ не долженъ имѣть тѣни возбужденія, чтобы та мать, тотъ отецъ, у кого они отнимутъ сына, не могли и подумать винить тебя въ своей бѣдѣ.—Впрочемъ, всѣ эти разсужденія на вѣтеръ. Въ самомъ дѣлѣ говорятъ, что все это фальшивый слухъ, распущенный, можетъ-быть, не безъ намѣренія.—Зная твою запальчивость, не хотѣли ли вызвать тебя къ какой-нибудь выходкѣ, которую можно бы было обернуть тебѣ во вредъ.—Прости меня, если я прервалъ твои приготовленія къ лекціи этими посторонними разсужденіями. Я знаю, что для тебя важно только дѣло твоей науки, а эти вещи постороннія для тебя мелочи.—Но меня эти мысли тревожили и потому я долженъ былъ сообщить ихъ тебѣ.

Твой *И. К.*»

Тревога въ дѣйствительности оказалась совершенно напрасной. Шевыревъ внялъ совѣтамъ и ничего не «выговаривалъ» студентамъ. Лекція прошла въ общемъ успѣшно. Видимо, къ марту мѣсяцу относится слѣдующее письмо Шевырева къ Погодину: «Лекціи мои прошли какъ нельзя лучше. Первая мнѣ особенно удалась.

---

[1]) Курсивъ Кирѣевскаго.

Студентовъ у меня было болѣе ста. Тишина во время всей лекціи и вниманіе примѣрныя... У многихъ сочувствіе я читалъ въ глазахъ—я думаю, нарочно подали фальшивую тревогу, чтобы испугать меня. Штуки!» [1]) Барсуковъ, приводя это письмо, не указываетъ его даты, но вѣрнѣе всего думать, что въ немъ идетъ рѣчь именно объ описанной нами «фальшивой тревогѣ». Есть, однако, противоположное извѣстіе, что шиканье Шевыреву будто бы состоялось. Именно А. О. Смирнова отмѣтила 16 марта 1845 г. въ своемъ дневникѣ: «Поутру была у меня А. В. Сенявина... Ей писали изъ Москвы, что Шевырева зашикали на одной лекціи. Грановскій, тотъ, который прошлый годъ читалъ съ блистательнымъ успѣхомъ исторію среднихъ вѣковъ, защищалъ диссертацію на магистерскую степень. Рѣдкинъ его защищалъ противъ Шевырева, публика заступилась за любимца-красавца и зашикала, когда Шевыревъ немного кольнулъ Грановскаго». [2]) Съ увѣренностью можно сказать, что запись Смирновой не можетъ считаться достовѣрной, т. к. она легко могла перепутать разсказъ, извѣстный ей изъ третьихъ рукъ, и принять слухи за совершившійся фактъ.

Какъ бы то ни было, но весь описанный эпизодъ съ диспутомъ Грановскаго и съ вызванными имъ инцидентами и слухами въ достаточной степени характеризуетъ то повышенное настроеніе, въ которомъ въ началѣ 1845 г. находились и западники и славянофилы. Это настроеніе, какъ мы видѣли, заставляло съ особенной подозрительностью относиться другъ къ другу лицъ, раньше совсѣмъ не сомнѣвавшихся въ благородствѣ своихъ идейныхъ противниковъ.

Юрій Соколовъ.

---

[1]) Барсуковъ, ук. соч., VIII, 83.

[2]) Изъ записокъ знатной дамы. 1845 г. «Русскій Архивъ», 1881 г., № 2, стр. 216.

Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи.

Исторія цензуры въ Россіи въ значительной степени разработана. Уже офиціальная записка подъ заглавіемъ «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи» 1862 г., изданная въ двухъ нѣсколько различающихся между собою изданіяхъ, сообщила немало интересныхъ свѣдѣній. Затѣмъ этимъ предметомъ относительно царствованія императора Александра I занялся М. И. Сухомлиновъ въ «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи» этого періода (перепечатаны въ I т. его «Изслѣдованій»). Общій очеркъ исторіи цензуры далъ А. М. Скабичевскій (1892 г.). Очень много матеріаловъ по исторіи цензуры въ царствованіе имп. Николая I было напечатано въ «Русской Старинѣ» 1901, 1903 и 1904 гг. Наконецъ тому же предмету были посвящены труды М. К. Лемке: «Эпоха цензурнаго террора» (1848 — 1855 г.) въ его книгѣ: «Очерки по исторіи цензуры и журналистики XIX столѣтія» (1904 г.), «Николаевскіе жандармы и литература 1826 — 55 гг.» (1908 г.) и «Эпоха цензурныхъ реформъ 1859 — 1865 гг.» (1903 г.),— послѣдняя книга вышла въ свѣтъ съ значительными цензурными урѣзками. Духовной цензурѣ (1799 — 1855 гг.) посвящена книга Котовича (1909 г.). Слѣдуетъ еще указать на данныя о болѣе новыхъ дѣяніяхъ цензурнаго вѣдомства въ статьѣ В. Я. Богучарскаго «Очерки изъ исторіи журналистики XIX вѣка» въ его книгѣ «Изъ прошлаго русскаго общества» (1904) и въ сочиненіяхъ К. К. Арсеньева «Законодательство о печати» (1903) и В. А. Розенберга и В. Е. Якушкина «Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ» (1905). Перечисленіе менѣе крупныхъ трудовъ по исторіи цензуры завело бы насъ слишкомъ далеко.

Несмотря на то, что исторія цензуры въ Россіи обращала на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, есть все же немало интересныхъ и еще неизданныхъ матеріаловъ по этому предмету. Дѣла относительно свѣтской цензуры до перехода ея въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ хранятся въ архивахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Департамента Полиціи (документы III отдѣленія собственной Е. Вел. канц.) и С.-Петербургскаго университета.

Почти всѣ матеріалы, нынѣ предлагаемые вниманію читателей, печатаются съ хранящихся въ I отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ собственноручныхъ копій покойнаго академика Н. О. Дубровина, снятыхъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Архивѣ Департамента Полиціи, и относятся къ мрачной эпохѣ 1848 г., когда, подъ вліяніемъ февральской революціи во Франціи, начался періодъ самой черной реакціи, длившейся до восшествія на престолъ имп. Александра II. Это было время, когда такимъ низкимъ дѣятелямъ журнальнаго міра, какъ Булгаринъ, стало еще легче обдѣлывать свои дѣлишки при поддержкѣ

цензуры и III отдѣленія. Его отвратительная личность получила справедливую оцѣнку и у современниковъ и у новѣйшихъ изслѣдователей: упомянемъ о статьяхъ о немъ въ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» М. К. Лемке и въ его же книгѣ «Николаевскіе жандармы» (1908 г.). Тѣмъ не менѣе, и относительно этого доносчика и въ литературѣ и въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ III отдѣленіемъ (едва ли, впрочемъ, не превзойденнаго въ послѣднее время) не всѣ еще матеріалы исчерпаны.

Въ названныхъ трудахъ писатели могутъ найти дополненіе къ печатаемымъ нами матеріаламъ.

В. Семевскій.

Защита Булгарина цензурою [1]).

18 апр. 1846 г.

Въ С.-Петербургскій Ценсурный комитетъ.

На разсмотрѣніе ценсоровъ, просматривающихъ «Отечественныя Записки», поступила критическая, довольно большая статья (7 корректурныхъ листовъ), написанная по случаю выпуска въ свѣтъ «*Воспоминаній*» Ѳ. *Булгарина*. Авторъ этой статьи предположилъ разобрать не собственно сочиненія г. Булгарина, а болѣе методу дѣйствій его на литературномъ поприщѣ, начиная съ 1821 года, когда онъ напечаталъ первую книгу: «*Избранныя оды Горація*». Очеркъ сихъ дѣйствій, написанный перомъ, самымъ неблагопріятнымъ для г. Булгарина, не можетъ не быть для него крайне оскорбительнымъ. Критикъ доказываетъ, что г. Булгаринъ такъ же часто обманываетъ публику, какъ твердитъ о своемъ правдолюбіи; что перомъ его въ журналистикѣ руководствуетъ не безпристрастіе и любовь къ литературѣ, но особенная тактика, изобрѣтеніе которой приписывается издателямъ «Сѣверной Пчелы», что Булгаринъ въ продолженіе двадцатипятилѣтняго литературнаго поприща своего былъ главнымъ источникомъ полемики, потому что ко всѣмъ придирается, на всѣхъ нападаетъ, со всѣми бранится и никому не даетъ покоя. Для подтвержденія такого рода суда Булгарину (sic) критикъ приводитъ всѣ самыя укоризненныя для него рецензіи, какія только были когда-нибудь противъ него напечатаны. Къ выпискамъ изъ воспоминаній, по случаю которыхъ статья написана, авторъ приступаетъ въ концѣ 5-го листа и наполняетъ остальные затѣмъ два листа выборкою такихъ только мѣстъ, которыя нужны, чтобы показать, что впечатлѣнія дѣтства, воспитаніе и моральныя качества лицъ всего семейства Булгарина не могли выработать изъ него иного человѣка, съ другими правилами.

Ценсоры просматривавшіе эту статью, имѣли въ виду сколько возможно смягчить ее разными перемѣнами и исключеніями. Предположенныя ими съ сею цѣлью отмѣтки сдѣланы. Но, за всѣми такими исключеніями и перемѣнами, ценсоры сомнѣваются, можетъ ли быть допущена къ печати такая статья, въ основаніе которой

---

[1]) Изъ дѣла 1846 г. о рукописяхъ недозволенныхъ и запрещенныхъ Цензурнымъ Комитетомъ по докладамъ гг. цензоровъ, хранящемся въ Архивѣ С.-Петербургскаго университета, № 9, стр. 3—4. *В. С.*

положена не критика сочиненій, а разборъ дѣйствій литератора самый укоризненный. — Не считая себя въ правѣ судить о справедливости или несправедливости всего этого разбора и не входя въ сложный вопросъ о томъ, въ какой степени можно печатно порочить дѣйствія критикуемаго лица, въ которомъ по необходимости всегда останется много нелитературнаго, цензоры предаютъ сомнѣніе свое на благоусмотрѣніе Комитета и испрашиваютъ разрѣшенія: можно ли статью сію одобрить къ печати, за сдѣланными въ ней перемѣнами и исключеніями со стороны обоихъ цензоровъ), такъ какъ редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» домогается пропуска оной и настоитъ (sic) на томъ, что въ ней говорится правда, подтверждаемая выписками такихъ мѣстъ, которыя были уже напечатаны.

Цензоръ *А. Крыловъ*. Цензоръ *А. Мехелинъ*.

Въ засѣданіе цензурнаго комитета 18 апрѣля 1846 года, по выслушаніи донесеній отъ цензоровъ Крылова и Мехелина о поступившей на разсмотрѣніе ихъ статьи, написанной по случаю выпуска въ свѣтъ «Воспоминаній» Ѳ. Булгарина, опредѣлено: увѣдомить г. Редактора «Отечественныхъ Записокъ», что эта статья къ напечатанію въ такомъ видѣ допущена быть не можетъ [1]).

Записка статсъ-секретаря барона Модеста Корфа, поданная Наслѣднику Цесаревичу [2]).

24 февраля 1848 г.

Безъ иного права, кромѣ глубокой моей приверженности, и безъ иного призванія, кромѣ милостей ко мнѣ в. и. в. осмѣливаюсь поднести у сего нѣсколько мыслей о нашей журналистикѣ и цензурѣ, вызванныхъ во мнѣ современными событіями.

Если эта записка заслуживаетъ какого-нибудь вниманія, она вѣрно удостоится въ рукахъ вашихъ; если же нѣтъ. благоволите, бросивъ ее, не отнимать отъ меня благотворной руки вашей. Здѣсь, какъ и всегда, я былъ движимъ единственно сердечною чистою преданностью къ Г. И. и Вашему Высочеству.

Записка. Настоящія ужасныя происшествія на западѣ Европы, возбуждая во всей мыслящей и благоразумной части публики одно справедливое омерзѣніе, указываютъ необходимость всячески охранять

---

[1]) Дѣло идетъ здѣсь о статьѣ В. Г. Бѣлинскаго, появившейся въ печати лишь въ собраніи его сочиненій. См. изд. второе ч. XII, 1874 г., стр. 477—525. Однако въ «Отечеств. Запискахъ» (1846 г., т. 46, отд. VI, стр. 40 — 53) все же появилась рецензія о воспоминаніяхъ Булгарина. Судя по тому, что въ ней есть нѣкоторые отрывки изъ запрещенной статьи, она, вѣроятно, также принадлежитъ Бѣлинскому. О продолженіи воспоминаній Булгарина были и позднѣе рецензіи въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1847 г., т. 50, отд. VI, стр. 65, и 1848 г., т. 57, отд. VI, стр. 105 — 115).

[2]) Слѣдствіемъ этой записки было учрежденіе Комитета 27 февраля подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова; членами его были: д. т. сов. Бутурлинъ, самъ Корфъ, г.-ад. гр. Александръ Строгановъ, г.-л. Дубельтъ и статсъ-секретарь Дегай. Ср. «Изъ записокъ бар. М. А. Корфа» («Русск. Стар.», 1900 г., № 3 стр. 571—574) и *Лемке* «Очерки», стр. 192 и слѣд.). *В. С.*

и низшіе наши классы отъ вторженія такихъ идей, которыя могли бы влить въ нихъ чуждую еще имъ теперь воспріимчивость къ злонамѣреннымъ политическимъ внушеніямъ, помрачить то сіяніе и тотъ неприступный блескъ, коими окружена въ понятіяхъ русскаго народа верховная власть, и пріуготовить вообще легко воспаляемую искру при потрясеніи умовъ внѣшними вліяніями. Во всякомъ внезапномъ движеніи страшны не столько лица, сколько массы, посредствомъ коихъ они дѣйствуютъ, а русскіе журналы и газеты читаются и всѣми мелкими чиновниками, и въ трактирахъ, и въ лакейскихъ, разсыпаясь такимъ образомъ между сотнями тысячъ читателей, для которыхъ все это свято какъ законъ, уже потому, что оно печатное.

Отсюда ясно кажется, что должно обратить самое бдительное вниманіе на журнальную нашу литературу, которая въ случаѣ ложнаго или недовольно осмотрительнаго направленія ея, можетъ произвести самыя гибельныя послѣдствія. Подлежащее министерство приметъ, безъ сомнѣнія, всѣ нужныя по сему предмету мѣры; но при соображеніи оныхъ не безполезно, можетъ статься, будетъ имѣть въ виду слѣдующія замѣчанія, основанныя на постоянномъ наблюденіи за нашею журналистикою и на отзывахъ людей, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ.

I. О журналахъ. 1) Каждый журналъ имѣетъ свою высочайше утвержденную программу. На основаніи сихъ программъ, всѣ такъ называемые толстые журналы наши должны быть исключительно учено-литературными, и только «Сыну Отечества» предоставлено печатать извѣстія политическія. Вопреки тому, и всѣ другіе очень часто сообщаютъ извѣстія сего рода, подъ видомъ писемъ, обозрѣній и проч.

2) Ни одинъ журналъ по программѣ не имѣетъ права выдавать въ мѣсяцъ болѣе 20—25 листовъ, и всѣ выдаютъ болѣе, иные почти вдвое. Но какую возможность имѣетъ цензоръ, къ которому корректурные листы поступаютъ не ранѣе половины мѣсяца, прочесть въ двѣ недѣли, *съ должнымъ вниманіемъ* книгу, составляющую въ обыкновенной печати до 900 страницъ.

3) Цензурный уставъ не позволяетъ говорить о запрещенныхъ въ Россіи иностранныхъ книгахъ, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ журналахъ не только о нихъ говорятъ, но и хвалятъ ихъ. Исторія французской революціи Луи Блана, другая ея исторія Мишле, исторія жирондистовъ Ламартина, — всѣ эти сочиненія, исполненныя неистоваго радикализма и облекающія порокъ и преступленіе въ самые привлекательные образы, были у насъ превознесены похвалами. Въ одномъ журналѣ переводится теперь романъ Сю изъ журнала Constitutionnel, который и весь у насъ строго запрещенъ.

4) Самыя чисто литературныя статьи, въ нѣкоторыхъ журналахъ, отзываются чѣмъ-то политическимъ, наполнены какими-то полутаинственными намеками, пропитаны духомъ, несвойственнымъ ни формамъ нашего общественнаго устройства, ни общимъ понятіямъ высшей нравственности. Ближайшія указанія были бы излишни, потому что эти журналы въ рукахъ у всѣхъ. Но полезно ли такое превратное ученіе, распаляющее страсти, потому что оно имъ ласкаетъ, и какая цѣль внушеній, сокрытыхъ подъ такою прозрачною пеленою? Полезны ли также безпрестанно повторяемые въ тѣхъ же журналахъ возгласы о необходимости какого-то прогресса и о какихъ-то современныхъ вопросахъ и интересахъ?

II. О цензурѣ. 1) Цензоръ есть нынѣ мелкій чиновникъ съ скуднымъ содержаніемъ, тогда какъ, по важности обязанностей, ему надлежало бы занимать гораздо высшую степень въ служебной іерархіи и быть вполнѣ обезпечену: иначе горькая нужда можетъ заставить его или кривить душой, или заниматься своею должностью небрежно, подкрѣпляя свой недостаточный окладъ другими средствами. Дѣйствительно, многіе изъ нихъ были сами сотрудниками журналовъ, другіе — даже ихъ редакторами. Такимъ образомъ, цензоръ, во-первыхъ, самъ и судья, и подсудимый и, во-вторыхъ, занимаясь работою для журналовъ, по необходимости, долженъ похищать время на то отъ служебныхъ своихъ обязанностей. Точно такъ же странно и малоумѣстно, повидимому, соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ должностей столь трудныхъ и заботливыхъ, каковы цензорская и профессорская.

2) Цензоръ долженъ быть человѣкъ образованный и умный, непремѣнно умный, понимающій виды и цѣль правительства и умѣющій обнять и оцѣнить не только внѣшній, но и внутренній моральный смыслъ написаннаго. Но есть ли точное удостовѣреніе, чтобы всѣ нынѣшніе цензоры соединяли въ себѣ эти условія?

3) Число цензоровъ издавна одно и то же, тогда какъ производительность литературная — особливо въ журналахъ, требующихъ наибольшей отъ нихъ дѣятельности, — удесятерилась.

Обращаясь, собственно, къ обстоятельствамъ настоящей эпохи, необходимо бы, кажется, было:

1) Составленіе для русскихъ газетъ и журналовъ статей политическихъ и вообще о заграничныхъ происшествіяхъ поручать одному лицу, извѣстному своими твердыми, чистыми правилами и мнѣніями и притомъ, какъ и нынѣ, подъ цензурою Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ прочимъ газетамъ и журналамъ дозволить только перепечатывать тѣ же самыя статьи, отнюдь ничего не прибавляя и не убавляя. На что лавочнику или лакею знать, что въ Парижѣ тронъ выброшенъ въ окно и всенародно сожженъ, а если совершенно уже неизбѣжно передавать подобные факты въ общее свѣдѣніе, то не должно ли, по крайней мѣрѣ, представлять ихъ читателямъ въ яркихъ краскахъ того омерзѣнія, какого они заслуживаютъ?

2) Подтвердить цензурѣ о строжайшемъ исполненіи ея устава, особенно въ отношеніи переводовъ и отзывовъ объ иностранныхъ сочиненіяхъ. Въ государствѣ благоустроенномъ каждая книга, каждый журналъ должны быть проповѣдью добрыхъ нравовъ, а не школою разврата.

3) Пересмотрѣть строго всѣ нынѣ издающіеся журналы и если которые либо изъ нихъ окажутся подозрительными въ своемъ направленіи, то немедленно ихъ запретить, или, что, конечно, лучше бы было въ видахъ впечатлѣнія такой мѣры на умы, передать ихъ въ руки болѣе надежныхъ редакторовъ.

4) Не позволять никакому журналу или газетѣ оговариваться передъ публикою въ неокончаніи статьи, уменьшеніи объема книжки и т. п. обстоятельствами или причинами, *независящими отъ редакціи*, — формула, принятая нынѣ для тѣхъ случаевъ, когда что-либо удержано цензурою и извѣстная, въ этомъ смыслѣ, каждому читающему журналы.

5) Основать на другихъ началахъ положеніе цензоровъ.

Записка Ѳ. Булгарина о цензурѣ и коммунизмѣ въ Россіи.

(Приложеніе къ письму его Л. В. Дубельту отъ 6 марта 1848 г.) [1].

«Законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты!»

Со времени министра просвѣщенія гр. Заводовскаго и заступившаго мѣсто министра просвѣщенія Козодавлева, литература и цензура не обращали на себя никакого вниманія министровъ и почитались дѣломъ послѣднимъ въ министерствѣ и вовсе ничтожнымъ. На весь Петербургъ было только два цензора, которымъ предоставлялось дѣйствовать самовластно по усмотрѣнію. По счастью, и цензоры, и писатели были люди благонамѣренные, и дѣло шло безвредно. Тайное общество, обнаружившееся 14 декабря 1825, дѣйствовало на умы рукописными стишками и пѣсенками и не могло пробиться съ своимъ ученіемъ въ литературу, потому что хотѣло дѣйствовать скоро, и что правила этого общества невозможно было прикрыть никакими вымышленными именами. Проскакивали нѣкоторыя вещи, но рѣдко и то или отвлеченно, или въ видѣ малороссійской борьбы съ поляками за свободу. Таковъ характеръ сочиненій Рылѣева. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ въ началѣ своего достославнаго царствованія, желая положить предѣлы злоупотребленію и вмѣстѣ открыть благонамѣреннымъ писателямъ обширное поприще для дѣйствія, повелѣлъ составить новый цензурный уставъ, поручивъ дѣло гр. Нессельроде, гр. Бенкендорфу и Дашкову. Производителемъ дѣлъ комитета былъ покойный Максимъ Яковлевичъ фонъ Фокъ. Составленъ превосходный цензурный уставъ, учрежденъ цензурный комитетъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, Главное управленіе цензуры, опредѣлены всевозможныя формы, — и дѣло пошло въ тысячу разъ хуже, чѣмъ было прежде. Отчего же? Не только въ Россіи, но въ цѣломъ мірѣ успѣхъ дѣла зависитъ отъ выбора людей, а въ столь щекотливомъ дѣлѣ, какъ цензура, надобно было обратить особенное вниманіе на выборъ людей, — и именно сдѣлано напротивъ.

Въ Россіи цензора должны быть люди почтенные, хотя не ученые по ремеслу (ex professo), но непремѣнно люди образованные, уже въ извѣстныхъ лѣтахъ и непремѣнно дворяне, какъ говорится, благорожденные и помѣщики (bene natus et possessionatus). Если для сужденія въ земскихъ судахъ требуется осѣдлыхъ дворянъ, тѣмъ болѣе должно избрать изъ этого сословія для цензуры, чтобы охранителями монархическихъ правилъ и монархическихъ учрежденій, къ подрыву которыхъ стремится теперь коммунизмъ, были люди, привязанные выгодами своими къ монарху. Надобно непремѣнно, чтобы писатель имѣлъ уваженіе къ цензору и даже довѣрялъ его совѣтамъ, и чтобы цензоръ, человѣкъ просвѣщенный, могъ соображать духъ и направленіе сочиненіямъ обстоятельствами, временемъ и ходомъ политическихъ дѣлъ и чтобъ, будучи непривязчивымъ, честно, откровенно и безкорыстно исполнялъ свое дѣло, не увлекаясь ни связями писателя въ свѣтѣ, ни представляемыми ему денежными выгодами. Теперь все это на выворотъ! Взглянемъ прежде на лица, составляющія цензурный комитетъ.

---

[1]) Самое письмо Булгарина отъ 6 марта 1848 г. напечатано *М. К. Лемке* въ его книгѣ «Николаевскіе жандармы», стр. 339. *В. С.*

1) Цензоръ Крыловъ. Воспитанникъ здѣшняго университета онъ, въ званіи экстраординарнаго профессора, преподавалъ статистику въ здѣшнемъ университетѣ и былъ посмѣшищемъ студентовъ и товарищей. Напримѣръ, въ его тетрадяхъ статистики находится: сколько фрейлинъ жило во дворцѣ (до пожара), сколько онѣ занимали комнатъ; при этомъ объяснено, что въ коридорѣ помѣщались ширмы, за которыми стояли ночные стулья. Это не шутка, а сущая правда! Министръ Уваровъ удалилъ его отъ профессорства и, какъ въ богадѣльню, опредѣлилъ въ цензуру. Крыловъ человѣкъ совершенно глупый, почти полоумный (idiot), не понимающій ни добра, ни зла, не знающій ни свѣта, ни людей, ни политическихъ дѣлъ. Невѣжество его превосходитъ все, что можно себѣ вообразить. Родомъ онъ поповичъ [1]).

2) Фрейгангъ получилъ мѣсто по протекціи брата консула въ Венеціи. Воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ и не научился ничему болѣе, какъ тому, что преподавали въ классахъ. Отъ природы онъ тупъ, непонятливъ и глупъ и притомъ безъ всякаго характера. Жаденъ къ деньгамъ и привязанъ къ карточной игрѣ. Ему нельзя поручить охраненіе связки сѣна, не только монархическихъ правилъ. Онъ сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Сынъ доктора.

3) Очкинъ, сынъ разорившагося купца, управлявшаго нѣкогда желѣзными заводами какого-то барина, который помѣстилъ дѣтей его въ Горный корпусъ. Очкинъ сотрудничалъ прежде въ журналахъ «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ», «Сѣверной Пчелѣ» и «Библіотекѣ для чтенія», т.-е. переводилъ съ французскаго, ибо ничего другого не въ состояніи сдѣлать. Онъ женился на дѣвицѣ Зонъ, которой мать содержала женскій пансіонъ. Покойный К. К. Мердеръ покровительствовалъ почтенное семейство г-жи Зонъ и, кромѣ того, сестра г-жи Очкиной находится при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Этими протекціями онъ достигъ, черезъ бывшаго попечителя кн. Дондукова-Корсакова. сперва мѣсто редактора С.-Петербургской Академической газеты, а потомъ мѣсто цензора. Очкинъ человѣкъ честный, но безхарактерный и вовсе не имѣетъ понятія ни о политикѣ, ни о свѣтѣ, ни о людяхъ, ни о стремленіи народовъ, ни о правахъ государей, ни о современной исторіи. Все это для него тарабарская грамота! Печатаетъ онъ все, что ему дадутъ даромъ, и, будучи лѣнивъ до послѣдней крайности, радъ, чтобы только какъ-нибудь спустить листъ своей газеты. Онъ именно то, что французы называютъ: homme nule. Издаетъ газету онъ безъ цензуры, чего никогда не бывало на Руси.

4) Куторга—ученый скотоврачъ (попросту коновалъ) и натуралистъ, съ роду не читалъ ни одной литературной книги и ни одной газеты. Скотовъ онъ знаетъ, но о людяхъ и дѣлахъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Онъ сотрудничалъ по ученой части въ «Библіотекѣ для чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ». Родомъ поповичъ.

5) Никитенко, бывшій крѣпостной человѣкъ и писецъ въ домовой конторѣ гр. Шереметева; пришелъ пѣшкомъ изъ Воронежа въ 1824 году и явился прямо къ Рылѣеву (повѣшенному), котораго видѣлъ въ Воронежѣ, просить, чтобы онъ упросилъ графа Шереме-

---

[1]) О глупости Крылова можно найти указаніе и въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ, изданной въ 1906 г. въ 3-хъ томахъ. *В. С.*

ва выпустить его на волю, увѣряя въ желаніи учиться и исповѣдуясь въ либерализмѣ. Рылѣевъ нашелъ путь къ бывшему пріятелю гр. Шереметева кавалергардскому офицеру Ершову и опекуну графа — Малиновскому, и Никитенко получилъ свободу. Протекціею Рылѣева Никитенко помѣстился писцомъ въ канцелярію попечителя С.-Петербургскаго округа Бороздина, который позволилъ ему слушать лекціи университета. Протекціей Бороздина Никитенко выдержалъ кое-какой экзаменъ и происками досталъ мѣсто экстраординарнаго профессора русской словесности. Никитенко достойный ученикъ Рылѣева, но благоразумнѣе своего учителя. Рылѣевъ хотѣлъ ниспровергнуть государственный порядокъ съ боя штурмомъ, а Никитенко подрываетъ его минами, подкапываясь подъ него. Онъ былъ въ одно время и цензоромъ, и сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» и не стыдился выставлять своего имени въ программѣ и на оберткѣ журнала. Опаснѣе Никитенки я не знаю человѣка въ Россіи. Онъ хуже Краевскаго. Весь фуріоризмъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ цензурою Никитенки и, наконецъ, партія коммунистовъ избрала его въ редакторы «Современника», родного брата «Отечественныхъ Записокъ». Бѣдная Россія!

5) Срезневскій прибылъ недавно изъ Малороссіи. Знаемъ только, что онъ отчаянный славянофилъ и что чуждъ свѣта и людей.

6) Мехелинъ финляндецъ, помѣщенъ по протекціи, совершенно ничтожный человѣкъ.

Попечители кн. Дондуковъ и кн. Волконскій совершенно избаловали цензоровъ, обходясь съ ними фамильярно и всегда соглашаясь съ ними. Несчастное правило, губящее все хорошее въ Россіи, а именно: что надобно защищать своихъ подчиненныхъ, какъ бы они были ни виноваты, болѣе всего вредно въ цензурѣ, но оно и понынѣ соблюдается.

Эти-то господа цензоры составляютъ ареопагъ ума! Купцы устраняются отъ служенія на таможнѣ, судьи не могутъ присутствовать на судахъ, когда они прикосновенны къ дѣлу, а цензора сами журналисты и сотрудники журналовъ, сами цензируютъ себя и другихъ и, разумѣется, по камрадству, пропускаютъ у товарищей статьи, не читая ихъ вовсе и запрещая другимъ все, что можетъ быть непріятно товарищамъ. Этимъ составомъ цензуры воспользовался Краевскій, глава и начальникъ коммунизма въ Россіи, и развилъ это ученіе во всей силѣ, сдѣлавшись совершенно неуязвимымъ, какъ Ахилесъ; щитъ его — злато.

Отъ существованія Россіи не было примѣра, чтобъ человѣкъ столь явно и столь дерзко дѣйствовалъ къ подрыву вѣры, престола, любви къ отечеству и всѣхъ преданій, внушающихъ любовь къ родинѣ, и чтобы правительство не смѣло прикоснуться къ явному своему врагу. Дѣло неисповѣдимое! Побочный сынъ содержательницы пансіона въ Москвѣ, побочной дочери генерала Архарова, принявшей названіе фонъ-деръ Поленъ, Краевскій, лѣтъ за 12 передъ симъ, прибылъ безъ гроша въ Петербургъ изъ Москвы и обратился къ первому Н. И. Гречу, прося помощи и покровительства. Гречъ рекомендовалъ его богатому Давыдову (путешествовавшему по Грузіи), который вздумалъ учиться русскому языку и издать по-русски свое путешествіе. Краевскій вошелъ въ довѣренность Давыдова и уговорилъ основать журналъ на акціяхъ. Купили «Отечественныя Записки» у больного Свиньина. Первые акціонеры были: Давыдовъ, кн.

Одоевскій, Врасскій, майоръ Владиславлевъ и нѣкоторые другіе. Всѣ старались распространить журналъ, и даже гр. Бенкендорфъ содѣйствовалъ къ этому, потому что его просили отъ имени бѣдной жены и сиротъ покойнаго Свиньина. Когда журналъ укрѣпился, Краевскій отдѣлился отъ своихъ акціонеровъ и сталъ дѣйствовать самостоятельно. Всѣхъ нужныхъ ему людей онъ взялъ въ сотрудники, платя большія деньги за малые труды. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ почти всѣ цензоры стояли у него на оберткѣ, въ числѣ сотрудниковъ, но теперь онъ догадался, что это не ловко, и снялъ ихъ имена съ обертки. Всѣмъ извѣстно, что министерствомъ просвѣщенія управляютъ правитель его канцеляріи Комовскій, отчаянный шеллингистъ и гегелистъ, т.-е. послѣдователь противохристіанскаго пантеизма, который перевелъ нѣсколько философскихъ сочиненій съ нѣмецкаго, и докторъ Спаскій (изъ жидовъ), знаменитый интриганъ, имѣющій надобность въ журналахъ, чтобы бранить соперниковъ своихъ докторовъ. Краевскій свелъ съ ними тѣсную дружбу. У министра внутреннихъ дѣлъ самое довѣренное лицо Даль, а Краевскій платитъ ему на вѣсъ алмазовъ за его сказки, а Даль черезъ губернаторовъ распространяетъ журналъ. У гр. Киселева дѣйствуетъ въ пользу Краевскаго постоянный его сотрудникъ кн. Одоевскій и Заблоцкій. У министра юстиціи пріятель у него Карніолинъ Пинскій, съ которымъ сдружился онъ черезъ друга своего театральнаго правителя конторы Кирѣева, съ которымъ вмѣстѣ (и съ купцомъ Кушниковымъ) завелъ книжную торговлю, подъ именемъ купца Ратькова. Черезъ генерала Скобелева, который, какъ писатель, имѣетъ нужду въ журналахъ, и черезъ Политковскаго, который, какъ карточный игрокъ, имѣетъ часто нужду въ деньгахъ, Краевскій получилъ мѣсто редактора «Русскаго Инвалида». Наконецъ онъ купилъ «Литературную Газету», чтобъ быть сильнѣе. Итакъ, имѣя офиціальную газету съ фельетономъ, газету литературную и толстый журналъ, въ которомъ позволяютъ печатать все, чего вовсе не было въ утвержденной программѣ журнала Свиньина, и, сверхъ того, имѣя обширную книжную торговлю и связи съ правителями министерствъ, получая до 130 т. руб. ассиг. ежегоднаго дохода, Краевскій подчинилъ совершенно своему вліянію цензуру, — и онъ истинный ея начальникъ и глава! Противъ него не только не позволяютъ писать, но даже запрещаютъ упоминать его имя. Если до сихъ поръ было писано что-нибудь о немъ въ «Сѣверной Пчелѣ», то не иначе какъ съ разрѣшенія попечителя.

Надобно было Краевскому имѣть голосъ въ высшемъ обществѣ, и онъ нашелъ себѣ поборника въ кн. Одоевскомъ, человѣкѣ добромъ въ основаніи, но мелочномъ, самолюбивомъ и богатомъ. Льстя Одоевскому и платя хорошо за статьи, Краевскій подчинилъ его своей волѣ совершенно, и кн. Одоевскій по смыслу Св. писанія: «не вѣдаетъ, что творитъ...»

Какимъ образомъ Краевскій вкрался въ дружбу генерала Ростовцева—неизвѣстно, но вѣрно, что онъ пользуется неограниченною его довѣренностью и служитъ подъ его начальствомъ преподавателемъ исторіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Хороша исторія — нечего сказать! Будучи въ милости у генерала Ростовцева, Краевскій имѣетъ самое сильное вліяніе на учителей, преподающихъ науки въ его духѣ. Представляю для примѣра одну литографированную тетрадку, чтобы видѣли, какъ исторія преподается въ военныхъ училищахъ подъ вліяніемъ Краевскаго.

У насъ болѣе матеріаловъ для революціи, нежели многіе думаютъ, только *каша еще не сварилась*, которую стряпаетъ Краевскій. Учители невѣжды въ основаніи, но схватившіе вершки западнаго ученія, промотавшіеся дворяне, хлебнувшіе полупросвѣщенія, купчики полуразорившіеся, крапивное сѣмя кантонистовъ, студенты, огромная масса мелкихъ чиновниковъ и бѣдныхъ офицеровъ, писатели съ большими притязаніями на славу и деньги и съ малымъ дарованіемъ, — все это составляетъ страшную фалангу, и Краевскій у нихъ первосвященникъ, вѣстникъ свободы и эмансипаціи, приготовляющій для нихъ новое царство. Надо было составить какое-нибудь общество, изъ котораго можно было бы выбирать рекрутъ, и Краевскій подалъ мысль составленія *общества посѣщенія бѣдныхъ*, употребивъ всѣ усилія, чтобы назначить невинное свое орудіе кн. Одоевскаго президентомъ! Сходятся, знакомятся, дружатся и достойные приглашаются на середовые вечера къ Краевскому, — qui se ressemblent s'assemblent.

Краевскій дѣйствуетъ умно и систематически! Онъ нигдѣ не подписываетъ своего имени и заставляетъ другихъ работать по своимъ идеямъ, платя большія деньги. Чтобъ создать новое, надлежало разрушить старое. Правило это объяснено въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ приложенной выпискѣ. На этомъ основаніи уничтожается все прежнее, и всѣ наши старинные писатели — Державинъ, Ломоносовъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій и проч.— уничтожены какъ люди, не развившіе гуманныхъ, т.-е. человѣческихъ, идей. Потомъ начали подрывать вѣру и Христа провозглашать, какъ вѣстника свободы, равенства и братства (liberté, egalité, fraternité). Далѣе сталъ приманивать людей къ наслажденіямъ жизнію, для которыхъ нужны деньги. Деньги каждому даютъ переворотъ! Вся система Фурье, т.-е. весь коммунизмъ изложенъ слово въ слово въ особой длинной статьѣ и въ другой статьѣ о состояніи рабочаго класса. Дѣло ведется явно и гласно, и никто не обращаетъ на это вниманія, хотя всѣ благонамѣренные люди вопіютъ и обращаются съ просьбами въ другіе журналы, прося остановить беззаконіе! Но цензура крѣпко защищаетъ своего главу и кормильца! Изъ нѣсколькихъ приложенныхъ примѣровъ можно видѣть, что за духъ въ журналахъ Краевскаго! Онъ между тѣмъ подъ рукою хвастается и клевещетъ на людей, якобы состоящихъ съ нимъ въ тайныхъ связяхъ и пользующихся отъ него годовымъ жалованьемъ за протекцію! Объ этомъ еще недавно говорили въ бюргеръ-клубѣ, на Адмиралтейской площади.

Напечатай хотя одну подобную статью другой журналистъ, давно бы и журналъ былъ запрещенъ, и журналистъ сосланъ, но Краевскаго тронуть не смѣютъ! Какъ его тронуть? вѣдь надобно огорчить его протекторовъ, да и мудрено тронуть человѣка съ 100 т. дохода, и потому все, что ни будетъ придумано для преобразованія цензуры, не принесетъ пользы, ибо зло не въ законѣ, а въ людяхъ. Хотите вѣрно сослужить службу Государю, избавить Россію отъ нравственной чумы, надобно дѣйствовать рѣшительно и твердо во благо, какъ революціонеры дѣйствуютъ назло роду человѣческому, и

1) Не измѣняя закона, перемѣнить всѣхъ цензоровъ до единаго.

2) Запретить разъ навсегда цензорамъ быть тайно и явно редакторами газетъ и журналовъ и даже сотрудниками.

3) Сдѣлать распоряженіе, чтобы ежемѣсячные журналы не вмѣщали въ себѣ болѣе 10 печат. листовъ цицеро и 10 листовъ

корпусомъ — всего 20 листовъ въ мѣсяцъ, изъ коихъ половина, т.-е. 10 листовъ, должны быть посылаемы цензору въ текущемъ мѣсяцѣ — на будущій мѣсяцъ, чтобы не затруднять цензора, получающаго по 10 листовъ вдругъ въ концѣ мѣсяца, за нѣсколько дней до выхода книжки. Другая половина, т.-е. новости, могутъ быть посылаемы въ теченіе текущаго мѣсяца.

4) Запретить вовсе особыя приложенія романовъ къ книжкамъ журнала. Никакая цензура не можетъ прочесть внимательно 80 листовъ мелкой печати въ 10 или 12 дней.

5) Уничтожить распоряженіе гр. Уварова, чтобы два цензора читали одинъ журналъ или газету. Это только сбиваетъ съ толку цензоровъ. Одинъ полагается на другого, одинъ пропускаетъ, другой мараетъ и обратно, и дѣло идетъ хуже. Пускай каждый дѣйствуетъ самостоятельно и отвѣчаетъ за себя.

6) Но все это не произведетъ пользы, если оставить Краевскаго въ его положеніи. Краевскому и Никитенкѣ (ибо «Современникъ» есть эхо «Отечественныхъ Записокъ») запретить вовсе быть редакторами какихъ бы то ни было журналовъ, и журналы ихъ запретить. Это дастъ острастку всѣмъ писакамъ и всей шайкѣ коммунистской. За одну статью запретили «Московскій Телеграфъ» Полевому и «Европейца» Кирѣевскому, а «Отечественныя Записки» 10 лѣтъ подкапываются подъ алтарь и престолъ и никто ихъ тронуть не дерзнетъ! Пока будетъ дѣйствовать Краевскій, Никитенко и Бѣлинскій, въ литературѣ чумы не истребятъ! Выговоромъ дѣла нельзя исправить. Говорятъ, правительство сильно, а въ публикѣ твердятъ иное, видя явную ненаказанность радикаловъ, которые даже въ Пруссіи и Австріи отданы были бы подъ судъ. Примѣръ есть: за статью о Прометеѣ удалили кенигсбергскаго профессора отъ мѣста, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья напечатана цѣликомъ, и у насъ правительство не обратило на это вниманія.

Кромѣ этого, необходимо для воспитанія:

1) Чтобы учители преподавали всѣ словесныя науки по тетрадямъ, просмотрѣннымъ первоначально въ главномъ правленіи училищъ и утвержденнымъ. Съ этою цѣлью было учреждено главное правленіе училищъ, какъ сказано въ V томѣ Воспоминаній Ѳ. Булгарина.

NB. Тетради для военныхъ училищъ должны быть разсматриваемы въ военно-учебномъ совѣтѣ.

2) Профессоры университетовъ, говорящіе иногда лекціи изъ памяти, увольняются отъ представленія тетрадей, но должны представлять въ университетскіе совѣты программы лекцій. Недавно былъ соблазнъ на всю Россію, прочитанный профессоромъ Порошинымъ, печатавшимъ проповѣди о свободной торговлѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Очкина. Правительство отвергаетъ свободную торговлю, а офиціальная газета защищаетъ! Этого не было и не будетъ даже во Франціи.

3) По всѣмъ учебнымъ округамъ установить инспекторовъ преподаванія наукъ, отвѣтствующихъ за правила ученія.

NB. Въ нынѣшнюю зиму, послѣ экзамена въ Педагогическомъ институтѣ, всѣ присутствовавшіе пошли къ директору Давыдову (который, какъ извѣстно, первый привилъ въ Москвѣ гегелизмъ, т.-е. антихристіализмъ). Попечитель гр. Мусинъ-Пушкинъ сказалъ гр. Уварову, что онъ находится въ невозможности прекратить ложное учение исторіи и литературы, потому что учители напитаны скверными правилами. И, по его мнѣнію, всѣхъ таковыхъ должно уда-

лить. «Скажите имъ дурака,—возразилъ Уваровъ,—откуда взять лучшихъ! Одного выгоните, но мѣсто займетъ другой, такой же». Славный отвѣтъ. — А вѣдь учители выходятъ изъ Педагогическаго института, состоящаго подъ начальствомъ Уварова. Гдѣ же эти ученики почерпаютъ вредныя правила?—Въ чтеніи «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника». Но графъ Уваровъ самъ пишетъ брошюрки и статейки для журналовъ и прекрасно составляетъ съ Комовымъ отчетъ для Государя, гдѣ громко вопіетъ: православіе, самодержавіе и народность. Гремучія слова, но до сихъ поръ это только слова!

По истребованіи отъ редакторовъ оказалось, что авторами статей были:

Галаховъ.—Обозрѣніе литературы 1847. «Отеч. Зап.», № 1, 1848 г.

Цейдлеръ.—Библіографическ. хроника по поводу русскихъ сказокъ Авдѣевой. «От. Зап.», 1848, № 1 (стр. 43).

Штрандманъ.—Внутреннее обозрѣніе въ № 3 «Отеческ. Зап.», 1848 г., въ которомъ заключительныя слова: «Весело видѣть, какъ добрая мысль чуть не силою пробивается въ толпу».

Галаховъ.—Библіографическ. хроника на 22 стр. «Отеческ. Зап.», 1847 г., № 3, по случаю книги о грамотности въ Россіи.

Бѣлинскій.—Обзоръ русск. литер. 1847 г. напечат. въ «Современникѣ», 1848 г., № 1.

Напечатанную въ № 3 «Отечеств. Запис.» 1848 повѣсть «Запутанное дѣло» сочинилъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, молодой человѣкъ, воспитывавшійся въ Александровскомъ лицеѣ.

Всѣ статьи «Отеческ. Запис.» разсматриваются двумя цензорами: Крыловымъ и Мехелинымъ; оба они разрѣшили къ напечатанію и повѣсть Салтыкова.

Справка. М. Е. Салтыковъ, коллеж. секр., служащій въ канцеляріи военнаго министра, квартирующій въ 1-мъ кварталѣ 2-ой Адмиралтейской части, въ д. Жадиміровскаго, около Конюшеннаго моста, № 1.

Докладъ неизвѣстно кому безъ числа и мѣсяца:

Въ 1844 году правительство обратило вниманіе на книгу «Продѣлки на Кавказѣ» соч. г-жи Логиновой [1]), въ которой изображены были злоупотребленія, будто бы происходящія на Кавказѣ, и разнымъ особамъ, дѣйствительно служащимъ тамъ, приписывались предосудительныя дѣйствія, а въ 1846 г. на книгу «Турусы на колесахъ», подъ насмѣшливымъ описаніемъ которой московская публика тотчасъ узнала бывшаго оберъ-полицмейстера Цинскаго, преемника его Лужина, бывшаго городского голову Шестова и другихъ лицъ. Нынѣ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ (42) «С.-Петерб. Вѣдомостей», упоминая объ изгнанникѣ, главѣ польскихъ выходцевъ, доселѣ злоумышляющихъ противъ Россіи, Адамѣ Чарторижскомъ, называютъ его княземъ и даже описываютъ въ заманчивомъ видѣ радушный пріемъ въ его домѣ въ Парижѣ. При производствѣ дѣла о первой книгѣ «Продѣлки на Кавказѣ» само ученое начальство извинило цензора профессора Московск. университета Крылова тѣмъ, что онъ пропустилъ книгу отъ незнанія современнаго состоянія Кавказск. края, тамошняго общественнаго быта, нравовъ и обычаевъ. Равно и

---

[1]) Ср. «Русск. Стар.», 1903 г., № 5, стр. 390—391. *В. С.*

проф. Зернова, цензуровавшаго книгу «Турусы на колесахъ», оправдывали, что онъ, не зная всѣхъ мѣстныхъ отношеній, не могъ отличить намековъ на лица отъ обыкновенныхъ описаній.

Нѣтъ сомнѣнія, что если спросить цензоровъ, почему они пропустили извѣстіе въ «С.-Петерб. Вѣдом.» о государственномъ преступникѣ Чарторижскомъ, равно статьи въ «Современникѣ» и «Отеческ. Запискахъ» съ намеками о вопросахъ Запада, о современномъ стремленіи, о неуваженіи ко всему прошедшему и проч., то и они отзовутся незнаніемъ, что Чарторижскій, государственный преступникъ и что въ статьяхъ «Современ.» и «От. Зап.» не замѣтили тѣхъ мыслей, которыя извлекъ поручикъ Банниковъ, не предвидѣли примѣненій, какія могутъ сдѣлать другіе читатели. Наши цензоры столь простодушны отъ того, что они избираются большею частію изъ профессоровъ, людей ученыхъ по одной своей части, проводящихъ жизнь свою въ кабинетахъ, не знающихъ ни свѣта, ни современныхъ событій, ни людскихъ отношеній, ни цѣлей правительства. Весьма естественно, что такой человѣкъ не пойметъ скрытой личности и тайныхъ далекихъ намѣреній журналиста.

Еще должно замѣтить, что профессорамъ придается должность цензора преимущественно для того, чтобы увеличить имъ жалованье, и профессоръ, вполнѣ углубляясь въ свою науку, занимается цензорствомъ, какъ прибавочнымъ предметомъ, безъ усиленнаго вниманія. Частнымъ образомъ извѣстно, что цензоры, единственно судя по заглавію сочиненія или основываясь на увѣреніяхъ писателя, что въ статьѣ его нѣтъ и не можетъ быть ничего запрещеннаго, часто дозволяютъ къ напечатанію сочиненіе, вовсе не читая рукописи. Напротивъ того, обязанности цензора столь важны, что онъ долженъ все время и всю дѣятельность свою обратить на разсматриваемыя имъ сочиненія.

Наконецъ у насъ къ должности цензоровъ допускаются сами журналисты, напр., Очкинъ, цензоръ и редакторъ «С.-Петерб. Вѣд.», Никитенко — цензоръ и редакторъ «Соврем.». Хотя они цензируютъ чужіе журналы, но тотъ не можетъ быть строгимъ къ чужому журналу, кто въ собственномъ допускаетъ статьи, завлекательныя для читателей сомнительностью и даже преступностью содержанія. Поэтому не слѣдуетъ ли постановить: 1) чтобы служащіе профессора, журналисты и даже тѣ писатели, которые участвуютъ въ журналахъ, какъ сотрудники, вовсе не были назначаемы въ должности цензоровъ. 2) Чтобы въ должности эти опредѣлялись особы, не обремененныя болѣе никакою службой и притомъ такія, которыя, сверхъ образованности, живутъ въ свѣтѣ, слѣдятъ за событіями отечественными и заграничными, имѣютъ способность проникать скрытыя цѣли сочиненій и провидѣть послѣдствія, могущія произойти отъ различныхъ толкованій и примѣненій къ обстоятельствамъ. 3) Чтобы послѣ того цензоръ, въ случаѣ какихъ-либо вредныхъ послѣдствій, былъ подвергаемъ отвѣтственности, не принимая отъ него въ уваженіе объясненій, что онъ не зналъ, не понялъ или не предвидѣлъ. Эти вопросы требуютъ тѣмъ болѣе обсужденій, что журналистика у насъ съ нѣкотораго времени принимаетъ важное значеніе, а въ иностран. государствахъ она есть сильное орудіе людей, недовольныхъ правительствами, отголосокъ возмутительныхъ мнѣній и одна изъ причинъ происходящихъ тамъ народныхъ волненій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Забота о „довѣріи“ общества къ суду.

Въ мартѣ 1876 года министръ юстиціи графъ Паленъ разослалъ всѣмъ «гг. прокурорамъ судебныхъ палатъ» слѣдующій «конфиденціальный» циркуляръ:

Бывшіе случаи показали, что весьма часто въ качествѣ свидѣтелей въ процессахъ о государственныхъ преступленіяхъ привлекаются лица, услугами которыхъ пользуется тайный дозоръ, столь необходимый при открытіи и преслѣдованіи преступленій этого рода. Принимая во вниманіе, что судъ по государственнымъ преступленіямъ чинится особеннымъ порядкомъ, при чемъ функцію судей исполняютъ лица, удостоенныя монаршаго довѣрія, и дабы одно присутствіе на этомъ судѣ лицъ, которыхъ извѣстные слои нашего общества, по своей малой развитости и непониманію важности задачъ, преслѣдуемыхъ тайными правительственными агентами, могутъ пятнать нелестнымъ именемъ шпіоновъ, не могло навлечь ни малѣйшей тѣни подозрѣнія относительно безпристрастія въ выполненіи великаго святого долга судьи или поколебать въ слояхъ лучшей части истинно развитого русскаго общества то довѣріе, на которое безспорно имѣетъ право этотъ высшій судъ, вмѣняю Вашему Превосходительству въ обязанность къ руководству и исполненію—привлекать вышеупомянутыхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей въ дѣлахъ подобнаго рода только въ исключительныхъ случаяхъ, о чемъ уполномачиваю васъ, м. г., сообщить отъ моего имени и всѣмъ подвѣдомственнымъ Вашему Превосходительству лицамъ прокурорскаго надзора.

Министръ юстиціи статсъ-секретарь графъ *Паленъ*.

Сообщилъ *В. Богучарскій*.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

I. Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

I.

С. Ѳ. Платоновъ изъ живущихъ нынѣ русскихъ историковъ является наиболѣе признаннымъ знатокомъ исторіи Смутнаго времени и начала династіи Романовыхъ. Вотъ почему въ рядѣ историческихъ статей, появившихся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ по случаю трехсотлѣтія избранія на царство Михаила Ѳедоровича Романова, прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе статья С. Ѳ. Платонова, напечатанная въ февральской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ заглавіемъ «Вопросъ объ избраніи М. Ѳ. Романова въ русской исторической литературѣ». Согласно заглавію, статья эта носитъ чисто исторіографическій характеръ. Авторъ подводитъ итоги тому, что было сдѣлано до сихъ поръ въ наукѣ по изученію тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось воцареніе Михаила Ѳедоровича

Онъ не даетъ обзора полной библіографіи даннаго вопроса, но ставитъ себѣ задачей отмѣтить лишь главнѣйшіе поворотные моменты въ ходѣ его изученія въ спеціальной исторической литературѣ. Конечно, данныя авторомъ характеристики воззрѣній различныхъ изслѣдователей на исторію избранія Михаила Ѳедоровича содержательны и интересны. Но встрѣчаются въ его изложеніи и такія утвержденія, съ которыми, на нашъ взглядъ, нельзя согласиться. Общій ходъ разработки даннаго вопроса въ спеціальной литературѣ представленъ у С. Ѳ. Платонова въ слѣдующемъ видѣ.—Въ старыхъ очеркахъ Голикова и Лавровскаго были болѣе или менѣе тщательно сгруппированы традиціонныя данныя по исторіи избранія Михаила Ѳедоровича, но еще не было ничего сдѣлано для освѣщенія тѣхъ соціальныхъ отношеній, которыми предопредѣлилось это избраніе. — Не коснулись анализа этихъ отношеній и Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ. О Костомаровѣ С. Ѳ. Платоновъ страннымъ образомъ совсѣмъ не упоминаетъ, а Ключевскаго упоминаетъ лишь для того, чтобы совершенно неосновательно приписать ему излишнее увлеченіе показаніями Сталенберга.—Вопросъ о зависимости рѣшенія избирательнаго собора 1613 г. отъ соотношенія различныхъ соціальныхъ группъ впервые былъ научно поставленъ, по мнѣнію С. Ѳ. Платонова, только въ статьѣ Маркевича «Избраніе на царство М. Ѳ. Романова» («Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.», 1891 г.). Но Маркевичъ рѣшалъ этотъ вопросъ неудовлетворительно, приписывая первенствующую, руководящую роль при избраніи Михаила Ѳедоровича агитаціи отдѣльныхъ бояръ.

Построеніе Маркевича было подорвано въ началѣ 1900 годовъ опубликованными тогда новыми матеріалами, а именно, грамотою кн. Мезецкаго и дьяка Грамотина, содержащею въ себѣ разспросныя рѣчи попавшаго въ польскій плѣнъ сына боярскаго Философова и шведскими документами, обнародованными Альмквистомъ.

«На основаніи этихъ матеріаловъ,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—оказались возможны *новыя* наблюденія надъ взаимными отношеніями московскихъ сословныхъ группъ въ зиму 1612—1613 гг. и эти-то новыя наблюденія и привели, наконецъ, къ ясному пониманію причинъ возникновенія и успѣха кандидатуры Михаила Ѳедоровича на избирательномъ соборѣ 1613 г. Эти новые выводы и были, — говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—формулированы въ его собственной статьѣ, напечатанной имъ въ 1906 году въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.». Выводы эти сводились къ тому, что избраніе Михаила Ѳедоровича было рѣшено не боярами, какъ думалъ Маркевичъ, а казаками совмѣстно съ не-боярскими элементами земщины. Исходъ собора 1613 г. обусловился тѣмъ, что на кандидатурѣ Михаила Ѳедоровича могли сойтись и казаки и земщина.

Такъ представленъ у С. Ѳ. Платонова ходъ постепеннаго выясненія даннаго вопроса въ исторической литературѣ. Представленіе это далеко не точно.—Грамота кн. Мезецкаго и документы Альмквиста, дѣйствительно, дали новый матеріалъ, очень живо обрисовывающій роль казаковъ въ выдвиганіи кандидатуры Михаила Ѳедоровича и зависимость успѣха этой кандидатуры отъ соглашенія между дворянами и казаками вопреки намѣреніямъ бояръ. Но С. Ѳ. Платоновъ совершенно неправъ, когда онъ говоритъ, что такое объясненіе избранія Михаила Ѳедоровича стало возможнымъ только благодаря опубликованію вышеозначенныхъ матеріаловъ. Проницательные историки указывали на такое объясненіе задолго до того, какъ оно было предложено въ статьѣ С. Ѳ. Платонова въ 1906 году. И намъ непонятно, почему такой превосходный знатокъ исторіографіи, какъ С. Ѳ. Платоновъ, настолько преувеличилъ молодость раздѣляемой имъ концепціи. Эту концепцію выдвигалъ и Ключевскій въ своемъ курсѣ. Разверните страницу 77 части III этого курса и тамъ вы прочтете: «самъ по себѣ Михаилъ, 16-лѣтній мальчикъ, ничѣмъ не выдававшійся, могъ имѣть мало видовъ на престолъ *и, однако, на немъ сошлись такія враждебныя другъ другу силы, какъ дворянство и казачество. Это неожиданное согласіе отразилось и на соборѣ*».—Правда, соотвѣтствующая часть курса Ключевскаго была напечатана только въ 1908 году (мы лично слышали эти слова изъ устъ нашего учителя съ каѳедры еще въ 1885 году), но мы должны прибавить, что такое же объясненіе избранія Михаила Ѳедоровича — тѣмъ, что на немъ сошлись желанія земщины и казачества, — было печатно высказано еще Костомаровымъ, о которомъ въ разбираемой статьѣ С. Ѳ. Платонова почему-то не упомянуто вообще ни однимъ словомъ. Вотъ что писалъ Костомаровъ въ своей монографіи «Смутное время московскаго государства»: «скорому, безпрепятственному избранію Михаила помогло то, что казацкая громада, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать земщинѣ, какъ это дѣлалось во многихъ случаяхъ прежде, провозгласила его царемъ разомъ съ земскими людьми». (Собраніе сочиненій. Изданіе Литературнаго Фонда. Книга II, стр. 622).—Конечно, это объясненіе получило сильное подкрѣпленіе въ тѣхъ новыхъ документахъ, на которые ссылается С. Ѳ. Платоновъ,

но ради точности въ исторіографическомъ обзорѣ нельзя было не упомянуть о тѣхъ изслѣдователяхъ, которые и, независимо отъ этихъ новыхъ документовъ, сумѣли силою своей прозорливости предвосхитить ихъ показанія.

Правда, нужно сказать, что эти изслѣдователи, подчеркивая роль казачества и соглашенія казаковъ съ дворянами, въ то же время не сводили совершенно къ нулю и значенія агитаціи отдѣльныхъ бояръ. И, думается намъ, они въ этомъ случаѣ болѣе правы, нежели С. Ѳ. Платоновъ. Боярство, какъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, конечно, въ этотъ моментъ было уже разбито и унижено и должно было уступить свою прежнюю руководящую позицію инымъ общественнымъ группамъ. Объ этомъ не можетъ быть спора послѣ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій по соціальной исторіи московской Руси XVI столѣтія.

Но кризисъ, переживавшійся тогда боярствомъ, какъ классомъ, вовсе не могъ помѣшать отдѣльнымъ боярскимъ кружкамъ принять участіе въ ходѣ событій. Почему-нибудь вѣдь сочли же тогда необходимымъ пригласить на заключительное засѣданіе избирательнаго собора Мстиславскаго съ товарищи, удалившихся изъ Москвы тотчасъ по освобожденіи столицы отъ поляковъ! Бояре не могли оказать *рѣшающаго* вліянія на исходъ выборовъ, но они все же могли содѣйствовать уменьшенію или увеличенію шансовъ того или иного кандидата, могли содѣйствовать созданію для выборовъ той или иной обстановки.

Здѣсь мы подходимъ еще къ одному мѣсту статьи С. Ѳ. Платонова, съ которымъ не можемъ согласиться.

II.

Указавъ на то, что избраніе было рѣшено соглашеніемъ между казаками и небоярскими элементами земщины, С. Ѳ. Платоновъ далѣе пишетъ: «въ такихъ условіяхъ нельзя и представить себѣ возможности *боярскихъ* ограниченій царя Михаила Ѳедоровича... кто изъ ученыхъ не находитъ возможнымъ (какъ лично мы находимъ) отрицать существованіе какихъ бы то ни было «ограниченій» или «условій» въ 1613 г., тотъ долженъ поставить вопросъ о нихъ заново и искать ихъ источника не въ боярствѣ или бюрократіи, а въ какой-либо иной средѣ. Мы же думаемъ, что легче объяснить происхожденіе преданій объ условіяхъ, чѣмъ доказать ихъ дѣйствительное существованіе».

С. Ѳ. Платоновъ давно уже выступаетъ съ мнѣніемъ о томъ, что существованіе ограничительныхъ условій 1613 года не можетъ признаваться исторически доказаннымъ, а молодые петербургскіе историки начинаютъ уже выдавать это мнѣніе своего учителя за безповоротный выводъ науки. Мы полагаемъ, что въ недостаткѣ критической осторожности въ данномъ вопросѣ повинны не тѣ писатели, которые считаются съ показаніями источниковъ объ этихъ ограниченіяхъ, а тѣ, которые находятъ возможнымъ разъ навсегда «снять со счетовъ» всѣ эти показанія.—Позволимъ себѣ нѣсколько задержать вниманіе читателя на этомъ вопросѣ.

Отрицаніе «ограниченій» 1613 года мотивируется трояко:

1. Указывается на то, что историки, признающіе ограниченія, опираются на показанія писателей XVIII ст., разсуждавшихъ

о событіяхъ 1613 года подъ вліяніемъ политическаго движенія 1730 г., направленнаго на ограниченіе власти Анны Іоанновны, тогда какъ въ XVII в. упоминанія объ ограниченіяхъ встрѣчаются лишь у такихъ авторовъ, которые не заслуживаютъ довѣрія.

2. Въ офиціальныхъ актахъ о соборѣ 1613 г. ничего не говорится объ ограниченіяхъ: бояре, которымъ приписывается иниціатива ограниченій, на избирательномъ соборѣ какъ разъ играли самую пассивную роль.

3. Въ правительственной практикѣ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича не замѣтно никакихъ слѣдовъ примѣненія ограничительныхъ условій.

Всѣ эти соображенія представляются намъ совершенно недостаточными. Разберемъ ихъ по очереди.

1. Страленбергъ и Татищевъ распространились объ ограниченіяхъ Михаила Ѳедоровича дѣйствительно въ связи съ событіями 1730 г. Достаточно ли, однако, одного этого обстоятельства, чтобы утверждать, что названные авторы такъ-таки цѣликомъ перенесли въ прошлое факты ихъ времени? Критика источниковъ съ точки зрѣнія отыскиванія въ нихъ возможной модернизаціи старины — пріемъ очень остроумный и во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ примѣняемый. Но вѣдь это вовсе не значитъ, что его можно примѣнять каждый разъ, лишь только обстоятельства, современныя данному автору, сколько-нибудь сходны съ описываемыми этимъ авторомъ явленіями далекаго прошлаго. Иначе тонкій и остроумный пріемъ исторической критики превратится въ грубый шаблонъ. Въ 1905 г. у насъ, въ связи съ ожиданіями конституціи, въ текущей литературѣ ярко проявился усиленный интересъ къ земскимъ соборамъ XVII в. и о нихъ начали часто писать. И вотъ, при неосторожномъ примѣненіи указаннаго пріема критики, можно вѣдь было бы сказать, что всѣ эти писанія — сплошь фальсификація старины только на томъ основаніи, что они написаны въ годы увлеченія общества борьбой за народное представительство! Писатели 1730 г. могли, конечно, вложить много современныхъ имъ чертъ въ подробности интересовавшихъ ихъ историческихъ событій, но для предположенія, что они изобрѣли самый фактъ ограниченій 1613 г., нужно имѣть болѣе твердыя основанія, нежели общую ссылку на сходство этого факта съ предложеніемъ Аннѣ Іоанновнѣ подписать ограничительные пункты.

Впрочемъ, вопреки заявленію С. Ѳ. Платонова наиболѣе авторитетные историки, не отрицающіе ограниченій 1613 г., опираются, главнымъ образомъ, вовсе не на Страленберга и Татищева, а на показанія XVII же вѣка: на Псковскую повѣсть и Котошихина. Такъ поступаетъ, напр., В. О. Ключевскій. Совершенно непонятнымъ для насъ образомъ С. Ѳ. Платоновъ утверждаетъ, что Ключевскій былъ «увлеченъ» трактатомъ Страленберга. Въ «Боярской Думѣ» Ключевскій называетъ этотъ трактатъ «мутнымъ источникомъ» (2 изд. стр. 361). Согласитесь, что это было бы довольно своеобразнымъ проявленіемъ «увлеченія»! Въ томъ же изданіи «Боярской Думы» при разсказѣ объ ограниченіяхъ 1613 г. данныя Страленберга даже вовсе не введены въ текстъ, а отнесены въ «приложенія». А въ курсѣ Ключевскаго (ч. III, стр. 94 — 97), гдѣ вмѣстѣ съ прочими данными приведено и показаніе Страленберга, тѣмъ не менѣе, прямо сказано: «наиболѣе довѣрія внушаетъ *Псковская повѣсть*, передающая дѣло въ томъ видѣ, когда носившіеся слухи еще не

успѣли разрастись въ сказаніе, въ политическую легенду» (стр. 96). Итакъ, центръ тяжести вопроса лежитъ въ оцѣнкѣ не показаній XVIII ст., а показаній XVII ст. Отъ этихъ показаній XVII ст. С. Ѳ. Платоновъ и его послѣдователи отдѣлываются, думается намъ, слишкомъ поспѣшно. Котошихинъ берется подъ подозрѣніе потому, что онъ вообще «плохой историкъ», и притомъ онъ писалъ для шведовъ, а слѣдовательно, говоря о постановкѣ царской власти, выражался въ терминахъ, привычныхъ для шведскаго уха.

Однакоже въ данномъ случаѣ показаніе «плохого историка» подтверждается еще однимъ свидѣтельствомъ: Псковской повѣстью, поскольку дѣло идетъ не о подробностяхъ, а о самомъ фактѣ ограниченія. Слѣдовательно, только на счетъ подробностей можно было бы относить и предположительное приписываніе Котошихину умышленной подрисовки событій съ цѣлью большаго приспособленія разсказа къ пониманію шведскаго общества. С. Ѳ. Платоновъ указывалъ еще на то, что Котошихинъ, перечисляя условія, вставлявшіяся, по его мнѣнію, во всѣ прежнія ограничительныя записи, приводитъ далеко не всѣ эти условія, а только тѣ, которыя значились въ записи Шуйскаго. По мнѣнію С. Ѳ. Платонова, это обстоятельство подрываетъ довѣріе къ освѣдомленности Котошихина. Мы этого не думаемъ. Котошихинъ могъ просто выдѣлить сознательно тѣ условія, которымъ онъ придавалъ наибольшую важность и которыя были всего ближе къ условіямъ, принятымъ и Михаиломъ Ѳедоровичемъ: здѣсь можетъ пригодиться и сообщеніе Татищева о томъ, что съ Михаила Ѳедоровича была взята такая же запись, какъ и съ Шуйскаго.

Итакъ, мы считаемъ, что значеніе показанія Котошихина, по крайней мѣрѣ, въ его основѣ пока не поколеблено критикой.

Показаніе Псковской повѣсти заподозривается на томъ основаніи, что повѣсть эта вообще проникнута острымъ недоброжелательствомъ къ боярамъ и ихъ самовластью. Мы должны замѣтить, однако, что, хотя въ повѣсти есть, конечно, неточности и ошибки, но послѣдовательнаго злостно-тенденціознаго *измышленія* фактовъ мы въ ней не находимъ. Авторъ повѣсти иногда даетъ фактамъ свою окраску, но онъ не измышляетъ фактовъ. Многія показанія повѣсти вполнѣ подтверждаются другими источниками.

Во всякомъ случаѣ, остается во всей силѣ вопросъ: при отрицаніи ограниченій 1613 г. какъ объяснить совпаденіе показаній о фактѣ такого ограниченія Котошихина и автора Псковской повѣсти? Если эти авторы расходятся въ существенныхъ подробностяхъ, то это обстоятельство доказываетъ лишь то, что они писали совершенно независимо другъ отъ друга и такимъ образомъ ихъ согласіе въ признаніи самого факта ограниченія получаетъ лишь большій вѣсъ и значеніе.

2. Всѣ указанія на то, что во время избирательнаго собора бояре стояли на самомъ заднемъ планѣ, не имѣютъ никакого значенія для даннаго вопроса: на соборѣ Михаила Ѳедоровича не было, а для принятія ограничительныхъ условій, конечно, необходимо было его присутствіе; ясно, слѣдовательно, что условія могли быть предложены и приняты только по прибытіи новаго царя въ Москву. А примѣнительно къ этому времени, несмотря на всѣ данныя, тщательно собранныя С. Ѳ. Платоновымъ въ доказательство того, что кадры правительственныхъ сферъ быстро стали пополняться новыми людьми, все же остается во всей силѣ и тотъ

фактъ, что на вершинѣ правительственной пирамиды въ теченіе извѣстнаго времени стояли на ряду съ родственниками новаго царя и князь Мстиславскій «съ товарищи». Для урегулированія треній между этими двумя группами ставшихъ у трона лицъ и могла понадобиться, какъ указано Ключевскимъ, формулировка тѣхъ условій, о которыхъ говорятъ Псковская повѣсть и Котошихинъ.

3. Непримѣненіе этихъ условій въ послѣдующей правительственной практикѣ никакъ не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ несуществованія условій. Это обстоятельство можетъ указывать лишь на то, что группа бояръ, которой удалось эти условія выговорить, не была настолько сильна, чтобы настоять на ихъ выполненіи.

Таковы соображенія, на основаніи которыхъ мы никакъ не можемъ признать, что критика С. Ѳ. Платонова «сняла съ очереди» вопросъ объ ограниченіяхъ 1613 г.

Изъ другихъ статей по исторіи воцаренія Михаила Ѳедоровича отмѣтимъ, какъ ниболѣе интересныя, двѣ. Въ послѣдней книжкѣ Шимановскаго журнала Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte шведскій ученый Альмквистъ помѣстилъ статью «Die Carenwahl des Iahres 1613». Давая довольно подробное изложеніе событій 1612 и 1613 года, Альмквистъ широко пользуется документами, которые имъ же были изданы въ 1907 г. (Nouveaux documents sur l'histoire de la Russie en 1612 — 1613.) Альмквистъ справедливо отмѣчаетъ, что эти матеріалы въ русской исторической литературѣ были использованы нѣсколько односторонне: изъ нихъ брали все то, что относится до обрисовки роли казачества при избраніи Михаила Ѳедоровича, но обходили вниманіемъ акты, относящіеся до исторіи кандидатуры шведскаго королевича Карла Филиппа.

Альмквистъ въ своей статьѣ и останавливается подробно на русско-шведскихъ сношеніяхъ той поры. Мы полагаемъ, что Альмквистъ правъ, придавая кандидатурѣ Карла Филиппа серьезное значеніе. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этого мнѣнія служитъ, на нашъ взглядъ, то обстоятельство, что Пожарскій вызывалъ въ Ярославль представителей отъ городовъ для обсужденія этой кандидатуры.

Въ статьѣ Д. В. Цвѣтаева: «Избраніе Михаила Ѳедоровича Романова на царство» («Журналъ Министерства Юстиціи», январь), заслуживаютъ вниманія архивныя данныя о земельныхъ владѣніяхъ Романовыхъ, ихъ размѣрахъ и ихъ топографическомъ расположеніи.

А. Кизеветтеръ.

II. Воспоминанія г. Вырубова о П. Л. Лавровѣ.

Г. Вырубовъ напечаталъ въ январской и февральской книжкахъ «Вѣстника Европы» за этотъ годъ «Революціонныя воспоминанія», — революціонныя, очевидно, не потому, чтобы авторъ стоялъ на революціонной точкѣ зрѣнія, или описывалъ бы какую-либо революцію, а потому, что онъ разсказываетъ въ нихъ о своихъ встрѣчахъ съ тремя «революціонерами»: Герценомъ, Бакунинымъ,

Лавровымъ. Оставляя въ сторонѣ воспоминанія г. Вырубова о двухъ первыхъ, я позволю себѣ обратить вниманіе читателей на то, какъ и что вспоминаетъ авторъ о П. Л. Лавровѣ.

Невольно, впрочемъ, ищешь прежде всего того угла зрѣнія, подъ которымъ г. Вырубову угодно было разсматривать своихъ знакомыхъ, игравшихъ въ свое время такую роль въ русскомъ, а отчасти и европейскомъ движеніи. Вотъ какъ характеризуетъ авторъ свои отношенія къ изображаемымъ личностямъ: «Несмотря на наши радикальныя разногласія по философскимъ и политическимъ вопросамъ, несмотря на мое глубокое, почти физіологическое отвращеніе ко всякой метафизикѣ и въ особенности къ туманнымъ измышленіямъ нѣмецкихъ «философовъ», я сохранилъ и съ Герценомъ, и съ Бакунинымъ, и съ Лавровымъ самыя дружескія отношенія. Не разъ тѣ, которые послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго увлеченія разошлись съ ними изъ-за разныхъ теоретическихъ разногласій,—а ихъ было немало,—удивлялись постоянству моихъ симпатій. Оно объяснялось очень просто: я всячески избѣгалъ споровъ по вопросамъ философіи или политики, ибо ясно сознавалъ, что такіе споры могли привести только къ совершенно безцѣльной потерѣ времени. Я интересовался не ихъ міровоззрѣніемъ, абсолютно несовмѣстимымъ съ міровоззрѣніемъ позитивизма, которому я никогда не измѣнялъ, а ихъ личностью, ихъ жизненнымъ опытомъ, тѣмъ, что они видѣли и съ чѣмъ сталкивались въ продолженіе ихъ долгой и бурной жизни. Я слушалъ съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ ихъ разсказы о прошломъ, ихъ воспоминанія о столкновеніяхъ съ самыми разнообразными европейскими и русскими дѣятелями; все это было для меня въ высшей степени поучительно. При такихъ условіяхъ, очевидно, не могло возникнуть никакихъ ссоръ» (январь, стр. 54).

Какъ бы ни относиться къ критикѣ, направленной г. Вырубовымъ противъ міросозерцанія его знакомыхъ, какъ якобы метафизическаго, вы ждете во всякомъ случаѣ, что авторъ будетъ въ своихъ воспоминаніяхъ неизмѣнно стоять на почвѣ благожелательности. Увы!—если г. Вырубовъ остается въ общемъ [1]) на этой почвѣ, пока повѣствуетъ о Герценѣ и Бакунинѣ, то, переходя къ Лаврову, онъ впадаетъ въ тонъ такой презрительной снисходительности, порою даже столь запальчиваго глумленія, что поневолѣ начинаешь спрашивать себя, да что же еще болѣе рѣзкаго и несправедливаго могъ бы сказать о Лавровѣ его врагъ, когда подобныя вещи и съ такимъ видимымъ удовольствіемъ говоритъ человѣкъ, находившійся съ покойнымъ въ «самыхъ дружескихъ отношеніяхъ». Умъ, характеръ, жизнь, дѣятельность Лаврова, вплоть до его внѣшности,—все служитъ г. Вырубову предлогомъ для вышучиванія, и притомъ вышучиванія безпокойнаго, вышучиванія злораднаго, къ какому люди прибѣгаютъ развѣ тогда, когда рѣчь идетъ о противникѣ или вообще сильно насолившемъ человѣкѣ, и какое, если его практикуютъ изъ-за краснаго словца, изъ любви къ искусству, невольно заставляетъ васъ задумываться надъ особенностями психологіи самого критика...

Петръ Лавровичъ былъ по внѣшности очень крупный, стройный, почти до глубокой старости прямо, какъ дубъ, державшійся

---

[1]) Говоримъ «въ общемъ», потому что и здѣсь забавное сознаніе превосходства мѣшаетъ порою автору надлежащимъ образомъ отнестись къ характеризуемымъ имъ лицамъ.

человѣкъ, конечно, не соперничавшій съ Брёммелемъ въ изяществѣ костюма и манеръ, но чрезвычайно любившій чистоплотность и опрятность и отличавшійся изысканною, нѣсколько старомодною вѣжливостью. «Высокій, толстый, очень неуклюжій, съ длинными желтыми нечесаными волосами» и т. д. (февраль, 59),—такой образъ запечатлѣлся въ критическомъ окѣ г. Вырубова, впервые увидавшаго Лаврова въ 1870 г., и эту ноту онъ старается провести и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи чрезъ всю главу, посвященную своему знакомому.

Арестованный по дѣлу Каракозова и выпущенный послѣ 9-мѣсячнаго тюремнаго заключенія только для того, чтобы быть сосланнымъ въ Тотьму за написаніе четырехъ стихотвореній, сочувствіе и близость къ людямъ преступнаго направленія и т. п., Лавровъ, три года провелъ въ тяжелой обстановкѣ, вдали отъ культурныхъ центровъ, вдали отъ общества образованныхъ людей и былъ съ большимъ рискомъ увезенъ изъ Кадникова Германомъ Александровичемъ Лопатинымъ. Г. Вырубовъ, который, если и покидалъ Парижъ, то для Лозаннъ и Неаполей, считаетъ остроумнымъ пересыпать фактъ ссылки Петра Лавровича такой аттической солью: Лавровъ «нашелъ, совершенно основательно, что трехъ лѣтъ ссылки за плохіе стихи совершенно достаточно и бѣжалъ безъ особыхъ затрудненій» (ibid., стр. 60) въ Парижъ.

Здѣсь такое ничтожество, какъ Лавровъ, попалъ подъ философическую лупу столь необычайнаго гиганта мысли, какъ г. Вырубовъ, сей Микромегасъ позитивизма, тотчасъ же и классифицировавшій русскаго ученаго: Лавровъ «былъ типъ усидчиваго эрудита, какихъ десятками родитъ добродушная Германія»... Для «активной политики» «онъ вовсе не былъ созданъ». Но не лучше дѣло обстояло и съ наукой: «перечиталъ онъ цѣлыя библіотеки и пріобрѣлъ обширныя знанія, если не всегда точныя (ну, конечно, онъ обучался не у г. Литтрэ, который успѣлъ, напр., въ мірѣ законосообразности сохранить укромное мѣстечко для свободной воли, notre libre arbitre reste ce qu'il est en soi. Н. Р.), то, несомнѣнно, весьма разнообразныя; если бы собрать все, что онъ напечаталъ, составился бы не одинъ десятокъ толстыхъ томовъ, но во всемъ этомъ не было ни тѣни оригинальности, — все это парафразы, компиляціи, вульгаризаціи давнымъ-давно извѣстныхъ вещей; наговорилъ онъ несмѣтное количество рѣчей, большею частью очень длинныхъ, и прочиталъ немало лекцій по самымъ разнороднымъ предметамъ, но—увы!—у него не было ни ораторскаго таланта ни педагогическихъ способностей».

Препираться съ г. Вырубовымъ насчетъ того, насколько Лавровъ былъ безталаннымъ вульгаризаторомъ давнымъ-давно извѣстныхъ вещей, конечно, не стоитъ, хотя столь авторитетный, надо полагать, въ глазахъ нашего критика, мыслитель, какъ г. Е. де Роберти, въ длинной рецензіи «Revue philosophique» признавалъ немалую цѣну за взглядами автора «Исторіи мысли». Вотъ, пожалуй, не мѣшало бы отмѣтить изрядно наивное для ученаго мужа требованіе отъ энциклопедиста, какимъ былъ Лавровъ, не только «весьма разнообразныхъ», но и вполнѣ «точныхъ» знаній. Это какъ разъ та странная позиція, въ которую становятся придирчивые критики Конта, отрицающіе значеніе за творцомъ позитивной философіи потому только, что его «курсъ» игнорируетъ уже существовавшіе или вырабатывавшіеся въ ту пору механическую теорію

теплоты, спектральный анализъ, превращеніе біологическихъ видовъ и т. п. Кстати сказать и отнюдь не желая уподоблять Лаврова Конту: у русскаго мыслителя не было такихъ пробѣловъ, не было потому хотя бы, что онъ отнюдь не практиковалъ контовской «мозговой гигіены» умышленнаго воздержанія отъ чтенія цѣлыми годами изъ боязни нанести ущербъ самостоятельности своей мысли, а, наоборотъ, съ рѣдкой добросовѣстностью старался познакомиться съ наиболѣе свѣжими научными данными.

Впрочемъ, что ужъ тутъ до оригинальности Лаврова, когда г. Вырубовъ старается представить его въ смѣшномъ свѣтѣ со всѣхъ сторонъ, и какъ политическаго дѣятеля, и просто какъ человѣка Лавровъ не годился даже для амплуа добровольнаго санитара въ осажденномъ Парижѣ по причинѣ своей «близорукости и врожденной неловкости». Это не то, что самъ г. Вырубовъ, который все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ такъ хорошо, что, несмотря на строгость своихъ сужденій о людяхъ вообще, собою-то онъ ужъ не нахвалится. «Весьма занятый своей двойной службой (двойной службой, замѣтьте эту разносторонность, читатель! Н. Р.), — повѣствуетъ восхищающійся собой авторъ,—весьма занятый своей двойной службой въ Красномъ Крестѣ и національной гвардіи, я рѣдко имѣлъ случай встрѣчаться съ Лавровымъ». Ну, тотъ, лишенный благодѣтельнаго воздѣйствія просвѣщеннаго европейца, и наглупилъ, конечно. «За это время онъ познакомился со многими членами Интернаціонала, записался въ одно изъ его отдѣленій, суетился и ораторствовалъ на разныхъ митингахъ и собраніяхъ. Я предупреждалъ его, что въ этой, ему совсѣмъ не знакомой средѣ, немало сомнительныхъ и даже, несомнѣнно, дрянныхъ личностей, которыя могли причинить ему немало непріятностей въ такое время, когда и правительство, и публика смотрѣли на иностранцевъ весьма недоброжелательно. Но убѣдить его было нельзя, — очень ужъ ему понравилась эта, совсѣмъ для него новая, политическая агитація.

«Впрочемъ, это вмѣшательство во французскія дѣла было для него эпизодической случайностью. Его привычки и умственный складъ не согласовались съ западнымъ обиходомъ, съ которымъ онъ никогда не могъ сжиться, несмотря на то, что на западѣ прожилъ почти 30 лѣтъ. На него смотрѣли съ снисхожденіемъ, съ сочувствіемъ, какъ на «младшаго брата», а онъ хотѣлъ первенствовать и быть вождемъ» (февраль, стр. 60 — 61).

Опять-таки намъ нечего препираться съ г. Вырубовымъ насчетъ того, какъ лично онъ смотрѣлъ на Лаврова. Но тѣ, которымъ приходилось, какъ выражаются теперь во Франціи, стоять съ Лавровымъ по одну сторону баррикады, въ рядахъ защитниковъ міровоззрѣнія труда, знаютъ, съ какимъ уваженіемъ и горячими симпатіями соціалисты запада и даже радикалы (напр., Клемансо въ статьѣ, посвященной, если не ошибаюсь, въ 1898 семидесятипятилѣтію Лаврова), относились къ «патріарху международнаго соціализма». Этимъ объясняется и то, почему были такъ импозантны похороны Петра Лавровича, и почему на нихъ выступило столь большое число ораторовъ, — вещь, которая для г. Вырубова, конечно, является опять-таки лишь поводомъ къ остроумію такого калибра: «На его похоронахъ... собралось очень много народа и сказано было на разныхъ языкахъ несчетное количество рѣчей. Ихъ было, быть-можетъ, слишкомъ много на обыкновенный вкусъ, но добрый Петръ

Лавровичъ на это не пожаловался бы, онъ самъ такъ любилъ ихъ говорить» (стр. 70).

Было бы долго, впрочемъ, останавливаться на всѣхъ выпадахъ, щипкахъ и издѣвкахъ, которыми переполнена, или, точнѣе, изъ которыхъ состоитъ статья г. Вырубова, посвященная памяти того, съ кѣмъ, какъ мы слышали отъ автора, онъ находился въ «самыхъ дружескихъ отношеніяхъ». Порою въ этой части «революціонныя воспоминанія» г. Вырубова начинаютъ положительно сбиваться тономъ на «Кружковщину» Дьякова-Незлобина, и становится неловко за него, этого культурнаго человѣка, этого европейца, соредактора Литтрэ, который (не Литрэ, конечно, а нашъ философъ), несмотря на свои 70 лѣтъ, съ такимъ ребяческимъ удовольствіемъ повѣствуетъ, какъ былъ смѣшонъ Лавровъ, и какіе это идіоты были русскіе революціонеры (см. особенно картину лавровской колоніи въ Цюрихѣ на стр. 62 — 63 и повѣствованіе объ арестѣ двухъ лавровцевъ во Франціи на стр. 65 — 66), и какъ это ловко Гамбетта далъ «непрошенный абшидъ» (стр. 68) Лаврову, пришедшему просить за Гартмана и осмѣлившемуся сказать Далай-Ламѣ оппортунизма: «выдача Гартмана будетъ позоромъ для Франціи», и т. п. Г. Вырубовъ ратоборствуетъ, впрочемъ, не только съ людьми и явленіями, но и со словами. Онъ издѣвается надъ словомъ «интеллигенція» (стр. 62),—кстати сказать, употребленнымъ самимъ Герценомъ еще въ 1864 г. Онъ негодуетъ надъ выраженіемъ «рефератъ» (стр. 64) — увы! — перешедшимъ въ русскій языкъ просто - напросто изъ нѣмецкаго. Онъ впадаетъ въ патетическое удивленіе по поводу «престраннаго названія «Краснаго Креста Народной воли» (стр. 68 — 69),— страннаго только для остроумничающаго г. Вырубова, отъ котораго его водевильное настроеніе заслоняетъ тотъ трагическій фактъ, что изъ рядовъ русскихъ революціонеровъ борьба за свободу вырывала многочисленныя жертвы; и что партіи Народной Воли приходилось обращаться за матеріальною помощью къ порядочнымъ нейтральнымъ людямъ изъ общества...

Но полно! Стоитъ ли очень близко принимать къ сердцу сатирическія упражненія г. Вырубова надъ серьезными вещами, когда самъ авторъ нерѣдко не отдаетъ себѣ отчета въ комическомъ впечатлѣніи, которое производитъ его манера вѣчно менторствовать, вѣчно обличать другихъ и въ то же время находиться въ состояніи хроническаго восхищенія собой. Васъ могло бы покоробить, напр., не особенно умѣстное издѣвательство надъ тѣмъ, какъ питалась цюрихская коммуна: «цѣны были дѣйствительно до нельзя дешевыя, но зато и кухня была очень плоха, хотя Лавровъ находилъ ее очень удовлетворительной, полагая, вѣроятно, что революціонерамъ-соціалистамъ не слѣдуетъ баловаться гастрономическими соображеніями. Онъ вообще обращалъ большое вниманіе на внѣшнюю сторону жизни и не допускалъ никакихъ излишествъ. Но не въ одной только дурной стряпнѣ заключался изъянъ» и т. д. (февраль, стр. 63 — 64). Зато самъ же г. Вырубовъ даетъ вамъ легкій реваншъ надъ собой, когда съ необыкновенной серьезностью погружаетъ читателя въ тайны гастрономіи, говоря о своихъ встрѣчахъ съ Герценомъ въ Парижѣ: «тутъ мы съ нимъ видѣлись каждый день и часто вмѣстѣ обѣдали то у меня, то въ café Foy или у Вефура, тогда знаменитыхъ ресторанахъ, въ которыхъ можно было хорошо *обѣдать* (курсивъ, конечно, въ подлинникѣ!), а теперь заурядныхъ трактирахъ, гдѣ можно болѣе или менѣе удовлетвори-

тельно *ѣсть* (курсивъ опять-таки въ подлинникѣ!). Герценъ не былъ гастрономомъ: онъ слишкомъ любилъ англійскіе пикули и соусы, дающіе всему тотъ же самый вкусъ уксуса и перца, но хорошую кухню онъ умѣлъ цѣнить» (январь, стр. 65). Конечно, можно простить строгую критику русской коммуны съ кулинарной точки зрѣнія человѣку, который обладаетъ столь основательными знаніями, знаніями метръ-д'отеля, по части гастрологіи и гастрософіи, что даже курсивами тщится выразить громадную разницу между «хорошо *обѣдать*» и «удовлетворительно *ѣсть*». Оставимъ же г. Вырубова при сознаніи превосходства надъ русскими революціонерами и даже Герценомъ по части пикулей, уксуса и перца и будемъ разсуждать по человѣчеству. Геніальный чудакъ, но подлинный европеецъ, Контъ можетъ пуститься на свѣжей могилѣ, если не ошибаюсь, друга Блэнвиля, въ несвоевременную критику умершаго ученаго. Но лишь русскій баричъ-лицеистъ, проживши полвѣка за границей, въ состояніи ломаться, какъ «буаодный чэаэкъ», надъ памятью своего пріятеля-соотечественника и въ то же время чрезвычайно любезно повѣствовать о «блестящемъ адвокатѣ, добромъ маломъ» Андріё (февр., стр. 58), — на самомъ-то дѣлѣ типѣ нравственно проплеваннаго француза безъ всякихъ убѣжденій, который въ качествѣ префекта полиціи умышленно взрывалъ при помощи провокаторовъ статую Тьера, послѣ 1-го марта лѣзъ съ своими непрошенными сыщицкими совѣтами въ Петербургъ, а на родинѣ подхалимствовалъ передъ всяческими представителями антиреспубликанской реакціи въ родѣ Буланже!..

Н. С. Русановъ.

P. S. Вѣроятно, въ качествѣ важнаго барина и бывшаго воспитанника привилегированнаго заведенія тотъ же г. Вырубовъ въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» уже три года тому назадъ объяснялъ печальное состояніе нынѣшнихъ русскихъ университетовъ не тѣмъ, что надъ нашей высшей школой мудрятъ разные болѣе или менѣе знатные иностранцы, которымъ очень мало дѣла до Россіи, русскаго народа и русской науки, а тѣмъ, видите ли, что у насъ черезчуръ много студентовъ: «Русскій университетъ построенъ на совершенно ложной идеѣ: въ его основаніе положена категорія количества на мѣсто категоріи качества. Чѣмъ больше студентовъ, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе распространяется «просвѣщеніе». Въ этомъ кроется вся причина зла («Школьныя воспоминанія»; «Вѣстникъ Европы», 1910, февраль, стр. 25),—скорбитъ изъ прекраснаго далека бывшій лицеистъ. Скорбитъ и предлагаетъ рядъ мѣръ, въ результатѣ которыхъ, «конечно, многіе останутся за флагомъ; но зачѣмъ же непремѣнно всѣмъ пріобрѣтать чисто научное образованіе» и т. д. (тамъ же). Ревнитель русскаго просвѣщенія г. Вырубовъ поучаетъ насъ, варваровъ: «Надо дѣлать діаметрально противоположное тому, что дѣлается: надо повысить требованіе при поступленіи и принимать учениковъ по конкурсу, ввести въ программу преподаванія постоянныя обязательныя практическія занятія и обставить полученіе диплома серьезными испытаніями» (все тамъ же).

То-то бы насадили у насъ по этому рецепту и науку и культуру! Не стали бы тамъ разныя массажистки называться «интеллигенціей», на что столь негодуетъ г. Вырубовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Лавровѣ (В. Е., 1913, февраль, стр. 62).

Н. Р.

III. Изъ исторіи русской литературы.

О Некрасовѣ, Чернышевскомъ, Л. Толстомъ.

Къ тридцатипятилѣтней годовщинѣ со дня смерти Некрасова появилось нѣсколько новыхъ матеріаловъ, если не столь значительныхъ по содержанію, какъ напечатанныя недавно письма Гончарова, все же дополняющихъ знакомый обликъ поэта любопытными штрихами. Вотъ онъ въ апрѣлѣ 66 года редакторомъ «Современника», по новому цензурному уставу выходящаго безъ предварительной цензуры; но валуевскія предостереженія, то и дѣло угрожающія журналамъ, заставляютъ трепетать редакторское сердце еще сильнѣе, чѣмъ было раньше. На предположеніе знакомаго, что поэтъ «за картами гнетъ спину» и потому забылъ, что пора ѣхать на вальдшнеповъ, онъ въ неизданномъ стихотвореніи *(Рус. Старина*, № 2) отвѣчаетъ:

«Отказавшись отъ милой цензуры,
Погубилъ я досуги свои,—
Самъ читаю теперь корректуры
И мараю чужія статьи.
Побѣжалъ бы, какъ школьникъ изъ класса,
Я къ тебѣ, позабывши журналъ,
Но не знаю свободнаго часа
Съ той поры, какъ свободу узналъ!..
Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно такъ спали,
На охотѣ бывать успѣвали
И немало въ картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Одолѣла піита забота,
Позабылъ я, что́ значитъ игра,
Позабылъ я, что́ значитъ охота!—
Потому что́ Валуевъ сердитъ;
Потому что законъ о печати
Запрещеньемъ журналу грозитъ,
Если слово обронишь не кстати!..»[1])

Извѣстно, что Некрасовъ хотѣлъ спасти журналъ стихотвореніемъ къ Муравьеву-Виленскому. Много упрековъ сыпалось на́ него съ той поры, но чего стоило это стихотвореніе Некрасову, въ какомъ настроеніи находился онъ въ тотъ вечеръ, какъ читалъ въ англійскомъ клубѣ свое посланіе, вскрываетъ любопытный фактъ, разсказанный со словъ поэта Пыпинымъ *(Современникъ*, № 1): Некрасовъ въ *тотъ же* день написалъ стихотвореніе «Ликуетъ врагъ»... Позднѣе (въ 1876 г.) онъ вспоминалъ объ этомъ моментѣ своей жизни, какъ «ошибкѣ»... Если властный натискъ реакціонныхъ силъ заставлялъ дѣлать ложные шаги, то, съ другой стороны, «неотразимыя общественныя обиды» подсѣкали энергію, вѣру въ жизнь, убивали желаніе работать. «Болѣе тридцати лѣтъ я все ожидалъ чего-то хорошаго,—признавался Некрасовъ въ февралѣ 1870 г. Жемчужникову *(Русская Мысль*, № 2),—а съ нѣкоторыхъ поръ уже ничего не жду, оттого и руки совсѣмъ опустились и писать не хочется. А когда не пишешь, то не знаешь, зачѣмъ и живешь»... Послѣднія слова чрезвычайно характерны для поэта: тѣмъ, кто видѣлъ въ стихахъ Некрасова лишь манеру, неискренность, они ясно говорятъ, какое глубоко интимное, жизненное значеніе имѣли для него стихи. Некрасовъ имѣлъ право сказать о своей поэзіи: «Жизнь меня испортила, но только на поверхности—мои стихи шли изъ души»... Больной, почти на смертномъ одрѣ, онъ мыслитъ стихами, и любопытно, что нашоптываетъ ему

---

[1]) Напрасно г. В. А. Алексѣевъ приписываетъ другое стихотвореніе (стр. 464—65) Некрасову: по всей вѣроятности оно было написано тѣмъ самымъ спортсменомъ Асташевымъ, которому Некрасовъ адресовалъ приведенное выше стихотвореніе.

его «кнутомъ изсѣченная муза». Вотъ какой сюжетъ бродилъ въ его «туманной головѣ», въ мартѣ 1877 г., записанный тогда же Пыпинымъ *(Современникъ*, № 1): «Снѣжная пустыня, Сибирь, на снѣгу отпечатались лапки птицъ и звѣрьковъ; бродитъ бѣглый, непомнящій родства; много разъ онъ попадался, начальство бывало строгое: «Кто ты?»—«Житель»—начальство бѣсится; «Кто ты?» «Сочинитель»—начальству смѣшно, и бродяга обошелся безъ наказанія. Онъ жилъ въ селѣ, и была у него невѣста—чиновникъ отбилъ, и онъ ушелъ самъ въ Сибирь и бродилъ «непомнящимъ родства».—Теперь—время ужасное: дни все дольше, а снѣгу все больше. Попадается ему маленькій звѣрекъ замерзшій; онъ взялъ его на руки, тотъ задрыгалъ лапкой, еще живъ. Онъ спряталъ звѣрька, горностая, въ шапку и все бродилъ; черезъ нѣсколько времени снялъ шапку посмотрѣть—звѣрекъ ожилъ и стремглавъ ринулся въ лѣсъ. Другая встрѣча: набрелъ на кибитку, тамъ тотъ самый чиновникъ съ его бывшей невѣстой и ребенкомъ: они сбились съ пути, грозитъ метель, ямщикъ ушелъ искать дорогу. Они просятъ спасти ихъ; бродяга отводитъ ихъ въ избу, какую строятъ въ пустыхъ мѣстахъ для всякаго случая. Онъ отводитъ ихъ туда и хочетъ потѣшиться мщеніемъ; онъ любитъ смотрѣть на огонь и собирается сжечь ихъ; онъ обложилъ избу дровами, выбралъ мѣсто, откуда станетъ смотрѣть,—но захотѣлось ему взглянуть еще разъ на эту женщину: онъ взглянулъ въ волоковое окно и увидѣлъ, что она молится и ребенка креститъ. Зрѣлище поразило его, онъ бросился бѣжать и безъ оглядки тридцать верстъ пробѣжалъ.

Некрасовъ объяснилъ Пыпину, что такъ ему представляется народный характеръ при всей бѣдѣ, порчѣ, необузданности съ мягкими, человѣческими чувствами въ основаніи...

Онъ разсказываетъ все это, ходя и переступая съ палкой по ковру—худой, блѣдный, нервно говорящій то стихами, то разсказами...

Для оцѣнки личности Некрасова важно отмѣтить, что онъ, сдѣлавъ распоряженіе о своихъ сочиненіяхъ, просилъ свою сестру употребить извѣстную часть денегъ для Чернышевскаго и его семьи. Бережно пронесъ онъ любовь къ своему другу и сохранилъ о немъ память до конца жизни, несмотря ни на что, не поддаваясь ничьимъ суровымъ отзывамъ и мнѣніямъ о знаменитомъ «желчевикѣ». А мнѣнія эти приходилось слышать даже отъ такихъ людей, какъ Левъ Толстой, которому статьи Чернышевскаго «ужасно не нравились» за ихъ возмущенный желчный тонъ, какъ не нравился и самъ Чернышевскій: «Такъ и слышишь,—писалъ Толстой Некрасову, 2 іюля 1856 г. *(Современникъ*, № 1),—его тоненькій, непріятный голосокъ, говорящій тупыя непріятности и разгорающійся еще болѣе оттого, что говорить онъ умѣетъ». Толстой считалъ Чернышевскаго «отвратительнымъ» подражателемъ Бѣлинскаго, съ тѣмъ отличіемъ, что «Б. говорилъ возмущеннымъ тономъ, потому что бывалъ возмущенъ, а этотъ думаетъ, что для того, чтобы говорить хорошо, надо говорить дерзко, а для этого надо возмутиться. И возмущается въ своемъ уголкѣ, покуда никто не сказалъ цыцъ и не посмотрѣлъ въ глаза». Л. Толстой вообще находитъ «очень сквернымъ», что «у насъ не только въ критикѣ, но и въ литературѣ, даже просто въ обществѣ, утвердилось мнѣніе, что быть *возмущеннымъ*, *желчнымъ*, *злымъ* очень мило»: «Гоголя лю-

бятъ больше Пушкина. Критика Бѣлинскаго верхъ совершенства, ваши стихи любимы изъ всѣхъ теперешнихъ поэтовъ. А я нахожу, что скверно, потому человѣкъ желчный, злой—не въ нормальномъ положеніи. Человѣкъ любящій—напротивъ, и только въ нормальномъ положеніи можно сдѣлать добро и ясно видѣть вещи». Стихи Некрасова ему нравятся не потому, что́ находятъ въ нихъ другіе: Толстой въ нихъ видитъ не «злобу, т.-е. ненависть», а «грусть и любовь»... По мнѣнію Толстого, Некрасовъ сдѣлалъ «великую ошибку», что въ журналѣ замѣнилъ Чернышевскимъ Дружинина. Но чуткій редакторъ «Современника» зналъ, кого онъ пріобрѣлъ въ лицѣ новаго критика, и дальнѣйшая судьба журнала только подтвердила, насколько удачна была эта замѣна. Давно извѣстно, какое сильное вліяніе имѣли на молодое поколѣніе статьи Чернышевскаго, котораго знали наизусть, именемъ котораго, по свидѣтельству Ашенбреннера, клялись, какъ правовѣрный магометанинъ клянется Магометомъ, пророкомъ Аллаха...

Мѣняются времена, лозунги, идеи, но преклоненіе предъ геніальной личностью, жажда слѣдовать, подражать великому человѣку остаются всегда: если въ 60-хъ годахъ программы жизни искали въ романѣ Чернышевскаго, обаяніе на современниковъ шло отъ автора «Что дѣлать?», черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ горѣлъ тотъ же энтузіазмъ, но уже передъ другимъ человѣкомъ, также пытались перестроить жизнь, но по другимъ образцамъ. Воспоминанія В. Микуличъ (*Историч. Вѣстникъ*, № 2) живо переносятъ въ недавнее прошлое, когда учителемъ жизни для многихъ былъ Левъ Толстой, котораго Лѣсковъ называлъ своей святыней на землѣ («Я обязанъ ему болѣе, чѣмъ покоемъ земной жизни,—говорилъ онъ:—я принялъ его разумѣніе жизни, въ немъ успокоился и свой фонаришко бросилъ. Онъ уже не нуженъ мнѣ, разъ я вижу передъ собой яркій маякъ и знаю, чего держаться»), передъ которымъ благоговѣлъ Ге, спѣша смѣяться его шуткамъ, радостно прислушиваясь къ каждому его слову и не сводя съ Л. Н. восхищеннаго взгляда; когда съѣзжались люди для чтенія «Царствія Божія» и съ восторгомъ говорили, подобно Лѣскову, о книгѣ Толстого, послѣ которой «остается одно изъ двухъ: или подать руку автору и отвернуться отъ церкви, или итти и рыдать у стараго алтаря и просить у него, чтобъ онъ защитилъ и себя и людей отъ этого разрушителя, которому не было равнаго по силѣ и рѣшительности». Г-жа Микуличъ сообщаетъ много интереснаго о яснополянской жизни Л. Н. Толстого, приводитъ его отзывы о разныхъ писателяхъ (Герценѣ, Жуковскомъ, Достоевскомъ, Карлейлѣ), но чтобъ представить его душевный уклонъ въ извѣстномъ періодѣ жизни и какъ онъ заражалъ окружающихъ, внѣдряя въ сознаніе новыя мысли, достаточно привести изъ ея воспоминаній слѣд. фактъ: «Мы идемъ къ дому».

— Осторожно, не давите ихъ,—озабоченно говоритъ мнѣ Левъ Николаевичъ.

«Я смотрю себѣ подъ ноги и вижу вереницы длинненькихъ красивыхъ букашекъ, ползающихъ по дорожкѣ. Самъ Л. Н. внимательно къ нимъ приглядывается и осторожно поднимаетъ свои большія ноги, чтобы не наступить на букашекъ. Думаю: «Не убій и люби все живущее...» И я тоже начинаю шагать осторожнѣе, чтобъ не давить насѣкомыхъ, о которыхъ раньше не приходило въ голову подумать»...

Н. Бродскій.

IV. Тайная полиція во Франціи и Австріи въ эпоху реставраціи. Мемуары графа Аппоньи.

Первыя десятилѣтія XIX вѣка — эпоха расцвѣта въ Европѣ тайной полиціи по дѣламъ политическимъ. Наполеоновскія войны сами по себѣ создавали сложную систему военнаго шпіонажа, но помимо «внѣшняго врага» недреманное око зорко слѣдило и за «врагомъ внутреннимъ»: не затихли еще отголоски французской революціи и глухое сотрясеніе общественныхъ силъ пугало тамъ и сямъ европейскія правительства.

Французская тайная полиція, усердно служившая Наполеону, съ обычной исполнительностью и готовностью продолжала служить и вернувшимся Бурбонамъ. Тайныя общества—предметъ ея особеннаго вниманія; она зорко слѣдитъ за изгнанниками въ Лондонѣ, Германіи и Голландіи, опасливо наблюдаетъ за крайними правыми, за всѣми, кто даже изъ принцевъ крови навлекъ на себя подозрѣніе либеральнымъ образомъ мыслей или легкимъ будированіемъ по адресу королевскаго двора. Попадетъ ли въ опалу крупный политическій дѣятель Шатобріанъ, отзовутся неосторожно о Бурбонахъ братья Гумбольдты, — около нихъ незамѣтно сплетается сѣть полицейскаго надзора. Даже лично извѣстные министру полиціи Бельо, бывавшіе у него въ домѣ, лица не избавлены отъ бдительнаго попеченія тайныхъ агентовъ. Такъ, въ Revue (1913 г. № 1) приводится любопытное донесеніе Бельо отъ агента о Стендалѣ (Бейлѣ): извѣстно съ кѣмъ гуляетъ Бейль, за кѣмъ ухаживаетъ, какъ обѣдаетъ, словомъ, весь его распорядокъ жизни. Но съ особымъ тщаніемъ слѣдитъ тайная полиція за ненавистной Бурбонамъ фамиліей Бонапартовъ. Подбираются самыя грязныя сплетни, чтобы угодить Людовику XVIII и скомпрометировать Наполеона и его родственниковъ предъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Заправилы тайной полиціи при этомъ охотно прибѣгаютъ и къ фальсификаціи перехваченныхъ писемъ. (Revue des études Napoleoniennes. 1913. № 1. Masson. L'inceste de Napoleon et de Pauline Borghese).

Письмо Полины Боргезе съ Эльбы къ ея возлюбленному (полковнику барону Адольфу Дюшанъ) даетъ случай агентамъ открыть ея близость сразу къ двумъ лицамъ: Адольфу и къ «нѣкоему неизвѣстному полковнику». Порученіе купить рядъ принадлежностей дамскаго туалета превращается въ просьбу прислать 6 бутылокъ сильнодѣйствующаго средства противъ сифилиса; жалоба на старое прокисшее вино (vieux pourri) подъ перомъ услужливаго агента превращается въ обличеніе ревности «гнилого старикашки» (т.-е. Наполеона). Такъ слагается чудовищная сплетня о преступной любви Наполеона къ сестрѣ Полинѣ, слагается при дѣятельномъ участіи маленькихъ агентовъ, самаго Бельо, министра иностранныхъ дѣлъ Жекура и любимца королевскаго герцога де-Блака: тайное донесеніе преподносится королю, большому любителю подобныхъ разоблаченій и, наконецъ, въ извлеченіи посылается въ Вѣну Талейрану, французскому уполномоченному на Вѣнскомъ конгрессѣ, для достодолжнаго употребленія.

На Вѣнскомъ конгрессѣ работа тайныхъ агентовъ всѣхъ государствъ достигаетъ высшей степени напряженія. И въ первыхъ

номерахъ Deutsche Rundschau проф. Фурньеръ даетъ намъ блестящую характеристику этой работы австрійской полиціи (1912, окт., нояб., дек.). Организованная еще при Іосифѣ II искуснымъ полицейскихъ дѣлъ сановникомъ Пергеномъ, она достигаетъ высшей работоспособности и при его преемникахъ (послѣ 1803 года). Сперва наблюдавшая «за настроеніемъ умовъ въ наслѣдственныхъ земляхъ его императорско-королевскаго величества» она постепенно переноситъ свое вниманіе и на «филантропическія общества» во всей Европѣ. Преемники Пергена шли быстро впередъ по проложенной имъ дорогѣ, развивая не только дѣятельность агентовъ охраны, но и совершенствуя трудную работу по пересмотру писемъ высокопоставленныхъ частныхъ лицъ и ихъ корреспондентовъ. «Черный вѣнскій кабинетъ» дѣлается настолько знаменитъ своей неусыпной работой, что политическіе дѣятели предпочитали сноситься другъ съ другомъ лично или чрезъ особыхъ довѣренныхъ курьеровъ, чѣмъ ввѣрять свои письма почтѣ.

Но особенно развился шпіонажъ въ сентябрѣ 1814, когда въ Вѣну съѣхались государи со свитами и уполномоченные чуть не всей Европы, «всѣхъ, кто хотѣлъ что-либо пріобрѣсти или боялся что-либо потерять».

Профессоръ Фурньеръ съ нѣкоторой патріотической гордостью признаетъ превосходство австрійской тайной полиціи даже въ сравненіи съ знаменитой тогда русской полиціей, скромно оправдывая это совершенство извѣстнымъ патріотическимъ воодушевленіемъ всѣхъ слоевъ общества. Мобилизованы были всѣ силы сыска, и въ первомъ ряду заняли мѣсто высокородныя особы мужескаго и женскаго пола, которыхъ Фурньеръ не рѣшается даже сейчасъ назвать полнымъ именемъ. Но и эти знатные господа не гнушаются платой за свои донесенія и вознагражденіемъ за путевые расходы. Среди сыщиковъ есть, и писатели, и итальянскіе авантюристы, и польскіе шляхтичи; рядомъ съ наемниками трудятся любители, добровольцы сыска.

Низшую группу образуютъ истопники, слуги, камердинеры и хозяева квартиръ, на которыхъ иногда оказывается недвусмысленное давленіе. Помимо государственной полиціи князь Меттернихъ имѣетъ своихъ собственныхъ агентовъ. Усиленно слѣдятъ и подслушиваютъ на балахъ и даже въ случаяхъ интимной жизни; перлюстрацію писемъ доводятъ до высшей степени совершенства, изобрѣтая особенный способъ снимать печати, заклеивать вновь конверты. Тщетно дипломаты, сановники, коронованныя особы прибѣгаютъ къ шифру, къ езоповскому языку — напрасно принцесса Тереза саксонская изобрѣтаетъ замысловатыя обозначенія дѣйствующихъ лицъ на конгрессѣ (Францъ-Венера, Александръ I — Піатти, Меттернихъ — Краутбрельдъ, Талейранъ — Крумгольцъ etc.); а вел. княгиня Екат. Павловна коверкаетъ французскій языкъ — искусные агенты легко отгадываютъ загадки. Ни каминъ, ни корзина съ бумажнымъ хламомъ, ни самые незамѣтные тайнички не ускользаютъ отъ зоркаго ока шпіона-лакея, шпіона-камердинера: обыскивается съ успѣхомъ каминъ Штейна, корзина съ обрывками бумагъ Дальберга, Евгеній Богарне лишь вторымъ послѣ камердинера узнаетъ изъ маленькаго скомканнаго клочка бумаги, что выбранъ главой бонапартистовъ. Такъ получаются высоко-интересныя, въ своеобразной окраскѣ, характеристики крупныхъ дѣятелей конгресса: императора Александра, короля прусскаго и другихъ.

«Средній человѣкъ» этого высшаго общества, служившаго предметомъ заботливыхъ попеченій тайной полиціи на Вѣнскомъ конгрессѣ, особенно отчетливо рисуется по дневнику атташе австрійскаго посольства въ Парижѣ графа Рудольфа Аппоньи (Lanzac de Laborie. Les derniéres annèes de le Restauration. Correspondant 1913. 10 fevr.).

Молодой венгерскій магнатъ, пріѣхавшій во Францію въ качествѣ личнаго секретаря своего родственника австрійскаго посла графа Антонія Аппоньи, живо описываетъ веселую беззаботную жизнь придворныхъ круговъ 1826—1830 гг. Великолѣпный танцоръ, излюбленный кавалеръ герцогини Беррійской, Родольфъ Аппоньи составилъ себѣ прочную славу въ парижскихъ салонахъ горячей пропагандой котильона. Придворныя сплетни, забавныя приключенія, слухи о королевскихъ милостяхъ и опалахъ, элегантное, фривольное прожиганіе жизни наполняли все время весело порхающаго дипломата-мотылька: какъ люди его круга — онъ высокомѣрно презираетъ «выскочекъ», старыхъ маршаловъ, видитъ революціонный духъ даже въ умѣренномъ консерваторѣ и съ легкомысленнымъ благодушіемъ упоминаетъ объ уличныхъ схваткахъ 1827 г. Революція 1830 года застигаетъ его среди пріятнаго отдыха на морскомъ пляжѣ врасплохъ — онъ проглядѣлъ ее, какъ и большинство его товарищей, какъ вся придворная аристократія Бурбоновъ.

А. Васютинскій.

Статьи въ февральскихъ журналахъ [1]).

I. По всеобщей исторіи.

И. В. Лучицкій. Аграрный вопросъ во Франціи наканунѣ революціи (*Русское Бог.*). **М. И. Туганъ-Барановскій.** Соціалистическія общины послѣдователей Оуэна и Фурье (*В. Евр.*). **Л. З. Слонимскій.** Новое о Гамбеттѣ (*В. Евр.*). **Н. Русановъ.** Походъ папства противъ свѣтской цивилизаціи. Въ «Обозрѣніи иностранной жизни» (*Рус. Бог.*).

II. Русская исторія.

С. М. Лукьяновъ. Къ ученію о государственности и церковности (*Журн. Мин. Нар. Прос.*). **П. М. Любимовъ.** Очерки исторіи нижегородскаго ополченія 1611—1613 гг. (*Жур. Мин. Нар. Просв.*) **Н. Рожковъ.** Дворянская революція въ Россіи XVII в. (*Совр. Міръ.*). **И. Я. Стеллецкій.** Подземная Украйна (*Укр. Жизнь.*). Записки кн. Н. М. Долгорукова (*Рус. Библіоф.* № I). **Б. Л. Модзалевскій.** Письма гр. А. В. Растопчина къ А. Ѳ. Лобзину (*Рус. Ст.*). **Вл. Лаймингъ.** Женатая рота. Къ исторіи военныхъ поселеній (*Рус. Ст.*). **П. Е. Щеголевъ.** Благоразумные совѣты изъ крѣпости. Декабристъ А. Ѳ. Корниловичъ (*Современ.*). **Лагардель.** Марксъ и Бакунинъ (*Завѣты*). Изъ исторіи колонизаціи Пріамурья. Дневникъ **П. В. Бѣлокоптнова** 1857—58 гг. (*Сиб. Арх.*). **С. Ф. Русова.** «Шевченко и украинское общество 60 гг.» (*Украин. Жизнь*). **В. Евгеньевъ.** Н. А. Некрасовъ и реакція 60—70 гг. (*Зав.*). **В. Княжнинъ.** Добролюбовскій архивъ—переписка (*Зав.*). **А. И. Иванчинъ-Писаревъ.** Изъ воспоминаній о хожденіи въ народъ (*Зав.*). **Левъ Плансонъ.** «Казнь цареубійцъ». Изъ личныхъ воспоминаній (*Истор. Вѣст*).

III. Исторія русской литературы.

В. Семенниковъ. Къ исторіи цензуры въ Екатерининскую эпоху (*Рус. Библіоф.* № 1). **В. И. Рѣзановъ.** Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго (*Жур. Мин. Нар. Прос.*). Стихотвореніе Лермонтова «Морякъ». Сообщилъ А. Д. (*Р. Библіоф.*, № 1). Письмо С. Т. Аксакова о Гоголѣ (*Современникъ*). Письмо М. Е. Сал-

---

[1]) Продолженіе и окончаніе статей не отмѣчаются.

тыкова къ С. Т. Аксакову (*Соврем.*). **А. А. Дунинъ.** Воспоминанія о Гоголѣ. I. Прототипъ Плюшкина. II. Гоголь на охотѣ (*Истор. Вѣст.*). **С. А. Венгеровъ.** «Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни» (*Рѣчь*, № 56 и 57). Письма Некрасова А. М. Жемчужникову (*Рус. Мысль*). **Н. Г. Чернышевскій** и Каракозовцы. Сообщилъ Ч. Вѣтринскій (*Рус. Мысль*). **А. Лебедевъ.** Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова (*Рус. Ст.*). **Н. Чужакъ.** Сибирскіе мотивы у И. В. Ѳедорова-Омулевскаго (*Сибирск. Арх.*). Документы о Достоевскомъ (*Сиб. Арх.*) **Б. А. Грифцовъ.** Судьба К. Н. Леонтьева (*Рус. Мысль*). **С. Т. Семеновъ.** О встрѣчахъ съ А. П. Чеховымъ (*Путь*). **В. Брюсовъ.** Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ (*Рус. Мысль*).

IV. По искусству.

П. Эттингеръ. Русскіе портреты въ Королевской національной галлереѣ въ Берлинѣ (*Рус. Биб.* № 1). **А. Трубниковъ.** Картина Гюбера Робера въ Россіи (*Стар. Годы* № 1). **Г. Лукомскій.** Барокко и классицизмъ въ архитектурѣ Костромы (*Ст. Годы*). Н. Брюлловъ и Шевченко (*Украин. Жизнь*).

По личному вопросу.

(По поводу замѣтки М. Н. Покровскаго.)

Въ январской книжкѣ «Голоса Минувшаго» въ «Обзорѣ журналовъ» помѣщена довольно большая замѣтка М. Н. Покровскаго, посвященная моей статьѣ «Эпоха Отечественной войны и ея значеніе въ новѣйшей исторіи Россіи», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» за 1912 г. Замѣтка г. Покровскаго касается ряда весьма серьезныхъ вопросовъ, затронутыхъ и моей вышеназванной статьей, и вопросы эти (о значеніи континентальной блокады, о причинахъ паденія Сперанскаго, о личности Александра и о роли наполеоновскихъ войнъ въ подготовкѣ паденія крѣпостного права) заслуживаютъ серьезнаго обсужденія, въ которомъ я намѣренъ принять участіе въ особой статьѣ. Въ этомъ отношеніи я, разумѣется, могъ бы быть только признательнымъ г. Покровскому за критику моихъ мнѣній и выводовъ. Но г. Покровскій увѣряетъ, что «задачей» его статьи «является—познакомить читателя со статьей г. Корнилова» (стр. 262). Этого онъ не только не выполнилъ въ своей замѣткѣ, но далъ, на мой взглядъ, читателямъ «Голоса Минувшаго» о моей статьѣ совершенно превратное представленіе. Уже съ первыхъ же строкъ онъ допускаетъ значительную неточность, утверждая, что будто бы «хронологическій захватъ» моей статьи есть время съ Екатерины II и до крестьянской реформы. На самомъ дѣлѣ о внѣшней политикѣ Екатерины я упоминаю лишь въ нѣсколькихъ словахъ во вступленіи къ статьѣ, а затѣмъ на послѣднихъ 5 — 6 страницахъ ея высказываю свои соображенія о роли наполеоновскихъ войнъ въ подготовленіи паденія крѣпостного права въ Россіи. Остальныя 45 стр. изъ 52 посвящены всецѣло эпохѣ наполеоновскихъ войнъ. Передавая будто бы содержаніе моихъ взглядовъ на личность Александра, г. Покровскій приписываетъ мнѣ механическое соединеніе противорѣчивыхъ характеристикъ этого монарха и утверждаетъ, что въ моемъ изображеніи онъ выходитъ и злымъ и добрымъ въ одно и то же время. Между тѣмъ какъ сущность моего взгляда на Александра можетъ быть выражена въ двухъ словахъ: основная черта его характера заключалась, по моему мнѣнію, въ его любви къ красивымъ *идеямъ* и равнодушіи къ *людямъ* и къ *родинѣ*. Съ этимъ можно спорить, но это совсѣмъ не то, что мнѣ приписываетъ г. Покровскій. Далѣе онъ приписываетъ мнѣ нѣкоторыя мнѣнія, которыхъ я не высказывалъ; такъ, на стр. 261 онъ заявляетъ,

что я, повидимому, склоненъ думать, что главный предметъ русскаго вывоза въ Англію былъ въ началѣ XIX в. хлѣбъ, тогда какъ у меня опредѣленно указано (на стр. 114), что въ торговлѣ съ Англіей самую важную статью составляли продукты льняной и пеньковой промышленности. Далѣе г. Покровскій утверждаетъ, что будто бы благодаря неестественно компактному изложенію я не различаю, какъ именно отражалась континентальная система на интересахъ разныхъ группъ и слоевъ русскаго общества. Между тѣмъ континентальную систему и ея дѣйствіе на различные классы общества я разсматривалъ въ связи съ тѣмъ разореніемъ, которое происходило отъ двухъ первыхъ войнъ съ Наполеономъ и вызваннаго ими усиленнаго выпуска бумажныхъ денегъ, что, вмѣстѣ съ континентальной системой, повлекло за собой чрезвычайное паденіе ихъ курса. Вліяніе этого обстоятельства *на отдѣльные классы* русскаго общества я указываю совершенно опредѣленно на стр. 128 моей статьи. Въ концѣ своей замѣтки, ссылаясь на отдѣльныя фразы изъ моей статьи, М. Н. Покровскій старается увѣрить читателя, что по моимъ понятіямъ при крѣпостномъ правѣ не крестьяне кормили помѣщиковъ, а помѣщики—крестьянъ, для чего онъ перетолковываетъ совершенно опредѣленный смыслъ приведеннаго мною факта, что помѣщикамъ приходилось въ *перенаселенныхъ* имѣніяхъ съ невыгодой для себя кормить излишніе рты. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ историкамъ крестьянской реформы. Первый на него указалъ еще Заблоцкій-Десятовскій въ своей запискѣ 1841 г. (срав. «Гр. Киселевъ и его время», Приложеніе IV, стр. 318 и 342), и объ этомъ упоминаетъ и В. И. Семевскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 468, 469 (срав. тамъ же выписки изъ записки гр. Л. А. Перовскаго на стр. 138 того же тома); и о томъ же, со ссылкой на Черкасскаго и Кокорева, говоритъ и самъ г. Покровскій въ «Исторіи Россіи въ XIX в.» (т. III, стр. 108). Такія же данныя собраны и И. И. Игнатовичъ въ послѣдней главѣ ея книги. Наконецъ въ замѣткѣ г. Покровскаго есть и намеки на какую-то *зависимость* мою отъ *предшественниковъ*, которую я будто бы хотѣлъ скрыть (см. стр. 259 и 260); но вѣдь г. Покровскому хорошо извѣстно[1]), что въ своихъ сочиненіяхъ о крестьянской реформѣ, гдѣ я подробнѣе обосновалъ и свои взгляды на ея происхожденіе, я отнюдь не скрываю имена своихъ «предшественниковъ» и вообще источники своихъ взглядовъ и выводовъ. Если же г. Покровскій хочетъ намекнуть на зависимость моихъ взглядовъ и выводовъ отъ тѣхъ русскихъ историковъ одной съ нимъ школы, которые считаютъ почему-то своей монополіей выясненіе роли экономическихъ факторовъ историческаго процесса, то въ этомъ онъ совершенно ошибается.

Споръ съ г. Покровскимъ *по существу* затронутыхъ имъ вопросовъ мнѣ придется вести въ особой статьѣ.

А. Корниловъ.

Давая мѣсто поправкамъ А. А. Корнилова къ замѣткѣ М. Н. Покровскаго (въ № 1 «Голоса Минувшаго») объ его статьѣ «Эпоха Отечественной войны и ея значеніе въ новѣйшей исторіи Россіи», редакція считаетъ не лишнимъ по вопросу о кормленіи помѣщиками своихъ крестьянъ указать, что В. И. Семевскій въ цитированныхъ А. А. Корниловымъ мѣстахъ его книги «Крестьянскій вопросъ» высказываетъ не свои мнѣнія, а приводитъ мнѣнія дворянъ (II, 468—469) и министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго (II, 138,— послѣднее отмѣчено и А. А. Корниловымъ). Заблоцкій-Десятовскій въ своей

---

[1]) Я говорю это, потому что въ «Исторіи Россіи XIX в.» въ статьѣ своей о крестьянской реформѣ г. Покровскій дважды ссылается на мои работы по исторіи крестьянской реформы (т. III, стр. 104 и 109).

запискѣ 1841 г. говоритъ: «Законъ возлагаетъ на помѣщика обязанность кормить крестьянъ въ случаѣ нужды. Но эта обязанность не всегда исполняется: доказательствомъ тому служитъ 1839 годъ, когда многіе помѣщики убѣгали изъ своихъ деревень. Неисполненіе эта часто происходитъ отъ невольныхъ причинъ, отъ невозможности прокормить сотни или даже тысячи людей, при несуществованіи запасовъ. Случается, что помѣщики предосудительно въ голодные годы употребляютъ ссуды, данныя имъ правительствомъ, какъ то доказано въ 1840 г.» Указавъ на то, что были и такіе помѣщики, которые «изъ послѣднихъ силъ кормили крестьянъ», Заблоцкій - Десятовскій прибавляетъ: «Многіе дѣлали это изъ страха, ибо были случаи, что мужики грозно подступали къ помѣщикамъ, требуя прокормленія («Гр. Киселевъ и его время» IV, 318). Общій выводъ по этому вопросу И. И. Игнатовичъ таковъ: «Государство при крѣпостномъ правѣ имѣло ту выгоду, что освободилось отъ.... заботъ о продовольствіи части народной массы. Между тѣмъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше фактовъ, помѣщики бѣжали изъ имѣній во время голодовокъ, допускали крестьянъ до нищенства, такъ что самому правительству приходилось все чаще и чаще отпускать суммы на продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ. Мало того, правительство, выдавая продовольственныя суммы на руки помѣщикамъ, не было увѣрено въ правильномъ израсходованіи ихъ, такъ какъ часто дворяне прикарманивали себѣ эти деньги, выдавая лишь ничтожную часть крестьянамъ». («Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія», изд. 2, М. 1910 г., стр. 278, изъ стр. 6—12.)

Ред.

Критика и библіографія.

M. Beer. Geschichte des Sozialismus in England. Stuttgart, Veilag von Dietz, 1913. S. XII+512. Preis 6. M. 50.

Разсматриваемая работа знатока англійской общественной жизни М. Беера, постояннаго сотрудника «Die Neue Zeit», даетъ даже больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Такъ какъ авторъ усвоилъ прекрасную манеру предпосылать каждому отдѣлу очеркъ экономическаго положенія соотвѣтствующей эпохи, то, въ концѣ-концовъ, читателю предлагается сжатая исторія экономическаго развитія Англіи за разсматриваемый періодъ, особенно за періодъ 1750—1850 гг.

Съ другой стороны, крупнымъ достоинствомъ книги Беера является то, что она написана не только для рабочихъ (конечно, передовыхъ рабочихъ да еще германскихъ), но и для спеціалистовъ-соціологовъ. И слѣдуетъ признать, что авторъ блестяще справился съ этой двойной, на первый взглядъ почти неразрѣшимой, задачей. Книга написана просто, ясно и общедоступно, и вмѣстѣ съ тѣмъ она составлена на основаніи первоисточниковъ, даетъ много совершенно новыхъ фактовъ, освѣщаетъ цѣлый рядъ вопросовъ съ оригинальной точки зрѣнія. И мы всецѣло раздѣляемъ надежду автора, что не только рядовой читатель почерпнетъ въ его работѣ массу полезныхъ и систематически изложенныхъ свѣдѣній, но и спеціалистъ получитъ возможность заполнить не одинъ пробѣлъ въ своихъ знаніяхъ по соціальной исторіи Англіи за послѣднія 150 лѣтъ.

Приступая къ своему труду лѣтомъ 1910 года, Бееръ разсчитывалъ воспользоваться имѣющейся уже литературой по интересующимъ его вопросамъ, но въ процессѣ работы онъ убѣдился, что полагаться на прежнія сочиненія въ этой сравнительно мало разработанной области далеко не всегда возможно, тѣмъ болѣе, что цѣлый рядъ вопросовъ оказался совершенно незатронутымъ его предшественниками (во введеніи авторъ даетъ бѣглый критическій очеркъ этой литературы). Пришлось поэтому обратиться къ первоисточникамъ, и такимъ образомъ, за исключеніемъ главъ объ экономической революціи, основанныхъ на Кэнингемѣ, Манту и отчасти на Тойнби, вся книга Беера представляетъ совершенно оригинальное и самостоятельное изслѣдованіе, безъ котораго теперь не обойдется ни одинъ историкъ, занимающійся соціально-политической исторіей новѣйшей Англіи.

Книга Беера распадается на три части. Первая касается экономической революціи и зарожденія соціальной критики и соціализма; она охватываетъ періодъ отъ 1750 до 1824 гг. (стр. 3—222); вторая говоритъ о чартизмѣ, т.-е. о періодѣ 1825—1854 гг. (стр. 225—419); наконецъ

третья обнимаетъ новѣйшій періодъ отъ 1855 до 1912 г. (стр. 423—505). Это наиболѣе оригинальная часть книги, такъ какъ по вопросу о новѣйшемъ періодѣ англійскаго соціалистическаго движенія, за исключеніемъ немногихъ книгъ и, главнымъ образомъ, журнальныхъ и газетныхъ статей, не существуетъ никакихъ работъ.

Въ первой части авторъ, послѣ описанія соціально-экономическихъ перемѣнъ, вызванныхъ хозяйственной революціей XVIII вѣка, излагаетъ ученія экономистовъ (Адама Смита, Мальтуса, Патрика Колькуоуна, Д. Рикардо, Томаса Атвуда), политическихъ дѣятелей и публицистовъ (Томаса Пэна, Іереміи Бентама, Генри Гента, В. Коббета, Карлейля и другихъ), описываетъ первые шаги рабочаго движенія (въ томъ числѣ движеніе разрушителей машинъ или лэддитовъ, начало политическихъ демонстрацій), характеризуетъ ученія представителей естественно-правового или этическаго соціализма (Э. Борка, Р. Уоллеса, Томаса Спенса, Оджильви, В. Годвина и др.), а также ученіе и дѣятельность Р. Оуэна и его послѣдователей, соціальныхъ критиковъ Комба, Грея, Томпсона, Моргана. Это изложеніе подготовляетъ читателя къ пониманію второй части, посвященной подробному описанію чартистскаго движенія, вызвавшихъ его соціально-политическихъ факторовъ, входившихъ въ его составъ элементовъ, выдвинутыхъ имъ требованій и методовъ борьбы, причинъ его расцвѣта и крушенія. Передъ читателемъ проходятъ главные дѣятели этого могучаго народнаго движенія (Ловетъ, Гетерингтонъ, Ватсонъ, Венсентъ, Фиргусъ О'Конноръ, Тойлоръ, Бьюмонтъ, Стефенсъ, О'Бріенъ, Гаммеджъ, Куперъ, Эрнестъ Джонсъ, Голіуэкъ, С. Киддъ и др.), организованныя имъ массовыя выступленія (стачки демонстраціи, возстанія, петиціи). Оказывается, что уже въ то время были поставлены многіе вопросы, надъ которыми до сихъ поръ бьется соціалистическая мысль, какъ вопросъ о всеобщей стачкѣ, взаимномъ отношеніи политической и экономической борьбы рабочаго класса и т. п. (извѣстно, что всеобщая стачка, какъ методъ соціальной революціи, была выдвинута именно въ эпоху чартизма). Авторъ показываетъ, что чартизмъ былъ въ зародышѣ соціалъ-демократическимъ движеніемъ, которому для превращенія въ современную рабочую партію недоставало извѣстной исторической обстановки. Онъ подробно выясняетъ также ту мысль, что чартизмъ былъ далеко не безплоднымъ движеніемъ, что онъ поставилъ передъ англійскимъ обществомъ цѣлый рядъ политическихъ и экономическихъ задачъ, которыя такъ или иначе были имъ разрѣшены (какъ, напр., демократизація политическаго строя, законодательство по охранѣ труда, а отчасти ждутъ еще своего рѣшенія и разрѣшаются въ настоящее время (какъ всеобщее избирательное право). Но, конечно, основной своей цѣли, завоеванія политической власти рабочимъ классомъ для радикальнаго преобразованія общества въ интересахъ пролетаріата, чартизмъ не достигъ—и въ этомъ смыслѣ онъ потерпѣлъ пораженіе, за которыми наступилъ періодъ прострации и затишья.

Этотъ періодъ упадка и возрожденіе соціалистическаго движенія описываются въ послѣдней части труда, доведеннаго авторомъ до нашихъ дней (что составляетъ новое преимущество его работы). Охарактеризовавъ «либеральную рабочую политику», пришедшую на смѣну боевому чартизму, и роль Интернаціонала въ пробужденіи соціалистическаго духа среди англійскихъ рабочихъ, Бееръ переходитъ къ эпохѣ возрожденія англійскаго соціализма. Онъ излагаетъ программы и описываетъ дѣятельность демократической федераціи и вышедшей изъ нея соціалъ-демократической федераціи, соціалистической лиги, независимой рабочей

партіи, Фабіанскаго общества и, наконецъ, зарожденіе и развитіе такъ наз. «Рабочей партіи», вышедшей изъ нѣдръ трэдъ-юніонизма. Между прочимъ объективность автора видна изъ того, что онъ, марксистъ, тѣмъ не менѣе очень строго относится къ с.-д. федераціи, несмотря на то, что она выступила въ Англіи въ качествѣ рѣшительной выразительницы и пропагандистки марксизма. Не менѣе характерно въ этомъ смыслѣ его снисходительное отношеніе къ рабочей партіи, несмотря на всѣ ея теоретическія шатанія и практическіе промахи. Но дѣло въ томъ, что Бееръ, принадлежащій къ марксистской школѣ, хорошо понимаетъ значеніе массоваго движенія; его критическое отношеніе къ с.-д. федераціи и объясняется тѣмъ, что она не сумѣла взять надлежащій тонъ по отношенію къ трэдъ-юніонамъ, тогда какъ рабочую партію онъ цѣнитъ, главнымъ образомъ, въ виду ея органической связи съ широкими массами рабочаго класса. Въ этомъ также коренится причина скептическаго отношенія Беера къ недавно возникшей британской соціалистической партіи, которая образовалась годъ тому назадъ изъ с.-д. федераціи и революціонно-настроенныхъ элементовъ, отпавшихъ отъ оппортюнистической рабочей партіи: онъ полагаетъ, что и этой новой партіи не удастся проложить себѣ путь къ сердцу англійскихъ рабочихъ массъ. Рабочая же партія, при всѣхъ ея недостаткахъ, представляетъ, по его мнѣнію, зародышъ, изъ котораго, подъ вліяніемъ жизненнаго опыта, можетъ развиться настоящая современная рабочая партія, способная сочетать близость къ массамъ съ опредѣленно выдержанной тактикой въ духѣ соціальной демократіи. Хулителямъ политической дѣятельности пролетаріата авторъ показываетъ, что за свое кратковременное существовавніе эта рабочая партія уже успѣла много сдѣлать для рабочаго класса и двинуть впередъ даже буржуазную демократію. Здѣсь авторъ невольно впадаетъ, быть-можетъ, въ нѣсколько излишній оптимизмъ.

Само собою разумѣется, что на протяженіи немногихъ страницъ совершенно немыслимо изложить хотя бы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ богатое содержаніе такого изслѣдованія, какъ книга Беера. Скажемъ лишь, что знакомство съ нею обязательно для всякаго, кто интересуется не только соціализмомъ, но и вообще соціальной жизнью новѣйшей Англіи. Весьма желательно было бы появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ.

Ю. Стекловъ.

Философія Бергсона въ популярномъ изложеніи Г. Уильдона Карра. Пер. И. Румеръ, Москва, 1913 г., 61 стр. Цѣна 30 к.

Появленіе популярнаго изложенія философіи Бергсона на русскомъ языкѣ можетъ быть оправдано. Философія Бергсона сразу трудно усвояется; товарищъ Бергсона по университету Ле-Дантекъ говоритъ даже, что онъ до тѣхъ поръ не въ состояніи будетъ разобраться въ произведеніяхъ Бергсона, пока какой-нибудь «переводчикъ» не переложитъ труды Бергсона на болѣе простой языкъ (Science et Conscience, p. 217). Такіе «гиды» къ Бергсону имѣются двухъ родовъ: одни собираютъ наиболѣе легкія и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе оригинальные отрывки изъ сочиненій его и располагаютъ ихъ въ извѣстной системѣ. Таковы, напр., работа René Gillouin'a («Henri Bergson, choix de texte avec etude du système philosophique). Другіе даютъ популярное переложеніе ученій мыслителя; такова книжка Уил. Карра. Оба способа имѣютъ свои удобства и неудобства. При выборѣ отрывковъ часто оказываются

значительные пробѣлы по тому или иному вопросу, зато полная гарантія въ точности; вторымъ же путемъ можно погрѣшить въ правильности изложенія мыслей. Трудъ Уил. Карра въ этомъ, за очень малыми исключеніями, не погрѣшаетъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на русскомъ языкѣ имѣется подобный трудъ: это двѣ статьи Бор. Бобынина (напечат. въ «Вопросахъ философіи и психологіи» за 1911 г.; 108 и 109 кн.) и должно признать, что эти послѣднія гораздо ближе подходятъ къ изученію міросозерцанія философа, чѣмъ изложеніе Уил. Карра. У Бобынина, кромѣ трехъ главныхъ трудовъ Бергсона, использована и значительная часть его мелкихъ статей и отдѣльныхъ докладовъ. Карръ ведетъ изложеніе болѣе примитивно, въ общихъ чертахъ и менѣе точно. Есть нѣкоторыя ошибки: напр., никакъ нельзя влагать въ уста Бергсона сужденіе, что движеніе творческой воли стремится къ цѣли (стр. 57). Многіе центральные вопросы обойдены молчаніемъ (какъ, напр., проблема измѣримости психическихъ явленій). Не поставленъ Бергсонъ и въ историческую связь съ другими философами, что, несомнѣнно, облегчило бы его пониманіе. При наличности упомянутаго русскаго труда книга Карра не вноситъ ничего принципіально новаго; существуютъ монографіи о Бергсонѣ на иностранныхъ языкахъ, и нетрудныя и ближе изслѣдующія элементы міросозерцанія философа (хотя бы трудъ Albert Steenbergen'a «Henri Bergsons intuitive Philosophie»). Но во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать появленія на книжномъ рынкѣ перевода новаго научнаго труда, позволяющаго лицамъ и неимѣющимъ философскаго образованія познакомиться съ мыслителемъ, о которомъ такъ много говорятъ за послѣднее время.

П. Поповъ.

Tadeusz Korzon. «*Dzieje wojen i wojskowos'ci w Polsce*» T. I—III. Kraków. Akademia Umie jętus'. 1912.

Новый трудъ маститаго польскаго историка Тадеуша Корзона. представляетъ *первую полную* военную исторію Польши, основанную на тщательномъ критическомъ изслѣдованіи первоисточниковъ и громадной печатной литературы. На широкомъ историческомъ фонѣ, въ нераздѣльной связи съ общимъ ходомъ политической и общественной жизни Польши, Корзонъ рисуетъ здѣсь военныя дѣйствія поляковъ отъ зари и до заката ихъ государственной жизни, исправляетъ рядъ ошибокъ и погрѣшностей, укоренившихся въ польской исторической наукѣ, и сообщаетъ свѣдѣнія о войнахъ, которыхъ польская исторіографія еще не коснулась и о существованіи которыхъ даже не знала. Первый томъ своего труда авторъ посвящаетъ военнымъ усиліямъ королей изъ династіи Пястовъ, направленнымъ къ созданію изъ объединенныхъ славянскихъ племенъ оплота противъ заливавшей ихъ нѣмецкой волны и къ защитѣ европейской цивилизаціи отъ угрожавшихъ ей азіатскихъ ордъ; тутъ же онъ излагалъ войны Ягеллоновъ, удѣляя особенное вниманіе борьбѣ съ крестоносцами и представляя въ новомъ освѣщеніи знаменитую Грюнвальденскую битву 15 іюля 1410 г., остановившую на четыре столѣтія дальнѣйшій напоръ германскихъ племенъ на исконныя славянскія земли и открывшую славянскому востоку свободные пути къ западной культурѣ. Второй томъ разбираемаго труда обнимаетъ время Стефана Баторія и эпоху «знаменитыхъ гетмановъ», Замойскаго, Ходкевича, Жолкевскаго, Конецпольскаго и др. Для русскаго историка эта часть сочиненія Корзона представляетъ, быть-можетъ, наибольшій

интересъ, такъ какъ въ ней излагаются попытки практическаго осуществленія той идеи династической и церковной уніи между Литовско-польскимъ и Московскимъ государствами, которая такъ долго занимала виднѣйшихъ польскихъ дѣятелей и привела къ Димитріадамъ, къ походу Сигизмунда III подъ Смоленскъ и къ избранію Владислава на московскій престолъ. Третій томъ посвященъ «разрушенію шляхетскаго военнаго дѣла» (1700 — 1764) и войнамъ, предшествовавшимъ окончательному раздѣлу Польши. Здѣсь въ части, касающейся возстанія 1794 г., авторъ повторяетъ свои взгляды на военную дѣятельность Костюшки, хорошо знакомые читателямъ болѣе раннихъ его трудовъ, «Внутренней исторіи Польши въ царствованіе Станислава Августа» и «Біографіи Костюшки», и неоднократно вызывавшіе возраженія со стороны польскихъ критиковъ, которые, сходясь съ Корзономъ въ оцѣнкѣ благороднѣйшихъ стремленій этого національнаго польскаго героя, оспаривають, однако, его военный геній. Цѣннымъ дополненіемъ къ обильно иллюстрированному и снабженному прекрасной картой труда Корзона являются принадлежащія историку польскаго военнаго дѣла Брониславу Гембаржевскому главы, посвященныя вооруженію польскихъ войскъ, роду оружія, польскимъ легіонамъ и войскамъ великаго герцогства Варшавскаго (1806 — 1814) и Царства Польскаго (1815 — 1830). Новое сочиненіе Корзона, удовлетворяющее насущнымъ нуждамъ исторической науки, встрѣчено въ серьезныхъ кругахъ читающаго общества съ тѣмъ же вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ, который сопровождалъ и другія работы этого ученаго: вышедшее въ 1912 г., оно уже къ началу текущаго года успѣло стать библіографическою рѣдкостью.

И. Рябининъ.

Инна Любименко. «Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей». Выпускъ I—XVI вѣкъ. Напечатано на средства Министерства Торговли и Промышленности. Юрьевъ 1912 г. Ц. 1 р., стр. 192. Вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ книги г-жи Любименко представляетъ часть задуманнаго авторомъ большого труда, «который долженъ охватить исторію торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей съ самаго ихъ возникновенія до нашихъ дней». Изъ этого перваго выпуска, охватывающаго только XVI вѣкъ, видно, что авторъ относится къ своей широкой темѣ и съ достаточной глубиной и серьезностью. Не говоря уже о томъ, что ему извѣстна въ достаточномъ объемѣ и русская и иностранная литература вопроса, особую цѣнность его труду придаетъ широкое знакомство съ архивными матеріалами. Г-жа Любименко использовала лондонскіе архивы Public Recored Office и British Museum, архивъ Бодлеенской библіотеки въ Оксфордѣ и архивъ лондонской ратуши; изъ русскихъ рукописныхъ фондовъ ею внимательно изучены англійскія книги и англійскія дѣла, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и 33-й томъ рукописей Гомеля, хранящихся въ Рукописномъ отдѣленіи императорской Академіи Наукъ, гдѣ удалось найти много копій, снятыхъ въ англійскихъ архивахъ, оригиналы которыхъ въ этихъ архивахъ автору отыскать не удалось. Пользованіе этимъ матеріаломъ дало автору возможность пересмотрѣть заново нѣкоторые вопросы, связанные съ исторіей «Московской компаніи», и широко освѣтить ея дѣятельность въ Россіи. Наиболѣе интересные изъ неизданныхъ архивныхъ документовъ (всего 27 №№) опубликованы авторомъ въ Приложеніи (стр. 139—187).

Главное мѣсто въ первомъ выпускѣ занимаетъ описаніе возникновенія, организаціи и внутреннихъ дѣлъ въ самой «Московской компаніи»; положеніе англійскихъ купцовъ въ Россіи, ихъ столкновенія съ прави-

тельствомъ и съ русскимъ населеніемъ очерчены сравнительно сжато и неполно. Такое распредѣленіе матеріала находитъ, впрочемъ, свое оправданіе въ томъ, что послѣдніе вопросы въ русской исторической литературѣ выяснены съ достаточной полнотой, и автору пришлось бы, при болѣе детальномъ изложеніи, невольно повторять общеизвѣстные факты. Изложеніе же судьбы «Московской компаніи» во многихъ отношеніяхъ является новостью для русскаго читателя. Такъ, напримѣръ, очень важны указанія автора на разстройство дѣлъ этой компаніи къ концу XVI в. вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, что проливаетъ нѣсколько иной свѣтъ на ухудшеніе отношеній московскаго правительства къ этой компаніи, чѣмъ обычное указаніе на стремленіе избѣгнуть монополіи англичанъ. Не менѣе интересны и подчеркнутые авторомъ злоупотребленія компанейскихъ агентовъ и слугъ, отвѣтственность за которыя падала на компанію и дискредитировала ее въ глазахъ московскаго правительства. Въ общемъ изъ книги г-жи Любименко читатель получаетъ вполнѣ ясное представленіе о томъ, что представляла изъ себя англійская «Московская компанія», сыгравшая столь видную роль въ сношеніяхъ Россіи съ Зап. Европой. Въ заключеніе своей работы авторъ останавливается на вопросѣ о значеніи для Россіи сношенія съ первой англійской компаніей. Въ противоположность мнѣнію нѣкоторыхъ русскихъ историковъ, г-жа Любименко настаиваетъ на томъ, что англичане вовсе не эксплуатировали Россіи, ничего ей взамѣнъ не давая. Она подчеркиваетъ и слѣдующее: во-первыхъ, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій торговля съ Россіей далеко не давала англійской компаніи тѣхъ выгодъ, которыхъ отъ нея первоначально ожидали, во-вторыхъ, политика московскихъ государей, проявившихъ въ сношеніяхъ съ Западомъ большое дипломатическое чутье, разрушила мечты англичанъ о монопольной торговлѣ въ Россіи, и, наконецъ, Россія извлекла, несомнѣнно, огромную пользу для себя въ сближеніи съ англичанами, тѣмъ болѣе значительную, что это сближеніе совпало по времени съ стремленіями самаго московскаго правительства къ сближенію съ западными государствами.

Въ предисловіи къ книгѣ авторъ оговаривается, что работа его касается «исключительно отношеній торговыхъ между Россіей и Англіей» предполагая посвятить дипломатическимъ сношеніямъ обѣихъ державъ за это время особое изслѣдованіе. Такое разграниченіе матеріала имѣетъ, конечно, свои удобства для автора, но, въ особенности для XVI вѣка, врядъ ли допустимо: торговыя и дипломатическія сношенія были тѣсно связаны между собой, можно даже сказать, что чисто дипломатическихъ сношеній вовсе и не было, и всѣ сношенія сводились къ выясненію вопросовъ торговыхъ, если не считать сватовства Грознаго. Оба правительства, и русское и англійское, были въ равной мѣрѣ заинтересованы въ этой торговлѣ, на что правильно указываетъ и авторъ, и эти торговые интересы составляли сущность и основу всѣхъ переговоровъ. Выдѣленіе дипломатическихъ сношеній въ особую работу, думается намъ, только излишне сузило матеріалъ автора для описанія торговыхъ сношеній.

А. М. Гнѣвушевъ.

Вл. Эрнъ. Григорій Саввичъ Сковорода. Жизнь и ученіе. Книгоиздательство «Путь». М. 1912 г. Стр. 342. Ц. 2 р.

Г. С. Сковорода. Собраніе сочиненій. Т. I. Съ замѣтками и примѣчаніями Владимира Бончъ-Бруевича. СПБ. 1912 г. Стр. 543. Ц. 4 р.

Стоя подъ знаменемъ религіозно-философскаго идеализма, болѣе тѣснымъ образомъ примыкая къ Владимиру Соловьеву, во многомъ родствен-

ное раннему славянофильству, книгоиздательство «Путь» представляетъ собою голосъ наиболѣе культурнаго отвѣтвленія нашей религіозной мысли, нашего богоискательства. Книгоиздательство уже выпустило въ свѣтъ рядъ цѣнныхъ переводовъ и оригинальныхъ произведеній, изъ которыхъ укажемъ «Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго», М. Гершензона «Жизнь В. С. Печерина», сборники статей Л. М. Лопатина, С. Н. Булгакова и др.

Большой и широкій интересъ должна была бы представить и серія «Русскіе мыслители», въ составъ которой вошла монографія Эрна о Сковородѣ. Къ сожалѣнію, счастливая тема оказалась не столь удачливой въ своемъ выполненіи. Въ этой работѣ налицо всѣ слабыя стороны «кружковой» психики: горделивая притязательность избранныхъ, догматизмъ, отвлеченность, созерцаніе вмѣсто дѣйствія, мысль вмѣсто жизни... Въ этомъ отношеніи вводная глава, задающая тонъ всей книгѣ, особенно выразительна: ни на Западѣ ни въ Россіи, утверждаетъ г. Эрнъ, не существуетъ сколько-нибудь разработанной теоріи историческаго познанія; мы сами должны создать ее... И вотъ на нѣсколькихъ страничкахъ *создается* эта новая теорія, въ которой читатель безъ труда узнаетъ старую, давно изжеванную антитезу Запада и Востока, ratio и логоса. И конечно, не Западу слить враждующія начала; ихъ свободная встрѣча и синетезъ — удѣлъ Россіи, такъ какъ именно Россія занимаетъ «умопостигаемое» среднее мѣсто въ средѣ временъ и пространствъ, между ново-европейскимъ раціонализмомъ и восточно-христіанскимъ логизмомъ. Въ эту міровую тяжбу втягивается и бѣдный украинскій «Діогенъ и вмѣстѣ Сократъ», какъ называлъ Лабзинъ Сковороду («Сіон. Вѣстн.», ч. III, 1806 г., стр. 157). Но и этого мало; автору нужно метафизически обосновать самого Сковороду, и «проблема возможности Сковороды» съ большой легкостью разрѣшается въ прологѣ на небесахъ. Эта мистика божественнаго предопредѣленія, примѣненная къ частному случаю явленія Сковороды, звучитъ (разумѣется, противъ воли автора), какъ злая пародія на извѣстные пріемы ортодоксальной догматики.

Для религіознаго человѣка вполнѣ понятна мысль, что въ каждомъ смертномъ есть «нѣчто безсмертное, вѣчное, |

«Нѣчто, сквозь міръ сей вещественный,
Дальше и глубже глядящее».

Но, когда авторъ начинаетъ доказывать, что «не случайно душа Сковороды облеклась въ тѣло простолюдина-малоросса начала XVIII в.»— онъ явно философски безтактенъ. Въ своихъ безкрылыхъ метафизическихъ взлетахъ г. Эрну удается, впрочемъ, одно—оторвать живого человѣка отъ земли, и мы, дѣйствительно, не видимъ, какъ вырабатывался характеръ Сковороды, подъ какими воздѣйствіями слагалась его своеобразное міровоззрѣніе, какія живыя нити связывали его съ современностью, дѣлали его въ опредѣленной средѣ такимъ нужнымъ и популярнымъ. Да и что можетъ дать земная жизнь тому, чья душа готовой вышла изъ «нѣдръ космической жизни, понимаемой по концепціи св. Максима Исповѣдника, какъ откровеніе божественнаго Логоса?»

Поэтому авторъ не придаетъ значенія восьмилѣтнему (а не шестилѣтнему, какъ онъ говоритъ) пребыванію С. въ Кіевской Академіи, гдѣ, однако, С. былъ, несомнѣнно, слушателемъ философскаго курса Георгія Конисскаго, основную моральную точку зрѣнія котораго и усвоилъ. То же и съ заграничной поѣздкой С., съ полученными отъ нея впечатлѣніями, съ вліяніями западно-европейской мысли, въ частности мысли мистической (напр., Бема)— все это пренебрегается и не прибавляетъ жи-

зненныхъ красокъ къ малокровному, однотонному рисунку г. Эрна. Далѣе авторъ хотя и говоритъ объ этомъ, но, видимо, не чувствуетъ въ личности С. его живой, почти огненной динамики, которая зажигала на разстояніи: не даромъ Ковалинскій писалъ своему наставнику, что одинъ «видъ начертанныхъ Сковородою писемъ возбуждаетъ въ немъ огонь». Сковорода, несомнѣнно, остро чувствовалъ неправду жизни; видѣлъ, какъ «шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаяніемъ»; ненавидѣлъ «коршуновъ и хищниковъ» и презиралъ «летучихъ мышей съ ихъ мракомъ», ему казалось смѣшной «барская умность, будто простой народъ есть черный», — и онъ, конечно, не молчалъ, какъ тѣ «наставники, пасущіе Израиля», которые не пробуждали спящій міръ, а только еще одобрительно «поглаживали»; онъ умѣлъ, когда нужно, говорить безъ «пріятной завѣсы скромности и ласковости» и на соблазны монаховъ дать рѣзкій отпоръ: «развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число фарисеевъ?» Взирая sub specie aeternitatis, Эрнъ сглаживаетъ эти острые углы въ многогранной натурѣ С., онъ упорно перелицовываетъ его въ чистаго религіознаго созерцателя, онъ заднимъ числомъ примиряетъ его съ церковью и въ такомъ исправленномъ и очищенномъ видѣ возноситъ на вершины философской мысли. «Въ Сковородѣ,—говоритъ онъ,—проводится божественнымъ плугомъ *первая* борозда...» и даже болѣе: «Сковорода первый снимается съ насиженныхъ мѣстъ ново-европейской исторіи...» Что касается въ частности православно - апологетическаго усердія г. Эрна по отношенію къ Сковородѣ, несмотря на его явный пантеизмъ, оригинальныя воззрѣнія на Христа и несомнѣнное отдаленіе отъ церкви, то и это рвеніе, помимо его полной неумѣстности, нужно признать совершенно недостигающимъ своей цѣли. По крайней мѣрѣ, намъ невольно припоминались по этому случаю слова одного почившаго православнаго іерарха: «...Я читалъ и перечитывалъ всего Шопенгауэра!—писалъ онъ.—Боже мой, насколько великая душа этого атеиста ближе подходила къ христіанству, чѣмъ наши доморощеные философы, кричащіе, повидимому, о Христѣ и православіи. Самыя его ошибки въ милліонъ разъ лучше приводятъ ко Христу, чѣмъ вся эта мелкопомѣстная куриная болтовня нашихъ quasi христіанскихъ философовъ...»

Мы убѣждены, что издательству слѣдуетъ отказаться отъ такого типа монографій, какъ работа г. Эрна, и взять за образецъ книгу М. О. Гершензона «Жизнь Печерина», гдѣ въ обстоятельномъ и живописномъ изложеніи такъ гармонично уравновѣшивается строгая правдивость съ любовнымъ отношеніемъ къ своему предмету. За вычетомъ ложнаго метода, такъ неисправимо портящаго книгу г. Эрна, мы могли бы признать въ ней съ любовью и знаніемъ дѣла подобранную хрестоматію изъ писаній Сковороды; въ этомъ смыслѣ она все-таки можетъ быть полезной подготовительной ступенью къ непосредственному изученію сочиненій Сковороды. Тому, кто пожелалъ бы приступить къ таковому изученію, мы рекомендуемъ обратиться къ прекрасному изданію Бончъ-Бруевича. Читатель найдетъ въ немъ «Жизнь Григорія Сковороды» М. И. Ковалинскаго, драгоцѣнный документъ того времени, обвѣянный впечатлѣніями прямого соприкосновенія съ личностью С., какъ учителя жизни, и всѣ оригинальныя прозаическія произведенія С. съ тщательно провѣреннымъ по рукописямъ текстомъ. Читать С. серьезное и трудное дѣло; сквозь чащу символовъ нелегко добраться до заключенныхъ въ нихъ мыслей; однако эти мысли нашли себѣ откликъ въ тайникахъ взыскующей Бога народной души, и для пониманія богомыслія русскаго сектантства изученіе твореній С. необходимо. Трогательная подробность изданія: средства на него, изъ небольшого личнаго достатка, были даны простымъ человѣкомъ, котораго

душа томилась тѣми же вопросами о смыслѣ жизни, о которыхъ всю жизнь думалъ украинскій мудрецъ.

Н. Сидоровъ.

Пасынки военной службы (матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи) А. В. Жиркевича. Вильна 1912 г. Ц. 1 р. 75 к.

А. В. Жиркевичъ слишкомъ скромно озаглавилъ свой обширный (слишкомъ 500 стр.) трудъ матеріалами къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи, такъ какъ онъ смѣло могъ бы быть названъ матеріалами къ исторіи военнаго суда и военнаго права въ Россіи за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Книга г. Жиркевича интересна уже потому, что она касается областей русской дѣйствительности и среды, о которыхъ вслѣдствіе цензурныхъ и др. условій проникаетъ очень мало свѣдѣній въ общую печать. Интересъ къ книгѣ усугубляется тѣмъ, что авторъ хорошо знакомъ съ предметомъ, самъ принадлежа къ той средѣ, которую описываетъ.

Книга г. Жиркевича можетъ быть по содержанію раздѣлена на три части. Первая изъ нихъ касается карательныхъ учрежденій военнаго вѣдомства, преимущественно общихъ (главныхъ гарнизонныхъ) гауптвахтъ. О другихъ карательныхъ учрежденіяхъ упоминается мелькомъ.

Выводы изъ своихъ наблюденій и работъ въ комиссіяхъ авторъ резюмируетъ фразой «матеріалы раскрыли... такія язвы дѣйствительности по отношенію къ нравственной сторонѣ режима заведеній, обнаружили такіе типы военныхъ тюремщиковъ, такіе обычаи и традиціи, отъ которыхъ волосы на головѣ нормальнаго человѣка могли стать дыбомъ...» Въ личныхъ служебныхъ воспоминаніяхъ автора приводится очень характерный типъ «директрисы» — начальника одного изъ карательныхъ заведеній (очевидно дисциплинарнаго батальона), прозваннаго такъ офицерствомъ за его елейность и.... жестокость. При посѣщеніяхъ его «института», блиставшаго внѣшнимъ порядкомъ и украшеннаго иконами и лампадами, автору постоянно приходилось натыкаться на сцены унизительныхъ тѣлесныхъ осмотровъ, тѣлесныхъ наказаній заключенныхъ, обращавшихся въ длящуюся въ утонченную казнь и пытку», «въ образцовомъ лазаретѣ» видѣть «варварски наказанныхъ розгами, лежащихъ вверхъ спинами, въ неестественныхъ позахъ, съ искаженными озлобленными лицами». Здѣсь нужно напомнить, что варварскій пережитокъ — наказаніе нижнихъ чиновъ розгами, уничтоженный для всей арміи со времени Японской войны, сохраненъ въ карательныхъ заведеніяхъ, военныхъ тюрьмахъ и дисциплинарныхъ батальонахъ, такъ что до сихъ поръ люди, не лишенные «высокаго и священнаго званія воиновъ», продолжаютъ подвергаться поркѣ. Что касается до гарнизонныхъ гауптвахтъ, предназначенныхъ для арестованія подслѣдственныхъ и наказываемыхъ въ порядкѣ дисциплинарномъ властью начальниковъ нижнихъ чиновъ, то автору, съ первыхъ шаговъ его военно-судебной службы, пришлось встрѣтиться съ такими порядками въ этихъ «гробахъ повапленныхъ, имѣющихъ прошлое, но не имѣющихъ исторіи», что онъ всю остальную часть своей жизни почти всецѣло посвятилъ филантропической дѣятельности въ нихъ и «борьбѣ» съ начальствами, въ вѣдѣніи которыхъ они находились. Обратить на нихъ, наконецъ, вниманіе кого слѣдуетъ, добиться ихъ реорганизаціи на основахъ тюрьмовѣдѣнія, въ духѣ христіанской этики и, наконецъ, въ духѣ разумной дисциплины — главная цѣль автора при вы-

пускѣ имъ своей книги въ свѣтъ. Изъ послѣдней мы узнаемъ, что огромное большинство разсѣянныхъ по Россіи гарнизонныхъ гауптвахтъ представляютъ изъ себя кое-какъ приспособленныя зданія, неимовѣрно тѣсныя по числу заключенныхъ, старыя, сырыя, кишащія крысами и паразитами. Въ этихъ «гробахъ повапленныхъ», подчищенныхъ только снаружи и съ посыпанными пескомъ передъ ними чистенькими площадками, свалены въ одну кучу и арестованный за пустячный проступокъ унтеръ-офицеръ и тяжкій преступникъ, впредь до рѣшенія о немъ дѣла, и страдающій противоестественными пороками, и сектантъ, отказывающійся отъ военной службы въ силу религіозныхъ убѣжденій, и смертникъ, приговоренный къ висѣлицѣ или разстрѣлу, и съ дѣтской чистой душой солдатикъ отъ сохи, совершившій преступленіе противъ дисциплины въ безсознательно пьяномъ видѣ, и пр., и пр. Больные сифилисомъ и туберкулезомъ рядомъ съ здоровыми... Всѣ эти узники проводятъ время въ полной праздности, безъ движенія и воздуха, не видя ни врача ни священника. Напрасно стали бы утѣшаться непосвященные, что заключенія на гауптвахтахъ недолговременно, и число заключенныхъ не велико. Авторъ по личнымъ наблюденіямъ и съ цифрами въ рукахъ опровергаетъ эти успокоительныя мнѣнія и указываетъ на то, что заключеніе длится иногда годами, а заключенія на нѣсколько мѣсяцевъ—явленіе совершенно заурядное; на одной изъ гарнизонныхъ гауптвахтъ (Виленской) въ среднемъ ежедневно содержится 60 узниковъ, такъ что число ихъ во всей арміи исчисляется ежедневно, если не тысячами, то многими сотнями. Нечего говорить о томъ, какой прекрасной школой преступности являются гауптвахты и какое нравственно и физически тлетворное вліяніе онѣ вносятъ въ армію и населеніе.

Въ частяхъ книги, посвященныхъ военному суду, г. Жиркевичъ даетъ очень интересныя характеристики всего военно-судебнаго вѣдомства, его положенія, этики и настроеній и отдѣльныхъ лицъ этого вѣдомства. По окончаніи курса Военно-юридической академіи, авторъ вступилъ въ эту среду съ радостными надеждами и твердымъ желаніемъ провести въ жизнь Милютинскія военно-правовыя понятія и науку, которую онъ воспринялъ изъ академическихъ курсовъ. Очень скоро ему пришлось разочароваться. Военно-судебное вѣдомство стояло далеко отъ той высоты и самостоятельности, которыя предполагалъ для него его творецъ Милютинъ. Оно было элементомъ въ арміи почти чуждымъ и въ то же время зависимымъ отъ высшаго строевого начальства. Не говоря уже объ отдѣльныхъ отрицательныхъ типахъ военныхъ судей — карьеристовъ, безсердечныхъ и пр., дѣятельность большинства ихъ сводилась къ «фабрикаціи приговоровъ», при постановкѣ которыхъ имъ приходилось лавировать среди противорѣчивыхъ, очень часто безсмысленныхъ по своей жестокости рѣшеній главнаго военнаго суда, подчасъ считаться съ «видами» строевого начальства, воздѣйствовавшаго на нихъ черезъ подчиненныхъ ему временныхъ членовъ суда и др. способами. Личность подсудимаго въ большинствѣ случаевъ оставалась совершенно въ тѣни, какъ будто не о ней шла рѣчь. Но это были еще сравнительно незначительные дефекты въ отправленіи военнаго правосудія. Убѣжденіе и совѣсть судьи были все-таки въ вышеуказанныхъ предѣлахъ свободны. Другія времена наступили съ введеніемъ скорорѣшительныхъ судовъ и погруженіемъ военной юстиціи въ море «политики» При характеристикѣ этого времени у автора срываются сплошь и рядомъ такія фразы: «Могъ ли Милютин представить себѣ, что военно-судебное вѣдомство обезличенное, униженное, затравленное, сбитое съ истиннаго первоначальнаго пути, въ концѣ концовъ, очутится въ отношеніи извѣстнаго рода преступленій

на службѣ даже Министерства Внутреннихъ дѣлъ, что среди него созрѣютъ типы, ловящіе взоръ всякаго начальства». Въ то время законъ и совѣсть военныхъ судей и прокуроровъ были замѣнены явными и тайными инструкціями, циркулярами, а то и просто предписаніями по телеграфу изъ Петербурга. Неудивительно, что при такой обстановкѣ подняли головы и стали на виду такіе типы, которые въ другое время были бы незамѣтными и старались бы во всякомъ случаѣ таить глубоко внутри своего я свои таланты. Появились типы—судьи «спеціалиста», «набившаго себѣ руки на смертныхъ приговорахъ», судьи «сладострастника» смертной казни, находившаго возможнымъ еще глумленіе надъ тѣми, которыхъ онъ посылалъ на висѣлицу, судьи «доносчика», добивавшагося желательнаго ему «рѣшительнаго» состава суда доносами по начальству на временныхъ членовъ, судьи «неуча», пользовавшагося отмѣной права кассаціи, чтобы фабриковать смертные приговоры съ грубѣйшими юридическими ошибками... Всѣ эти явленія дѣйствительности и типы авторъ видѣлъ вблизи, съ нимъ не стѣснялись, какъ съ человѣкомъ своимъ, принадлежащимъ къ тому же вѣдомству. Опубликованіе этихъ свѣдѣній, какъ весьма цѣннаго историческаго матеріала для характеристики недавно пережитой Россіей мрачной эпохи «умиротворенія страны», несомнѣнно, составляетъ заслугу автора передъ исторической наукой.

Въ общемъ книга г. Жиркевича, поднимающая многіе бытовые вопросы, не можетъ пройти незамѣченной тѣми, кому о томъ вѣдать надлежитъ и интересующейся общественными и государственными явленіями широкой публикой и представляетъ собой, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ историческую литературу.

А. Кожевниковъ.

Славянскій мессіанизмъ и его западные источники. Juliusz Kleiner. Zygmunt Krasinski. Lwow. 1912. — А. С. Хомяковъ. *Н. А. Бердяева.* М. 1912).

«Идея свободно творящаго духа — основная идея всей *русской* философіи». «Стремленіе опереть міровоззрѣніе на свободной, неистребимой и творческой духовной единицѣ можетъ считаться ядромъ и самой выдающейся чертой *польской* философіи». Первая цитата взята мною изъ небольшой монографіи Н. А. Бердяева о Хомяковѣ, вторая — изъ большого двухтомнаго изслѣдованія о Красинскомъ, принадлежащаго польскому критику Ю. Клейнеру. Можно было бы провести цѣлый рядъ цитатъ изъ этихъ книгъ,—цитатъ, указывающихъ на разительное сходство между тѣмъ, въ чемъ Н. Бердяевъ видитъ своеобразную особенность «всякаго русскаго философствованія», и тѣмъ, что польскій историкъ считаетъ наиболѣе характерной чертой польскихъ философовъ-мессіанистовъ. Хомяковъ, въ которомъ Н. Бердяевъ видитъ родоначальника самобытной творческой русской философіи — «прагматистъ до всякаго прагматизма» «волюнтараетъ еще до того, какъ волюнтаризмъ вошелъ въ моду», но также волюнтаристами и прагматистами являются и польскій поэтъ-мыслитель Красинскій, и его другъ польскій философъ Цѣшковскій (Cieszkowski), съ которымъ Красинскій вмѣстѣ создавалъ философію мессіанизма. Цѣшковскій въ своемъ сочиненіи «Gott und die Palingenesie» (1843) такъ и опредѣляетъ свое міровоззрѣніе какъ «философію дѣйствія и жизни духа». Цѣшковскій и Красинскій, какъ и Хомяковъ, исходятъ изъ критики и переработки Гегеля, на мѣсто его *Разума* ставятъ волю, отвлеченному характеру гегелевскаго мышленія противопоставляютъ «цѣлостную жизнь духа», какъ источникъ истиннаго

знанія. Красинскій, какъ и Хомяковъ, религіозный мыслитель и свѣтскій богословъ», онъ пишетъ «трактатъ о св. Троицѣ. Конечно, онъ римскій католикъ и свое ученіе о Троицѣ строитъ согласно съ формулой римской, а не восточной Церкви, какъ Хомяковъ. Онъ полякъ и поэтому осуществленіе христіанскаго идеала въ жизни человѣчества возлагаетъ на польскій народъ, а не на русскій, какъ Хомяковъ; но это уже частности системы, что же касается основы ея, то это та же переработка Гегеля въ религіозно-прагматическомъ духѣ, что и у Хомякова. И если бы польскій историкъ слѣдовалъ методу Н. А. Бердяева, то указавъ на прагматическія и религіозныя теченія въ современной философіи, онъ могъ бы говорить подобно Н. А. Бердяеву: «Мы съ чувствомъ удовлетворенія можемъ сказать, что новѣйшія формы богословствованія и философствованія на Западѣ идутъ къ тому, что давно уже утверждали и развивали наши славянофилы» (Н. А. Бердяевъ, стр. 108). Но Ю. Клейнеръ вмѣсто того, чтобы предаваться чувству удовлетворенія, занялся болѣе плодотворнымъ дѣломъ—изслѣдованіемъ, насколько и въ старыхъ формахъ философствованія и богословствованія на Западѣ уже заключается то, что утверждали и развивали польскіе мессіанисты. И сопоставленіе идей послѣднихъ съ богатой философской, богословской, мистической и романтической литературой Германіи и Франціи 30-хъ и 40-хъ годовъ дѣлаетъ книгу Ю. Клейнера въ высшей степени цѣнной и интересной. Она богата именно тѣмъ, полнымъ отсутствіемъ чего страдаетъ монографія Н. А. Бердяева. Послѣдній исходитъ изъ непоколебимаго внутренняго убѣжденія въ оригинальности и самобытности философскихъ идей Хомякова и Кирѣевскаго, презрительно отмахивается отъ указаній и Пыпина и Вл. Соловьева на западные истоки славянофильскихъ идей, и не дѣлаетъ попытокъ удостовѣриться, не были ли и на Западѣ извѣстны идеи, которыя кажутся ему откровеніемъ у Хомякова (напр., мысль, что германская идеалистическая философія — продуктъ протестантизма). Правда, Н. А. Бердяевъ въ предисловіи оговаривается, что его работа — «не столько историческая, сколько филофско-систематическая, психологическая и критическая». Но и послѣ такой оговорки все же страннымъ кажется такое утвержденіе, какъ-то, что «въ Западной литературѣ лишь А. Тренделенбургъ далъ критику Гегеля, родственную критикѣ славянофильской» (стр. 120). Въ противоположность Н. А. Бердяеву Ю. Клейнеръ очень подробно останавливается на всѣхъ тѣхъ западныхъ источникахъ, изъ которыхъ черпали столь родственные Хомякову въ своихъ построеніяхъ Цѣшковскій и Красинскій. Здѣсь, конечно, на первомъ мѣстѣ стоятъ берлинскія лекціи Шеллинга, у котораго взято понятіе «органической и цѣлостной жизни духа» и вообще неошеллингіанская литература, затѣмъ Фихте съ его практическимъ идеализмомъ (Бердяевъ, замѣтимъ мимоходомъ, забываетъ, что если Хомяковъ былъ прагматистомъ до Бергсона и Джемса, то онъ былъ имъ послѣ Фихте, у котораго тоже есть элементы «философіи дѣйствія»). У Шеллинга польскіе мыслители взяли ученіе о Св. Троицѣ въ исторіи міра (царство Отца, царство Сына и царство Духа Св.), ученіе, игравшее очень важную роль въ мессіанистическихъ грезахъ польскихъ философовъ. На представленія объ этомъ царствѣ Св. Духа, наступленія котораго ждали польскіе мессіанисты, оказала вліяніе вообще религіозно-мистическая литература того времени, а также разныя магнетическія теоріи, предсказывающія возможность высшей одухотворенной тѣлесности, перехода и человѣчества и земли въ высшее состояніе (идеи Шуберта, Буше-де-Перта, Пельтана, Стоффельса). Въ особенности сильное вліяніе на Красинскаго оказала книга Стофельса о «воскресеніи».

(Résurrection par Charles Stoffels, Paris 1840), въ которой предсказывался близкій конецъ современнаго міра — «міра индивидуализма, деспотизма, войны и проституціи» и наступленіе царства Божія на землѣ. Этой вѣры въ конецъ современнаго міра и наступленіе новой эры, связанной не только историческимъ, но космическимъ переворотомъ, нѣтъ у Хомякова, но она роднитъ польскій мессіанизмъ съ мистикой Вл. Соловьева и съ міровоззрѣніемъ современнаго эпигона славянофильства Д. Мережковскаго. Роднитъ польскихъ мессіанистовъ съ русскими славянофилами и ученіе о національномъ духѣ, заимствованное изъ философіи Фихте-Гегеля.

Въ результатѣ этой комбинаціи системы Гегеля, Шеллинга, Фихте и разныхъ мистическихъ теорій получилась слѣдующая концепція міра и человѣчества Цѣшковскаго-Красинскаго. Противоположныя начала мышленія и бытія, души и тѣла примиряются въ высшемъ единствѣ духа, который проявляется въ волѣ и дѣйствіи. Этимъ тремъ началамъ отвѣчается и троичность Божества: Богъ-Отецъ — бытіе, Сынъ — душа «Логосъ» и Духъ Святый, объединяющій обоихъ.

Этой троицѣ отвѣчаютъ три эпохи въ жизни человѣчества: древность— это эпоха быта, христіанство, эпоха мысли. Будущее должно примирить бытъ и мысль; это будетъ эпоха духа и его проявленія, то-есть дѣйствія. Такое дѣленіе отвѣчаетъ платоновской троицѣ идеаловъ; древній міръ. (эпоха быта) достигъ высшаго предѣла совершенства матеріи *красоты*, вторая эпоха въ области мысли достигла *истины*, высшимъ выраженіемъ которой является гегелевская философія, третья будетъ дѣйствительнымъ достиженіемъ *добра;* этому опредѣленному дѣленію отвѣчаютъ и три ступени соціальнаго развитія: древній міръ усовершенствовалъ *право*, христіанскій міръ — *нравственность*, третья эпоха будетъ эпохой *христіанской общественности*, то-есть проникновенія началъ христіанской этики въ соціальныя и международныя отношенія. Это и будетъ царство Св. Духа, которое уже приближается. Христіанская эпоха кончается. Эту мысль Красинскій выразилъ въ поэтической формѣ въ своей «легендѣ», гдѣ мы видимъ, какъ человѣчество послѣдній разъ празднуетъ день Рождества Христова на землѣ, какъ рушится Ватиканъ, подъ развалинами котораго гибнетъ послѣдній папа, а въ небесахъ, какъ снѣгъ, таетъ образъ окровавленнаго Христа. Но конецъ христіанской эпохи у Красинскаго не значитъ конецъ Христа. Въ грядущемъ, т.-е. въ эпоху Духа Св. явится Христосъ въ настоящемъ видѣ—освобожденный и радостный, сіяющій, а не распятый. Въ одной изъ своихъ поэмъ Красинскій воспѣваетъ видѣніе этого новаго Христа: «Весь свѣтящійся онъ повисъ на вселазурномъ лонѣ Отца, и протянутыя руки свои погружаетъ въ алѣющую зарю новыхъ міровъ»... Къ этой зарѣ новыхъ міровъ ведетъ творческій трудъ національныхъ духовъ. И главная роль въ этомъ дѣлѣ пересозданія вселенной принадлежитъ духу того народа, мученическая судьба котораго болѣе всего напоминаютъ судьбу распятаго Христа. И въ представленіи Красинскаго такимъ народомъ, конечно, является польскій народъ, заживо погребенный. Силою воли и вѣры онъ долженъ побороть смерть, и когда онъ достигнетъ этого, то-есть воскреснетъ, тогда наступитъ освобожденіе, воскресеніе всего человѣчества, преображеніе земли въ высшее состояніе, земля съ небомъ сольется, наступитъ царство Божіе на землѣ, эра Духа Святаго. Мы видимъ, какъ похоже это на русскую славянофильскую мечту, что «въ Россіи прежде всего воспразднуется свѣтлый праздникъ Воскресенія». Еще Герценъ въ своемъ дневникѣ по поводу парижскихъ лекцій Мицкевича отмѣчалъ сходство польскаго мессіанизма съ русскимъ славяно-

фильствомъ. Но это сходство до сихъ поръ не сдѣлалось предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Есть работа краковскаго профессора М. Здѣховскаго, «Мессіанисты и славянофилы», но изъ русскихъ славянофиловъ онъ останавливается лишь на Хомяковѣ. Было бы въ высшей степени интересно прослѣдить въ цѣломъ и сопоставить судьбы двухъ славянскихъ мессіанистическихъ теченій, берущихъ начало у одного общаго источника — германской философіи.

Л. Козловскій.

Н. Н. Трубицынъ. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка (Очерки) СПБ. 1912 г.

По своей темѣ изслѣдованіе г. Трубицина для историка литературы и этнографіи представляетъ, безъ сомнѣнія, большой интересъ. Въ научной литературѣ уже есть труды подобнаго рода; укажемъ на извѣстную «Исторію русской этнографіи» ак. А. Н. Пыпина и «Начальный періодъ русскаго народничества» г. Богумила. Книга г. Трубицына, по указанію самого автора, «построена во многихъ своихъ частяхъ на данныхъ по исторіи русской этнографіи и предлагаетъ нѣсколько страницъ этой исторіи, писанныхъ въ болѣе мелкомъ, чѣмъ обыкновенномъ, масштабѣ». Но, съ другой стороны, по авторскому же замыслу, она является «изслѣдованіемъ судебъ литературной народности и простонародности соотвѣтствующаго періода и, такимъ образомъ, по постановкѣ вопроса значительно перерастаетъ поставленную въ заглавіи тему. Этимъ самымъ изслѣдованіе необычайно осложняется, особенно въ виду спорности и сложности вопроса о «народности». Въ книгѣ г. Трубицына мы не находимъ яснаго и точнаго опредѣленія понятій «народность» и «простонародность» какъ самихъ по себѣ, такъ и въ ихъ отношеніи къ народной словесности, а это, при указанномъ выше смѣшеніи двухъ различныхъ задачъ, приводитъ къ нежелательной сбивчивости въ сужденіяхъ автора.

При изученіи вопроса о «народности» г. Трубицынъ исходитъ изъ предвзятаго положенія, которое неизбѣжно превращается у него въ тенденцію; въ противовѣсъ слишкомъ «объевропеенному» толкованію народности въ литературѣ, разсматриваемой какъ явленіе больше книжнаго порядка, «слишкомъ литературное», онъ отстаиваетъ жизненность этого явленія, основаннаго на естественномъ тяготѣніи литературы и общества къ народности. Это естественное тяготѣніе обусловлено бытомъ, навыками, ощущеніями и «рядомъ съ этимъ велѣніями инстинкта народнаго». Эта интересная, въ сущности, задача, къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Трубицына является слишкомъ неубѣдительно разрѣшенной.

Въ первомъ своемъ очеркѣ «Власть бытового преданія» г. Трубицынъ опровергаетъ «установившееся въ русской исторической наукѣ положеніе о разрывѣ-расколѣ между образованнымъ обществомъ XVIII в. и народомъ, интеллигенціей и «низами». Интеллигентная личность, правда, разнилась отъ народа «міросозерцаніемъ, иными навыками мысли, иными вкусами, т.-е. тѣмъ, что было или пріобрѣтеніями ума или получалось въ связи съ ними». Но для г. Трубицына это не представляется «глубокимъ» различіемъ. По его мнѣнію, связь между образованнымъ классомъ и народомъ «бронировалась тѣмъ, что всегда играетъ громадную роль въ культурѣ — инстинктомъ, наглядное дѣйствіе котораго можно видѣть въ формѣ бытового преданія». Но при разсмотрѣніи этого бытового преданія авторъ незамѣтно для самого себя смѣшиваетъ понятіе образованнаго общества, а тѣмъ болѣе интеллигенціи, съ понятіемъ по-

мѣщичьяго класса, въ составъ котораго входило малокультурное дворянство, сохранявшее при общемъ патріархальномъ укладѣ жизни многія, сходныя съ простонародіемъ, привычки и склонности. Этимъ смѣшеніемъ понятій объясняются нерѣдкія противорѣчія въ сужденіяхъ г. Трубицына. Въ характеристикѣ бытового преданія въ сословныхъ «верхахъ» г. Трубицынъ, на ряду съ интересными указаніями на знакомство дворянства съ народными пѣснями, обычаями и обрядами, слишкомъ переоцѣниваетъ нѣкоторыя показанія своихъ источниковъ. Такъ, едва ли могутъ свидѣтельствовать объ единеніи «верховъ» съ народомъ участіе «господъ» въ традиціонныхъ катаніяхъ и народныхъ гуляніяхъ (такъ называемый «разъѣздъ»), мода на цыганскіе и русскіе хоры за обѣдами, или любимое барское развлеченіе — катаніе по Невѣ на шлюпкахъ подъ хоръ пѣвчихъ и роговую «охотничью» музыку. Еще менѣе о «народности» верховъ говорятъ придворные маскарады, которымъ, однако, г. Трубицынъ придаетъ немаловажное значеніе, какъ факту сохраненія бытового преданія. Данными, приводимыми авторомъ, вообще едва ли можно оправдать его мнѣніе, что «у многихъ баръ разбираемой эпохи было больше знанія и пониманія мужицкой жизни, чѣмъ у нѣкоторыхъ «народолюбцевъ» второй половины XIX вѣка».

Слѣдующіе очерки: «О пѣсни въ пѣніи», «О пѣсни въ обиходныхъ изданіяхъ первой трети XIX вѣка» представляютъ собою скорѣе опытъ весьма обширнаго библіографическаго указателя, чѣмъ историко-литературный очеркъ: настолько заполонены они перечнями однихъ голыхъ заглавій и маловыразительныхъ начальныхъ строкъ отдѣльныхъ пѣсенъ. Слѣдуетъ очень пожалѣть, что въ этомъ обширномъ перечнѣ народно-подражательныхъ пѣсенъ XVIII в. и первой трети XIX вѣка нѣтъ классификаціи и распредѣленія пѣсенъ по ихъ авторамъ, что, по крайней мѣрѣ, облегчало бы наведеніе справокъ. Общій выводъ автора о малочисленности и слабой народности пѣсенъ въ обиходныхъ изданіяхъ, которыя предназначались, между прочимъ, и для «благовоспитанныхъ» людей, стоитъ въ противорѣчіи съ заключеніями автора о власти и силѣ бытового преданія за этотъ періодъ.

Въ очеркѣ «Къ вопросу о судьбѣ народности въ общественномъ и литературномъ обиходѣ» авторъ дѣлаетъ попытку разобраться въ теоретическомъ вопросѣ о народности въ литературѣ. Тщательно подчеркивая свою мысль «объ естественномъ тяготѣніи къ народности», какъ главномъ факторѣ, направлявшемъ къ ней литературу, авторъ отрицаетъ значеніе въ этомъ случаѣ зап.-европейскихъ литературныхъ вліяній: Шекспира, Оссіана и особенно романтизма. Къ послѣднему г. Трубицынъ обращается нѣсколько разъ въ своей книгѣ, но существенныхъ доказательствъ, оправдывающихъ умаленіе его роли, не приводитъ, а многочисленныя цитаты, наоборотъ, ясно говорятъ о неразрывной связи сужденій о народности съ романтическими вліяніями.

Литературу и народную поэзію XIX вѣка г. Трубицынъ разбираетъ по двумъ періодамъ: 1) передъ толками о литературной народности и 2) между толками о литературной народности 20 и 30 годовъ. Чтеніе этихъ главъ, при обширности ихъ размѣровъ и при отсутствіи въ изложеніи и въ оглавленіи подраздѣленій, становится въ высшей степени затруднительнымъ. Читателю грозитъ опасность утонуть въ массѣ приводимыхъ авторомъ цитатъ и выписокъ. При характеристикѣ литературы и народности г. Трубицынъ останавливается на чисто формальной сторонѣ: приводитъ часто одно заглавіе или отдѣльное теоретическое сужденіе. Однако при всей массѣ выписокъ мы почти не встрѣчаемъ, даже когда дѣло идетъ о различіяхъ въ народно-подражательной поэзіи,

яркихъ характеризующихъ примѣровъ изъ самихъ поэтическихъ произведеній, а потому всѣ разсужденія автора остаются блѣдными и чисто внѣшними. Почти исключены изъ разсмотрѣнія соціальныя тенденціи народно-подражательной литературы, что, несомнѣнно, болѣе оттѣняло бы истинный характеръ подобнаго народничества. Отводя много мѣста исторіографіи, «имѣющей большое значеніе въ отношеніи національнаго самоопредѣленія», авторъ касается всего на одной страницѣ (изъ 600) общественной идеологіи начала XIX в., ея отношенія къ крестьянству. Въ вопросѣ о «націонализмѣ», который, по мнѣнію автора, «несмотря на различія мѣста, такъ сказать, приложенія, мало измѣнялся въ сущности своей», г. Трубицынъ слишкомъ много придаетъ вѣры истинному національному стимулу и совершенно не выдѣляетъ офиціальнаго націонализма и офиціальной народности. Въ разборѣ литературной критики 30-хъ годовъ дѣлается мало обоснованный укоръ въ доктринерствѣ цѣлому ряду критиковъ (Полевой, Надеждинъ, Бѣлинскій), говорившихъ о псевдо-народныхъ элементахъ современной имъ литературы. Въ изложеніи, скорѣе перечисленіи этнографическихъ интересовъ отдѣльныхъ дѣятелей науки и литературы, авторъ не стремится къ полнотѣ обозрѣнія «за неимѣніемъ сообщить о нихъ ничего новаго», а это, конечно, обезцѣниваетъ книгу г. Трубицына въ качествѣ библіографическаго указателя. Въ сужденіяхъ его о дѣятельности лицъ, нашедшихъ мѣсто въ книгѣ, также далеко не всегда встрѣчаемъ что-либо новое. Такъ, напр., въ довольно длинномъ отступленіи о собираніи Гоголемъ великорусскихъ пѣсенъ авторъ доказываетъ уже ранѣе высказанное въ печати утвержденіе, что гоголевское собраніе пѣсенъ основано, главнымъ образомъ, на печатныхъ пѣсенникахъ.

Малоудовлетворительная въ качествѣ историко-литературнаго изслѣдованія, несмотря на обиліе и большой интересъ отдѣльныхъ фактовъ, книга г. Трубицына не можетъ быть сочтена вполнѣ удачной и въ библіографическомъ отношеніи, въ виду несистематичности и неполноты обзора. Книга читается съ большимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что написана она на рѣдкость тяжелымъ, порой малопонятнымъ языкомъ, обильно уснащеннымъ при этомъ вычурными словечками, въ родѣ: «спрашливый», «броскій», «вчинатель». Въ сужденіяхъ же автора много неяснаго, спорнаго и даже тенденціознаго.

Борисъ Соколовъ.

Н. П. Кашинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. Томъ II. М. 1913. Стр. 420. Цѣна 2 р.

Второй томъ этюдовъ г. Кашина, въ отличіе отъ перваго, посвященнаго, главнымъ образомъ, вопросу объ источникахъ произведеній А. Н. Островскаго, знакомитъ насъ исключительно съ рукописнымъ наслѣдіемъ драматурга, хранящимся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Авторъ тщательно, зачастую съ той скрупулезностью, непосредственно за которой мѣсто уже фотографіи, описываетъ, или, употребляя его выраженіе, «разслѣдуетъ» рукописи одиннадцати произведеній Островскаго, слѣдитъ за исторіей ихъ печатнаго текста, устанавливаетъ редакціи. Нельзя сказать, чтобъ исторія текста всѣхъ одиннадцати произведеній была дана въ исчерпывающе полномъ видѣ: въ зависимости отъ матеріала, который находился въ распоряженіи г. Кашина, нѣкоторыя звенья, связывающія отдѣльные моменты работы драматурга, выпали, и только тогда, когда всѣ рукописи Островскаго будутъ доступны изслѣдователю, выяснится, можно ли эти звенья возстановить. И это касается

иногда очень значительныхъ произведеній Островскаго, напр., «Воспитанницы», «Свои люди — сочтемся». На ряду съ этимъ нельзя не отмѣтить, что въ стремленіи дать возможно полную картину работы Островскаго г. Кашинъ возстанавливаетъ неизвѣстное въ данное время звено тамъ, гдѣ едва ли позволяетъ это сдѣлать наличный матеріалъ. Такъ, врядъ ли можно говорить, что «*существуютъ*» три редакціи драмы «Не такъ живи какъ хочется», когда отъ первой редакціи въ данное время извѣстны лишь 1 явленіе да начало 2 явленія перваго акта и списокъ дѣйствующихъ лицъ.

Работа г. Кашина даетъ больше чѣмъ простое описаніе рукописей Островскаго; она знакомитъ насъ съ пріемами работы драматурга, уясняетъ многое въ исторіи созданія его типовъ и попутно даетъ интересныя подробности, драгоцѣнныя для изслѣдователя творчества Островскаго.

Для характеристики пріемовъ Островскаго, направленныхъ къ окончательной отдѣлкѣ и художественному уясненію типа, очень цѣнный матеріалъ даетъ рукопись «Банкрота» («Свои люди—сочтемся»), дополняющая извѣстную рукопись Семевскаго, напечатанную въ «Русской Старинѣ». Постепенная разработка мотива женитьбы Подхалюзина на хозяйской дочери,—мотива, выросшаго изъ неяснаго намека, послѣдовательное вытравленіе сентиментальныхъ черточекъ, совершенно не идущихъ къ облику Подхалюзина, подсказанное художественнымъ чутьемъ, устраненіе нѣкоторыхъ колоритныхъ, но нарушающихъ чувство мѣры бытовыхъ подробностей изъ образа Большова, усиленіе бытовыхъ чертъ въ обрисовкѣ женскихъ персонажей — все это близко знакомитъ насъ съ интимнымъ процессомъ творческой работы большого художника.

Еще при жизни Островскаго была отмѣчена эпичность многихъ его произведеній, давшая поводъ нѣкоторымъ критикамъ говорить даже о томъ, что его пьесы — не драмы, а застывшія картины быта и вызвавшія шутливое замѣчаніе гр. А. Толстого, что у Островскаго «выводятся люди, говорящіе о погодѣ и объ осетринѣ безъ всякой необходимости для движенія драмы». Искать ли причину этого въ самыхъ свойствахъ таланта Островскаго и, по слову Пушкина, «судить драматическаго писателя по законамъ, имъ самимъ надъ собою поставленнымъ», или, быть-можетъ, въ томъ, что бытъ, такъ всесторонне имъ изученный, давилъ его изобиліемъ матеріала, связывалъ развитіе драмы? Для освѣщенія этихъ вопросовъ изслѣдованіе г. Кашина даетъ много матеріала. Знакомясь съ рукописями, мы ясно видимъ, съ одной стороны, процессъ постепеннаго наслоенія бытовыхъ подробностей, которыя иногда дѣлаютъ менѣе подвижнымъ первоначальный остовъ пьесы, съ другой — упорную борьбу драматурга съ длиннотами, замедляющими развитіе драмы, замѣняющими динамику пьесы неподвижностью эпическихъ вставокъ.

Ап. Григорьевъ, восторженный поклонникъ Островскаго, опредѣляя его права на званіе «народнаго писателя», не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобъ охарактеризовать языкъ Островскаго, «цвѣтной, а не книжный, живой, органически-сложившійся тоже въ добрѣ и злѣ, въ коренномъ складѣ и городской порчѣ, въ столкновеніи съ цивилизаціей и въ нѣкоторой амальгамировкѣ съ нею—и богатый, и колоритный, и вмѣстѣ чудной языкъ». Этотъ языкъ стоилъ Островскому громадной, напряженной работы, которую онъ никогда не считалъ законченной. Какъ-то, прося Погодина прислать ему переписчика, онъ писалъ, что если самъ будетъ перебѣлять рукопись, то нескоро кончитъ, такъ какъ будетъ «по часу думать надъ каждой строкой, нельзя ли ее

какъ поправить». Эта сторона работы Островскаго превосходно освѣщается трудомъ г. Кашина, и изслѣдователь стиля Островскаго будетъ ему глубоко благодаренъ. Не касаясь подробностей, отмѣтимъ одну любопытную черту. Описанныя г. Кашинымъ рукописи даютъ основаніе заключать, что наибольшаго труда отъ Островскаго требовалъ языкъ тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя не принадлежали къ средѣ, обычно имъ изображаемой: Меричъ («Бѣдная невѣста»), Вихоревъ («Не въ свои сани не садись»), особенно Иванъ Ксенофонтовичъ («Въ чужомъ пиру похмелье»), который, по замыслу драматурга, долженъ былъ говорить языкомъ книжнымъ. Замѣтимъ кстати, что мы воздержались бы отъ какихъ бы то ни было выводовъ о языкѣ Островскаго изъ такихъ фактовъ какъ чередованіе въ рукописи и печатныхъ текстахъ «окны» и «окна», «ключикъ» и «ключокъ», «душа вспомнить» и «душу вспомнить», отсутствіе или присутствіе ударенія въ словѣ «быстрою». Вѣдь печатный текстъ показателенъ только при доказанности тщательной авторской корректуры.

Изучающій Островскаго, конечно, обратитъ вниманіе и на мелкіе штрихи, разсѣянные въ рукописяхъ, такъ тщательно описанныхъ г. Кашинымъ. Онъ отмѣтитъ, что Вихоревъ («Не въ свои сани не садись») первоначально носилъ фамилію Ганца или Вольфова, что, несомнѣнно, должно было сдѣлать болѣе рѣзкимъ контрастъ между нимъ, представителемъ наносной ложной культуры, и Русаковымъ, носителемъ исконныхъ русскихъ началъ. Не пройдутъ незамѣченными слѣды зависимости Островскаго отъ старой комедіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ указанія на борьбу его съ традиціонной драматической формой въ родѣ a parte или тѣмъ шаблоннымъ пріемомъ, когда два дѣйствующихъ лица, одновременно находящіяся на сценѣ, по волѣ автора не замѣчаютъ другъ друга. Наконецъ, пристальное вниманіе остановитъ на себѣ напечатанный въ приложеніи прозаическій отрывокъ Островскаго «Не сошлись характерами».

Появленіе перваго тома этюдовъ г. Кашина было сочувственно встрѣчено критикой, справедливо указавшей, что его работа ставитъ изученіе творчества Островскаго на строго научную почву. Второй томъ является достойнымъ продолженіемъ перваго, и намъ, вмѣстѣ со всѣми, кому дороги творенія славнаго драматурга, остается только пожелать, чтобы въ дальнѣйшемъ работа г. Кашина протекала въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ,—другими словами, пожелать, чтобы поскорѣе вышли изъ-подъ спуда столь ревниво охраняемыя теперь отъ постороннихъ глазъ бумаги и переписка Островскаго.

Н. Мендельсонъ.

Библіотека русскихъ критиковъ. I. Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей Иванова-Разумника. 3 тома. Изданіе второе. Спб. 1913 г. Цѣна за три тома 3 р. 50 к.

Изданіе это сразу заняло столь авторитетное положеніе среди другихъ аналогичныхъ изданій избранныхъ сочиненій Бѣлинскаго, что въ новой рекомендаціи не нуждается (ср. нашу замѣтку въ «Р. Вѣд.» 1911 г., № 57). Редакторъ внесъ еще нѣкоторыя улучшенія: исправилъ кое-какіе (къ сожалѣнію, не всѣ) частные недосмотры и многія мѣста въ біографическомъ очеркѣ и во вступительныхъ замѣткахъ пополнилъ ссылками на неопубликованныя письма Бѣлинскаго, которыми онъ уже пользовался въ своей недавно вышедшей книгѣ «Великія исканія. В. Г. Бѣлинскій».

П. Сакулинъ.

Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго. Томъ десятый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. Е. Колосова. Съ приложеніемъ вступительной статьи Н. С. Русанова, предметнаго систематическаго указателя ко всѣмъ сочиненіямъ Н. К. Михайловскаго, указателя литературы о немъ и краткаго именного указателя. Изданіе 2-ое Н. Н. Михайловскаго. СПБ. Тип. Стасюлевича. 1913.

Послѣднее изданіе сочиненій Н. К. Михайловскаго, вышедшее при его жизни (изд. «Русск. Богатства»), состояло, какъ извѣстно, изъ 6-ти томовъ (I томъ былъ еще разъ переизданъ). Остальное было размѣщено въ 2-хъ томахъ «Литературныхъ воспоминаній и современной смуты», 2-хъ томахъ «Откликовъ» и 2-хъ томахъ «Послѣднихъ сочиненій». Нынѣ «Литературныя воспоминанія» составили VII томъ собранія сочиненій, при переизданіи «Отклики» и «Послѣднія сочиненія» составляютъ томъ VIII и IX. Поэтому настоящій томъ, состоящій изъ статей, до сихъ поръ еще не собранныхъ и разсѣянныхъ по журналамъ, и считается «десятымъ». Содержаніе тома, въ силу его дополнительнаго характера, крайне разнообразно, и редакція изданія поступила вполнѣ основательно, распредѣливъ матеріалъ по нѣсколькимъ рубрикамъ. Правда, самый характеръ этихъ рубрикъ нѣсколько произволенъ и, можетъ-быть, напрасно редакторы совершенно почти игнорировали принципъ хронологіи. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ принятое редакціей распредѣленіе по рубрикамъ сильно облегчаетъ читателю оріентировку въ разнообразномъ матеріалѣ, вошедшемъ въ составъ X тома. Той же цѣли служитъ и вступительная статья Н. С. Русанова, отмѣчающая все наиболѣе значительное, и «библіографическія замѣтки» Е. Е. Колосова, весьма интересныя въ историко-литературномъ и методическомъ отношеніи. О цѣнности же самого содержанія тома можно судить по одному бѣглому перечисленію отдѣловъ. Сюда вошли прежде всего «общественно-политическія статьи и замѣтки», воспоминанія о В. Н. Фигнеръ; «Мое свиданіе съ В. К. фонъ Плеве», отрывки изъ заграничныхъ статей Михайловскаго, которыхъ, къ сожалѣнію, не удалось напечатать полностью (изданіе было первоначально конфисковано и поэтому теперь вышло уже «2-ое» съ сокращеніями и пропусками именно въ этомъ отдѣлѣ). Въ отдѣлѣ «Полемическихъ матеріаловъ» интересна упомянутая статья «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ» (отвѣтъ Л. З. Слонимскому), въ которой находится знаменитое мѣсто о «двуединой правдѣ». Среди остальныхъ статей выдѣляются «скандалъ въ Берлинскомъ университетѣ» (о Дюрингѣ), предисловіе къ книгѣ Милля «Подчиненность женщины», «Сила подражанія» (эскизъ къ «Героямъ и толпѣ» по поводу книги Уоллэса «Естественный подборъ») и мн. др. Группа «статей и замѣтокъ 1860-хъ годовъ» интересна тѣмъ, что даетъ возможность прослѣдить, какъ рано сложилось міросозерцаніе Михайловскаго. Вся вторая половина настоящаго тома (стр. 649 — 1148) заполнена журнальными рецензіями Михайловскаго и представляетъ собою драгоцѣнную груду матеріаловъ для изслѣдователей взглядовъ нашего знаменитаго соціолога и публициста. Вообще уже одинъ фактъ извлеченія изъ старыхъ журналовъ и систематическаго собранія всего написаннаго Михайловскимъ (собраніе это еще не закончено, готовится XI и заключительный томъ) свидѣтельствуетъ о трудолюбіи, преданности дѣлу и критико-библіографическихъ способностяхъ г. Е. Колосова; изданіемъ этого матеріала, несомнѣнно, оказана крупная услуга исторіи нашей литературы и общественности. Но г. Колосовъ даетъ не только сырой матеріалъ, онъ пытается его систематизировать въ предметномъ и именномъ указателяхъ (послѣдній, повидимому, появится при XI томѣ, пока изъ него напечатанъ лишь небольшой, но очень удачно выбранный отрывокъ).

Кромѣ того, редакторъ прилагаетъ указатель литературы о Михайловскомъ, составленный также съ изумительной тщательностью и полнотою, хотя не лишенный ошибокъ и нѣсколько подавляющій неопытнаго читателя своей безсистемной громадностью: г. Колосовъ включилъ въ «указатель литературы» и такія статьи, гдѣ лишь «по поводу» упоминается имя Михайловскаго и расположилъ его просто по алфавиту: пожалуй, слѣдовало бы и здѣсь ввести нѣкоторую группировку по степени важности. Что же касается предметнаго указателя, то г. Колосовъ самъ сознаетъ его недостатки, высказывая совершенно правильную мысль, что составленіе такого указателя должно бы было быть коллективной работой нѣсколькихъ спеціалистовъ. Г. Колосовъ тщательно изучилъ соціологію Михайловскаго и посвятилъ ей особую книгу, поэтому соціологическіе вопросы классифицированы въ его указателѣ чрезвычайно тщательно, вопросы же философіи и исторіи литературы распредѣлены лишь по самымъ широкимъ основнымъ рубрикамъ. Все же кое-что, думается, могъ бы легко улучшить и самъ Колосовъ: можно было бы, напр., разбить рубрику «Литературныя критики» на двѣ: принципы искусства и отзывы объ отдѣльныхъ писателяхъ (это, впрочемъ, отчасти сдѣлано), выдѣлить въ отдѣльную рубрику вопросы теоріи познанія или, напр., отношеніе Михайловскаго къ Конту и ортодоксальному позитивизму. Слѣдовало бы также отдѣлить важнѣйшіе взгляды Михайловскаго на вопросы политической экономіи и соціальной политики, отъ текущей публицистики, имѣющей чисто историческое значеніе. Совершенно недопустимо помѣщеніе рубрики «Новое искусство. Декаденты и символисты» (съ «дополненіями»: 1) Ницше и ницшеанцы; 2) Ибсенъ и Гауптманъ; Зола) въ подраздѣленіи отдѣла «Восьмидесятые годы. — Общественная реакція». Конечно, Михайловскій относился критически-сдержанно и къ Зола (который, кстати сказать, ужъ совсѣмъ по недоразумѣнію попалъ у г. Колосова въ эту рубрику), а къ Ницше и къ декадентамъ и совсѣмъ отрицательно, но даже ихъ онъ никогда не зачислялъ въ представители «общественной реакціи», не говоря уже объ Ибсенѣ, котораго цѣнилъ очень высоко. Къ тому же періодъ популярности у насъ большинства изъ перечисленныхъ писателей относится скорѣе къ 90-мъ годамъ, и увлеченіе ими, несомнѣнно, можетъ считаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ симптомомъ «пробужденія» (увлеченіе это раздѣляли, какъ извѣстно, и нѣкоторые марксисты). Но г. Колосовъ разсматриваетъ Михайловскаго (и въ «замѣткахъ» и въ своей отдѣльной книгѣ о немъ) *исключительно* какъ теоретика классовой борьбы и соціализма, затушевывая индивидуалистическіе мотивы его системы. Г. Колосовъ недостаточно считается со сложной эволюціей міровоззрѣнія Михайловскаго и не чуждъ наклонности къ призыву «назадъ къ идеаламъ 70-хъ годовъ», призыва, который наложилъ своеобразно-апологетическій отпечатокъ на всѣ его статьи и отдѣльную книгу о Михайловскомъ. Но всѣ эти недостатки не уменьшаютъ объективныхъ заслугъ Колосова, какъ составителя, указателя и редактора сочиненій Н. К. Михайловскаго. Будемъ надѣяться, что появленіе новыхъ томовъ оживитъ интересъ нашего общества къ крупной и своеобразной фигурѣ «властителя думъ» цѣлаго ряда поколѣній, сочиненія котораго, несомнѣнно, имѣютъ и громадное историческое значеніе и постоянную соціально-философскую цѣнность. *Александръ Гизетта.*

Собраніе сочиненій Н. Н. Златовратскаго. Изданіе Т-ва «Просвѣщеніе».

Восемь изящнаго формата томиковъ. Это — четвертое по счету, собраніе сочиненій покойнаго писателя; оно начало выходить подъ наблюденіемъ самого автора и продолжалось уже какъ посмертное. Въ

I томъ Н. Н. Златовратскій включилъ «Разсказы о дѣтяхъ освобожденія», касающіеся «освободительнаго періода шестидесятыхъ годовъ, съ ихъ переживаніями и настроеніями, въ сферѣ которыхъ органически зарождалась творческая дѣятельность автора». Въ дальнѣйшихъ томахъ размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ беллетристическія произведенія Николая Николаевича, а послѣдній томъ занятъ его работами преимущественно этнографическаго характера. Внѣшность изданія довольно пріятная. Жаль только, что нерѣдко встрѣчаются опечатки, а въ оглавленіи II тома пропущены цѣлыхъ два разсказа («Деревенскій король Лиръ» и «Горе стараго Кабана»). Къ I тому приложенъ недурной портретъ Н. Н. Златовратскаго (въ блузѣ), относящійся къ послѣднимъ годамъ его жизни.

Собраніе сочиненій Н. Н. Златовратскаго уже давно вышло изъ продажи, и мы привѣтствуемъ настоящее изданіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что и оно далеко не является полнымъ: сюда не вошли не только раннія произведенія Н. Н., но и нѣкоторыя изъ его произведеній зрѣлаго періода; здѣсь нѣтъ, напр., такихъ важныхъ его статей, какъ воспоминанія о Левитовѣ, Добролюбовѣ и пр. Разумѣется, думать о полномъ собраніи сочиненій въ ближайшее время невозможно, но безусловно желательно издать дополнительный томъ, включивъ въ него статьи, характеризующія народническое міровоззрѣніе Н. Н. Златовратскаго, въ томъ числѣ упомянутыя литературныя воспоминанія и тѣ «Три легенды», которыми мы воспользовались въ нашей статьѣ («Голосъ Минувшаго», № 1).

П. Сакулинъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. I. Гоголь. Изданіе четвертое, дополненное. Стр. 197. Ц. 1 р. Т. IV. Пушкинъ. Изданіе второе. Стр. 214. Ц. 1 р. Изданіе И. Л. Овсянико-Куликовской. Спб. 1912 г.

Обѣ монографіи Д. Н. Овсянико-Куликовскаго уже давно имѣютъ широкій и заслуженный успѣхъ. Въ книгѣ о Гоголѣ находимъ новый очеркъ «Къ душевной драмѣ Гоголя». Душевная драма Гоголя анализируется здѣсь въ связи съ общими особенностями его психологіи, съ «фактомъ его геніальности, понимаемой какъ великая сила, которая для невропатической организаціи поэта, склонной къ психозамъ, явилась бременемъ чрезмѣрнымъ. Душевная драма Гоголя была вмѣстѣ съ тѣмъ и великой трагедіей его творчества».

П. С.

Конст. Кузьминскій. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Москва. Книгоиздательство «Наука». 1912 г. Ц. 2 р.

Интересную задачу выполняетъ г. Кузьминскій въ своей новой книгѣ, монографіи, посвященной художнику А. А. Агину. Собрать біографическій матеріалъ относительно русскихъ рисовальщиковъ иллюстраторовъ, разыскать и разъяснить ихъ произведенія — такова въ сущности одна изъ очередныхъ задачъ для современнаго историка русскаго искусства. Первый выпускъ этого намѣченнаго авторомъ ряда монографій по исторіи иллюстраціи въ Россіи онъ посвятилъ творчеству П. М. Боклевскаго, во второмъ онъ выясняетъ жизнь, творчество и значеніе одного изъ самыхъ даровитыхъ русскихъ иллюстраторовъ 40-хъ годовъ А. А. Агина, извѣстнаго своими рисунками къ Ветхому завѣту, изданными С. Прянишниковымъ и А. Сапожниковымъ въ 1846 г., и особенно

замѣчательными рисунками къ «Мертвымъ Душамъ», впервые появившимся въ 1846—47 гг. и впослѣдствіи много разъ переизданными. Авторъ даетъ старательно собранныя біографическія свѣдѣнія о художникѣ, въ высшей степени цѣнныя для историка русскаго искусства перечисляетъ достовѣрныя произведенія Агина и приписываетъ ему рядъ работъ, отличающихся сходнымъ стилемъ. Выяснивъ какъ библіографъ исторію «Ста рисунковъ» Агина къ «Мертвымъ Душамъ», авторъ касается интереснаго вопроса о значеніи иллюстраціи въ исторіи живописи и приводитъ мѣткія слова Ѳ. И. Буслаева объ иллюстраціи какъ существенной задачѣ пластическихъ искусствъ, возникшей изъ потребности «облегчить отвлеченное слово нагляднымъ изображеніемъ». Давъ общую характеристику рисунковъ Агина къ Ветхому завѣту на основаніи отзыва въ отчетѣ Общества Поощренія Художниковъ, а рисунковъ къ «Мертвымъ Душамъ» по статьямъ критика В. Майкова и отмѣтивъ связь этого произведенія Агина съ новымъ зарождавшимся тогда въ русской живописи направленіемъ реализма, авторъ отмѣчаетъ сильное вліяніе Агина на послѣдующихъ иллюстраторовъ «Мертвыхъ Душъ», а также вліяніе сначала К. Брюллова, а затѣмъ французскихъ иллюстраторовъ первой половины XIX в. и особенно Gavarni на стиль самого Агина. Книга заключается указаніемъ на значеніе рисунковъ Агина для пониманія гоголевской Россіи. Изданіе по внѣшнему виду просто, но изящно, и украшено хорошо воспроизведенными рисунками. Книга читается легко и интересно и даетъ указанія, цѣнныя для библіографа. Можно только пожалѣть, что авторъ, такъ любовно и внимательно относящійся къ своей темѣ, въ вопросахъ собственно художественныхъ ограничивается только общими замѣчаніями, довольствуясь, главнымъ образомъ, мнѣніями современниковъ Агина о его работахъ. Вопросъ о значеніи иллюстраціи какъ подготовительнаго звена въ исторіи развитія реалистической живописи, о возможномъ вліяніи Агина на его современника П. А. Ѳедотова, о самомъ стилѣ рисунковъ къ «Мертвымъ Душамъ», и подробный разборъ хотя бы нѣсколькихъ изъ нихъ, — все это хотѣлось бы найти въ работѣ, посвященной творчеству Агина. Вѣдь только въ этомъ случаѣ можно выдѣлить элементъ французскаго вліянія и самобытныя черты таланта Агина и отмѣтить карикатурность его же иллюстрацій для журналовъ въ отличіе отъ тонко обдуманныхъ типовъ въ рисункахъ къ «Мертвымъ Душамъ»... Въ самомъ дѣлѣ, среди изящно-стильныхъ, слегка карикатурныхъ бѣглыхъ иллюстрацій того времени въ рисункахъ Агина къ «Мертвымъ Душамъ» поражаетъ болѣе всего глубокая серьезность его творчества, правдивость, смягченная чисто эстетическимъ началомъ стильности, и все же яркая, острая, страшная, порою возвышающаяся до трагическаго впечатлѣнія!

Н. Романовъ.

А. В. Морозовъ. Каталогъ моего собранія русскихъ гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ. Томъ I. А.—Г. Москва 1912 р. folio. VIII+372+VIII стр.+CXXXIX таблицъ-портретовъ.

Со времени появленія безсмертнаго труда Д. А. Ровинскаго—«Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», не было у насъ болѣе полнаго и интереснаго изданія по русской иконографіи, какъ каталогъ г. Морозова, владѣльца богатѣйшей коллекціи гравированныхъ портретовъ; о богатствѣ этаго собранія мы можемъ уже судить по первому тому, заключающему въ себѣ всего четыре буквы (А. Г.) съ описаніемъ портретовъ свыше 460 лицъ. Въ собраніи г. Морозова находится уникъ—

портретъ Бенигны Готлибъ Биронъ съ подписями и рѣдчайшіе портреты: Виніуса, Н. А. Бекетова (молодымъ), гр. М. И. Воронцова, гравир. И. И. Шуваловымъ, Христофора Бранта, кн. В. В. Голицина, гравиров. Тарасевичемъ, гр. Ф. В. Буксгевдена, кн. П. М. Голицына, гравирован. Радигомъ и др.

Въ своемъ каталогѣ г. Морозовъ дополняетъ описанія Ровинскаго указаніемъ другихъ состояній досокъ и отпечатковъ, не попавшихъ въ его словарь и вмѣстѣ съ этимъ описываетъ портреты неизвѣстные Ровинскому. Среди этихъ послѣднихъ мы можемъ назвать: митрополита Антонія Рафальскаго, вел. кн. Анны Петровны, двухъ кн. Барятинскихъ, Базилевскаго, гр. А. Р. Воронцова, Николая Витсена, Маріи Вильде, писателя Голишева, подполковника Головачева и др. Кромѣ этого, г. Морозовъ описываетъ портреты, вышедшіе послѣ составленія словаря, продолжая такимъ образомъ трудъ Ровинскаго; въ общемъ каталогъ г. Морозова можетъ почти считаться вторымъ дополненнымъ изданіемъ словаря Ровинскаго.

Въ каталогъ г. Морозова включены описанія нѣкоторыхъ чрезвычайно интересныхъ и рѣдкихъ литографированныхъ портретовъ, нигдѣ до настоящаго времени не описанныхъ, что вноситъ новую интересную страницу въ русскую иконографію. До сихъ поръ у насъ нѣтъ спеціальнаго словаря русскихъ литографированныхъ портретовъ, съ каждымъ годомъ портреты эти попадаются все рѣже и рѣже, камни, на которыхъ они были нарисованы, давно сошлифованы и исчезли, художественная литографія въ настоящее время, можно сказать, сошла со сцены и замѣнена болѣе дешевой — фототипіей, геліогравюрой, фотогравюрой, цинкотипіей и т. д., между тѣмъ старинныя оригинальныя литографіи, т.-е. исполненныя самими художниками прямо на камнѣ, будучи ближе къ рисунку, чѣмъ гравюры, по своей красотѣ, мягкости и изяществу ни въ чемъ имъ не уступаютъ.

Каталогъ г. Морозова снабженъ прекрасно исполненными въ мастерской А. И. Мея фототипіями, которыхъ во всемъ изданіи будетъ 1113. Являясь крайне необходимымъ для всѣхъ собирателей справочникомъ, каталогъ г. Морозова врядъ ли будетъ доступенъ большему ихъ числу, въ виду ограниченности выпускаемыхъ въ продажу экземпляровъ и высокой цѣнѣ, вполнѣ оправдываемой роскошью изданія.

В. Я. Адарюковъ.

Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка. Выпускъ 1-ый. Изданіе В. Ѳ. Саводника. Масонскіе труды И. В. Лопухина. I. Духовный Рыцарь. II. Нѣкоторыя черты о внутренней церкви. М. 1913 г. Стр. VI+62+72. Ц. 1 р. 50 к.

В. Ѳ. Саводникъ поставилъ себѣ цѣлью «собрать и подготовить матеріалы, необходимые для изученія дѣятельности той группы московскихъ масоновъ, которая объединялась вокругъ Шварца и Новикова и которая сыграла такую важную роль въ общемъ развитіи духовной жизни русскаго общества XVIII вѣка». Излишне говорить о важности такого изданія. На первую очередь издатель поставилъ масонскіе труды Ив. Вл. Лопухина, и этотъ выборъ нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ: Лопухинъ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ представителей русскаго масонства, принадлежитъ къ числу немногихъ, кто оставилъ послѣ себя самостоятельныя сочиненія по масонству. Его работы въ свое время цѣнились не только въ Россіи, но и за границей: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви» распространялись на французскомъ языкѣ

и дважды были переведены на нѣмецкій, при чемъ одинъ переводъ былъ сдѣланъ знаменитымъ Юнгомъ-Штиллингомъ; Эйальдъ, Юнгъ-Штиллингъ, Эккартсгаузенъ, и вообще нѣмецкіе масоны и мистики высоко ставили произведеніе Лопухина.

Изданіе В. Ѳ. Саводника выполнено прекрасно; книжка напечатана стильнымъ шрифтомъ; воспроизведенъ и масонскій рисунокъ, приложенный къ «Нѣкоторымъ чертамъ о внутренней церкви».

Будемъ ждать второго выпуска, въ который войдутъ другія сочиненія Лопухина, его автобіографія, письма и пр. вмѣстѣ съ примѣчаніями редактора и его статей о жизни и дѣятельности И. В. Лопухина.

П. Сакулинъ.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ шестой (іюль—декабрь 1707 г.). СПБ. 1912 г.

Въ 1872 г., годъ двухлѣтняго юбилея со дня рожденія Петра В., была образована комиссія для собранія и изданія его писемъ и бумагъ, въ составъ которой, подъ предсѣдательствомъ гр. Д. А. Толстого, вошли К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Ѳ. Бычковъ, Н. В. Калачовъ, Н. А. Поповъ, С. М. Соловьевъ и нѣкоторые другіе. Первые четыре тома изданы были подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова, на котораго было возложено веденіе всего дѣла; по смерти его въ 1899 г. редакція изданія была поручена члену-корреспонденту Академіи Наукъ И. А. Бычкову. Въ числѣ писемъ VI тома, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе очень нѣжныя посланія Петра В. къ кн. А. Д. Меншикову.

Изданіе исполнено съ величайшею тщательностью и обставлено самыми подробными примѣчаніями: на 211 страницахъ текста, которыя занимаютъ письма второго полугодія 1706 г., дано 400 страницъ примѣчаній. Въ концѣ присоединенъ подробнѣйшій указатель именъ личныхъ и географическихъ, а также и предметный.

Настоящее изданіе окажетъ существенное содѣйствіе дѣлу изученія Петровской эпохи.

В. С.

Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Изданіе *П. М. Раевскаго.* Редакція и примѣчанія *Б. Л. Модзалевскаго.* СПБ. 1912. 725 стр.

Въ настоящее изданіе вошли бумаги, хранившіяся въ семейномъ архивѣ потомковъ генерала Ник. Ник. Раевскаго, особенно прославившагося своими подвигами въ 1812 г. Къ сожалѣнію, очень интересная часть архива — переписка Ник. Ник. Раевскаго младшаго съ Пушкинымъ не сохранилась. Первый томъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1908 г., занятъ перепиской отъ 1791 по 1829 г.; второй посвященъ документамъ за 1830—38 г. (періодъ времени отъ смерти Ник. Ник. Раевскаго старшаго до женитьбы Н. Н. Раевскаго младшаго), которые преимущественно касаются частной жизни и служебной дѣятельности послѣдняго. Третій томъ заключаетъ въ себѣ частную и офиціальную переписку Н. Н. Раевскаго младшаго за 1839 и 1840 гг.; въ четвертомъ находимъ продолженіе этой переписки за 1841—43 г. и переписку его вдовы, Анны Михайловны, рожд. Бороздиной.

Изданіе снабжено множествомъ самыхъ обстоятельныхъ примѣчаній Б. Л. Модзалевскаго, которымъ, въ особой брошюрѣ («Родъ Раевскихъ герба Лебедь») составлена и подробная родословная Раевскихъ. Изданіе снабжено также значительнымъ количествомъ превосходно исполненныхъ портретовъ. Прекрасный указатель чрезвычайно облег-

чаетъ пользоваться «Архивомъ Раевскихъ». Спеціалисты по русской исторіи не могутъ не быть признательны П. М. Раевскому за этотъ большой вкладъ въ науку. Пожелаемъ, чтобы примѣру его и нѣкоторыхъ другихъ лицъ послѣдовали и другіе владѣльцы семейныхъ архивовъ.

В. С.

Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ третій (М. Р.) СПБ. 1912, 649 стр.

Извѣстный библіографъ и редакторъ превосходнаго изданія «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ», обставленнаго множествомъ примѣчаній, сплошь и рядомъ переходящихъ въ цѣлыя изслѣдованія, Вл. Ив. Саитовъ издалъ въ 1883 г. книгу «Петербургскій Некрополь». Это подало мысль великому князю Николаю Михайловичу, обогатившему русскую историческую науку многими замѣчательными изданіями, предложить составителю этой книги заняться «Московскимъ Некрополемъ»; В. И. Саитовъ, съ своей стороны, привлекъ къ участію въ этомъ трудѣ другого извѣстнаго библіографа Б. Л. Модзалевскаго, и въ 1907—8 гг. изданіе «Московскаго Некрополя» было закончено въ 3-хъ большихъ томахъ. Въ 1912 г. началось печатаніе составленнаго В. И. Саитовымъ «Петербургскаго Некрополя», уже быстро подвигающагося къ концу.

Это изданіе представляетъ важную справочную книгу для спеціалистовъ по русской исторіи въ широкомъ смыслѣ этого слова, которые найдутъ здѣсь наиболѣе точныя данныя о годѣ рожденія и смерти многихъ научныхъ и общественныхъ дѣятелей, а нерѣдко и другія біографическія данныя, означенныя на намогильныхъ памятникахъ этихъ лицъ.

В. С.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Богрова, Е. Дмитрій I. Историческ. очеркъ изъ эпохи Смутнаго времени. Кн-во. «Польза». Ц. 10 к.

Бороздинъ, И. Н., Котляревскій С. А., Филатовъ, В. В. и др. Древній міръ и средніе вѣка. Историческ. очерки, 2-е изд. Кн-во. «Польза». Ц. 1 р. 25 к.

Булгаковъ, С. Очерки по исторіи экономическихъ ученій, вып. I Изданіе автора. Ц. 1 р. 50 к.

Заболотскій, П. А. Къ біографіи Гоголя въ Полтавскій періодъ.

Заболотскій, П. А. Учебное дѣло въ Болгаріи. Ц. 20 к.

Зейпель, И. Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Пер. съ нѣмец. съ предисл. С. Н. Булгакова. Изд. «Путь». Ц. 2 р.

Карабановъ, Н. Россія за триста лѣтъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей и поэтовъ. Хрестоматія для семьи и школы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 50 к.

Карповъ, Вл. Основныя черты органическаго пониманія природы. Изданіе «Путь». Ц. 30 к.

Клюевъ, Н. Лѣсныя были. Кн. III-я Изд. К. Ф. Некрасова. Ц. 60 к.

Кобеко, Дм. Императорскій Царскосельскій лицей. Наставники и питомцы 1811—1843 гг. Цѣна необозначена.

Коваленскій, М. Н. Московская Смута XVII вѣка, ея смыслъ и значеніе. Историч. очеркъ. Изд. «Польза». Ц. 10 к.

Ленскій, Д. Левъ Гурьичъ Синичкинъ. Съ вступ. статьей Н. Сидорова. Кн-во «Польза». Ц. 10 к.

Мелиховъ, В. А. Іудеи въ римской исторіи по изслѣдованію Э. Ренана. Ц. 15 к.

Отвѣтъ «Русской Мысли» на ея отзывъ объ «Іудеяхъ въ римской исторіи». Ц. 10 к.

Нейманъ, Б. В. Отзвуки поэзіи Пушкина и Лермонтова въ творчествѣ Никитина. Цѣна не обозначена.

Нейманъ, Б. В. Академическое изданіе сочиненіе Лермонтова. Цѣна не обозначена.

Отечественная война 1812 года. Подъ редакц. Ф. П. Борисова, Н. И. Лавро-

ва, А. А. Сольдина. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

Пархоменко, В. А. Земскій соборъ, избравшій на царство М. Ѳ. Романова. Тифл. Ц. 10.

J. Patouillet Ostrovski et son théatre de moeurs Russes.

Перцевъ, В. Н. и **Ефимова Е. А.** Очерки новой исторіи. (XVI—XIX вв.). Изд. 2-е. Кн-во «Польза». Ц. 1 р. 25 к.

Пичета, В. И. Смутное время въ Московскомъ государствѣ. Истор. очеркъ. Кн-во «Польза». Ц. 20 к.

Самойловъ, А. А. Гр. Филаретъ Никитичъ. Историч. драма въ 5 дѣйствіяхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Соболевскій, С. И. Эпиграммы и экспромпты. Подъ редакц. В. В. Каллаша. Изд. С. Г. Мамиконянъ. Ц. 1 р. 25 к.

Соловьевъ, Вл. Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Изд. «Путь». Ц. 75 к.

Сыромятниковъ, Б. И. Краткій обзоръ и указатель литературы по исторіи государственной власти въ Россіи. Изд. Общ. вз. слушат. унив. А. А. Шанявскаго. Ц. 20 к.

Тэнъ, И. Лекціи объ искусствѣ, ч. III и IV. Изд. «Польза». Ц. 20 к.

Филатовъ, В. В. Родъ бояръ Романовыхъ. Историч. очеркъ. Кн-во «Польза». Ц. 10 к.

Филоненко, В. Праздникъ «Кюсе» у восточныхъ черемисъ. Цѣна не обозн.

Фриче, В. Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Кн-во «Сфинксъ». Ц. 3 р. 50 к.

Щукинъ, С., свящ. Около церкви. Изд. «Путь». Сборникъ статей. Ц. 1 р.

Новыя книги.

Айналовъ, Д. В. Исторія русской живописи отъ XVI по XIX в.

Блиновъ, И. А. Сенатскій архивъ XV. Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за 1765 г.

Вандаль. Наполеонъ и Александръ I и III.

Верховскій. Очерки по исторіи русской церкви въ XVIII и XIX в. Варшава.

Всеволодскій, В. (Гернгроссъ). Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Томъ I.

Жерве, В. В. Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давидовъ. Изд. Имп. Рус. Воен.-Ист. Об-ва.

Карѣевъ. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи.

Конопницкая, Марія. Собраніе сочиненій подъ редакціей проф. П. А. Бодуэнъ де-Куртэнэ.

Львовъ-Рогачевскій, В. Снова наканунѣ. Сборникъ критическихъ статей и замѣтокъ.

К. Марксъ и **Ф. Энгельсъ.** Критика ученія Штирнера. Спб.

Мережковскій, Д. Александръ Первый. Т. I и II.

Овидій. Баллады посланія. Пер. со вступительной статьей и комментаріями. Ѳ. Зелинскаго.

Соколовъ. Католическая церковь и государство Германіи во второй половинѣ XIX ст. Казань.

Рутковичъ, П. Воспоминанія о Кіевской дух. семинаріи за 1873—1879 г.

Чернявскій, Н. Ѳ. Императоръ Ѳеодосій Великій и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи.

André Lironde'le. Shakespeare en Russie 1747—1840. Paris. 5 fr.

A. Lirondelle. «Le poéte Alexis Tolstoi, l'homme et l'oeuvre».

Nerichkine 1812. Le comte Rostopchine et son temps.

Léon Dubreuil «La vente des biens nationaux dans le département des Côtes-du-Nord», 1912. Главный выводъ автора, что продажа національныхъ имуществъ въ деп. Котдю-Норъ пошла на пользу буржуазіи; крестьяне не хотѣли или боялись значительно увеличивать свои участки. *(R. Hist.)*

Lous Madelin, La Révolution, 1912. Новый трудъ біографа Фуше. Слегка ироническое, порою отрицательное отношеніе къ революціонному подъему. Прославленіе брюмерскаго переворота и вообще Наполеона. *(R. Hist.)*

Robert Fedsiob. Die Staatstheorien der französizchen National-versammlung von 1789. Leipz. 1912.

Детальный и ясный анализъ политическихъ доктринъ конституанты и ихъ генезиса; прекрасный разборъ конституціи 1791 года; главнымъ ея вдохновителемъ признается не Руссо, а Монтескье. *(R. Hist.)*

Raymond Guyot. Le Directoire et la paix de l'Europe. 1795—1799. Попытка поколебать точку зрѣнія Зибеля и Сореля, что прочный миръ между Франціей и Европою не былъ возможенъ въ указанные годы. Подчеркивается противорѣчивость внѣшней политики Директоріи и непримиримая тенденція Бонапарта. *(R. Hist.)*

Ed. Driault. Napoléon et l'Europe, Austerlitz et la fin du Saint Empire, 1804—1806.

Продолженіе двухъ предыдущихъ работъ автора по внѣшней политикѣ Наполеона: «Napoléon et l'Orient» и «Napoléon et l'Italie». Тщательно документированный, съ привлеченіемъ новыхъ матеріаловъ, обзоръ наиболѣе блестящаго періода имперіи. Блестящій анализъ причинъ и слѣдствій крушенія св. Римской имперіи. *(R. Hist.)*

Аббатъ **Шарль Бутаръ** (Charles Boutard) выпустилъ послѣдній — третій — своего труда «Lamennais, sa vie et ses doctrines», увѣнчаннаго французской академіей. Настоящій томъ озаглавленъ: «L'education de la démocratie (1834—1854)»—(Perrinet. C-ie Paris Prix 5 fr.). Первые два тома носятъ заглавіе «La renaissance de l'Ultramontanisme (1782—1828) и Le catholicisme liberal (1828—1834)».

На французскомъ языкѣ вышелъ 6-й томъ собранія сочиненій **М. А. Бакунина** (Bibliotheque Sociologique n°47). Сюда входятъ полемическія статьи Бакунина, направленныя противъ Маркса и противъ Мадзини (P. V. Stock et C-ié, libraires éditeurs Paris. Pris 3 fr. 50).

Общество по изученію исторіи латинской Америки выпустило въ Парижѣ первый томъ громаднаго коллективнаго труда «Histoire des nations de l'Amerique Latine». Всего будетъ выпущено, по крайней мѣрѣ, 15 томовъ in 4° (отъ 6000—7000 страницъ), включающихъ болѣе 2000 старыхъ эстамповъ, картинъ, рисунковъ, акварелей. Редакція принадлежитъ Ш. Сеньобосу. Цѣна по подпискѣ 1400 франковъ, уплачиваемыхъ по четвертямъ при выходѣ 1, 5, 10 и 15 томовъ. Изданіе предполагаютъ закончить въ 4 года.

Wilno z przed stu lat. Wilno. 1912. Альбомъ, заключающій 21 ре. родукцію акварельныхъ видовъ Вильны, писанныхъ Фр. Смуглевичемъ, съ краткой біографіей послѣдняго, съ пояснительнымъ текстомъ къ видамъ и съ планомъ и режней Вильны.

Jablonowski Alecsander. Historya Rusi Południowej do upadk Rzeczypospolitej polskiej. Kraków, 1912. Обстоятельная, основанная на первоисточникахъ исторія входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой русскихъ земель, раздѣленная на 3 эпохи: 1) отъ 850 г., до присоединенія Червонной Руси къ Польшѣ въ 1340 г.; 2) съ 1340 г. до Люблинской уніи 1569 г. 3) съ 1569 г. до раздѣловъ Польши въ 1795 г. Названію «Русь» и «Русины» авторъ приписываетъ финское происхожденіе и утверждаетъ, что такъ именно финны называли норманновъ, которые поочередно порабощали различныя племена, занимавшія на зарѣ исторіи тѣ области, которыя въ историческія времена получили названіе «Руси» отъ имени своихъ покорителей. (Рец. въ «Ksiarka», № 2).

Zofia Firkor-Kledroniowa. Wloscianie i ich sprawa wdobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków. 1912. Изложеніе экономическаго положенія польскихъ крестьянъ въ періодъ 1810—183) гг. и исторія проектовъ крестьянской реформы въ уставленномъ на Вѣнскомъ конгрессѣ Царствѣ Польскомъ. (Рец. въ «Tyg. Illustr.», № 5).

Хроника.

В. В. Самойловъ.

В. В. Самойловъ, о которомъ много писали въ послѣднее время по поводу столѣтія со дня его рожденія [1]), дебютировалъ въ 1834 году, въ самый разгаръ правительственнаго «попеченія» о театрахъ. Императоръ Николай I оказывалъ театру снисходительное «отеческое» вниманіе. Онъ рѣдко пропускалъ балетныя представленія. Онъ любилъ пошутить и поболтать съ хорошенькой артисткой [2]), похохотать надъ водевилемъ Каратыгина, Кони или Ѳедорова, заставить талантливаго актера копировать кого-либо изъ лицъ своей свиты... Въ трудныя минуты онъ приходилъ иногда на выручку къ угнетеннымъ цензурою авторамъ, если, впрочемъ, у этихъ послѣднихъ оказывались сильные покровители. Такъ, напримѣръ, онъ спасъ изъ когтей цензуры «Ревизора» Гоголя и невиннѣйшую «Парашу Сибирячку» Полевого...

Но отеческое отношеніе, само собою разумѣется, нисколько не спасало артистовъ отъ режима весьма суроваго. Театры отданы были во власть чиновникамъ. Съ 1833 по 1858 годъ ими правилъ А. М. Гедеоновъ. Гвардейскій офицеръ, пристроившійся къ придворному вѣдомству и служившій въ послѣднее время при Оружейной палатѣ въ Москвѣ, Гедеоновъ рѣшительно никому не былъ извѣстенъ до своего новаго назначенія. Въ рукахъ этого своенравнаго, капризнаго, самолюбиваго и упрямаго человѣка русскіе театры находились въ теченіе 25 лѣтъ. Завѣ-

---

[1]) См. между прочимъ въ I выпускѣ *Ежегодника имп. театровъ* за 1913 г. умную и обстоятельную статью г. Н. Долгова (стр. 32—88) съ двумя портретами знаменитаго артиста и 10 снимками изъ альбомовъ его акварелей, хранящихся въ Имп. Публ. библіотекѣ. Нѣсколькими изъ этихъ снимковъ мы воспользовались для иллюстраціи къ нашей замѣткѣ.

[2]) Вольфъ въ своей «Хроникѣ Петерб. театровъ» разсказываетъ такой случай. Сестра Самойлова—Надежда Васильевна, пользовалась особенною благосклонностью государя. Однажды, послѣ представленія «Дочери второго полка», Николай Павловичъ сказалъ артисткѣ нѣсколько комплиментовъ. Она отвѣчала глубокимъ реверансомъ.

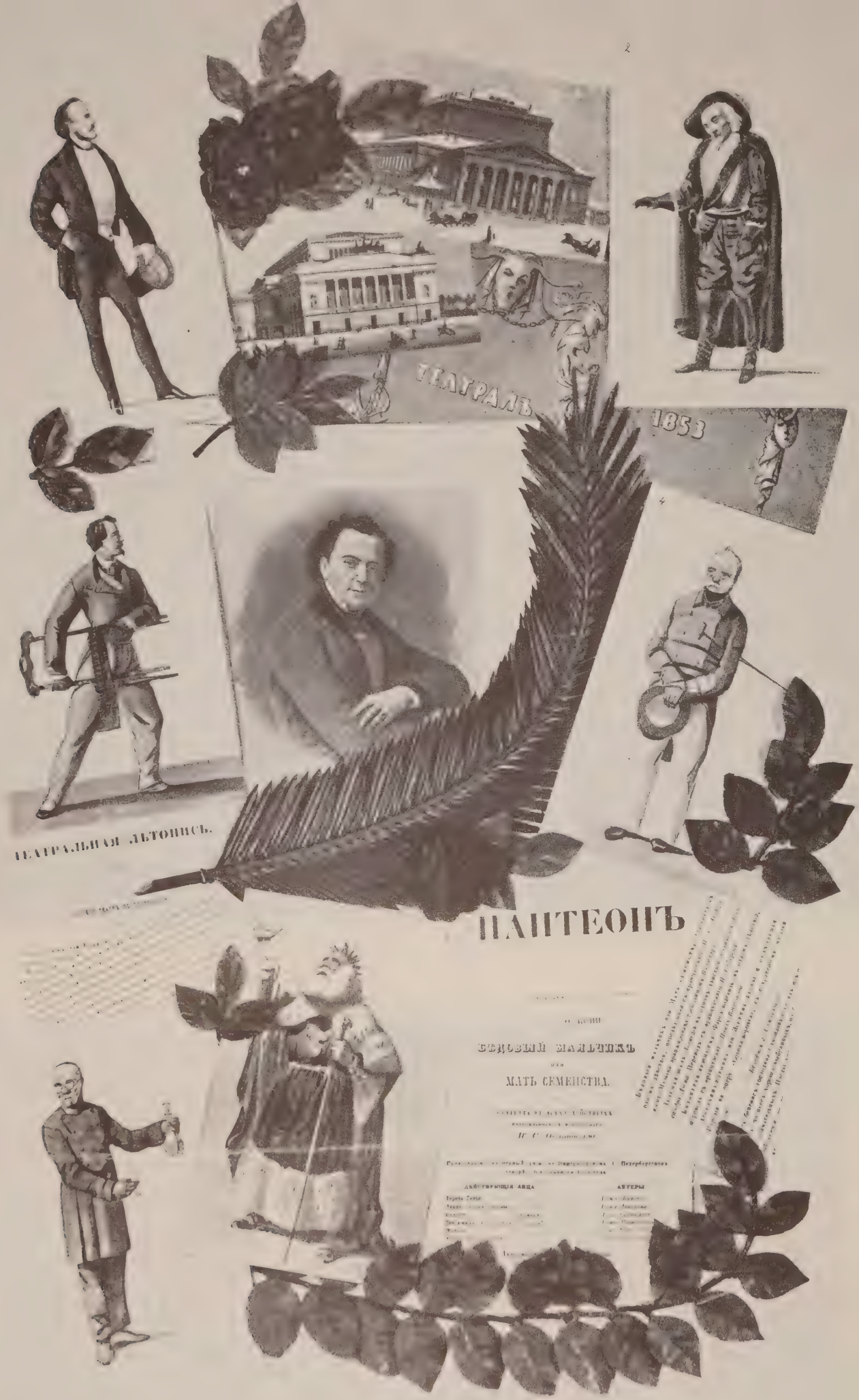
— Какъ вы ловко это дѣлаете,—сказалъ государь, и самъ сдѣлалъ реверансъ. «Ну, а ниже этого нельзя?» Надежда Васильевна сдѣлала реверансъ еще ниже.

Николай Павловичъ сдѣлалъ такъ же.

— Ну, а ниже этого, вѣроятно, нельзя?

Н. В. сдѣлала реверансъ еще ниже.

Государь засмѣялся и сказалъ: «Нѣтъ ужъ извините, я такъ не сумѣю» (А. Вольфъ, «Хроника», часть I, стр. 120—121).



В. В. САМОЙЛОВЪ.

Къ столѣтію со дня рожденія.

1. Кречинскій («Свадьба Кречинскаго», Сухово-Кобылина). 2. Кардиналъ Ришелье. 3. Дорси («Гувернеръ», Дьяченко). 4. Пехтеревъ («Завтракъ у предводителя», Тургенева). 5. Вырипъ («Станціонныи смотритель»). 6. Лиръ («Король Лиръ», Шекспира).

дываніе хозяйственною частью поручено Кирѣеву, отставному военному, служившему при Аракчеевѣ въ военныхъ поселеніяхъ. Оба начальника ровно ничего не смыслили въ искусствѣ. Гедеоновъ, которому было подъ 60 лѣтъ, увлекся молоденькой танцовщицей и сталъ яростнымъ покровителемъ балета. По образному выраженію П. А. Каратыгина, «Терпсихора дала coup de pied и Таліи, и Мельпоменѣ, и нашъ Александринскій пасынокъ отодвинулся на задній планъ» [1]). На балетъ, а потомъ, (когда «виды» Гедеонова получили иное направленіе), на французскій театръ тратились громадныя деньги; на постановку драмы невозможно было добиться нѣсколькихъ десятковъ рублей. Постепенно русская сцена дошла до полнаго обветшанія. Въ Александринскомъ театрѣ были только два павильона—темно-малиновый и темно-зеленый и только двѣ картины («Кающаяся Магдалина» и «Александринскій водопадъ»), надоѣвшія зрителямъ до одурѣнія; мебели—три перемѣны безобразнѣйшаго стараго фасона; однѣ и тѣ же декораціи въ пьесахъ IX, XV и XVI столѣтій; «о костюмахъ,—пишетъ театральный лѣтописецъ,—страшно и думать: отрепья боярскихъ шубъ, вылинявшія парчи сарафановъ, сбитыя туфли(!) римскихъ центуріоновъ, ободранныя туники византійцевъ, пробитые шлемы рыцарей—все это явная насмѣшка надъ публикой»... Между тѣмъ деньги на театры тратились по тѣмъ временамъ большія: въ распоряженіе дирекціи поступало, кромѣ сборовъ, 600 т. р. казенной субсидіи и, тѣмъ не менѣе, ежегодные дефициты доходили до 400 тыс. рубл. А чиновники, завѣдывавшіе театрами, «жили крезами, наживали капиталы и нѣкоторые строили себѣ громадные дома въ центрѣ города; отчетность велась кое-какъ и иногда по нѣскольку лѣтъ кряду не представлялась въ контроль; касса была почти всегда пуста, артисты по мѣсяцамъ не получали жалованья, и многіе изъ нихъ чуть не умирали съ голоду... а чиновники конторы дѣлали славныя аферы, давая ссуды артистамъ за жидовскіе проценты...» [2]) Вкусы публики расходились съ «видами» начальства: часто новые, роскошно обставленные балеты пустовали, а тѣмъ временемъ толпа валила въ Александринку. Гедеоновъ негодовалъ; швыряя на полъ рапортичку о сборахъ, онъ яростно кричалъ: «Ну, чего эта глупая публика не видала въ Александринскомъ театрѣ? ломится на старую пьесу, а новаго балета смотрѣть не хочетъ!..» [3])

Съ актерами начальство вело себя грубо: Гедеоновъ говорилъ «ты» не только всѣмъ артистамъ, но и многимъ артисткамъ. Субординація царила полная. По повелѣнію государя, чиновники, поступая на сцену, не имѣли права пользоваться своими чинами. Это казалось необходимымъ, чтобы устранить всякія стѣсненія при наложеніи дисциплинарныхъ взысканій на артистовъ и не одному изъ нихъ довелось отсиживать подъ арестомъ на съѣзжемъ дворѣ за неумѣніе ладить съ начальствомъ. Какія отношенія создавались въ этой атмосферѣ произвола и усмотрѣнія? Вотъ маленькая иллюстрація. Гедеонову пишетъ А. Н. Верстовскій. Это не актеръ, не балетный танцовщикъ. Онъ завѣдуетъ московскою конторою императорскихъ театровъ и, значитъ, тоже начальство... и не маленькое! Онъ извѣстный музыкантъ и композиторъ: его «Аскольдова могила» уже восемь лѣтъ дѣлаетъ хорошіе сборы. Онъ дворянинъ и помѣщикъ. И вотъ въ какихъ выраженіяхъ благодаритъ онъ начальство за награду: «Если бы ваше превосходительство могли взглянуть на меня въ ту минуту, когда я читалъ драгоцѣнныя строки ваши, въ

---

[1]) Записки, СПБ. 1880, стр. 282.
[2]) Вольфъ, ц. с., I, 166.
[3]) Каратыгинъ, «Записки», стр. 290.

слезахъ моихъ вы лучше бы прочли ту душевную признательность, которую выразить я не смогу, не сумѣю! А если бы я имѣлъ счастіе быть узнанъ вами короче, вы также бы увѣрились, что не степень награды проникаетъ до глубины души моей, а то, что вы, при всѣхъ недостаткахъ моихъ, ко мнѣ милостивы! Повѣрьте истинѣ словъ и нелицемѣрному чувству благодарности, которое сохранится во мнѣ до могилы!..» [1])

И подумать только, что *такъ* пишетъ извѣстный музыкантъ и композиторъ и кому же? — вздорному и взбалмошному старику, имя котораго осталось въ потомствѣ только потому, что онъ въ теченіе 25 лѣтъ мѣшалъ, насколько могъ, развитію русскаго театра!.. Какъ же должны были держать себя съ начальствомъ рядовые артисты?

При всемъ этомъ отсутствіе конкуренціи и полная безгласность. Никакихъ частныхъ театровъ не допускалось. Всѣ публичныя зрѣлища (концерты, литературные вечера, даже платные балы и представленія фокусниковъ) разрѣшались театральною дирекціей лишь въ томъ случаѣ, если эти увеселенія не грозили сборамъ императорскихъ театровъ.

Въ 1825 г. любимецъ властей, знаменитый Ѳаддей Булгаринъ осмѣливается просить у правительства разрѣшенія выступить въ «Сѣверной Пчелѣ» съ театральными рецензіями. Онъ пишетъ въ своемъ заявленіи: «Безпрепятствіе (?), благонамѣренность и тонъ благородный, веселый, не площадной, не педантскій—вотъ правила, которыя я и сотрудники мои предполагаютъ себѣ при семъ занятіи» [2]). Во вниманіе къ такимъ благимъ намѣреніямъ ему (и другимъ журналистамъ) разрѣшено говорить о театрахъ, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ статьи представлялись, кромѣ цензуры общей, еще и въ дирекцію.

О репертуарѣ того времени Бѣлинскій писалъ (въ началѣ сороковыхъ годовъ): «Пьесы, восхищающія большую часть публики Александринскаго театра, раздѣляются на поэтическія и комическія. Первыя изъ нихъ—или переводы чудовищныхъ нѣмецкихъ драмъ, составленныхъ изъ сентиментальности, пошлыхъ эффектовъ и ложныхъ положеній,—или самородныя произведенія, въ которыхъ надутой фразеологіей и бездушными возгласами унижаются почтенныя историческія имена; пѣсни и пляски кстати и некстати, доставляющія случай любимой актрисѣ пропѣть или проплясать, и сцены сумасшествія составляютъ необходимое условіе драмъ этого рода, возбуждаютъ крики восторга, бѣшенство рукоплесканій. Пьесы комическія всегда—или переводы или передѣлки французскихъ водевилей. Эти пьесы совершенно убили на русскомъ театрѣ и сценическое искусство и драматическій вкусъ...» Объ исполненіи пьесъ знаменитый критикъ замѣчаетъ: «Вообще театры обѣихъ нашихъ столицъ еще въ младенчествѣ: въ тѣхъ и другихъ есть таланты, и даже великіе, но нѣтъ еще сценическаго искусства, которое состоитъ въ цѣлостности представленія, въ томъ что называется ensemble, и безъ чего нѣтъ сценическаго искусства, а, можетъ-быть, только развѣ стремленіе къ нему...» И въ другомъ мѣстѣ: «Мы несправедливы были бы, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ (петербургскихъ артистовъ), если бы стали отрицать въ нихъ всякій порывъ къ истинному искусству; но противъ теченія плыть нельзя, и, видя холодность и скуку толпы, они поневолѣ принимаются за ложную манеру, ради рукоплесканій и вызывовъ. И вотъ, когда имъ случится играть пьесу, созданную высо-

---

[1]) Ежегодникъ имп. театровъ, 1913, I, стр., 98. Переписка (1843 г.) Верстовскаго съ Гедеоновымъ.

[2]) С. В. Танѣевъ, Изъ прошлаго имп. театровъ, вып. 2, стр. 43—44.

кимъ талантомъ изъ элементовъ чисто русской жизни,—они дѣлаются похожими на иностранцевъ, которые хорошо изучили нравы и языкъ чуждаго имъ народа, но которые все-таки не въ своей сферѣ и не могутъ скрыть поддѣлки...»

Вотъ среда, въ которую попалъ Самойловъ. Для правильной оцѣнки его личнаго характера и сценической дѣятельности необходимо ясно учитывать обстановку театральнаго дѣла, съ которою ему пришлось считаться и бороться въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Отецъ и мать Самойлова служили въ оперѣ и успѣли овладѣть симпатіями публики. Самъ Василій Васильевичъ «никогда не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ» [1]). Онъ окончилъ курсъ въ Горномъ корпусѣ, слушалъ лекціи въ Лѣсномъ институтѣ, и въ 1834 г. былъ уже на службѣ—«офицеромъ», какъ онъ любилъ говорить впослѣдствіи (собственно чиновникомъ морского министерства). Повидимому, онъ пошелъ на сцену по желанію отца, которое не согласовалось съ его собственнымъ настолько, что часто ему было «невыносимо стыдно глядѣть со сцены на ряды партера, въ которомъ сидѣли въ офицерскихъ мундирахъ его недавніе товарищи» [2]). Нѣсколько холодная натура Самойлова вообще туго поддавалась увлеченію. Между тѣмъ у него было все для быстраго успѣха на сценѣ: рѣдко красивая внѣшность, изящныя манеры, великолѣпный голосъ, удивительная способность имитировать чужую рѣчь вообще и всевозможные акценты въ особенности. Еще въ корпусѣ началъ онъ заниматься живописью и въ области жанра, портрета и карикатуры успѣлъ проявить недюжинное дарованіе.

Самойловъ дебютировалъ въ оперѣ («Іосифѣ Прекрасномъ» Мегюля) и, послѣ трехъ выступленій, принятъ «въ россійскую труппу актеромъ съ употребленіемъ его въ роляхъ по способностямъ его и по назначенію дирекціи». Онъ вступилъ въ *оперную* труппу, но свѣжій и красивый теноръ молодого пѣвца былъ недостаточно великъ и недостаточно обработанъ, чтобы создать ему прочное положеніе на сценѣ Большого театра. По смерти отца (въ 1838 г.) онъ выступаетъ почти исключительно въ Александринскомъ театрѣ. Выступленія эти не очень часты и не очень блестящи. Изображая «вторыхъ любовниковъ», молодой актеръ, несмотря на внѣшнія данныя и красивый голосъ, не умѣетъ выдѣлиться, не всегда знаетъ твердо роль и проявляетъ нѣкоторую (повидимому, врожденную) холодность. Другихъ ролей ему не даютъ. В. В. жалуется, что держатъ его въ черномъ тѣлѣ. «За неуваженіе къ закулиснымъ властямъ,—пишетъ онъ черезъ 30 лѣтъ,—я долженъ былъ расплачиваться—и расплачивался щедро и широко: ничто мнѣ не извинялось и не прощалось. Не дешево покупалъ я себѣ право не гнуться и не льстить». Останавливаться долго на дальнѣйшихъ перипетіяхъ карьеры Самойлова—здѣсь едва ли умѣстно. По «Хроникѣ» Вольфа интересующійся читатель прослѣдитъ ее изъ года въ годъ. Напомню лишь нѣкоторые моменты. Въ конц* 1838 года опасно заболѣлъ любимецъ Александринской публики комикъ Н. О. Дюръ, на которомъ лежалъ, между прочимъ, водевильный репертуаръ того времени. Самойловъ получилъ въ 1839 году одну изъ ролей больного товарища и, по словамъ хроникеровъ, «внезапно перешелъ изъ мрака къ свѣту». Это была роль водевильная,

---

[1]) Собственное признаніе артиста (см. его «Воспоминанія», *Русская Старина*, 1875 г., январь, стр. 208).

[2]) Пет. Газ. 1887 г., № 87 (Цитирую по статьѣ г. Долгова).

нелѣпая съ нашей теперешней точки зрѣнія, роль съ переодѣваніемъ, но молодой исполнитель сразу обратилъ на себя вниманіе театраловъ умѣньемъ перевоплощаться въ изображаемыхъ лицъ до неузнаваемости, отрицательнымъ отношеніемъ къ шаржу, реалистическими поползновеніями. Даже Бѣлинскій отмѣтилъ появленіе новаго таланта. Дюръ умеръ, часть его ролей перешла къ Самойлову. Начались безконечныя переодѣванія. Для молодого «юноши-протея» писались спеціальныя пьесы, и даже Некрасовъ (поэту было въ то время 20 лѣтъ отъ роду) заставилъ В. В. изображать въ одномъ изъ своихъ водевилей старуху, татарина и итальянца. Повидимому, Самойловъ не тяготился такимъ репертуаромъ. Но онъ чувствовалъ себя способнымъ на большее, къ тому же прибавка жалованья, которой онъ добивался, зависѣла отъ успѣха въ роляхъ болѣе серьезныхъ. Видя со всѣхъ сторонъ постоянную обструкцію своимъ притязаніямъ, Самойловъ обратился къ дирекціи съ предложеніемъ довольно своеобразнымъ: онъ желалъ переиграть всѣ роли въ шумѣвшей тогда мелодрамѣ «Материнское благословеніе» (переводъ и передѣлка Некрасова) съ условіемъ, что если хоть въ одной роли будетъ хуже тѣхъ, кто играли до него, платитъ штрафъ, какой угодно будетъ назначить дирекціи» [1]). Это оригинальное предложеніе, конечно, не было принято. Самойлову оставалось терпѣть и ждать случая. Этотъ случай пришелъ не ранѣе 1846 года (черезъ 12 лѣтъ послѣ дебюта): въ началѣ сезона, за отсутствіемъ другихъ выдающихся артистовъ, дирекція вынуждена была дать ему сильную роль въ драмѣ Яфимовича «Отставной театральный музыкантъ и княгиня». Самойловъ имѣлъ громадный успѣхъ. Имп. Николай I, находившійся въ театрѣ, обратилъ вниманіе на молодого артиста и обласкалъ его. Часто послѣ этого государь выражалъ желаніе видѣть Самойлова въ спектакляхъ, дававшихся во дворцѣ. Но всемогущій самодержецъ всероссійскій долго не могъ добиться исполненія этого невиннаго желанія: въ виды театральной администраціи вовсе не входило выдвигать непріятнаго ей артиста, и Самойловъ, въ дни царскихъ спектаклей, числился или «больнымъ», или «занятымъ». Въ концѣ-концовъ, государь приказалъ привезти его, безъ всякихъ отговорокъ, и назначать къ участію въ каждомъ придворномъ спектаклѣ. Мало-по-малу Самойловъ завоевалъ себѣ прочное положеніе на сценѣ. Успѣхи его росли, авторы (въ особенности Дьяченко) писали для него спеціальныя роли. Слава артиста достигла апогея въ 1858 г., когда онъ рѣшился выступить въ «Королѣ Лирѣ»; эту роль какъ разъ въ то время игралъ въ Петербургѣ знаменитый Ольриджъ. Послѣ смерти В. А. Каратыгина, Мартынова и Максимова Самойловъ остался признаннымъ главою русской сцены. Въ 1875 году онъ отпраздновалъ свой сорокалѣтній юбилей. Не сойдясь съ тогдашнимъ главою театровъ (бар. Кистеромъ) въ оцѣнкѣ своей работы, Самойловъ ушелъ съ императорской сцены, изрѣдка появлялся еще въ теченіе 10 лѣтъ въ провинціальныхъ и частныхъ театрахъ. Въ 1884 году ему предоставлена была возможность отпраздновать на императорской сценѣ пятидесятилѣтній юбилей своей славной работы. Онъ умеръ 28 марта 1887 г.

По развитію, уму, образованію Самойловъ стоялъ на цѣлую голову выше большинства своихъ товарищей по сценѣ. По характеру онъ былъ отнюдь не склоненъ подчиняться тому режиму, который царствовалъ за кулисами. Сначала, какъ мы видѣли, нежеланіе гнуться,

[1]) «Воспоминанія», *Русская Старина*, 1875, I, 212.

кланяться и льстить — стоило ему довольно дорого. Но мало-помалу онъ завоевалъ себѣ положеніе. Самойловъ былъ своимъ человѣкомъ въ кругу многихъ знаменитостей того времени: онъ дружилъ, напримѣръ, съ композиторомъ Глинкой и художникомъ Брюлловымъ; онъ появлялся въ такихъ гостиныхъ, которыя оказывались закрытыми для его товарищей. Онъ часто игралъ при дворѣ. Онъ вращался въ кругу художниковъ и жилъ ихъ интересами, участвуя въ академическихъ выставкахъ. Его удивительный талантъ создавалъ успѣхъ многимъ посредственнымъ драматургамъ, и потому за нимъ бѣгали авторы. Все это онъ учитывалъ въ закулисной борьбѣ съ начальствомъ и принудилъ, въ концѣ-концовъ, относиться къ себѣ съ уваженіемъ. Съ необыкновенною настойчивостью онъ отстаивалъ шагъ за шагомъ свое достоинство. Но ему приходилось дѣлать это не только за кулисами, но и въ свѣтѣ, гдѣ не умѣли относиться къ актеру по-человѣчески. Эта постоянная необходимость быть настороже, постоянная боевая готовность къ отпору — придавали Самойлову нѣсколько суровый обликъ себялюбиваго, рѣзкаго, гордаго, даже надменнаго человѣка. Его товарищи по сценѣ въ своихъ воспоминаніяхъ охотно выдвигаютъ въ непріятномъ освѣщеніи эти черты характера знаменитаго артиста, забывая, что только такимъ путемъ могъ онъ добиться уваженія къ себѣ и къ своей профессіи. Въ постепенной перемѣнѣ взглядовъ на сценическихъ дѣятелей и въ улучшеніи положенія артистовъ на сценѣ Самойловъ, несомнѣнно, сыгралъ видную роль; этого никакъ нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ его личности и дѣятельности.

Что далъ онъ русскому театру какъ актеръ?

Работа актера идетъ по тремъ направленіемъ: 1) усвоеніе намѣреній автора, 2) пріисканіе внѣшнихъ формъ для ихъ образнаго выраженія (сценическая техника въ широкомъ смыслѣ слова) и 3) настраиваніе себя къ передачѣ главной части роли: чувства и настроенія дѣйствующаго лица пьесы.

Эти подраздѣленія по отношенію къ творческой работѣ актера *геніальнаго* — кажутся, конечно, излишними, искусственными: геній, не споря съ писателемъ, угадываетъ его намѣренія, безсознательно воплощается въ опредѣленный реальный образъ и вдохновенно освѣщаетъ такія глубины чувства, которыя еле грезились автору. Таковъ былъ, говорятъ, въ пятидесятыхъ годахъ Мартыновъ. У актеровъ, менѣе одаренныхъ, одна изъ указанныхъ сторонъ работы выдвигается на первый планъ, пріобрѣтаетъ главное значеніе, иногда подавляетъ до извѣстной степени остальное.

Насколько можно судить изъ сопоставленія многихъ (часто противорѣчивыхъ) описаній игры Самойлова, онъ былъ техникомъ по преимуществу, величайшимъ техникомъ русскаго театра того времени, а, быть-можетъ, и всѣхъ временъ. И эта сторона его таланта брала перевѣсъ надъ другими. Онъ былъ индивидуальностью чрезвычайно рѣзко выраженной. Ему трудно было слѣпо подчиняться автору и, въ предѣлахъ указанныхъ послѣднимъ, творить по вдохновенію, полусознательно. Онъ бралъ у автора лишь намеки на характеры, лишь мотивы, лишь положенія. Затѣмъ онъ приступалъ къ самостоятельной и сознательной лѣпкѣ. Сначала передъ нимъ являлся гримъ, внѣшность, фигура—часто прямо живое лицо, схваченное въ гостиной или на улицѣ его острымъ взглядомъ художника. Онъ набрасывалъ его въ свой альбомъ. Если это было лицо историческое, Самойловъ тщательно изучалъ его внѣшность, костюмъ, привычки. Мало по-малу рисунокъ оживалъ въ его воображеніи: персонажъ ходилъ, дѣйствовалъ, говорилъ, проявляя часто такія особенности, ко-

торыя вовсе не вытекали органически изъ существа даннаго типа, а являлись просто случайнымъ придаткомъ лица, послужившаго для Самойлова моделью или собственной его конкретизирующей фантазіи— какой-нибудь акцентъ, заиканье, прихрамываніе и т. п. Уже съ этимъ готовымъ образомъ артистъ подходилъ вплотную къ тексту. Съ авторами онъ не церемонился: неподходящее къ созданному имъ облику онъ устранялъ или передѣлывалъ. Однажды Дьяченко, всѣмъ обязанный Самойлову, позволилъ себѣ на репетиціи робко пошутить по поводу опустошеній, произведенныхъ въ его пьесѣ артистомъ.

— Ну, сударь мой, въ вашей комедіи хоть все повычеркни,—отвѣчалъ ему тотъ, — а несообразностей и глупостей все-таки останется пропасть...[1])

Самойловъ былъ великолѣпнымъ импровизаторомъ на сценѣ и потому не всегда давалъ себѣ трудъ выучивать роль наизусть. При указанномъ выше методѣ творчества сильная индивидуальность автора должна была отталкивать артиста. И дѣйствительно, онъ переигралъ до 500 ролей, среди которыхъ цѣнныхъ литературныхъ произведеній— весьма немного. Положимъ, цензурныя условія и вкусы публики опредѣляли вообще невысокій уровень репертуара. Но характерно, что для своихъ бенефисовъ Самойловъ подбираетъ часто удивительный вздоръ съ литературной точки зрѣнія[2]). Классиковъ нашихъ онъ сторонится. Сыгравъ въ началѣ карьеры (сезонъ 1840—41 гг.) Молчалина, онъ не прикасается затѣмъ вовсе къ комедіи Грибоѣдова. Въ «Ревизорѣ» онъ выступаетъ на склонѣ лѣтъ (сез. 1870—71 гг.) и выбираетъ себѣ выпускаемую обычно роль Ростаковскаго. Въ «Скупомъ рыцарѣ» онъ играетъ ростовщика Соломона. Отъ назначенной ему гр. А. К. Толстымъ роли Грознаго онъ долго и рѣшительно уклоняется. Только послѣ провала П. Васильева, онъ берется за Грознаго, играетъ его неудачно и очень скоро переходитъ къ маленькой роли схимника. Онъ обходитъ и «Холостяка» и «Нахлѣбника» Тургенева. Изъ 40 пьесъ Островскаго, шедшихъ въ его время, Самойловъ играетъ только въ 12, и эти роли— далеко не лучшія въ его репертуарѣ. Описанія игры Самойлова въ чисто русскихъ (неинтеллигентскихъ) роляхъ Островскаго (напр., Любимѣ Торцовѣ) напоминаютъ приведенный выше отзывъ Бѣлинскаго о русскихъ актерахъ, смахивающихъ на иностранцевъ, которые хорошо изучили нравы и языкъ чуждаго имъ народа, но которые все-таки не въ своей сферѣ и не могутъ скрыть поддѣлки. Онъ не любитъ Островскаго, и тотъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же. По поводу «Шутниковъ» Островскій пишетъ Бурдину: «Самойловъ ничего не сдѣлаетъ для пьесы: лица онъ не представитъ, роли не выучитъ и будетъ стараться, чтобы его одного только замѣтно было»[3]). Нѣтъ, лучшіе перлы своего творчества разбрасываетъ Самойловъ по поводу всякаго литературнаго хлама. — Онъ любитъ творить изъ ничего. Ему нужна полная свобода для конкретизаціи воспроизводимыхъ типовъ. Зато — что это за типы! Такою способностью перевоплощенія не владѣлъ, кажется, ни одинъ артистъ нашей сцены. По отзывамъ современниковъ, въ каждой изъ своихъ многочисленныхъ

---

[1]) А. А. Нильскій. Закулисная хроника, СПБ. 1900 г., стр. 116.

[2]) Въ 1850 г., напримѣръ, онъ даетъ: 1) Бѣдовый мальчикъ или мать семейства, оперетта въ 1 д.; 2) Зеленая шаль, ком. въ 1 д. Дюма; 3) Бѣлокурая брюнетка, фарсъ-водевиль въ 1 д. съ фр.; 4) Обезьяна-воровка или жертва злобы и ослѣпленія, пародія на оперу «Сорока-воровка» (см. прилагаемую иллюстрацію).

[3]) Г. Н. Долговъ, ц. с., 77.

ролей Самойловъ измѣнялся до неузнаваемости: его знаменитые гримы, сохранившіеся въ собственныхъ аквареляхъ артиста, поражаютъ разнообразіемъ замысла, цѣльностью типовъ, разработкою деталей; но онъ не ограничивается гримомъ, а безконечно мѣняетъ и фигуру, и походку, и голосъ, и даже ростъ.

Однажды (въ 1846—47 гг.) въ пьесѣ Яфимовича Самойлову пришлось играть старую княгиню; Мартыновъ изображалъ горничную. «Кто не видалъ Самойлова въ этой роли,—пишетъ судья довольно строгій,—тотъ не можетъ вообразить, до какой степени ему присталъ женскій костюмъ. Не будь его имени на афишѣ, никто бы не догадался, что передъ нимъ переодѣтый мужчина. Ни манеры ни тонъ ни на минуту ему не измѣнили. Въ своемъ родѣ это былъ замѣчательный tour de force. Мартыновъ хотя тоже былъ мастеръ гримироваться, но въ этомъ отношеніи ему съ Самойловымъ нельзя было тягаться. Въ костюмѣ старой горничной онъ былъ только смѣшонъ, но иллюзіи не было» [1]).

По отношенію къ крупнымъ литературнымъ созданіямъ чрезмѣрная конкретизація представляла извѣстную опасность: значеніе широко задуманнаго общественнаго типа суживалось, явленія пріобрѣтали иногда характеръ индивидуальной случайности. Извѣстны, напримѣръ, споры, которые возбудилъ въ свое время Кречинскій Самойлова: по общему признанію, это былъ перлъ среди лучшихъ перловъ его творчества; даже Шумскій въ этой роли не могъ итти съ нимъ въ сравненіе. Но Кречинскаго Самойловъ сдѣлалъ полякомъ: въ своеобразной жизненной правдѣ фигура выиграла, но общественный типъ былъ произвольно и ненужно суженъ.

Такой методъ творчества давалъ, однако, возможность вплотную подойти къ жизни и перенести ее цѣликомъ на сцену. Обращеніе искусства къ жизни, на первыхъ порахъ, всегда носитъ прогрессивный характеръ и каждый разъ какъ бы вновь открываетъ дѣйствительность, не повторяя работы, уже сдѣланной когда-то. Вспомните переворотъ, который когда-то совершили въ сценическомъ искусствѣ Мейнингенцы, и затѣмъ новое «открытіе» дѣйствительности Художественнымъ театромъ. Такое новое проникновеніе въ жизнь каждый разъ приноситъ прекрасные плоды.

Но волна этого прилива не можетъ быть вѣчною. Наступаетъ моментъ, когда все возможное и нужное, при данномъ состояніи сценическаго искусства, сдѣлано; дальнѣйшія заботы о реализмѣ на сценѣ вырождаются въ рабскую копировку дѣйствительности; правда сценическаго воспроизведенія становится чисто внѣшнею и потому ненужною; начинаются лукавыя умствованія. Мало-по-малу все это утомляетъ и артистовъ и публику. Появляется тоска по вдохновенію, по свободному творчеству въ области общечеловѣческихъ чувствъ, гдѣ не отдѣлаешься фокусами. Эта новая волна несетъ назадъ — къ Шекспиру, Шиллеру, Кальдерону.

Такія переживанія можно наблюдать во второй половинѣ творческой работы Самойлова. Но его обращенія къ Шекспиру, несмотря на внѣшній успѣхъ, кажется, были неудачны. Въ Шейлокѣ онъ не поднялся выше современнаго мелкаго ростовщика. Въ отдѣльныхъ сценахъ «Лира» и «Гамлета» далъ много умнаго, интереснаго и новаго, но общая концепція обоихъ характеровъ отсутствовала. Лица вышли мелкими. Искренняго и горячаго чувства тоже не было.

---

[1]) А. Вольфъ, Хроника, I, 120.

По поводу «чувства» знаменитаго артиста существуютъ разнорѣчивые отзывы. Извѣстенъ разсказъ Свободина: однажды Самойловъ изображалъ смерть станціоннаго смотрителя... вотъ онъ поднимается съ палатей, говоритъ предсмертныя слова, затихаетъ и, вытянувшись дрогнувъ всѣмъ тѣломъ — умираетъ... въ залѣ шумъ, слезы, аплодисменты... а Самойловъ видитъ въ кулисахъ заплаканную искаженную страхомъ физіономію мальчугана—Свободина, улучаетъ минуту и, незамѣтно для публики, дѣлаетъ ему уморительную гримасу, высовывая языкъ [1])...

Но, спрашиваетъ Свободинъ, если Самойловъ и не испытывалъ всегда передаваемаго чувства, «для кого это важно и чѣмъ умаляетъ это обаяніе, которымъ онъ покрывалъ зрителей?»

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, конечно, не можетъ вызвать двухъ отвѣтовъ. Но дѣло въ томъ, что актеръ, нечувствующій (своеобразно, сценически), обычно не «покрываетъ» и зрителей одной видимостью чувства. По крайней мѣрѣ, зрителей чуткихъ. И какъ разъ Самойлова много и часто обвиняли въ отсутствіи у него «души». Въ одной статьѣ (см. цитированный Ежегодникъ имп. т.), «Старый театралъ» совѣтуетъ не вѣрить такимъ обвиненіямъ. «Душою», говоритъ онъ, именовался въ то время изступленный крикъ, грубая симуляція экстаза, гипнотизировавшая раекъ, «Теперь и въ глухой провинціи не найдете того, что считалось «душою» во времена В. В. Самойлова и противъ чего онъ совершенно сознательно боролся»...

Эти замѣчанія «Стараго театрала» едва ли можно принять безъ большихъ оговорокъ.

Прежде всего, едва ли можно допустить такую общую характеристику той эпохи, когда на сценѣ работали славившіеся простотою своей игры Щепкинъ, Садовскій, Самаринъ, Шумскій и, наконецъ, Мартыновъ... А во-вторыхъ, передъ нами статьи чрезвычайно добросовѣстнаго и вдумчиваго критика, оставившаго наиболѣе обстоятельныя описанія Самойлова въ нѣсколькихъ лучшихъ его роляхъ. Я говорю объ А. Н. Баженовѣ. Главнымъ недостаткомъ игры Самойлова критикъ этотъ считаетъ не «отсутствіе души», а какъ разъ надутую декламацію, «пѣвучій тонъ», «пригорную искусственность»—во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуются проявленія и подъемъ искренняго и горячаго чувства. Причины этого неизмѣннаго явленія критикъ склоненъ видѣть въ томъ, что Самойловъ лишь наполовину освободился отъ вліянія старой, условной школы. Повидимому однако бѣда была не въ томъ, а въ нѣкоторой врожденной холодности натуры, которая не давала артисту возможности заразиться чувствами автора и зажечь ими сердца публики. И это особенно замѣтно было въ правдивыхъ, сильныхъ, литературныхъ вещахъ, которыя, быть-можетъ, отчасти поэтому, рѣдко притягивали къ себѣ Самойлова.

Несомнѣнно, онъ былъ великимъ техникомъ сценическаго дѣла и своимъ удивительнымъ умѣніемъ копировать жизнь сыгралъ крупную роль въ реалистической эволюціи русскаго театра. Но у него было гораздо меньше способности проникнуться настроеніемъ автора и отдаться свободному полусознательному творчеству, въ области чувствъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. И въ этомъ отношеніи онъ былъ значительно ниже своего геніальнаго современника —Мартынова.

Тихонъ Полнеръ.

---

[1]) П. М. Свободинъ. «В. В. Самойловъ», Р. Ст., 1887, VI, 787.

Къ юбилею Румянцевскаго музея.

Перенесеніе музея въ Москву въ 1861 г.

Въ маѣ 1861 года состоялось высочайшее повелѣніе о перенесеніи въ Москву Румянцевскаго музея и о помѣщеніи его въ «Пашковомъ домѣ». Въ іюнѣ 1862 г. была получена первая плата за входъ въ музей. Въ январѣ 1863 г. былъ открытъ для публики читальный залъ. Справедливо считая періодъ съ мая 1861 г. по январь 1863 г. переходнымъ, администрація музея къ январю текущаго года пріурочиваетъ пятидесятилѣтіе переноса его въ Москву. Юбилейное торжество по случайнымъ причинамъ состоится съ нѣкоторымъ опозданіемъ, именно 3 апрѣля.

Едва ли есть надобность указывать, какую роль въ культурной жизни Москвы сыгралъ за это пятидесятилѣтіе музей и его библіотека. Въ противоположность другимъ многообѣщающимъ надписямъ на фасадахъ казенныхъ просвѣтительныхъ зданій, слова «Государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ на благое просвѣщеніе» оправданы музеемъ вполнѣ. Поэтому пятидесятилѣтіе существованія въ Москвѣ этого учрежденія является настоящимъ большимъ культурнымъ праздникомъ, и исторію перепоса музея въ Москву стоитъ возстановить изъ благодарной памяти къ тѣмъ, кому мы этимъ обязаны.

Государственный канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ, скончавшійся въ 1826 году, отказалъ по духовному завѣщанію свою обширную библіотеку и богатыя собранія произведеній искусства и всевозможныхъ рѣдкостей «на благое просвѣщеніе». Братъ его былъ обязанъ этимъ завѣщаніемъ предоставить библіотеку и коллекціи въ общественное пользованіе; на содержаніе и пополненіе «музеума» былъ опредѣленъ особый капиталъ въ 34.000 р. ассигнаціями. Въ началѣ 1828 г. «музеумъ» вмѣстѣ съ капиталомъ и румянцевскимъ дворцомъ на Англійской набережной былъ предложенъ государству и 28 марта принятъ въ казну съ причисленіемъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія. 28 мая 1831 года былъ утвержденъ уставъ музея, но никакого пособія изъ казенныхъ средствъ въ добавленіе къ доходу съ румянцевскаго капитала положено не было. Уже въ 30-хъ гг. не хватало денегъ не только на пополненіе музея, но и на поддержку его зданія. Въ этомъ отношеніи ничего не улучшила передача музея въ вѣдомство Министерства Двора, послѣдовавшая 7 февраля 1845 г. Почти забытый, никѣмъ не посѣщаемый музей быстро падалъ. Угрюмо смотрѣли на Неву запыленныя окна обветшалаго румянцевскаго дома, и надпись на его фасадѣ «на благое просвѣщеніе» могла давать только поводъ къ сожалѣніямъ или ироніи. Завѣдующіе музеемъ тщетно пытались получить пособіе отъ казны. «Проси у меня чего хочешь, но только не денегъ, денегъ у меня нѣтъ», отвѣтилъ одному изъ нихъ на такую просьбу императоръ Николай Павловичъ. Завѣдывавшій музеемъ въ концѣ 50-хъ г.. кн. В. Ѳ. Одоевскій рѣшилъ хлопотать о передачѣ Румянцевскаго дара въ какое-нибудь другое учрежденіе. Предложили «музеумъ» публичной библіотекѣ — отказъ за недостаткомъ мѣста; предложили Эрмитажу — такой же отказъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскій надумалъ тогда просить разрѣшенія продать румянцевскую недвижимость, купить на эти деньги домъ въ Москвѣ, если не дадутъ казеннаго, и перевести музей въ Москву для основанія тамъ «Императорской Московской публичной библіотеки»,

или же передать музей какому-нибудь научному обществу, онъ предполагалъ Географическому или Археологическому, или, наконецъ, просить ссуды подъ залогъ земли. Первую мысль — о переводѣ музея въ Москву — раздѣлялъ и директоръ Публичной библіотеки баронъ Корфъ.

Къ этому времени въ Москвѣ особенно остро стало ощущаться отсутствіе публичной библіотеки и музея. Потребность въ нихъ въ очень слабой мѣрѣ удовлетворялась единственной тогда въ Москвѣ университетской библіотекой и весьма небогатыми университетскими коллекціями. Въ просвѣщенныхъ кругахъ Москвы сильно чувствовали этотъ недостатокъ; въ концѣ 50-хъ гг. начались попытки устранить его. Большую роль сыграла въ этомъ отношеніи написанная въ 1857 г. записка В. И. Ламанскаго «О распространеніи знанія въ Россіи», Ламанскій доказывалъ, между п очимъ, н обходимость уч ежденія въ Москвѣ публичной библіотеки. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой записки возникъ проектъ частнаго общества для основанія публичной библіотеки; иниціаторами выступили А. С. Соболевскій, А. И. Кошелевъ и гр. С. Т. Строгановъ. Но, при ближайшей выработкѣ плана, задуманное дѣло показалось имъ неосуществимымъ частными средствами по своей необходимой громадности, и общество не состоялось. Одновременно по частной же иниціативѣ поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи въ Москвѣ публичнаго хранилища произведеній искусства. Въ томъ же 1857 г. дворцовый архитекторъ Е. Д. Тюринъ предлагалъ пожертвовать свое собраніе картинъ (свыше 400, для основанія въ Москвѣ общественной картинной галлереи. Пожертвованіе не осуществилось за отсутствіемъ помѣщенія. Та же участь постигла мысль академика Ф. Бруни — перевести въ Москву для общественнаго пользованія часть картинъ изъ уже тогда переполненнаго ими Императорскаго Эрмитажа; осталось безъ результата и намѣреніе Общества Поощренія Художествъ создать въ Москвѣ картинную галлерею.

Совершенно случайное обстоятельство дало этому дѣло новый поворотъ, приведшій его, въ концѣ-концовъ, къ благопіятному результату. Къ попечителю Московскаго учебнаго округа Е. П. Ковалевскому поступило ходатайство ректора университета о разрѣшеніи перевести въ какое-либо казенное зданіе университетскую библіотеку и коллекціи въ виду необходимости расширить аудиторію и другія учебныя помѣщенія. Это ходатайство натолкнуло Е. П. Ковалевскаго на мысль, во первыхъ, о возможности, расширивъ университетскую библіотеку и собранія, развить ихъ въ публичное книгохранилище и музей, и, вовторыхъ, объ использованіи съ этой цѣлью «Пашкова дома».

До сихъ поръ извѣстное подъ этимъ стариннымъ именемъ, до сихъ поръ остающееся однимъ изъ лучшихъ украшеній Москвы, это великолѣпное зданіе на углу Моховой и Знаменки было построено въ концѣ XVIII вѣка гг. Пашковыми. Послѣ 1812 г. владѣльцы перестали поддерживать его, и оно пришло въ упадокъ. Въ 40-хъ гг. домъ Пашковыхъ былъ пріобрѣтенъ въ казну для помѣщенія въ немъ университетскаго Благороднаго пансіона. Зданіе было тщательно реставрировано; художественная цѣнность его хорошо сознавалась: было запрещено дѣлать какія-либо перемѣны въ его архитектурѣ безъ Высочайшаго разрѣшенія. По преобразованіи Благороднаго пансіона въ четвертую гимназію, зданіе осталось за ней. Но средствъ гимназіи не хватало на его поддержку. За гимназіей вскорѣ образовался большой — около 150 тыс. р.— долгъ университету, и въ то же время страдалъ отъ отсутствія ремонта и драгоцѣнный «Пашковъ домъ».

Е. П. Ковалевскій развилъ свой проектъ въ особой запискѣ, но она не получила движенія, потому что ея авторъ, назначенный вскорѣ министромъ народнаго просвѣщенія, покинулъ Москву и за множествомъ дѣлъ по новой должности забылъ о Московской библіотекѣ и о Пашковомъ домѣ. Къ счастью, въ лицѣ новаго попечителя Московскаго учебнаго округа ген. Н. В. Исакова идея созданія въ Москвѣ публичной библіотеки и музея нашла ревностнаго поборника, можно сказать даже, энтузіаста. Ему, главнымъ образомъ, и принадлежитъ честь ея осуществленія. Въ 1859 г. Н. В. Исаковъ представилъ Е. П. Ковалевскому записку о нуждахъ Московскаго университета и о средствахъ устройства въ Москвѣ публичной библіотеки и музея. Достойно замѣчанія, что, хлопоча о нуждахъ просвѣщенія, пасынка государственнаго казначейства, попечитель осторожно оговаривалъ, что проектъ свой онъ имѣетъ въ виду осуществить «безъ всякихъ денежныхъ пожертвованій со стороны казны». Въ запискѣ, представленной московскому генералъ-губернатору П. А. Тучкову, Исаковъ, ходатайствуя объ ежегодномъ пособіи на задуманное имъ дѣло въ 10 — 12 тысячъ изъ городскихъ средствъ, старался затронуть другія чувствительныя струны; указывая на готовность ряда частныхъ лицъ пополнить своими пожертвованіями библіотеку и собранія университета для преобразованія ихъ въ публичныя, онъ писалъ, что музей долженъ представить «собраніе предметовъ русскихъ и до Россіи относящихся», что особенно желательно въ виду приближенія торжествъ по поводу 1000-лѣтія Руси. Исаковъ опредѣленно разсчитывалъ на большую субсидію отъ купеческаго общества. Но его ждало великое огорченіе: 10 марта 1860 г. Московское купеческое общество отказало въ ассигновкѣ. И Тучковъ не поддержалъ иниціативы попечителя.

Дѣло, можетъ-быть, такъ и заглохло бы, если бы Исаковъ, поѣхавъ въ Петербургъ по дѣламъ службы, не узналъ тамъ случайно о намѣреніи кн. Одоевскаго и бар. Корфа предложить правительству перевести въ Москву заброшенный Румянцевскій «музеумъ». Познакомившись съ запиской Одоевскаго, не получившей еще офиціальнаго движенія, онъ, не теряя ни одного дня, самъ ревностно принялся за хлопоты. Ужъ въ сентябрѣ 1860 г. Исаковъ представилъ докладныя записки министру народнаго просвѣщенія, министру Императорскаго двора и — въ сокращенномъ видѣ — императрицѣ Маріи Александровнѣ. Одновременно онъ вновь обратился къ Московскому генералъ-губернатору по вопросу о Пашковомъ домѣ.

Извѣстіе о хлопотахъ Исакова было радостно встрѣчено московскимъ обществомъ. Погодинъ писалъ Шевыреву, что Москва должна быть глубоко признательной Исакову. Немедленно выступали и жертвователи. К. Т. Солдатенковъ пожертвовалъ на устройство музея 3.000 р., другой московскій купецъ, Поповъ, — 1.000 р. А. И. Кошелевъ обѣщалъ дать, если музей будетъ переведенъ въ Москву, 50.000 р., что впослѣдствіи и исполнилъ. Наконецъ и генералъ-губернаторъ П. А. Тучковъ измѣнилъ свое прежнее равнодушное отношеніе къ проекту Исакова и назначилъ изъ городскихъ средствъ ежегодное пособіе въ 3 тысячи рублей серебромъ.

Въ общественныхъ кругахъ Петербурга извѣстіе о возможномъ переводѣ Румянцевскаго музея въ Москву вызвало совершенно неожиданную бурю,—неожиданную потому, что музеемъ никто до этого времени не интересовался. Организованъ былъ общественный протестъ лишенія Петербурга румянцевскихъ собраній. Вождемъ и выразителемъ протеста выступилъ В. В. Стасовъ. Съ обычной своей страстностью онъ доказывалъ, что переводъ музея въ Москву былъ бы безпримѣрнымъ

нарушеніемъ воли завѣщателя. Стасову отвѣтилъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, представившій офиціальную справку, что въ музеѣ никто не бываетъ и не работаетъ.

Дѣло, очевидно, принимало благопріятный оборотъ для Москвы. Одоевскій и Корфъ заинтересовали имъ великую княжну Елену Павловну, что по тѣмъ временамъ уже въ значительной степени обезпечивало его успѣхъ. Поэтому Исаковъ, не ожидая офиціальнаго отвѣта на свои докладныя записки, началъ готовиться уже къ переносу музея въ Москву. 5 января 1861 г. онъ вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой о выдачѣ заимообразно подъ обезпеченіе доходовъ съ флигелей Пашковскаго владѣнія 15.000 рублей на приспособленіе главнаго зданія подъ библіотеку и музей. Великая княгиня Елена Павловна поддержала въ немъ увѣренность въ успѣхѣ дѣла, пожертвовавъ 1.100 р. на пріобрѣтеніе для будущаго музея гипсовыхъ слѣпковъ съ классическихъ скульптуръ. Исаковъ заказалъ копіи съ эльджинскихъ мраморовъ.

Воспользовавшись пребываніемъ въ Петербургѣ извѣстнаго историка искусства, проф. Ваагена, приглашеннаго для составленія каталога коллекцій Эрмитажа, московскій попечитель составилъ съ его помощью списокъ картинъ, которыя можно было бы просить для будущаго Московскаго музея. Въ то же время онъ поднялъ вопросъ о пріобрѣтеніи для пополненія Румянцевскаго музея частныхъ собраній гг. Фирковичей и Каратаева.

Наконецъ въ мартѣ 1861 г. дѣло получило офиціальное движеніе. Въ комитетъ министровъ поступила докладная записка министра Императорскаго двора о переводѣ Румянцевскаго музея въ Москву и о пріобрѣтеніи указанныхъ коллекцій. Комитетъ министровъ препроводилъ эту записку министру народнаго просвѣщенія для заключенія по вопросамъ объ удобоисполнимости перевода музея въ домъ четвертой гимназіи и объ источникахъ денежныхъ средствъ для обезпеченія его. Е. П. Ковалевскій высказался за переводъ музея въ Москву, а для обезпеченія его предложилъ продать румянцевское владѣніе, оцѣнивавшееся тогда въ 400 тысячъ рублей, и передать эту сумму музею.

Дѣло дважды затѣмъ обсуждалось въ комитетѣ министровъ, въ первый разъ по вопросу о возможности перенесенія музея въ Москву въ домъ четвертой гимназіи и во второй — относительно денежныхъ средствъ новаго учрежденія. Оба вопроса были рѣшены согласно съ ходатайствомъ Исакова, и въ маѣ 1861 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о переносѣ Румянцевскаго музея въ Москву.

Такъ началось и такъ закончилось офиціальное «движеніе» этого дѣла. Помимо своей юбилейной своевременности, этотъ эпизодъ любопытенъ и съ другой стороны. Просматривая записки московскаго попечителя генерала Исакова, записку и заключенія министра Е. И. Ковалевскаго и другіе, собранные составителемъ юбилейной исторіи музея, документы пятидесятилѣтней давности, невольно примѣриваешь ихъ къ современности... Честь и слава почившимъ ревнителямъ «благого просвѣщенія» [1]).

Л. Гальберштадтъ.

---

[1]) Эта замѣтка составлена на основаніи большею частью неопубликованныхъ данныхъ, собранныхъ и обработанныхъ для юбилейной записки секретаремъ Румянцовскаго музея.

Пользуемся случаемъ, чтобы принести ему глубокую благодарность за любезное разрѣшеніе познакомиться съ этимъ цѣннымъ матеріаломъ и воспользоваться имъ для «Голоса Минувшаго».

ТРОИЦКІЙ СОБОРЪ.

До пожара.

Послѣ пожара.

(Съ фот. Буллы.)

Выставка древне-русскаго искусства.

Русская иконопись до сихъ поръ была заперта въ старообрядческихъ молельняхъ или пряталась за скучными страницами археологическихъ изслѣдованій. Живая связь съ нею была почти утрачена, и интересъ къ ней казался почти чудачествомъ. Всего менѣе вѣроятной представлялась возможность получить отъ нея живое эстетическое впечатлѣніе.

Выставка древне-русскаго искусства, надо надѣяться, навсегда разорвала съ такимъ представленіемъ.

Вмѣсто однотоннаго канона, далекаго по своему настроенію, неискуснаго въ своихъ средствахъ, на ней открылось намъ богатое и разнообразное творчество,—творчество, удовлетворяющее не только всѣмъ оттѣнкамъ религіознаго чувства, но и разнообразнымъ, чисто художественнымъ запросамъ.

Среди иконъ на выставкѣ мы можемъ отыскать и интимную молитву и торжественное славословіе; наивная вѣра проглядываетъ здѣсь на ряду съ утонченностью богословской догматики, лирическій подъемъ чувства,—на ряду съ воинствующею полемикою вѣры или ея трагическимъ героизмомъ.

Такою оживленною силою выраженія проникнута икона Смоленской Божіей Матери XIII в. изъ собранія С. П. Рябушинскаго п. 43. И молитва, написанная уставомъ на ея поляхъ, такая же оживленная: «. . . . избави ны отъ оусобныя рати отъ мирьския печали отъ *нашествия поганыхъ* отъ нападания вражия отъ прасныя смерти отъ всякаго зла избави, рабы своя. . . .» икона — одинъ изъ рѣдчайшихъ памятниковъ иконописи, на ряду съ Архангеломъ Михаиломъ, новгородскихъ писемъ конца XIV ст. п. 4, Златоустомъ XIII ст. п. 21, написанномъ еще фресковою манерою, и Рождествомъ Богородицы XIII ст. п. 64, она носитъ на себѣ отпечатокъ живой еще, греческой традиціи. Икона современница новгородской Софіи и Нередицы. Поразительна въ своей героической страстности икона Грузинской Божіей Матери новгородскихъ писемъ XIV ст. п. 2 въ темныхъ тонахъ одежды и ликовъ, красныхъ лиліяхъ на бѣломъ хитонѣ Младенца.

Наоборотъ, простодушны и похожи на новеллы иконы свв. Флора и Лавра (п. 13. 16.), на которыхъ изображено, какъ лошадей ловятъ арканомъ или ведутъ на водопой. Иногда религіозное чувство удовлетворяется простымъ сопоставленіемъ свв. Параскевы Пятницы, Флора и Лавра, покровителя животныхъ, Ильи пророка, спасающаго отъ бездѣлья и т. п. Въ мягкихъ линіяхъ Снятія со креста, Положенія во гробъ Остроуховскаго собранія, новгородскихъ писемъ XV в., тоже нѣтъ драматизма, но много любовной грусти и нѣжности (п. 23. 24). Празднично просвѣтленъ Шестодневъ (недѣля) того же собранія (п. 18). Совсѣмъ другому чувству говоритъ Неопалимая купина (п. 68, Псковъ XV в.). Изъ глубины одеждъ Богоматери, которая держитъ въ рукахъ лѣстницу, выходитъ гора съ ликами Христа и царя Соломона. За іереемъ проступаетъ распятіе («ты еси іерей чина Мельхиседекова»), Богоматерь окружена, какъ въ мистической розѣ Данта, въ лучахъ и отрѣзкахъ дугъ, изображеніями ангеловъ символовъ въ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ краскахъ, оплетена вѣтвями съ ликами пророковъ. Уединенныя и бѣдныя иконы сѣверныхъ писемъ съ лубочною яркостью, или мужицкимъ складомъ ликовъ стоятъ на ряду съ нарядностью тонкихъ миніатюръ Строгановскихъ писемъ. Русскіе эстеты XVI—XVII в. любили

золотой завитокъ, блескъ и красочность тканей, глубину бархатнаго тона, умѣли цѣнить и требовали утонченность и мастерство писанія.

Художественныя требованія отъ иконы и художественные средства и пріемы иконописанія чрезвычайно разнообразны.

Декоративную красоту иконы признавали и раньше, но на выставкѣ можно увидать, насколько и здѣсь свободна была иконопись, если сопоставить мягкую красоту лика Спасителя на хоругви, съ суровою замкнутостью арх. Михаила. Также разрушается представленіе и о застылости иконы. Движеніе фигуръ, какъ его передаетъ новгородская школа, полно нервной извитости линій и въ св. Георіи п. 20 достигаетъ окрыленной летучести. Правда, такое движеніе встрѣчается на иконахъ лишь рѣдко.

Иконопись нечужда и реалистическихъ тенденцій: московскія шубы XVI и XVII вв., скоморошьи ухватки Сатаны, наконецъ, самый ликъ Христа полный, лишенный изможденной строгости византійскаго прототипа, русый, русскій. Всего поразительнѣе, можетъ-быть, разнообразіе художественныхъ способовъ выраженія. Мы говоримъ не только о внѣшнихъ техническихъ пріемахъ, напр., какъ вохрить (тушевать вохрою) лики, или выскребать золотой орнаментъ и т. п. Коллекціонеры и изслѣдователи указываютъ въ этомъ отношеніи на чрезвычайно тонкія различія эпохъ, мѣстныхъ школъ, индивидуальной манеры отдѣльныхъ художниковъ. Интересно въ особенности прослѣдить, какъ иконописцы совмѣщали на своихъ иконахъ лѣпной рисунокъ тѣла съ плоскостною графикою расчерченныхъ складокъ одежды. Также разнообразенъ и строй красокъ на иконахъ. При чемъ опредѣленно извѣстно, что отдѣльные художники могли произвольно перестраивать красочный тонъ своихъ композицій. Высшимъ мѣриломъ художественной цѣнности обыкновенно считается развитое индивидуальное творчество. Индивидуальныя особенности отдѣльныхъ мѣстныхъ школъ мы въ состояніи отмѣтить легко. Такова, напр., миніатюрная манера Строгановскихъ писемъ; Новгородъ любитъ оживленныя фигуры, свѣтлые фоны и краски, Псковъ бирюзу; Москва каноничнѣе, приземистѣе, грубѣе въ рисункѣ, неподвижнѣе, ея краски болѣе тяжелыя и тусклыя. Личность художника прослѣдить труднѣе. Конечно, за мѣстными особенностями школы, за смѣнами вкусовъ, несомнѣнно, стоятъ намъ неизвѣстные художники, но только въ Строгановскомъ письмѣ XVI—XVII мы можемъ встрѣтить датированныя и подписныя иконы: письмо «Олешкино, Ивана Хвораво, Чирина» и т. д.

Иногда иконописецъ рѣзко уклоняется отъ обычныхъ пріемовъ, напр., на образѣ св. Луки, гдѣ скопированъ барочный ангелъ, и сдѣлана попытка представить въ перспективѣ кресло и мольбертъ съ иконою Божьей Матери.

Испытывала иконопись и чужеземныя, и постороннія вліянія, можно сказать, училась у чужеземцевъ, пользовалась чужими красками; на нѣкоторыхъ иконахъ замѣтно присутствіе итальянскаго кармина. На иконѣ Срѣтенія п. 14. видно заимствованіе съ миніатюры. Въ послѣднее время особое вниманіе остановили на себѣ иконы т. назыв. итальянской школы, среди которыхъ можно встрѣтить прямыя копіи съ картинъ или гравюръ итальянскихъ мастеровъ и не только примитивовъ, а, напр., копію съ гравюры Маркъ - Антоніо Раймонды. Изъ этихъ иконъ на выставкѣ имѣется одинъ экземпляръ Успенія XV в. п. 65. Онъ не убѣждаетъ насъ въ значительности той роли, которую приписываютъ итальянскому вліянію современные изслѣдователи, Кондаковъ и Лихачевъ. Въ этомъ отношеніи характернѣе та переработка, которой

подверглось итальянское Odorazione, обратившееся въ икону Умиленія. Иконопись сохранила свою самостоятельность.

Таково впечатлѣніе, которое оставляетъ послѣ себя выставка.

Иконопись, конечно, канонъ; стоитъ вспомнить, какъ писались иконы. Иконописцы просто переводили, калькировали свои композиціи; различныя части композиціи на одной и той же иконѣ иногда поручались особымъ иконописцамъ, т. напр., т. наз. «травное письмо», т.-е. пейзажъ, поручалось особымъ «травщикамъ»; все это говоритъ о ремесленныхъ пріемахъ иконописи. Но внутри этого канона было свое особое широкое развитіе, были и свои новаторы и академическіе шаблоны, была борьба и чужія вліянія. Канонъ самъ имѣлъ жизнь и приноравливался къ новымъ вкусамъ и запросамъ. Но, допуская разнообразное содержаніе и пріемы, терпимо относясь къ мѣстнымъ вкусамъ,—вкусамъ опредѣленной эпохи, иконопись, въ свою очередь, подчиняла ихъ себѣ, вбирала въ себя, замыкая въ законы своего канона. Икона имѣетъ всегда свое опредѣленное обличіе. Опредѣлить законы иконописнаго канона—задача еще никѣмъ не рѣшенная. Выставка древне-русскаго искусства ставитъ такую задачу. Но, помогая ея разрѣшенію тѣмъ, что умѣлымъ и богатымъ подборомъ иконы она позволяетъ опредѣлить художественныя возможности иконописи, выставка вмѣстѣ съ тѣмъ и затрудняетъ разрѣшеніе задачи потому, что вырываетъ икону изъ ея обстановки. Икона прежде всего предметъ культа, ей нуженъ красный уголъ, иконостасъ, лампада, ей нужна риза, или басма, которая такъ безжалостно содрана съ досокъ, металлическіе нимбы, уже потому, что иконы написаны съ расчетомъ на нихъ. Икона должна быть понята какъ икона, въ цѣльности своего декоративнаго впечатлѣнія, въ связи со своимъ богослужебнымъ значеніемъ, а не какъ картина.

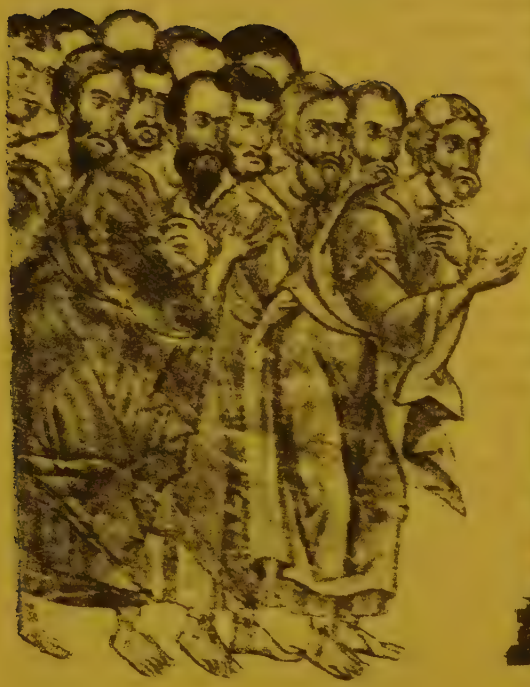
Другіе отдѣлы выставки интересны лишь отдѣльными экспонатами.

Мих. Сергѣевъ.

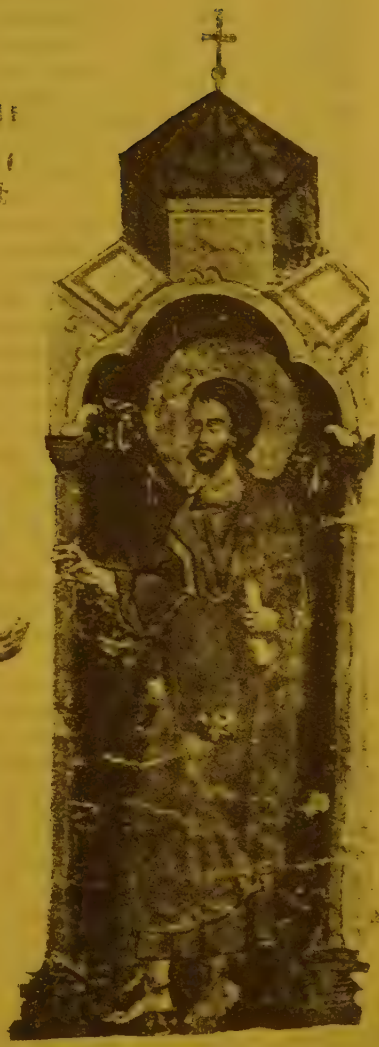
Христосъ благословляетъ апостоловъ.

(Миніатюра Сійскаго Евангелія 1339 года).

Мы почти не знаемъ Московскихъ древностей XIV вѣка: старѣйшая Московская иконопись, миніатюра и книжный орнаментъ — чуть не всѣ художественные итоги столѣтняго роста города — погибли при сожженіи Москвы Тахтамышемъ въ 1392 году. Народъ Московскій долго помнилъ годъ «татарщины», а лѣтопись отмѣтила особую черту этого бѣдствія: всѣ какъ бы ждали расплаты за Куликовскую побѣду, паника приняла чрезвычайные размѣры; населеніе Московской области неудержимо стекалось въ Москву, спасая жизнь и болѣе цѣнное имущество: кремлевскіе храмы «до стропа» были наполнены иконами, книгами и другой цѣнной утварью — «*и то все погорѣло*». То было совершенно исключительное уничтоженіе всего древнѣйшаго искусства Москвы. Тѣмъ цѣннѣе для насъ Сійское (Антоніева Сійскаго монастыря), Евангеліе 1339 года съ его единственной миніатюрой, писанное въ Москвѣ и уцѣлѣвшее только потому, что оно тогда же ушло на сѣверъ, «на Двину, къ святой Богородицѣ», какъ говоритъ послѣсловіе Евангелія. Этотъ голосъ Московскаго минувшаго съ поразительной полнотой звучитъ изъ темной дали четырнадцатаго столѣтія. Начать съ того, что это древнѣйшій памятникъ Московскаго говора, Московскаго аканья: мы читаемъ въ томъ же послѣсловіи: «О семь бо князи великомъ Иванѣ пророкъ Іезекіиль глаголетъ: въ послѣднее время въ апустѣвшіи земли на западъ встанетъ царь правду любяи и судъ не по мьздѣ судяй, ни въ поношеніе поганымъ странамъ». Все послѣсловіе, повидимому, основано на югославянскомъ оригиналѣ; припомнимъ, что современниками Іоанна Калиты на славянскомъ югѣ были великій Душанъ, организаторъ и законодатель сербской имперіи, и Іоаннъ Александръ, царь болгарскій, великій книголюбецъ; оба вступили на престолъ въ 1331 году. Послѣсловіе Сійскаго Евангелія говоритъ почти все время *о царѣ*, и можно бы думать, что оно возникло въ школѣ царя Іоанна Александра, прекрасныя, отчасти богато украшенныя рукописи которой сохранились до нашихъ дней. Съ другой стороны, не исключена возможность, что оригиналъ былъ сербскимъ и имѣлъ въ виду Душана: Душанъ провозглашенъ царемъ только въ 1346 году, его законникъ изданъ въ 1349 г., но его стремленія опредѣлились гораздо ранѣе и событія легко могли быть предвосхищены панегирикомъ. Вотъ, слѣдовательно, памятникъ довольно раннихъ государственныхъ вліяній Балканскаго юга на Русь: царскій вѣнецъ уже повисъ въ воздухѣ надъ Москвою XIV вѣка: его призываютъ своимъ панегирикомъ два московскихъ каллиграфа, «дьякъ Мелентій да Прокоша», писавшіе Сійское Евангеліе. Эти призывы не прекращаются съ тѣхъ поръ въ теченіе всего XIV и XV вѣка.



ХРИСТОСЪ БЛАГОСЛОВЛЯЕТЪ
АПОСТОЛОВЪ.



(Миніатюра Сійскаго Евангелія 1339 г.)

Но повторяя о Калитѣ все то, что примѣнялъ балканскій книжникъ къ одному изъ югославянскихъ государей, Московскіе писцы выражали себя: они находили осмысленными *свои* историческія чувства въ этомъ югославянскомъ панегирикѣ и невольно вплетали въ него рѣчи, иногда почти буквально сходныя съ лѣтописями той эпохи. Лѣтопись говоритъ: «Бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престаша татарове воевати землю». Въ послѣсловіи читаемъ: «при семь будеть тишина велья въ Русскои земли и всіяеть въ дни его правда». Оба источника примѣняютъ къ Калитѣ ту же цитату изъ Іезекіиля. Далѣе послѣсловіе говоритъ о Калитѣ: «. . . . . ревнуя правовѣрному цѣсарю Усти(ні)яну, въ то бо время благочестію велію восіявши, многимъ святымъ церквамъ съзидаемымъ... многимъ книгамъ написаннымъ его повелѣніемъ... ревнуя правовѣрному цѣсарю греческому Мануилу... сирымъ въ бѣдахъ помощникъ, вдовици отъ насильникъ изимая, яко отъ устъ львовъ, всеи русской земли поминая велегласно державу его цѣсарства». Когда писалось Сійское Евангеліе, Калита правилъ Москвою уже второе десятилѣтіе, значеніе Московскаго князя опредѣлилось. Калита уже украсилъ Москву каменными храмами: уже былъ освѣщенъ Успенскій соборъ и въ немъ покоились останки митрополита Петра, предсказавшаго возвышеніе города. Москва окончательно стала религіознымъ центромъ Руси: преемникъ Петра, грекъ Ѳеогностъ, дальновидный политикъ, практически оцѣнившій Калиту, находился при немъ. Отношенія Калиты къ ордѣ были чрезвычайно хороши и тверды: они покоились на большихъ даняхъ и подаркахъ; и, тѣмъ не менѣе, въ томъ же 1339 году московскій Кремль былъ быстро обнесенъ исполинской дубовой стѣною-срубомъ, остатокъ котораго, найденный въ землѣ, хранится теперь въ Историческомъ музеѣ, поражая глазъ своею массивностью.

Грекъ Ѳеогностъ привелъ съ собою не однихъ церковныхъ людей и дьяковъ; съ нимъ пришли греческіе ремесленники и мастера разнаго рода — иконники, литейщики и др. Въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ уже упоминаются двѣ «дружины» иконописцевъ — греческая и русская; послѣдняя могла состоять изъ русскихъ учениковъ тѣхъ грековъ, которые въ тридцатыхъ годахъ пришли въ Москву съ Ѳеогностомъ. Что представляетъ въ этомъ отношеніи Сійское Евангеліе? Ни въ орнаментахъ ни въ миніатюрѣ оно не обнаруживаетъ слѣда новыхъ балканскихъ вліяній. Орнаменты очень цѣнны: ихъ *тератологическій* стиль, состоящій изъ красныхъ контурныхъ очерковъ змѣй и фантастическихъ птицъ, неразрывно сросшихся съ жгутовымъ и ременнымъ плетеньемъ, принадлежитъ еще русскому XIII вѣку: еще отсутствуютъ полныя человѣческія фигуры, въ Новгородѣ извѣстныя съ первыхъ годовъ XIV вѣка; фонъ заглавныхъ буквъ еще старый—зеленый, господствовавшій въ XIII вѣкѣ; только въ единственной заставкѣ рукописи на ряду съ зелеными полями находимъ и голубыя, которыя впервые появляются подъ конецъ XIII вѣка, а въ XIV вѣкѣ нераздѣльно господствуютъ только на территоріи Новгородскаго государства. Это очевидное вліяніе современнаго новгородскаго искусства. Новгородскій характеръ носитъ въ общемъ и миніатюра: несмотря на посредственный рисунокъ и несовершенную технику наложенія красокъ, въ томъ и другомъ мы видимъ традицію стараго, монументальнаго и пластическаго, византійскаго стиля, усвоеннаго Новгородомъ еще въ X—XI вѣкахъ, а въ XIV имъ однимъ сохраненнаго среди общаго разоренія русской земли.

Тотъ же стиль находимъ въ пропорціяхъ фигуръ: самая стройная изъ всѣхъ, фигура Христа, содержитъ не болѣе $6^{6}/_{10}$ головъ (при измѣне-

ніи фигуръ, растущихъ изъ вѣка въ вѣкъ въ русскомъ искусствѣ, за единицу самими иконописцами принимается длина головы данной фигуры) Новгородской традиціей необходимо признать и элементы серьезной сосредоточенности въ выраженіи лицъ (это выраженіе болѣе всего достигается особымъ способомъ наложенія бликовъ въ глазахъ); однако и здѣсь мы находимъ лишь посредственное воспроизведеніе болѣе совершеннаго новгородскаго образца. Не въ этомъ фактѣ зависимости отъ Новгородскаго искусства заключается значеніе этой древнѣйшей Московской миніатюры, а въ совершенно очевидномъ, хотя и безсознательномъ измѣненіи тона и направленія искусства: новгородцы отлично усвоили художественно-общіе и художественно-отвлеченные типы византійской иконописи и отъ себя внести въ нихъ энергію и нѣкоторую суровость. Миніатюра Сійскаго Евангелія сохраняетъ послѣдній признакъ, но утратила первый: это не общіе художественные образы Христа и Апостоловъ, это не художественныя отвлеченія, это первое начало бытовыхъ, или жанровыхъ типовъ русской иконописи, апостолы особенно: глядя на эти изображенія простыхъ и истовыхъ внимательныхъ и почти заботныхъ людей съ сильно развитыми скулами, невольно вспоминается толпа пожилыхъ подмосковныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ еще недалекаго прошлаго. Это ранній симптомъ того «обрусѣнія» типовъ, которое станетъ общимъ въ русской иконописи XVII вѣка.

Древнѣйшій памятникъ Московской религіозной миніатюры наводитъ насъ на мысль, что реально-прозаическое, жанровое пониманіе ликовъ было основною склонностью Московской области въ отличіе отъ энергично-абстрактнаго новгородскаго направленія.

Вячеславъ Щепкинъ.

ВНУТРЕННОСТЬ ТРОИЦКАГО СОБОРА.

(Фот. Буллы.)

Э. МАНЭ. «La Barricade». Разм. оригин. 46×33 см.

(Гравюр. каб. Румянцовскаго Музея.)

Литографія Э. Манэ «La Barricade».

(Гравюрн. каб. Румянцовскаго Музея.)

Эдуаръ Манэ (Edouard Manet 1832—1883), знаменитый основатель импрессіонизма въ живописи, авторъ многихъ высоко цѣнимыхъ теперь картинъ, занимался также и гравюрой. Онъ исполнилъ около ста гравюръ (большей частью офортомъ съ акватинтой), изъ которыхъ, впрочемъ, далеко не всѣ были изданы. Особенно рѣдки его литографіи (извѣстно всего 12 №№). Произведенія Манэ, даже привлекавшія вниманіе парижской публики 60—70 годовъ (какъ его замѣчательная афиша-объявленіе: «Le Rendez-vous des chats»), все-таки казались большинству мало понятными, эксцентричными и вызывали лишь недоумѣніе и усмѣшки. Въ особенности литографіи Манэ и его друзей, мечтавшихъ обновить этотъ видъ графики, казались съ точки зрѣнія обычныхъ вкусовъ «гнусными, безумными, дикими» («detestable, insensé, souvage»—характеристика одной изъ литографій Fantin-Latour'a) и почти не находили себѣ издателей. Всѣ литографіи Манэ существуютъ поэтому лишь въ очень небольшомъ числѣ оттисковъ, иныя совсѣмъ не дождались изданія при жизни Манэ, и отдѣльныя состоянія ихъ извѣстны иногда лишь въ одномъ экземплярѣ.

Пріобрѣтенная въ этомъ году Румянцовскимъ Музеемъ (для его Гравюрнаго Кабинета) литографія Манэ «La Barricade» представляетъ также принадлежащій къ рѣдкимъ оттискъ перваго состоянія этого листа (до подписи печатника: Jmpr. Lemercier et C-ie, Paris.). «La Barricade» точно такъ же, какъ и еще болѣе трагическій по впечатлѣнію рисунокъ «Guerre Civile» (трупы убитыхъ у баррикады) были исполнены Манэ для литографіи подъ живымъ впечатлѣніемъ ужасныхъ картинъ, какія Манэ видѣлъ и отчасти зачертилъ съ натуры на улицахъ Парижа, залитаго кровью его гражданъ, въ маѣ 1871 года. Только послѣ смерти Манэ, въ 1884 году, въ связи съ посмертной выставкой его произведеній въ Ecole des Beaux-Arts, были отпечатаны у Lemercier оттиски листа «La Barricade». Этотъ набросокъ Манэ—типичный примѣръ обновленнаго импрессіонизмомъ реальнаго искусства. Ни одного законченнаго контура. Вмѣсто неподвижной въ своей ясности картины рядъ мгновенныхъ, но необычайно яркихъ впечатлѣній: тяжесть нависающихъ карнизовъ справа и стѣна домовъ съ разрушенными окнами, затянутыхъ дымной пеленой, впереди опредѣленныя, твердыя фигуры стрѣляющихъ солдатъ, вдали нагроможденія баррикады, и на ея фонѣ страшное лицо, закинутое нѣсколько назадъ, съ призывнымъ или, можетъ-быть, предсмертнымъ крикомъ. Все бѣгло, мимолетно, все движется... И моментъ и форма—только впечатлѣніе «impression», но геніемъ Манэ въ этихъ нѣсколькихъ чертахъ жизнь передана глубже и острѣе, чѣмъ во множествѣ картинъ, спорящихъ законченностью съ фотографіей.

Н. Романовъ.

Конгрессъ обществъ исторіи Парижа.

(Отъ нашего парижскаго корреспондента.)

13—15 февраля (н. с.) въ «Исторической библіотекѣ города Парижа» (Bibliothéque historique de la Ville de Paris) происходили засѣданія перваго конгресса «Обществъ исторіи Парижа». Въ конгрессѣ участвовали 15 парижскихъ обществъ — «Общество исторіи Парижа и Иль-де-Франса», «Общество друзей библіотеки города Парижа», «Общество Парижской иконографіи» и др. до историческихъ обществъ отдѣльныхъ арондисмановъ Парижа включительно. Конгрессъ явился первой попыткой объединенія дѣятельности всѣхъ этихъ обществъ.

Въ двухъ секціяхъ конгресса (археологической и исторической) было прочитано около 30 краткихъ сообщеній по преимуществу антикварнаго характера и принято нѣсколько проектовъ будущихъ работъ. Наиболѣе интересными съ общенаучной точки зрѣнія были доклады доктора Капитана (Capitan) въ археологической секціи о первыхъ обитателяхъ Парижа и о древнѣйшей парижской керамикѣ на основаніи матеріала, найденнаго при прокладкѣ линій парижскаго метрополитэна. Доклады исторической секціи были посвящены исторіи отдѣльныхъ парижскихъ зданій и учрежденій, біографіямъ мѣстныхъ дѣятелей и т. п. Помимо чисто мѣстнаго значенія этихъ изысканій, многія изъ нихъ, въ массѣ своей, дадутъ, несомнѣнно, много интереснаго и для общей исторической науки, освѣщая попутно общественныя отношенія средневѣковаго города и сообщая статистическія данныя о его населеніи и экономической жизни. Нѣкоторые доклады, какъ, напримѣръ, докладъ Бюжьэля (Bugiel) «О польскихъ студентахъ Парижа въ XIII и XIV вѣкѣ», представили, впрочемъ, извѣстный общій интересъ и сами по себѣ.

Въ принятыхъ проектахъ будущихъ совмѣстныхъ работъ обществъ стоитъ отмѣтить проектъ библіографіи парижскихъ домовъ и улицъ, проектъ общаго атласа парижскихъ древностей и проектъ серіи монографій, или гидовъ для детальнаго изученія географіи историческихъ событій, протекавшихъ въ Парижѣ.

Работы парижскихъ историческихъ обществъ опираются на постоянную поддержку со стороны парижскаго муниципалитета и явятся образчикомъ общественной самодѣятельности, заслуживающимъ самаго широкаго подражанія.

И. Х.

Анджело де Губернатисъ. †

Въ Римѣ умеръ недавно одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ старой Италіи, графъ Анджело де Губернатисъ. Аристократъ по рожденію, одинъ изъ самыхъ крупныхъ европейскихъ спеціалистовъ по санскриту, ярый бакуніанецъ, въ молодости (онъ былъ женатъ на кузинѣ М. М. Бакунина, Безобразовой), бросившій свои научныя занятія для того, чтобы отдаться пропагандѣ, связанный многими узами съ Россіей, служившій живымъ посредникомъ между своей родиной и европейской наукой,—онъ пользовался въ послѣднюю треть XIX вѣка огромной популярностью въ Италіи. Позднѣе въ дѣятельности Губернатиса стала чувствоваться усталость. Уже не было прежней кипучей энергіи, года давали себя чувствовать (онъ родился въ 1840 г.).

Ученая и литературная Россія должна помянуть Губернатиса добрымъ словомъ. Онъ знакомилъ Италію съ Россіей и Россію съ Италіей. Своими превосходными корреспонденціями и статьями въ «Вѣстникѣ Европы» онъ умѣлъ дѣлать близкими и полезными русскому человѣку классиковъ итальянской поэзіи, а въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ крестьянскихъ журналахъ, дѣлился съ соотечественниками впечатлѣніями отъ поѣздокъ въ Россію (онъ былъ у насъ дважды) и отъ знакомства съ русской литературой.

Оставленное имъ литературное наслѣдство огромно. Тутъ и спеціальныя монографіи по фольклору, санскритологіи, индійской литературѣ, и изслѣдованія по итальянской литературѣ («Alessandro Manzoni» 1878) и огромный трудъ по исторіи всеобщей литературы («Storia universale della latterotura»), представляющій большую цѣнность, несмотря на всю отрывочность и безсистемность. Онъ основалъ цѣлый рядъ научныхъ изданій, профессорствовалъ, писалъ драмы и романы, издавалъ музеи, учреждалъ общества,—вообще былъ драгоцѣннымъ человѣкомъ для своей родины, не успѣвшей еще развернуть во всю ширь своихъ неизсякаемыхъ творческихъ силъ.

Его многосторонность, его страсть браться сразу за цѣлую кучу вещей, лишала самого его возможности связать свое имя съ какимъ-нибудь крупнымъ вкладомъ въ науку, но зато оплодотворила дѣятельность его болѣе молодыхъ соотечественниковъ.

Италія не забудетъ никогда этого анархиста, который ничего не разрушилъ, который такъ много созидалъ.

А. Дж.

Троицкій Соборъ.

(Къ пожару собора, въ ночь на 7 февраля, въ Петербургѣ).

Въ «Кратчайшемъ сvнопсіческомъ описаніи отъ части же топографическомъ изображеніи показующемъ о построеніи преименитаго новаго въ свѣтѣ царствующаго града санкт-петербурга Академіи наукъ при библіотекѣ помощника Андрея Болотова [1]), написанномъ въ 1751 году, и поднесенномъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ», читаемъ (см. листы 330—332).

«Соборная церковь Святыя Живоначальныя Троицы деревянная, построена 1710 году на Санктпетербургскомъ острову на берегу, не далеко отъ Петровскаго мосту.

Рис. 1.

«Сію церковь Государь Імператоръ Петръ Великій построилъ въ Память зачатія царствующаго Санктпетербурга. Понеже сей градъ заложенъ въ 1703 г. въ самый день святыя Пятидесятницы того ради въ незабвенную память и въ

[1]) Это рукописное сочиненіе хранится въ Рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ и любезно предоставлено намъ хранителемъ отдѣленія Вс. И. Срезневскимъ. Это единственный «подносный» экземпляръ многимъ отличается отъ печатнаго изданія этого сочиненія, изданнаго въ 1779 году В. Рубаномъ. Въ изданіи Рубана нѣтъ многихъ рисунковъ, находящихся въ рукописи. Текстъ же въ многихъ мѣстахъ измѣненъ и дополненъ. *В. Т.*

знакъ благодаренія тріѵпостасному божеству, и церковь состроить соизволилъ. Сперва сія церковь построена была весма невелика, то есть большой трапезы и побочныхъ придѣловъ не было, но въ 1714 году, къ той прежней церкви придѣлали трапезу и по обоѣмъ сторонамъ по небольшому придѣльцу, которые придѣланы крестообразно такъ, какъ нынѣ самой точной видъ ея показуетъ.

«Потомъ въ 1720 году къ сей соборной церкви состроилъ Его величество предѣлъ во имя преподобнаго отца Харитона исповѣдника, въ память благодаренія Господу Богу за даровитую побѣду Левенгоуптовой баталіи, бывшей въ 1708 году, сентября 28 дня.

«Оная прежде построеная церковь будучи отъ 1710 году, обветшала и перенесена была въ бывшія синодальныя палаты. Но по вступленіи на всероссійскій престолъ, дщери Государя Імператора Петра Великаго, всепресвѣтлѣйшей Государыни Імператрицы Елисаветы Петровны, повелѣла оную— какъ родителя своего построеніе, святую церковь, да бы оную возобновить, повелѣла ту ветхую церковь разобрать и новую въ память родителя своего Государя Петра Великаго таковымъ же образомъ слово въ слово безъ всякія отмѣны построить въ самомъ скоромъ времени, и когда оная въ совершенствѣ быть стала, тогда, на освященіе оной присутствовать соизволила сама Ея Імператорское Величество со всемъ аппартаментомъ 1746 году на день праздника святыя пятидесятницы Маія 17 дня. При сей же церквѣ имѣются достопамятныя вещи слѣдующія: 1) Костяное небольшое паникадило. 2) Маленкой образъ костяной же Святаго апостола Андрея первозваннаго, которыя обѣ сіи вещи собственныхъ трудовъ Государя Імператора Петра Великаго, его помазанныхъ рукъ. 3) Паникадило большое мѣдное 4) и на колокольнѣ большой колоколъ оной шведской взятъ былъ въ Абавѣ въ 1713 году.

«Къ сей то церквѣ Государь Петръ Великій по усердной и горячей къ Богу Его Вѣры непрестанно по вся воскресныя дни къ святой литургіи, а въ праздники Господскія и ко всенощному бдѣнію Его Величество съ любезнѣйшею своею супругою и Ея Величествомъ Екатеріною Алексіевною Імператрицею Всероссійскою, купно и съ дражайшею своею фамиліею всегда пріѣзжать соизволилъ толико пѣніемъ своею особою стоя на крылосѣ съ протчими пѣвчими продолжалъ всенощныя бдѣніи, часовъ по 5 и по 6 Іюля 27 числа на день Самсона страннопріимца за благодарованную побѣду подъ Полтавою и до 5 часовъ всенощную службу продолжалъ.

«Нынѣ же по нещастливому случаю, или тако Богу соизволившу, сей пречестный и святый храмъ живоначальныя троицы, Марта 27 числа сего 1750 году около 3-го часа пополудни сгорелъ».

. . . . . .

Въ печатномъ изданіи В. Рубанъ прибавляетъ: «на мѣсто коего построена тутъ церковь опять, перенесенная изъ лѣтняго саду и *освящена 1756 году безъ придѣла»*. Въ текстѣ В. Рубанъ даетъ чертежъ храма св. Троицы именно *безъ придѣла* (онъ нѣсколько отличается по выработанности рисунка отъ помѣщаемаго нами № 1, взятаго изъ рукописи: въ рукописи имѣется еще рисунокъ (см. рис. № 2) и «съ предѣлами».

Болѣе позднія измѣненія во внѣшности собора ограничивались простыми подправками «Елисаветинской архитектуры», а въ 1876 по желанію Императора Александра III соборъ былъ капитально отремонтированъ.

Причина пожара—неисправность дымохода.

На вкладныхъ рисункахъ представленъ внѣшній видъ собора до пожара и послѣ пожара, а также внутренній видъ послѣ пожара.

Какъ видно изъ рисунковъ—куполъ сгорѣлъ, внутренность же собора удалось отстоять. Рубленныя изъ цѣльныхъ бревенъ стѣны храма сдѣланы полыми для прохожденія по этимъ полостямъ теплаго воздуха. Въ этихъ-то полыхъ проходахъ, отъ прогорѣвшаго дымохода и начался пожаръ. Сначала нельзя было даже понять—гдѣ горитъ. Когда же были разобраны стропила—то изъ

Рис. 2.

полой стѣны вырвалось пламя. Изъ 12 паровыхъ машинъ были залиты водой эти пустые проходы въ стѣнахъ— такимъ способомъ удалось отстоять храмъ. Теперь эта вода замерзла, но съ оттепелью храмъ будетъ размытъ водой, какъ говорятъ спеціалисты. Во время пожара изъ храма были вынесены—1), знамя стягъ, сопровождавшее Петра I въ его Азовскихъ походахъ; 2) вышитая Императрицей Елисаветой сѣнь, пожертвованная собору въ 1756 году; 3) паникадило Петровское; 4) образъ Благовѣщенья, собственноручно вырѣзанный изъ мрамора Петромъ I.

Въ настоящее время образована комиссія по вопросу о возстановленіи собора. Въ различныхъ обществахъ читаются доклады о сгорѣвшемъ храмѣ. Предполагаютъ взамѣнъ сгорѣвшаго выстроить новый каменный соборъ. Если признать, что въ архитектурномъ отношеніи Троицкій соборъ и не представляетъ «невознаградимой» цѣнности, то все же небольшая деревянная церковь, на берегу Невы, близъ Петропавловской крѣпости и «домика Петра I», являлась одной изъ реликвій Петровскихъ временъ, если не по своему внѣшнему виду, то по воспоминаніямъ о далекомъ прошломъ.

Сообщилъ Вл. Тукалевскій.

Къ юбилею поч. ак. проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

Теплая и искренняя встрѣча ожидаетъ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, справляющаго въ мартѣ мѣсяцѣ 35-лѣтній юбилей своей ученой и литературной дѣятельности. Среди современныхъ русскихъ литераторовъ немного найдется именъ, которыя пользуются такой неизмѣнной симпатіей среди читателей, какъ авторъ «Исторіи русской интеллигенціи».

Д. Н. Овсянико-Куликовскій принадлежитъ къ той школѣ лингвистовъ-психологовъ, главою которыхъ въ Россіи былъ знаменитый харьковскій профессоръ А. А. Потебня. Даровитый ученый съ исключительнымъ успѣхомъ разрабатываетъ трудную область психологіи творчества, проявляющагося въ религіи, языкѣ и поэзіи. Этотъ преобладающій интересъ придаетъ цѣльность всѣмъ работамъ Д. Н-ча, начиная съ «Миѳа о соколѣ, принесшемъ цвѣтокъ Сомы», и кончая его критическими статьями въ періодической печати.

Первыя ученыя работы Д. Н. Овсянико-Куликовскаго касаются психологіи миѳологическаго творчества. Его диссертаціями были: 1) Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индоевропейской древности. I. Культъ божества «Soma» въ древней Индіи въ эпоху Ведъ. (Одесса. 1884); 2) Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Ведъ (Одесса. 1887). Въ 90-хъ годахъ, продолжая свои спеціальныя изысканія, Дм. Н—чъ, вообще прекрасный популяризаторъ, сталъ излагать свои научныя идеи по ведаизму и въ общихъ журналахъ («В. Европы», «Р. Бог.» и др.). Въ VI т. собранія его сочиненій читатели находятъ превосходный очеркъ «Основы ведаизма».

Въ качествѣ лингвиста, Д. Н—чъ занимается, главнымъ образомъ, синтактическими явленіями языка, под-

ходя и къ нимъ преимущественно какъ психологъ. (Ср. въ VI т. статьи «О значеніи научнаго языкознанія для психологіи мысли»). Его «Синтаксисъ русскаго языка», появившійся въ 1902 г., создалъ цѣлое новое теченіе въ сферѣ школьнаго преподаванія русской грамматики. По разнымъ обстоятельствамъ оно еще не получило преобладанія въ нашей школѣ, но дни грамматической рутины уже сочтены.

Д. Н—чъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ нашихъ ученыхъ сдѣлалъ для разработки труднѣйшей проблемы—психологіи художественнаго творчества. Здѣсь онъ высказалъ много своеобразнаго и глубокаго. Какъ всегда, Д. Н—чъ самъ же популяризируетъ свои идеи въ учебникѣ по теоріи словесности. Въ творчествѣ каждаго писателя его интересуетъ прежде всего сторона психологическая. Изучая Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Гейне и др., Д. Н. Овсянико-Куликовскій стремится понять особенности ихъ «генія», черты ихъ творческой индивидуальности, психологію ихъ творчества. Но рядомъ съ этимъ Д. Н—чъ съ рѣдкимъ мастерствомъ вскрываетъ и все идейное содержаніе художественныхъ образовъ. Его «Исторія русской интеллигенціи» представляетъ уже сочетанія методовъ психологическаго и соціологическаго.

Печатью оригинальнаго и изящнаго таланта отмѣчено все написанное Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ. Многимъ обязаны ему русская наука и русская литература.

П. Сакулинъ.

Въ ученыхъ обществахъ г. Петербурга.

Общество любителей древней письменности. 15 февраля былъ прочитанъ, присланный А. А. Покровскимъ, докладъ подъ названіемъ *«Печатный Московскій дворъ въ первой половинѣ XVII вѣка»*. Докладъ этотъ выяснилъ одинъ изъ интересныхъ и все еще темныхъ вопросовъ—о первыхъ шагахъ печатнаго слова на Руси.

Мы знаемъ, что попытки завести книгопечатаніе еще при Иванѣ Грозномъ кончились неудачей: типографію сожгли. Смутное время не располагало къ заведенію частныхъ «новшествъ», и лишь съ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, печатный Московскій дворъ сталъ работать непрерывно. Снова было два пожара, типографія горѣла, но работы не прекращались. Къ 1645 году по царскому приказу печатный дворъ былъ расширенъ. Выясненію дѣятельности типографіи въ этотъ періодъ и былъ посвященъ докладъ, сообщавшій о работавшихъ въ ней лицахъ, о получаемомъ ими вознагражденіи, объ условіяхъ работы и проч.

Печатный дворъ въ это время расширился уже настолько, что, напримѣръ въ 1624 году въ немъ работало 98 человѣкъ, при 250 рабочихъ дняхъ въ году и содержаніе типографіи достигало 25 тыс. рублей на наши денги.

Классическое отдѣленіе Императорскаго русскаго археологическаго Общества. Въ засѣданіи отдѣленія проф. В. Н. Бенешевичъ прочелъ докладъ *о подписяхъ на предметахъ* знаменитаго нынѣ *«Полтавскаго клада»*, открытаго въ истекшемъ году на берегу рѣки Ворсклы. Предметы клада заинтересовали какъ художниковъ, такъ историковъ и археологовъ. Проф. Бенешевичъ прочелъ и разобралъ подписи на отдѣльныхъ вещахъ и путемъ различныхъ косвенныхъ перекрестныхъ повѣрокъ установилъ даты, относящія предметы Полтавскаго клада къ VI вѣку.

Къ сожалѣнію, остались не разобранными нѣкоторыя загадочныя монограммы. Во время преній высказывались соображенія, что эти монограммы вырѣзаны тѣми варварами, которые владѣли послѣднее время кладомъ; думаютъ также, что кладъ занесли въ Полтавскую губернію гунны, селившіеся здѣсь въ VI вѣкѣ.

Неофилологическое общество. 11 февраля В. И. Васенко прочелъ интересный докладъ *«Объ отношеніи русской цензуры къ Наполеону и Отечественной войнѣ»*. Въ связи съ колебаніями международной политики въ Россіи того времени измѣнялось и отношеніе цензуры къ На-

полеону. Такъ, весной 1806 года была разрѣшена къ печати «Тайная исторія французскаго двора», а осенью того же года была сожжена и автору заплатили убытки. «Исторія Наполеона» была запрещена въ оригиналѣ, а переводъ позднѣе былъ разрѣшенъ цензурой; особенно пострадали отъ цензуры нѣкоторыя періодическія изданія 1812 г.

Въ томъ же засѣданіи М. И. Ливеровская прочла докладъ о старо-французской поэмѣ XII вѣка «Aucussin et Nicolette».

Этнографическій отдѣлъ Императорскаго Географическаго общества. Въ засѣданіи Общества 15 февраля С. А. Абрамовъ прочелъ докладъ «*О бытѣ крестьянъ въ с. Князевкѣ, Саратовской губ.*». Весьма интересныя свѣдѣнія были сообщены авторомъ доклада по поводу народныхъ вѣрованій (о выкапываніи труповъ), любопытны также сказанія о колдунахъ и Стенькѣ Разинѣ. Въ видѣ матеріала докладчикомъ были использованы записи мѣстнаго крестьянина Гаврила Заврицкаго.

Извѣстія Имп. Акад. Н. VI сер. № 4. 1 марта 1913. Здѣсь находимъ извлеченія изъ протоколовъ Академіи. Для лицъ, занимающихся исторіей религіи въ Россіи интересно распоряженіе министра юстиціи о передачѣ всѣхъ дѣлъ о сектантахъ въ Моск. Арх. Мин. Юст. Туда же переданы всѣ сектантскіе процессы изъ Акад. Библ. Акад. Н. П. Кондаковъ предлагаетъ Академіи издать его уже готовый монументальный богато-иллюстрированный трудъ: «Историческая иконографія Богоматери» (въ русскомъ, византійскомъ, греко-вост. и итальянск. (до XVI в.) искусствахъ). На премію им. М. И. Михельсонъ объявлены на 1913—15 г.г. новыя темы: Составить 1) (по печ. ист.) словарь столоваго обихода Моск. Руси XVI и XVII вв. и 2) Сборникъ словъ и выраженій соврем. русск. яз. образованнаго общества, представляющихъ точный переводъ словъ и выраженій фр. и нѣм. яз. (напр., зрѣлый возрастъ l'âge mûr и т. п.). Рѣшено издать угро-русскіе памятники XVII вѣка, открытые А. Л. Петровымъ, представляющіе богатую страницу по малоизученной исторіи угрорусскихъ языка, культуры и церкви.

Интересенъ прочитанный въ Историч. Отд. отчетъ Уч. Кор. Академіи въ Римѣ проф. Шмурло. Имъ подвинуто впередъ изученіе Ватиканскихъ рукописей, особенно рукописей «Пропаганды», и извлечены изъ библіотеки собора въ Толедо (Испанія) матеріалы по исторіи папской нунціатуры въ Польшѣ XVI в. По предложенію А. С. Лаппо-Данилевскаго рѣшено напечатать въ «Извѣстіяхъ» Академіи трудъ О. А. Добіашъ-Рождественской о «Церковной жизни во Франціи въ XIII вѣкѣ». Акад. Лаппо-Данилевскій сообщилъ о дальнѣйшихъ работахъ по изданію Грамотъ бывшей коллегіи экономіи. Печатаются «Двинскія грамоты». Въ приложеніи находимъ сообщеніе Акад. В. В. Латышева о «Четьяхъ-Минеяхъ» Іоанна Ксифилина, представляющихъ интересъ для византинистовъ и историковъ церкви.

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. въ Москвѣ.

Въ засѣданіи Комиссіи 8 февраля А. М. Васютинскимъ былъ прочитанъ докладъ на тему: «Габріэль Моно. Послѣдній его историческій трудъ въ связи съ общей характеристикой его ученой дѣятельности». Остановившись въ началѣ своего доклада на біографіи Моно, г. Васютинскій указалъ, что личность французскаго историка представляетъ многообразный интересъ. Свободно-религіозный мыслитель (несмотря на родовыя традиціи, казалось бы, мѣшавшія быть ему таковымъ) и строго-объективный историкъ, Моно никогда не сторонился политической жизни Франціи, оставляя въ критическіе моменты каѳедру ученаго и выступая въ качествѣ политическаго и общественнаго дѣятеля: онъ энергично работаетъ въ лазаретахъ подъ стѣнами Парижа въ войну 1870—1871 г.г., въ эпоху дѣла Дрейфуса онъ не менѣе энергично выступалъ въ защиту узни-

ка Чертова острова, и т. д.; французскіе народные университеты своимъ возникновеніемъ и развитіемъ въ значительной степени обязаны Моно и его ученикамъ; немало поработалъ Моно и надъ реформой средней школы во Франціи. Какъ университетскій преподаватель, Моно сыгралъ въ жизни высшей французской школы очень важную роль: онъ ввелъ въ ея обиходъ типичный нѣмецкій семинарій по исторіи съ кропотливой работой надъ текстомъ, и его критическій анализъ источниковъ по исторіи среднихъ вѣковъ Франціи—преимущественно Меровингской и Каролингской эпохъ, является образцомъ соединенія широкой эрудиціи съ критическимъ аппаратомъ высшаго сорта. Этотъ методъ преподаванія Моно получилъ потомъ большое распространеніе во Франціи. Для строго-научной работы жизнь Моно сложилась очень неблагопріятно: онъ вѣчно былъ занятъ то преподаваніемъ, то редактированіемъ журнала «Revue Historique», то работой въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ; для работы надъ большими научными трудами времени не оставалось, и потому все, что написалъ Моно, это только небольшіе научные историческіе этюды; но зато все написанное Моно отличается обширной эрудиціей, тонкимъ анализомъ источниковъ и главное—необыкновеннымъ безпристрастіемъ. Особенно ярко эта послѣдняя черта научныхъ трудовъ Моно выступаетъ въ брошюрѣ «Нѣмцы и Французы», выпущенной имъ вслѣдъ за франко-прусской войной 1870—1871 г., и въ его послѣдней работѣ объ іезуитахъ. Въ эпоху борьбы французской республики съ іезуитами, когда, казалось, вся Франція раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря: языкъ враговъ іезуитскаго ордена и не менѣе языкъ его защитниковъ, Моно въ своемъ изслѣдованіи сталъ на строгообъективную точку зрѣнія. Поставивъ себѣ за правило «быть справедливымъ къ іезуитамъ», Моно тщательнымъ изслѣдованіемъ документовъ, относящихся къ исторіи ордена, показалъ, какъ много несправедливыхъ навѣтовъ дѣлалось на членовъ ордена Іисуса, при чемъ ему пришлось критиковать такіе давно признанные авторитеты, какъ Мишле и Кипе. Но Моно не затушевываетъ недостатковъ іезуитовъ, онъ хочетъ только справедливаго отношенія къ нимъ.

К. С.

Общество Исторіи Литературы въ Москвѣ.

Въ засѣданіи 9 февраля были прочитаны слѣдующіе доклады: 1) Н. В. Гиляровской: «Общественно-литературное настроеніе и театръ первой половины XVII вѣка во Франціи». Докладъ далъ бытовую картину эпохи, рисующую театральные нравы того времени, положеніе писателя и актера, внѣшній видъ театра и нравы общества, интересовавшагося литературой и театромъ.

2) С. В. Шувалова: «Къ вопросу о Добрынѣ-змѣеборцѣ». Не соглашаясь съ А. В. Рыстенкомъ, авторомъ книги «Легенда о св. Георгіи и драконѣ», докладчикъ доказывалъ, что змѣеборческій мотивъ былины о Добрынѣ могъ быть заимствованъ не только изъ христіанской легенды, но также изъ дохристіанскихъ представленій народа.

Драматургъ *В. В. Протопоповъ пожертвовалъ* всю свою цѣнную *театральную библіотеку* и музей—Спб. городскому управленію, на условіяхъ отведенія городомъ помѣщенія для музея и безплатнаго пользованія посѣтителями собранными матеріалами.

---

19 февраля состоялось *открытіе дома просвѣтительныхъ учрежденій* въ память 19 февраля 61 года, на Обводномъ каналѣ въ Петербургѣ. Домъ сооруженъ въ мѣстности, густо населенной рабочими. Въ зданіи имѣется нѣсколько аудиторій, библіотека, въ которой насчитывается свыше 90 тыс. томовъ, и помѣщеніе для театра.

Долженъ ли я надѣяться, что вы осчастливите меня нѣсколькими строками вашей прекрасной руки, чтобы окончательно не порвалась столь еще тонкая нить, образовавшаяся между нами? Съ мольбой цѣлую я эту руку, но надѣюсь, что скоро поцѣлую ее съ благодарностью!

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинъ.

Парижъ, 21 февраля 1774 г.

Наконецъ, прекраснѣйшяа маркиза, письмо отъ васъ! Я уже пересталъ на него надѣяться. Я боролся съ собой, не зная, долженъ ли я вамъ еще разъ напомнить о себѣ и боясь, что я покажусь вамъ навязчивымъ. Правда, не очень-то лестно для меня, что вы «ради скуки» пишите мнѣ, и я не знаю, удастся ли мнѣ прогнать эту скуку, тѣмъ болѣе, что теперь въ Парижѣ—это общая болѣзнь.

Болѣзнь короля точно кошмаръ нависла надъ дворомъ Версаля. Патеры, въ родѣ аббата Бове, монахини, въ родѣ M-me Луизы, поочередно пользуются тамъ вліяніемъ. Всякаго рода темныя личности впускаются въ заднія двери дворца, такъ какъ его величество сдѣлался очень суевѣрнымъ и хочетъ, чтобъ ему гадали. Лишь на нѣсколько часовъ, самое большое на день, удается красавицѣ вакханкѣ Дюбарри прогнать его меланхолію. Все дрожитъ кругомъ него, частью изъ боязни, частью въ надеждѣ на что-то, и многіе здѣсь производятъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто они уже уложили тайкомъ свои сундуки. Только во внутреннихъ покояхъ Дофины и въ самомъ тѣсномъ придворномъ кругу еще слышится смѣхъ, игры, танцы. Веселье, повидимому, укрылось въ маленькихъ отеляхъ Дютэ, Гимаръ, Рокуръ, а съ нимъ удалились туда и нѣкоторыя веселыя дамы общества, не ко вреду для себя, такъ какъ только тамъ можно научиться, что такое—удовольствіе и что—любовь.

Я еще не забылъ вашего изумленія по поводу того, что всѣ героини романовъ, съ которыми я познакомилъ васъ—куртизанки. Если бъ вы не жили, точно въ заточеніи, въ своемъ старомъ замкѣ—новый дворецъ еще не скоро будетъ построенъ, павильона же, который я совѣтовалъ вамъ выстроить только для себя, вамъ придется, навѣрное, ждать еще дольше—то вы скоро уяснили бы себѣ, какъ многія другія, причину этого явленія. Вѣдь эти дѣвушки свободны! Никакія ножницы этикета и приличій не урѣзываютъ ихъ чувствъ, для того, чтобы онѣ, подобно штамбовымъ акаціямъ, благопристойно стояли въ рядъ, на своихъ мѣстахъ. Никакой супругъ не дѣлаетъ изъ нихъ своей частной собственности, подобно своей собакѣ, которую онъ такъ выдресировалъ, что она, даже умирая съ голода, не возьметъ куска хлѣба изъ рукъ другого.

Въ отелѣ Рокуръ, этой несравненной актрисы, введенной въ моду герцогомъ д'Аржансонъ, у ногъ которой теперь находится половина Парижа, и въ отелѣ Гимаръ—танцовщицы, пускающей въ ходъ все свое

искусство и все свое очарованіе, чтобы не уступить своей опасной соперницѣ—я часто встрѣчалъ нашего общаго друга принца Фридриха-Евгенія. Полный мыслями о васъ, прекрасная маркиза, я бы могъ не переставая говорить о васъ, но молчаливое спокойствіе, чтобы не сказать: равнодушіе, съ которымъ принцъ слушалъ меня, могло бы заставить меня подумать, что между вами произошла ссора, если бъ не непонятная запальчивость, внезапно высказанная имъ, по поводу моего невиннаго замѣчанія, что «очаровательная маркиза скоро превратитъ старый угрюмый замокъ Фробергъ въ цвѣтущій французскій Mont de joie [1]). Онъ увидѣлъ въ этомъ замѣчаніи какое-то оскорбленіе вашей личности и тотчасъ же выступилъ вашимъ защитникомъ. Онъ такъ хорошо сыгралъ роль вашего старато друга—единственнаго, имѣющаго право вступаться за васъ,—что я не зналъ что и думать, а малютка Гимаръ многозначительно улыбалась, слушая его.

Я бы желалъ для васъ, чтобы вы, хоть на короткое время, познакомились съ этой очаровательной танцовщицой. Она часто напоминаетъ мнѣ васъ своими мягкими тѣлодвиженіями и своей манерой медленно поднимать свои густыя рѣсницы, прикрывающія ея темные глаза. Только ея тѣло, согласно новѣйшей англійской модѣ, не стѣснено никакими оковами и такъ же свободно, какъ свободна ея привязанность и ея нѣжность.

— Кто не умѣетъ быть расточительнымъ въ любви, тотъ самъ—нищій,—сказала она недавно одной маленькой графинѣ, пожаловавшейся ей на непостоянство своего возлюбленнаго. Она прибавила съ насмѣшкой: «Кормите его и дальше милостынями вашихъ небесныхъ взглядовъ и пожатіями руки, тогда онъ неминуемо превратится въ вашего злѣйшаго врага и революціонера, подобно голодающему и зябнущему народу Парижа, смотрящаго на горящіе костры, зажигаемые важными господами въ угоду вамъ, передъ вашимъ дворцомъ, и на крошки хлѣба, которыя вы ему бросаете!...»

Мое письмо должно будетъ разочаровать васъ, и я боюсь, что оно ни на минуту не прогонитъ вашей тоски и, пожалуй, даже еще усилитъ ее. Я настолько жестокъ, моя красавица, что почти желаю этого, потому что вы такъ упрямы (или такъ кротки?), что должны сначала почувствовать себя чрезмѣрно несчастной, чтобы избавиться отъ этого несчастья.

Люсьенъ Гальяръ Дельфинъ.

Парижъ, мартъ 1774 г.

Высокопочитаемая маркиза! Я загналъ двухъ лошадей. Произошло ли это отъ тяжести моего горба или отъ моихъ острыхъ шпоръ—вопросъ остается открытымъ. Я даже не почистилъ своего платья, не пилъ и не

---

[1]) Непереводимая игра словъ. Frohberg по-нѣмецки значитъ то же, что Mont de joie по-французски—гора веселья. *Прим. перев.*

ѣлъ и прямо ворвался въ домъ. Камердинеръ принца Фридриха-Евгенія, только получивъ два луидора, рѣшился повѣрить моей честности.

Вашей милости тревожиться нечего. Чернильная душа писаки въ «Mercure de France» естественно хотѣла заставить провинцію задрожать отъ страха. Никакой опасности для жизни нѣтъ. Кончикъ шпаги графа Гюи Шеврёза только немного порѣзалъ щеку его сіятельства принца и заставилъ его потерять нѣсколько унцій крови. Но это даже принесетъ ему пользу, такъ какъ охладитъ слишкомъ большой пылъ принца.

О причинахъ дуэли ничего неизвѣстно съ достовѣрностью даже камердинеру, преданную дружбу котораго я пріобрѣлъ при помощи еще нѣсколькихъ луидоровъ. Одно, повидимому, вѣрно, что ссора произошла въ отелѣ М-lle Гимаръ, той самой красивой дамы, которую вчера принималъ принцъ. Очевидно, въ Парижѣ теперь вошло въ моду принимать въ постели, и даже мужчины большого свѣта даютъ въ постели свои аудіенціи.

Но меня, конечно, не приняли, потому что вы не позволяли мнѣ назвать никому другому, кромѣ принца, имя той, которая послала меня. Впрочемъ, тутъ виновата моя собственная глупость. Завтра я перемѣню простое имя Гальяра на какое-нибудь другое, увѣнчанное семи или девятизубчатой короной, и тогда меня впустятъ не въ заднюю дверь, а широко откроютъ передо мной парадныя двери.

Я пошлю тогда, вслѣдъ за сегодняшнимъ, второго курьера съ письмомъ.

Позвольте мнѣ выразить вамъ мою неизмѣнную благодарность и преданность. Я жалѣю, что, кромѣ пары лошадиныхъ ногъ, ничѣмъ больше не могу пожертвовать для васъ.

Люсьенъ Гальяръ Дельфинъ,

22 марта 1774 г.

Высокопочитаемая госпожа маркиза! Только что посѣтилъ принца. Мое сообщеніе заставило его привскочить на постели. Я могъ при этомъ убѣдиться, какъ еще много здоровой крови наполняетъ его жилы, такъ какъ лицо его запылало какъ огонь, лишь только я произнесъ ваше имя.

— Напишите вашей повелительницѣ,—сказалъ онъ,—что я ничего такъ страстно не желаю, какъ быть дѣйствительно больнымъ при смерти, чтобы ея трогательная заботливость могла вернуть меня къ жизни.

Онъ не отпускалъ меня почти три часа. Онъ не переставалъ разспрашивать меня, слушать меня. Я долженъ былъ порадоваться тому, что вашъ образъ такъ неизгладимо запечатлѣлся въ моей памяти, и поэтому я могъ изобразить въ словахъ каждый вашъ взглядъ, каждую улыбку, каждое движеніе. Его сіятельство даже увѣрялъ меня, что никакія краски Буше не въ состояніи болѣе жизненно и ярко передать вашъ образъ.

чѣмъ это сдѣлали мои слова. Какая-то M-lle Рокуръ велѣла доложить о себѣ во время моего визита. Но онъ съ такой презрительной миной уклонился отъ ея посѣщенія, что если бъ она это видѣла, то, навѣрное, больше не явилась бы къ нему.

Я посѣтилъ сегодня мою «больную» мать. Мнѣ незачѣмъ разсказывать сказки г. маркизу. Ея желаніе меня видѣть было такъ же велико, какъ мое. Только когда она убѣдилась, что я явился къ ней не для того, чтобы отъ нея требовать что-нибудь, ея материнская нѣжность внезапно проснулась. Въ общемъ, ей живется хорошо. На деньги своего возлюбленнаго, которому, благодаря несчастной случайности, я обязанъ своей жизнью (я понялъ только тогда, что долженъ быть ему благодаренъ за это, когда мнѣ представилась возможность служить вамъ),— мать моя арендовала кафе-ресторанъ въ саду Пале-Рояля. У нея собираются величайшіе говоруны Парижа. Въ одинъ часъ я наслушался тамъ, больше, чѣмъ могъ передумать во всю свою жизнь, хотя, какъ вашему сіятельству извѣстно, мнѣ всегда оставляли много времени для размышленій. Вѣдь я былъ незаконнорожденный, и поэтому господа и слуги одинаково избѣгали меня! Но этимъ именемъ, котораго я стыдился, я могу теперь похвалиться, на основаніи моихъ новыхъ познаній. «Незаконорожденные умы», — этимъ именемъ одинъ изъ посѣтителей M-me Гальяръ, въ которомъ я узналъ бывшаго гофмейстера принца Фридриха-Евгенія г. фонъ-Альтенау,—назвалъ всѣхъ просвѣтителей, писателей и философовъ, которые стоятъ между народомъ и дворянствомъ, но не какъ соединяющій, а какъ разрушающій элементъ. Что излагали въ своихъ произведеніяхъ Вольтеръ, Руссо, Дидро, и какъ ихъ тамъ всѣхъ называютъ—я въ первый разъ услышалъ ихъ имена,—то другіе распространяютъ теперь въ народѣ посредствомъ газетъ, памфлетовъ и рѣчей. Поэтому въ каждомъ маленькомъ трактирѣ, лавочники и ремесленники разсуждаютъ о политикѣ и философствуютъ. О королѣ говорятъ такъ, какъ будто онъ уже умеръ. Возникаютъ горячіе споры за и противъ тѣхъ людей, которыхъ призоветъ Дофинъ. Есть такіе, которые полны надеждъ на будущее и ждутъ наступленія славнаго времени и конца всѣхъ бѣдствій. Большинство уже скептически улыбается и молча пожимаетъ плечами, слушая такія рѣчи. Для такого, какъ я, перенесеннаго сюда изъ своего пожизненнаго одиночнаго заключенія, все это носитъ характеръ какого-то лихорадочнаго сновидѣнія. Когда я проходилъ весной по садамъ Фроберга, то порою испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто предстоитъ что-то чудовищное, огромное. Но потомъ я во-время вспоминалъ, что такимъ калѣкамъ, какъ я, не дождаться этого. Здѣсь же я испытываю смутное ощущеніе, что для воспріятія того великаго, что предстоитъ, нуженъ прямой умъ, а не прямое тѣло...

Ваша милость научила меня, всегда молчаливаго, говорить и поэтому должны простить мнѣ, что я становлюсь все болтливѣе и болтливѣе.

Я жду, согласно уговору, дальнѣйшихъ приказаній вашего сіятельства.

Іоганнъ Фонъ-Альтенау Дельфинъ.

Парижъ, 30-го марта 1774 г.

Дорогая маркиза! Когда маленькая графиня Лаваль превратилась въ маркизу Монжуа, то, говоря откровенно, она исчезла для меня какъ прекрасный сонъ. Я думалъ, что когда-нибудь встрѣчу маркизу, но она уже будетъ чужая для меня, будетъ одною изъ многихъ прекрасныхъ женщинъ, съ такими же, какъ у всѣхъ, румянами на щекахъ, скрывающими всякій слѣдъ страданій и любви, съ такою же улыбкой на устахъ, одинаково привѣтствующей врага и друга, съ такимъ же направленіемъ ума, для котораго небо и земля составляютъ лишь предметъ разговора.

И вотъ случай, воплотившійся въ лицѣ толстой хозяйки кафе де ля Режансъ, свелъ меня съ горбатымъ человѣчкомъ, относительно котораго я все еще нахожусь въ недоумѣніи, служитъ ли онъ вашимъ придворнымъ шутомъ или вашимъ кавалеромъ? Но этотъ удивительный чудакъ познакомилъ меня съ маркизой Монжуа. Она уже больше не графиня Лаваль— въ этомъ меня не обмануло предчувствіе, — но она и не одна изъ многихъ! Я почти готовъ думать, что она—человѣкъ, потому что она чувствуетъ муки жизни.

Не гнѣвайтесь же на меня, если я скажу вамъ, что въ Парижѣ находится человѣкъ, который отдаетъ себя въ ваше распоряженіе. Можетъ-быть, онъ найдетъ какое-нибудь средство — если вы милостиво захотите завязать съ нимъ сношенія—облегчить вашу скорбь, хотя и не сможетъ обратить ее въ радость.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Парижъ, 3 апрѣля 1774 г.

Дорогая Дельфина, незабвенная подруга! Свою горячую благодарность за то благодѣяніе, которое вы оказали мнѣ, я долженъ попытаться выразить вамъ лично, а не черезъ посредство вашего вѣрнаго посла. Въ своей невинности вы даже и понять не можете, какъ много вы сдѣлали для меня. Вы спасли мнѣ, быть-можетъ, даже большее, чѣмъ жизнь, послѣ того, какъ вы сами же толкнули меня въ бездну, худшую, чѣмъ смерть. Я былъ на пути къ погибели... Ахъ, я бы хотѣлъ показаться вамъ и получить отъ васъ отпущеніе грѣховъ, что вѣрнѣе избавило бы меня отъ нихъ, чѣмъ если бы даже самъ папа сдѣлалъ это.

Парижъ мнѣ сталъ противенъ. Я не могу больше выносить его тяжелый, спертый воздухъ. Я жажду вдохнуть бодрящій весенній ароматъ, исходящій отъ родной земли. Какъ только моя рана позволитъ мнѣ выѣхать, я вернусь въ Монбельяръ и останусь до тѣхъ поръ, пока не заживутъ еще болѣе глубокія раны моего сердца и мнѣ можно будетъ переѣхать въ Этютъ,—нашъ прекрасный Этютъ!

Но я еще не знаю, что можетъ излѣчить эти раны. Удовольствія Парижа оказались лишь перевязкой, сдѣланной неловкимъ хирургомъ, а разлука съ вами дѣйствовала какъ разъѣдающій ядъ, не допускающій заживленія. Свиданіе съ вами закроетъ ли эту рану? Все равно! Если бъ я даже зналъ заранѣе, что буду истекать кровью, все же я не стану колебаться ни минуты. Лишь вашъ отказъ можетъ отправить меня въ изгнаніе. Но я знаю, вы не въ состояніи вынести мнѣ такого приговора. М-г Гальяръ былъ въ затрудненіи, что онъ долженъ восхвалять больше: вашу красоту или вашу доброту? Бѣдняга, онъ точно мотылекъ сжегъ свои сѣрыя крылышки, летя на свѣтъ вашихъ очей!

Я снова увижу васъ и постараюсь забыть, что привѣтствую въ вашемъ лицѣ маркизу Монжуа.

Простите дрожащій старческій почеркъ этого письма, пусть это не безпокоитъ васъ, дорогая Дельфина. Но какъ ни радуетъ меня эта заботливость обо мнѣ, я все же долженъ сказать, что причиной моего дрожащаго почерка является не столько слабость, сколько волненіе. Я знаю теперь, что долженъ чувствовать путешественникъ въ пустынѣ, изнывающій отъ жажды, съ пересохшимъ горломъ и потрескавшимися губами, когда онъ вдругъ увидитъ передъ собой прохладную тѣнь высокихъ пальмъ и свѣтлыя струи источника!...

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинѣ.

Монбельяръ, 30 апрѣля 1774 г.

Дельфина, дорогая Дельфина, отчего не отвѣчаете вы мнѣ? Я тщетно ждалъ въ Парижѣ вашего письма и надѣялся хоть здѣсь найти какую-нибудь вѣсточку отъ васъ. Все напрасно! Было ли это слишкомъ опрометчиво, съ моей стороны, только, на основаніи вашей заботливости, вывести заключеніе, что въ вашемъ сердцѣ сохранился еще остатокъ прежняго расположенія ко мнѣ? Когда графъ Шеврёзъ, въ присутствіи повѣсъ и дѣвокъ началъ говорить о Монжуа, гдѣ онъ нашелъ дворецъ Венеры, то мнѣ показалось, что я понимаю наглый смыслъ его словъ. То, что я могъ это подумать, было для васъ оскорбленіемъ, и вы правы, не удостоивая меня больше ни однимъ словомъ.

Но, Дельфина, ради нашего дѣтства, которое глядитъ на меня здѣсь изъ каждаго куста, изъ каждой зеркальной поверхности пруда, — простите меня! И ради моей любви къ вамъ, скажите мнѣ хоть одно доброе слово. Только ваше состраданіе и вашъ гнѣвъ невыносимы для меня!

Если же болѣзнь причиной вашего молчанія — я не смѣю останавливаться на этой мысли,—то поручите Гальяру вашъ отвѣтъ. Я изо всѣхъ силъ цѣпляюсь за каждую соломинку надежды и слишкомъ боюсь, что вы сами отнимете ее у меня, поэтому и не рѣшаюсь встрѣтиться съ вами.

Маркизъ Монжуа Дельфинъ.

Парижъ, 8 мая 1774 г.

Милая моя! Извѣстіе о смерти короля придетъ раньше моего письма. Когда я, въ четвергъ утромъ, вступилъ въ Версаль, то повсюду уже царило сильнѣйшее волненіе. Партія Дюбарри, съ герцогомъ Эгильономъ во главѣ, уже находилась въ сборѣ, такъ же, какъ и партія Шуазеля, собравшаяся у Дофины, вмѣстѣ съ герцогиней де Грамонъ, вызванной, къ великому негодованію короля, изъ своего изгнанія. Даже непосвященный ни во что могъ бы судить о положеніи дѣлъ по нескрываемой тревогѣ, выражавшейся въ лицѣ однихъ и плохо сдерживаемой радости и торжеству другихъ.

Вечеромъ больной король былъ перевезенъ изъ Тріанона, куда его увезла всемогущая фаворитка для того, чтобы до конца удержать въ своей власти. Это возвращеніе короля совершилось при такихъ условіяхъ, что должно было бы потрясти самаго хладнокровнаго наблюдателя. Дождь лилъ потоками, когда золоченыя королевскія кареты медленно, точно похоронная процессія, двигались по грязнымъ улицамъ къ замку. Султаны на головахъ лошадей, намокшіе отъ дождя, печально повисли. Короля осторожно приподняли изъ кареты на подушкахъ и понесли. Голова его поникла, и на лбу желтомъ, какъ воскъ, выступили крупныя капли пота. Сквозь сжатыя губы вырывался временами хриплый стонъ, когда его проносили мимо его придворнаго штата. Какъ только его положили на кровать, то онъ съ тревогой сталъ молить окружающихъ, чтобы они сказали ему правду относительно его болѣзни. Хотя онъ всегда очень много говорилъ о своемъ геройскомъ мужествѣ, но, въ сущности, онъ ничего такъ не боялся, какъ смерти. Онъ тотчасъ же окружилъ себя открытой и тайной стражей, не думая о томъ, что она вѣдь не удержитъ смерти!

На слѣдующій день королю два раза пускали кровь. Когда же врачи сказали, что, можетъ-быть, придется это сдѣлать и въ третій разъ, то и ему самому и всѣмъ его окружающимъ стало ясно, насколько серьезно было его положеніе. Герцоги Ришелье и Омонъ въ моемъ присутствіи бросились чуть не съ кулаками на врачей, чтобы помѣшать имъ произвести эту операцію. Врачи испугались за свое положеніе и поэтому уступили. Въ субботу, 30 апрѣля все тѣло короля внезапно покрылось такою же сыпью, отъ которой онъ страдалъ въ своей юности. Врачи теперь офиціально назвали это оспой. Король впалъ въ состояніе апатіи. Партія Шуазеля воспользовалась этимъ и настояла на томъ, чтобы къ королю были допущены его дочери Аделаида, Софія и Викторія. Архіепископъ уже дожидался въ прихожей, разсчитывая при помощи своего вліянія добиться изгнанія Дюбарри съ ея свитой. Но какъ только больной пришелъ въ себя, то онъ выгналъ своихъ дочерей и съ горячностью потребовалъ къ себѣ графиню. Принцессы,

впрочемъ, не въ состояніи были бы выдержать дольше ужасной атмосферы въ комнатѣ короля, тогда какъ графиня оставалась возлѣ него, не выказывая никакихъ признаковъ дурноты.

Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, когда самъ происходишь съ улицы!..

Разсказываютъ, что у нея хватило дерзости принести съ собой брильянтовое ожерелье сказочной цѣны, которое ей предложилъ купить ювелиръ Бемеръ. Она положила его передъ умирающимъ королемъ и просила подарить ей. Едва ли онъ понималъ что-нибудь изъ того, что она говорила, но онъ притянулъ къ себѣ ожерелье своими покрытыми нарывами горячими руками, которымъ было пріятно прикосновеніе холодныхъ камней.

Посредствомъ шутокъ и нѣжностей графиня старалась пробудить бодрость у умирающаго и надежду на выздоровленіе. Герцогъ Ришельє поддерживалъ ея старанія тѣмъ, что не допускалъ къ королю архіепископа, который хотѣлъ своевременно исповѣдать умирающаго и поэтому не уходилъ.

— Если вы такъ жаждете великихъ грѣховъ, монсиньоръ,— сказалъ ему старый повѣса со свойственнымъ ему цинизмомъ,—то возьмите мои! Могу васъ увѣрить, что за двадцать лѣтъ вашего архіепископства въ Парижѣ вы не слышали ничего подобнаго!

Борьба партій около умирающаго короля приняла, въ концѣ-концовъ, настолько бурный характеръ, что шумъ проникъ даже въ его комнату. Тщетно старался я водворить спокойствіе, потому что какъ ни враждебно отношусь я къ партіи Дюбарри, тѣмъ не менѣе, я все же помню, что король преемникъ великаго Людовика и, во всякомъ случаѣ, какъ умирающій, заслуживаетъ, чтобы къ нему относились съ тѣмъ безмолвнымъ почтеніемъ, какое всегда внушаетъ приближеніе смерти. И только когда король уже находился въ полусознательномъ состояніи, священники добились отъ него удаленія графини.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти короля я пріѣхалъ въ Парижъ. Вездѣ мнѣ попадались навстрѣчу ликующія массы народа, и крики: «Да здравствуетъ Людовикъ XVI», раздавались на всѣхъ улицахъ. Какъ ни антипатично мнѣ всякое скопленіе народа, но въ этомъ случаѣ я чувствовалъ себя заодно съ чернью.

Потрясающія событія, которыя должны будутъ повліять на судьбы Франціи, отодвинули на задній планъ тѣ разногласія, которыя возникли между мной и вами, незадолго до моего ускореннаго отъѣзда изъ Фроберга. Я теперь спокойнѣе отношусь къ этому, такъ какъ думаю, что ваше поведеніе является лишь результатомъ вашего положенія. Я постараюсь обращаться съ вами отнынѣ какъ съ больной, но все же хотѣлъ бы вамъ напомнить, что хорошо воспитанныя женщины считали до сихъ поръ своимъ долгомъ сдерживаться даже въ самыя трудныя минуты своей жизни. Я до сихъ поръ не могу понять, почему любезное приглашеніе княгини Монбельяръ и высказанное мною желаніе, чтобы вы своимъ согласіемъ поддержали дружественныя сосѣдскія отношенія

съ нею, могло такъ разсердить васъ? Вѣдь по вашимъ же увѣреніямъ, княгиня была для васъ второю матерью! Въ своемъ письмѣ она съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о «тихой сельской жизни», которая предлагается вамъ въ Этюпѣ. Ваше возраженіе, что вы не можете показываться съ такой «изуродованной фигурой», не болѣе какъ пустой предлогъ при данныхъ обстоятельствахъ. Вамъ не представляется случая одерживать тріумфы въ обществѣ, и поэтому ущербъ, нанесенный вашей красотѣ, не имѣетъ значенія. А такъ какъ вы вообще находите Фробергъ угрюмымъ и скучнымъ, то солнечный Этюпъ долженъ повліять на васъ вдвойнѣ благотворно. Княгиня же, при своей добротѣ, конечно, окружитъ васъ самыми заботливыми попеченіями.

Однако споръ, возникшій между нами по поводу приглашенія, былъ только прелюдіей къ той сценѣ, которую вы разыграли, выказавъ при этомъ безусловный талантъ для ролей трагическихъ героинь. Я думалъ смягчить васъ, напомнивъ вамъ о необходимости позаботиться о будущемъ ребенкѣ, но своими словами я только подлилъ масла въ огонь.—«Позаботиться о ребенкѣ!—крикнули вы, не желая замѣчать, что Гальяръ нарочно остановился подъ вашимъ открытымъ окномъ.—Я не хочу имѣть отъ васъ ребенка! Я стыжусь этого ребенка!..»

Надѣюсь, что теперь вы стыдитесь своего собственнаго поведенія о которомъ я вамъ напоминаю единственно съ той цѣлью, чтобы вы увидѣли его какъ въ зеркалѣ.

Но я уже сказалъ, что смотрю на это какъ на болѣзненное состояніе, которому подвержены молодыя женщины, находящіяся въ извѣстномъ положеніи, поэтому я и прощаю вамъ афронтъ, который вы причинили мнѣ. Не настаиваю также и на визитѣ въ Этюпъ. Вѣдь бываютъ же случаи, что беременныя женщины чувствуютъ непреодолимое отвращеніе какъ разъ къ своимъ самымъ любимымъ кушаньямъ!

Я пишу вамъ все это именно потому, что хотѣлъ бы, чтобъ объ этомъ дѣлѣ между нами не упоминалось больше ни слова.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинѣ.

Монбельяръ. 10 мая 1774 г.

Обожаемая Дельфина! Чѣмъ дольше я не получалъ вашего отвѣта, тѣмъ лихорадочнѣе работала моя фантазія; я видѣлъ передъ собой небо и адъ и думалъ, что все могу перенести. И все-таки дѣйствительность окончательно сразила бы меня, если бъ между строкъ вашего письма я не услыхалъ біенія вашего сердца, не увидалъ слезъ въ вашихъ очахъ!

Вы отклоняете мое посѣщеніе. Вы боитесь его! Вы желаете, чтобы я не забывалъ Дельфину Лаваль, и поэтому не хотите, чтобы я видѣлъ Дельфину Монжуа. Вы оставляете мнѣ лишь слабую надежду, что когда-нибудь наступитъ время, когда великій поворотъ судьбы избавитъ мою

подругу юныхъ лѣтъ отъ столбняка, въ которомъ она находится. Вы несчастны, Дельфина, несчастны, какъ и я, и не дозволяете мнѣ помочь вамъ! Я завидую графу Шеврёзу, я даже постараюсь забыть его легкомысленныя рѣчи, потому что онъ въ состояніи былъ доставить вамъ часы веселья.

Были моменты, послѣ полученія вашего письма, когда желаніе имѣть возможность помочь вамъ заглушило во мнѣ всѣ другія эгоистическія чувства. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ я и попросилъ мою мать пригласить васъ. Повинуясь вашему желанію при всѣхъ обстоятельствахъ, я бы не переступилъ порога жизнерадостнаго замка Этюнъ, такъ же, какъ не переступилъ бы порога вашего мрачнаго замка.

Еще многое хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ, потому что мое сердце переполнено. Но если бы я началъ, то не могъ бы остановиться, какъ не можетъ остановиться потокъ, бьющій изъ глубокихъ нѣдръ земли...

Іоганнъ фонъ-Альтенау Дельфинѣ.

Парижъ, въ сентябрѣ 1774 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза! Я уже отложилъ надежду получить отъ васъ извѣстіе и глубоко уважаю ваше молчаніе, которое у большинства людей, какъ и у животныхъ, пораженныхъ насмерть, бываетъ слѣдствіемъ глубокаго страданія.

И вотъ я постоянно перечитываю ваше письмо и по недосказаннымъ словамъ, по разсказамъ г. Гальяра и по вашему почерку, буквы котораго прежде прыгали въ разныя стороны, точно веселые маленькіе кобольды, а теперь чинно и степенно выступаютъ передъ мною равными рядами, какъ испуганныя дѣти передъ строгимъ учителемъ, я стараюсь составить себѣ представленіе о женщинѣ, которой теперь я пишу.

«Я уже больна много недѣль, — пишете вы; я лежу точно мертвая въ церкви, на ужасной, большой кровати, которая никогда не можетъ согрѣться, посреди высокой, мрачной комнаты. Что снаружи теперь лѣто — я этого не замѣчаю! Мнѣ кажется, что окна въ этомъ замкѣ нарочно такъ построены, чтобы въ нихъ заглядывало только зимнее солнце». Затѣмъ вы разсказываете о залахъ, всегда имѣющихъ пустынный видъ, сколько бы въ нихъ ни ставили мебели, и о жизни, которая такъ же пустынна, потому что наполнена отжившимъ, старымъ хламомъ. Кто же это, маленькая ли Дельфина, которую я зналъ когда-то, или маркиза, которую я ожидалъ встрѣтить?

Я долженъ вамъ преподнести что-нибудь «живое», чтобы, по крайней мѣрѣ, «отголосокъ шума и смѣха» достигъ васъ. Но я долженъ васъ разочаровать, маркиза: Парижъ, который я знаю, шумитъ — это правда, — но уже не смѣется. Въ тѣ часы, когда прежде на бульварѣ Лоншанъ знаменитыя куртизанки Дютэ, Клеофиль и др. разъѣзжали въ своихъ

великолѣпныхъ колясках, отдѣланныхъ севрскимъ фарфоромъ, выставляя на показъ свои роскошные туалеты, высоко взбитыя прически и обольстительную улыбку, а народъ глазѣлъ на нихъ и на сопровождавшую ихъ золотую молодежь, — теперь, ежедневно, въ кофейняхъ Пале-Рояля собираются люди, число которыхъ постоянно возрастаетъ, они приходятъ туда, чтобы почитать свѣжія газеты и памфлеты, поговорить о новѣйшихъ общественныхъ или политическихъ скандалахъ, поспорить о философскихъ и литературныхъ вопросахъ. Для многихъ эти общественныя мѣста, гдѣ можно собираться, замѣнили знаменитые въ свое время салоны, и не потому только, что здѣсь они не выходятъ изъ своего привычнаго круга или что они предпочитаютъ старымъ знаменитостямъ молодыхъ неизвѣстныхъ, но также и по той причинѣ, что въ непринужденности одежды и разговора они открыли новую привлекательность, которой не хватало салонамъ. Кромѣ того, было и еще одно обстоятельство, заставившее многихъ изъ теперешнихъ завсегдатаевъ кофеенъ покинуть прежніе салоны, это — ихъ убѣжденіе въ томъ, что все увеличивающееся вліяніе женщинъ въ этомъ вѣкѣ оказало печальное воздѣйствіе на внутреннее и внѣшнее положеніе Франціи.

Только мужская культура, по мнѣнію многихъ, можетъ спасти насъ отъ той бездны, куда мы теперь стремимся. Но забавно при этомъ, что чѣмъ больше мы освобождаемся отъ вліянія женщинъ, тѣмъ больше занимаемся ими, только, вмѣсто любовныхъ писемъ, теперь пишутъ ученые трактаты о женщинѣ и подвергаютъ самому тщательному изслѣдованію и испытанію ея силы и способности. Тома изъ французской академіи первый опубликовалъ изслѣдованіе характера, нравовъ и ума женщинъ.

При чтеніи этой книги мнѣ вспомнился слѣдующій анекдотъ: Софи Арно, болѣе прославившаяся своими острыми словцами, нежели своимъ астматическимъ пѣніемъ, попросила однажды Тома, который былъ въ то время администраторомъ одного парижскаго департамента, чтобы онъ велѣлъ передѣлать камины въ ея домѣ. «Я переговорилъ съ министромъ о вашемъ дѣлѣ, какъ философъ и гражданинъ...», отвѣтилъ онъ ей, въ концѣ-концовъ. «Ахъ, милостивый государь, какая мнѣ польза отъ этого!— прервала она его.—Лучше бы вы говорили объ этомъ какъ трубочистъ!»... Боюсь, что онъ такъ же отнесся и къ женщинамъ, какъ къ каминамъ. Не какъ гражданинъ и философъ долженъ былъ онъ разсуждать о женщинахъ, а какъ чувствующій человѣкъ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Дени Дидро въ своемъ разборѣ этого сочиненія. Я не могу удержаться, чтобы не привести вамъ нѣкоторыхъ его фразъ, хотя мнѣ и приходится для этого нарушить ихъ связь съ цѣлымъ. Онъ разсказываетъ: «Я вижу какъ дрожитъ отъ ужаса благопристойная женщина при приближеніи своего супруга; я вижу, какъ она погружается въ ванну, съ ужасомъ думая, что никогда ей не очиститься отъ слѣдовъ исполненія супружескихъ обязанностей. Такое чувство тѣлеснаго стыда намъ совершенно неизвѣстно. Даже въ объятіяхъ любимаго человѣка женщины не всегда

испытываютъ величайшее блаженство, тогда какъ мы можемъ испытать его съ любой доступной женщиной, къ которой мы совершенно равнодушны»... Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ изображаетъ законы и обычаи, навязываемые женщинамъ, онъ говоритъ: «Во всѣхъ странахъ жестокость гражданскаго законодательства соединилась съ жестокостью природы противъ женщинъ. Къ нимъ относятся какъ къ дѣтямъ или идіотамъ. Нѣтъ такого мучительства, даже у культурныхъ народовъ, какое не могъ бы себѣ позволить мужчина по отношенію къ женщинѣ! Если же она осмѣлится возмущаться, то ея поведеніе наказывается всеобщимъ презрѣніемъ».

Самъ фернейскій патріархъ, не выносящій, даже въ теченіе короткаго времени, чтобы общество не занималось имъ, вмѣшался въ разсужденія на тему о женщинѣ. По крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ, что его перу принадлежитъ одинъ, недавно появившійся, остроумный памфлетъ. Онъ требуетъ ни болѣе ни менѣе, какъ наивозможнаго облегченія развода, который долженъ быть дѣломъ государства въ интересахъ семейнаго благополучія, а отнюдь не дѣломъ церкви: «Что мужъ всегда старается вознаградить себя любовницами, а жена — любовниками, это еще не составляетъ рѣшенія вопроса», говоритъ онъ.

Авторъ другой анонимной брошюры требуетъ для оздоровленія брака уничтоженія приданаго. Но, мнѣ кажется, что это было бы полумѣрой. Правда, мужчины стали бы вступать въ бракъ только по любви, но совершенно неимущія женщины, болѣе чѣмъ когда-либо, стали бы заключать браки по расчету.

Я разсказалъ вамъ обо всѣхъ этихъ курьезахъ, думая возбудить, по крайней мѣрѣ, ваше любопытство, а можетъ-быть, даже вызвать у васъ улыбку. Но и это уже было бы большимъ прогрессомъ. Однако я потерялъ нить своего письма. И единственнымъ для меня утѣшеніемъ можетъ служить лишь увѣренность, что моя корреспонденція, гдѣ я такъ погрѣшилъ противъ стиля, никогда не попадетъ въ руки типографскаго наборщика. Итакъ, я снова возвращаюсь къ началу моего письма. Я хочу раньше изобразить вамъ рамку той картины, которую я намѣренъ впослѣдствіи нарисовать во всѣхъ подробностяхъ, если только вы не заставите меня замолчать.

Мы остановились на кофейняхъ Пале-Рояля. Если погода хорошая, то въ поздніе, послѣобѣденные часы толпа разсыпается по аллеямъ. Тамъ можно видѣть и женщинъ въ красивыхъ полонезахъ съ огромными муфтами или длинными палками въ рукахъ. Число прогуливающихся дамъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Вошло въ моду гулять на чистомъ воздухѣ, и врачи поддерживаютъ эту моду всѣми силами. Истерія, которую считали притворной болѣзнью свѣтскихъ дамъ, превратилась въ дѣйствительно серьезное заболѣваніе, и врачи приписываютъ это комнатному воздуху, сидячему образу жизни и отсутствію движенія, а также употребленію чая въ большомъ количествѣ и шнурованію тѣла. Въ послѣднее время можно встрѣтить у воротъ Парижа даже

герцогинь, прогуливающихся пѣшкомъ и уменьшившихъ объемъ своихъ юбокъ ради удобства движенія. А въ саду Пале-Рояля появились недавно молодыя, хорошенькія женщины, которыя вмѣсто того, чтобы стягивать грудь корсетомъ, прикрываютъ ее просто кисейной косынкой.

Вы видите, дорогая маркиза, что стиль моего письма безнадеженъ. Мысль о той, кому адресовано это письмо, путаетъ всѣ мои фразы, и такъ какъ я не смѣю говорить только о васъ, то невольно начинаю говорить о женщинахъ вообще. Но разрѣшите мнѣ сдѣлать еще одну, послѣднюю, робкую, попытку вернуть мои мысли въ прежнее русло... Когда же по вечерамъ запираются ворота Пале-Рояля, то открываются двери клубовъ. Это—собранія людей, преслѣдующія литературныя, философскія и политическія цѣли. Форму этихъ собраній мы заимствовали у Англіи. Они растутъ и размножаются точно сорная трава. Почти каждый мелкій лавочникъ отправляется послѣ ужина въ свой клубъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ доставить себѣ удовольствіе разсуждать обо всемъ, сколько душѣ угодно. Народное волненіе, въ прошломъ мѣсяцѣ, вызванное извѣстіемъ объ отставкѣ канцлера, было бы немыслимо безъ такихъ клубовъ и ихъ просвѣтительной работы. До сихъ поръ парижане собирались толпой только въ томъ случаѣ, если какая-нибудь старая королевская любовница отправлялась въ изгнаніе или же новая водворялась въ маленькихъ королевскихъ покояхъ. До нѣкоторой степени ими руководили тутъ отцовскіе интересы; они гордились тѣмъ, что были главными поставщиками любовныхъ наслажденій важныхъ господъ. Они низко кланялись собственной дочери, если какой-нибудь принцъ увѣшивалъ ее брильянтами. А теперь они плюютъ при встрѣчѣ съ ней. Кое-какое самосознаніе уже пробуждается въ этихъ жалкихъ маленькихъ мозгахъ, только никто изъ властителей еще не хочетъ признавать этого.

Въ то время какъ въ клубахъ, по вечерамъ, горячо обсуждаются вопросы о свободѣ торговли и налогахъ, — вопросы, получившіе особенно жгучій характеръ, съ тѣмъ поръ какъ у кормила правленія стоитъ Тюрго, принцъ Субизъ, этотъ оперный султанъ, попрежнему засѣдаетъ въ своемъ сералѣ и милостиво принимаетъ въ своей ложѣ отставныхъ танцовщицъ, получающихъ отъ него пенсію, и юныхъ ученицъ. А великосвѣтское общество спѣшитъ, послѣ Пантена, къ Гимаръ, смотрѣть сладострастныя комодіи, старающіяся превзойти другъ друга своимъ неприличнымъ содержаніемъ, или же отправляется въ отель M-me де-Монтессонъ, которая, несмотря на свои годы, все еще продолжаетъ играть роли юныхъ любовницъ въ своемъ собственномъ театрѣ и остается до сихъ поръ Эгеріей герцога Орлеанскаго.

Я же, съ своей стороны, дорогая маркиза, провожу свои вечера всего охотнѣе въ такомъ обществѣ, которое можно было бы назвать первымъ въ Парижѣ по уму и остроумію, хотя оно и не блещетъ ни титулами ни именами. Это общество собирается у M-me Жоффренъ.

Какъ бы я желалъ, чтобы вы познакомились съ этой удивительной женщиной, которая сумѣла привлечь къ себѣ лучшіе умы Франціи, не

будучи уже ни молодой ни красивой. Даламберъ, Тюрго, Дидро ея постоянные посѣтители. У нея въ салонѣ свободно высказывается то, что за его стѣнами неминуемо приводитъ въ Бастилію, но что составляетъ уже истину и религію грядущаго вѣка.

Вы найдете, пожалуй, что я слишкомъ беззастѣнчиво пользуюсь вашимъ милостивымъ разрѣшеніемъ писать вамъ. Но мнѣ представляется, будто васъ снова окружаетъ ночная тьма и вдали алѣетъ зарево пожара, а вы — маленькая графиня Лаваль — стоите передо мной и смотрите большими горящими глазами, спрашивая дрожащимъ голосомъ: «Неужели это правда? Неужели это можетъ быть?»...

Долженъ ли я отвѣчать вамъ — это вы рѣшите сами!

Іоганнъ фонъ-Альтенау Дельфинъ.

Парижъ, 3 октября 1774 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза! Вашъ быстрый отвѣтъ привелъ бы меня въ восхищеніе, если бъ я могъ приписать его дѣйствію своего письма. Но именно горячность вашей благодарности, далеко не соотвѣтствующая моимъ заслугамъ, указываетъ мнѣ, что вы томитесь, что даже самая ничтожная капля воды можетъ служить для васъ облегченіемъ. Вы забрасываете меня множествомъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, и чтобы отвѣтить на нихъ, я долженъ былъ бы написать настоящую энциклопедію. Вы ожидаете, повидимому, что я выскажу такое же опасное свободомысліе, какъ и энциклопедія, потому что иначе вы не стали бы меня просить адресовать мои письма, къ вамъ на имя вашего придворнаго шута. Но такой поступокъ, пожалуй, былъ бы даже опаснѣе, чѣмъ если бы мое письмо попало въ чужія руки. Такъ ли вы увѣрены въ человѣкѣ, въ чьи руки вы отдаете себя? Я только теперь узналъ, что онъ — сынъ нашей толстой хозяйки кофейни, особы весьма безпринципной, сумѣвшей хорошо устроиться, пройдя весь путь отъ уличной дѣвки вплоть до сводницы; она, навѣрное, не постѣснялась бы за пару луидоровъ отправить на висѣлицу своихъ самыхъ близкихъ друзей.

Но довольно объ этомъ. Я постараюсь отвѣтить на всѣ ваши вопросы и, по возможности, отвѣчу вамъ по порядку, такъ какъ думаю, что вы ближе всего принимаете къ сердцу тѣ изъ нихъ, которые вы выдвигаете на первое мѣсто. Свои же собственные вопросы насчетъ того, чѣмъ обусловливается такая постановка вашихъ вопросовъ, я отодвигаю на задній планъ.

Итакъ, приступаю: *Мари-Мадленъ Гимаръ.* Меня только удивляетъ, что вы такъ много уже слышали о ней. Мнѣ кажется, что въ ней воплощается отчасти духъ нашей эпохи. Оттого ли, что женщины обладаютъ большей чувствительностью, или онѣ стоятъ ближе къ таинственнымъ

дѣйствующимъ силамъ природы, но только онѣ въ значительной степени являются продуктомъ своего времени и окружающихъ условій.

Женщины царствованія короля-солнца имѣли величественную наружность; онѣ были большого роста, обладали роскошными формами и неподвижными, правильными чертами лица. Красота ихъ была чисто тѣлесная, и великолѣпные, негнущіеся придворные костюмы такъ же шли къ ней, какъ и театральныя зрѣлища и балеты, подражающіе древнимъ образцамъ. Современницы маркизы Помпадуръ казались уже граціознѣе, живѣе, и умъ сталъ придавать красоту даже неправильнымъ чертамъ лица. Въ настоящее же время умъ подчиняетъ себѣ все тѣло. Одухотворенные глаза, капризный носикъ, ротъ, выражающій каждую мысль, каждое чувство, даже когда молчитъ, такіе стройные члены, передающіе каждое ощущеніе,—вотъ какова должна быть женщина fin de siècle, и вотъ какова Мадленъ Гимаръ. Она уже не молода, она совсѣмъ не красавица, и все же принцъ Субизъ разоряется для нея, а г. Делабордъ, ея прежній возлюбленный, вѣренъ ей какъ собака, хотя у него постоянно бываютъ новые соперники. Она поднялась изъ народной гущи, какъ большинство ей подобныхъ, но своимъ умѣньемъ держать себя при дворѣ не уступаетъ ни одной принцессѣ крови, потому что обладаетъ въ высокой степени тѣмъ женскимъ даромъ приспособленія, которое превращаетъ въ нѣсколько лѣтъ молоденькую дѣвушку изъ парижскаго предмѣстья въ свѣтскую даму, тогда какъ мужикъ всегда остается мужикомъ, хотя бы онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ носилъ титулъ, дворянскую шпагу и шелковые чулки.

Когда она танцуетъ, то можно закрыть ея лицо, и все-таки каждое ея чувство будетъ понятно зрителямъ. Видно, какъ адъ и небо борются въ ея душѣ. Ея потребность къ роскоши не имѣетъ границъ, но ее можно встрѣтить въ самыхъ нищенскихъ кварталахъ Бюттъ Сенъ Рошь, гдѣ она, плотно закрывшись капюшономъ, раздаетъ бѣднымъ деньги, одежду и съѣстные припасы. Она хладнокровно превратила въ нищихъ множество мужчинъ, но втихомолку спасаетъ отъ бѣды молодыхъ офицеровъ и своихъ же бѣдныхъ коллегъ. Оргіи, происходящія въ ея отелѣ, приводятъ въ ужасъ всѣхъ ея сосѣдей, но на слѣдующій же день послѣ этого она, вполнѣ благопристойно, принимаетъ у себя дамъ и мужей науки и искусства, и для первыхъ является образцомъ умѣнья одѣваться и принимать гостей, а для вторыхъ служитъ кипучимъ источникомъ вдохновенія и возбужденія.

Теперь перехожу къ Рокуръ. Въ красотѣ ея есть что-то юношеское, а въ ея холодномъ, остромъ умѣ, есть что-то мужское; разсказываютъ, что она только разъ проявила женскую слабость. Это было годъ тому назадъ, когда фернейскій патріархъ, въ комедіи котораго «Les lois de Minos» она отказалась выступить, задѣлъ ея добродѣтель. Она упала въ обморокъ. Но съ той поры она стала менѣе чувствительной. Она неподражаема въ роляхъ трагическихъ героинь, но въ роляхъ любовницъ, которыя она пыталась разыгрывать, и въ жизни ей не хватаетъ граціи. Поэтому-то

ея поклонники—преимущественно очень молодые люди болѣе способны восхищаться, нежели любить; это скорѣе ученики, нежели повелители. Она принадлежитъ къ числу постоянныхъ посѣтительницъ садовъ Пале-Рояля, гдѣ вокругъ нея собирается больше женщинъ, нежели мужчинъ. Въ Парижѣ произвело сенсацію то, что она основала женскій клубъ въ частной квартирѣ — пользующейся извѣстностью M-me Гальяръ. Разнузданные языки въ кофейняхъ, болѣе ядовитые, чѣмъ въ салонахъ, такъ какъ они не стѣсняются требованіями приличій, разсказываютъ про этотъ клубъ очень много дурного. Однако я не думаю, чтобы M-lle Рокуръ принадлежала къ такому типу новыхъ женщинъ, который заслуживалъ бы особеннаго вниманія съ вашей стороны.

Затѣмъ вы спрашиваете меня, высокоуважаемая госпожа маркиза, о новыхъ романахъ, о здоровьи королевы, о положеніи министерства, о выдергиваніи золотыхъ и серебряныхъ нитей изъ галуна—этомъ отвратительномъ для нервныхъ женскихъ пальчиковъ модномъ занятіи,— объ идеяхъ Дидро... Я стою передъ этимъ пестрымъ букетомъ разнообразныхъ вопросовъ какъ дитя передъ ярмарочнымъ балаганомъ и не знаю съ чего я долженъ начать! Къ тому же, мое умственное достояніе слишкомъ невелико, чтобы уплатить за все это настоящей монетой.

Новые романы? Женщины пишутъ ихъ теперь съ такимъ же проворствомъ, съ какимъ онѣ выдергиваютъ изъ галуновъ золотыя нити. Это— сердечныя изліянія на бумагѣ, вызванныя тѣмъ, что любовники, которые ихъ выслушивали раньше, сбѣжали. Я посылаю вамъ нѣсколько образцовъ такихъ произведеній и знаю, что вашъ изысканный вкусъ отвергнетъ ихъ. Время поэтовъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствительность начала предъявлять холодному разсудку все большія и большія требованія. Только тогда, когда мы разрѣшимъ прозаическую проблему народной сытости, мы можемъ снова сѣсть за столъ Анакреона и увѣнчать себя розами.

Какъ чувствуетъ себя королева? Она строитъ въ Тріанонѣ пастушескія хижины и интересуется доеніемъ хорошо упитанныхъ коровъ и выращиваніемъ кроткихъ ягнятъ.

Положеніе министерства? Но развѣ оно можетъ на что-нибудь разсчитывать при такомъ королѣ, за которымъ его совѣтники должны ежедневно отправляться въ новый охотничій округъ, въ глазахъ котораго цифра убитыхъ козуль важнѣе цифры государственнаго дефицита, и который, обливаясь потомъ, изобрѣтаетъ замки, предохраняющіе отъ воровъ его гардеробные шкапы, но не спасающіе отъ нихъ его государство.

Выщипываніе нитей? Я умалчиваю объ этомъ занятіи, потому что вязаніе чулокъ и шитье рубашекъ требуетъ все же больше ума, чѣмъ такое безсмысленное времяпрепровожденіе.

Идеи Дидро? Онѣ подкапываютъ, словно стаи голодныхъ крысъ, ту почву, на которой построенъ нашъ міръ, хотя во Франціи не найдется, пожалуй, и ста человѣкъ, знающихъ имя того, кто увлекаетъ ихъ за собой, точно крысоловъ, увлекающій крысъ. Эти идеи—отравленныя стрѣлы

и тотъ, кого онѣ поразили, медленно умираетъ. Руссо проповѣдывалъ возвращеніе къ природѣ какъ новую религію. Вольтеръ, этотъ придворный шутъ его величества въ XVIII вѣкѣ, облилъ ѣдкимъ щелокомъ своей насмѣшки все, что казалось человѣчеству святыней. Дидро же— это герой, который съ обнаженнымъ оружіемъ, какъ врагъ общества, выступаетъ противъ него. Отъ этого общества, говоритъ онъ, происходятъ всѣ бѣдствія, всѣ пороки. Это оно породило ихъ, создавъ религію и богатство, т.-е. порабощеніе одного другими и, главное, изобрѣтя нравственность. Религія является источникомъ преслѣдованій и преступленій, войнъ и судовъ надъ еретиками. Нравственность служитъ источникомъ лицемѣрія, самоубійства души, порабощенія всѣхъ естественныхъ влеченій. Преодолѣніе же нравственности является актомъ возрожденія.

Вы испугались, госпожа маркиза? Ахъ, я не подумалъ о томъ, что вы, въ самые мучительные часы вашей жизни, еще падаете съ молитвой на колѣни, что вы считаете добродѣтелью покорность судьбѣ и подавленіе всѣхъ бунтующихъ голосовъ вашей души! Или, быть-можетъ, я ошибаюсь? Маленькая графиня Лаваль бѣжала вѣдь изъ монастыря въ туманную ночь, нарушая приказаніе аббатиссы, и она же, несмотря на ожидающее ее наказаніе, добровольно вернулась въ монастырь, чтобы облегчить послѣдніе часы умирающей...

Простите! Образъ этого очаровательнаго, мужественнаго ребенка такъ безповоротно запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ, что я изъ-за него забываю о маркизѣ Монжуа...

Іоганнъ фонъ-Альтенау Дельфинъ.

Парижъ, 20 октября 1774 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза! Въ первую минуту я былъ совершенно ошеломленъ взрывомъ вашего негодованія, вызваннаго моимъ недовѣріемъ къ вашей силѣ воли и къ вашему самосознанію. Теперь я радуюсь такому дѣйствію—сознаюсь не вполнѣ неумышленному съ моей стороны, — такъ какъ это закалило ваши силы.

Прилагаю маленькую статью «Du droit au divorce», и надѣюсь достать для васъ копію діалога Дидро: «Est-il bon? Est-il méchant?», въ которомъ заключается главное, что вы желали бы знать.

Надежда на возможность вашего пріѣзда въ Парижъ: «когда все будетъ конечно»,—вы, вѣроятно, имѣете въ виду рожденіе вашего ребенка?— приводитъ меня въ восторгъ. Я уже говорилъ, на прошлой недѣлѣ, въ среду, съ M-me Жоффренъ. Она не принимаетъ никого изъ дамъ, кромѣ M-lle Леспинасъ, такъ какъ говоритъ, что онѣ приходятъ лишь «изъ зависти и любопытства и уходятъ, чтобы сплетничать», — но для васъ она сдѣлаетъ исключеніе. Ваши письма она нашла обворожительными. «Женщина съ умомъ и сердцемъ составляетъ такое исключеніе въ наше

время, когда заботятся только объ умѣ и воспитываютъ и балуютъ его, словно принца, а на сердце смотрятъ какъ на Золушку, — сказала она что я люблю ее, даже не зная ея!» Такой приговоръ въ устахъ M-me Жоффренъ имѣетъ для интеллигентныхъ кружковъ Франціи, столь же большое значеніе, какъ для королевскаго дома удостовѣреніе въ существованіи тридцати двухъ предковъ.

Могу я просить васъ напомнить г. Гальяру, чтобы онъ сообщилъ мнѣ о состояніи вашего здоровья, когда вы, дорогая маркиза, не въ состояніи будете писать?

Люсьенъ Гальяръ Дельфинъ.

Фробергъ, 20 ноября.

Высокоуважаемая госпожа маркиза! Ваша милость проститъ мнѣ этотъ необычный шагъ. Мнѣ ничего не остается другого, такъ какъ входъ въ вашу комнату для меня недоступенъ.

До вступленія госпожи маркизы во Фробергъ никто въ этомъ домѣ не обращался со мной какъ съ человѣкомъ. Поэтому всѣ чувства, жившія во мнѣ, сосредоточились въ одномъ — въ ненависти. Доброта же вашей милости и выказанное мнѣ участіе впервые заставили меня замѣтить, что и у меня, какъ и у другихъ, не горбатыхъ, людей, есть также сердце въ груди.

Достаточно уже тяжело то, что я долженъ видѣть живымъ человѣка, причиняющаго вамъ столько горя и страданія! Но что этотъ человѣкъ не стѣсняется унижать васъ въ собственномъ домѣ — скажу прямо: обманывать, — этого я уже не могу вынести!

M-me Помиль, кормилица взятая къ вашему ребенку, — возлюбленная господина маркиза, ея дочь — его дочь. Въ доказательство прилагаю письмо, похищенное мной изъ ея ящика.

Маркизъ Монжуа Дельфинъ.

Фробергъ, 22 ноября 1774 г.

Моя милая! Вы запрещаете мнѣ входъ въ вашу комнату, и только для того, чтобы избѣжать еще большаго скандала, который сдѣлали наши разногласія достояніемъ всѣхъ нашихъ подчиненныхъ, я покоряюсь, на первый разъ, вашему рѣшенію. Полагаю также, что, дѣйствительно, лучше избѣгать такихъ словесныхъ пререканій, какія произошли вчера, пока вы не выздоровѣете окончательно. И только вслѣдствіе опасенія, что вы, въ своемъ раздраженіи, могли не разслышать всего, ска-

заннаго мной, я хочу попытаться письменно объясниться съ вами, при чемъ я особенно настаиваю на томъ, что ни вчера ни сегодня я не чувствую себя въ положеній виновнаго передъ вами.

Повторяю: M-me Помиль не моя возлюбленная, и ваше знаніе моего вкуса должно было бы убѣдить васъ въ этомъ, безъ моихъ увѣреній. Я не очень добродѣтеленъ, но зато слишкомъ эстетиченъ для того, чтобы позволить себѣ такую нелѣпость и ввести свою любовницу въ свой собственный домъ. Наглое письмо моего рейткнехта, которое сунули вамъ въ руки, ничего иного не доказываетъ, кромѣ того, что на охотѣ въ лѣсахъ Зульца я провелъ одну ночь у женщины. И этого бы не случилось, если бъ вы, моя дорогая, не показали мнѣ себя съ самой нелюбезной стороны.

Мой ли ребенокъ дочка Помиль — этого я знать не могу. Но я считаю простымъ долгомъ благопристойности, даже на основаніи одной только возможности этого, оказать матери этого ребенка необходимую поддержку.

Что касается ея выбора какъ кормилицы моего сына, то, какъ вамъ извѣстно, она сама предложила себя, и нашъ врачъ нашелъ ее наиболѣе подходящей изъ всѣхъ кандидатокъ. Такъ какъ здоровье моего сына должно стоять на первомъ планѣ теперь, то, невзирая на необходимость обращать нѣкоторое вниманіе на толки людей, я все же не хочу, чтобы тутъ произошла какая-либо перемѣна. Я позабочусь о томъ, чтобы домъ M-me Помиль находился въ такомъ состояніи, которое вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ ранга ея питомца. Она, такимъ образомъ, не будетъ попадаться вамъ на глаза, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда вашъ гнѣвъ уляжется, вы будете вспоминать объ этомъ дѣлѣ со смѣхомъ?

Теперь о письмѣ, которое вы велѣли мнѣ передать. Вы требуете, ни болѣе ни менѣе, какъ разрыва нашего брака, и свое желаніе подкрѣпляете изобиліемъ такихъ громкихъ словъ, какъ: правдивость, самоуваженіе, личная свобода. Вы, въ самомъ дѣлѣ,—ребенокъ, иначе вы должны были бы знать, что не уцѣлѣло бы вообще ни одного брака, если бъ каждый разъ послѣдствіемъ такой «невѣрности» былъ бы разводъ. И вы бы сказали себѣ также, что маркиза Монжуа не должна дѣлать себя предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ.

Я боюсь, послѣ всего происшедшаго, что вамъ, моя дорогая, еще многому надо поучиться, раньше чѣмъ я рѣшусь отправиться съ вами въ Версаль. Поэтому я отдалъ приказаніе приготовить намъ дворецъ въ Страсбургѣ, много уже лѣтъ стоящій пустымъ, такъ какъ я хочу сначала представить васъ тамошнему обществу.

Еще одно: этотъ негодяй Люсьенъ Гальяръ, такъ позорно отплатившій мнѣ и моей матери за всѣ наши благодѣянія, уволенъ мною, и я разсчитываю на благородство вашихъ чувствъ: что вы достойнымъ образомъ отклоните всякую попытку этого человѣка вступить съ вами въ сношенія.

НѢМЕЦКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Принцъ Луи Роганъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 21 февраля 1775 г.

Красавица! Мои приближенные полагаютъ, на основаніи моего дурного расположенія духа, что возникли серьезныя политическія осложненія. Но они — такіе нѣмцы—такъ безгранично проникнуты нѣмецкимъ духомъ, что не могутъ понять необъятности моего страданія, вызваннаго тѣмъ, что я долженъ отказаться отъ вашего приглашенія. Точно такъ же они не въ состояніи даже представить себѣ, какое дѣйствіе должно было оказать на меня ваше появленіе въ Страсбургѣ. Со времени открытія отеля Монжуа это мѣсто изгнанія превратилось въ островъ блаженныхъ!

Мой парижскій курьеръ привезъ маленькіе паштеты, которые я обѣщалъ вамъ для вашего ужина. Зависть къ счастливцамъ, которые будутъ вашими гостями, такъ велика, что я почти готовъ былъ бы отравить ихъ. Что еще привезъ мой курьеръ — письма и газеты; это едва ли заслуживаетъ вниманія. Но я готовъ изложить вамъ все въ газетномъ стилѣ нашей новѣйшей литературы, а вашъ умъ подскажетъ вамъ, какъ надо украсить эти парижскія новости, чтобы поднести ихъ вашимъ гостямъ.

По знаменіямъ на небѣ Франціи наши мудрые астрологи предсказываютъ приближеніе сильной грозы. Такъ, напримѣръ, малютка Люси, изъ Водевиля, съ особеннымъ удареніемъ произнесла въ одной комедіи два слѣдующихъ стиха: «Бываютъ мудрецы двадцати лѣтъ и повѣсы шестидесяти!» — и за оскорбленіе величества была посажена въ тюрьму на двадцать дней. Предлагаю вашей проницательности угадать: оскорбила ли она этимъ мертваго или живого короля?

Затѣмъ, въ новѣйшей трагедіи Вольтера, фраза: «Sous les debris du trône écrasent les sujets» вызвала бурные аплодисменты, при чемъ энтузіазмъ партера былъ вызванъ «обломками трона», а восторги ложъ— «раздавленными подданными».

Далѣе: Мальзербъ торжественно вступилъ въ академію—«тотъ самый, который содѣйствовалъ появленію энциклопедіи» — пишетъ мой корреспондентъ, сопровождая эту фразу тремя испуганными восклицательными знаками. Но онъ еще недостаточно старъ и потому не знаетъ, что только мертвые попадаютъ въ число «безсмертныхъ».

Въ заключеніе еще слѣдующее; маркизъ Мирабо, подобно Платону, открыто присоединился къ новому Сократу — д-ру Кэнэ, въ которомъ онъ видитъ избавителя отъ всѣхъ нашихъ золъ. Это, по моему мнѣнію, единственное событіе, могущее заставить немного призадуматься. Не ради г. Кэнэ, которому въ будуарѣ маркизы Помпадуръ пришла въ голову достославная мысль: промѣнять шпагу на навозныя вилы, а вѣеръ на

молочную кадку, и который теперь сдѣлался святымъ для экономистовъ, а ради личности его послѣдователя. Потерпѣвшіе крушеніе аристократы, начинающіе интересоваться вопросомъ о народномъ счастьи, опасны уже потому, что возбуждающій ядъ недовольства сильнѣе разжигаетъ кровь тѣхъ, кто все потерялъ, чѣмъ кровь голодающихъ бѣдняковъ, которые ничего не имѣютъ, и разинутый ротъ которыхъ, готовый закричать, можно снова закрыть кусками хлѣба.

Вообще, моя красавица, будьте увѣрены, что и въ Парижѣ вы будете такъ же танцовать, какъ и въ Страсбургѣ, такъ какъ единственная революція, которая разжигаетъ умы, разыгрывается не на улицѣ, а въ оперѣ, гдѣ пиччинисты съ глюкистами ведутъ ожесточенную борьбу. Даже миру семейнаго очага грозитъ опасность, если одна часть членовъ семьи высказывается за мелодіи итальянца, а другая—за барабаны и трубы нѣмца.

Я позволю себѣ, послѣ вашего праздника, лично освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ и надѣюсь хорошо вознаградить себя за тѣ потерянные часы, которые я не могъ провести возлѣ васъ.

Маркизъ Монжуа Дельфинъ.

Фробергъ, 25 февраля 1775 г.

Моя милая! Спѣшу сообщить вамъ, что болѣзнь моей матери не такъ серьезна, какъ я этого опасался, и поэтому приготовленія къ вашему празднику не должны быть прерваны. Цвѣты изъ нашихъ оранжерей уже отправлены, и мои лейбъ-егеря должны уже сегодня пріѣхать въ Страсбургъ. Дорогой я встрѣтилъ кладь изъ Парижа съ декораціями для сцены. Значитъ, и она прибудетъ своевременно.

Вы должны будете признать, что я не оставилъ неисполненнымъ ни одно изъ самыхъ экстравагантныхъ вашихъ желаній, хотя система г. Тюрго, повидимому, не принявшаго во вниманіе, что онъ отнимаетъ у короля вѣрнѣйшую опору его престола, — аристократію, не замедлила дурно отразиться на крупныхъ доходахъ. Но тѣмъ не менѣе, я рѣшился принести эти жертвы, потому что могу только одобрять ваше желаніе: сразу, однимъ ударомъ, завоевать первое положеніе въ страсбургскомъ обществѣ. Но я ожидаю и съ вашей стороны нѣкоторой уступчивости, тѣмъ болѣе, что ваше упрямство можетъ уничтожить все, что вы имѣете въ виду достигнуть вашимъ праздникомъ.

То, что намъ удалось склонить М-lle Гимаръ танцовать у насъ, должно составить предметъ разговоровъ не только въ Страсбургѣ: что гораздо важнѣе, это вызоветъ разговоры и въ парижскомъ обществѣ. Однако если бъ мы помѣстили въ нашемъ домѣ эту дѣвицу, какъ нашу гостью — что вамъ желательно,—то сдѣлали бы себѣ смѣшными. Поэтому

я прошу васъ оставить въ силѣ мои распоряженія относительно отель де-Франсъ.

Не совсѣмъ увѣренный въ вашемъ окончательномъ согласіи относительно второго пункта нашего спора, я предупредилъ ваше рѣшеніе и самъ пригласилъ графа Шеврёзъ, такъ же и отъ вашего имени. Было бы трудно поправимымъ промахомъ, если бъ мы закрыли двери нашего дома графу, протеже королевы, который, притомъ, находится въ Страсбургѣ на ея службѣ. Мотивы ваши мнѣ неизвѣстны. Я не имѣю также намѣренія требовать отъ васъ откровенности, но знаю только, что эти мотивы не могутъ быть настолько важными, чтобы побудить насъ дерзко обойтись съ графомъ.

Въ интересахъ Франціи я горячо желаю содѣйствовать успѣху его миссіи. Дѣло идетъ о томъ — говорю вамъ это подъ величайшимъ секретомъ, — чтобы устроить примиреніе между королевой и принцемъ Роганъ. Австрійская императрица сильно возстановила противъ него свою дочь, разсказавъ ей, какъ онъ позволилъ себѣ отзываться о ней, вскорѣ послѣ своего отозванія изъ Вѣны, а также, какую жизнь онъ велъ, какъ духовное лицо и какъ посланникъ. Безъ сомнѣнія, и то и другое было съ его стороны грубой неосторожностью, но все же этого недостаточно, чтобы держать въ опалѣ человѣка съ такими испытанными убѣжденіями и съ такими вліятельными семейными связями.

Графъ Шеврёзъ получилъ непосредственно отъ короля тайное порученіе изслѣдовать это дѣло и насколько возможно уладить его.

Я надѣюсь, что ювелиръ уже принесъ вамъ на выборъ изумруды. Если же нѣтъ, то своевременно напомните ему объ этомъ. Очень важно хорошо подобрать цвѣтъ камней къ вашему розовому туалету. Предлагаю вамъ обратиться къ Дюплесси, который какъ разъ выбралъ этотъ цвѣтъ для вашего портрета.

Принцъ Луи Роганъ Дельфинѣ.

Страсбургъ, 27 февраля.

Всѣ находятся въ упоеніи отъ праздника въ отелѣ Монжуа и очарованы вами, красавица! Не хотите ли судить сами, хорошо ли я былъ освѣдомленъ? Вы подчинили себѣ природу, заставивъ лѣто, въ серединѣ зимы, убрать цвѣтами ваши залы! Вы принудили Лукулла возстать изъ мертвыхъ, чтобы приготовить яства для вашего стола! Какъ новая, еще болѣе очаровательная Цирцея, вы превратили тяжеловѣсныхъ дамъ Страсбурга въ толпу рѣзвыхъ грацій! Вы призвали къ себѣ Терпсихору, волшебное искусство которой сообщаетъ гибкость самымъ одеревенѣлымъ членамъ, такъ что до самаго разсвѣта не прекращались танцы! Ваши глаза разбили сердца! Ваша улыбка разлучила друзей, поколебала миръ въ супружествахъ! Ужъ не хотите ли вы доказать, что одна красивая жен-

щина въ состояніи причинить гораздо большія революціи, чѣмъ всѣ парижскіе писаки вмѣстѣ взятые?!

То, что вы среди своихъ тріумфовъ не забыли обо мнѣ и прислали одинокому больному чудное угощеніе отъ избытковъ вашего стола, я считаю такимъ отличіемъ, которое я еще долженъ заслужить. Приказывайте же мнѣ! Я надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней мнѣ можно будетъ выходить изъ комнаты, и мой первый выѣздъ будетъ къ вамъ.

Маршалъ Максимъ Контадъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 28 февраля.

Многоуважаемая маркиза! Осмѣлюсь ли я напомнить вамъ обѣщаніе, которое вы, можетъ-быть, уже позабыли, но на выполненіи котораго я буду настаивать, потому что оно дастъ мнѣ возможность, въ теченіе нѣсколько часовъ, видѣть васъ одну, а не въ толпѣ вашихъ поклонниковъ? Вы хотѣли покататься верхомъ, подъ моей защитой, на моей бѣлой лошади. Лошадь къ вашимъ услугамъ, какъ и ея господинъ, а погода теперь хорошая. Мой грумъ дожидается вашихъ приказаній относительно дня и часа.

Карлъ фонъ-Пиршъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 30 февраля.

Любезная госпожа маркиза! Вотъ книжечка, о которой мы съ вами говорили. Никому другому я не довѣрилъ бы столь дорогого для меня произведенія. Но когда вы, среди хаоса французскихъ разговоровъ, ласково улыбаясь, произнесли, обращаясь ко мнѣ, первыя нѣмецкія слова, то вы не только покорили меня вашей власти, но я зналъ также, что вы поймете нашего поэта и будете плакать вмѣстѣ съ его Вертеромъ.

Я не осмѣливаюсь лично принести вамъ эту книгу. Я боюсь показаться навязчивымъ. И еще больше боюсь дать волю тому чувству, которое для французовъ составляетъ забаву, а для нѣмцевъ является рокомъ.

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 2 марта 1775 г.

Разгнѣванная богиня! Смѣетъ ли бѣдный смертный, полный сокрушенія, приблизиться къ вашему престолу? Вы были расточительны въ своихъ милостяхъ, какъ и подобаетъ жительницѣ Олимпа. Отъ маршала и до ничтожнаго нѣмецкаго офицера каждый считаетъ себя вправѣ по-

клоняться вамъ. Только я одинъ стою передъ закрытыми дверями хра ма Вы отказали мнѣ, даже въ менуэтѣ, дать свою руку, къ которой только что съ самозабвеніемъ прижимались губы маршала Контада. Вначалѣ я предполагалъ, что ваше поведеніе представляетъ не что иное, какъ утонченное лукавство женщины, для которой скука брачной жизни послужила хорошей школой кокетства. Я даже чувствовалъ себя почти польщеннымъ.

Но теперь мнѣ все открылось. Малютка Гимаръ, которую вы такъ неосторожно пригласили въ Страсбургъ, должно-быть, потому, что недостаточно оцѣнивали ея познанія въ наукѣ любовныхъ интригъ, сдѣлалась очень разговорчивой послѣ нѣсколькихъ бутылокъ шампанскаго.

«Маркиза была очень милостива, необыкновенно милостива,—говорила она, сверкая на солнце брильянтами, которые вы ей подарили.—конечно, это за мои танцы, только за танцы,—прибавила она, хитро подмигивая глазами.—Я должна была разсказывать ей о Парижѣ, — болтала она дальше, — о моемъ отелѣ, моихъ ужинахъ — поскольку объ этомъ можно было разсказать эльзасской маркизѣ!—о моихъ гостяхъ, обо всемъ». — «О вашихъ гостяхъ!» спросилъ я съ изумленіемъ. Она взглянула на меня съ лукавой усмѣшкой и сказала: «Ага! Я вижу, вамъ хотѣлось бы знать, кѣмъ настолько интересуется прекрасная маркиза, что даже беретъ въ повѣренныя какую-то Гимаръ. Но я ничего не скажу, ничего! Я могу быть скромна какъ великосвѣтская дама».

Я перемѣнилъ тему разговора и велѣлъ откупорить еще бутылку бургундскаго. Она особенно любитъ это темно-красное вино, съ тѣхъ поръ, какъ принцъ Субизъ окрестилъ ее въ немъ, а огненно-красный цвѣтъ жидкости такъ ярко выдѣлилъ сіяющую бѣлизну ея кожи, что принцъ навсегда остался ослѣпленнымъ этимъ зрѣлищемъ. Я разыгрывалъ роль тоскующаго поклонника, съ той виртуозностью, которой я обязанъ школѣ Дюбарри. И она смягчилась, приняла мечтательный видъ. Она вспомнила, что читала «Манонъ Леско» и «Новую Элоизу». Тогда я ввернулъ ваше имя въ разговоръ. «Бѣдняжка!—сказала она, и взоръ ея блеснулъ слезой.—Она любитъ, любитъ несчастливо»...

Послѣ этого признанія, прекрасная маркиза, мнѣ уже не надо было просить больше!

Конечно, я знаю, что моя гордая непріятельница не могла сдѣлать своей повѣренной эту маленькую танцовщицу, но для такой мастерицы въ дѣлахъ любви, какъ Гимаръ, ваша благородная сдержанность была лишь прозрачною вуалью—ничего больше!

Такъ вотъ отчего я попалъ въ немилость?! И вѣдь я только поцарапалъ гладкую кожу принца, придавъ ему еще лишній ореолъ—ореолъ героя!

Если бъ вы были благосклоннѣе, то вамъ не зачѣмъ было бы опускаться до какой-нибудь Гимаръ, чтобы узнать то, что васъ интересуетъ.

Я бы могъ доставить вамъ всѣ свѣдѣнія, такъ какъ, со времени своего возвращенія въ Парижъ, принцъ все время состоитъ при королевѣ.

Онъ любимецъ дамъ, подозрѣвающихъ, что его меланхолія вызвана какимъ-нибудь трогательнымъ романомъ, и такъ какъ теперь въ модѣ, великая страсть, то, разумѣется, у него нѣтъ недостатка въ поклонницахъ, которыя во всякое время готовы были бы его утѣшить. Графиня Діана Полиньякъ принимаетъ въ немъ большое участіе,—скажемъ: материнское, какъ слѣдуетъ вѣжливому кавалеру. Онъ вздыхаетъ у ея ногъ, хотя, можетъ-быть, и не о ней...

Не кладу ли я горячіе уголья на вашу голову? Могу ли я, наконецъ, надѣяться, что вы обратите на меня вниманіе? Или же наединѣ принимается только тотъ, кто носитъ имя Рогана и имѣетъ виды на кардинальскую шапку? Я знаю отъ него, какъ охотно промѣняли бы вы Страсбургъ на Версаль, очаровательная Дельфина. Но, къ сожалѣнію, Роганъ все еще остается самымъ неподходящимъ для васъ проводникомъ туда...

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинѣ.

Страсбургъ, 3 марта 1775 г.

Каждая буква вашего письма, высокоуважаемая Маркиза, трепещетъ отъ гнѣва. Вы возмущены, что «я заставилъ опьянѣвшую танцовщицу разсказывать сказки про васъ», что я «такъ низко палъ», что могъ повѣрить, будто маркиза Монжуа можетъ дѣлиться мыслями съ какой-нибудь Гимаръ! Я чувствую себя побѣжденнымъ, уничтоженнымъ, милостивѣйшая маркиза, я готовъ на колѣняхъ молить о прощеніи... если бъ вы только позволили мнѣ сдѣлать это, вмѣсто того, чтобы писать вамъ!

Приказывайте что хотите. Нѣтъ ничего такого, чего бы я не сдѣлалъ, лишь бы заслужить вашу благосклонность. Я уже чувствовалъ себя вашимъ уполномоченнымъ, когда разговаривалъ сегодня съ маркизомъ.

«Только ясно выраженное желаніе короля можетъ заставить меня появиться въ Версалѣ, — сказалъ онъ мнѣ. — Назначеніе Тюрго — это ударъ, нанесенный въ лицо дворянамъ. Пусть же наше отсутствіе заставитъ короля почувствовать то, что наша лойяльность не дозволяетъ намъ высказывать открыто». На сдѣланное мною возраженіе, что королева враждебно настроена по отношенію ко всему министерству и ничего такъ не желаетъ, какъ собрать около себя единомышленниковъ, чтобы укрѣпить свое положеніе, маркизъ отвѣтилъ: «Ну, такъ пусть ея величество призоветъ насъ!»

На основаніи этого замѣчанія мы съ вами можемъ надѣяться, маркиза. Въ какой восторгъ приводитъ меня это слово: «мы!» Вы можете

возмущаться сколько хотите, прекрасная Дельфина. У насъ есть уже общая тайна и общее чувство. Это первыя звенья той цѣпи, которую я буду неустанно стараться закрѣпить какъ можно прочнѣе.

Когда вы примите меня? Я жду вашего милостиваго отвѣта.

Карлъ фонъ-Пиршъ Дельфинѣ.

Страсбургъ, 9 марта 1775 г.

Въ свѣтлую звѣздную весеннюю ночь, обожаемая маркиза, я цѣлыми часами ходилъ по валу, подставляя свою голову влажному, теплому вѣтру, который трепалъ мои волосы. Изнеможенный, я бросался на землю и прижималъ къ ней свои пылающія щеки, чтобы охладить ихъ...

И вотъ, когда я сижу на твердомъ стулѣ въ моей неуютной комнатѣ и мнѣ представляется блаженнымъ сномъ, что я сидѣлъ въ голубомъ будуарѣ, пропитанномъ ароматомъ сирени, передъ пылающимъ огнёмъ въ алебастровомъ каминѣ и видѣлъ передъ собою совершеннѣйшее созданіе, какое когда-либо вышло изъ рукъ Творца!

Я не испытывалъ недовольства. Мое пламенное честолюбіе заставило меня забыть, что я принесъ ему въ жертву отечество и родину, и скрыло отъ моихъ глазъ мое собственное несчастье. Но съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узналъ, — ахъ, только со вчерашняго дня я узналъ васъ вполнѣ! — я чувствовалъ мою страшную бѣдность, мое безграничное одиночество.

О, зачѣмъ пробудили вы во мнѣ человѣка, своимъ мягкимъ голосомъ, который съ такимъ пониманіемъ говорилъ о страданіяхъ Вертера? И вотъ, теперь я бы хотѣлъ открыть вамъ раны моего собственнаго сердца, для того, чтобы услышать, какъ задрожитъ вашъ голосъ— и ради меня.

Зачѣмъ вы такъ нѣжно гладили своей бѣлой ручкой маленькую книжку? Когда я теперь держу въ рукахъ эту книжку, я чувствую всю силу вашего обаянія, а когда я прижимаю къ ней свои губы, то мое страстное желаніе превращается въ бурную страсть, и для меня существуетъ только одно спасеніе — вы!

Сжальтесь надъ безумцемъ! Какъ нищій стою я передъ вами, и все-таки вы не въ состояніи даже измѣрить величины того богатства, которое я кладу къ вашимъ ногамъ. Люди дарятъ свое сердце по частямъ: своимъ друзьямъ, сестрамъ, братьямъ, матери, но я отдаю его вамъ нераздѣльнымъ! Люди играютъ своимъ чувствомъ и продаютъ его за чистыя деньги, какъ товаръ. Я же молю только объ одной милости, чтобъ вы не отталкивали его отъ себя!

Не пугайтесь силы моей страсти. Это Атласъ, который могъ бы нести на своихъ плечахъ весь міръ, но въ вашемъ присутствіи это ре-

бенокъ, который не тронетъ и волоса съ вашей головы. Осмѣлиться прижать къ своимъ устамъ край вашего платья, какъ вчера, — вотъ все, чего я добиваюсь!

Маршалъ Максимъ Контадъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 16 марта 1775 г.

Высокоуважаемая маркиза! О, что значатъ капризы хорошенькихъ женщинъ! Можно ли было думать, что самая смѣлая изъ всѣхъ наѣздницъ, превратившая въ безоружнаго труса стараго солдата, на котораго еще никто не смѣлъ бросать безнаказанно косые взгляды, нанесла ему раны, оставшіяся неотомщенными!! — и что она, эта жестокая красавица, вдругъ захочетъ быть сострадательной благодѣтельницей какого-то ничтожнаго капитана? Вы правы: г. фонъ-Пиршъ очень бѣденъ, но у него есть возможность получить богатство, онъ находится подъ личнымъ покровительствомъ герцога Эгильона, которое онъ пріобрѣлъ своимъ отмѣннымъ знаніемъ военнаго искусства прусскаго короля. Мы никогда не приняли бы на службу этого нѣмецкаго барона, если бъ не ожидали отъ этого большихъ выгодъ. Вы, прекрасная самаритянка, можете доставить своему протеже блестящее положеніе, уговорите его только выдать, безъ всякихъ умолчаній, свои тайны. Въ то же время вы бы оказали и вашему отечеству важную услугу.

Моя бѣлая лошадь нетерпѣливо ждетъ свою повелительницу. Я прощаю моему коню, что онъ больше не хочетъ терпѣть меня въ сѣдлѣ. Кто же сталъ бы переносить грубый кулакъ послѣ того, какъ испыталъ нѣжное управленіе вашихъ ручекъ?!

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинъ.

Страсбургъ, пятница.

Прелестная маркиза! Король приказываетъ, чтобы я сопровождалъ принца Рогана въ Версаль, и разныя спѣшныя дѣла, которыя я долженъ устроить передъ отъѣздомъ, требуетъ отъ меня тяжелой жертвы, не дозволяя мнѣ видѣться съ вами. Это заставило бы мое сердце еще сильнѣе истекать кровью, если бъ я и безъ того не страдалъ такъ ужасно все послѣднее время изъ-за странной случайности, что во время своихъ посѣщеній я постоянно встрѣчалъ васъ въ обществѣ г. фонъ-Пирша. Или же эти встрѣчи не были случайными и отвѣчаютъ плану, возникшему въ вашей очаровательной головкѣ, благоразуміе которой такъ же неизмѣримо, какъ и чувства вашего сердца? Было ли вашимъ намѣреніемъ заставить меня еще сильнѣе почувствовать жало

ревности, для того, чтобы я употребилъ всѣ силы и удалилъ бы васъ, насколько возможно, дальше изъ круга зрѣнія маленькаго барона?

Будьте увѣрены, что я буду интриговать какъ М-lle Леспинасъ, которая создаетъ министровъ и академиковъ, и буду такимъ же защитникомъ какъ М-г Ленгэ, который даже послѣ своего паденія могъ спасти графиню Бетюнъ.

Въ Парижѣ мы снова увидимся, — въ этомъ божественномъ Парижѣ, гдѣ пульсъ всегда бьется сильнѣе, гдѣ жизнь представляетъ возбуждающую азартную игру, а любовь есть опьянѣніе, точно послѣ шампанскаго! Страсбургская атмосфера навела бы на меня уныніе, если бъ не то, что воздухъ, окружающій васъ, былъ все же насыщенъ Парижемъ.

Но порою я находилъ, что сырые туманы Рейна начинаютъ заволакивать и ваши глаза и что страшная близость нѣмецкаго варварства придаетъ иногда вашимъ пухленькимъ губкамъ чуждое выраженіе— серьезность. Парижъ, одинъ только Парижъ можетъ уничтожить это колдовство и исцѣлить васъ!

Долженъ ли я передать вашъ поклонъ принцу Фридриху-Евгенію? Долженъ ли я разсказать ему также и о баронѣ фонъ-Пиршъ?

Съ нѣмецкимъ благоговѣніемъ цѣлую я вашу ручку и съ французской дерзостью думаю при этомъ о розовой ямочкѣ на вашемъ локоткѣ.

Карлъ фонъ-Пиршъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 29 марта 1775 г.

Обожаемая маркиза! Какъ долго я долженъ выносить ваше холодное обращеніе со мной и то, что вы смотрите на меня какъ на чужого— на меня, отдавшаго вамъ всю свою жизнь! Я знаю прекрасно, что среди вашихъ блестящихъ гостей я представляю жалкую фигуру. Скрежеща зубами, я чувствовалъ насмѣшливый взглядъ графа Шеврёзъ, скользившій по моему скромному мундиру. Гнѣвъ словно тисками сдавилъ мнѣ горло, когда я дожидался васъ и, расхаживая взадъ и впередъ мимо Королевскихъ воротъ, увидалъ маршала Контада, галопирующаго рядомъ съ вами, и пыль, поднятая копытами его лошадей, скрыла васъ отъ глазъ бѣднаго пѣшехода. Я дрожалъ отъ зависти, когда къ вамъ приближался принцъ Роганъ, никогда не переступавшій вашего порога безъ великолѣпнаго дорогого букета, тогда какъ я долженъ былъ стоять тутъ съ пустыми руками!

Но развѣ это не было бы оскорбленіемъ для васъ, если бъ я приписалъ такимъ причинамъ вашу немилость? Имѣю ли я право, вообще, жаловаться, — я, обѣщавшій безпритязательно искать вашей близости? Ахъ, ангелъ моей жизни, вѣдь я только смертный и молодъ и еще никогда не любилъ! Дерзновенныя мысли, которыя я никогда не отважился бы высказать вашей непорочности, заставляютъ меня, стыдясь,

избѣгать дневного свѣта и бояться ночной темноты какъ мрака ада. Не можете ли вы подарить мнѣ улыбку какъ прежде? Неужели я всегда долженъ испытывать эту муку и всегда стоять позади всѣхъ? Неужели мнѣ никогда не будетъ дозволено одному входить въ комнату, наполненную вашимъ дыханіемъ, никогда нельзя будетъ спрятать свою пылающую голову въ складкахъ вашего платья? Я способенъ на всякое преступленіе, лишь бы только добиться отъ васъ благосклоннаго взгляда!

Маршалъ Контадъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 16 апрѣля.

Уважаемая маркиза, я еще не успѣлъ вполнѣ оправиться отъ изумленія, вызваннаго вашимъ нежеланіемъ повліять на барона фонъ-Пирша и вашимъ гнѣвомъ по поводу моего подозрѣнія. Къ чему же эта игра въ прятки, прекрасная маркиза? Не думаете ли вы, что должны скрывать отъ вашего сѣдовласаго поклонника свой горячій интересъ къ молодому человѣку? А между тѣмъ предположенія, высказанныя мною во время нашего послѣдняго разговора, по поводу измѣнившагося положенія капитана, — его англійскихъ лошадей и парижскихъ костюмовъ — теперь перешли въ увѣренность. Герцогъ Эгильонъ добылъ желаемыя бумаги, посланныя черезъ спеціальнаго курьера военному министру маршалу де-Мюи, и г. фонъ-Пиршъ получилъ отъ герцога первую звонкую награду за это.

Отчего вы отказываетесь приписать себѣ заслугу такого акта, который въ одинаковой степени дѣлаетъ честь, какъ вашему патріотизму, такъ и вашей христіанской любви къ ближнему? Можетъ-быть, вы не хотѣли меня огорчить? Но развѣ есть какая-нибудь необходимость въ тепломъ, нѣжномъ вниманіи, послѣ того, какъ вы достаточно ясно дали мнѣ понять, что сѣдая борода слишкомъ жестка для такой нѣжной кожи, какъ ваша?

Вполнѣ достовѣрные свидѣтели разсказывали мнѣ, что нѣкую молоденькую графиню Лаваль, когда она была воспитанницей монастыря, видѣли ночью на улицахъ Парижа съ однимъ молодымъ человѣкомъ и что ради благосклонности одной очаровательной маркизы, имя которой вамъ не должно быть чуждо, принцъ Монбельяръ дрался на дуэли съ графомъ Шеврёзъ. Развѣ удивительно послѣ этого, что маршалъ Контадъ считалъ себя въ правѣ разсчитывать на нѣкоторую снисходительность за свои рыцарскія услуги?

Цѣлую вашу ручку — единственная милость, въ которой вы не отказали мнѣ — и остаюсь въ надеждѣ на будущую благосклонность.

Карлъ фонъ-Пиршъ Дельфинъ.

Вторникъ.

Дорогая маркиза! Мое перо быстро скользитъ по бумагѣ, отвѣчая на ваши строки. На колѣняхъ благодарю васъ за то, что вы даете мнѣ право служить вамъ! Въ назначенный часъ я буду у васъ. Итакъ, я не напрасно страдалъ, надѣялся и..... согрѣшилъ!

Карлъ фонъ-Пиршъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 17 апрѣля 1775 г.

Дорогая маркиза. Мой вызовъ маршалу посланъ; я жду его отвѣта со спокойствіемъ человѣка, для котораго смерть безразлична. Ахъ, какъ я мчался къ вамъ, окрыляемый самыми смѣлыми надеждами, съ какой горячей любовью бросился я къ вашимъ ногамъ, увидѣвъ ваши слезы и объяснивъ ихъ въ свою пользу! Вы же вскочили на ноги и оттолкнули меня, и ничего, кромѣ гнѣва, самаго дикаго гнѣва, не выражалось въ вашемъ лицѣ, когда вы бросили мнѣ къ ногамъ письмо маршала.

«Отмстите за меня!» Я не узнавалъ вашего голоса, хриплаго отъ раздраженія, когда вы мнѣ прокричали эти слова. А я, ослѣпленный, чувствовалъ только одно, читая это письмо: что вы меня призвали, меня! и что я долженъ вамъ служить, что я получу за это драгоцѣннѣйшую награду!... но вотъ наступило страшное пробужденіе, и я понялъ, наконецъ, — долженъ былъ понять! — что я не обладаю даже тѣмъ, чѣмъ можетъ похвастаться послѣдній изъ вашихъ слугъ: вашимъ уваженіемъ!

«Измѣнникъ отечества!»—значитъ поэтому вы отворачивались отъ меня, между тѣмъ, какъ я думалъ завоевать ваше расположеніе роскошью и блескомъ? О, почему я не узналъ васъ раньше; почему моя любовь не была достаточно проницательна, чтобы понять все величіе вашей души?...

Я ушелъ отъ васъ совершенно уничтоженный, и мнѣ ничего другого не остается, какъ только умереть. Но теперь я отъ всей души благодарю васъ, дорогая маркиза, за то, что вы удостоиваете меня такой смерти. Послѣ того, какъ цѣлый адъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, бушевалъ въ моей душѣ, теперь въ ней наступило спокойствіе, и я ясно вижу, что дорога, которую вы указываете мнѣ, единственная, которая можетъ привести меня къ вамъ. Я паду, но искупленный, буду жить въ вашемъ воспоминаніи. Что же мнѣ нужно еще?

Я говорилъ, что отдаю вамъ всего себя до самой смерти, и только теперь я отдаю вамъ себя и послѣ смерти!.

Карлъ фонъ-Пиршъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 17 апрѣля 1775 г.

Маршалъ Контадъ отклонилъ мой вызовъ. Онъ не дерется съ обезчещенными людьми. Когда вы получите эти строки, онъ понесетъ наказаніе, и моя казнь совершится!

Графъ Гюи Шеврёзъ маркизъ.

29 апрѣля 1775 г.

Дорогая маркиза. Не успѣли мы покинуть Страсбургъ, воображая, что только Парижъ является центромъ всѣхъ великихъ событій, какъ уже этотъ провинціальный городъ манитъ насъ, презирающихъ провинцію, своею «cause célèbre», надѣлавшей такъ много шума. Весь Парижъ говоритъ теперь о пощечинѣ, полученной маршаломъ, и о пулѣ, которую послѣ этого пустилъ себѣ въ високъ нѣмецкій баронъ. Чувствительныя души проливаютъ по этому случаю двѣ-три слезы и шепчутъ другъ другу — съ испуганнымъ удивленіемъ — ваше имя. Съ нашей красавицей Полиньякъ — изъ состраданія ли къ молодому человѣку, пожертвовавшему своей жизнью или изъ зависти къ вашей славѣ— приключился сильнѣйшій истерическій припадокъ, и съ тѣхъ поръ она не даетъ покоя принцу Монбельяръ своими постоянными вопросами о маркизѣ Дельфинѣ, въ которой она предугадываетъ свою будущую соперницу. Я же, не безъ успѣха, воспользовался этой исторіей для нашей выгоды — «нашей», моя красавица! — и постарался не упустить такого случая, столь же благопріятнаго, какъ и весь этотъ маленькій романъ.

Вы знаете, природа начинаетъ брать верхъ надъ искусствомъ, съ тѣхъ поръ какъ Руссо больше уже не компрометируетъ ее своею проповѣдью. Врачи приписываютъ знаменитую дамскую болѣзнь отъ скуки, — которую они, въ своей мудрости, признаютъ теперь опаснымъ нервнымъ заболѣваніемъ — дѣйствію разныхъ искусственныхъ мѣръ, какъ-то: корсету, обманчиво создавшему талію сильфиды тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ существуетъ четыреугольная фигура крестьянской дѣвушки; пудрѣ, превращающей желтую кожу въ бѣлые лепестки лилій: румянамъ, придающимъ малокровнымъ губкамъ и щечкамъ яркія розовыя краски; всякимъ ликерамъ и сладостямъ, замѣнившимъ теперь воду и хлѣбъ и, наконецъ, ночной жизни, при блескѣ новаго газоваго освѣщенія, заставляющаго насъ забывать о солнцѣ. И теперь врачи не прописываютъ больше никакихъ горькихъ микстуръ, а вмѣсто нихъ — природу, т.-е. холодную воду, свѣжій воздухъ, черный сельскій хлѣбъ, кислые плоды, физическія упражненія и утреннія прогулки. Королева

и ея придворныя дамы первыя показали себя послушными паціентками, и весь Парижъ послѣдовалъ теперь ихъ примѣру. Кавалеровъ не принимаютъ больше по утрамъ, при вставаніи, въ раздушенныхъ будуарахъ; они являются въ садъ, еще покрытый росой во время утренней прогулки. И во время такихъ прогулокъ по аллеямъ Тріанона, вдоль распускающихся деревьевъ, изумрудно-зеленаго дерна, пестрыхъ крокусовъ и желтыхъ, яркихъ нарциссовъ, королева любитъ слушать исторію à la Мармонтель. Но это должны быть дѣйствительныя исторіи,— «всамомдѣлишныя», какъ мы говорили, когда были дѣтьми, — а какая же другая исторія можетъ болѣе удовлетворить эти желанія королевы, чѣмъ ваша?

И вотъ, подъ цвѣтущими кустами серени, я разсказывалъ ей о прелестной маленькой воспитанницѣ монастыря. Возлѣ розовыхъ клумбъ съ тюльпанами, я описывалъ ей, — ахъ! — такую гордую хозяйку замка Фробергъ. На бѣлой скамейкѣ, подъ цвѣтущими олеандрами, я изображалъ ей блестящую, остроумную царицу страсбургскихъ празднествъ. А когда мы сидѣли у пастушеской хижины, подъ нѣжной свѣтло-зеленой завѣсой, столько что распустившихся березъ, я съ увлеченіями говорилъ объ удивительной красавицѣ, ради которой нѣмецкій мечтатель долженъ былъ умереть, а французскій кавалеръ ничего такъ горячо не желаетъ, какъ — жить!

Голубые глаза королевы утопали въ слезахъ. Подъ надушенной, тонкой муслиновой косынкой, которою придворныя дамы прикрываютъ по утрамъ свои плечи — разумѣется, онѣ дѣлаютъ это только потому, что врачъ приказываетъ, чтобы воздухъ и свѣтъ касались тѣла!—я видѣлъ, какъ трепетали розовыя перси королевы.

«Напишите маркизѣ Монжуа, что я страдаю вмѣстѣ съ нею, — сказала королева. — Прибавьте также, что мнѣ доставитъ особенное удовольствіе видѣть ее здѣсь». И съ тѣмъ единодушіемъ, которое, какъ вамъ извѣстно, составляетъ первѣйшую добродѣтель придворныхъ дамъ, всѣ онѣ присоединились къ желанію своей повелительницы. Только одна графиня Полиньякъ молчала, задумавшись о чемъ-то. Принцъ Монбельяръ незадолго передъ этимъ исчезъ въ боскетѣ.

Можете ли вы — или нѣтъ! — должны ли вы колебаться? Версаль ждетъ васъ въ своемъ прекраснѣйшемъ весеннемъ нарядѣ, а Парижъ предлагаетъ вамъ великое множество самыхъ занимательныхъ развлеченій. «Севильскій цырюльникъ» ежедневно привлекаетъ въ театръ огромную толпу зрителей, и счастливый авторъ этой пьесы, Бомарше—выскочка самаго темнаго происхожденія, обанкротившійся адвокатъ — до такой степени вошелъ теперь въ моду, что принцессы стараются перебить его другъ у друга. Забавная комедія «Куртизанки» снабжаетъ салоны острыми словцами, которыя вызываютъ тѣмъ большій смѣхъ въ обществѣ, чѣмъ сильнѣе оно чувствуетъ себя затронутымъ ими.

Позвольте мнѣ заключить это длинное письмо разсказомъ о смѣшномъ эпизодѣ, который долженъ, по крайней мѣрѣ, вызвать у васъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Русское Богатство,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к., на 4 мѣс.—**3** р., на 1 мѣс.—**75** к.—**Съ наложеннымъ платежомъ** отдѣльная книжка **1** р. **10** к.—Безъ доставки: на годъ—**8** р., на 6 мѣс.—**4** р. **За границу:** на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р. (Уступка книжнымъ магазинамъ при подпискѣ сразу на годъ—**40** коп.)

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.* **Въ Москвѣ**—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79, Мошкиной.* **Въ Одессѣ**—въ книжномъ магазинѣ *„Одесскія Новости“,* Дерибасовская, 20; въ магазинѣ „Трудъ“, Дерибасовская ул., д. 25.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на большую НОВУЮ ежедневную, прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“.

Въ газетѣ принимаютъ ближайшее участіе:

кн. З. Д. Авалов, С. А. Адріановъ, С. В. Аникинъ, С. Я. Арефинъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Блокъ, А. Н. Брянчаниновъ, С. Н. Булгаковъ, Л. А. Велиховъ, М. Н. Волковыскій, Д. Д. Гриммъ, Э. Д. Гриммъ, Н. А. Гредескулъ, П. П. Гронскій, Любовь Гуревичъ, В. Ф. Гефдингъ, И. Н. Ефремовъ, И. В. Жилкинъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, А. Любимовъ, В. А. Маклаковъ, В. В. Мужжель, М. М. Новиковъ, В. П. Обнинскій, кн. В. А. Оболенскій, С. Ф. Ольденбургъ, Т. И. Полнеръ, А. С. Посниковъ, А. Е. Прѣсняковъ, Д. Д. Протопоповъ, А. М. Ремизовъ, А. Н. ф.-Рутценъ, А. М. Рыкачевъ, Борисъ Садовской, М. А. Славинскій, А. А. Стаховичъ. П. Б. Струве, кн. Евг. Трубецкой, А. В. Тыркова (Вергежскій), М. В. Чернокозъ, С. П. Яремичъ, Г. Н. Штильманъ, А. А. Шахматовъ, С. Л. Франкъ и друг.

Подписная цѣна съ доставкой: на 12 м.—**12** р., на 6 м.—**6** р. **50** к., на 4 м.—**4** р. **50** к., на 3 м.—**3** р. **40** к., на 2 м.—**2** р. **30** к., на 1 м.—**1** р. **20** к.

Для ознакомленія газета желающимъ высылается въ теченіе 2 недѣль БЕЗПЛАТНО.

Въ такомъ случаѣ на пересылку необходимо выслать 20 коп. почтовыми марками.

Адресъ главной конторы: С.-Петербургъ, Троицкая улица, 15-17, телефонъ 121-54.

Адресъ редакціи: Троицкая, 15-17, телефонъ № 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „РУСМОЛВА“.

Адресъ отдѣленія конторы: Невскій пр., д. 27.

Подписка принимается также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

1913 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1913 г.

на еженедѣльную

общественно-политическую и литературную газету

„МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ г. С.-ПЕТЕРБУРГѢ

на русскомъ и татарскомъ языкахъ.

Подписная плата: **въ Россіи** на годъ **4** р., на 1/2 года **2** р. **50** к.
за границу на годъ **6** р., на 1/2 года **3** р. **50** к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Пушкинская, д. 7, кв. 33.

Редакторъ-издатель ***Саидъ Габіевъ.***

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на прогрессивную, большую, ежедневную, общественно-литературную и экономическую газету

Годъ V-й издан. **„ОМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,** Годъ V-й издан.

издающуюся въ городѣ Омскѣ.

Газета обслуживаетъ преимущественно интересы степного края, имѣя собственныхъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ и селеніяхъ его.

Подписная цѣна съ дост. въ г. Омскѣ и перес. во всѣ мѣста Россіи: на годъ **6** р., 9 м.—**4** р. **75** к., 6 м.—**3** р. **25** к., 3 м.—**1** р. **75** к., 1 м.—**60** к.

Для народныхъ учителей и фельдшеровъ подписная плата 4 р. въ годъ.

Годовые подписчики получатъ БЕЗПЛАТНО справочникъ на 1913 годъ

„ОМСКЪ и АКМОЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ“.

Съ приложеніемъ плана города Омска въ краскахъ и карты Акмолинской области.

II-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ II-й годъ изданія.

„ЗАРЯ ДАГЕСТАНА“,

посвященную интересамъ дагестанцевъ и горцевъ Кавказа вообще.

Подъ редакціей Саида Габіева.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На годъ **4** рубля. На полгода **2** руб. **50** коп.

Учителямъ и учительницамъ сельскихъ школъ, дибирамъ и сельскимъ кадіямъ подписка стоитъ—на 1 годъ **3** руб., на 1/2 г.—**1** руб. **50** коп.

XI г. изданія. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 г.** XI г. изданія.

на ежедневную, политическую и общественно-литературную газету

„РЯЗАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Направленіе газеты прогрессивное.

Редакція ставитъ своей задачей ознакомленіе читателей со всѣми выдающимися событіями и проявленіями общественной жизни, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и въ особенности возможно широкое освѣщеніе мѣстной жизни.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ — **5** р. **5** к., на 1/2 года — **3** р. **5** к., на 1 мѣсяцъ — **70** коп.

Для облегченія взноса подписной платы для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть **допущена разсрочка:** при подпискѣ 1 января 3 руб. и къ 1 мая 2 руб. Лицамъ, не внесшимъ къ 1 мая означенной суммы, высылка газеты будетъ прекращена.

Плата за объявленія: впереди текста 20 коп. со строки петита или за мѣсто, занимаемое ею, сзади текста—10 коп., среди текста —30 коп. При многократномъ печатаніи дѣлается значит. скидка. Разсылка при газетѣ отдѣльн. объявленій, пр.-кур. и т. п. вѣсомъ не болѣе 1 л. по 5 р. за 1000 экз.

АДРЕСЪ редакціи, конторы и собственн. типографіи: г. Рязань, Липецкая ул., д. Гавриловой.

Редакторъ-издатель *В. Н. Розановъ.*

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

ЦѢНА ГОДОВОГО ИЗДАНІЯ,

выходящаго **1** и **15** числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2 печатныхъ листовъ, **5** руб. съ доставкою и пересылкою.

За страницу объявленія — **10** руб., 1/2 стр.—**6** руб. и 1/4 стр. — **3** руб.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА:

С.-Петербургъ, Воскресенскій пр., домъ № 18.

Адресъ о. редактора: **Таврическая улица, домъ № 31, квартира 17. Телефонъ 201—40.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ОТКЛИКИ“,

выходящій въ Саратовѣ, съ декабря 1912 года.

„ОТКЛИКИ“ ставятъ себѣ задачей, распространять въ трудовыхъ массахъ пониманіе настоящаго политическаго и общественнаго момента, и содѣйствовать въ борьбѣ за расширеніе ихъ правъ.

Особое вниманіе обращается на разработку вопросовъ коопераціи, рабочей и крестьянской жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 1 годъ—3 р., 1/2 г.—1 р. 50 к., 3 м-ца—75 к., 1 м.—25 к.

Адресъ: Саратовъ, уг. Московской и Вольской, д. Ступина.

Редакторъ-издательница **П. М. Малова.**

НѢТЪ БОЛѢЕ СѢДЫХЪ ВОЛОСЪ.

ПРІЯТНЫЙ, БЕЗОПАСНЫЙ, ВПОЛНѢ НАДЕЖНЫЙ МЕТОДЪ РАЗЪ НАВСЕГДА ВОЗСТАНОВИТЬ НАТУРАЛЬНЫЙ ЦВѢТЪ ВОЛОСЪ.

Человѣкъ, имѣющій сѣдые или бѣлые волосы, обыкновенно, выглядитъ значительно старше своихъ лѣтъ и, по ошибочно сложившемуся мнѣнію у большинства изъ публики, его умственныя силы не столь велики, какъ были прежде. Это совершенно ложная, ни на чемъ не основанная, теорія, заставляющая людей воображать, что сѣдые волосы указываютъ на старческій возрастъ, или же упадокъ силъ, но, можетъ-быть, многіе годы пройдутъ, прежде чѣмъ публика узнаетъ тотъ фактъ, что сѣдые или бѣлые волосы вызываются лишь недостаткомъ питанія волосяныхъ железъ и отчасти такими причинами, какъ неевар. желудка и чрезмѣрная сухость кожи.

Въ продажѣ имѣются нѣсколько совершенно различныхъ препаратовъ, предлагаемыхъ для измѣненія цвѣта волосъ и приданія имъ натуральнаго цвѣта, но всѣ они чрезвычайно похожи на обыкновенныя чернила или краску. При помощи такихъ жидкостей, а также химическихъ гребней и пр., волосы могутъ быть окрашены по желанію въ теченіе одного часа, но это лишь является началомъ самоуниженія и отвращенія. Эта перемѣна цвѣта волосъ не можетъ никого обмануть, потому что она неестественна, краска вскорѣ начинаетъ смываться, оставляя сѣрыя полосы и когда Вы дѣлаете попытку перекрасить ихъ вновь, то Ваша шевелюра получаетъ два или три различныхъ оттѣнка.

Теперь предлагается нѣчто замѣчательное. Настоящій препаратъ, который постепенно возстановитъ цвѣтъ волосъ, такъ что они примутъ тотъ же оттѣнокъ, который былъ у человѣка въ его юные годы, и этотъ оттѣнокъ остается разъ навсегда

Человѣкъ, пользующійся этимъ удивительнымъ препаратомъ, можетъ обладать роскошными темными или черными волосами, пока не достигнетъ 85-лѣтняго возраста. Этимъ замѣчательнымъ средствомъ пользуются многіе мужчины и дамы изъ высшаго общества Англіи и Америки. Онъ найдетъ себѣ широкое распространеніе и въ Россіи, среди людей интеллигентныхъ и уважающихъ самихъ себя.

ВЫГЛЯДЯТЪ НА 20 ЛѢТЪ МОЛОЖЕ.

Многія лица, которымъ болѣе 50 лѣтъ, могутъ очень быстро и легко помолодѣть на 20 лѣтъ, если будутъ пользоваться лишь упомянутымъ препаратомъ. Всѣ подробности относительно этого препар. будутъ высл. Вамъ за двѣ 7-к. марки на перес. въ запечатан. конв. бесъ всяк. надписей.

Лабораторія КАЛЬТОКО, Москва. Отд. 65.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПУТЬ“.

Въ 1 и 2 №№ помѣщены слѣдующіе произведенія разсказы: *Б. Зайцева*, *И. Новикова*, *Н. Тимковскаго*, *Л. Залова*, *А. Ѳедорова*, Стихи: *И. Бунина*, *Л. Столицы*, *А. Черемнева*, *Н. Мѣшкова*, *Н. Бернера*, *Н. Ашукина*, *В. Вѣтвицкаго*. Литерат. очерки: *Ю. Соболева*, *Н. Мѣшкова*, *Л. Залова*, *И. Бѣлоусова*. Художественные очерки: *Н. Некрасова*, *И. Рахманова*. Литератур. архивъ: Письма: *Н. Н. Златовратскаго*, *А. И. Эртеля*, *А. П. Чехова*. Воспоминанія объ А. П. Чеховѣ—*С. Семенова*; неиздан. стихи *В. П. Острогорскаго*. Изъ дневника—*А. Серафимовича*, *И. Бѣлоусова*, *Г. Вяткина*. Провинц. очерки. Внутрен. и иностран. обозрѣнія. Библіографія.

Содержаніе 3 № «ПУТИ»: разсказы: *М. Криницкаго*, *В. Лидина*. Стихи: *П. Сухотина*, *И. Бѣлоусова*, *П. Петровскаго*, *З. Тулубъ*. Статьи: Читатель и и писатель *А. Кипена*. «Грановскій» *Ю. Соболева*, «Воспоминанія объ Элладѣ» *И. Рахманова*. «Гаршинъ», «Надсонъ» *П. Тулуба*, «Послѣдніе могикане» *Мальцева-Волкова*, Провинціальные очерки. Внутреннее и иностранное обозрѣніе. Библіографія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ прилож. книги-альбома «Дорогія мѣста» **3** р., на ½ г. **1** р. **50** к., на 4 мѣс. **1** руб.

Редакторъ-издатель *И. А. Бѣлоусовъ*.

Адресъ редакціи: Москва, Соколиная, 22.

Отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго университета.

12 мая 1911 года русская наука понесла тяжкую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора Московскаго университета Василія Осиповича Ключевскаго. Русскому Обществу хорошо знакомъ и дорогъ образъ великаго ученаго, сочетавшаго силу мысли съ даромъ художественнаго творчества и могуществомъ устнаго слова. Имя почившаго одинаково близко какъ многочисленнымъ слушателямъ его, разбросаннымъ по всей Россіи, такъ и еще болѣе многочисленнымъ читателямъ его литературныхъ произведеній. Работы его, бросая яркій свѣтъ на наше прошлое, будили общественное сознаніе, развивали мысль ряда поколѣній и воспитывали школу исторической науки.

Идя навстрѣчу проявленному со всѣхъ сторонъ горячему желанію выразить уважаніе къ памяти В. О. Ключевскаго, Московскій университетъ остановился на мысли почтить память почившаго такъ же, какъ нѣкогда была почтена память его великаго учителя Сергѣя Михайловича Соловьева, и возбудилъ ходатайство объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ степендіи его имени для оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи, а также и преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи и исторіи русской Церкви.

Нынѣ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшено открытіе повсемѣстнаго сбора добровольныхъ пожертвованій для означенной цѣли. Объявляя объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей В. О. Ключевскаго доставлять свои пожертвованія, не стѣсняясь ихъ размѣрами, въ Правленіе университета, во всѣ Конторы отдѣленія Государственнаго банка, въ губернскія и уѣздныя казначейства Россійской имперіи для зачисленія на условный текущій счетъ въ Московской Конторѣ Государственнаго банка за № 20255 открытый на имя Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго университета.

Отчеты о поступивтихъ пожертвованіяхъ будутъ публиковаться два раза въ годъ.

ПОЛОЖЕНІЕ О ПРЕМІИ имени

Антона Владиславовича Заремба

при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ

утверждено: Совѣтомъ въ засѣданіи 13 апрѣля, 1912 г.
Общимъ Собраніемъ— 29 апрѣля, 1912 г.

§ 1. Въ память общественной дѣятельности Антона Владиславовича Зарембы, при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ учреждается денежная премія за научныя сочиненія, посвященныя изученію польско-русскихъ культурныхъ и общественно-политическихъ отношеній со второй половины XVIII вѣка.

§ 2. Премія выдается черезъ каждые пять лѣтъ въ размѣрѣ наросшихъ за этотъ періодъ процентовъ на спеціальный пожертвованный для этой цѣли капиталъ въ суммѣ 1600 рублей, каковой капиталъ въ случаѣ поступленія на эту цѣль новыхъ пожертвованій можетъ быть увеличенъ.

§ 3. Къ соисканію преміи допускаются появившіяся за соотвѣтствующій пятилѣтній періодъ сочиненія рукописныя и печатныя на русскомъ или польскомъ языкахъ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ премированное сочиненіе должно быть переведено авторомъ на русскій языкъ.

§ 4. Сроки присужденія преміи назначаются Совѣтомъ Юридическаго Общества. Сочиненія должны быть представлены не позднѣе, какъ за шесть мѣсяцевъ до наступленія объявленнаго срока.

§ 5. За два года до наступленія срока присужденія общимъ собраніемъ Юридическаго Общества, по представленію его Совѣту, образуется особая комиссія, въ числѣ не менѣе трехъ лицъ, избираемыхъ какъ изъ членовъ Юридическаго Общества, такъ и изъ представителей польской научной литературы. Комиссія представляетъ Совѣту письменное мотивированное заключеніе.

§ 6. Премія присуждается общимъ собраніемъ Общества по представленію Совѣта.

§ 7. Премія, оставшаяся неприсужденной или неистребованная въ теченіе трехъ лѣтъ со дня ея присужденія, присоединяется къ спеціальному капиталу, изъ процентовъ съ котораго выдается настоящая премія.

§ 8. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества, означенный спеціальный капиталъ, по постановленію окончательнаго общаго собранія членовъ Юридическаго Общества, передается въ другое соотвѣтствующее общество или учрежденіе для той же цѣли и на тѣхъ же, указан. въ настоящемъ полож. условіяхъ.

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

Къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ.

РОСКОШНОЕ ПОДПИСНОЕ ИЗДАНІЕ:

„ТРИ ВѢКА".

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Подъ редакціей В. В. КАЛЛАША.

Въ изданіи принимаютъ участіе: *проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Б. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, пр.-доц. М. А. Полиевктовъ, И. И. Поповъ, пр.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. Б. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій и др.*

Изданіе составитъ 6 томовъ по 15 печатныхъ листовъ большого формата (размѣра „Великой Реформы" и „Отечественной войны" Т-ва И. Д. Сытина), всего 90—96 листовъ.

Изданіе широко иллюстрировано портретами историческихъ дѣятелей, видами историческ. мѣстностей, картинами художниковъ, изображающими крупнѣйшія событія нашего прошлаго послѣднихъ трехъ вѣковъ и снимками съ бытовыхъ предметовъ, связанныхъ съ этими событіями. Около 500—600 рисунковъ помѣщено въ текстѣ, около 130 дано на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ (геліогравюры, въ нѣсколько красокъ, дуплексъ и одноцвѣтныя).

ЦѢНА ИЗДАНІЯ (6 томовъ съ пересылкой) 27 руб. 20 коп. безъ переплета и 32 р. въ роскошныхъ переплетахъ. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:** при подпискѣ 2 р. и при полученіи каждаго тома по 4 р. 20 к. безъ переплета и 5 р.—к. въ переплетѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, домъ князя Гагарина. Отдѣлъ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина.

ГОСУДАРИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. 1613—1913.

Жизнеописаніе царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованій. Подъ редакціей доктора русской исторіи **Н. Д. Чечулина.** Роскошное иллюстрированное подписное изданіе въ 2 томахъ.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ 8 р. въ художествен. переплетѣ, 6 р. 50 к. безъ переплета. Подписка принимается тамъ же.

Кл. ЛУКАШЕВИЧЪ. Школьный праздникъ въ честь трехсотлѣтія избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 283 стр. Многочисл. иллюстр. въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Три портрета въ краскахъ. Ноты. Ц. **1** р. **10** к., въ папкѣ **1** р. **25** к.

ЛЕВЪ ГИНЗБУРГЪ. Книга царей. Цари Романовы въ русской поэзіи. Хрестоматія къ юбилею державнаго Дома Романовыхъ. Съ многочислен. иллюстр. Ц. **1** руб. **50** коп.

Н. ЧАЕВЪ. 1612 годъ и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ. Въ 5 дѣйств. Ц. **25** к. Пьеса Н. Чаева будетъ поставлена въ Импер. Мал. театрѣ по случаю юбилея Дома Романовыхъ.

М. Н. Пр. признана подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ средн. учебныхъ заведен.

И. Н. БОЖЕРЯНОВЪ. Къ трехсотлѣтію державнаго Дома Романовыхъ. Великая разруха Московскаго государства. Илл. Ц. **15** к.

ЕГО ЖЕ. Три первые царя Романовыхъ. Иллюстрирован. Ц. **20** к.

ЕГО ЖЕ. Вѣкъ преобразованій и переворотовъ. Иллюстр. Ц. **20** к.

М. КОВАЛЕНСКІЙ. Смутное время (Моск. О-во грамотности). Ц. **12** к.

А. П. МЕЛЬНИКОВЪ. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій край. Къ 300-лѣтію Смутнаго времени. 177 стр., съ многими иллюстраціями и картами. Цѣна **80** коп.

ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества.

Подъ ред. Владимира Бончъ-Бруевича.

Первый выпускъ. Баптисты.— Бѣгуны.—Духоборцы.—Л. Толстой о скопчествѣ.—Павловцы.— Поморцы.—Старообрядцы.—Скопцы.—Штундисты.—Цѣна **2** руб. Въ хорош. переплетѣ—**2** руб. **75** к.

Второй выпускъ. **„Животная книга духоборовъ“.** Записалъ и собралъ **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Въ «Животную книгу» входитъ болѣе четырехсотъ различныхъ произведеній устной литературы духоборцевъ. Цѣна **2** руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2** руб. **75** коп.

Третій выпускъ. **Штундисты.**—Духовные скопцы.—Постники.—Свободные христіане.—Цѣна **2** руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2** руб. **75** коп.

Четвертый выпускъ. **Новый журналъ.**—Исторія возникновенія, изложеніе ученія, бытъ, нравы, обряды, обычаи, литература и современное положеніе новоизраильской общины. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Духовный алфавитъ XIX вѣка.**—Статьи вождя новоизральской общины В. С. Лубкова и другихъ писателей изъ новоизральской среды. Книга иллюстрирована многочисленными портретами, группами и таблицами. Цѣна **5** руб. Въ хорошемъ переплетѣ.—**5** руб. **75** коп.

Пятый выпускъ. Полное собраніе сочиненій Г. С. Сковороды, томъ I-й. (Всѣ прозаическія сочиненія). Съ портретомъ Г. С. Сковороды. Цѣна **4** руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**4** руб. **75** коп.

Шестой выпускъ. Полное собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Томъ 20-й. (Готовится къ печати.)

Седьмой выпускъ. **Чемреки.** (Отвѣтвленіе Стараго Израиля.) Рукописи А. Г. Щетинина, Ѳ. Я. Черемхина и др. Со многими иллюстраціями и аллегорическими изображеніями. Цѣна **4** руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**4** руб. **75** коп.

Восьмой выпускъ. **Постоянные молокане,** лѣтописи, рукописи различныхъ авторовъ, портреты, картины. (Печатается.)

Девятый выпускъ. **Духовные молокане.** Различныя рукописи изъ старинныхъ архивовъ Духовныхъ молоканъ.—Портреты.—Аллегорическія изображенія. (Печатается.)

Десятый выпускъ. **Скопцы.** Многочисленныя рукописи.—Рогопѣвцы. Документы.—(Готовится къ печати.)

Всѣ справки, заказы, рукописи и пр. просимъ высылать по адресу:
Петербургъ, Херсонская ул., д. № 5, кв. 9, ВЛАДИМИРУ ДМИТРІЕВИЧУ БОНЧЪ-БРУЕВИЧУ.

Выписывающіе „Матеріалы“ изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

(Москва, Б. Кисловка, 1, кв. 4. Телефонъ 1-36-27).

Къ юбилею 1613—1913 г.:

СМУТНОЕ ВРЕМЯ. Сборникъ статей. Съ иллюстраціями. Редакція **В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье** и **В. И. Пичета (Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.).** Цѣна **1** руб. **50** коп.

ГЕРОИ И ПОДВИЖНИКИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ. Популярный очеркъ **Е. И. Булгаковой.** Съ рисунками. Редакція **В. Н. Бочкарева** и **В. И. Пичета (Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.).** 128 стр. Цѣна **30** коп.

Булгакова, Е. И. МАРИНА МНИШЕКЪ, или отъ царскаго дворца до мрачнаго подземелья. Историческая повѣсть для юношества. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ художника Курдюмова. Въ перепл. 212 стр. Ц. **1** р. **50** к.

А. К. Кабановъ. СМУТА МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА И НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ. (Третье изданіе.)

Второе изданіе допущено Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученическія библіотеки городскихъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ и признано заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеніій и безплатныхъ народн. читаленъ и библіотекъ, а равно заслуживающимъ рекомендаціи для раздачи учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ко дню юбилея Нижегородскаго ополченія и освобожденія Москвы въ 1612 г. Цѣна 7 коп.

Н. С. РУСАНОВЪ (Н. Е. КУДРИНЪ).

СОЦІАЛИСТЫ ЗАПАДА И РОССІИ.

(Фурье, Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Жуль, Валлэсъ, Вилліамъ, Моррисъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій). Изданіе второе. СПБ. 1909. Стр. VI + 393. Цѣна **1** руб.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Васил. Остр., 5 линія, 28, и имѣется во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ИМѢЙТЕ ДѢЛО СЪ САМИМЪ АВТОРОМЪ,

НО НЕ СЪ АЛЧУЩИМИ НАЖИВЫ ИЗДАТЕЛЯМИ.

ВЕЛИКІЯ ТАЙНЫ ГИПНОЗА!
НАША СИЛА ВНУТРИ НАСЪ!

Хотите ли вы подчинять людей своей волѣ, владѣя великой тайной силой?

Я, психо-френологъ, Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКЪ, даю дѣйствительно полный курсъ гипнотизма, большой томъ, въ богатомъ, съ золотымъ тисненіемъ, переплетѣ. **Вмѣсто 12 руб. только за 2 руб.**

Мой курсъ заключаетъ въ себѣ много цѣннаго и новаго въ области гипнотизма. Мое произведеніе ведетъ къ самосовершенствованію, учитъ вліять и дѣйствовать на окружающихъ посредст. внушенія въ состояніи бодрствованія.

Мой курсъ содержитъ въ себѣ 98 важнѣйшихъ главъ. Онъ учитъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія. Только въ моемъ курсѣ имѣется обширный отдѣлъ чтенія чужихъ мыслей.

Въ немъ широко разработаны отдѣлы: лѣченіе посредствомъ открытаго внушенія пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастеніи, головной боли, безсонницы, недержанія мочи, заиканія и проч.

Самовнушеніе. Быстрое предотвращеніе страха. Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности.

Произведеніе это замѣчательно и рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ изданій этого рода своей общепонятностью и общедоступностью. По отзывамъ лицъ, пользующихся этимъ курсомъ гипнотизма, **онъ раскрываетъ новый невѣдомый міръ, поднимаетъ духъ и настроеніе, даетъ силу, мощь, ведетъ къ счастью и довольству.** Роскошное изданіе, со множествомъ рисунковъ, съ портретомъ автора и знаменитѣйшихъ медіумовъ. Для прохожденія моего курса не требуется никакихъ особенныхъ знаній. Онъ приноситъ неоцѣнимую пользу **мужчинамъ и женщинамъ, старымъ и молодымъ, богатымъ и бѣднымъ, сильнымъ и слабымъ, здоровымъ и больнымъ. Мой курсъ вышелъ новымъ, значительно увеличеннымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ.**

Въ курсѣ заключается слѣдующее содержаніе: 1) Введеніе. 2) Что такое гипнотизмъ. 3) Исторія гипнотизма. 4) Чѣмъ долженъ быть гипнозитеръ. 5) Качества гипнотизируемой личности. 6) Средства и методы гипнотизма. 7) Дѣйствіе гипнотизера на гипнотизируемую личность. 8) Гипнотическій сонъ. 9) Пробужденіе. 10) Что чувствуетъ и испытываетъ усыпленный посредствомъ гипнотизма. 11) Отгадываніе чужихъ мыслей. 12) Какъ развить способность чтенія мыслей. 13) Методъ и способы чтенія мыслей. 14) Что способствуетъ удачнымъ экспериментамъ. 15) Что мѣшаетъ удачнымъ опытамъ. 16) Какъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія въ состояніи бодрствованія. 17) Опыты открытаго внушенія. 18) Лѣченіе посредствомъ открытаго внушенія пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастеніи, головной боли, безсонницы, недержанія мочи, заиканія и проч. 19) Самовнушеніе. 20) Быстрое предотвращеніе страха. 21) Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности. 22) Совѣты намѣревающимся публично демонстрировать опыты гипнотизма. 23) Побѣда мысли. 24) Пріемы и упражненія. 25) Путь къ счастью и довольству и пр. и пр. Прошу не сравнивать съ московскими и иными лубочными изданіями. Я даю за 2 р. вполнѣ законченный курсъ: никакихъ добавочныхъ лекцій и расходовъ не требуется. Брошюра съ отзывами и благодарностями ученыхъ, высокопоставленныхъ и знатныхъ особъ прилагается при всякомъ заказѣ. Здѣсь за неимѣніемъ мѣста для убѣжденія приводятся лишь нѣкоторые.

ЧИТАЙТЕ:

Священникъ от. **Василій Спѣвачевскій**, почт. ст. Улановъ, Под. губ.: „Высокочтимый господинъ Х. М. Шиллеръ-Школьникъ. Книгу Вашу „**Гипнотизмъ**“ получилъ, прочелъ и искренно благодарю. При чтеніи книги мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, открылась завѣса тайнъ человѣческаго существа, которыя до извѣстной границы могутъ быть постигнуты и подвластны человѣку. Я глубоко увѣренъ въ гуманности и добрыхъ намѣреніяхъ Вашей дѣятельности и поэтому остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ священникъ Василій Спѣвачевскій“.

Василій Ѳедоровичъ Кремповскій, Новороссійскъ, контора инженера Щенсновича, пишетъ: „Присланнымъ Вами курсомъ гипнотизма очень интересуюсь, занимаюсь и благодарю Васъ, чувствуя себя гораздо лучше. Мой братъ также пользуется Вашимъ курсомъ и также очень доволенъ. Съ совершен. почт. Кремповскій“.

В. В. Королевъ, Сававо. „За курсъ гипнотизма ничего, кромѣ безграничной благодарности и сердечнаго „спасибо“, сказать не могу и лучшей благодарности не придумаю. Книга поражаетъ ясностью изложенія и цѣнностью ея содержанія. При всемъ этомъ она значительно и роскошно иллюстрирована, въ богатомъ переплетѣ и такая минимальная цѣна, какъ 2 р., какую Вы назначили, свидѣтельствуетъ о Вашемъ благомъ намѣреніи широко распространить эти драгоцѣнныя для всякаго свѣдѣнія и совѣты среди интересующихся, въ чемъ отъ души желаю Вамъ полнаго успѣха. Пребываю съ высокимъ почтеніемъ къ Вамъ В. В. Королевъ“.

Ермолай Алексѣевичъ Фроловъ, гор. Илекъ, Уральской обл., пишетъ: „Глубокоуважаемый г. Шиллеръ-Школьникъ. Вашъ курсъ гипнотизма осчастливилъ меня; я достигъ блестящихъ результатовъ по гипнотизму. Я вылѣчилъ многихъ отъ различныхъ болѣзней и дурныхъ привычекъ. Никакой кладъ и богатство не могутъ сравниться съ пріобрѣтенными мною отъ Васъ познаніями. Я остаюсь искренно благодарный и всегда готовый рекомендовать Вашъ курсъ, который можетъ принести большую пользу всѣмъ. Покорный слуга Фроловъ“.

Если бы Вы захотѣли, для убѣжденія, обратиться къ кому-либо изъ вышепоименованныхъ лицъ, то приложите къ письму конвертъ съ Вашимъ адресомъ и наклеенной маркой. Восторженные отзывы и благодарности отъ частныхъ лицъ получаются ежедневно; у насъ ихъ множество, подлинники предъявляются во всякое время всѣмъ желающимъ—у насъ въ конторѣ. Но, кромѣ частныхъ отзывовъ и благодарностей, вотъ что пишетъ солидный с.-петербурскій оккультный журналъ „ИЗИДА“, издаваемый извѣстнымъ ученымъ знатокомъ оккультизма **И. К. Антошевскимъ**, во второмъ номерѣ журнала за ноябрь 1910 г.: „Гипнотизмъ Х. М. Шиллеръ-Школьника, взящно изданная книга, знакомитъ читателя какъ съ теоріей, такъ и съ практическими пріемами гипнотизма. Среди множества сочиненій и лекцій по гипнотизму эта книга заслуживаетъ особаго вниманія, благодаря весьма популярному изложенію сущности гипнотизма. Несмотря на сравнительно невысокую цѣну, эта книга вполнѣ замѣн. дорого стоящія изданія америк. институтовъ“.

Полный курсъ со всѣми приложеніями высылается за 2 р. Деньги присылать переводомъ. Налож. плат. на 30 к. дороже. Писать свою фамилію и адресъ ясно и разборчиво.

Нашъ адресъ: **Варшава, Психо-Френологу Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКУ, Пенкная, 25. А.**

Содержаніе № 1 „Голосъ Минувшаго".

I. **Статьи:**

Руссо—гражданинъ Женевы, М. М. Ковалевскаго.
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (біограф. очеркъ), В. И. Семевскаго.
Театръ и зрители. 1. Русскіе зрители XIX в., И. Н. Игнатова.
Королева Луиза и Александръ I, А. К. Дживелегова.
Народничество Н. Н. Златовратскаго, П. Н. Сакулина.

II. **Воспоминанія:**

А. В. Поджіо. Записки декабриста, съ предисловіемъ А. И. Яковлева.
Изъ далекихъ воспоминаній, К. К. Арсеньева.

III. **Матеріалы:**

Л. Н. Толстой о Наполеонѣ (письма Л. Н. Толстого къ А. И. Эртелю) П. И. Бирюкова.
М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ (изъ неизданной переписки съ Н. А. Бѣлоголовымъ), В. А. Розенберга.
Новые матеріалы о М. А. Бакунинѣ и А. И. Герценѣ, В. Я. Богучарскаго и М. О. Гершензона.

IV. **Критика и Библіографія:**

Новая работа объ Александрѣ I (по поводу изслѣдованія великаго князя Николая Михайловича), С. П. Мельгунова.

V. **Обзоръ журналовъ:**

Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ нѣмецкомъ журналѣ Теодора Шимана, А. А. Кизеветтера.
Изъ иностранныхъ журналовъ, А. М. Васютинскаго.
Значеніе эпохи Отечественной войны (по поводу статьи г. Корнилова), М. Н. Покровскаго.

VI. **Хроника:**

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ѳ. Д. Батюшкова.
Памяти В. Е. Якушкина, В. И. Семевскаго.
П. И. Бартеневъ, В. В. Каллаша.
П. И. Щукинъ, А. В. Орѣшникова.
Артуръ Гергей, А. К. Дживелегова.
П. А. Крапоткинъ, какъ историкъ французской революціи.
Тадеушъ Корзонъ М. Ѳ. Казаковъ, И. Е Бондаренко.
Акварель E. Lami въ Румянцевскомъ музеѣ Н. И. Романова.
Музей Александра III въ Москвѣ, В. Е. Степановой.
Выставка 1812 года, Е. Ѳ. Корша.
Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія.

VII. **Приложеніе:**

„Письма маркизы", романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в., переводъ Э. К. Пименовой).

VIII. **Рисунки:**

Акварель E. Lami, поморскіе лубки (сатира на театръ) портреты: А. В. Поджіо, В. Е. Якушкина, П. И. Щукина. П. И. Бартенева, Т Корзона, С. Кшеминскаго. М. Ѳ. Казакова.

Содержаніе февральской книги.

I. **Статьи:**

В. И. Пичета. Смутное время въ русской исторіографіи.
А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймѣ (убійство Коцебу).
Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „украинской школы".
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители нач. XIX в.
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. **Воспоминанія:**

Дневникъ Дюмона 1803 г. (съ портретомъ). Съ предисловіемъ С. М. Горяинова
Записки А. В. Поджіо.
П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка".

III. **Матеріалы:**

Дѣло о декабристѣ (кн. В. М. Голицынѣ).
М. О. Гершензонъ. Н. П. Огаревъ.
Изъ дневника А. И. Эртеля.

IV. **Критика и библіографія.**

V. **Обзоръ журналовъ:**

1) С. П. Мельгуновъ. „Настоящая Россія" (по поводу статьи А. А. Кизеветтера о Растопчинѣ.
2) Н. Л. Бродскій. Изъ исторіи русской литературы.
3) А. М. Васютинскій. „Французское общество въ началѣ второй имперіи. Новое о Стендалѣ.
4) В. Н. Перцевъ. „Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры".

VI. **Хроника:**

М. А. Дьяконовъ. Н. Е. Энгельманъ.
Ч. Вѣтринскій. Архивныя комиссіи.
К. С. Кузьминскій. Зауэрвейдъ (по поводу помѣщаемыхъ рисунковъ).
В. Н. Тукалевскій. Выставка въ память И. И. Срезневскаго.
Н. И. Херасковъ. Конгрессъ общества экономической исторіи революціи.

VII. **Романъ:**

Лили Браунъ. Письма маркизы.

Предположенное содержаніе апрѣльской книги „Голоса Минувшаго“.

I. **Статьи:**

В. М. Фриче. «Гольдони».

И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители послѣ Отечественной войны.

Н. О. Лернеръ. Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова.

К. Н. Левинъ. Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена по (по неизданнымъ матеріаламъ).

В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. **Воспоминанія:**

С. М. Горяиновъ. Дневникъ Этьена Дюмона о его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г.

В. М. Максимовъ. Автобіографія. Съ предисловіемъ **И. Е. Рѣпина.**

М. В. Новорусскій. Шлиссельбургскій архивъ.

III. **Матеріалы:**

В. И. Семевскій. Новые матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Казанскій заговоръ (эпизодъ изъ польскаго возстанія 1863 г.)

Н. П. Кашинъ. Стихотворная сатира въ Россіи 70 гг.

IV—VI. **Критика и библіографія. Обзоръ журналовъ. Хроника:**

VII. **Романъ. Лили Браунъ.** «Письма маркизы».

Со второй половины года начинается печатаніе первой части **новой исторической трилогіи** извѣстнаго польскаго романиста **Ст. Реймонта.** Изъ возстанія Костюшки 1794 г.

Въ отдѣльномъ изданіи на русскомъ языкѣ, на основаніи соглашенія редакціи съ г. Реймонтомъ, романъ появится только по окончаніи печатанія его въ «Голосѣ Минувшаго», т.-е. въ **1915 году.**

Подписчики *„Голоса Минувшаго“,* въ силу соглашенія редакціи съ издательствомъ Д. Е. Жуковскаго, могутъ пріобрѣтать 3-е изданіе—(изданіе „Общественной пользы“)—

Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. СОЛОВЬЕВА,

29 томовъ, въ 7 книгахъ: полный текстъ (съ указателемъ), 5300 стр., большого формата, въ 2 столбца; портретъ и факсимиле автора

вмѣсто 18 руб. за 9 руб. безъ перес.

Желающихъ пріобрѣсти это изданіе просятъ высылать 9 руб. въ контору «Голоса Минувшаго» (Тверская, 48); стоимость пересылки (1 р. 60 к. для Европ. Россіи, 2 р. 40 к. для Зап. Сибири и 4 р. для Вост. Сибири) будетъ взиматься налож. платежомъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ; за доставку уплачивается 50 коп.